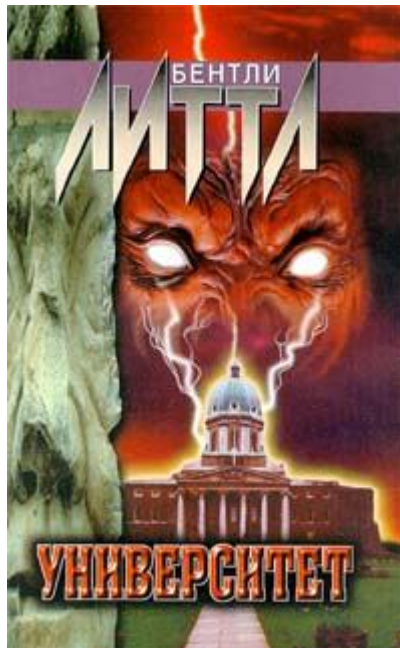

Бентли Литтл Университет

Глава 1

1

Казалось. Калифорния в миллионе миль отсюда. Джим Паркер застопорил почвофрезу и выключил бензиновый двигатель. Спина у него ныла самым ужасным образом – тупая, пульсирующая боль ниже пояса. Он потянулся, затем положил обе руки на поясницу и наклонился сначала влево, потом вправо. Такой перенапряг неминуемо отолется бессонной ночью. Что и говорить, давненько у него не было таких больших физических нагрузок – избаловал свое тело, вот оно и бунтует.

Но вместе с тем было в этой боли что-то здоровое, приятное. Его натруженная спина дарила опущение выполненного дела – как бы законная награда за серьезный и полезный труд.

До сих пор он все откладывал и откладывал расширение огорода – большую часть лета бродил по округе, бездельничал один или вместе с друзьями. Мать, впрочем, не сердилась. Когда в июне Джим вернулся домой на каникулы, она попросила его заняться огородом – истребить заросли толокнянки, чтобы в будущем году на месте кустарника посадить кукурузу и кабачки. Но одновременно дала понять, что в этом году все уже посажено, а стало быть, особой спешки нет.

Однако дни, а потом и недели промелькнули с такой скоростью, словно лето вздумало побить рекорд по краткости. Джим и оглянуться не успел, как до отъезда осталось всего семь дней. Словно для напоминания о том, что лету конец, пришел конверт с материалами касательно регистрации. Его уведомили, какую комнату в студенческом общежитии он будет занимать и к какому времени следует прибыть. Поэтому, проснувшись сегодня утром, он решил: пора приниматься за работу.

Джим ладонью вытер пот со лба. Опершись на высокую ручку почвофрезы, он задумчиво смотрел в сторону Калифорнии. Где-то там Сан-Франциско – далеко-далеко за снежными пиками Сьерра-Невады. Розоватая горная гряда резко контрастировала с голубизной безоблачного неба и зеленью сосен.

Обратно в университет несколько не тянуло.

Довольно странно, если подумать. Но от правды никуда не деться. Еще учась в школе,

Джим из кожи вон лез, чтобы получать самые высокие баллы. Он свято следовал совету Фрэнка Заппы с обложки старого альбома: "Забудь, приятель, о танцульках, чеши-ка ты в читальный зал и, если ты не лох, грызи гранит науки". Этот альбом Джим нашел в сарае, в запыленной стопке пластинок своего отца. И хотя о танцульках Джим все-таки не забывал, он был целеустремленным малым и потому не стеснялся просиживать штаны в библиотеке. Он читал больше, чем требовала школьная программа, и добровольно осваивал темы, не предусмотренные учебным курсом – во время выпускных экзаменов лишние знания отнюдь не помешают.

Так и вышло. Ему удалось блеснуть, и в итоге Джим удостоился стипендии Калифорнийского университета в городе Бреа. Сказочная удача.

Хотя его давняя мечта сбылась, вышло так, что университетская жизнь ему не показалась. Как бы не оправдала его больших ожиданий. Нет, ничего дурного не произошло. Он по-прежнему учился хорошо. Что там хорошо! Отлично! С другими студентами ладил, с преподавателями вроде бы тоже. К тому же на протяжении последних четырех семестров он успешно поднимался по служебной лестнице в университетской газете и мало-помалу дорос до должности главного редактора. У него появилось много новых друзей. Но что-то было не то.

А что не то – понять трудно. Скорее всего он просто не любил Калифорнийский университет города Бреа – в обиходе К.У.Бреа. Не любил – и все тут.

Да, точнее не сформулируешь. Не нравится ему этот университет.

Конкретных претензий никаких. Просто на территории университета Джиму было постоянно не по себе, а когда он думал об университете вдали от него – охватывало необъяснимое чувство брезгливого страха. Не то чтобы он не любил преподавателей, или ему было противно что-то в студенческом городке, или в учебной программе... Нет, частности не вызывали нареканий. Отталкивало все, вместе взятое.

Джим корил себя за такой иррациональный подход. Проклятие, думал он, как может не нравиться целое, если нет видимых претензий к его частностям!.. Однако неприязненное чувство к университету не поддавалось объяснению.

В предстоящем семестре Джим возглавит редакцию университетской газеты "Дейли сентинел" – достойное увенчание трехлетних усилий, огромное достижение в его академической карьере. Мало того, что этот пост – эффектная строка в автобиографии претендента на престижную должность; редакторство почти автоматически гарантирует ему работу после окончания университета. Быть может. Калифорнийский университет в городке Бреа не так знаменит, как Колумбийский, но среди высших учебных заведений, готовящих журналистов, он котируется исключительно высоко. Достаточно сказать, что предшественник Джима на посту главного редактора университетской газеты сразу же получил место не где-нибудь, а в "Лос-Анджелес тайме". И очень быстро выбился в ранг ведущего репортера.

Однако в глубине души Джиму хотелось плюнуть на университет в Бреа, остаться здесь, рядом с матерью, в родном Уильямсе и скромно вкалывать в местной газетенке, а прошлое забыть как страшный сон.

"Видать, со мной что-то неладно, – подумал Джим, – раз этакий вздор лезет в голову..."

Высоко в небе реактивный самолет тянул за собой широкий белый след, который уже рассеивался у горизонта.

Джим выпрямился, сделал пару наклонов в стороны и нагнулся, чтобы включить двигатель почвофрезы.

"Довольно самоанализа. Подумаю об этом позже – возможно, даже обсужу с матерью. А пока что надо работать и поменьше отвлекаться".

Мотор ожил, зарычал.

Отпустив тормоз, Джим двинулся дальше по каменистой почве, прочь от сарая.

О своих сомнениях он заговорил во время ужина. В награду за тяжкий труд мать приготовила ему бифштекс и яблочный пирог. За ужином, сидя на диване в гостиной, они смотрели телевизор. Во время одной из рекламных пауз Джим сделал добрый глоток молока, прочистил горло и сказал:

– Я вот о чем подумываю: не остаться ли мне здесь?

Мать изумленно нахмурилась:

– Что это ты говоришь?

– Мама, почему-то в этом семестре мне не очень хочется возвращаться в университет. Вот я и прикидываю: а не взять ли академический отпуск? Поработаю какое-то время здесь, осмотрюсь – и решу на досуге, как мне жить дальше.

– Надеюсь, ты просто шутишь? Джим отрицательно мотнул головой. Мать медленно сняла поднос со своих колен и поставила его на кофейный столик. Затем повернулась к сыну и взглянула ему прямо в глаза.

– Вот так бы и отхлестала тебя по щекам!.. Чуть ли не с первого класса школы ты мне талдычил про то, что хочешь учиться в университете! Ладно, мы с отцом делали все возможное, чтобы ты учился, не отвлекали тебя домашней работой, пылинки с тебя сдували. Зато и ты был прилежным мальчиком – душа радовалась. И вот ты своего добился. Теперь остался один-единственный годик до окончания. Ты ходишь в отличниках, стал главным редактором газеты. И вдруг здрасте-пожалуйста – его капризное величество намерено все бросить? Мы с отцом не дезертира воспитывали! Ты же прекрасно знаешь – отец спал и видел, что ты будешь учиться в университете! Судьба подарила тебе шанс, которого были лишены все мы – и твой отец, и я, и все наши родные. А ты что? Этот шанс – да в мусорную корзину?

– Я обязательно вернусь. Но мне нужно какое-то время на размышление...

– Если ты сделаешь перерыв, обратно тебя уже никаким калачом не затащить. Ты вспомни отца – по-твоему, он мечтал всю жизнь корячиться простым механиком? Он бы с радостью занялся чем-нибудь поблагороднее и неприбыльнее. Да вот только возможности не было. А у тебя такая возможность есть! Хорошее образование дает право выбирать, быть хозяином своей судьбы, а не довольствоваться тем, что тебе подsunут обстоятельства. После университета ты сможешь сделать карьеру. Ты не станешь хвататься за первую попавшуюся работу.

– Понимаю, мама, я просто...

– Ты просто что?

Он смущенно отвел взгляд – не зная, что ответить, не смея смотреть ей в глаза. Было ясно, что она разозлилась. И разозлилась по-настоящему. Последний раз в таком бешенстве Джим видел мать много лет назад – когда он старшеклассником неудачно сдал назад в ее "бьюике", врезался в чей-то припаркованный пикап и помял задний бампер. Но и тогда она была в меньшей ярости, чем сейчас. Вот, оказывается, до какой степени серьезно она относится к его высшему образованию! И помыслить не может о том, что сын не окончит университет!

До сих пор Джим как-то не задумывался над чувствами матери относительно его университетских успехов, да и она мало распространялась на эту тему. Но теперь он в полной мере осознал, насколько мать гордится его успехами. И от этого на душе у него невольно потеплело, невзирая на обстоятельства.

Было стыдно за себя, за свое малодушие.

Но как объяснить матери свои темные чувства... этот необъяснимый страх, безымянный тягучий ужас, который шевелится где-то в самой глубине души... Он и себе-то ничего толком объяснить не может.

Внезапно подумалось о Хоуви. Аризонский друг обещал приехать этим летом на недельку, а потом в самую последнюю минуту вдруг отменил поездку. Еще звонил два-три раза и прислал пару ничего не говорящих открыток. Однако с самого мая Джим так и не увиделся с другом.

Это его очень раздражало.

Собственно, именно с неприяезда Хоуви все и началось.

Но мать тысячу раз права. Спору нет, бросить университет – значит проявить редкую глупость и черную неблагодарность. И к тому же плюнуть на могилу отца.

И если взглянуть правде в глаза, то, невзирая на всю банальность и всю пошлую избитость этого выражения, образование для Джима – воистину "билет в лучшую жизнь". Сколько бы он ни болтал и чего бы ни думал, он скорее покончит жизнь самоубийством, чем бросит университет!

– Ну, что скажешь? – грозно спросила мать. Он склонился над тарелкой и выдавил из себя улыбку.

– Замечательно вкусный ужин.

– Джим!

– Ладно, я пошутил. Глупая шутка. Извини, пожалуйста.

– Сначала ты говорил, будто это всерьез.

– Не бери в голову. Я валял дурака. Несколько мгновений мать пристально смотрела на него. Было ясно, что она не купилась на последние успокоительные слова. Однако в итоге, к счастью, решила про себя: "Ладно, хватит об этом!"

Мать вернула поднос к себе на колени и взялась за вилку.

– Переключи-ка канал. Сейчас время передачи "Развлекайтесь с нами".

В ее голосе еще чувствовались раздражение и злость, но Джим понял, что тема закрыта,

2

Фейт Пуллен направила свой "фольксваген" резко влево, чтобы объехать бездомную, которая шла по обочине, толкая перед собой тележку со скудным скарбом. Левое переднее колесо "жучка" попало в глубокую выбоину на асфальте, автомобиль повело в сторону и вынесло на следующую полосу. Рулевое колесо словно взбесилось под руками Фейт – понадобилась вся ее сила, чтобы выровнять машину.

Сзади раздался долгий истерический вопль клаксона – справа ее нагонял красный спортивный автомобиль с затемненными окнами. Фейт сбавила скорость, чтобы тот проехал мимо. Только бы водитель не задержался рядом – опустить стекло и сказать несколько "ласковых" слов! Но ничего, пронесло. Когда красный спортивный автомобиль обогнал ее и свернул прочь с Семнадцатой улицы, Фейт облегченно вздохнула.

Она посигналила и осторожно вернулась в правый ряд.

День клонился к вечеру. Прямо перед Фейт, над домами, висело большое оранжевое солнце, словно бы притушенное густым смогом, который лежал над доброй половиной Южной Калифорнии. Девушка посмотрела на солнце и тут же отвела глаза: где-то она читала или слышала, что таращиться вот так прямо на солнце вредно. Особенно во время затмений – хотя это и не кажется опасным. Сейчас можно было глядеть хоть целый час на светило, спрятанное за ширмой желтовато-серого тумана. Однако Фейт косилась только изредка – оранжевый шар поневоле притягивал взгляд, но мысль об опасности заставляла снова поспешно отводить глаза.

Красный свет перед Главной улицей горел целую вечность. Наконец дали зеленый, и девушка проехала сперва мимо мясной лавки Бада, а потом мимо того места, где в прошлом году в закусочной застрелили Хулио.

Затем Фейт повернула налево, в узкую улочку, где было темнее. Она взглянула на часы. Шесть тридцать. Всего шесть тридцать, а солнце уже так низко.

Хорошо.

Проклятое лето никак не кончится. Скорее бы уехать из этой вонючей чертовой дыры!

Она ничего не имела против родной Санта-Анны – город как город, бывают и хуже. Но родительский дом стал для нее "вонючей чертовой дырой".

Перед своим кварталом девушка сбросила скорость и задумалась. Разумеется, она рада, что каникулы скоро заканчиваются. Однако когда была старшеклассницей, она ждала начала нового учебного года с большим нетерпением. Очевидно, университет внушает куда больше робости.

Учиться в средней школе было плевым делом – только уж совсем ленивый ее не окончит. Два года в колледже с неполным курсом – мостик между общедоступным и элитным образованием. И этот мостик Фейт преодолела так же играючи.

Но теперь она вступала в святая святых образования – впереди целых четыре года университета! Большое испытание, которое пугало ее. Хотя бояться вроде бы нет никакого резона. Взрослые грозились, что двухгодичный колледж будет потруднее школы. И что же? Она справилась с удивительной легкостью. Теперь мамаша пугает сложностью учебы в университете. Будем надеяться, что и на этот раз черт окажется не так страшен, как его малюют.

Училась-то она легко, да вот только максимального количества баллов в итоге не набрала и на стипендию не потянула. Стало быть, диплом придется получать за собственные денежки.

Это ее больно уязвило. И отчасти именно поэтому родилось какое-то смутное раздражение против университета.

А впрочем, если Брук Шилдс, смазливая глупая актрисулька, ухитрилась получить диплом Принстонского университета, то Фейт уж как-нибудь справится с университетом в Бреа, который отнюдь не входит в первую пятерку самых престижных высших учебных заведений!..

Наконец она свернула на подъездную дорогу к дому. Машины матери, слава Богу, на месте нет. Фейт вышла из "фольксвагена" и разыскала в связке ключей тот, которым открывалась парадная дверь. Зайдя в дом, тут же крикнула:

– Кейт, ты здесь?

Молчание.

Значит, брата тоже нет дома.

Она занялась почтой – и тихо охнула.

Письмо из университетского отдела финансовой помощи студентам.

Фейт облизала вдруг пересохшие губы. В конверте могли быть только дурные новости. По ее убеждению, хорошие новости не приходят вот так – неожиданно. Анонимно. Ведь "отдел финансовой помощи" – это некая зловещая безличность.

Она долго ощупывала конверт не решаясь вскрыть. Ее прошиб пот, сердце бешено заколотилось. Фейт не ожидала от себя такой истеричной реакции. Похоже, она до сих пор до конца не признавалась себе, как важно получить заем на учебу или грант. Только так удастся вырваться из родительского дома. Без займа или гранта ей придется работать на протяжении всех университетских лет – лишь для того, чтобы покрыть расходы на учебу и книги. А уж мечта о самостоятельной жизни – прости-прощай, даже самой дешевой комнатки ей в одиночку не потянуть!

Дрожащими руками девушка наконец разорвала конверт.

Письмо было лаконичным и безжалостным: "Вынуждены с огорчением сообщить вам, что не можем удовлетворить вашу просьбу о предоставлении гранта. Согласно нашим сведениям, доходы вашей семьи выше тех, что позволяют претендовать на данное пособие..."

Фейт смяла письмо и швырнула его на пол. Интересно, черт возьми, как низко надо пасть в наше время, чтобы вымолить себе грант? Очевидно, нужно быть по меньшей мере бездомным. Переспать с кем-либо из поганого отдела финансовой помощи? Или приставить пистолет к виску какого-нибудь тупого чиновника? Она ведь не милостыню просит, прах их побери! Она хочет взять деньги в долг. А долг возвращают, да еще с процентами! Но дебилы чинуши и этого не желают позволить! – Черт. Черт, черт!

Значит, она застряла здесь. В этом доме. Со своей мамашей.

Оставив смятое письмо с отказом на полу, Фейт отнесла остальную корреспонденцию в гостиную, где с брезгливой гримаской бросила все конверты на кофейный столик. Несмотря на открытые окна, чувствовалась легкая вонь от немытой посуды, оставленной в разных концах комнаты. В пепельнице была гора окурков. Диванное покрывало с единорогом валялось на полу.

Похоже, мамаша сняла очередного мужика. И трахалась здесь – на этом самом диване. Фейт передернула плечами от отвращения и через тесную столовую прошла на кухню. В поисках съестного девушка открыла холодильник и даже заглянула в морозилку. Ничего, кроме вчерашних макарон и сырного пирога. Пора бы кому-нибудь в этом чертовом доме сходить за продуктами! Но только это будет не Фейт! Фигушки! Хватит с нее. Достаточно на ней поездили! Больше она в эти игры не играет!

Фейт вынула сырный пирог из упаковки и сунула его в микроволновую печь. И где же теперь мамаша? Не то чтобы интересно было знать, а так... Впрочем, догадаться нетрудно. Девушка налила себе стакан минералки и уперлась взглядом в полочку, на которой лежали книги, только что купленные братом в букинистическом магазинчике. Специально положил здесь, на кухне, чтобы она увидела. Джон Барт, Томас Пинчон, Уильям Бэрроуз – сплошь заумные интеллектуалы.

Фейт покачала головой. До некоторой степени ей было жалко братишку. Кейт так старался поразить окружающих, с таким остервенением пытался доказать всему миру – и прежде всего сестре, – какой глубокий он мыслитель, какая тонкая у него натура!.. Смех и грех.

Если бы он столько же времени тратил на серьезную учебу, сколько сейчас он тратит на дешевую рисовку, из парнишки вышел бы толк. Но Кейт избрал для себя позу недовольного жизнью и правительством интеллектуала и охотно примкнул к ораве непризнанных гениев; теперь они вместе лихо жонглируют поверхностными знаниями и проводят время в высокоумном брюзжании. Только багаж его систематических знаний комически мал.

Год назад он окончил школу и сразу же примерил на себя роль утомленного знаниями молодого человека, совершенно не приспособленного к грубым реалиям жизни – этой пошлой крысиной гонки. Роль понравилась. И Кейт прилежно играет ее и по сей день. А ведь не дурак и мог бы горы в жизни свернуть! Фейт не раз говорила ему: оторви ты наконец свой зад от дивана и попробуй поступить хотя бы в городской двухгодичный колледж, если кишка тонка попасть сразу в университет! Но он отвечает какой-то ерундой о девальвации традиционной системы обучения, цитирует допотопную пинк-флойдовскую песенку, что, дескать, нам не нужно ваше долбаное образование. И с надменным видом сноба объявляет себя свободным от низменных забот о хлебе насущном.

В конце концов парень пополнит собой полчище грустных псевдоинтеллектуалов, самого жалкого отребья богемы. Таких в южной Калифорнии хоть пруд пруди. К ним относится половина наимельчайших клерков в самых разных организациях, которые и в тридцать пять лет получают жалованье, достойное только восемнадцатилетнего новичка, но при этом корчат из себя Бог весть что и смотрят на клиентов свысока – дескать, все кругом неотесанные дураки, занятые деланием денег, и лишь мы приобщены к интеллектуальным таинствам.

Зажужжал зуммер микроволновки. Фейт вынула пирог и быстро съела его – даже не присаживаясь, просто оперевшись на край раковины. Бросив упаковку в мусорное ведро, девушка направилась в свою спальню – посмотреть телевизионные новости. В гостиной можно столкнуться с матерью, когда та наконец вернется домой.

Кейт пришел около десяти – сразу же юркнул к себе в комнату и заперся. Мать объявилась ближе к полуночи. Фейт читала в постели и слышала, как она в гостиной старается не шуметь – и безуспешно.

Девушка тут же выключила свет, положила книгу на столик у изголовья кровати и притворилась спящей.

Где-то на улице редела сирена – то ли полиция, то ли пожарные, то ли "скорая помощь"... Ближе, ближе, громче, громче, а потом дальше, дальше, тише, тише – пока звук не смешался с десятками других ночных городских шумов. Похоже, откуда-то доносились звуки перестрелки; поди разбери, что это – на самом деле выстрелы или кто-то из соседей слишком громко врубил телевизор.

В кухне чавкнула дверь холодильника – мать полезла за кока-колой.

Потом серия знакомых звуков: шаги в сторону ванной комнаты, приглушенный хлопок двери, шипение открываемой большой пластиковой бутылки, затем мерзкое хлюпанье...

Господи, скорее бы началась учеба! Тогда можно будет подольше задерживаться в университетской библиотеке и являться домой, когда мамаша уже дрыхнет.

Фейт зажмурилась посильнее и старалась дышать медленно и ровно.

Вот так, под хлюпающие звуки вагинального душа, она и заснула – у матери была привычка вымывать мужскую сперму при помощи кока-колы.

3

– Предъявите удостоверение личности.

Вики Солтис с нарочитой тщательностью покопалась в сумочке. Еще полчаса назад, только став в очередь, она обнаружила, что забыла дома все документы, кроме просроченной студенческой карточки прошлого семестра. Но сейчас она уповала на снисходительность и глупость служащих. В конце концов тут нет ее вины. Когда она обнаружила отсутствие тех двух удостоверений, без которых нельзя оплатить регистрацию в начале нового семестра и постоянное место для парковки, было уже поздно бросать очередь и мчаться обратно в студенческое общежитие. Поэтому она решила не дергаться и надеяться на счастливый случай. Служащие, ответственные за регистрацию студентов, слишком устанут к концу дня, чтобы

цепляться за глупые формальности. Им ведь тоже хочется побыстрее домой. Авось и пронесет.

Закончив с обыском сумочки, Вики приготовилась жалобно клянчить.

Мексиканка за столиком улыбнулась и спросила с сильным акцентом:

– Вы не имеете никакого документа? Вики беспомощно развела руками.

– Ничего, кроме старой студенческой карточки. Женщина покосилась на настенные часы. Без пяти девять. А за Вики по меньшей мере еще пятнадцать студентов.

– Ладно, что с вами поделаешь, – сказала регистраторша. – По правилам мне надо бы отослать вас домой за документами, чтобы вы потом снова отстояли в очереди. Но сегодня последний день регистрации – и время позднее. Поэтому я делаю поблажку.

– Спасибо! – выпалила Вики с улыбкой искреннего облегчения. – Огромное спасибо. Вы, можно сказать, спасли мне жизнь.

Женщина рассмеялась.

– Мы же тут не звери. Тем не менее в ближайшие два дня обязательно зайдите в регистрационное бюро с документами. Если вы не покажете нам водительские права или другое законное удостоверение личности, мы не примем ваш чек к оплате и вы попросту останетесь за бортом университета.

– Непременно найду.

– Ваш чек я откладываю в сторону. Я постоянно либо здесь, у этого окошка, либо где-то рядом. Поищите. Меня зовут Мария.

– Спасибо. Огромное спасибо.

– Не за что, – с улыбкой сказала Мария, протягивая Вики регистрационные бумаги и студенческий билет. Затем она обратилась к очереди:

– Следующий!

Вики вышла из административного корпуса уже затемно. Луны на небе не было. А фонари в этой части университетской территории почему-то не горели. Что за глупость! Будто начальство не знает, что регистрация еще не закончилась и, несмотря на поздний час, здесь полно народа!

Впереди тянулась длинная-предлинная совершенно темная аллея, в конце которой была автостоянка – капоты посверкивали в тусклом свете от пары малосильных фонарей.

Рядом, как назло, ни души. От страха мурашки побежали по спине. О таком безобразии, подумала Вики, не грех написать жалобу самому декану. В текущем семестре университетское начальство, эти жадные мерзавцы, повысили плату за обучение на сто пятьдесят долларов и накинули пятнадцать баксов за место на автостоянке. Могли бы по крайней мере не экономить на освещении!

Порыв ветра прогнал мимо кусок упаковки от печенья. Ветер был теплый, но дрожь Вики лишь усилилась. Девушка оглянулась на освещенный вход в административный корпус. Не подождать ли других студентов? Вдвоем или втроем все же не так страшно!.. Однако она рассудила, что спутники пойдут скорее всего к автостоянке, а ей необходимо свернуть к общежитию. Таким образом, в любом случае большую часть пути она будет вынуждена пройти в одиночестве.

К тому же еще неизвестно, кого больше стоит бояться – того, кто прячется за кустом, или того, кто вызовется ее провожать!

Время такое, что никому нельзя верить. Даже своему брату студенту.

И если бегом – так тут, в сущности, рукой подать.

Вики сложила регистрационные бумаги, сунула их в папку и пустилась трусцой по цементной дорожке.

Она пробежала самое темное место и с облегчением свернула в сторону слабо подсвеченного пустого справочного киоска. За ним уже начинались уличные огни.

Все произошло так быстро, что девушка не успела толком среагировать. Или хотя бы вскрикнуть. Из густой тени за справочным киоском стремительно выскочил мужчина и с силой толкнул ее в спину. Не успев выставить вперед руки. Вики упала лицом на асфальт. Папка отлетела далеко в сторону. Из сломанного носа полилась кровь. То, что при падении она сорвала кожу с колен и ладоней. Вики даже не почувствовала.

Чужая рука грубо зажала ей рот и запрокинула голову. Она задыхалась, захлебываясь

кровью, хлеставшей из носа. Попытавшись сопротивляться, девушка с ужасом ощутила, что тело не слушается ее. Она была слишком ошеломлена, слишком напугана, чтобы действовать толково.

Другая рука задрала ей юбку. Безжалостные пальцы сорвали с нее трусики, заодно вырвав клочок волос на лобке. Стало ясно, что ее хотят изнасиловать.

Вики не могла ни вскрикнуть, ни по-настоящему вдохнуть – вдыхала только кровь из носа, которую не могла выплюнуть. Через несколько мгновений все поплыло перед ее глазами, а затем на короткое время она погрузилась в полную темноту. Когда Вики пришла в себя, руки на ее губах больше не было.

Девушку вырвало кровью. Потом еще раз. Теперь, лихорадочно дыша, она пыталась выплевывать кровь, текущую из носа в горло.

Ее ноги были широко раздвинуты.

Пожалуйста, Господи, подумала Вики, пожалуйста, пусть все побыстрее закончится. Пусть хотя бы побыстрее...

Но, похоже, Господь ее не услышал.

Глава 2

1

Войдя в аудиторию, профессор Ян Эмерсон быстрым взглядом окинул группку студентов. Хотя его лицо и не выдавало разочарования, он был жестоко уязвлен: когда он читал свой курс в последний раз – три семестра назад, – количество записавшихся на него было рекордно мало. Теперь же студентов было еще меньше, намного меньше. Неприлично мало.

Ян открыл портфель, вынул стопку заметок и положил ее на стол. Давным-давно на его курс студентов собиралось видимо-невидимо – эта аудитория бывала битком набита, а в коридоре разочарованно гудела толпа тех, кто не попал внутрь. Но времена изменились. Теперь популярнее всего лекции по бизнесу; "забавные" курсы вроде эмерсоновского не в чести.

У Кифера должно было хватить ума вообще отменить курс, как только он увидел куций список желающих прослушать его лекции.

Ян еще раз оглядел аудиторию. Студенты сидели вразброс. Впереди и в центре расположилось пять-шесть его фанатов – лица знакомы по курсу современной американской литературы, который он читал в прошлом семестре. Эти парни и девушки записались то ли из личной симпатии к профессору, то ли из любви к его преподавательской манере. Рядом с ними группка истовых отличников – одеты опрятно, сидят словно аршин проглотили и едят его глазами. Дать волю этим ребятам, так они бы посещали абсолютно все курсы и двадцать четыре часа в сутки прилежно записывали лекции.

На флангах Ян заметил несколько матерых, "профессиональных" студентов, сразу видно – тертые калачи. Парни постарше щеголяли бородками и давно вышедшими из моды длинными грязными волосами. Девушки были сплошь с деловыми хитрыми мордашками и в строгих костюмах.

В задних рядах ютились студенты-чудаки, про которых говорят "не от мира сего". Этот неприкаянный народец внешней классификации поддавался с трудом. Разве что у всех одинаковое выражение лица – словно они только что опрометью выскочили из кинотеатра, где смотрели фильм ужасов. Группка чудаков состояла из четырех студентов: две девушки со смертельно бледными лицами и в черных платьях – у обеих волосы словно дыбом стоят; тощий нервозный парень в очках, одетый по моде пятилетней давности, и жирный флегматик в майке с надписью "Университет Мискатоник".

Но совсем рядом с выходом сидел студент, которого наметанный взгляд Яна не мог с ходу отнести к какой-либо из известных категорий. На нем профессор поневоле задержал взгляд подольше. Мужчина за пятьдесят, в шерстяной кофте и простой клетчатой сорочке. Для обычного студента староват, но слишком молод для пенсионера, который на склоне лет вздумал

получить диплом. У загадочного студента была окладистая черная с проседью борода и пытливые голубые глаза, которые он не сводил с профессора, чем того несколько смущал. На крохотном, почти детском столике перед мужчиной лежал блокнот и стопа книг в бумажных обложках. Видом он больше напоминал, скорее, ученого, коллегу-профессора. Воистину загадка, что подобный человек может делать на лекции Яна Эмерсона!

Часы на задней стене аудитории показывали три минуты десятого, и Ян решил, что хватит приглядываться, пора начинать.

Он откашлялся и сказал:

– Друзья мои, добро пожаловать на курс номер 360 – английская литература о сверхъестественном. Я доктор Эмерсон. Если в вашем расписании написано другое, срочно удирайте – вы ошиблись аудиторией.

Студенты в передних рядах захихикали. Остальные настороженно слушали.

– Вообще-то я не мастак устраивать переключки, но разок попробую. Когда услышите свою фамилию – пожалуйста, встаньте и немного расскажите о себе.

Некоторые из студентов возмущенно переглянулись, другие стали перешептываться. Ропот недовольства прокатился по аудитории. А тощий нервозный парень в очках явно запаниковал.

Ян улыбнулся.

– Да шучу, шучу, – сказал он. – Ведь вы терпеть не можете преподавателей, которые устраивают такие проверки, правда? Мы просто устроим переключку, без кратких биографий.

Напряжение спало, студенты расслабились. Больше не было настороженных лиц. Ян дал понять, что он свой, а не обычный преподаватель-зануда. И между ними нет глухой стены.

Вся аудитория вдруг объединилась в общем чувстве симпатии к лектору. Похоже, теперь они будут с интересом слушать – о чем бы он ни заговорил. Из любопытства Ян покосился на солидного мужчину у самой двери, которого он про себя уже окрестил Профессором. Однако бородач не улыбался и выглядел таким же непроницаемым, как и раньше. Здесь лед сломать не удалось.

Ян взглянул на записи. Теперь заготовленная лекция внезапно показалась неуклюжей, перегруженной деталями и неуместной перед этими слушателями. Он еще не общался ни с одним из своих новых студентов, но пятнадцатилетний опыт профессорства позволял оценить аудиторию, определить, чем она дышит, что ее интересует и каков будет его успех. А главное – в каком направлении следует вести разговор. У каждого набора слушателей есть свое неповторимое лицо, создаваемое неповторимым сочетанием индивидуальностей. Это еще можно назвать душой аудитории. Каким-то образом опытный лектор ее сразу улавливает. Ян Эмерсон обычно доверял своему инстинкту, а сейчас инстинкт подсказывал ему махнуть рукой на предварительные записи и вести разговор на ощупь, наобум.

Он сошел с возвышения и по-свойски уселся на стол, лицом к аудитории. Чуть покачивая ногами и глядя в первый ряд, он произнес:

– Так, так... Начнем с простейшего вопроса: что такое литература ужасов?

Парень из группы аккуратненьких отличников поднял руку.

– Забудьте о школьных привычках, – улыбнулся Ян. – У меня не надо поднимать руку. Хотите что-либо сказать – просто говорите.

– Литература ужасов описывает страшное и всякого рода страхи, – бойко выпалил "отличник".

– Как тебя зовут?

– Джон.

– Хороший ответ, Джон. Прямо как в книжке – и кафедра английского языка и литературы его бы одобрила. Тем не менее я могу сказать серьезно: ответ в яблочко. "Ужастики" действительно описывают страшное и зачастую вызывают в читателе испуг. В этом заключена часть их привлекательности – но лишь часть. Тут все не так просто. Кто-нибудь еще попробует ответить? Итак, что же такое литература ужасов?

– Рассказы о жутком, – сказал парень в майке университета Мискатоник.

– Рассказы о жутком? Ну, это вариант уже рассмотренного определения. А впрочем, тоже хороший ответ. Еще мнения есть?

Ответом было молчание.

– Стало быть, никто из вас не в силах дать определение литературы ужасов? – спросил Ян и обвел аудиторию медленным взглядом. Кое-кто из студентов поспешил отвести глаза – как будто они были нерадивыми школьниками, которых учитель может вызвать к доске. Другие, встречаясь взглядом с профессором, отрицательно мотали головами. – Что ж, не так плохо. Если бы вы знали ответ, мне бы оставалось только откланяться. – Он взял со стола портфель и вынул из него книгу – В этом семестре мы с вами подробно рассмотрим историю литературы ужасов – от Эдгара По до Стивена Кинга. В наше время для обозначения этого литературного жанра существует кокетливый эвфемизм – "черные фантазии". Мы с вами займемся изучением всех типов "черной фантазии" и попытаемся выяснить, почему это страшные истории и что именно делает их страшными.

Девушка из первого ряда спросила:

– А работы магических реалистов мы будем рассматривать?

Ян посмотрел на нее. Одета со вкусом – модная юбка, красивая блузка, большие очки в тонкой оправе. Он усмехнулся и осведомился:

– Вы, надо думать, специализируетесь по английской литературе?

– Да.

– Что ж, все зависит от того, сколько свободного времени у нас окажется. Не знаю, будем ли мы читать рассказы так называемых магических реалистов, но вполне возможно, что мы обсудим благотворное влияние их работ на процесс легитимизации всей литературы о сверхъестественном. А пока что я намерен прочитать вам рассказ Г.Х-Мунро, известного широкой публике под псевдонимом Саки. Произведение коротенькое – несколько страничек. Послушайте и скажите мне, относится ли этот рассказ к жанру литературы ужасов и если относится, то почему.

Он начал читать – и читал самозабвенно, невольно поддавшись очарованию прозы. Он читал этот рассказ в сотый раз – и в сотый раз восхищался им. Даже здесь, в хорошо освещенной аудитории, среди белого дня, в присутствии студентов, Ян ощутил сладостную дрожь страха и гусиную кожу на руках.

После чтения завязалось живое, умное обсуждение. Джанни Хольман, та девушка, что спросила о магическом реализме, попыталась отнести произведение к жанру христианского символизма. Но в рассказе и не пахло мудреной символикой. А Курт Лодруг, толстяк в майке университета Мискатоник, предположил влияние Говарда Лавкрафта, мастера "черной прозы", хотя этого быть никак не могло, потому что Лавкрафт только начинал свой литературный путь, когда Саки его уже закончил. За вычетом этих двух недоразумений, дискуссия прошла хорошо. В ней приняли участие почти все. Ян не запомнил имен большинства студентов, однако отмечал в уме всякое высказывание. Дискуссия выявила уровень начитанности и круг интересов.

Профессор взглянул на часы. Оставалось еще пять минут, и Ян решил потратить их на инструктаж перед следующей лекцией.

– Хорошо, друзья. Я бы хотел, чтобы все вы отправились в книжный магазин и приобрели вот эту книгу. – Он показал объемистый том – "Классические истории о сверхъестественном". Именно на этой антологии будет базироваться его курс. – К среде прочитайте рассказы Эдгара По "Черный кот" и "Бочка амонтильядо". На их примере мы обсудим тему страха перед погребением заживо. И если вы будете хорошими мальчиками и девочками, я сообщу вам несколько сплетен о сексуальной жизни Эдгара По.

Под смех и говор аудитории он собрал свои записи и сложил книги в портфель, давая понять, что занятие подошло к концу. Большая часть студентов потянулась к выходу. Но одна девушка, из группы "матерых" студентов, направилась к преподавательскому столу. На вид ей было около тридцати. Терпеливо выждав, когда профессор закроет портфель, она сказала:

– Простите. Меня зовут Мэри-Лу Джонсон. В среду я не смогу прийти – надо отвезти мужа в аэропорт. Вы не подскажете, что мне прочитать к пятнице?

Ян усмехнулся:

– Не рано ли вы везете мужа в аэропорт? Если вы начинаете с таких старых проверенных отговорок, к октябрю ваш репертуар будет полностью исчерпан.

Молодая женщина и не подумала улыбнуться.

– Мне действительно необходимо отвезти мужа в аэропорт, – сказала она с серьезным выражением лица.

– Верю, верю. Но, честно говоря, я понятия не имею, над чем именно мы будем трудиться в пятницу. Как раз сегодня вечером собирался решить. Однако я не хочу никого тиранить. Просто прочитайте те два рассказа, о которых я говорил, а остальное позже догоните.

– Спасибо, – кивнула Мэри-Лу и направилась к двери.

Тут Ян заметил, что все уже разошлись, лишь Профессор сидит на своем месте и не думает вставать.

Эмерсону стало отчего-то не по себе. Он неопределенно улыбнулся в сторону бородача и сделал шаг к двери, обозначив свое намерение уйти.

– Профессор Эмерсон! – фамильярным тоном окликнул его бородач. У него оказался сипловатый низкий голос и акцент человека с Восточного побережья.

– Да, что вы хотите?

Бородач встал, двинулся навстречу и остановился в двух шагах от профессора.

По мере того как Ян вглядывался в мрачное лицо человека напротив, у него вдруг загулял мороз по спине.

– Мне надо поговорить с вами, – сказал угрюмый бородач.

– О чем именно?

– О том зле, которое обитает в нашем университете.

Ян быстро покосился на открытую дверь. В коридоре народу становилось все больше – студенты выходили и из других аудиторий. Однако бородач стоял как раз между ним и дверью. Впрочем, всегда можно крикнуть и позвать на помощь, если этот тип окажется сумасшедшим. Сейчас подобное предположение казалось весьма обоснованным.

– Как вас зовут? – спросил Ян, стараясь не терять голову и не выдать волнение в голосе.

– Гиффорд, – произнес мужчина. – Но это не важно. Времени совсем не остается, и надо действовать предельно быстро.

– И в чем должны заключаться эти быстрые действия?

Пристально глядя на профессора неморгающими голубыми глазами, Гиффорд ответил:

– Мы должны покончить с университетом, пока университет не покончил с нами.

– Это что – такая манера хохмить? – спросил Ян. Но еще до своего вопроса и до ответа Гиффорда он отлично знал, что это не шутка. Люди, подобные Гиффорду, попросту лишены чувства юмора.

– Я не шучу, – сказал бородач. – Здешнее зло крепнет с каждым днем.

Ян почувствовал мощный выброс адреналина. Футы, Господи! В наше время чокнутые разгуливают повсюду! Никогда не знаешь, когда и где нарвешься! Он ощутил противное покалывание на коже рук. Некстати припомнился рассказ о сумасшедшем студенте, который пытал и изуродовал своего преподавателя за то, что профессор не согласился с какой-то его теорией. Ян глубоко вдохнул. Нет, не надо трусить, следует перейти в наступление и поставить бородача на место.

– Послушайте, – сказал он, – из того, что я читаю лекции о литературе ужасов, вовсе не следует, что я верю во всякую ерунду. "Черные фантазии" – часть литературы, это искусство. А для меня они к тому же и работа. Не надо воображать, что я предаюсь черным фантазиям в повседневной жизни. Я человек не религиозный, в церковь не хожу. Однако и гуляние в полночь по кладбищу не является моим любимым развлечением. Да и спиритические сеансы я не посещаю. В передачу космической энергии и целительную силу волшебных жезлов тоже не верю...

– Я пришел к вам в надежде, что уж вы-то должны меня понять. Здешнее зло...

– Увы, я не понимаю, – перебил его Ян. В голосе Гиффорда звучали странные робкие нотки; пожалуй, в нем слышался даже страх. Мрачный бородач казался не агрессивным, а скорее напуганным. И поэтому Ян перешел в решительное наступление.

– Что-то я не помню фамилии Гиффорд в списке записавшихся на мой семинар. – Тут он попал в самую точку. Ведь бородач во время переключки не отозвался ни на одну из фамилий! Ян это отметил для себя, хотя и не спешил выяснять его личность. – После переключки я

спросил: чья фамилия не названа? Вы промолчали. Я спросил: есть те, кто только собирается записаться на мой курс? Вы снова промолчали. Как же мне расценивать ваше присутствие? Вы намерены записаться на мой курс или нет?

– Нет, не намерен. Просто хотел поговорить с вами, сообщить о том, что происходит.

– В таком случае предлагаю вам уйти по-хорошему, пока я не вызвал полицию.

Ян решительно двинулся вперед, обогнул Гиффорда и зашагал к двери.

– Погодите!

В грубом окрике было столько внутренней силы, что Ян невольно остановился и повернулся к бородачу.

На лице Гиффорда, прежде просто мрачном, ничего не выражающем, кроме туповатой угрюмости, сейчас был написан животный ужас. Голубые глаза утратили настороженную пытливость. Это были глаза затравленного, до смерти напуганного человека. Губы в зарослях бороды дрожали, как у ребенка, которому приснился кошмарный сон.

– Я и не надеялся, что вы мне сразу поверите, – сказал Гиффорд. – Но я обязан был попытаться. – Тут он быстро вернулся к столику, за которым сидел во время семинара, схватил свой блокнот и принес профессору. – Вот. Вы просто прочтите. Я больше ни о чем не прошу.

– Что здесь?

– Моя диссертация. Она касается зла, которое атакует этот университет, и того, как с ним бороться.

– Ваша диссертация? – удивленно переспросил Ян. – А разве вы...

Гиффорд проворно сгреб книги со своего столика, затем повернулся к профессору.

– Я взрывник и поджигатель, – сказал он и двинулся к двери.

От этих слов Ян вздрогнул. Милый человечек! Хотелось бы знать, это в каком же смысле он "взрывник и поджигатель"?

У самого выхода Гиффорд оглянулся. Казалось, он пришел в себя, но его лицо все еще было искажено страхом.

– Номер моего телефона на первой странице. Позвоните мне. В любое время. Я буду с нетерпением ждать вашего звонка.

Гиффорд вышел в коридор и через пару мгновений уже затерялся в толпе студентов, идущих в сторону лифтов.

Ян повертел блокнот в руках, открыл его и прочитал на первой странице: "Исследование типичных паранормальных явлений в американских университетах". Ниже стояло: "Выводы и рекомендации". И наконец фамилия автора – Гиффорд Стивенс.

Ян мгновенно вспомнил: та антология, которой он пользовался для подготовки семинара, составлена профессором Г. Стивенсом.

Нет, подумал он, не может быть. Это слишком невероятно!

Ян проворно открыл портфель, вытащил антологию и прочитал рекламное объявление на задней обложке: "Профессор Стивенс имеет степень доктора философии, занимался сравнительным литературоведением, в настоящее время – эксперт в области горючих и взрывчатых веществ. Живет в штате Нью-Мексико со своей женой Пэт".

Закрывая портфель и идя по коридору на следующую лекцию, Ян снова и снова обдумывал происшедшее. Но ничего понять не мог. Лишь в одном он был, почти полностью уверен – на руке загадочного бородача не было обручального кольца.

2

Когда Фейт впервые явилась на работу, прошло добрых два часа, прежде чем ее повели на ознакомительную экскурсию по библиотеке.

На прошлой неделе, только что приехав в студгородок, она прочитала на доске объявлений, что требуется помощник библиотекаря, и тут же побежала предложить свою кандидатуру. А пару дней назад из библиотеки пришел положительный ответ.

Даже на собеседование не понадобилось ходить. В письме девушку просили явиться в понедельник после занятий к некоему Филу Лангу, который будет поджидать ее на выдаче книг.

В понедельник случилось так, что преподаватель культурной антропологии отпустил их на четверть часа раньше, и Фейт уже в час тридцать отправилась на новое место работы.

Фил Ланг, высокий и рыжий, выглядел сухим педантом – галстук-бабочка, очки в металлической оправе. Он стоял за стойкой выдачи книг и что-то втолковывал трем девушкам – похоже, сотрудницам библиотеки. Фейт подождала, пока он не закончил разговор, затем представилась. Он оглядел ее с ног до головы, солидно кивнул и попросил обойти стойку и следовать за ним в дальний конец зала – в его кабинет. Она ожидала, что он тут же поставит ее на рабочее место – и пошло-поехало. Но Ланг заставил Фейт заполнить целую пачку анкет и формуляров, потом пойти с ними в отдел финансовой помощи, где пришлось стоять в длинной очереди студентов, которые тоже ожидали разрешения совмещать работу и учебу. Усталая женщина средних лет просмотрела одну из анкет, расписалась на ней, оторвала себе желтый листок копии и направила Фейт дальше – в отдел кадров. Там тоже выстроилась длинная очередь желающих работать студентов. Наконец Фейт как временная служащая подписала отказ от медицинской страховки и получила все нужные бумаги.

И лишь после этой нудной процедуры смогла вернуться в библиотеку.

Ланг поджидал ее у той же стойки.

– Все улажено? – спросил он.

Девушка кивнула и, как было велено в отделе кадров, вручила ему копии всех формуляров. Он небрежно просмотрел бумаги и унес в свой кабинет. Через минуту он появился снова и сказал:

– Хорошо, сейчас я проведу вас по этажам. Я не надеюсь, что вы все запомните за один раз. Сегодня устроим только обзорную экскурсию. В дальнейшем вам необходимо самостоятельно закрепить полученные знания и побыстрее освоиться со всем, что есть в библиотеке. Вам придется отвечать на самые разные вопросы читателей и негоже за каждым пустяком бегать к более опытным коллегам.

– Хорошо.

Снисходительная манера Ланга несколько раздражала Фейт, но она принудила себя улыбаться.

– Итак, вперед.

Ланг провел девушку сперва по тем коридорам первого этажа, где располагались кабинеты администрации. Затем они зашли в отдел абонемента, в зал внушительных размеров. Книги спускались сверху на вертикальном конвейере с лопастями. Одни студенты-ассистенты хватали заказанные читателями книги, сканером считывали индекс и с помощью компьютера производили первичную сортировку, после чего другие подхватывали готовые стопки и распределяли их на полках.

Когда они вернулись в главный холл, Ланг подвел Фейт к компьютерному терминалу.

– Наши читатели больше не пользуются картотекой, все компьютеризовано. Вы знакомы с компьютерной системой запроса нужной литературы?

Она отрицательно мотнула головой.

Ланг пустился в подробные объяснения, от которых у Фейт немедленно началась желудочная тоска: файлы, потоки информации, поддиректории, мегабайты... Она и пыталась слушать, но уши вяли от массы ненужных деталей. Такая скукота, думала она. Неужели так же нудно будет каждый день?

И прежнее место работы – у фритюрницы в "Макдональдсе" – вдруг показалось ей куда более романтичным.

– Все понятно? – спросил Ланг. Девушка кивнула.

– Тогда поднимаемся вверх.

– Хорошо.

На лифте они поднялись сперва на второй этаж в отдел архивных документов, затем на третий, где располагался отдел периодики, и на четвертый, где был справочный отдел. Особенно долго Ланг водил Фейт по пятому этажу – там хранились специальные собрания и книги от "А" до "Р".

– Наш университет располагает самым большим в США собранием книг и документов на тему массового уничтожения евреев фашистами, – с гордостью сообщил Ланг. – У нас самое

большое количество документальных свидетельств, дневников и фотографий, запечатлевших зверства немцев. Впрочем, студенты не имеют доступа к уникальной коллекции и прочим спецсобораниям; эти раритеты могут изучать лишь преподаватели, да и то лишь по специальному разрешению университетского начальства. – Он заговорщицки улыбнулся. – Но если вы проработаете достаточно долго, вас могут перевести в отдел спецсобраний, и вы вволю наглядитесь на все эти уникальные вещи.

Фейт изобразила на лице счастливую улыбку: дескать, сплю и вижу, как попаду в этот рай библиотечный.

Еще один подъем на лифте.

Разница с предыдущими этажами сразу бросилась в глаза.

Прежде всего – настоящая тишина. Повсюду в библиотеке, даже в читальных залах, она была лишь относительной. Шумы складывались из шепота и приглушенных разговоров, из шелеста страниц и шарканья обуви по коврам. Где-то звякнет, где-то брякнет, а где-то книга упадет. Поэтому истинное беззвучие шестого этажа производило сильное впечатление.

Как только за ними тихо защелкнулись дверцы и лифт с урчанием двинулся вниз, Фейт неожиданно услышала свое дыхание. Оно казалось таким громким, потому что не было других звуков. Тихо, как в склепе.

Ланг продолжил лекцию.

Кошунственно нарушая абсолютную тишину, он указал на карту этажа, висевшую под стеклом напротив лифта. Такие карты имелись на каждом этаже библиотеки. Чертеж показывал расположение стеллажей, на которых размещались книги от "Q" до "Z". Затем Ланг повел девушку между собственно стеллажами – огромными, выше человеческого роста. Было ощущение, что они попали в крысиный лабиринт с бесконечными туннелями и боковыми ответвлениями.

Фейт изумилась, когда увидела у северной стены ряд кабинок для научной работы и несколько десятков занятых чтением студентов. Они сидели до странности тихо. Ни шепота, ни покашливаний. Казалось, молодые люди не то что книжку боятся уронить, а и подбородок почесать стесняются. Фейт решила, что гробовая тишина этого этажа давит на читателей и заставляет избегать малейшего шума.

Наконец и Ланг, очевидно, проникся здешней атмосферой, потому что он произнес едва слышным шепотом:

– На шестом этаже, самый большой беспорядок. Студенты берут литературу с полок самостоятельно, а вернуть на место частенько ленятся или ставят не туда, куда нужно. В конце дня приходится собирать брошенные книги со столов, а иногда и с пола. Частью вашей работы будет приглядывать за этими беспризорными экземплярами.

Ланг провел девушку в западное крыло, где проволочная сетка с металлической дверью отделяла комнатку с парой стеллажей. Ланг достал ключ, открыл дверь и пригласил Фейт внутрь.

– Это сортировочная, – пояснил он. – Сюда вы будете приносить подобранные беспризорные книги. Распределяйте их по алфавиту и складывайте в тележки. Другие работники развезут их по нужным местам.

Они вышли из комнатки, и Ланг запер дверь.

– Не переживайте, первые несколько недель вы будете работать в паре с опытным сотрудником. Мало-помалу вы всему научитесь.

По бесконечным коридорам между стеллажами они прошли обратно к лифту. Нажав кнопку вызова, Ланг сказал:

– И еще одно. У наших сотрудников временами бывают... э-э... недоразумения с посетителями. Библиотека бесплатная, открыта для всех и допоздна, поэтому народ сюда ходит всякий. В том числе бывают и... скажем мягко, чудачки всякого рода. Не имею права не предупредить вас. Тут хватает придурков и глухих углов. Скажем, время от времени... э-э... пусть вас не шокирует, если кто-то приспустит штаны и покажет гениталии.

Тут Ланг еще раз рассеянно нажал кнопку лифта, хотя огонек с надписью "Вниз" уже горел.

– В прошлом семестре, – продолжил он, поборов некоторое смущение, – один козел ходил

с зеркальцем на туфле, чтобы заглядывать девушкам под юбки. А семестра три назад другой "чудак" прятался под столами – с той же целью... Правда, большую часть времени вы будете работать в коллективе, в непосредственной близости от других. Так что особенно волноваться не стоит. Но когда остаетесь в одиночестве – поглядывайте вокруг. А не дай Бог, что случится – тут же докладывайте своему начальству. Фейт кивнула и улыбнулась.

– Никогда не предполагала, что работа в библиотеке полна приключений.

– Да, романтики тут до и больше, – усмехнулся Ланг.

Открылись дверцы лифта, и они зашли внутрь. Предупреждение насчет придурков не произвело особого впечатления на Фейт. Отшить подобных типов – дело навыка. Отец обучил ее приемам самозащиты, когда она была еще совсем девчонкой. Так что с мужчиной своего роста или помельче она могла побороться почти на равных. А при удаче справилась бы и с тем, кто покрупнее. Главное – фактор неожиданности. Нападающий самец уверен, что встретит слезы и растерянность. Поэтому отец учил ее нападать первой: сперва врежь мужику по яйцам, а потом разбирайся, что он имел в виду. От хорошего удара по причинному месту сам Шварценеггер в миг согнется и не скоро очухается.

Нет, если чего она и боялась, так это землетрясения, пожара и... и самого этого здания. Шестой этаж.

Что-то в нем нестерпимо зловещее. Нет, нет, глупости. Какой вздор лезет в голову!.. Однако неприятное чувство страха уже было не прогнать.

Шестой этаж.

Фейт не хотела признаваться себе в этом, но при одном воспоминании о последнем этаже у нее бежали мурашки по спине.

– Сегодня я поставлю вас на сортировку книг на первом этаже, – сказал Ланг. – Там ваша работа будет под двойной проверкой. Ренни и Сью считывают индексы, а Пюнна переносит готовые стопы на полки. Будете помогать Пюнне.

Девушка рассеянно кивнула. Ланг ей до чертиков надоел, и она была рада начать работу где угодно и с кем угодно. Впрочем, она испытала неожиданное чувство облегчения от того, что сегодня ей не придется работать на шестом этаже.

Библиотека закрывалась в десять тридцать, но смена, в которой работала Фейт, заканчивалась в семь. Завтра у нее не будет занятий, и она выйдет с семи утра до часу дня.

Этим-то и хороша работа внутри университетского городка – чрезвычайно гибким графиком. Даже когда наступает напряженное время предэкзаменационных тестов, можно откорректировать часы работы и продолжать трудиться хотя бы урывками.

Домой Фейт доехала без приключений. Час пик практически закончился. Хотя шоссе и нельзя было назвать свободным, пробок не было. Дорога от университета до Семнадцатой улицы заняла меньше часа.

У перекрестка ватага сомнительного вида подростков околачивалась возле цветочного киоска, поэтому Фейт, прежде чем притормозить на красный свет, проворно удостоверилась, что обе дверцы машины заперты.

Через несколько минут девушка проехала мимо колледжа, где совсем недавно получила диплом о среднем образовании. Выпускной вечер был в июне. Но здание выглядело чужим и каким-то съежившимся. Вернуться в него сейчас – все равно что вернуться в начальную школу: внутри наверняка стоят детские парты, миниатюрные шкафы и низенькие питьевые фонтанчики.

На душе было хорошо. Какое счастье учиться в университете – в настоящей школе! Прежняя учеба казалась детской игрой. Прошло всего лишь несколько дней новой жизни, но Фейт уже была уверена в том, что она справится с университетскими нагрузками. В Бреа ей буквально все нравилось.

Или, скажем так, нравилось почти все. За малым исключением. И этим малым исключением был последний этаж библиотеки.

Шестой этаж.

Она решительно запретила себе обсасывать эту воистину нелепую мысль. Пустые, немотивированные навязчивые страхи – их лучше избегать!

На другой стороне улицы зияло пустое место – там, где прежде находился кинотеатр

братьев Митчеллов. Ей вспомнилось, как крохотной девчушкой, проезжая мимо в машине родителей, она читала по слогам странные названия фильмов на рекламном плакате над входом: "Жрица любви", "Знойное тело", "Дебби не знает отказа".

Если бы этот порнушник не снесли, Кейт отсюда бы не вылезал.

Случайная мысль о брате навела девушку на грустные размышления. Как это случилось и когда это случилось? В детстве они были не разлей вода. После смерти отца – а может, именно из-за смерти отца – они держались всегда вместе, подолгу болтали и секретничали друг с другом.

Теперь же ей трудно вспомнить, когда они в последний раз обменялись хотя бы десятком фраз.

А если она добьется своего и станет жить самостоятельно – что тогда? Конец общению с семьей? С мамашей – с той хоть бы и век не видеться. Но так не хочется обрубить те ниточки, которые еще связывают с братом!

Впрочем, что тут скулить – все равно от нее мало что зависит.

Фейт свернула на родную улицу. Мальчуган в одних трусиках, стоящий на газоне перед особняком, бросил в ее "фольксваген" ком грязи и что-то прокричал вслед. Девушка посигналила – мальчишка взвизгнул и кинулся бежать.

Господи, только бы мамыши не было дома!

Свет в окнах горел. На подъездной дороге стояли мамашин автомобиль и мотоцикл.

Стало быть, привела мужика.

Перед домом Фейт сбавила скорость, потом решительно нажала на педаль газа и проехала мимо. Лучше наскоро перекусить в "Сумасшедшем цыпленке", а потом укрыться в городской библиотеке, которая работает до девяти. Там она успеет кое-что почитать к ближайшим занятиям, а тем временем мамашин "дружок", даст Бог, и слиняет.

Девушка развернула машину и направилась обратно в сторону Семнадцатой улицы.

Глава 3

1

Ричард Джеймсон добирался до "Сентинел" без особой спешки. Именно это нравилось ему больше всего в газетной работе – свобода. Можно явиться с опозданием, уйти пораньше, и в любое время дня ты волен прошвырнуться в соседнюю забегаловку и неторопливо съесть гамбургер. Пока выполняешь свою работу исправно – никто тебе и слова не скажет.

А трудился он на совесть.

Особых иллюзий на свой счет Ричард не питал. Он не был ни блестящим студентом, ни подающим надежды ученым. Учеба давалась ему с превеликим трудом. Зато он был фотографом "от Бога". В фотографии сосредоточились все его интересы, тут он не энергии жалел. Такая одержимость плюс талант давали впечатляющие результаты. Пусть Ричард и не ведал, кто такой архиепископ Фердинанд и чем он славен, а также путал косинус с тангенсом, но "кэнон" в его руках творил чудеса – что было подтверждено многочисленными дипломами фотоконкурсов.

В фотоделе Джеймсон был достойным профессионалом: имел хороший художнический глаз, тонкое монтажное и композиционное чутье, разбирался в химических премудростях проявления и печати. Однако сам Ричард полагал, что своим успехом он обязан прежде всего умению оказаться в нужный час в нужном месте. Можно применять разные объективы, использовать тысячу трюков при проявлении и печати, но, если сюжет снимка никуда не годится, никакие технические штучки-дрючки его не спасут.

Вот почему Ричард никогда не расставался со своим фотоаппаратом. Он едва ли не круглосуточно был в состоянии полной боевой готовности; если происходило нечто, достойное быть запечатленным, он мог начать съемку через десять – двадцать секунд, а то и быстрее. Здесь он действовал почти так же шустро, как ковбой из вестерна со своим револьвером.

Поэтому-то он и делал обалденные снимки.

Поэтому-то его и отличали на всевозможных конкурсах.

Занятия были в самом разгаре, но на центральной площади университетского городка студентов хватало. Правда, никто не бездельничал, все спешили по своим делам. Из корпуса социальных наук вышла роскошная блондинка, по всему видно первокурсница. Ричард двигался ей навстречу. Он поправил ремешок фотокамеры на плече, проворно пригладил волосы.

Согласно его наблюдениям, женщины равнодушны к мужчине с фотоаппаратом. У такого мужчины как бы другой статус, он кажется особенным, в нем видится "художник".

Ричард не считал себя красавцем и очень ценил тот дополнительный шарм, который ему придавала дорогая профессиональная фотокамера на плече. По крайней мере с ней ему было намного легче завязывать знакомства со всякими цыпочками.

А эта блондинка была, вне сомнения, цыпочкой из цыпочек.

Ричард взял немного левее, чтобы их пути пересеклись. Девушка заметила его и задержала взгляд на камере, которую он еще разок вскинул на плече. Потом блондинка подняла глаза и встретила взглядом с Ричардом. У того екнуло сердце. Как она посмотрела!.. Обалдеть! Ясное дело, крошка на него запала.

Ричард громко откашлялся и окликнул:

– Извините, мисс...

Она остановилась и повернулась к нему. Какие глазищи! Умереть и не встать!

Он ослепительно улыбнулся и заговорил солидной скороговоркой :

– Видите ли, я ведущий фотограф газеты "Сентинел". В данный момент я работаю над темой "Первая неделя в университете" – или что-то в этом роде. Снимки пойдут на первую полосу. Не могли бы вы попозировать мне? Ничего особенного делать не надо. Просто сойдите по ступенькам, как вы только что сошли. И пусть у вас будет серьезное, сосредоточенное лицо, будто вы спешите на занятия.

Еще прежде чем он договорил последнюю фразу, девушка решительно замотала головой.

– Нет, нет, я вынуждена отказаться.

– Почему "нет"? Ваш снимок и ваше имя будут на первой полосе университетской газеты. Чем плохо? Кстати, а как вас зовут?

– Марша.

– Я серьезно, Марша. Ваш снимок действительно будет на первой полосе "Сентинел"! Я позабочусь, чтобы вы получили два десятка экземпляров – сможете разослать родным и друзьям. Итак, вы согласны?

Она снова отрицательно мотнула головой.

– Не люблю, когда меня фотографируют. На снимках я всегда на черта похожа.

– Это от фотографа зависит. На моих снимках вы будете сущим ангелом. Еще ослепительнее, чем в жизни! – Ричард победно усмехнулся. – Право же, бросьте ломаться. Мне эти снимки позарез нужны.

Срок поджидает. Если я опоздаю с материалом – главный голову снесет!

Девушка, видимо, заколебалась.

– Какой вы... Я, честно говоря, не знаю...

– Ну, пожалуйста...

Оно упало как раз между ними. Совершенно неожиданно – не было ни крика, ни шума; похоже, не было даже звука рассеяемого воздуха. Просто нечто большое свалилось откуда-то сверху, и, прежде чем оба опомнились, раздался глухой шлепок и во все стороны брызнула кровь.

На пару секунд Ричард остолбенел, потом сознание вернулось, и он понял, что это тело мужчины. Бедняга упал на асфальт не головой или ногами вперед и даже не плашмя, он приземлился на странно поджатые колени – из-за чего кожа на его животе прорвалась и внутренности вылетели наружу. Кишки, не потеряв связи с телом, еще покачивались. Голова погибшего была расколота, из нее вываливался мозг. Лицо превратилось в кровавую кашу.

Марша словно к земле приросла от ужаса. Наконец девушка в достаточной степени пришла в себя и завизжала, таращась на изуродованный труп. Она даже не заметила, что ее

голые ноги и белые шорты забрызганы чужой кровью. Да что там ноги!.. Ричард заметил капли крови на ее лице и в волосах!

Но тут его замешательству пришел конец. Он деловито поднял глаза вверх, потом опустил их на труп, осмотрелся, выбрал наилучший угол съемки, стремительно перебрал в уме варианты композиции. Затем окинул визжащую Маршу быстрым пытливым взглядом – кровь на белых шортах и на белых ногах. В цвете это получится вульгарно. Зато в черно-белом варианте будет отличный контраст.

Он сделал несколько быстрых шагов назад, одновременно срывая защитный колпачок с объектива.

Затем припал на одно колено, проворно направил камеру на Маршу и окровавленный труп.

2

И хладнокровно принялся щелкать кадр за кадром.

В редакции было еще оживленнее, чем за неделю до начала семестра, когда верстали первый номер нового учебного года.

Сотрудники рекламного отдела давно закончили работу и разошлись по домам, но небольшая комната была набита людьми: литсотрудники, соперничая за места за столом, вычитывали статьи; ответственный секретарь сидел перед экраном единственного компьютера и вносил последние срочные изменения в верстку, а две его помощницы лихорадочно переклеивали макет. Радио было включено – какая-то станция непрерывно гнала в эфир ядреный хэви метал.

Чтобы его услышали, Джиму Паркеру пришлось кричать во весь голос:

– Десять минут! Мы обязаны закончить через десять минут! Типография велела, чтобы к восьми все было готово.

Ноль реакции. Словно никто и не расслышал отчаянный вопль главного редактора. Однако Джим знал, что все его услышали и не подведут.

Он подошел к ближайшему столику и просмотрел спортивную страничку. Две статьи и ни одного снимка. В иное время он пришел бы в ярость. Не далее как на прошлой неделе пришлось устроить выволочку заведующим отделов: слишком мало даете фотографий! У страниц нудный вид. В любом разделе должен быть хотя бы один снимок, а колонку редактора следует сопровождать рисунком. Однако сегодня Джим Паркер был озабочен более серьезными делами, чем веселенький вид каждой страницы.

Джим протолкался сквозь группу литсотрудников и принялся изучать первую полосу. В конце ударной статьи зияло небольшое белое пространство, но Тони уже трудился ножницами, раздвигая абзацы. "Шапка" гласила:

СТУДЕНТ ГЕОФАКА ПРЫГАЕТ НАВСТРЕЧУ СМЕРТИ ИЗ ОКНА КОРПУСА
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Джим прочитал заголовок вслух – так сказать, взвесил на языке. Не бог весть как оригинально, зато доходчиво и броско. Сразу под "шапкой" помещался снимок первокурсницы Марши Толмасофф; девушка в ужасе таранилась куда-то вниз, на невидимый труп. За ее спиной было то самое здание, из окна которого выпрыгнул самоубийца.

– Славный снимок, – констатировал Джим. Ричард оказался поблизости, расслышал похвалу и отозвался:

– Спасибо, босс!

В проявочной висели черно-белые фотографии, снятые Ричардом на месте трагедии. Он нащелкал не один десяток кадров – и самые впечатляющие крепко засели в памяти Джима. К сожалению, большинство этих кадров никак не подходили для университетской газеты. Крупные планы кишок на асфальте и беловатых ошметков мозга, забрызганное кровью, искаженное криком ужаса лицо Марши Толмасофф... Зрелище не для слабонервных. Но самый душераздирающий кадр – общий план: скорченный труп на асфальте и толпа радостно возбужденных зрителей, ожидающих прибытия полиции.

Джиму вдруг подумалось: а ведь судя по тому, как Ричард усиленно подчеркивает свое

равнодушные к происшедшему, он тоже потрясен увиденным.

Тем временем Джин и ее помощницы закончили возню с макетом. Все статьи были вычитаны и на месте.

– Готово! – торжественно провозгласила Джин. Джим облегченно вздохнул.

– Теперь надо отправить в типографию. Кто понесет?

– Давайте я, – вызвался Ричард, деловито поправляя ремешок камеры на плече. – Мне все равно по пути.

– Спасибо, – сказал Джим, еще раз взглянул на первую полосу, тряхнул головой и положил листок в коробку – к остальным. – В этом семестре готовый номер будем относить в типографию по очереди. Надо составить график.

Ричард ушел, а Джин с помощницами занялась уборкой столов. Главный редактор повернулся к остальным сотрудникам, которые выжидающе смотрели на него.

– Отлично поработали, друзья, – сказал Джим. – На сегодня все. Увидимся завтра. – Тут он кивнул Стюарту. – С утра выясни побольше об этом самоубийце. Пошли репортеров.

– "Репортеров"? – насмешливо переспросил Стюарт. – Стало быть, у нас есть репортеры? Вот это новость! Покажите мне хоть одного!

Все рассмеялись. Первый номер был целиком составлен с помощью штатных литсотрудников, которые должны были в принципе только редактировать чужие материалы. Они же были единственными авторами и второго номера.

– Ладно, – сказал Джим, – по домам. Сотрудники стали расходиться. Джим оглянулся на Джин – надо бы извиниться перед ней за то, что он ее так безбожно задержал. Но тут в коридоре раздалось знакомое жужжание мотора инвалидной коляски Хоуви.

– Ах ты черт! – процедил Джим. В суете перед сдачей номера он совсем позабыл о своем обещании заехать за приятелем в книжный магазин.

Джим двинулся в коридор, ожидая заслуженной нахлобучки от Хоуви, который, видимо, кипит от праведной ярости. Однако у приятеля был обычный невозмутимо добродушный вид.

– Извини, – поспешно сказал Джим, прежде чем Хоуви успел раскрыть рот. – Тут такая запарка!.. Нам пришлось сдвинуть время сдачи номера из-за самоубийства – целиком переделывали первую полосу..

Хоуви улыбнулся и махнул рукой: дескать. Бог с ними, с извинениями.

– Ладно, простил. Я же понимаю, что такое сдача номера. Когда ты вовремя не появился, я сразу сообразил, что у вас аврал, и направился сюда своим ходом.

На Хоуви был его привычный старенький джемпер, но глаз Джима заметил справа на груди приятеля новый значок. Он нагнулся, чтобы прочитать мелкие буквы.

– "Ешь дерьмо и вой на луну", – со смехом подсказал Хоуви. – Какой-то тип продавал рядом со студцентром. Как я мог устоять перед соблазном!

– Покупочка в твоём духе. – покачал головой Джим. – Ладно, сейчас по-быстрому собираю манатки, и дуем куда-нибудь перекусить. Умираю от голода!

– Заметано, – отозвался Хоуви, нажал переключатель на подлокотнике инвалидного кресла и покатил вслед за Джимом в редакционную комнату. Там он приветственно кивнул Джин и ее помощникам, а потом обратился к Джиму, который собирал какие-то бумаги:

– Так что там случилось-то? Какого хрена парень сиганул из окна? Разбитое сердце? Я слышал, вроде неудачный роман...

– Достоверно еще не знаем, – ответил Джим. – Записки пока не нашли. Возможно, бедолага оставил записку дома или еще где. Полиция пытается связаться с его родителями – пока безрезультатно.

– Вряд ли это из-за учебы. Ведь только одна неделя прошла.

– Пока можно только гадать, – сказал Джим, застегивая молнию рюкзака. К этому времени они остались в комнате одни. Джим махнул рукой – "сваливаем отсюда!" – и выключил свет.

В этот час в университетском городке стояла удивительная тишина. Пока друзья двигались к автостоянке, в вечернем воздухе были слышны только стук каблучков Джима да жужжание мотора инвалидной коляски. Дневные студенты давно разошлись по домам, а вечерники были на занятиях. Только несколько студентов сидели на террасе кафе рядом с

естественно-научным корпусом – пили кофе с пирожками. Хотя осень только-только начиналась, в воздухе царила прохлада, и уже выпала роса.

Джим поймал себя на мысли: отчего же мне так не хотелось возвращаться сюда, в Бреа? Когда он приехал в университетский городок чуть больше недели назад, зарегистрировался, записался на семинары и разместился в комнате студенческого общежития, все его летние страхи показались ему чистым вздором. Чуть было не взял академический отпуск! С какой стати?

Теперь летние настроения он рассматривал, как детский каприз, как досадную дурь. Однако после самоубийства несчастного парня, труп которого так классно сфотографировал Ричард, и в угрюмой тишине холодного вечера на почти безлюдной и плохо освещенной улице студгородка прежние сомнения нахлынули вновь, и Джим с тревогой подумал: что ни говори, а у моей летней неприязни к университету все же были кое-какие основания... Что-то в К. У. Бреа настораживало его, заставляло чувствовать себя не в своей тарелке. Сейчас неприятное ощущение было легко списать на впечатление от слишком натуралистических фотографий самоубийцы. Однако Джим знал, что на самом деле его тревожит нечто другое. Назвать причину страха он бы не смог. Просто чувствовал в темноте некую почти осязаемую угрозу.

Без видимой причины мороз пробежал по его спине, кожа на затылке неприятно заныла.

– Куда мы направляемся? – спросил Хоуви. – Перехватим по гамбургеру у Билла?

– Что? – Джим непонимающе уставился на приятеля. – А! Ну да. Можно и к Биллу.

– Я не был там с прошлого семестра.

– Я тоже.

Хоуви увеличил скорость инвалидной коляски и понесся вперед, затем повернул налево и по специальному скату съехал на автостоянку.

Джим проводил его глазами. Вернувшись в студгородок, он был неприятно поражен видом товарища. Тот был бледнее обычного и еще больше похудел – кожа да кости. Вообще, он стал как бы меньше и выглядел хуже некуда. Когда Джим впервые после лета зашел в комнату Хоуви, сердце у него так и сжалось: какая горестная перемена! Друзья никогда не обсуждали болезнь Хоуви – мышечную дистрофию. Хоуви разговоров на эту тему не любил, а Джим тешил себя мыслью, что болезнь друга удалось как-то приостановить. Сейчас он воочию убедился, что мышечная дистрофия штука коварная, неумолимая – и Хоуви ничего хорошего не светит.

Впервые Джим всерьез подумал о том, что Хоуви может умереть.

Тогда, в комнате Хоуви, Джим вдруг решил перестать прятать голову в песок и побеседовать с другом о том, как протекает болезнь, но застенчился и вместо этого завел банальный разговор:

– Как лето?

Хоуви ухмыльнулся и пожал плечами:

– Что лето? Сам понимаешь как.

На самом деле Джим не понимал. Но хотел бы понять. Поэтому вдохнул побольше воздуха и спросил:

– Хорошо или плохо?

– И так, и сяк... Старик, слышал обалденную новость? Симмонс подал в отставку. Якобы приставал к студентке. Ну его и попросили.

Они стали оживленно обсуждать эту тему, и момент для серьезного разговора был упущен.

Наблюдая, как Хоуви выкруливает по направлению к машине, Джим снова ощутил камень под ложечкой. На душе было очень кисло. Само собой разумеется, Хоуви проведет всю свою жизнь в инвалидном кресле. Против этого факта не поборешься. И совершенно очевидно, что физическая слабость никогда не позволит ему вести "нормальную" жизнь. Однако по крайней мере в рамках этой постоянной немощи его здоровье могло бы оставаться стабильным! Но злая судьба и этого жалкого утешения не оставляет! Увы, увы...

Джим зашагал быстрее, чтобы догнать друга. Он старался спрятать свои горестные размышления, но, видимо, неудачно, потому что Хоуви спросил, когда они оказались рядом у дверцы пикапа:

- Джим, что с тобой? Вид у тебя хреновый. Джим отрицательно мотнул головой.
- Ничего, все в порядке.
- Кончай заливать.
- Просто устал. Эта чертова редакция...

Хоуви недоверчиво покосился на него, но промолчал.

А тем временем Джима вновь прошла неприятная дрожь. Ему опять было не по себе. Казалось, что кто-то... точнее, что-то... словом, нечто наблюдает за ним, и шпионит оно за ним уже давно и неотступно.

Джим устоял перед желанием быстро оглянуться. Это ведь глупости, за его спиной ничего быть не может... Он молча сунул руку в карман и вынул ключи от машины.

3

Ян вернулся домой уже в темноте. Час был поздний – но что с того? Все равно дома его никто не ждал. Некому отчитать его за слишком позднее возвращение. Нет человека, которому было бы небезразлично, в какое время Ян пришел домой и пришел ли вообще...

Наверное, поэтому, из нежелания идти в одинокую берлогу, он стал без особой нужды регулярно задерживаться на работе допоздна. В своем крохотном кабинете он или читал в кресле, или просто мечтал, таращась отсутствующим взглядом в пространство.

Его кабинет нельзя было назвать удобным. Тесно, много лишних вещей; вдоль одной стены книжные полки с учебными пособиями, к которым никто не притрагивался много лет; вдоль стены напротив тоже книжные полки – классика и "черные фантазии", романы и сборники рассказов. Стол завален разными бумагами и журналами – тут смешивалась работа уже сделанная и работа, которую только предстояло выполнить. Словом, сам черт ногу сломит. А разбирать завалы все как-то недосуг. В комнате было одно маленькое оконце, и у Яна периодически возникали приступы клаустрофобии – пространство его кабинета было действительно удручающе замкнутое. Поэтому он, соблюдая психическую гигиену, давно привык избегать этой комнатухи – забегал сюда между занятиями крайне редко, после работы никогда в ней не задерживался.

И вдруг в последнее время гадкая комнатка превратилась в его почти постоянное прибежище. Уже с утра, до занятий, Ян забивался в эту нору и в одиночестве завтракал. И после лекций и семинаров он теперь не ехал домой, как прежде, а шел в свой кабинет. Странную перемену он объяснял себе тем, что тут много требующих работы бумаг что надо много готовиться к занятиям и здесь это удобнее. Но сам же и не верил этому вздору.

Просто ему не хотелось возвращаться домой, где его никто не ждал.

Он припарковал машину на подъездной дороге к дому и какое-то время продолжал сидеть за рулем. Очевидно, таймер опять сломался – свет в доме не горел. Ян не любил возвращаться в неосвещенный дом. Так было еще неприятнее. Отсутствие света подчеркивало одиночество.

Сейчас в доме царила темнота. В окнах отражалась тихая угрюмая улица. Стоял поздний вечер – время, когда газоны перед домом должен заливать свет из окон. Так было, когда дом был действительно обитаем, когда здесь жила Сильвия... Увы, прошлое уже не вернется...

Ян обернулся, взял с заднего сиденья кейс и вышел из машины. Даже лампа над крыльцом, и та не горела! Было так темно, что он потратил пару минут, прежде чем нащупал в связке два ключа от входной двери.

Войдя в гостиную, он тут же включил свет. В романах пустые дома, эти пустые раковины, остающиеся после смерти одного из хозяев или после развода, обычно кажутся героям непомерно огромными – безжизненные пространства, покинутые любимым человеком. Но в действительности происходит прямо противоположное.

Присутствие Сильвии увеличивало дом, как бы раскрывало его в космос. Любой новый столик или шкафчик вместо того, чтобы съедать жилое пространство, дивным образом подчеркивали простор дома, его восхитительную вместимость.

После отъезда Сильвии дом словно усох, уменьшился в размерах до такой степени, что в комнатках не хватало воздуха. В первую же неделю Ян ощутил тесноту и стал планомерно избавляться от мебели: подарил соседям двуспальную кровать, отправил платяной шкаф в

какое-то благотворительное общество. Затем обменял огромный сервант на небольшой книжный шкаф. Однако, несмотря на принятые им меры, дом что ни день казался все меньше и меньше. Стены наступали с четырех сторон и грозили раздавить хозяина. Раньше у него были самые общие представления о внутренних пространствах дома – он был как наполовину исследованный континент. Теперь Ян знал каждый дюйм пространства в каждой комнате, и от этого ненависть к дому лишь возросла.

Ян прошелся по всем комнатам и везде зажег свет. Потом вернулся в гостиную и включил телевизор. В старые добрые времена он крайне редко смотрел телепередачи, разве что какой-нибудь фильм или новости. На досуге он преимущественно читал, или писал, или слушал музыку. Но теперь он большую часть свободного времени торчал перед телевизором и благодарил Бога, что существует этот ящик для дураков, который позволяет забыть обо всем на свете. Да, перед экраном не надо думать ни о прошлом, ни о будущем. К тому же благодаря телевизору дом был наполнен людским говором.

К своему удивлению, Ян обнаружил, что не все передачи глупы и каждый вечер бывает что-нибудь по-настоящему интересное. То ли телепрограммы стали лучше, то ли понизились его претензии к их качеству, то ли он освободился от предвзятого отношения к телевидению – ведь в последние годы в академических кругах только ленивый не ругает "ящик для дураков". Наверное, каждая из причин немного ответственна за его внезапную любовь к голубому экрану. В прошлом семестре, когда студенты-снобы стали распространяться о дебильности телевидения, Ян сам себе удивился, потому что вдруг ринулся на защиту телевизионных боссов и стал говорить, что это позор для интеллигентного человека – не знать массовую культуру, отворачивать нос от столь масштабного явления... это в сердцевине своей антиинтеллектуальный подход! Ян тогда разошелся не на шутку и выложил множество убедительных аргументов. После он какое-то время играл с мыслью изложить все это на бумаге и послать в какой-нибудь журнал, но, слава Богу, удержался.

С другой стороны, лишняя публикация ему бы не помешала. Список его печатных работ удручающе короток.

Разумеется, в своих горестных размышлениях профессор перегибал палку – его жизнь не была такой уж пустой и одинокой, какой он рисовал ее в черный час. Спору нет, налицо тенденция слишком драматизировать свои переживания – ощущать себя героем из книжки и страдать на полную катушку. Да, в его жизни был трудный период. На эмоциональном уровне Яну казалось, что он навечно останется в черной яме беспросветной жизни. Однако на интеллектуальном уровне он сознавал, что этому гнусному состоянию рано или поздно наступит конец. По сути, он не был несчастен.

Отсутствие счастья не равно несчастью.

Только долгая привычка к счастью превращала его нынешнее нормальное состояние в депрессию. В такой же ступор впал бы, скажем, миллионер, если бы его заставили жить на зарплату профессора. Но это отнюдь не значит, что профессора влачат жалкое существование. Миллионы людей не ведают счастья – и ничего, живут себе и даже очень весело живут! Так что Яну на самом деле грех ныть. У него отличная и притом любимая работа, много хороших друзей, а в мире столько непрочитанных книг, что ему и за двести лет не перечитать, не говоря уже о множестве прекрасных фильмов, которых он еще не видел... Ну и конечно же, в мире много интересных вещей помимо книг и фильмов.

И все же в такие вот одинокие вечера хотелось с кем-то словом перемолвиться, поделиться внезапной мыслью. Поневоле охватывала тоска – и думалось: ах, если бы Сильвия была рядом!

Сильвия.

Ему с мучительной ясностью вспомнился тот день в прошлом ноябре, когда он без предупреждения вернулся домой в неурочный час – и застал их на полу в этой вот гостиной.

Она лежала голой задницей на полу с широко, невозможно широко раздвинутыми ногами, а тот был на ней – потные мускулы его спины и задницы так и ходили ходуном. Сильвия даже не стонала, а коротко похотливо вскрикивала. Этим поганым криком был полон весь дом. С Яном в постели она никогда не орала – никогда, даже в их первые, самые упоительные недели и месяцы... Да и подобного самозабвенного экстаза на ее лице он никогда не видел...

Сначала ему почудилось, что это только кошмарный сон; затем все его внутренности стал засасывать какой-то вакуум, и Ян испугался, что проснется полым, без кишок, сердца и прочего – одна оболочка... Ему все еще казалось, что он непременно проснется – рядом с крепко спящей Сильвией, которая и во сне думает лишь о нем и только о нем...

Помрачение рассудка длилось полмгновения. Потом он понял, что это не кошмар, а реальность.

Когда Сильвия заметила его, выражение экстаза на ее лице мигом сменилось маской ужаса.

О, Ян наблюдал это изменение во всех подробностях – будто при замедленной съемке. Вот так, наверное, в сказках на глазах у героя жаба превращается в принцессу или наоборот. Сильвия с бешеной силой оттолкнула мужчину, и он скатился с нее, на миг показав торчащий мокрый член. Возможно, именно вид этой быстро промелькнувшей покрытой слизью плоти был ответственен за то, что Яна ничто уже не могло смягчить, и он выгнал жену из дома в тот же час – навсегда. Вышвырнул ее из своей жизни бесповоротно. Сильвия молила простить ее, ревела в три ручья, уверяла, что этот трахальщик для нее пустое место. Она познакомилась с ним в университете, несколько раз пообедала с ним в ресторане – чисто по-дружески, а в этот день они заехали к ней без всякой задней мысли... но потом каким-то чудом оказались на полу и голые... Она клялась: мол, первый и последний раз, она не собиралась спать с этим человеком, да и не хотела... все вышло ненароком... и больше не повторится...

При иных обстоятельствах Ян, может, и простил бы ее. Ведь он ее так любил! Но уж очень яркую картинку он увидел в тот роковой день! Стоило ему закрыть глаза, и перед ним возникало ее искаженное животной страстью лицо, а в ушах звучали неудержимые похотливые вскрики... ну и в завершение в воздухе описывал дугу огромный мокрый член... Ян понимал, что никогда не сможет выбросить это из памяти. Каждый раз, занимаясь с женой любовью и слыша знакомые постанывания, он будет вспоминать что тот, другой, более виртуозный игрок, извлекал из нее совсем иные звуки. И мысль, что он сам не способен по-настоящему удовлетворить любимую женщину, мало-помалу сведет его с ума или в могилу.

Поэтому Ян велел жене убираться вон, в тот же день позвал слесаря и заменил все замки. Как он слышал потом от приятеля своего приятеля, Сильвия сошлась с тем типом. Теперь они живут вместе – где-то в окрестностях Сан-Диего.

Ян вынул из холодильника банку пива и одним долгим глотком ополовинил ее. Он не был по-настоящему голоден, но все равно осмотрел полки холодильника в поисках чего-нибудь вкусенького – лишь бы отвлечься от мыслей о Сильвии.

Очевидно, не секс она искала на стороне, а что-то иное. Нутром он понимал это, хотя тысячу раз уверял себя, что ей нужен был только другой член. О том, что в их отношениях ей не хватает чего-то важного, она намекала ему не раз – всегда во время ссор. Но ее психологическая неудовлетворенность была какой-то неопределенной – причина неизменно ускользала, и Ян, при всей своей доброй воле, так и не сумел понять, чем же не угодил Сильвии, в чем был не прав, что заставило жену смутно томиться по чему-то другому.

В последнее время, еще при Сильвии, он и сам начал ощущать смутное томление. Стали одолевать приступы неясной тоски и неудовлетворенности собой. В жизни ощущалась какая-то скука. Он профессор – то есть достиг того, к чему давно стремился. Большой уютный дом полон книжных шкафов с непрочитанными книгами. И тем не менее... И тем не менее ему чудилось, что где-то на жизненном пути он свернул в не правильном направлении. Где-то на отрезке между браком и разводом он избрал неверный путь и зашел по нему так далеко, что уже нет никакой надежды вернуться к развилке и исправить ошибку.

Но чего же он хочет на самом деле? Плюнуть на все и махнуть на Таити, чтобы остаться там навсегда? Нет, Таити его не особенно прельщает. Тогда что? Жить простой незаметной жизнью рабочего-строителя или водителя грузовика и не забивать себе голову премудростями высокой науки? Нет, физическая работа и радости примитивной жизни ему не по вкусу. Сильвия непрестанно брюзжала, что его не допросишься починить что-либо в доме.

Он по-прежнему наслаждался преподаванием, любил живой обмен мыслями со студентами, но вот уже год, а может быть, и больше, он испытывает растущее раздражение к тому, что неизбежно является частью профессорства, тяжким крестом университетской жизни:

тупость начальства, мелкие козни коллег, их тщеславие и снобизм и ревность к успехам другого, погоня за никчемными публикациями в академических журнальчиках, не читаемых нормальными людьми... В нем росло убеждение, что он не создан для этой академической мышины возни, ему неинтересно набирать очки и пускать пыль в глаза. Но, с другой стороны, Ян понимал, что в университете он как рыба в воде и в любой другой среде просто зачахнет. С университетом у него получался классический тупиковый случай любви-ненависти: и вместе плохо, и порознь нелады. От этого-то раздвоения и наваливалась депрессия.

Возможно, именно душевная смута привела его к тому, что он со значительно большим энтузиазмом обсуждал со студентами романы ужасов и мистические рассказы, чем творения Джейн Остин или Джона Мильтона. С некоторых пор Яну стали ближе запутанные смутные чувства и неясные страхи, которые описываются в произведениях "черной фантазии". Сугубая ясность первостатейных классиков, которые норовили упорядочить хаос, отчленив белое от черного, казалась далекой от жизни. Сумбурный мир Эдгара По, полный мистики, невнятицы и диссонансов, мнился куда более точным отражением реальности.

Ян вернулся из кухни в гостиную и подошел к автоответчику. Лампочка горела и помигивала: кто-то звонил.

Он перекрутил пленку. Сообщений было два.

Первое его порадовало. Звонил Филип Эммонс, который когда-то учился у него на курсе писательского мастерства. Из всех его студентов лишь Эммонс чего-то добился в литературе и даже стал заметной величиной. Филип был несомненно талантлив – уже в старших классах школы он зарабатывал себе на жизнь порнографическими рассказами, которые публиковал в так называемых мужских журналах. В бытность студентом парень писал прозу посерьезнее. Однако в полную силу его талант развернулся лишь тогда, когда он избавился от педантичных правил, которые ему навязывали преподаватели английской литературы, полные добрых намерений, но близорукие. В том, что Филип избавился от многих обременяющих стереотипов и стал писать раскованнее и успешнее, была значительная заслуга Яна. И Эммонс признавал это.

Сейчас Филип проездом находился в городе и хотел встретиться с бывшим наставником. Он сообщал название отеля и номер своей комнаты.

А второе сообщение на автоответчике было от Эленор, его нынешней подружки, если она заслуживает подобного наименования. Ее слова повергли Яна в уныние: она извинялась, что не сможет поужинать с ним в пятницу, как они планировали, у нее неожиданные дела; но она с удовольствием встретится с ним в другой удобный для него день.

Ян добрую минуту неподвижно простоял возле автоответчика.

Он вдруг понял, что просто не сможет провести остаток вечера в одиночестве. Поэтому глубоко вздохнул и решительно снял трубку. Он решил позвонить Бакли Френчу, единственному настоящему другу среди университетской братии. Бакли Френч был холостяком – редкое исключение среди друзей Яна.

Бакли ответил в своей обычной манере:

– Ну-у?

Даже звук его голоса уже поднимал настроение.

– Это я. Слушай, не заглянешь ли ко мне в гости? Бакли досадливо крикнул.

– Старик, пощади. У меня в семь утра семинар.

– Да брось ты!

– Что – призраки донимают?

– Да, – признался Ян.

– Ладно, приеду, так твою растак. – Больше Бакли не стал рассусоливать и сразу же повесил трубку.

Ян на протяжении нескольких секунд слушал короткие гудки, потом наконец положил трубку на рычаг. Вообще-то он хотел посвятить остаток вечера чтению диссертации Гиффорда, но он успел пролистать ее за обедом и в паузах между занятиями во второй половине дня – достаточно сухой, несколько напыщенный и наукообразный текст, невзирая на достаточно экзотическую и весьма специфическую тему. Такое вряд ли назовешь увлекательным чтением. К тому же вечер выдался из тех, когда оставаться одному нестерпимо. Ничего, диссертация

подождет до завтра.

Бакли появился через десять минут. Его старенький "тандерберд" так тормознул на подъездной дорожке, что было слышно даже при включенном телевизоре. Ян встал, выключил телевизор, но Бакли не счел нужным постучаться – сам открыл дверь и остановился на пороге, потрясая обеими руками: в одной был большущий пакет чипсов, в другой – две видеокассеты.

– "Скорая помощь" прибыла! – провозгласил он, спиной захлопывая дверь. – Картофельные чипсы и порнофильмы! – Пакеты он положил на кофейный столик, а кассеты повертел перед носом приятеля. – У нас имеются "Лапочки из Гонконга" и "Киски в Бойленде". Выбирай на вкус! – Бакли широко улыбнулся. – Если ни лапочки, ни киски не поднимут тебе настроение и все остальное, тогда пиши пропало.

Бакли, штатный профессор, высокоуважаемый специалист по Чосеру, вне университета по манерам и внешнему виду напоминал подростка-переростка.

Ростом под два метра, он весил двести пятьдесят фунтов, имел физиономию закормленного мальчишки с пухлыми отвислыми Щеками и ходил в линялых джинсах и майках с непристойными надписями. Своим громовым голосом он запросто мог вмешаться в разговор за двадцать шагов от себя. К тому же в университете за ним водилась слава злого языка; Ян и сам мог убедиться, с каким смаком Бакли припечатывал всяких дураков. Во внеуниверситетской жизни солидный чосеровед обожал крутые детективы с мордобоем и дешевые фильмы ужасов – в последнем его вкус совпадал с пристрастиями самого Яна. Когда пять лет назад Бакли начал работать в К. У. Бреа, они с Яном подружились чуть ли не с первой встречи.

Эмерсон с улыбкой взял обе видеокассеты. На одной была изображена роскошная грудастая мексиканка, которая со значением облизывала большую клубничину.

– Где ты это раздобыл? – спросил Ян.

– Заглянул сегодня утречком в магазин – с самыми добрыми намерениями. Хотел взять кассету с "Влюбленными женщинами". Я читаю курс американской литературы "от Марка Твена до современности". На этой неделе ни хрена не подготовил для занятий, поэтому собирался выехать на показе фильма. Увы, не повезло, "Влюбленных женщин" не оказалось.

– "Влюбленные женщины" – это по роману Лоуренса?

– Ну да. У моих студенточек всегда мокро в трусиках, когда они видят, как Оливер Рид трясет своим пенисом. Я, к слову сказать, слегка смахиваю на Оливера Рида, так что у девчушек происходит сублимация, и они подставляют меня на место недостижимого актера. А я и не против.

– Ах ты, старый греховодник! – рассмеялся Ян.

– Пусть и греховодник, зато жизнью-довольник! – ухмыльнулся в ответ Бакли.

– Слушай, раз тебе так нужны "Влюбленные женщины", давай объединим несколько магазинов, где продают видео. Они еще не все закрылись.

– А как же "Лапочки из Гонконга"?

– В другой раз. Сегодня меня на них что-то не тянет.

– Ишь ты, его не тянет!.. Ты что, проказник, уже потерял свою морковку? И может, не один раз? Ян слабо улыбнулся:

– Ладно, поехали.

Он обнял Бакли за плечо и потащил к выходу.

– Старик, куда ты меня тянешь? – возмутился Бакли. – В девять почти все магазины закроются.

– Ну и хорошо. У нас есть целых полчаса. Кстати, магазины, где торгуют пластинками, открыты до одиннадцати.

– Ты молоток!

Друзья вышли из дома. Пока Ян запирает дверь, Бакли уже влез в свой "тандерберд" и завел двигатель. Он нагнулся и открыл замок двери со стороны пассажира.

– Впрыгивай, старина! Ян сел и пристегнул ремень безопасности. Машина резко сдала назад, тормоза завизжали, и через секунду "тандерберд" помчался по улице в сторону залива. Бакли врубил кассету "Лед Зеппелин".

– Я всегда гадаю, – сказал Бакли, – какого черта во всех фильмах мужики нашего возраста

слушают исключительно рок-н-ролл, ритм-энд-блюз, соул и прочую старую дребедень. Почему-то на студиях воображают, что белые зажиточные мужчины среднего возраста ностальгируют по пятидесятым и шестидесятым.

Ян ухмыльнулся:

– А мы на самом деле отпетые рокеры.

– Зря смеешься! Мы и есть рокеры. – Бакли прибавил звук, и гитара Джимми Пейджа стала лупить по барабанным перепонкам не хуже ракетного двигателя. – Во! "Метал"!!!

– Я думаю, – прокричал Ян, – современные группы не разрешают им использовать свои песни...

– Что?

– Я говорю, современные группы не разрешают им использовать свои песни. Поэтому студии вставляют в фильмы песни "с бородой".

– Что?

– Ладно, проехали! – крикнул Ян и мотнул головой: дескать, не важно. Бакли явно не слышал его, а пробовать перекричать гитару Джимми Пейджа было безнадежным делом.

Через пару минут песня закончилась. Бакли выключил магнитофон и покосился на Яна.

– Ты знал этого парня?

– Какого парня? – удивленно уставился на товарища Ян.

– Самоубийство.

– Самоубийство? Ничего не слышал.

– Не слышал? Ну ты, старик, даешь! Ты сегодня в университет уши забыл надеть? Студент геофака. Сиганул из окна естественно-научного корпуса. Ты что, не видел целую толпу полицейских и "скорую помощь"?

Ян отрицательно мотнул головой:

– Нет. Я целый день провел в Нейлсон-холле.

– Ив новостях об этом говорили. Ума не приложу, как ты мог пропустить!

– А-а, теперь припоминаю: я слышал, как студенты обсуждают чью-то смерть!

– Господи Иисусе, ты как с другой планеты! На университет может бомба упасть, а ты и не заметишь!

– Чего еще ожидать от рассеянного профессора? Они ехали по центральной улице на территории университета. Бакли рванул на желтый свет, так что их едва не подрубила машина справа. Бакли ругнулся и спросил:

– Куда сунемся в первую очередь?

– В "Блокбастер мьюзик".

– Хорошо. Пусть будет "Блокбастер мьюзик". Они повернули сперва направо – на Первую улицу, затем налево – на Дубовую. Здесь, в отличие от традиций восточного побережья, не было буферной зоны между университетской территорией и городом – никакого пояса роскошных колониальных особняков из красного кирпича вокруг университетских зданий, никакого забора с чугунными воротами, которые преграждают въезд в храм высшего образования. Территория университета начиналась внезапно – как продолжение оживленной городской улицы тридцатитысячного городка Бреа, сразу за мини-маркетом.

"Тандерберд" проезжал мимо университетской автостоянки, забитой машинами – свет фонарей играл на окнах и капотах. Но там не было ни единого человека, даром что в такое время хотя бы пара влюбленных голубков должна целоваться после вечерних занятий. Нет, машин было до черта, но рядом ни единой живой души. Поэтому стоянка выглядела пустынной, заброшенной, страшной. А на фоне добродушных уютных двухэтажных особнячков высокие здания университета казались зловещими, надменными, даже угрожающими.

Ян отвел глаза от этих неприятных темных громад.

– Ну, будем надеяться, что я найду-таки "Влюбленных женщин", – сказал Бакли. – Иначе я в заднице.

– Да-а.

Бакли покосился на друга и спросил:

– С тобой все в порядке? Ян заставил себя улыбнуться:

- Лучшее всех.
- Ну и отлично. Давай побыстрее отыщем оливер-ридский член.

Глава 4

1

Не будь этот семестр последним и не нуждайся она в большем количестве прослушанных курсов для получения диплома, Шерил Гонсалес никогда бы не записалась на семинар по маркетингу профессора Мэррика. По слухам, на сухих информативных лекциях толстокожего зануды без чувства юмора можно было заснуть от тоски, а его контрольные работы отличались особенной длиной и въедливым интересом к пустяковым деталям. Но лишь начав посещать семинары профессора, она почувствовала весь мерзкий садизм его натуры. Оказывается, слухи даже преуменьшали педантизм и толстокожесть Мэррика.

Всеми "прелестями" его характера Шерил могла "насладиться" еще тогда, когда записалась в список кандидатов на посещение семинара. Кандидатов было шесть, а свободных мест осталось только четыре (иметь в дипломе отметку о прослушанном курсе маркетинга хотели очень многие, а в группу набирали ограниченное число студентов). Вместо того чтобы принять решение сразу, в самом начале занятия, Мэррик заставил всех шестерых кандидатов просидеть до конца лекции и последовавшей затем дискуссии.

А его первое занятие закончилось не в девять, как полагалось, а в девять пятнадцать.

В девять пятнадцать! Первое занятие!

Тогда как нормальные профессора при первой встрече со студентами отпускали их за полчаса до времени официального окончания лекции.

Шерил поняла, что несладко ей придется в этом семестре. Мэррик ее помучает!

Сегодня вечером профессор явно шел на рекорд – уже девять тридцать, а он все что-то бубнит с кафедры. Несколько храбрецов тихонько покинули аудиторию через пару минут после девяти, но Мэррик проводил каждого дезертира таким кровожадным взглядом, что Шерил про себя решила: у профессора хорошая память на лица, и ввиду предстоящего экзамена не стоит лезть на рожон.

Поэтому, как и прочие трусы, девушка осталась на месте, хотя ее мочевого пузыря грозил лопнуть. Когда-нибудь этот старый дурак должен же закончить!

Как только Мэррик сказал, что следует прочитать к следующему занятию, и распустил группу, Шерил пулей устремилась в туалет.

Потом, моя руки, она рассматривала в зеркале свое бледноватое лицо. Как ни странно, в этом семестре Шерил чувствовала себя старухой. Не взрослой – взрослой она стала ощущать себя уже в старших классах школы. Она ощущала себя ветхой, усталой, как будто жизнь уже пошла под гору. Дело идет к тридцати, а она никак не окончит университет, все еще студентка. В таком возрасте ее мать была уже шесть лет замужем и имела четырехлетнего ребенка.

Шерил вытерла руки бумажным полотенцем. Сегодня утром, когда она шла в редакцию "Сентинел", две первокурсницы, глядя на нее, захихикали. Это было не ново. Ее вид частенько вызывал смех у других студенток. У Шерил были весьма передовые, хотя и своеобразные представления о моде, непонятные для глупых насмешниц. В сочетании с неряшливостью из-за недостатка времени ее наряды производили комическое впечатление. Однако на этот раз предметом зубоскальства стала не ее одежда. Нет, сейчас первокурсницы осмеяли Шерил как представительницу другого поколения – был осмеян весь ее стиль, от прически и макияжа до манеры одеваться и походки. До нее вдруг дошло, что "альтернативное" движение времен ее учебы в старших классах – дело давнего-предавнего прошлого. Когда-то они ниспровергали вкусы взрослых, но нынешняя молодежь смотрит на них как на замшелых консерваторов и чудаков. Точно так же она школьницей смотрела в свое время на тридцатилетних длинноволосых нечесаных и немых хиппи.

Это в высшей степени неприятно – вдруг обнаружить, что из авангарда ты вылетела в

арьергард, из эпатазирующе модной девушки превратилась в старую калошу. Ощущение неуютное, отвратительное.

Но, с другой стороны, обратной дороги нет. Она уже выбрала свой стиль и не сможет его изменить, не сумеет подстроиться под современность. Надо или упорствовать в своем прежнем стиле, или... или признать, что на протяжении многих лет она заблуждалась. Изменить славному прошлому было все равно что перечеркнуть его. А значит, в глазах совсем молодых она так и останется руиной прошлой моды...

Шерил швырнула бумажное полотенце в металлическую корзинку и, перед тем как подхватить книги, блокноты и сумочку, в последний раз взглянула на себя в зеркале. Ладно, не такая уж я страшная и не такая уж старая!

И профессор Мэррик, и его студенты уже ушли. На этаже царила тишина. Шерил зашагала в сторону лифта. Стук ее каблучков отдавался в коридоре глухим эхом. Проходя мимо очередной аудитории, она повернула голову и увидела сквозь открытую дверь прозрачные банки с костями и черепами и какими-то другими археологическими находками.

Девушка невольно ускорила шаг.

Никогда ей не нравилось это здание. Особенно по вечерам. Аудитории слишком тесные, слишком много устаревших зловещих наглядных пособий, покрытых слоем пыли. Хитрая система коридоров, в которых так одиноко. В этом здании ей всегда было как-то неуютно, как-то не по себе. Она знала, что это субъективно, что это вздор, но всякий раз, когда Шерил видела в пустом здании, вот как сегодня вечером, кости и черепа и прочие остатки древних цивилизаций, которых тут было видимо-невидимо, ее кожа покрывалась пупырышками от необъяснимого страха.

Пусть она и "старая калоша", но страхи у нее совсем детские. А кто может похвастаться, что с его детскими страхами покончено раз и навсегда?

Шерил подошла к лифту и машинально потянулась к кнопке "Вниз". Однако в этот момент ее взгляд упал на табличку, которая висела над контрольной панелью. "ЛИФТ НЕ РАБОТАЕТ".

– Черт!

Придется тащиться по лестнице.

Она подошла к двери на лестницу, открыла ее и стала спускаться по цементным ступеням. Ступени оказались какими-то скользкими – или это подметки туфель такие никудышные? Ей пришлось сунуть книги и блокноты под мышку, в эту же руку взять сумочку, а другой рукой крепко держаться за перила, чтобы не упасть. Лестница поворачивала круто, между этажами было по дополнительной площадке.

Шерил спустилась с шестого этажа на пятый, с пятого на четвертый. Она внимательно смотрела под ноги, чтобы не загреметь. И вдруг ее боковое зрение зафиксировало что-то постороннее.

Человек.

Мужчина!

Шерил быстро подняла глаза от ступеней.

Ниже, на лестничной площадке, стоял уборщик – просто стоял и ухмылялся, глядя на нее снизу.

Что-то в его ухмылке весьма не понравилось Шерил. Она покрепче вцепилась в перила и замедлила шаг. В руках уборщика была половая щетка. Но с тех пор, как Шерил заметила его, он ни разу не пошевелился. Стоял со щеткой в руке и с мерзкой улыбочкой таращился на нее.

Сейчас самое лучшее – быстренько повернуться и чесать обратно на четвертый этаж, от греха подальше. Однако то же упрямое чувство, которое заставляло Шерил придерживаться стиля ее юности и не отступать, толкало ее вперед. Девушка хоть и медленно, но спускалась вниз по ступеням.

Она шла прямо на уборщика.

А тот стоял столбом, молчал и с улыбкой таращился на нее.

Не будь же ты такой упрямой дурой, мысленно говорила себе Шерил. Беги прочь, чтоб за ушами ветер свистел! На четвертом этаже можно найти исправный лифт. Или на худой конец спуститься по другой лестнице, на противоположной стороне здания.

Но она шла вперед. Ступенька, еще ступенька...

И вот она уже ступила на лестничную площадку.

Тут уборщик пошевелился.

Шерил дико завизжала. Не смогла удержаться. А на самом деле он всего-навсего заработал щеткой – провел ею по полу в паре футов от Шерил. Но девушка отскочила в таком ужасе и так далеко, словно он собирался кувалдой перебить ей ноги. Она с трудом удержалась на ногах и чудом ничего не выронила из левой руки.

Тут мужчина расхохотался и двинулся в ее сторону, медленно работая щеткой. В его басистом смехе было что-то нездоровое, маниакальное. Никогда в жизни она не слышала столь отвратительного, зловещего смеха!

Теперь Шерил была настолько испугана, что решила больше не валять дурака и удирать на четвертый этаж. Но в тот момент, когда она стала поворачиваться, чтобы бежать вверх по ступеням, щетка подбюлила к самым ее ногам и больно ударила по пальцам. От неожиданности девушка отскочила и потеряла равновесие. Когда в следующее мгновение она занесла ногу на первую ступеньку, то сделала это неловко и споткнулась.

Шерил растерянно взмахнула руками; книги, блокноты и сумочка полетели в разные стороны. Еще через полмгновения, выставив руки вперед, она рухнула на ступени. В полете она ощутила удар щетки в спину – в кожу сквозь тонкий материал майки впилась жесткая щетина.

– Помогите! – не своим голосом закричала Шерил. – Помогите!

Ее крик тут же вернулся гулким эхом. Лестничная клетка гудела от многократно повторенного вопля, который мешался с неумолкающим басистым смехом уборщика. Шерил попыталась на четвереньках ползти вверх по лестнице, но щетка молотила ее по спине, и после каждой новой попытки продвинуться вперед девушка получала болезненный удар по позвоночнику, а потом и по рукам. Эти удары прижимали ее к ступеням. Она металась и корчилась, но оставалась все на том же месте.

Шерил разрыдалась – громко, со всхлипами. Плаксой она никогда не была – уж и забыла, когда в последний раз обронила хотя бы одну слезу. Но сейчас она редела как малое дитя – самозабвенно, горестно, неудержимо. В душе клокотала смесь дикого страха, ярости и отчаяния. Она чувствовала себя такой униженной, такой беспомощной. От ее привычного душевного равновесия и следа не осталось.

Шерил снова громко позвала на помощь, однако теперь это был не членораздельный крик "Помогите!", а что-то вроде рыка раненого зверя. И одновременно, несмотря на свои постоянные всхлипы и хаос в душе, она какой-то частью сознания зафиксировала то, что басистый смех за ее спиной прекратился.

Затем прекратились удары щеткой.

Шерил схватилась за перила лестницы, встала и, покачиваясь, двинулась вверх. Но сильная мускулистая рука схватила ее за кисть.

– Сейчас я тебя трахну, – прошептал уборщик. Как прежде он не мог прекратить смеяться, так и теперь он не мог остановиться и снова и снова повторял эти отвратительные слова:

– Счас я тебя трахну, счасятебятрахну, счасятебятрахну, счасятебятрахнусча-сятебятрахну, счасятебятрахнусчасятебятрахну...

Она кричала, визжала, боролась, рвалась прочь... Тщетно, у негодя были слишком крепкие руки. В какой-то момент он ухитрился расстегнуть молнию штанов и вывалить наружу налитой член. Шерил инстинктивно попыталась ударить его именно по члену, но он со всего маху саданул ее кулаком по левой груди. У нее перехватило дыхание. Было так больно, что она согнулась пополам.

Пока она хватала воздух ртом, он одной рукой сжимал кисть ее руки, а другой расстегивал ее джинсы.

Потом он одним движением сорвал с девушки и джинсы, и трусы, развернул ее к себе и стащил по ступеням вниз, на лестничную площадку.

Проехав спиной и затылком по лестнице, да еще с неотпускающей болью в груди, Шерил была настолько ошарашена таким обилием боли и ужаса, что уже не могла кричать.

Мужчина нагнулся, навалился всем телом и вогнал в нее свой член по самый корень.

2

На первом этаже в огромном холле царила атмосфера, свойственная лишь двум первым, самым хаотическим неделям учебного года. Тут стояли какие-то киоски и столы, шла кипучая деятельность разных студенческих организаций. Возле столика объединения студентов-республиканцев, покрытого красно-бело-голубым крепом, стоял унылого вида аккуратно подстриженный блондин и раздавал желающим профессионально сделанные брошюры. Чуть дальше красовался затянутый в зеленый шелк киоск черного братства, который окружала группа негров. У каждого на шее была цепочка с деревянным кулоном – скрещенные полумесяцы. Они шушукались о чем-то своем и громко смеялись. А в двадцати шагах от них бородатый студент возле стенда молодых демократов весело болтал с полногрудой девицей.

Для Яна эти первые недели семестра были самым любимым временем учебного года. Хотя начальство факультета подчеркнуто и навязчиво именovalo преподавателей и студентов "университетским сообществом", чувство подлинной общности со студентами у Яна возникало лишь в эти две первые, сумбурные недели нового учебного года. Все студорганизации и коммуны разворачивали агитацию и усиленно вербовали в свои ряды новичков. Царило радостное оживление – еще ничто не стало рутиной. В холле постоянно шло деловитое роение. Именно в такое время Ян чувствовал себя частью университетского сообщества, довольной пчелкой в улье, а не сторонним наблюдателем.

И ему нравилось растворяться в этой молодой веселой массе.

Даром что он опаздывал на свой первый семинар, он не мог не остановиться у доски объявлений. Его внимание привлек желтый листок с расписанием фильмов, которые предлагал к просмотру студенческий клуб любителей кино. В студенческой среде председатель этого клуба Бред Уокер был одним из самых бойких заводил. Пусть парень немного педантичен и слишком предсказуем, зато он отличный организатор. После университета из него получится первоклассный специалист по связям с общественностью.

Ну и какие фильмы они предлагают?

"Дьяволы". Это классика.

"Генри: портрет серийного убийцы". Неплохой фильм.

"Соло".

"Фырк".

Ян нахмурился.

"Влюбленный дедуля".

"Маленькая девочка и большой осел".

Это что – шутка?

Не могли же эстетствующие ребята Бреда Уокера отобрать для показа этакую дребедень! Ян знал, что Уокер обожает серьезные, модные у критиков проблемные фильмы – такие, как "Ганди" или "Малькольм Икс". В последние пять лет в студенческой среде наметилась тенденция отхода от культовых фильмов в пользу "милых" картин. Все чаще оглядывались на старые добрые шедевры десятилетней давности, которые на большом экране смотрелись лучше, чем по виду.

Но "Маленькая девочка и большой осел" или "Влюбленный дедуля"? Это просто ни в какие ворота.

Что-то прогнило в датском королевстве!

Настроение Яна резко испортилось. Хотя вокруг был прежний веселый гомон студентов и оживленная суета, что-то важное, хорошее исчезло. Его радостный энтузиазм по поводу нового учебного года и ощущение единства с молодежью – все исчезло.

Рядом с желтым листком, рекомендовавшим к просмотру откровенную похабщину, Ян заметил странные граффити – кто-то нацарапал карандашом: "Его задница порота самой Кэтрин Хепберн". Здесь, в холле, на доске объявлений, эта нелепая фраза была мерзостнее любой надписи в сортире.

Профессор Эмерсон поиграл желваками и, ссутулившись, побрел прочь.

Обычно курс литературного мастерства был самым занятым. Разумеется, в каждой

группе непременно попадалось несколько придурков – псевдоинтеллектуалов, вообразивших, будто они полны всяческих гениальных идей. Такие носились с мыслью, что они великие писатели, но до бумаги у них руки как-то не доходили, и вся их энергия уходила в пар высокоумных дискуссий. Однако большинство студентов были более или менее одаренные ребята – целеустремленные трудяги, с которыми интересно вести долгие разговоры и жарко спорить. Семинары литературного мастерства были самыми неформальными, самыми непредсказуемыми и увлекательными.

Но в этом семестре группа подобралась – хуже не придумать. Любимый курс литературного мастерства грозил превратиться в муку мученскую. Конечно, не боги горшки обжигают, и если первые сочинения тех, кто желает писать и только-только начинает творить, бывают ужасными, то к концу года положение заметно поправляется. Однако в первых письменных работах этой группы не было и проблеска таланта. Беспомощный язык, отсутствие образного мышления – и невообразимо скучно. И все писали под Апдайка – его темы, его конфликты. Последняя мода среди "серьезных" студентов.

Исключением был только парень, которого звали Брент Киилер. На сегодняшнее занятие он не явился, и его лица Ян никак не мог припомнить.

Этот Киилер представил на суд преподавателя только одну страничку. Крутое порно.

Однако какой стиль! Четкие и ясные, хорошо закругленные хлесткие фразы. Киилер описывал похотливые фантазии подростка, героиней которых была его родная сестра. Реализм и знание предмета были настолько велики, что Яну стало слегка не по себе, когда он прочитал, а затем и перечитал эту страничку.

"Маленькая девочка и большой осел". Ему очень хотелось заглянуть в глаза парню, который мог потратить столько таланта на этукую грязь. Однако Киилера в аудитории не было. Предстояло полтора часа размеренно метать бисер перед свиньями. Рехнуться можно!

Профессор Эмерсон обвел аудиторию усталым взглядом и начал сыпать словами:

– Отлично, друзья. Сегодня мы поговорим о структуре...

После лекции Ян шел по длинному коридору в сторону лестницы вслед за ватагой студентов, одетых в одинаковые майки. На предплечье у каждого красовалась татуировка – имя какого-нибудь популярного нынче андеграундного ансамбля.

Что за человеком нужно быть, чтобы носить на своей руке рекламу занюханной местной группы музыкантов?

Серьезность, с какой эти ребята относились к своим музыкальным кумирчикам, попросту угнетала Яна. Он вспоминал свою молодость, расцвет рок и панк-музыки, новую волну и хэви-метал. Тогда ведь тоже была молодежь, которая не просто слушала самую современную музыку, но и превращала ее в свой стиль жизни! Что с ними стало? Где они теперь? Кто они теперь? Небось кожаные куртки и штаны сменились элегантными тройками, да и стоячие разноцветные чубы давно канули в лету. Теперь бывшие панки аккуратно зализывают назад остатки волос, чтобы прикрыть начинающую лысеть голову...

Беда заключалась в том, что те давние времена никак не желали забываться. Пришла на память строка Элиота: "Вставай, настало время..." Вставать и убираться восвояси не хотелось. Пригибало к земле сознание, что время пролетело так незаметно. Осталось меньше, чем прожито. Только кажется, что он был студентом год или два назад. На самом деле дети его самых первых студентов скоро пойдут в университет!

Дальше Ян шел глядя в пол. Он заметил, что с годами фанатики моды стали действовать ему на нервы. Стали казаться дураками. А в конце шестидесятых, когда движение хиппи было в самом разгаре, он, помнится, отстаивал и длинные волосы, и потертые джинсы, а также злоупотребление бусами и пуговицами. Профессора, осуждавшие хиппи, казались ему отвратительными ретроградами. Он твердил, что за длинными волосами и потертыми джинсами стоит целая философия, и одежда для хиппи – способ самовыражения.

Но когда в конце семидесятых явились панки, Ян заметил, что его симпатии мало-помалу смещаются в сторону благовоспитанных граждан в нормальных костюмах. Словом, истеблишмент перетягивает его на свою сторону. Панки, по мнению Эмерсона, были намного тупее своих предшественников, их стиль лишен философской начинки и насквозь надуман.

В последнее время стили менялись часто и были настолько бессодержательны и глупы,

что Ян не тратил время на то, чтобы разбираться в них.

"Старею", – горестно вздыхал он про себя.

Профессор дошел до конца коридора, открыл дверь на лестницу и стал не спеша спускаться на пятый этаж – на кафедру английского языка и литературы. Тяжелый портфель оттягивал руку. Ян был как медленнодвигающееся бревно на реке студентов, которые торопливо сновали по лестнице вверх и вниз. Мимо пробегали парни и девушки, громко болтая о каких-то своих делах, о планах на уик-энд и других вещах, никак не связанных с университетской жизнью. В лестничном колодце стояла духота, одуряюще пахло разными духами и потом. Эхо громких разговоров больно било по барабанным перепонкам. Доносились только обрывки разговоров – по две-три фразы. Большая часть слов тонула в общем гвалте.

Вот, наконец, и пятый этаж – тихая гавань кафедры английского языка и литературы.

Из крохотных аудиторий слышались лишь приглушенные голоса. Коридоры были почти пусты. Сюда редко заглядывали всяческие комиссии.

В отличие от шестидесятых и семидесятых годов, когда курс английской литературы норовили пройти студенты буквально всех гуманитарных факультетов, нынче изучение изящной словесности явно не в фаворе. Прежде трудно было вообразить интеллигента без солидных знаний в области литературы. Теперь курс по связям с общественностью в интеллигентском наборе котируется выше... Да, лучшие времена минули. Кафедра идет ко дну, а с ней и Ян...

"Господи, – подумал он, – что же я так разбрюзжался? Что со мной такое?"

"Маленькая Девочка и большой осел".

Очевидно, всему виной желтый листок с программой фильмов. Он здорово ударил по нервам и с самого утра испортил настроение.

Да, вся муть со дна души поднялась и не желает оседать.

Не хочется признаваться, но происходит черт знает что. Чтоб его, такого прогрессивного обожателя "черных фантазий", любителя эротических фильмов и ярого поборника права граждан иметь оружие – чтоб его повергло в такой шок коротенькое объявление о нескольких глупых порнофильмах! Фу! Эмерсон представлял, каким словом припечатал бы его Бакли, если бы узнал о происходящем. Он бы презрительно процедил: "Старпер хренов". Может, он и прав. Может, Ян и не заметил, как превратился в банального старпера, ханжу и зануду... Так или иначе, но клубная программа фильмов не выходила из памяти.

Зайдя в свой кабинетик, Ян посмотрел на настенные часы и бросил портфель на стол. 11.10. Заседание кафедры начнется лишь через двадцать минут. Вполне достаточно времени, чтобы смотаться в буфет и перекусить – хотя бы гамбургер на ходу проглотить. Но не было настроения толкаться в очередях. Поэтому Эмерсон рухнул в вертящееся кресло и просто отпил глоток теплой кока-колы из наполовину пустой банки, стоявшей на столе. Затем взял в руки антологию "черной фантазии", по которой он занимался со студентами.

Гиффорд.

Неужели тот чокнутый, который говорил ему апокалиптические слова после лекции, и есть автор этой отличной антологии?

Похоже, так и есть.

Ян полистал книгу. Отменный выбор! Совершенно ясно, что составитель великолепно знаком с жанром и обладает хорошим литературным вкусом. Отобраны не только лучшие работы в области "черной фантазии", но и самые характерные! Причем никто из достойных авторов не пропущен. Имея столько достоинств, антология одновременно короче других, куда менее удачных (а их на рынке десятки!). Этот Гиффорд потруился на славу и сумел выбрать самые лучшие произведения.

"Нам надо покончить с университетом, пока он не покончил с нами".

Ян отложил книгу и открыл портфель, чтобы найти "диссертацию" Гиффорда. Ее в портфеле не оказалось. Вот досада – дома забыл! Несколько дней назад после работы он попытался прочесть творение Гиффорда, но осилил только десять страниц. Текст был хаотичный, почти неудобочитаемый. Какая-то бессмыслица. Не было ясной композиции и предварительных тезисов, как в нормальной научной работе, зато вся "диссертация" составлена из "умных слов" – сухой, псевдонаучный жаргон не мог не раздражать такого тонкого стилиста,

как Ян.

Но сейчас, благодаря мизантропическому настроению, он с удовольствием почитал бы это научное брюзжание. Жаль, жаль, что он забыл гиффордятину дома...

"Маленькая девочка и большой осел".

...было бы любопытно выяснить, что же Гиффорд пытался сказать в своей пухлой работе.

Ян закрыл портфель и откинулся на спинку кресла, глядя на книжные полки у противоположной стены. Возможно, он так угнетен потому, что в последнее время читает исключительно "черные фантазии"? Неужели эта литература исподволь нехорошо действует на его сознание, превращая в подозрительного и всем недовольного настороженного типа? Ведь обхохочешься, что происходит: сидит он сейчас в своем кабинете и вожделеет прочитать "диссертацию" больного человека о том, что университет – гнездилище зла и в скором времени пожрет своих детищ. И это настроение спровоцировано тем, что Ян узнал о постыдной деградации вкусов в студенческом клубе любителей кино!

Надо бы встряхнуться и обновить свой интерес к жизни.

Что значит "надо бы"? Просто необходимо встряхнуться и воспрянуть к новой жизни! Иначе ему кранты.

С тех пор как Эленор оставила на автоответчике сообщение, отменяющее их свидание, Ян так и не связался с ней. А она безуспешно пыталась поговорить с ним. Университетские секретарши передавали ему, что некая Эленор просила его срочно позвонить ей.

Сколько же можно оставаться в позе обиженного и мучить женщину?

Он покосился на телефон и хотел немедленно позвонить бедняжке Эленор, но потом решил, что она, наверное, на работе, а звонить туда... Его одолевала странная вялость.

– Привет, дружище!

Профессор повернулся к двери. На пороге стоял Бакли и жевал жареный картофель.

– Поделиться? – спросил он, протягивая пакетик с картофелем.

Ян отрицательно мотнул головой.

– Занят?

Ян пожал плечами:

– Не то чтобы очень.

– Нам бы надо обсудить стратегию.

– Какую еще стратегию?

– Стратегию нашего поведения на предстоящем заседании кафедры.

Бакли зашел в комнату, плотно прикрыл за собой дверь и сел на стул.

– Кифер только что вернулся с совета попечителей, – сообщил он. – Я прошел в двух шагах от него, а он сделал вид, будто не замечает меня. Паскудник просто потупил взгляд и молча шмыгнул мимо. Понимаешь, чем это пахнет для всех нас?

– Стало быть, ему вставили пистон, – произнес Ян.

– Ты знаешь, такие, как он, сами с готовностью снимают штаны, чтобы им вставили.

– Ив чем же будет заключаться наша стратегия? Бакли запустил в рот пригоршню картофеля и, жуя, сказал:

– Надо выступить против мерзавца с открытым забралом. Этот старпер хренов нас всех продаст с потрохами. Мы должны его хорошенько вздрючить, чтобы в следующий раз он не стелился перед начальством и отстаивал интересы нашей кафедры, как мужчина. А так ему прикажут, и он покорно нами подотрется. Любым из нас.

– Тактика встречного запугивания?

– Срабатывает неизменно.

Ян кивнул.

– Ладно, будем давить на начальство, пока оно нас не задавило. А теперь дай мне картошечки. В животе бурчит от голода.

Заседание кафедры происходило, как всегда, в конференц-зале.

Бакли и Ян прошествовали через холл вместе, заглядывая по пути в кабинеты приятелей и собирая рекрутов-сторонников. Они прихватили Иоахима Переса, Лоуренса Роже, Миджа Коннора, Элизабет Сомерсби, Тодда Круза и Франсину Эшентон. Группа получилась впечатляющая.

Когда восьмерка, маленькая демонстративно сплоченная толпа, прибыла в конференц-зал, вся старая преподавательская гвардия во главе с Кифером уже была там и подчеркнуто проигнорировала появление бунтарски настроенной не слишком молодой "молодежи".

Новопришедшие расселись вокруг огромного стола. Но обе группы – "молодежь" и "старая гвардия" – держались настороженно.

Постороннему человеку достаточно было один раз взглянуть на сидящих за длинным столом, чтобы сразу догадаться об идущей тут войне и точно показать пустующие стулья, которые отделяют один лагерь от другого.

Ян сел напротив Кифера – левый фланг "молодежи"; Бакли сидел через шесть стульев, замыкая правый фланг.

– Ну, как дела? – осведомился Бакли у противной стороны стола. И тут же предостерегающе поднял руку:

– Не надо, не надо отвечать. Вопрос риторический. Я не желаю получить по голове цитатой из античной классики. На другое ваша переначитанная братия не способна.

– Переначитанная? – ядовито переспросил Тодд Круз.

Остальная "молодежь" с готовностью рассмеялась.

Кифер, заведующий кафедрой, промолчал, рассеянно обводя глазами стены конференц-зала и теребя свой галстук. Экая дубина, подумал Ян.

Он встретился взглядом с Бакли, и тот незаметно подмигнул ему: дескать, знай наших!

Наконец Кифер нервно откашлялся.

– Итак, все в сборе. До одиннадцати тридцати еще несколько минут, но, думаю, можно начинать. Как вам известно, в последние годы наша кафедра тяжело пострадала от сокращения бюджета. Объявлен мораторий на прием новых преподавателей, пришлось отказаться от многих хороших внештатных лекторов, а кое-кого даже уволить. Количество студентов, желающих прослушать наши курсы, упало до трагически малого уровня. Мне горестно выступать в роли вестника беды, но я вынужден сообщить, что в этом году государственное финансирование университета будет снова уменьшено. Сегодня совет попечителей обсуждал перспективы на будущий год; сказано было: надо экономить, потуже затянуть пояса. Таким образом, кафедре на поддержку надеяться не стоит – остается уповать исключительно на собственные силы. Денег у нас будет еще меньше, чем в прошлом году.

– И вы, Кифер, сидели на совещании и помалкивали? – возмущенно воскликнул Бакли. – Вам говорили о расточительности кафедры английского языка и литературы, а вы покорно кивали и обещали исправиться? Тогда как вы должны были вопить о нашей нищете, вносить предложения и биться за нас, как тигр!

– Разумеется, я протестовал против намерения сэкономить за счет нашей кафедры. Я протестовал до хрипоты. Ведь это мой долг – отстаивать интересы кафедры английского языка и литературы!

– И однако... – не унимался Бакли.

– И однако я не смог найти весомых аргументов, почему именно моей кафедре надо выделить побольше денег, когда страдают от недофинансирования все кафедры. Другие могут похвастаться увеличением количества студентов, которое требует расширения штата преподавателей и приобретения нового оборудования. Мне тут крыть нечем. А совет попечителей видит не отдельные деревья, а весь лес. Они думают об университете в целом и распределяют деньги в интересах всего университетского сообщества.

– Да бросьте вы, – вмешался Ян. – Пустые слова! Скажем, бюджет кафедры легкой атлетики невероятно раздут и никак не соответствует количеству их студентов.

– Университетские спортивные команды...

– ...полное фуфло. Их успехи равны нулю. Кто слышал о спортивных командах К. У. Бреа? Никто. Бреаская футбольная команда никудышная. Баскетболисты никчемные. Проснитесь, Кифер! Раскройте глаза! Славу университета создают его академические, а не спортивные успехи. В нашем же случае даже и этих последних нет. Только денежки переводим. На самом деле все средства надо вкладывать в фундаментальную науку.

– Да! – поддержал его Мидж Коннорс. – Сколько нам терпеть статус второстепенной кафедры!

- Что вы хотите – начальство любит спорт. Бакли с негодованием затряс головой.
- Господи, Кифер, выньте мозги из задницы и попробуйте начать соображать!
- Ладно, мистер хам, что вы предлагаете? Бакли и Ян довольно переглянулись, и Ян с улыбкой сказал:
- Ну, если вы наконец соизволили спросить наше мнение, то мы думаем так...

5

Фейт возненавидела семинар по американской литературе двадцатого века.

Этот досадный факт обнаружился через неделю. Профессор Лоуренс Роже, читающий курс, виноват не был – хотя он мог бы вести занятия и с куда большим жаром. И содержание курса никак не могло оттолкнуть Фейт – она давно планировала прочитать все те книги, которые предстояло проработать.

Все дело было в остальных членах группы.

Никогда она не видела коллектива, где собрано столько дураков и претенциозных жлобов!

Напрасно Фейт воображала, что Кейт превратился в никудышного сноба. Ее брат был сущим ангелом по сравнению с этим интеллектуальным сбродом – юнцами и девицами, которые уже судили обо всем и фыркали на "безмозглость" профессоров.

Ей было особенно тошно от того, что эти дураки и дуры действительно были умны. Очень умны. Рядом с такими блистательными умами Фейт тушевалась. Впервые в жизни она попала в среду, где все были – или казались – умнее ее. Она постоянно чувствовала себя неполноценной. Во время семинара, при разборе рассказов, многие студенты высказывали с ходу такие глубокие и оригинальные мысли, какие не пришли бы Фейт в голову и после целого вечера размышлений! Правда, говорили эти ребята с отвратительным высокомерием, как бы растолковывая профессору очевидные истины, но Фейт в глубине души знала, что злится не на манеру вещать свысока, а на то, что они такие талантливые. Когда профессор пытался разнести в пух и прах их концепции, эти гордецы смело отстаивали свои идеи.

Да, очевидно, именно за это она ненавидела группу – потому что семинары пробуждали в ней комплекс неполноценности. Она чувствовала себя такой дурой...

А впрочем, и это не было истинной причиной ее злости.

Разве что только составной частью причины.

Причина лежала где-то глубже.

К счастью, с другими предметами дела обстояли лучше. Курс литературного мастерства не доставлял никаких хлопот. Там хоть совсем мозгами не работай. Антропология и мировая история, алгебра и ботаника также никаких проблем не порождали.

Зато американская литература...

На семинарах по американской литературе в аудитории было достаточно свободных мест. Большинство студентов уже выбрали постоянные места. И только Фейт каждый раз перебиралась на новое, пристраиваясь то там, то здесь в поисках общения. Сегодня она приглядела самого надменного и претенциозного парня и продрейфовала к нему. Он был лишь на несколько лет старше ее, но уже начинал лысеть. Длинные волосы были собраны на затылке в конский хвост, отчего его женоподобное лицо становилось еще более женоподобным. Зато он не говорил, а ронял слова, одаривал окружающих своей мудростью. Перед началом семинара парень уже успел выдать несколько перлов о том о сем, и в частности, об иностранном фильме, виденном накануне. Его слушали двое таких же высокомерных, самовлюбленных студентов.

– Так, ребятки, – сказал профессор Роже. – Давайте приступим. Сегодня разбираем "Освобождение" Джеймса Дикки. Все прочитали роман?

Лес поднятых рук.

– Хорошо, хорошо. Я, конечно, понимаю, что кое-кто из вас врет, но ценю то, что у вас хватает ума врать. Только инициативные люди берут на себя труд лгать. Поэтому я на них не сержусь. Как сказал герой Достоевского: "Я люблю, когда врут! Вранье есть единственная человеческая привилегия перед всеми организмами". Итак, что вы думаете о романе?

– Он намного лучше фильма, – сказал кто-то. Студенты рассмеялись. Фейт резко обернулась, чтобы узнать, кто это сказал. Первый раз она видела порезанный цензурой фильм

по телевизору еще девочкой. Пару лет назад смотрела по кабельному телевидению полный вариант – и он ей не очень-то понравился. Верная дружба грубых мужчин не произвела на Фейт впечатления, а сцены насилия были просто отвратительны. Но, как ни странно, роман ей понравился. Вроде бы тот же сюжет, те же герои, но живые, интересные, их поступки и чувства действительно мотивированы и понятны. Весьма занятный роман.

Мистер Мудрец, рядом с которым она сидела, решил одарить всех своим мнением.

– Я нахожу, – изрек он, – что описания природы крайне затянуты. Слишком много деталей, которые не несут никакого символического или метафорического значения. Описания ради описаний. Роман в итоге чересчур длинный. Будь это повесть, эффект получился бы куда сильнее.

Господи! Сказанул так сказанул!

– А мне понравились описания природы. По-моему, это самое прекрасное в романе.

Голос прозвучал с последнего ряда. Фейт оглянулась. Говорил высокий худой парень с длинными спутанными волосами и открытым интеллигентным лицом. Даже сидел он иначе, чем другие: не вразвалку, а прямо. Знакомое лицо... хотя Фейт прежде его вроде бы не видела.

– Продолжайте, – поощрил молодого человека профессор.

– Когда выезжаешь на природу, происходит так, как в романе – начинаешь обращать внимание на детали окружающего пейзажа. Каждый пустяк приобретает значение. Замечаешь узловатый ствол, запоминаешь, где и что растет, любишь форму лишайников. Природа вокруг кемпинга становится твоим миром, и ты с энтузиазмом изучаешь его. Дикки отлично запечатлел это неспешное, любовное освоение окружающего пространства.

Мистер Мудрец медленно повернулся на стуле в сторону говорящего.

– На мой взгляд, то же самое можно было изложить вдвое короче. Нам, читателям, совсем нет нужды знать все подробности, если в них отсутствует смысловая нагрузка. Подробности ради подробностей – это непрофессионально.

– А по-моему, читатель наслаждается именно точными подробностями.

– Но какой от этого прок – в интеллектуальном плане?

Фейт глубоко вдохнула, собрала в кулак всю свою смелость и сказала:

– Я считаю, что Дикки прибегает к таким пространным описаниям для правдоподобия. Он стремится создать реальный мир, а всякий реальный мир полон вроде бы ненужных подробностей. Так не бывает, чтобы в романе абсолютно все несло смысловую, символическую, метафорическую или еще какую-то нагрузку. Многие вещи описывают ради удовольствия описывать их, ради создания полноты бытия...

– Да-да, именно так, – подхватил студент с последнего ряда. – Я как раз это хотел сказать!

Фейт оглянулась. Парень с длинными спутанными волосами кивнул и дружелюбно улыбнулся ей.

Его звали Джим Паркер, и работал он в штате университетской газеты. Редактировал и писал заметки.

Фейт беседовала с ним несколько минут – сначала в опустевшей аудитории, а потом по дороге к лифту. Джим казался довольно милым – умный, но без высокомерия – и понравился ей буквально сразу.

Они сошлись в своей нелюбви к мистеру Мудрецу и прочим чересчур претенциозным студентам.

Фейт и Джим так разговорились, что девушка испытала чувство досады, когда пришел лифт Внизу, в холле, они разойдутся каждый в своем направлении. У нее лекция по ботанике, у него какие-то дела... И не долго думая Фейт солгала, что у нее больше нет занятий и... "не выпить ли нам вместе по чашечке кофе?"

Джим извинился – ему надо спешить в редакцию, готовить завтрашний выпуск, очень много работы.

– Но позвольте мне пригласить вас в другой раз, – сказал он. – Всего доброго.

Фейт трудно было решить, действительно ли у него много дел в редакции или это надуманный предлог, чтобы вежливо отказаться от приглашения. Поэтому девушка лишь улыбнулась и сказала "пока". Джим зашел в лифт и уехал вниз. Она с ним не поехала, стала дожидаться следующего лифта.

Пусть свидания и не получилось, в биологический корпус Фейт шла почти вприпрыжку. Она была весело возбуждена.

Парень ей очень понравился.

Как она ни спешила, на лекцию по ботанике она опоздала, и на свое место пришлось тихонько пробираться под недовольным взглядом профессора.

Хотя на лекцию пришли многие студенты, свободных мест в аудитории хватало, потому что это был большой зал с рядами амфитеатром, рассчитанный на двести человек. Во всем университете таких громадных аудиторий насчитывалось всего три, и все они были оборудованы по последнему слову техники – множество разного рода проекторов и демонстрационных экранов. До сих пор профессор биологии никаких электронных чудес не использовал, просто рассказывал с кафедры. Но сегодня столы на лекторской платформе были уставлены клетками и прозрачными ящиками. В клетках сидели разные зверушки – от крыс и морских свинок до собак и кошек. А в ящиках находились какие-то сухие растения.

Фейт нашла местечко сразу у двери и, стараясь не шуметь, вынула из своей папки блокнот и ручку.

– ..а теперь я продемонстрирую действие токсичных трав на различных животных, – говорил профессор.

Тут одна из собак громко залаяла.

Профессор надел на лицо белую хирургическую маску. Его голос стал приглушеннее, но все равно достигал и самого последнего ряда.

– Начнем с малышки монокотиледонеи из семейства сцитаминей, – сказал профессор и вынул из прозрачного ящика какой-то цветок и сухой стебель. – Это растение из бассейна Амазонки, но оно легко культивируется и у нас, в Северной Америке. Если его съест крыса, то... сейчас мы увидим... – Он просунул монокотиледонею между прутьями клетки, и голодная крыса накинулась на нее.

Профессор начал распространяться, на что похож яд этого растения, но тут крыса вдруг бросила стебель и стала метаться по клетке. Она с силой насакивала на тонкие железные прутья, казалось, не замечая боли. Через несколько секунд она была вся изрезана и истекала кровью. Однако снова и снова рвалась на волю.

Затем обмякла, упала, ее окровавленные бока какое-то время еще вздымались, началась короткая агония.

– Еще более любопытное воздействие на живой организм оказывает...

Не прерывая рассказа, профессор сунул в клетку к морской свинке какой-то стебелек. Свинка, будто понимая, что это яд, отбежала подальше. Но профессор настаивал, тыча ей стебельком в морду.

В итоге он буквально запихнул ядовитое растение в рот морской свинке, которую уже через пару секунд начало рвать кровью.

Фейт отвела взгляд. Ее поташнивало от отвращения. Она была возмущена до глубины души.

Ведь это же незаконно – так вот издеваться над животными! Неужели надо убивать зверьков лишь для того, чтобы продемонстрировать действие яда? Да она бы и так поверила, на слово. И все остальные студенты поверили бы!

Но профессор, похоже, наслаждался опытом.

– Смотрите, наш пушистый дружок оказался бессилен против этого растения. Что и требовалось доказать.

Затем он с таким же упоением отравил кота. Тот покрутился, покрутился на месте – и упал в агонии.

Фейт не могла на это смотреть. Она прошла взглядом по аудитории. Десятки студентов аккуратно строчили в своих блокнотах. Казалось, все они находят естественным, что перед их глазами ни за что ни про что – из чистого баловства – убивают живых существ.

Кот испустил последний жалобный вопль и затих навсегда. Фейт содрогнулась. А девушка рядом с ней даже глазом не моргнула.

Возможно, есть закон, позволяющий убивать животных для обучения студентов. Но если такой закон и существует – он не правильный! Ведь это же не научный опыт, черт возьми, а

бессмысленная демонстрация банального факта: яд имеет свойство убивать. Жестокость ради жестокости! И ничего больше!

Фейт замутило, и она сделала несколько глубоких вдохов, чтобы ее не вырвало. Кто-то должен положить конец этому. Кто-то должен...

Джим.

Да, Джим! Она расскажет ему об этом. Он ее поймет! И он работает в университетской газете, а значит, может напечатать заметку об этой бессмысленной гадости. Если все студенты университета, а не только эти сухари-биологи, будут знать о том, что животных убивают практически из баловства, – поднимется общий крик протеста. Вполне возможно, что биологическому факультету или совету попечителей придется уступить перед лицом массового негодования. Надо бороться с этим нестерпимым безобразием!

– Обратите внимание, как вспучился и прорвался живот кота, – пояснял профессор. – Если кто не понял – от нестерпимой боли зверь сам прогрыз себе живот. Видите, сколько крови...

Джим! Скорее к нему! И прочь отсюда. Фейт спрятала блокнот и ручку в папку, встала и, не обращая внимания на удивленные взгляды, вышла из аудитории.

Глава 5

1

Стоял типичный южнокалифорнийский день. Горы на севере прятались за стеной серого тумана, а гимнастические залы в дальнем конце университетского городка были погружены в желтовато-сизое марево смога. Джим надышался этого зловонного и ядовитого воздуха, и у него нестерпимо болела голова.

Он стоял в очереди в столовой и скучал. Поглядев через окно на бледное, серовато-желтое небо, Джим со вздохом вспомнил белоснежные облака над родным Уильямсом, по ту сторону гор. Небо чистейшей голубизны до самого Нью-Мексико!

Вот бы сейчас оказаться там!

Мимо прошла группа студенток, одетых почти одинаково – шорты и майки, обычная летняя униформа, хотя уже вторая половина сентября.

Что ж, есть свои преимущества и у жизни в жаркой Калифорнии...

В животе у него громко заурчало. Джим посмотрел через плечо стоящего перед ним парня – что там копается эта девица? Сколько она будет возиться со своим подносом!

Пока дождешься своей очереди, бухнешься в голодный обморок!

Он проучился в К. У. Бреа уже четыре года, и в столовой не один раз полностью сменился почти весь персонал, а работают всегда одинаково плохо. Из-за одного стакана кока-колы можно простоять в очереди десять минут!

Джим посмотрел на очередь за собой. Какие унылые лица! Какие пустые взгляды! Впервые он обратил внимание на то, что в очереди никто не разговаривает. Стоят и тупо ждут. Зрелище угнетающее. Как глупо! Сколько времени пропадает зря!

Опять он ощутил себя не в своей тарелке, чужаком в чужой стране.

Это тоскливое чувство уже не раз посещало его после возвращения в Калифорнию. Конечно, это ненормально, это аберрация сознания. Ему здесь хорошо, он просто себя накручивает... Но с другой стороны, что это за студенты, которые молча стоят в очереди. Так не бывает. Обязательно будут трепаться. Он переводил взгляд с одного лица на другое и видел только тяжелую, бездумную пассивность. Его внезапно проняла дрожь. Джим заставил себя отвернуться и стал смотреть прямо перед собой.

Ничего не случилось. Ничего конкретного. Но он нутром ощутил в тупых бездумных лицах, в окаменелых позах такой заряд агрессивности, что ему стало не по себе. Такие же лица, полные глухой ненависти, он видел только однажды – на концерте, который проходил на стадионе "Форум" в Лос-Анджелесе, как раз перед взрывом насилия, когда было убито несколько человек и сгорели десятки зданий. И тогда, на стадионе, ничего особенного не

происходило. Люди просто смотрели, но вся атмосфера искрилась обещанием насилия. Словно вместо воздуха был взрывоопасный газ: чиркни спичкой – и все полетит в тартарары. Эта гнусная предгрозовая атмосфера не дала ему вполне насладиться концертом. Он был рад-радехонек, когда выбрался из толпы и вернулся в округ Орандж, в тихий спокойный район, где обитали незлобивые представители среднего класса.

Сейчас, в студенческой столовой, царила та же атмосфера – хотя страха она нагоняла меньше, чем молчаливая озлобленность стотысячной массы на стадионе.

Однако Джиму было так неприятно ощущать за своей спиной несколько десятков тихо кипящих яростью студентов, что он уже подумывал о бегстве. Черт с ней, с этой очередью и с обедом, лучше возьму мерзлый бутерброд в автомате!.. Но он уже столько отстоял, что уходить было глупо. К тому же от раздачи его отделяла уже только одна спина. Да и чего он так испугался? День на дворе. И здесь никто не схватится за палки. За окном такой спокойный пейзаж: на газоне два парня пересмеиваются и учат большого черного Лабрадора ловить в воздухе котлетки. По дорожкам толпы студентов перемещаются между корпусами.

Тут не то место, где может произойти что-нибудь дурное.

Расслабиться Джим смог только минут через пять, когда наконец получил обед. На то, чтобы съесть его, он потратил меньше времени, чем в очереди. Подхватив пакет с чипсами, он вышел из столовой и быстрыми шагами направился к редакции. На ходу налегал на чипсы, чтобы быстренько их прикончить – иначе придется поделиться, голодных охотников до чипсов в редакции навалом.

Перед библиотекой Джим замедлил шаг. Где-то там сейчас работает Фейт Пуллен, девушка, с которой он познакомился на семинаре по американской литературе.

Снова на душе стало нехорошо: вспомнилось, как Фейт недавно примчалась в редакцию кипя яростью. Она почти с пеной у рта поведала о "жестокое обращение с животными" на занятиях по биологии. По ее словам, крыс, морских свинок, котов и собак в присутствии студентов травили разными ядовитыми растениями. Без всякой нужды. Фейт утверждала, что профессор хотел этим показать воздействие ядов на живой организм.

Животных мучают без всякого резона? Джим поверил в это мгновенно. Как же он настроен по отношению к университету, если сразу же поверил в такую мерзость? Вот это-то и пугает!

Еще дрожа от возбуждения, Фейт присела на стул возле Джима, чтобы сообщить ему имя профессора и все подробности затеянной им бойни.

– Я не знаю, законно ли то, что он делал, – сказала девушка. – Но если и есть такой закон, с моральной точки зрения это гнусно. Мне кажется, весь университет должен узнать об этом безобразии.

– Я тоже так считаю. И обязательно пошлю нашего сотрудника во всем разобраться.

Впервые за все время пребывания в редакции Фейт улыбнулась.

– Большое спасибо.

Джим спросил, не хочет ли она пообедать с ним – время шло к ленчу. Девушка отказалась – дескать, ей сейчас бежать на работу в библиотеку, и она уже опаздывает. Он не знал, что это – вежливый отказ и она не хочет с ним встречаться или у нее действительно нет времени. Они попрощались. Ему хотелось сказать, что было бы неплохо когда-нибудь выпить вместе чашку кофе... но он промолчал.

Так или иначе он увидит ее в среду, на семинаре по американской литературе.

Джим поискал Фейт глазами за стеклянной стеной первого этажа. В холле библиотеки ее не было. Жаль.

Покончив с чипсами, он вошел в редакцию. В общей комнате сидели Стюарт, Форд и Эдди. Развалившись на стульях, они лениво трепались.

– За работу, ребята, – приказал Джим. – Никто не уйдет домой, пока полосы не будут сданы и отправлены в типографию. Никаких поблажек. Хватит авралов. Работают все дружно и дружно уходят.

Эдди вскочил и выкинул руку, гротескно имитируя фашистское приветствие.

– Яволь, майн командант! – браво выкрикнул он.

Джим ухмыльнулся и покачал головой.

– Клоун!

По пути на свое место он обратил внимание на Шерил Гонсалес, редактора отдела развлечений. Она сидела в кресле и с угрюмым лицом смотрела в окно. В последние дни Шерил стала удивительно молчалива. Джим чувствовал, что с ней что-то не то, но поговорить начистоту не решался – вдруг ей не хочется, чтобы лезли в ее личную жизнь! Она была новенькой в редакции – Хоуви отказался работать и предложил вместо себя эту Шерил Гонсалес. Обычно веселая и говорливая, теперь девушка ходила как в воду опущенная.

Быть может, просто поругалась с дружкой или еще что-то в этом роде. Надо попросить Хоуви переговорить с ней – ему будет легче, они ведь давние приятели.

– Шерил, – окликнул Джим. Она хмуро посмотрела на него.

– Твоя полоса готова?

– Моя полоса готова на шесть номеров вперед. Был настоящий завал рецензий.

– Отлично, – сказал Джим. Добавить ему было нечего, и он повернулся к Фаруку Джамалю:

– Кто у нас пишет про коммуну Тета-Мью?

– Рон Грегори.

– Скажи ему, чтобы отнесся к делу посерьезнее. В прошлом семестре их представитель зажал меня в коридоре после семинара по американской литературе и с выпученными глазами битый час поносил нашу газету за то, что мы много пишем об одних коммунах и пренебрегаем другими. Больше не хочу таких сцен. Действительно, надо давать информацию обо всех, и регулярно.

– Ясненько.

В коридоре раздались лязг и жужжание, и через несколько секунд в комнату въехал Хоуви. Он широко улыбался, но улыбка мало соответствовала его лицу – болезненно худому, искаженному вечной болью. Джим приветствовал товарища радостной улыбкой, однако поймал себя на том, что опять думает: как заметно ухудшилось здоровье Хоуви! Живой труп.

– Как делишки? – спросил Хоуви, подкатывая к столу Джима.

– Хоть застрелись. Трудисься как ломовая лошадь, а толку чуть. Одна Шерил у нас по-настоящему эффективный работник. Сделала дело и плюет в потолок.

Эдди хихикнул. Но Шерил никак не отреагировала. Могла бы обидеться или отшутиться.

Джим нагнулся поближе к уху Хоуви и сказал шепотом:

– Что случилось с Шерил? Она сама не своя в последние дни.

– Я и сам ломаю голову.

– У тебя есть какие-то предположения?

– Нет.

– Ты бы не мог разведать, что с ней? Ты же знаешь ее лучше меня. Найди какой-нибудь подход.

Хоуви кивнул. Точнее, попытался кивнуть – голова плохо слушалась его.

– Я с ней непременно поговорю. Прямо сейчас. Палец инвалида, который всегда лежал на рычаге управления коляской, сделал едва уловимое движение влево, коляска подчинилась, и он покатил к столу Шерил.

Джим смял бумажный стаканчик от кофе и выбросил его в мусорную корзину. Затем полистал пачку лежащих перед ним статей. Что-то мало в этом году хороших корреспондентов. С чего бы это? В группы журналистского мастерства записалось народу чуть ли не вдвое больше, чем в прошлом году. Казалось бы, выбор талантов увеличился, ан нет. То ли новенькие менее амбициозны, то ли менее одарены, чем их предшественники. Словом, пишут они более или менее охотно, а печатать нечего – одна неуклюжая ерунда, к тому же на плохом языке.

Надо побеседовать с профессором Нортоном, который курирует газету. Джим пометил в своем блокноте: "Посоветоваться с пр. Нортоном".

Затем отыскал сделанные со слов Фейт заметки об убийстве животных на курсе ботаники, перечел их, пожевал губы и решил это дело никому не поручать. Сам напишет. Поэтому он сунул листок с заметками в карман пиджака, чтобы поработать дома.

Через несколько минут к его столу вернулся Хоуви. Шерил больше не таращилась в окно, она вычитывала какие-то гранки, работая красной шариковой ручкой, однако с лица девушки не

сходило отсутствующее выражение. Джим вопросительно посмотрел на Хоуви, но тот глазами показал, что не надо задавать вопросов, пока они так близко от Шерил, что она может услышать.

Джим едва заметно кивнул, показывая, что понял.

Хоуви попытался улыбнуться.

– Сегодня Яна Андерсон дает концерт в клубе, – сказал он. – Я напишу рецензию.

– Имя слышал, но не помню, слышал я ее песни или нет. Она что поет?

– Фолк-кантри-поп. Типа Шона Колвина или Лусинды Уильяме. Хорошая певица. У меня есть ее компакт, могу дать послушать.

– С удовольствием.

– Ты как, не составишь мне компанию сегодня вечером?

Поморщившись от боли, Хоуви повернул голову в сторону, чтобы встретиться глазами с другом.

М-да, в прошлом семестре при разговоре ему не приходилось прибегать к таким усилиям. Мышцы шеи явно отказываются повиноваться. А раньше вообще вертел головой, что твой флюгер...

– Договорились, – сказал Джим. Он чуть не брякнул, что он, конечно, плохая замена симпатичной девушке, но придется Хоуви смириться с этим. В прошлом семестре такая шутка вполне бы сошла. Пусть и плоская, она бы не задела Хоуви. А сейчас как-то не тянуло шутить. – Хочешь, я заеду за тобой?

– Не стоит. Последняя лекция у меня начинается в четыре тридцать, а закончится в шесть, – сказал Хоуви. – Концерт в восемь. Ладно, поболтаюсь в университете – может, в библиотеку загляну, а потом буду ждать тебя перед студенческим центром.

– Заметано. Хоуви ухмыльнулся.

– Ты меня сразу узнаешь. Я там буду один в инвалидном кресле.

– Не дрейфь, дружище, я тебя узнаю.

Как они и договорились, Хоуви ждал друга у входа в студенческий центр. Справа от двери из затемненного стекла стояли парень и девушка – оба с ног до головы в черной коже. Ни на кого не обращая внимания, они исступленно целовались. У девушки была грудь наружу, и парень усиленно мял ее своей пятерней. А рука девицы гуляла у него в штанах.

Хоуви ухмыльнулся.

– В К.У. Бреа нескончаемый праздник, – насмешливо прокомментировал он.

– Похоже на то, – отозвался Джим.

Он придержал дверь для друга, и они направились через холл к лифту, чтобы подняться в клуб.

Наверху, в уставленном столиками большом зале со сценой, народу было куда больше, чем Джим ожидал увидеть. Правда, зрители подобрались большей частью шумные и разбитные. Аудиторию исполнительницы народных песен Джим представлял себе... ну, скажем, более консервативной... По крайней мере не такой воинственно неинтеллигентной.

Джим и Хоуви показали на контроле свои удостоверения представителей прессы, и их пропустили без звука. В зале они пробились поближе к сцене сквозь толпу разряженных юнцов и полуголых девиц и наконец устроились так, чтобы никто не заслонял сцену от Хоуви.

– Джим, достань-ка мою ручку и блокнот, – попросил Хоуви.

Протягивая другу ручку и блокнот, Джим приглядывался к окружающим. Неподалеку двое парней с косичками на затылке устроили матч, кто кого сильнее толкнет. В дальнем темном конце зала грудастая блондинка стояла на коленях перед парнем, у которого был вид байкера. Уж чем она там занималась... Можно было топор вешать – так накурено. И пахло марихуаной.

М-да, студенческий клуб разительно изменился.

– Странноватую публику собирает эта Яна, – сказал Джим.

Хоуви кивнул. Вернее, обозначил начало кивка – на большее сил не хватало.

– Не то что странноватую. Каких-то полудурков.

– Кстати, как там с Шерил? Тебе удалось поговорить с ней по душам?

– Сказать по правде – не знаю.

– Как не знаешь? Чего же вы там шушукались? Хоуви чуть наклонил голову, пытаясь заглянуть Джиму в глаза.

– Она так ничего и не сказала. Ничего конкретного. Но что-то с ней случилось. Что-то очень плохое.

– Поссорилась с дружкой?

– Больше похоже... – Хоуви замялся, потом закончил:

– Кажется, ее изнасиловали. Джим в изумлении уставился на друга.

– Шерил? Изнасиловали?. Не говори ерунды. Если бы попытались изнасиловать, она бы такой переполох устроила – вся полиция стояла бы на ушах. Шерил не успокоится, пока негодяи не засадят за решетку!

– Ну, реакция людей бывает непредсказуемой, – спокойно заметил Хоуви. – Шерил только кажется такой железной и такой скандальной. На деле она весьма ранимая.

Свет начал медленно гаснуть, зрители зааплодировали, засвистели и затопали ногами. Одинокий луч прожектора высветил на сцене Яну Андерсон. Певица стояла в снопе света, держа в руках акустическую гитару. Она подошла к микрофону, застенчиво улыбнулась, потом кивком поблагодарила публику за бурный прием.

– Снимай все к чертям собачьим! – выкрикнул кто-то в зале.

Свист и улюлюканье.

– Может быть, попозже, – сказала Яна, поправила гитару на плече и запела. Это была медленная баллада в стиле блюграсс о путешественнике, который пересек всю страну.

Ее пение словно послужило сигналом для публики – все начали в наглую громко разговаривать. Причем старались перекричать музыку. Сзади, у стойки бара, послышался звон разбитого стакана. Джим недоуменно покосился на Хоуви. У того было нахмуренное лицо – ему тоже не понравилось поведение публики, но он ел глазами Яну и пытался слушать музыку и слова, хотя в таком гае это было трудновато.

Песня закончилась. Джим, Хоуви и еще несколько приличного вида студентов за ближайшими к сцене столиками зааплодировали.

Яна Андерсон, саркастически скривив губы, сказала в микрофон:

– Вижу, у меня сегодня потрясающая публика!

– Покажи нам свои титьки! – крикнул какой-то парень.

– Ды-ы! Покажь! – поддержал его пьяный женский голос. – Народ хочет знать, чего ты там за гитарой прячешь!

Певица устало улыбнулась.

– Мне и прятать-то нечего. Нулевой номер. Думаю, вас это не заинтересует.. – Затем она обратилась к интеллигентным зрителям за ближайшими столиками:

– Следующая песня называется "Джессика".

Она снова запела – как бы исключительно для небольшой группы зрителей, истинных ценителей, сидящих неподалеку от сцены. Но было трудно не обращать внимание на основную массу публики, которая нагела все больше и больше. Разговоры становились громче, гул все слышнее.

– Покажи нам свой кустик под юбкой! – крикнул кто-то.

– А у меня, малышка, в штанах есть что зарыть под этим кустиком! – проорал другой.

Посреди четвертой песни на сцену швырнули пивную кружку, которая упала и раскололась у самых ног певицы. Яна перестала петь и взбешенно сказала:

– Послушайте, я здесь, чтобы петь. А вы вроде как пришли послушать. Если я вам не нравлюсь – воля ваша, я ухожу.

Какой-то пьяный юнец побрел между столиками к сцене, на ходу наигрывая на невидимой скрипке.

– Баста, – сказала Яна. – Концерт закончен. Я не буду терпеть всей этой мерзости. Мне заплатили не за то, чтобы я получала оскорбления.

– Ишь ты, крутая сучка! – крикнула какая-то девица в кожаной куртке.

Певица тяжело вздохнула. Хоть и не за то, но деньги были заплачены, и она решила, что, как пел Фредди Меркьюри, шоу должно продолжаться. Поэтому она доверительно наклонилась в сторону Хоуви и сказала:

– А эту песню я написала, когда была... Из темноты вылетел баскетбольный мяч и ударил ее по плечу.

Яна вскрикнула от боли, отшатнулась. По залу прокатился хохот. Дружно зааплодировали меткому стрелку.

– Вот бы я ей впендюрил! – крикнул пьяный голос из глубины зала.

– Пошел ты, гнида! Чтоб у тебя яйца отсохли! – выпалила певица, плюнула и пошла прочь со сцены.

Зал негодуяще зашумел. С силой брошенная бутылка разбилась о стену за сценой.

– Мать ее! – заорали в зале. – Гордая какая! Джим наклонился к Хоуви и тихонько сказал:

– Старина, нам надо сваливать отсюда.

Хоуви нажал кнопку и сдал назад, развернулся – и они убрались из зала. К счастью, друзья были совсем близко от выхода. Там стоял глупо улыбающийся Охранник. Рукой он елозил под коротенькой юбкой стоявшей рядом с ним девицы.

Джиму хотелось повторить последние слова певицы и плюнуть. Вместо этого он вслед за Хоуви заспешил к лифту.

Им повезло – лифт пришел сразу. Они юркнули в него так быстро, словно за ними собаки гнались. Джим нажал кнопку первого этажа. Друзья в полном молчании пересекли холл и вышли вон из студенческого центра. Только теперь оба вздохнули свободно, ощутив себя в безопасности.

Джим прерывисто дышал. Даже вонючий ядовитый смог казался свежим воздухом после прокуренного клуба.

– Господи, какой кошмар! Ты видел когда-нибудь что-то подобное? Неужели это было действительно учиться у нас, в университете?

– Здесь происходят большие перемены, – тихо произнес Хоуви.

Джим посмотрел на друга в инвалидной коляске. Такая же мысль вертелась и у него в голове. "Здесь происходят большие перемены". Да, и далеко не к лучшему. Однако это сильно било по нервам – услышать такой же безутешный вывод из уст другого человека.

– Я знаю, ты тоже заметил, – сказал Хоуви. Джим даже остановился.

– Я ничего не... – смущенно начал он, потом осекся и признался:

– Да, заметил.

Хоуви зашевелился в кресле, пытаясь устроиться поудобнее. Его лицо исказилось гримасой боли. Он сделал глубокий вдох и посмотрел на Джима. Говоря о переменах к худшему, он имел в виду и себя.

– Дружище, этим летом мне хреново пришлось, – сказал Хоуви.

Впервые он заговорил о том времени, которое они провели отдельно. И у Джима неприятно сжалось сердце в груди.

– Расскажи мне про лето.

– Да что там рассказывать...

– Ну, валяй. Хоуви вздохнул.

– Началось с судорог. После окончания занятий появились приступы. Таких поганных судорог и так долго у меня еще никогда не бывало. Думал, Богу душу отдам. Сейчас полегче... но не намного. – Хоуви отвел глаза. – Я уж совсем было приготовился. Решил про себя: "Ну вот, конечная остановка".

– И поэтому не приехал ко мне в Аризону?

– Да.

– Почему ты не написал мне? Почему скрывал?

– Не знаю... Лето только начиналось... Я решил не портить тебе настроение. Зачем тебя попусту волновать?

– Что за дурная деликатность! Я, по-твоему, кто? Чужой тебе человек?

– Нет, не чужой. Но... в конце концов это ведь моя проблема...

Джим нервно облизал губы и сделал глубокий вдох.

– Честно говоря, я думал, что твоя болезнь... ну... остановлена. У меня и в мыслях не было, что тебе может стать хуже.

– Когда доктора впервые поставили диагноз, они сказали моим родителям, что я вряд ли

доживу до двадцати одного года. Если очень и очень повезет – протяну до тридцати. – Он произнес это обычным деловитым голосом, ровным голосом – без всяких всхлипов. Джим не мог не восхититься мужеством своего друга, его умением держать себя в руках. – Я с раннего детства знал, что мне жить совсем недолго. Это просто факт в ряду фактов. И со временем я кое-как привык к нему.

– Привыкнуть-то ты привык. Но смириться с таким фактом никогда не получится.

– А я и не смирился. Просто принял к сведению. Все равно деваться некуда. Правде надо смотреть в лицо.

– Но как же можно жить изо дня в день с таким знанием? Как можно вести при этом нормальное существование? Ходить в университет, выполнять домашние задания и контрольные работы... к тому же тратить время на работу в газете! Как тебе удастся делать вид, что все это имеет какой-то смысл? Я хочу сказать, если бы у меня была смертельная болезнь... то есть, черт... ну, если бы меня так скрутило... я бы в тот же момент бросил университет к чертовой матери и попытался бы сделать... что-то такое... что-нибудь этакое... Как-то обогатить свой опыт, испить жизнь до конца, испробовать все ощущения. Хоуви философски усмехнулся:

– Ну, в инвалидной коляске трудноато обогащать опыт и испытывать все ощущения... Но если смотреть в корень – смертный приговор висит над каждым. И над тобой тоже. Почему ты не суетишься? Ведь ты тоже умрешь. Зачем же ты тратишь столько времени на вещи, которые тебе безразличны? Почему не занимаешься самым-самым... чем-нибудь "этаким"?

– Если со мной не случится какого-нибудь несчастья, впереди у меня нормальная жизнь. А она вынуждает тратить бездну времени на безразличные тебе вещи, на всякую никчемную ерунду.

– То-то и оно, – сказал Хоуви. – Я хочу жить нормальной жизнью. И если безразличные вещи и никчемная ерунда тоже часть нормальной жизни, они мне в радость! Ребята моего возраста учатся в университете, заводят друзей, много общаются, у них могут быть разные увлечения – той же редакционной работой... Вот и я делаю то же.

– Но разве тебе не хочется?..

– Чего? Победить в марафонском заезде инвалидных колясок? Забраться в инвалидной коляске на макушку Эвереста? И тем самым явить всему миру, что инвалиды на многое способны? – Он горестно мотнул головой. – Я ничего никому доказывать не хочу. Я такой, какой я есть. Я не образец мужества и несгибаемости. Я просто смирился со своим положением и как-то приспособился...

– Плыть по течению?

– Да, правильное выражение. Плыву, пока плывется.

Джим улыбнулся и кивнул, словно он что-то понял. На деле он ничего не понял. Просто у него возникло идиотское желание поменяться местами с Хоуви. Чтобы у него была мышечная дистония, а Хоуви жил на полную катушку. Наверное, Джиму было бы легче болеть, нежели выносить страдания друга. По крайней мере он не терзался бы оттого, что бессилён помочь, и его душу не разрывала бы жалость.

Глупая мысль!.. Хоуви справлялся со своим несчастьем как настоящий мужчина. Случись такое с Джимом, он не смог бы проявить столько выдержки и силы воли. На самом деле из них двоих – здорового и больного – сильнее духом был именно больной.

– Да, лето выдалось тяжелое, – продолжал Хоуви. – И не только из-за того, что ухудшилось мое состояние. Я собирался проходить практику в Центре планирования карьеры. Однако меня так скрутило, что пришлось отказаться от этой мысли. Тем не менее я оставался здесь и кое-что видел и слышал. Что-то тут меняется. Что-то нехорошее происходит. Люди стали намного хуже, подлее. Ну, не знаю, может, мне только чудится... Но люди здесь стали другими.

– Да, после общения с теми, на концерте, нельзя с тобой не согласиться, – сказал Джим.

– Конечно, не все так оскотинились, однако же... что-то переменялось и в студентах, и в преподавателях. – Хоуви хотел было посмотреть на здание студенческого центра, попытался повернуть голову, но ему было так больно, что он оставил эту попытку. – Похоже, здесь во всем появилось что-то странное. Даже объявления "требуется" стали какими-то чудными...

Друзья какое-то время молчали.

– Так что же происходит с университетом? – наконец спросил Джим.

– А шут его знает, – сказал Хоуви, нажимая кнопку на подлокотнике. Коляска покатила вперед. – Ладно, давай удирать отсюда, а не то быдло из концертного зала вывалится прямо на нас.

– Пошли, – кивнул Джим.

Он положил руку на спинку инвалидного кресла, и друзья направились в сторону автостоянки.

2

Пятерка стоящих впритык зданий студенческой коммуны Тета-Мью весьма и весьма напоминала трущобы.

Сидя в своей машине, Рон Грегори оторопело осматривался.

В этих краях он никогда не бывал и поражался своему удивлению. Чего он ожидал – двухэтажных особняков с ухоженными газонами? Впрочем, глядя на ребят из этой коммуны, преимущественно загорелых мускулистых блондинов, которые обслуживали киоск коммуны в главном холле, он воображал, что они живут в аккуратных домах с чистыми коридорами и уютными комнатками – вечерами одеваются с иголки и попивают белое вино, сидя на лужайках с прилично одетыми благовоспитанными девушками.

Ага! Размечтался!

Пять зданий Тета-Мью когда-то были обычными многоквартирными домами. Вид общага-коммуна имела самый удручающий: стены облупились, двери покосились. Во многих окнах на лестничных площадках были выбиты стекла. Трава кругом вытоптана. Вдоль тротуаров плотными рядами стоят машины. Девушки шарахаются от бегунов, которые, похоже, кружат по этим малопривлекательным окрестностям не со спортивной целью, а в надежде закадрить девицу на ближайшую ночь. Чуть поодаль стоит полицейская машина с включенной мигалкой; ее красно-синие огоньки освещают сумерки и парнишку, который мочится на стену.

М-да, картинка!

Рон взял с сиденья блокнот и вышел из машины. Затем хлопнул себя по карману справа – ручка на месте. Хорошо, что президент Тета-Мью подробно описал, в каком доме его можно найти. Тут нет никаких указателей, а искать нужное здание в сумерках совсем не улыбалось. Немногочисленные студенты на этих улицах больше напоминают шпану. У таких лучше не спрашивать дорогу!

На вытоптанном газоне перед нужным домом спал, свернувшись в калачик, пьяный парень. Рон постучал в дверь. На стук вышел верзила с трехдневной щетиной.

– Чего тебе?

– Добрый вечер. Меня зовут Рон Грегори. Я приехал, чтобы собрать материал об успехах вашей коммуны.

– А-а, заходи.

Внутри оказалось не так уж плохо. Сносная мебель, более или менее прибрано. Верзила представился Луисом и сказал, что учится на философском; это с ним Рон говорил по телефону. Луис, глава коммуны, провел журналиста в большую общую гостиную, где несколько студентов сидели на кушетках и диванах и мирно беседовали. Остальные собрались в другом конце комнаты перед телевизором – смотрели запись рок-концерта. Звук был включен не на полную мощность, так что можно было спокойно говорить.

– Эту запись сделал Мэтт, – пояснил Луис. – Он учится на факультете менеджмента. Сейчас раскручивает местную регги-группу, которая называется "Новый мировой порядок". Старается выбить им время на местных кабельных каналах.

В дверь снова постучали, Луис извинился и пошел открывать.

– Устраивайтесь поудобнее, – сказал он. – В холодильнике есть кока-кола и пиво. Берите, что душа желает, а я скоро вернусь.

– Спасибо, – кивнул Рон и обвел комнату внимательным взглядом.

Возле телевизора, отдельно от общей группы, сидела девушка. К ней-то и подошел Рон в надежде завязать разговор и узнать что-нибудь любопытное для статьи.

– Привет, – начал он, присаживаясь рядом и вынимая записную книжку.

– Привет.

Она улыбнулась ему.

Они быстро разговорились. Ее звали Рут. Так же, как и Луис, девушка специализировалась на философии. Она не принадлежала к коммуне, а зашла потому, что брат, живущий здесь, пригласил на вечеринку.

– А-а, – сказал Рон. – Ваш брат здесь? Покажите мне его.

Она улыбнулась:

– Разумеется, его тут нет. Он умер.

У Рона челюсть отвалилась. Ну и шуточки, черт бы ее побрал! Он молча смотрел на девушку, глупо улыбаясь, и надеялся, что она сама разъяснит свои странные слова.

– Он сказал мне перед смертью, что с ним можно будет общаться через матушку Ден, – пояснила Рут. – Сатана позволяет духам общаться с живыми лишь через матушку Ден. – Она горестно тряхнула головой. – Я так скучаю по брату. Мне его очень не хватает...

Продолжая улыбаться, Рон по-идиотски закивал головой – как китайский болванчик. Его что, разыгрывают? Очевидно, у них тут нравы такие – шутки шутить с посторонними. Небось где-нибудь есть скрытая камера.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросила Рут. – Просто умираю от жажды.

– Да, с удовольствием, – сказал он и хотел было встать, чтобы пойти к холодильнику.

Девушка остановила его легким прикосновением руки к его плечу.

– Сидите, сидите. Я сама. Что вы хотите? Пиво? Коку?

– Лучше коку.

– Хорошо. Я мигом.

Она ушла в кухню, а Рон быстренько огляделся. Но Луиса нигде не было. Прежде чем продолжить разговор с Рут, ему бы хотелось кое-что про нее узнать. Может, она слегка того – или даже не, очень слегка...

Но тут до него донеслось:

– Матушка Ден посоветовала нам отложить до пятницы. У нас был выбор: в среду или в пятницу. Конечно, мы послушались ее.

Рон проворно повернул голову. Неподалеку сидели два парня и что-то обсуждали. Это один из них упомянул матушку Ден.

Второй сказал:

– Да, если уж матушка Ден выбрала пятницу, то тут не поспоришь.

Затем Рон прислушался к разговору слева, где беседу вели четыре парня.

– Это, пожалуй, единственный способ пообщаться с сатаной... – говорил один из них.

У Рона мороз по спине пробежал. Похоже, он со всех сторон окружен сумасшедшими.

– Вот, – раздался голос Рут. Девушка вернулась с двумя холодными банками кока-колы.

– Спасибо, – сказал Рон. Открывая банку, он спросил:

– А кто такая матушка Ден? Девушка рассмеялась:

– Разве вы не знаете?

Молодой человек отрицательно мотнул головой.

– Матушка Ден... ну, матушка Ден она и есть матушка Ден. Не знаю, как вам лучше объяснить. У вас в газете, наверное, тоже есть главный советчик или попечитель. Так вот, матушка Ден у нас вроде высшего попечителя. Коммуной руководят выбранные нами студенты. Ну а она за всем наблюдает и дает советы. Когда возникают сомнения, наши руководители обращаются к ней. Она указывает нам верное направление.

Рон сжал зубы и решил огоршить девушку прямым вопросом:

– И что, эта матушка Ден, которая управляет духовной жизнью Тета-Мью, она... она материальное существо?

Рут сделала изумленное лицо.

– Вы что, не верите? Не верите в матушку Ден?

– Нет – сказал он и решительно мотнул головой.

– Тогда зачем же вы пришли сюда?

– Зачем? Потому что хочу написать объективную статью о вашей коммуне. Добраться до

ответа на вопрос, отчего она становится все более и более популярной. Я здесь, чтобы обеспечить вас даровой рекламой. А вы мне заливаете про матушек ден, про врага человеческого и про общение с мертвыми братцами!

Рон не на шутку рассердился и не смог удержаться от этих гневных слов. Теперь ему пришлось втянуть голову в плечи – все присутствующие в комнате замолчали и смотрели на него. Очевидно, он говорил очень громко и все расслышали его слова.

В комнате воцарилось молчание. Только негромко погромыхивала рок-группа на телеэкране. Рон огляделся и немного успокоился. На него смотрели без открытой враждебности! Просто с любопытством. Но и улыбок он не видел. Лучше бы ему прикусить язык да помалкивать. А то настроил всех против себя. Так хорошего материала для статьи не соберешь.

В этот момент в комнату отдыха вошел Луис и сразу же заметил напряженную атмосферу и всеобщее молчание. Он посмотрел на Рона, потом на Рут и спросил:

– Что у вас тут происходит? Никто ничего не ответил. Луис пожал плечами:

– Ладно, не хотите отвечать – не надо. Матушка Ден уже готова.

Инстинкт подсказывал Рону, что сейчас самое лучшее убраться отсюда восвояси и навсегда забыть про эту чертову коммуны. Но вместо этого он поплелся вместе со всеми на кухню. Они прошли мимо газовой плиты, мимо холодильника и оказались перед шкафом – в таких обычно хранят щетки и веники.

Луис открыл дверцу, и шкаф оказался не шкафом, а тайным ходом, ведущим в подвал.

Они начали спускаться. Внизу было темно, однако никто не щелкнул выключателем. Вместе с Роном и Рут было еще пять-шесть студентов, кроме Луиса. На расстоянии за ними спускалось еще человек десять.

И вот они оказались внизу, на ровной площадке.

Дальний конец подвала был освещен несколькими лампами. Там находилась матушка Ден.

Поначалу Рон не мог разглядеть ее как следует.

А когда разглядел, то поневоле заморгал глазами, словно отгоняя нечистого.

Но от его морганий толку не было – матушка Ден оставалась на том же месте.

Взгляд Рона как магнитом, притянуло к дальнему концу подвала. Матушка Ден была древняя жуткая старуха – тощая до невозможности. Время высосало из нее весь жир, все соки, оставив лишь обтянутые кожей кости. Иссохшая, сгорбленная и трясущаяся старуха сидела на деревянном помосте – что-то среднее между тронem и алтарем. За спиной матушки Ден висели высушенные пальмовые листья. На прибитых к стене полочках лежали пластиковые куклы и еще какие-то фетиши из кукурузной шелухи. Выше ее головы на стене виднелся металлический диск, который в лучах света выглядел кощунственным нимбом. Оранжевая лампа – мини-прожектор – светила карге прямо в лицо. Рон различил слабую страшную улыбку на лице матушки Ден. Сухая кожа разошлась глубокими складками, оголив гнилые лошадиные зубы.

Рон с отвращением отвернулся, затем покосился на Луиса. Лицо руководителя коммуны удивительным образом изменилось – теперь оно излучало самозабвенный почтительный восторг.

Луис повернулся к журналисту и торжественно провозгласил:

– Кланяйтесь! Выкажите свое уважение к великой матушке Ден!

Все пришедшие студенты упали на колени и стали кланяться перед каргой. Рон, от греха подальше, сделал то же самое. Здесь, в подвале, далеко от цивилизации и полицейской мигалки, у него не оставалось выбора.

Только Луис не упал на колени. Он прошел поближе к матушке Ден и остановился с почтительно склоненной головой.

– Матушка Ден, – сказал он, – мы благодарим вас за процветание нашей коммуны.

Мумия не пошевелилась. Пергаментные губы дрогнули, и раздался надтреснутый тихий голос:

– Мир вам.

В подвале было тепло, но Рон дрожал, словно от холода. В другой ситуации он бы расхохотался от всей души, но сейчас ему было не до смеха. Остальные студенты ели старуху

глазами и радостно улыбались, услышав ее первые слова.

– Вы наша попечительница, – продолжал Луис. – На вас мы уповаем всякую минуту нашей жизни. Вы простираете свою длань над нами и оберегаете нас. Вы же наше связующее звено с Царем Тьмы. Можем ли мы сегодня побеседовать с ними?

Опять шепот пергаментных губ:

– Да.

Что-то мгновенно переменялось в подземном помещении.

Рон сделал глубокий испуганный вдох. Воздух вдруг загустел, в груди закололо. Дышать стало трудно, да и со зрением что-то происходило – перед глазами все словно утратило резкость. Будто к полумраку подвала прибавилась осязаемая, удушающая тьма.

Матушка Ден медленно склонила голову вправо – сперва звук был как шелест целлофана, затем раздался отчетливый хруст шейных позвонков. Губы живого трупа шевельнулись:

– Спрашивайте.

Первое слово было сказано зловещим шепотом. Затем было повторено громче – и в тоне вдруг обнаружилось столько грозной энергии и силы, что Рон поежился от страха.

– Спрашивайте, и вам ответят.

В подвале царила мертвая тишина. Только странное эхо от громкого яростного шепота старухи гуляло по углам.

Луис кивнул остальным студентам; один из них мелкими шажками вышел на середину комнаты и, почтительно кланяясь, спросил трясущимися губами:

– В этом году я должен иметь только самые высокие баллы. Сейчас решается вопрос о моей будущей карьере. Родичи шкуру с меня сдерут, если я получу хотя бы одну неудовлетворительную оценку!

– Не получишь.

Юноша едва не расплакался от счастья.

– Спасибо, спасибо, – залепетал он, пятась прочь от матушки Ден.

Тут же ему на смену в центр комнаты вышел другой студент, который выпалил взволнованной скороговоркой:

– Я истово тренировался все лето, чтобы попасть в футбольную команду, но меня взяли только во второй состав...

И этому парню было обещано, что его желание осуществится. Студенты один за другим обращались к матушке Ден с банальными шкурными просьбами и на все получали положительный ответ: будет вам, обязательно будет. Царь Тьмы все ваши желания исполнит.

Эх, какая жалость, что Рон забыл прихватить с собой магнитофон!

И вот очередь дошла до Рут.

– Я хочу поговорить с моим братом Джейсоном, – попросила она робким голоском.

– Привет, как поживаешь, сестричка? – тут же отозвался мужской голос из пустоты.

– Джейсон! – вскрикнула Рут. Однако уже через мгновение ее лицо радостно просияло, и она с улыбкой обратилась к пустоте:

– Привет, а у тебя как дела?

Беседа длилась добрых пять минут. Рон в ужасе таращился на Рут. Приглядевшись как следует, он понял, что это старуха говорит голосом парня. Но Рут воспринимала разговор на полном серьезе.

После того как Рут попрощалась с "Джейсоном", Луис повернулся к Рону.

– А теперь вы, – сказал он.

– Что? – растерянно произнес Рон. Он был не только смущен, но и вконец перепутан. Холодный ком трусости, как клубок змей, шевельнулся у него в желудке. – Я... мне нечего просить.

– Все новопосвященные должны обратиться с просьбой к Царю Тьмы.

Тут Рон понял, что игра зашла слишком далеко. Собрав все мужество, он проворно встал с колен и сказал:

– Да пошел ты знаешь куда! Никакой я не новопосвященный. Я не желаю иметь с вами дела. Я ухожу.

Он решительно направился в сторону лестницы, поднялся по ступеням и вышел в кухню.

По крайней мере он проделал это в своем воображении.

На самом деле он даже с колен не смог подняться и никакой яростной речи не произносил. После обращения Луиса он не проронил ни слова – лишь тупо смотрел на пол, чувствуя, что взгляды всех присутствующих прикованы к нему. В голове у него был какой-то туман, никаких мыслей. Он не знал, что сказать. Рон вдруг ощутил зловещий водоворот черной силы, которая засасывала его мозг.

– Проси и получишь. Но ему не о чем просить!

– Проси!

– Я... я хочу иметь постоянную девушку, – пробормотал Рон.

– Будет тебе девушка.

Воздух в комнате вдруг стал легче, напряжение спало.

После общения с Царем Тьмы матушка Ден казалась не столько ослабевшей, сколько подобревшей. Луис и еще несколько студентов тихо беседовали с ней на протяжении еще трех-четырех минут. Затем Луис позволил всем встать с колен.

Оказавшись вверху, в безопасности, Рон стремительно прошел сквозь кухню и гостиную и устремился вон из здания.

На улице его поразила обычность окружающей жизни. Чьи-то веселые голоса и смех, где-то играет музыка. Появилась еще одна патрульная машина. Полицейские обыскивали четырех парней, которые лежали животами на капоте автомобиля, положив руки на затылок.

В груди Рон ощущал неимоверную тяжесть. Голова шла кругом. В самом дальнем уголке сознания копошилась глупая мысль, что он так и не собрал нужный для статьи материал.

На ватных ногах молодой человек дошел до своей машины. Открыл дверцу, сел внутрь, швырнул блокнот на сиденье пассажира. Затем включил зажигание и поехал прочь.

Домой он ехал, стараясь ни о чем не думать. Но перед тем как лечь спать, закрыл глаза, сложил руки и долго горячо молился, чего не делал вот уже десять лет.

Но частью души он понимал, что никто его не слышит.

Утром зазвонил телефон.

Это была Рут. Она хотела встретиться с ним. И они быстро договорились о свидании.

Глава 6

Из "Бреа газетт", номер от 29 сентября:

"Некий комитет, который называет себя "Объединением встревоженных местных жителей", в понедельник обратился в городской совет с петицией, содержащей требование запретить парковку университетских машин за пределами университетской территории.

По словам Бретта Самуэlsa, председателя вышеуказанного комитета, после начала нового семестра в университете резко увеличилось количество актов вандализма и порчи имущества жителей окрестных улиц. Все только что приведенные в порядок стены изгажены граффити. Самуэлс полагает, что такой взлет преступности связан с прибытием студентов.

"У ребят нет никакого уважения к покою других граждан и к их собственности, – говорит Самуэлс. – Они вконец обнаглели. Моя соседка видела, как студент справляет большую нужду на газоне перед ее домом. И это среди бела дня, при большом числе прохожих! Когда она выбежала отругать его, мерзавец обрушил на женщину поток грязной брани. Дошло до того, что матери бояться выпускать своих детей поиграть на лужайке перед домом!"

Представитель университета заявил на встрече с журналистами, что в подобных жалобах нет ничего нового и обитатели ближайших от университета домов не первый год бомбардируют мэрию преувеличенными претензиями к студентам.

"Разумеется, в семье не без урода, – сказал Клифф Муди, пресс-секретарь Калифорнийского университета. – Некоторые студенты действительно нарушают общественный порядок, и к ним мы относимся со всей строгостью. Однако и жители районов вокруг университета ведут себя отнюдь не безупречно. Во-первых, они раздувают каждый неприятный инцидент до nepoзвoлитeльных размеров. Во-вторых, за многие инциденты ответственны именно местные жители, которые не хотят, чтобы университетские машины

парковались рядом с их домами. Зачастую они наносят ущерб автомобилям студентов – прокалывают шины, разбивают стекла и так далее. Таким образом, претензии взаимные, и лучше искать общий язык, а не прибегать к запретительным мерам".

Мистер Самуэлс признает, что конфликты между местными жителями и студентами продолжаются не первый год. Однако он подчеркнул, что в этом семестре происходит нечто небывалое: подлинный взрыв безобразного поведения со стороны студенческих коммун.

"У студентов, похоже, изменилось само отношение к жизни, – говорит мистер Самуэлс. – Оно стало вызывающим. Им на все наплевать – хоть трава не расти! Это опасная позиция, и мы не можем сидеть сложа руки. Мы остановим зарвавшуюся молодежь. Мы сделаем все возможное, чтобы очистить город от хамов. Улицы Бреа должны и будут принадлежать его жителям".

Публичные слушания вопроса о парковке в окрестностях университета назначены на среду. Слушания пройдут в главном зале городского совета. Приглашаются все желающие высказать свое мнение".

Глава 7

1

Когда она вернулась домой, в Санта-Анну, ссора была в самом разгаре.

Кейт и мамаша истошно орали – казалось, вот-вот вцепятся друг другу в волосы.

Фейт хотела вовсе уйти из дома, потом решила прошмыгнуть в свою спальню и запереться, но в итоге взяла себя в руки и прошла через гостиную и столовую в кухню.

Кипя ненавистью, они стояли друг против друга:

Кейт в проеме двери, ведущей на задний двор, а мать у кухонной раковины. Она была пьяна и тяжело опиралась о стол, чтобы не упасть.

Глаза у мамы были красные, физиономия пунцовая, и вся кухня пропахла перегаром текилы.

– Мне плевать, что ты моя мать, – орал Кейт. – Я не обязан слушаться тебя! Ты для меня не авторитет! Ты и свою-то жизнь наладить никогда толком не могла, так что не лезь в мою!

Мамашины глаза сузились до щелочек.

– Ублюдок! – процедила она. – Правильно я не хотела тебя рожать. Лучше бы выскоблила тебя к чертовой матери! Я тобой забрюхатила случайно – и с тех пор вся моя жизнь пошла наперекосяк!

Кейт в ярости двинулся на мать с поднятыми кулаками, но тут встретил взгляд сестры, плюнул, повернулся и выбежал вон, громко хлопнув дверью.

– Тебе не стоило говорить подобные вещи, – пробормотала Фейт. – У тебя что, мозгов нет? Никак не сообразишь, что можно говорить, а что нельзя?

Мамаша презрительно пожала плечами:

– Ничего, проглотит и не подавится.

– А может, и подавится! – стараясь не сорваться на крик, сказала Фейт.

Мать пренебрежительно махнула рукой:

– Слова ничто. Главное – дела.

Какое нелепое убеждение! Фейт знала, что это не правда. Слова порой важнее дел. И очень часто слово и есть дело...

Сколько бы мать ни сделала для них с братом в прошлом, ее теперешние слова перечеркивали все хорошее. Как много всякой дряни она успела наговорить своим детям в последние годы! Все это в сочетании с демонстрацией своего образа жизни убило любовь...

Зазвонил телефон. Мать подскочила к нему и схватила трубку.

– Дэ-э? – Секунду она слушала, потом разочарованно поморщилась и протянула трубку дочери:

– Тебя. Харт.

Харт? Опять? Уже почти год прошел с тех пор, как они расстались. А парень продолжает

названивать – как минимум раз в месяц объявляется. Он что, тупой? Как еще дать ему понять, что у них все кончено!

– Скажи, что меня нет дома. Скажи, что у меня свидание.

– Сама скажи! – огрызнулась мамаша и произнесла в трубку:

– Сейчас Фейт подойдет.

Фейт взяла трубку и с силой повесила ее на рычаг. После этого демонстративно развернулась и вышла из кухни.

Мамаша рассмеялась:

– Что ему сказать, если снова позвонит? "Можешь трахнуться с ним сама, сука!" – подумала Фейт и чуть было не произнесла это вслух.

Прикусив язык, девушка отправилась в ванную комнату и закрыла за собой дверь на защелку. Да что же такое творится с матерью? И как быть с Хартом, который никак не отвяжется? Уж мог бы за год забыть! Фейт вспомнила их первое свидание – они познакомились после лекции в колледже. В тот же день он затащил ее в секс-шоп. Ну, не совсем в то, что называют секс-шопом, а в "магазин игрушек для взрослых" – хотя что в лоб, что по лбу... Словом, всякие штучки для самцов-шовинистов, которые воображают "Плейбой" венцом изощренной эротики. Харт решил поразить сверстницу своей раскрепощенностью и интеллектуальной дерзостью. Он провел минут десять, разглядывая накачанные силиконом груди голых девиц и весь остаток свидания дулся, потому что Фейт рассердилась и решила проучить парня – стала в позу разбитной сексуальной бабенки и быстро вогнала его в краску.

Перед тем как наконец уйти из "магазина игрушек для взрослых", Харт остановился у витрины с резиновым пенисом гигантского размера – такой нормальной женщине и в кошмарном сне не приснится!

– Как тебе нравится эта штучка? – игриво осведомился Харт.

– О-о-о!!! – протянула Фейт и сладострастно облизнула губы.

Харт будто пощечину получил. С этого самого момента он и не прекращал дуться на нее.

Было бы глупо доказывать ему, что ее нисколько не возбуждает перспектива сунуть во влагалище этого резинового монстра. Было бы смешно обращать внимание Харта на то, что эта штуковина длиной чуть ли не сорок сантиметров. При малом росте Фейт клоунский член мог бы достать, наверное, до ее диафрагмы. Нет, она промолчала. Дураку не вложишь свой ум! Но она видела, что мужская гордость и мужское самолюбие Харта задеты. У него-то в штанах не могло быть такой дубинки!.. Вот он и принял шутку за личное оскорбление.

Ей бы следовало догадаться, что с таким типом лучше дела не иметь.

Однако они встречались почти целый год до последней эффектной ссоры, которая произошла в универмаге на Главной улице. Они так кричали друг на друга, что собрали вокруг себя целую толпу зевак.

И вот он продолжает названивать.

Есть парни, от которых не отцепишься.

Фейт посмотрела на будильник: уже довольно поздно, пора собираться.

Девушка открыла дверь гардероба, прошлась рукой по вешалкам, прикидывая, что же ей надеть для сегодняшнего вечера. Она в общем-то не врала, когда попросила мамашу сказать Харту, что идет на свидание. У нее действительно свидание – хотя не особенно желанное.

Виноват был не тот, кто пригласил ее. Она познакомилась с этим парнем днем, в библиотеке. Фейт раскладывала заказы по полкам, и он попросил ее помочь найти нужные книги. Поначалу ей показалось, что это очередной придурок, который не пропускает ни одной юбки. Именно с таким презрением относилась к мужчинам ее мать... которая сама не пропускала ни одних штанов. Походить на мамашу не хотелось даже в мелочах, поэтому Фейт не отшила парня сразу, а разговорилась с ним. А кончилось тем, что он пригласил ее на свидание. Его звали Джон Тейлор – первокурсник, специализируется по истории. Приятная внешность, вроде бы неглупый... Словом, никакого особого резона кукситься и отказываться от свидания. Она согласилась.

И тут же пожалела об этом. Как ни странно, у нее возникло ощущение, что этим она предает Джима. Это было просто нелепо! Он ни словом, ни делом не давал ей понять, что между ними существует нечто большее, чем приятельские отношения – просто посещают один

семинар, вот и все. Если бы сегодня, после того как Фейт рассказала ему об ужасах, которые творятся на курсе ботаники, Джим пригласил ее вместе поужинать или хотя бы просто перекусить в столовой – ну, тогда другое дело, тогда бы она поняла, что он ею заинтересовался.

Но все же оставалась надежда, что он к ней неравнодушен и только стесняется так сразу назначить свидание.

Вот почему ей не очень хотелось идти на встречу с другим.

Подумав, Фейт выбрала дорогие модельные джинсы и сняла их с вешалки.

Да, занятия по ботанике...

Воспоминания о мертвых животных до сих пор тревожили девушку. Она решила, что больше не будет посещать эти лекции. Правда, необходимо заявить об этом преподавателю – хладнокровному убийце зверюшек! – и получить его подпись на ее заявлении.

Но Фейт было страшно оказаться наедине с этим монстром в его кабинете.

При одной мысли об этом негодяе у нее холодок бежал по затылку. От такого можно чего угодно ожидать. Сунет ей травинку в рот – и она, как тот кот, выгрызет себе желудок... Фу, какой вздор лезет в голову!

Нет, надо быть взрослой. Завтра она пойдет на лекцию и в присутствии других студентов заставит профессора подписать ее заявление. Если это произойдет на людях, он не посмеет причинить ей вред.

Вообще-то с какой стати она воображает, что этот тип, захочет причинить ей вред?

Фейт не понимала причины своего страха. Но при мысли о встрече наедине с преподавателем-садистом у нее душа уходила в пятки.

К стильным джинсам девушка выбрала нарядную белую блузку – и смотрится хорошо, и в достаточной мере консервативно. В этом она будет выглядеть женственно и соблазнительно; вместе с тем сама одежда подчеркнет то, что она не из тех девиц, которые автоматически раскидывают ноги при первом же приближении самца. С этим кавалером надо держать ухо востро. Может, у нее что-то с ним и получится, однако Фейт не могла забыть о том, что Джон как бы суррогат, замена другому, с которым она встретилась бы гораздо охотнее. С таким настроением новую дружбу начинать трудновато...

Хорошо, что она поступила мудро и назначила ему встречу в студенческом центре. Джон живет прямо в университетском городке. Когда они решили сходить вместе на просмотр фильма "Дьяволы" из программы клуба любителей кино, Фейт сказала, что ему будет крайне неудобно заезжать за ней – дорога займет целый час. А потом еще час возвращаться в Бреа. Лучше они встретятся прямо в университете. На самом же деле она не о нем заботилась. Благодаря этой уловке можно не говорить Джону, где она живет. Ему пока что незачем знать ее адрес. К тому же она стыдилась своего дома. Не дай Бог, увидит ее мамашу, которая в последнее время и часу не бывает трезвой!

То-то было бы весело, если бы Джон застал обычную семейную сценку: мамаша пьяно икает и последними словами ругает братца, а тот отвечает ей не менее площадными выражениями.

Фейт приняла душ, высушила волосы, привела в порядок лицо и оделась. Мать висела на телефоне в кухне – весело хохотала с очередным мужиком. Фейт воспользовалась тем, что мамаша увлечена разговором, на цыпочках пробежала через гостиную и вышла из дома.

Хотела бы она знать, куда двинул Кейт после того, как мать вымотала ему все нервы и безобразно оскорбила. А впрочем, брат уже достаточно взрослый и способен позаботиться о себе. Этой ночью он скорее всего останется у одного из своих приятелей. Или дождетсЯ, пока мамаша вырубится, и вернется в час или два ночи.

Еще год назад – да, еще в конце прошлого семестра! – Фейт исправно докладывала мамаше, куда и с кем она направляется вечером. Но потом до нее дошло, что мамаше совершенно безразлично, где и с кем находится дочь. С тех пор она перестала даже записки оставлять. Мамаша никак не отреагировала.

Можно сказать, с внутренней усмешкой подумала Фейт, дети никогда не бывают довольны – и когда за ними много следят, и когда за ними совсем не следят..

Добравшись до студенческого центра, она нашла Джона в холле на первом этаже – юноша сидел на диванчике. Идя к нему, она еще раз отметила про себя, какой он красавец. Днем Фейт

смотрела на него так настороженно, что не успела толком разглядеть. Теперь было очевидно, что на нее обратил внимание очень приятный молодой человек. По словам Джона, он подрабатывает тем, что продает по субботам и воскресеньям подержанные стереопроекторы. При такой эффектной внешности мог бы устроиться и получше – скажем, танцором в баре, или манекенщиком, или натурщиком.

Снова она думает в точности так же, как думала бы ее мамаша!

Фейт на всякий случай провела кончиком языка по передней поверхности зубов – чтобы на них, не осталось губной помады – и широко улыбнулась, подходя к Джону.

– Привет!

Джон окинул ее фигуру быстрым взглядом, одобрительно усмехнулся и сказал:

– Добрый вечер.

Свидание с самого начала пошло как-то не так. Фейт не могла бы сказать, что именно не так и с какой стати у нее возникло дурное предчувствие: зря она пришла на эту встречу. Будь ее воля, развернулась бы и ушла уже через десять минут после общения с Джоном. Просто было неприлично внезапно уйти – без особой причины...

В библиотеке Фейт разговаривала с ним с удовольствием. Он был такой обаятельный, такой дружелюбный, ей искренне нравилось болтать с ним. Но за это время что-то решительно изменилось. У нее язык словно к небу присох.

По дороге к кинозалу говорил исключительно Джон, и девушка радовалась, что ей не нужно поддерживать беседу. Но даже не произнося ни слова, она испытывала неловкость. Теперь рядом с ним она чувствовала себя не в своей тарелке. Удивительное дело!

И ей совершенно не понравилось, когда в середине фильма, во время сексуальной оргии монахинь на экране, рука Джона, лежавшая у нее на плече, вдруг спустилась и стала ласкать ее грудь.

Вежливо, но очень решительно Фейт переложила его руку с груди на плечо.

Затем Джон предложил перекусить что-нибудь в "Падающей башне" – ближайшей от университетского городка пиццерии. Есть ей не хотелось – тем более в компании Джона. Но она машинально согласилась.

Они сели в машину Джона и поехали к ресторанчику. Ведя автомобиль по плохо освещенным улицам, Джон рассказывал что-то о падающей Пизанской башне – на эту тему его навело название ресторанчика. Фейт молча слушала, в нужных местах улыбалась и выдавливая из себя "да", "надо же", "подумать только!"

Пиццерия была битком набита. Гвалт стоял невыносимый. В одном углу зала оголтелые болельщики, прихлебывая пиво и пускаясь в жаркие споры, смотрели по телевизору футбольный матч; по радостным воплям или проклятиям можно было точно вести счет забитым и пропущенным мячам. В другом углу зала пять-шесть старшеклассников стояли у игровых автоматов – оттуда доносилась масса электронных звуков, сопровождающих видеоигры: гудки, стрельба, взрывы. Ну и конечно, из колонок во всех концах зала неслась громкая танцевальная музыка. Фантасмагорический звуковой коктейль безмерно раздражал Фейт. Вести настоящую беседу в таких условиях было невозможно.

С другой стороны, она радовалась, что они зашли в такое шумное и многолюдное место.

Ей нисколько не хотелось разговаривать с Джоном. Ей нисколько не хотелось оставаться с ним наедине. Она поймала себя на том, что думает о Джиме. Любопытно, чем он сейчас занят? Интересно, как бы прошло свидание, если бы на месте Джона был Джим?

Ах, пустые мечтания! Сколько можно жить по канонам любовных романов и ожидать от мужчин какого-то неслыханно романтического поведения? Спустись на землю, подружка, с горечью подумала Фейт.

Джон попробовал говорить сквозь музыку и прочие шумы... Ничего не вышло. Поэтому кончилось тем, что парочка села смотреть футбольный матч. Все места перед телевизором были заняты, но Джон увидел своих приятелей, которые любезно потеснились.

Было не очень удобно висеть на стуле на одной половинке зада и не слишком приятно выслушивать соленые шутки Джона и его приятелей – Джон рядом с друзьями сразу перешел на предельно грубый язык. Однако главным для Фейт было как-то скоротать время – без разговоров и обжиманий. Поэтому футбольный матч по телевизору оказался кстати.

Они досидели до конца матча, который закончился примерно через час.

Пиццерия почти опустела. Фейт за все время выпила только одну кружку пива. Зато Джон осушил не то четыре, не то пять. Когда он, заметно окосевший, сел за руль, Фейт слегка поежилась, но потом решила, что машин на улицах уже мало и ничего случиться не должно. Больше ее беспокоило то, что хмель сделал Джона воинственным. Парень по-хозяйски обнимал ее то за плечо, то за талию, а по дороге к автостоянке возле пиццерии бесцеремонно схватил ее за руку и потащил за собой. Фейт решила все терпеть, в машине сидеть молчком и "не взбухать".

Лучше не ссориться с Джоном, когда он на таком взводе.

Они въехали на территорию университета, и Фейт показала, где припаркована ее машина. Джон остановил свой автомобиль рядом и выключил зажигание.

И потянулся к ней.

Во рту у Фейт внезапно пересохло. Она не ожидала, что он поведет себя так решительно. Весь вечер она надеялась на то, что ей удастся извернуться и никаких объятий и поцелуев не допустить. Но увы и ах – за простодушие надо расплачиваться!

– Было очень хорошо, – скороговоркой солгала девушка. – Большое спасибо за приятный вечер.

Она проворно схватилась за ручку дверцы. Но в этот момент рука Джона крепко сжала ее плечо. Фейт быстро оглянулась на юношу. Его лицо было совсем близко от ее лица. Она ощутила мерзкий пивной перегар.

– Мне тоже понравилось, – сказал он.

И наклонился поцеловать ее.

Она подставила сжатые губы, рукой нашаривая ручку дверцы. Однако его рука соскользнула с ее плеча ниже. В следующий момент Джон так больно вцепился ей в правую грудь, что девушка поневоле откинулась обратно на спинку сиденья.

Вторая его рука легла у нее между ног и стала мять ее тело сквозь джинсы. Фейт запаниковала: каким образом дело зашло так далеко? Как она допустила? Теперь она думала лишь о том, как бы поизящнее удрать. В подобные ситуации ей доводилось попадать и раньше, с другими мужчинами. Случись это свидание месяц или даже неделю назад, она бы считала такое завершение свидания естественным.

Но теперь такого завершения она не хотела. Однако и отшить Джона резкими словами не решалась. Было что-то грозное, пугающее в упрямстве его рук, в его грубом поведении. С таким одними резкими словами не справишься. Эх, дура, следовало расстаться с ним прямо после фильма и не ехать в эту чертову пиццерию! Нет, не послушалась своего сердца, поперлась куда не надо...

Лапища, мнушая ее лобок, делала ей больно. Фейт попыталась сдвинуть ноги, сбросить наглую руку, однако Джон не обращал внимания на немые протесты девушки. Все давил и давил – тупо и настойчиво, словно хотел пробраться в нее прямо так, сквозь джинсы.

– Брось ломаться, – сказал он. – Ты же сама хочешь!

– Нет, – сказала она, – не хочу. Я хочу домой. Она старалась, чтобы ее слова прозвучали убедительно – как будто она полностью контролирует ситуацию и способна настоять на своем. Но вместо сурового энергичного тона получилась просящая интонация – жалкий писк мышки, молящей пощады у кота.

Фейт схватила кисть руки, делающей ей больно между ног. Они начали бороться. Джон только посмеивался – он был явно сильнее. В итоге его рука оказалась на молнии ее джинсов.

– Прекрати! – вскрикнула Фейт. Молния жикнула, рука Джона скользнула внутрь, под трусики, и грубые пальцы сгребли волосы ее лобка.

Теперь Фейт стала бороться всерьез, пустив в ход и кулачки и ногти.

Джон с легкостью отбивался и только посмеивался.

– Тебе понравится, – приговаривал он. – Тебе понравится!

Она не испытывала ни малейшего возбуждения, только страх. И когда его палец все же проник в нее, Фейт вскрикнула от боли и отвращения.

Она укусила другую его руку. Без дураков укусила. Всерьез. И почувствовала соленый вкус крови на своих губах.

Джон заорал от боли. Его рука вылетела из ее джинсов, как пробка из бутылки.

Фейт увидела следы зубов и капли крови на его правом предплечье.

Не испытывая ни капли жалости, она воспользовалась замешательством Джона, который с горестным выражением лица рассматривал рану. Девушка схватилась за ручку дверцы, распахнула ее и буквально выпрыгнула из машины.

– Ах ты, сука фригидная! – проорал ей вслед Джон. – Чтоб ты сдохла, падла бесчувственная!

У нее было что ответить, и сегодня она могла бы произнести все те грязные слова, которые никогда не произносила вслух. И еще бы она с удовольствием выцарапала его наглые глаза и вмазала ему по его поганым яйцам. Но ей не хотелось рисковать.

Дрожащей рукой Фейт отперла свой "фольксваген", заскочила внутрь и сразу же заперла дверцу. Она не стала смотреть, бежит ли Джон следом. Сунула ключ зажигания, повернула его и с места взяла предельную скорость.

По почти пустому шоссе она домчалась до дома за полчаса – абсолютный рекорд! Но даже заворачивая на подъездную дорогу к дому, она все еще дрожала от пережитого страха, от возмущения и обиды.

2

– Ну и как? – спросила Синди. Райли попробовал подвигать руками и ногами. Нет, не получается.

– У-у, кажется, отлично.

– Вот и хорошо, – сказала она.

И начала медленно раздеваться.

Он наблюдал, как она неторопливо снимает туфли, носки, юбку, трусики. И его член становился все тверже и тверже, наливаясь кровью в том же неспешном ритме.

Начиналось все довольно невинно.

На семинаре писательского мастерства, который вел профессор Эмерсон, Синди сидела через два стула от него. В первую неделю он и вовсе не обращал на девушку внимания. Но потом она вызвалась быть первой, чье творчество подвергнется разбору на семинаре. Профессор велел ей сделать ксерокопии того, что она пишет, будь то стихи, пьесы или рассказы, и раздать по экземпляру каждому студенту.

На следующем занятии Синди прошла по рядам и раздала всем студентам по пачечке своих стихов. Когда очередь дотла до Райли, он заметил, что ее рука, протягивающая листки, предательски дрожит. Он удивился тому, что пачку страниц для него Синди взяла из-под низа всей стопы бумаг. Это было очень неудобно – пришлось совершить руками сложную операцию. Затем девушка быстро пошла дальше, а он посмотрел на первую страницу. Над заглавием были две строчки, написанные от руки крутым женским почерком:

"Ты кажешься интересным. Хочу встретиться с тобой. Позвони мне: 555-9087. Синди".

Ишь ты! Эта Синди та еще штучка!

Он перевернул страницу, чтобы никто ненароком не прочитал записку, а потом обернулся – приглядеться к Синди. Ну, конечно, не Мэрилин Монро. И до тетки Кроуфорд не дотягивает. Однако очень даже ничего. Обаяшка, хороший цвет лица, пышущая здоровьем блондиночка – этаким плейбоевский тип "незаметной женщины, живущей по соседству", в которой на самом деле таится бездна эротической привлекательности. Синди оглянулась, заметила, как пристально он ее рассматривает, и очень мило покраснела.

Райли перечитал записку. В общем-то глупый текст. Словно старшеклассница писала. Тем не менее он был весьма польщен. "Ты кажешься интересным" – такое даже от последней дуры приятно услышать.

Затем разбирали ее стихи. Большинству студентов они понравились – все находили их честными и эмоционально наполненными. Профессор Эмерсон попросил написать на обороте текстов развернутую рецензию и вернуть их Синди.

Вся рецензия Райли свелась к семи словам: "Я тоже хотел бы встретиться с тобой".

Он позвонил ей в тот же вечер, они поболтали по телефону около трех часов. Обсудили

во всех подробностях и его поганое детство, и ее счастливое детство, напоминающее сладенькую патоку телевизионных комедий из семейной жизни. Поговорили о его бывших подружках и ее прошлых кавалерах, выяснили, кто из них чем интересуется и как каждому видится будущее. У них нашлось мало общего – и в прошлом, и в планах на будущее. Но это почему-то не имело ни малейшего значения, главным было то, что им приятно болтать. Договорились встретиться в субботу вечером.

Свидание прошло весьма удачно. Кончилось оно поцелуями и нежностями в машине. Далеко не заходили, но он успел легонько погладить ее во всех возможных местах. Да и она не очень стеснялась.

В понедельник, перед семинаром, когда Райли проходил мимо Синди, девушка незаметно сунула ему в руку записку.

Он сел на свое место, развернул ее и прочитал.

"Не тяни, трахни меня".

Его член мгновенно затвердел. Он посмотрел в сторону Синди и встретился с ней глазами.

Она мило улыбалась.

Вот такая получилась короткая дорожка к этому мотелю. К этой вот кровати.

Никогда прежде Райли не бывал с женщиной в мотеле.

А впрочем, он ни разу в жизни не был с женщиной и в постели.

Как-то получилось, что вся его сексуальная жизнь происходила в машине. Вот почему возникал такой невольный каламбур: хоть и не бывал в постели с женщиной, но не девственник.

Ему с непривычки не хотелось встречаться в мотеле – да и денег было жалко. Однако Синди решительно отвергла машину и настояла на комнатке в мотеле. Ему пришлось одолжить денег и покориться.

Райли ожидал, что она захочет шампанского, потом они долго будут говорить всякие романтические слова про любовь. Но стоило им войти в комнату, как она открыла сумочку, зачем-то вынула шелковые платки, бросила их на постель и деловито заявила:

– Хорошо, мой большой и сладкий, снимай штаны, посмотрим, чем ты можешь похвастаться.

Райли разделся; она стала на колени, взяла его член в рот и несколько минут добросовестно трудилась. Затем она уговорила его лечь на постель и дать привязать себя шелковыми платками к столбикам кровати.

Теперь Райли наблюдал, как она вслед за трусиками снимает лифчик. У нее был голый, недавно выбритый лобок, поэтому торчащие синевато-розовые наружные губы смотрелись непривычно на фоне гладкой белой кожи. С похотливой улыбкой Синди подняла брошенные на кровать трусики и провела ими по его лицу. Он ощутил ее запах на шелке.

– Нравится?

– Да, – прохрипел Райли.

Она швырнула трусики на пол и, широко раздвинув ноги, села над его лицом. Он увидел прямо перед собой влагище и ощутил, как пахнет ее возбуждение. Затем она стала медленно и чувственно спускаться вниз по его телу, ведя влажными наружными губами по его груди, животу... Она была гибкая, как пантера. Погладив его бедра, она изогнулась и легко, нежно куснула большой палец на его правой ноге. Он закрыл глаза от наслаждения.

Теперь Синди присела над его животом.

Райли услышал странный звук, и что-то горячее полилось на его пах.

Что-то тут не то!..

Он открыл глаза и приподнял голову. Боже! Эта сумасшедшая сучка ссала на него! Он заметался, попытался освободиться от пут, но шелковые платки держали крепко. Синди перемещалась вверх и вниз по его торсу и поливала юношу мочой. Он мог только наблюдать за желтой струйкой из-под голого лобка. Вонь стояла отвратительная.

Райли задохнулся от отвращения и с трудом удержал рвотный позыв.

– Что ты делаешь, так твою растак! – заорал он. Теперь в моче был не только он, но и простыни. Причем моча была красноватого цвета. У этой дуры что, к тому же и месячные?

– Развяжи меня!

Струйка иссякла. Сколько же в одной негодяйке может быть мочи! Как в мужике после пяти кружек пива!

– Я думала, – сказала Синди спокойно, – что ты именно этого хотел.

– Я... хотел? С чего ты взяла?

– По крайней мере я этого хотела.

– Черт побери, немедленно развяжи меня! Девушка отползла в изножье кровати и, стоя на коленях, грубо схватила упавший мягкий пенис. Покрутила его в руках и с досадой провела по нему ногтем – да так, что кровь выступила. Хорошо хоть не по головке!

– Боже! – запричитал Райли. – Да ты рехнулась!

Она наклонилась и взяла с пола свои трусики, вытерла ими смешанную с кровью мочу на его животе... и сунула их ему в рот. Он замотал головой, а она с силой вогнала этот кляп поглубже.

Райли тут же вырвало. Но рот был забит шелковым кляпом, поэтому рвотным массам было некуда деваться. Он попытался прокашляться, сделать вдох, но все дыхательные пути были перекрыты. Глаза у него полезли на лоб, воздух в легких заканчивался, и он понял, что это конец, он умирает.

Тем временем она сжала в своих руках его яички – словно это был лимон.

Он ощутил страшную боль. А она жала сильнее и сильнее. Похоже, его левое яичко лопнуло, но он уже ничего не чувствовал. Он стал проваливаться в черную бездну.

Синди криво улыбнулась и сказала:

– Погоди, самое потешное только начинается. Если бы он мог кричать, он бы закричал. Но он не мог.

Глава 8

1

– Есть красота в литературе, живописующей ужасы, – говорил Ян, облокотившись о кафедру. – Ужас – это нечто живое, реальное. Страшное находит отклик в сердцах читателей. Даже специалисты по английской литературе не сразу припомнят, кто такие Пол Морель или Кэвин Стивенс – герои достаточно известных классических произведений. А вот Франкенштейна всякий школьник знает. То же самое с Дрякулой. Самый запомнившийся персонаж Диккенса – всем вам известный Скрудж – появился в рассказе о привидениях. В отличие от романов Томаса Манна и Марселя Пруста, жизнь в которых держится за счет неустанных усилий литературоведов-реаниматоров, старинные романы ужасов читают широко и с удовольствием – они выжили самостоятельно, даже вопреки критикам-душителям, и продолжают успешно существовать в сознании все новых и новых поколений...

– Как крокодилы среди шустрых млекопитающих, – подсказал Курт Лодрук – Что ж, можно сказать и так. Скорее, как латимерии – ископаемые рыбы, которых мы давно похоронили, а они, оказывается, живут и здравствуют в глубинах океана. Если посмотреть на литературную историю человечества, то выяснится, что ужасные рассказы и фантастические страшные чудовища сопровождают нас с начала письменной истории. Скажем, первое дошедшее до нас произведение западной литературы – "Беовульф". По сути, это "страшилка" – ведь Беовульф сражается с драконами и в итоге погибает, отравленный ядовитым дыханием самого страшного из них. "Черные фантазии" имеются и в Библии, и в древнекитайской литературе. Практически все великие писатели прошлого на каком-то этапе своего творчества обращались к страшному рассказу. Высокоумные профессора, мнящие себя великими знатоками литературы, вольны относить данные произведения к сорнякам на поле классики. Но эти сорняки отлично устояли перед безжалостным серпом времени и до сих пор привлекают читателей!

Перри Магнусон, аккуратного вида тонкогубый студент из первого ряда, имевший вид первого ученика средней школы, при упоминании Манна и Пруста недоверчиво потряс головой, словно не соглашался с преподавателем. А по окончании речи профессора поднял

руку.

Ян протянул руку в его сторону и сказал:

– Да, пожалуйста.

– Проблема литературы ужасов в том, что она массовая, сниженная. Она не является серьезным исследованием действительности. Это обочина литературы.

– Вот как? – возразил профессор. – Значит, подобные книги читать не" следует? Странное представление о литературе и чтении. Вы занимаете антиинтеллектуальную позицию, мистер Магнусон. Не хотите ли вы сказать, что цена литературного произведения зависит от изображаемого предмета? Выберешь достойный – будет великая литература? Выберешь попроще – будет литература "массовая", никчемная?

– Нет, конечно, я так не думаю.

– Отчего же вы позволяете себе такие обобщающие заявления? На самом деле не существует явной и неизбежной границы, которая отделяла бы "популярную" литературу от "серьезной". В свое время у Диккенса и Харди, которых мы сейчас относим к "серьезным" прозаикам, была огромная читательская аудитория. Десятки тысяч людей набрасывались на новые романы Толстого и Достоевского. "Преступление и наказание", "Война и мир", "Анна Каренина" – все эти романы можно по праву назвать бестселлерами девятнадцатого века. И после этого вы будете утверждать, что признание массового читателя унижает литературное произведение, обесценивает его?

– Разумеется, нет.

– Тогда почему вы выбрасываете на задворки литературы все произведения "черной фантазии" только на том основании, что они нравятся "простому" читателю? Лишь время расставляет все по местам и решает, какому произведению быть классикой, а какому – увы и ах. Вы уж меня извините, но, по моему мнению, тягомотину Сола Беллоу забудут через десять лет, а романы Сидни Шелдона будут с удовольствием читать и через сто лет.

Студенты дружно рассмеялись.

– Разумеется, я слегка преувеличиваю, но если говорить совершенно серьезно, то, по-моему, это в высшей степени опасное заблуждение, это удручающий снобизм – полагать, что исключительно профессора расставляют по ранжиру произведения искусства, исключительно они решают, кто первоклассный, кто похуже, а кто и вовсе третий сорт.

– Но что вы скажете о писателях вроде Стивена Кинга? – спросила Джани Хольман. – Не кажется ли вам, что они гробят свои произведения тем, что в них столько актуальных намеков, столько замечаний на злобу дня, такое обилие модных словечек-однодневок? Все названное мной обесценит их произведения уже через десять – двадцать лет, а то и раньше. Читателю будет скучно пробираться через лес непонятных ему намеков и забытых слов.

– Вы знаете, у меня такие трудности со Стейнбеком. Он описывает незнакомые мне времена Великой депрессии, какие-то тогдашние заботы и проблемы. А знали бы вы, как я мучаюсь с Хемингуэем... Отчего он не писал про наше время, а упрямо строчил о своем? То про Первую мировую, то про гражданскую войну в Испании. Да еще рабски копировал ныне забытую манеру говорить тогдашних людей...

Студенты опять дружно рассмеялись.

– Вот-вот! Вы смеетесь. Но ведь это очень распространенная ошибка. Людям кажется, что если в произведении описывается во всех подробностях какая-то эпоха, то в следующую эпоху книга уже не будет интересна. На самом же деле время в романе создает контекст, рамку; содержание вечно. В широком смысле любое произведение искусства есть произведение своего времени. Зачастую многие книги читаются сейчас с таким удовольствием не вопреки тому, что в них масса черточек ушедшей эпохи, а именно благодаря тому, что в них масса черточек ушедшей эпохи. Скажем, произведения Джорджа Аддисона и Ричарда Стила, Самуэля Джонсона и Александра Попа в наше время ценят в равной степени и как литературные шедевры, и как дотошные исторические документы. А может, они даже важнее именно как памятники прошлого.

– Что же касается "модных словечек-однодневок", – продолжал Ян, – то я советую вам вспомнить произведения Томаса Пинчона. Его работы никто не назовет легковесными, и они одобрены общим гласом профессоров английской литературы. А ведь его романы просто

набиты просторечными и жаргонными выражениями – он точно отражает говор тех, о ком пишет. Новое поколение заговорит на другом языке, но документ Пинчона останется. И никто не ставит ему в упрек это увлечение текущим этапом американского языка. – Ян посмотрел на часы. – Ладно, наше время истекает. Заканчиваем. К следующему занятию будьте добры прочитать на выбор любые два рассказа М. Дж. Джеймса и повесть "Поворот винта" Генри Джеймса. Будьте готовы к обсуждению обоих Джеймсов – в чем они похожи, а в чем разнятся.

Как всегда после семинара его окружила группка студентов – задать какие-то вопросы, высказать мнение, которое они стеснялись произнести перед всеми. Но сегодня Ян решительно извинился, сославшись на отсутствие времени, и поспешил к себе в кабинет, где ему надо было просмотреть кое-какие книги и бумаги перед тем, как отправиться в "Акапулько" – он договорился пообедать с Эленор.

Эленор.

Так звали эмоционально неуравновешенную главную героиню в рассказе Эдгара По "Привидение Хилл-Хауза".

Отчего ему пришла в голову такая ассоциация? И почему она раньше не приходила ему в голову? Ладно, не важно. Ян запер дверь своего кабинета, спустился по лестнице и направился к автостоянке.

Эленор поджидала его в ресторане. Разумеется. Очень положительное существо. Она уже сидела в отдельной кабинке и дала метрдотелю такое исчерпывающее описание своего друга, что Яну не пришлось даже называть себя – его тут же провели к столику.

Они не виделись две с половиной недели – с тех пор как начали встречаться, в их отношениях еще не было столь длительного перерыва. Ян обнаружил перед свиданием, что слегка волнуется. Впрочем, только он успел сесть, как его рука сама потянулась и легла на колено Эленор – еще прежде чем от них отошел метрдотель, положивший на стол меню.

– Сегодня можем предложить наши фирменные блюда – суп с маисовыми лепешками и креветочные фаджитас, – сказал он.

Ян рассеянно кивнул: мол, хорошо, хорошо. Как только они остались наедине, он сказал:

– Я скучал по тебе.

Надув губки, Эленор лукаво улыбнулась:

– Ой ли?

– Ты же сама знаешь – я очень скучал. – Он убрал руку с ее колена и заглянул ей в глаза. – А я-то думал, что мы больше не будем ссориться.

Она мотнула головой.

– Извини. Давай не будем. Просто я сидела тут и размышляла о том, как ты игнорировал мои телефонные звонки, жил себе и в ус не дул – будто меня вовсе не существует. Я всерьез задумалась: а что я значу в твоей жизни? Похоже, немного. Если бы я не бомбила тебя телефонными звонками, то, вполне вероятно, ты и не заметил бы, что я куда-то исчезла.

Он изобразил на лице обиду.

– Ты же знаешь, что это не правда!

– Да ну? Откуда мне знать? Ян помолчал.

– Ну, должна догадываться. Не догадываешься? Эленор улыбнулась и кивнула:

– Может, и догадываюсь. Только приятнее из твоих уст услышать.

Он встретился с ней взглядом и вдруг вспомнил, что когда-то, перед окончательным разрывом, сказала Джинни – его подруга до Эленор. После очередной ссоры они решили по-доброму расстаться и были заняты разделом имущества, нажитого за время совместной жизни. Когда они принялись делить фотографии, Джинни заявила: "Мои снимки – с людьми".

Это замечание, ненароком оброненное, поразило его своей точностью. Он удивился тому, отчего он этого сам раньше не замечал.

На всех фотографиях, сделанных Джинни, был он, или они вместе, или их друзья и родственники – и дома, и в тех местах, где они с Яном путешествовали.

На снимках, сделанных Яном, людей практически не было – то есть крупных планов. Лишь здания, памятники, мосты, пейзажи – словом, неодушевленный Мир. Его фотографии были композиционно выстроены, немного искусственны. А в ее незатейливых снимках чувствовалось человеческое тепло – вопреки беспомощной композиции.

Ян вспомнил один особенно показательный случай: когда он снимал Джинни в Долине Монументов, так вышло, что она загораживала один из горных пиков; поэтому он сдвинулся в сторону и выбросил ее из кадра.

Да, она произнесла одну короткую фразу: "Мои снимки – с людьми". И все. Это главное, что осталось от расставания. Она подвела черту под их взаимоотношениями и одной фразой очертила все то, что было неприемлемо для нее в его характере: "Мои снимки – с людьми".

И эти слова гвоздем сидели в голове.

Ян принудил себя улыбнуться и взял руку Эленор в свою.

– Слушай, а что, если мы махнем на все и проведем день вместе? Отменю к чертовой матери две мои последние лекции и буду свободен как птица. А ты позвони к себе на работу и отпросись. Ну, соври им что-нибудь. Поедем на берег моря. Или завалимся в киношку.

Она рассмеялась.

– Да нет. Я серьезно.

Тут к их столику подошла официантка – принять заказ.

– Добрый вечер. Могу предложить вам... О, профессор Эмерсон, здравствуйте!

Он поднял на нее глаза и наморщил лоб. Лицо знакомое. Вне сомнения, она когда-то училась у него, а вот имя вылетело из памяти.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Марианна Гейл, – подсказала девушка. – Училась у вас два года назад.

– Как дела? – спросил Ян, так и не припомнив ее, но делая вид, что вспомнил.

Девушка скороговоркой рассказала, что в этом году заканчивает университет и собирается работать в рекламном бизнесе – уже подала заявку на стажировку к Мак-Махэну и Тейту.

После того как она приняла заказ и ушла, Эленор покачала головой.

– Боже, твои студенточки повсюду. Он пожал плечами.

– Привыкнешь. Ну, так что насчет моей идеи пробездельничать остаток дня?

– Я бы с удовольствием, да вот только...

– А-а, брось!

Эленор минуту подумала, затем решительно кивнула.

– Хорошо, – сказала она, – гулять так гулять! – И добавила, вставая:

– Я недолго – надо позвонить на работу.

Они провели день на берегу моря, потом бродили по магазинчикам на побережье и в Бреа вернулись уже в сумерках. Эленор осталась у него на ночь – в знак полного примирения. Перекусили бутербродами, приняли душ и занялись любовью.

Потом, лежа в постели, они в сотый раз смотрели по телевизору "Жар тела", и Эленор рассказывала, что происходило с ней в эти последние две с половиной недели.

Яна подмывало рассказать ей о тех странных чувствах, которые обуревали его с начала учебного года: о неопределенных страхах и неясных сомнениях, о том, каким неприкаянным и одиноким он вдруг стал себя ощущать. Но он решил, что сейчас не время и не место заводить такой разговор.

– А у меня все в порядке.

– Как занятия на семинаре по литературе ужасов?

– Даже успешнее, нежели я думал. Поначалу записалось совсем мало студентов. Но уже после первых двух занятий прибавились новые – добрый признак. Значит, прошел слух, что стоит записаться. Нынче всеобщий ажиотаж к "ужасикам" упал, но думаю, эта тема всегда будет любопытна и всегда найдутся желающие поподробнее узнать об этой области литературного творчества.

– Да, это проще, чем грызть гранит поэмы Мильтона.

– Ну, пожалуй.

– Кифер перестал давить на тебя? Ян фыркнул:

– Смеешься? Чтобы этот гад слез с моей шеи? Увы, не дождусь. Мало того, что мне всякий раз приходится с боем отстаивать семинар по литературе ужасов, так в этом семестре он порадовал меня новым заявлением. Говорит, в будущем году официальное название курса надо изменить. Дескать, "Литература ужасов" звучит как-то несерьезно. Надо что-нибудь вроде "Фантастические темы в мировой литературе".

Эленор рассмеялась:

– Кифер в своем репертуаре!

– Да. Зануда из зануд.

– Настоящая задница.

Ян шутливо хлопнул ее по попке и ухмыльнулся:

– Не надо обижать этим сравнением задницу. Бывают очень даже приятные задки.

Она перекатилась на живот, чтобы ее "приятный задок" открылся зрению весь. Затем лукаво покосилась на Яна и игриво заявила:

– Моя попка в твоём полном распоряжении. Он вопросительно уставился на Эленор из-под взлетевших вверх бровей.

– Ты серьезно?

Она решительно кивнула и слегка засмущалась, но тут же дерзкой улыбкой попыталась скрыть это.

– Нет, правда? – Ян все еще не верил. Прежде она никогда не соглашалась.

– Я подумала... отчего бы нам не попробовать? Мне даже любопытно, понимаешь?

– Но ты же...

– А теперь я думаю иначе.

– Нет, я отнюдь не против. Просто считал...

– Ну, если не хочешь, я принуждать не стану...

– Фу-ты, я не то имел в виду. Ты знаешь, что я имел в виду.

Эленор хитро улыбнулась.

– Хватит болтать, – сказала она. – Неси-ка лучше вазелин.

Ян быстро чмокнул ее в щеку и выпрыгнул из постели.

– Я тебя люблю, – сказал он с ласковой улыбкой. – Ты прелесть!

Впервые он сказал ей "я тебя люблю", и они оба отметили это про себя. Но Эленор не придавала этим словам слишком большого значения – в этой ситуации они означали совсем не то, что она хотела бы услышать.

Поэтому она просто улыбнулась ему в ответ и без особого нажима сказала:

– И я тебя очень люблю.

2

– Пятнадцать человек получили ранения? – переспросил Джим, зажимая телефонную трубку между плечом и головой и поглядывая на Хоуви. При этом его пальцы продолжали печатать. – Трех увезли в больницу? Погодите секунточку.

Он перестал печатать, выпрямил шею, зажал рукой телефонную трубку и сообщил Хоуви:

– Беспорядки на футбольном стадионе. Драка между болельщиками. Хоуви фыркнул.

– Разумеется, махаловку начали наши? – спокойно осведомился он.

Джим кивнул.

– Ну да, нашим оболтусам не понравилось решение судьи, и пошло-поехало. Я думаю, все по обычному сценарию – толпа вываливается на поле, давка, мордобой... Форд говорит, там была настоящая свалка – и большое счастье, что серьезно пострадали только три человека.

– Вспомни Яну Андерсон – ее концерт в клубе, – сказал Хоуви.

Джим приложил трубку к уху и вернулся к разговору с Фордом.

– Ладно, – сказал он редактору спортивного отдела, – докладывай дальше. Итак, трое в тяжелом состоянии доставлены в госпиталь...

Через десять минут Джим целиком перечитал записанную заметку Форду, вместе они сделали кое-какие поправки, и Джим повесил трубку.

Он откинулся в кресле и положил ноги на стол.

– Уф-ф! Что за жизнь пошла! Рехнуться можно! Изнасилования, самоубийства, злостное хулиганство, массовые беспорядки. Этот семестр – сущий праздник для журналистов.

– И кошмар для читателей, которым среди этого жить, – сказал Хоуви. Прожужжав мотором, инвалид подъехал поближе к столу Джима. Тот спросил его:

– Ты уже слышал, что воспитателей Детского центра обвиняют в растлении детишек?

Хоуви попытался помотать головой, но это у него не получилось – мышцы шеи не слушались. Пришлось выразить отрицание с помощью слова:

– Нет.

– Над темой работает Стив. Поставим в номер во вторник. Родители одного мальчика и родители одной девочки одновременно и независимо друг от друга подали жалобу на воспитателей Детского центра – якобы те развращают их детей. Не знаю, сколько правды в этих обвинениях – после скандального дела Мак-Мартина университетское начальство утвердило драконовские правила, по которым детишки никогда не остаются наедине с воспитателем, будь это подрабатывающий студент или профессионал. Однако родители мальчика утверждают, что воспитатель гладил его в неподобающих местах, а родители девочки – что ее принудили к оральному сексу.

– Похоже, с начала нового учебного года в нашем богоспасаемом университете совершены абсолютно все возможные разновидности отвратительных преступлений. А ведь еще и первый месяц семестра не закончился!

– Ну, положим, совершены еще не все виды преступлений. Но у меня такое нехорошее предчувствие, Хоуви, что до декабря мы наверстаем упущенное.

– Все это не кажется тебе... ну, подозрительным... Джим снял ноги со стола и несколько удивленно переспросил:

– Подозрительным? Что ты имеешь в виду?

– Как-то странно – столько мерзостей на территории одного университета, и за такой короткий отрезок времени. Вопреки логике и вопреки статистике. Отчего такая вспышка? По-моему, это в высшей степени удивительно.

– В общем-то ты прав.

– Я хочу сказать, что даже тупые головы в городском совете – и те заметили. – произнес Хоуви, глазами показывая на лежащий у него на коленях последний номер "Бреа газетт". Шапка на первой полосе сообщала, что городской совет принял решение резко увеличить количество полицейских патрулей на улицах.

– И в чем же причина, по-твоему? – спросил Джим.

– Откуда мне знать. Просто у меня на душе погано от всего этого.

Джима тоже вдруг кольнуло нехорошее предчувствие. По спине пробежали мурашки.

– Ну, преступность растет повсюду, – сказал он, в большой степени для собственного успокоения.

– Но не на две тысячи процентов за один месяц! – воскликнул Хоуви. – Ты знаешь, существует такая теория, будто бы появление в определенное время определенных идей и изобретений просто неизбежно. Гений якобы ничего не придумывает, он только первым формулирует идею, которая уже носится в воздухе. Иными словами, если бы Томас Эдисон не изобрел электрическую лампочку, ее бы изобрел кто-то другой. Потому что существовали все объективные предпосылки для этого изобретения. Приходит время – и нечто созревшее в глубине эпохи неотвратимо вырывается наружу. Мне кажется, что сейчас здесь, в университете, происходит нечто подобное. Возможно, в чреве нашей эпохи выношено великое зло – и вот наступило время ему проявиться в полную силу. Вспышка насилия в студенческой среде – это не ряд случайных происшествий. Это отчетливое проявление духа времени. Созрели объективные предпосылки для жестокого насилия – и оно материализовалось в нашем злополучном университете. А если бы оно материализовалось не здесь, то обязательно произошло бы в другом месте. Его час пробил – и вот оно, перед нами...

Джим встал и нервно заходил по комнате.

– Нет, – сказал он после минутного размышления. – дикая гипотеза!

– Позволь не согласиться. Будем стоять на почве логики. Есть ли единый источник всех этих преступлений? Его не существует. Все акты насилия, которые произошли в нашем университете за последние три недели, никак не связаны друг с другом. Тут не группа преступников действует: И нет речи о внезапном появлении сразу нескольких шаек. Нет, это что-то вроде всеобщего ускоренного морального разложения. Следовательно, мы имеем дело с тенденцией. И эта тенденция совершенно однозначна – обвальное увеличение количества зла.

– Ну, на это могут быть разные точки зрения...

– Давай, возражай.

– Слушай, не лучше ли нам отложить дискуссию на потом? Сейчас я должен быстренько отстучать заметку о побоище на футбольном поле и перестроить всю первую полосу. А в типографию номер надо было сдать еще сорок пять минут назад. Так что я в большом замоте. Придется позвонить в типографию и сказать, что мне нужен еще час.

– Поискать кого-нибудь из ребят тебе в помощь?

– Нет, все уже разошлись. Даже Джин я отослал домой.

– У Фарука вечерние занятия. Я мог бы притащить его сюда.

– Спасибо, я сам справлюсь. Тут работа для одного. Так что и ты можешь спокойно отправляться домой. Увидимся в общежитии.

– Только обещай, что мы еще вернемся к теме тотального насилия в нашем университете!

– Обсоем все варианты, – заверил Джим. Хоуви рассмеялся:

– Ладно, великий босс. До встречи!

– До встречи!

Джим проводил Хоуви до двери и проследил за ним взглядом. Когда инвалид благополучно добрался до лифта, Джим повернулся и направился звонить в типографию.

На исправление первой полосы ушло гораздо больше времени, чем он предполагал.

Про себя Джим решил, что потратит час. Типографии сказал, на всякий случай, чтоб ждали через полтора часа. На деле же провозился все два. Заминка вышла не из-за статейки Форда. Даже перегруппировка первой полосы заняла не так уж много времени. Просто попутно он заметил столько ошибок и опечаток в других статьях, что пришлось вычитывать их со всей тщательностью.

Напуганный количеством огрехов на первой полосе, Джим заглянул в другие. И пришел в ужас.

Он был вынужден править номер от начала до конца.

Ну, погодите, завтра он задаст перца редакторам. Совсем обнаглели!

В итоге он задержал типографию на три часа. Джим позвонил бригадиру смены и рассыпался в извинениях. Тот в этот вечер не серчал – работы было относительно мало, и затянувшаяся возня с газетой особых проблем не создала. Они успеют напечатать весь тираж и приготовить к разноске, как обычно, к шести утра.

Джим быстро смахнул в мусорную корзинку ненужные бумаги, выключил компьютер, подхватил свой портфель, погасил свет и вышел в коридор.

Был двенадцатый час. Итого, он провел на территории университетского городка целых шестнадцать часов – с семи утра.

Джим так устал, что чуть было не уснул в лифте, убаюканный мерным жужжанием спускающейся вниз кабинки. Он очнулся, когда лифт тряхнул его, остановившись на первом этаже. Затем, разойдясь, гулко щелкнули створки кабины.

Первый этаж был погружен в тишину. Даже неутомимые продавцы пирожков, приходящие первыми и уходящие последними, и те давно разошлись. Запрятанные в потолке люминесцентные лампы достаточно ярко освещали холл. Но их свет отражался на стеклянных стенах и превращал законный мир в темную нерасчленимую массу.

Джим направился к выходу. Его шаги мрачным эхом отдавались в огромном холле. Наконец он дошел до двери и открыл ее. В лицо ударил прохладный ветерок.

Никогда раньше он не задерживался до столь позднего часа.

Обычно когда Джим уходил, поблизости всегда была по меньшей мере дюжина-другая студентов: одни шли от библиотеки к своим машинам, припаркованным на стоянке; другие – парочки – сидели и обнимались на лавочках вокруг цветочных клумб.

Но сегодня библиотека уже давно закрылась и погасила большую часть огней. Вечерние занятия закончились еще раньше. Во всех университетских зданиях горел минимум света – в основном в помещениях ночных сторожей.

Темнота в сочетании с пустынностью неприятно подействовали на Джима.

Он крепче прижал к боку свой портфель и пошел к автостоянке. Туфли громко стучали по цементу: бух-бух, бух-бух. И сердце его в унисон – бух-бух, бух-бух. Эти два звука были единственными конкурентами далекого приглушенного шума шоссе Империял.

– Приятный вечерок.

При внезапном звуке человеческого голоса Джим дернулся всем телом. Он чуть было не споткнулся и не растянулся на плитах дорожки.

Из тени за углом здания выдвинулась мужская фигура – невысокий крепыш с густой всклокоченной бородой.

– Или все-таки не очень приятный, а? С этими словам мужчина вышел на хорошо освещенное место, и у Джима немного отлегло от сердца. Он не знал этого человека, но у бородатого коротышки средних лет был весьма интеллигентный вид – вполне вероятно, что он преподаватель с ученой степенью. И одет достаточно прилично – хороший чистый свитер. Впрочем, было в незнакомце и что-то странное, настораживающее. Глаза умные – и вместе с тем взгляд какой-то остановившийся... Этот тип не моргает и смотрит с пристальностью инквизитора!

– Да, вечерок... ничего себе, – пробормотал Джим, не останавливаясь и норовя пройти побыстрее мимо загадочного бородача.

– Вы же знаете, что тут происходит, – сказал тот Джиму в спину.

Джим резко остановился, обернулся и уставился на бородача.

– Этот университет – гнездилище зла, – медленно, с расстановкой произнес незнакомец. – С каждым днем будет все хуже и хуже. Необходимо уничтожить это проклятое место – дабы спасти мир. Здесь все надо истребить – камня на камне не оставить!

Мужчина улыбнулся. Эту улыбку можно было угадать лишь по тому, как широко раздвинулась его борода. Он улыбнулся одними губами – глаза оставались торжественно-мрачными, предельно серьезными. Улыбка исчезла так же быстро, как и появилась.

– Извините, уже поздно, – сказал Джим. – Мне надо идти.

И он быстро зашагал в сторону автостоянки.

– Спросите у профессора Эмерсона, – крикнул ему вдогонку странный незнакомец. – Он в курсе. Еще не поздно!

Джим и не подумал останавливаться. Не оглядываясь, он торопливо шел к своей машине.

Перед ним была погруженная в темноту стоянка. Машин на ней оставалось совсем немного. Тем не менее огромный практически неосвещенный квадрат производил пугающее впечатление – черное пространство, в котором периодически появлялись круглые пятна слабого света, похожего на золотистый туман.

В целях экономии электроэнергии университетское начальство поставило малосильные лампы; в этот час они к тому же горели вполне накала и помигивали. Настоящего света они не давали, только плодили множество переменчивых теней и сбивали глаз с толку: освещения ему не хватало, но и к темноте он не привыкал.

Наконец Джим увидел свою машину. Когда он парковался днем во время ленча, тут все было занято, и он лишь чудом нашел местечко. Теперь его "хундай" стоял одиноко – до ближайшей машины метров двадцать – тридцать.

Джим облизал пересохшие губы и ступил на асфальт стоянки.

Было очень неприятно оказаться на юру и идти сквозь темень – здесь он отовсюду виден, со всех сторон уязвим. И к тому же он чувствовал на себе взгляд странного бородатого профессора – не оборачиваясь, нутром ощущал, что тот стоит где-то там сзади и пристально наблюдает за ним своими немигающими глазами.

Джиму стало стыдно от такой нелепой трусости. Он даже попробовал сбавить шаг идти обычной размеренной походкой. Однако ноги не слушались: чем медленнее он пытался идти, тем быстрее они несли его вперед. Джим с досадой чувствовал, что походка у него какая-то подпрыгивающая, неестественная, а руки плетями висят у бедер. В конце концов он не выдержал и оглянулся – проверить, смотрит ли на него бородач.

Но тени возле здания, где он встретил зловещего незнакомца, были слишком густы...

Слева раздался странный громкий звук – будто кто-то на сучок наступил.

Джим так и подпрыгнул от неожиданности, плюнул на чувство собственного достоинства и мелкой трусцой побежал к машине.

Глава 9

1

По всей видимости, ночью произошла авария и на долгое время отключался свет, потому что Фейт проснулась не как обычно в темноте и от крика радио, а в залитой солнечным светом комнате и сама, без радиобудильника, электронное табло которого помаргивало бессмысленным "00.00". Девушка поспешно накинула халат и побежала в комнату матери. Как она и ожидала, мамаша уже ушла. Часы на туалетном столике показывали 9.35.

Фу-ты, черт, пропустила целых две лекции!

Проклятие, почему же у мамашы не хватило ума разбудить ее? Она же знает, что по понедельникам, средам и пятницам занятия начинаются в семь утра!

А может, и не знает.

Нынче трудно угадать, сколько эта сука уделяет внимания подробностям жизни дочери и сына.

Фейт отправилась в ванную комнату, стала расчесывать волосы да так и замерла с поднятой щеткой, задумчиво глядя на свое заспанное лицо в зеркале. А хочется ли ей идти в университет? Поскольку она бросила курс ботаники, то сегодня остается лишь одна лекция. Ну и шут с ней! Лучше пойти в библиотеку и поработать там несколько дополнительных часов – людей всегда не хватает, поэтому с начальством всегда можно договориться.

Но и в библиотеку не очень тянуло. Вообще надо сказать, что какая-то часть ее сознания с первого дня восставала против К. У. Бреа. Фейт ходила на занятия почти из-под палки. Не нравился ей университет – именно этот университет. Было в нем нечто такое, от чего почему-то становилось не по себе. Она до сих пор не могла точно решить, что же ее раздражает, или отпугивает, или возмущает.

Разумеется, больше всего бесили студенты. Однако лишь одна группа состояла сплошь из отпетых снобов и дураков, а именно – семинар по американской литературе. В других группах встречались студенты посимпатичнее, с добрыми глазами и менее высокомерные. Впрочем, на семинар по американской литературе ходил и Джим, а он один в ее сознании перевешивал сотню университетских козлов.

Так что причиной ее ненависти к университету были все-таки не студенты. Что-то другое.

Фейт не была большим специалистом в области толкования собственных смутных предчувствий и не обладала особенной женской интуицией, поэтому дальше неопределенного "что-то" ее сознание в данном вопросе не шло. У Фейт был рациональный ум – она привыкла четко знать, за что любит или не любит; кого-то или что-то. Так оно и было в колледже. Но университет в Бреа вызывал у девушки двойственные, неопределенные чувства – это приводило ее душу в смятение, держало в постоянном малоприятном напряжении.

Однако если не пойти в университет, то чем заняться? Болтаться без дела дома? Дождаться мамашино возвращение, чтобы узнать, какого мужика она притащит сегодня вечером? В университете хотя бы чувствуешь, что дело делаешь – или учишься, или деньги зарабатываешь. К тому же работа в библиотеке ей искренне нравилась.

А если уж совсем начистоту, она надеялась встретить Джима.

Фейт убеждала себя в том, что хочет повидаться с Джимом насчет статьи о профессоре Остине, который губит зазря животных. Однако в глубине души она отлично знала, что статья тут лишь предлог... Просто нравился ей Джим – вот и все.

Стало быть, решено.

В университет.

Фейт быстро закончила расчесываться, почистила зубы, натянула джинсы попроще и гринписовскую майку, взяла с туалетного столика в спальне сумочку и ключи.

Она-таки успела на семинар по американской литературе – прибежала за секунду до прихода преподавателя.

На этом занятии обсуждали "Мудрую кровь" Фланнери О'Коннор – роман совсем

короткий, но Фейт и до половины его не прочитала и поэтому сидела как мышка и не принимала участия в обсуждении. Зато сидевший рядом Джим высказывался много и часто, не соглашаясь с интерпретациями других студентов. Поскольку Фейт книги до конца не дочитала, то и не могла судить, кто прав, а кто нет. Однако про себя она взяла сторону Джима и ободряла его выразительными взглядами, словно литературная дискуссия – это что-то вроде футбольного матча, и Джим полузащитник в ее команде.

После занятия девушка шла к лифту вместе с Джимом.

– Так как насчет статьи об убийстве животных? Ваш корреспондент выяснил что-нибудь? Джим вздохнул.

– Странная штука получается, – сказал он. – Твой рассказ не получил подтверждения. Профессор Остин решительно отрицает, что он травил зверьков. А в понедельник я сам переговорил с несколькими студентами, которые присутствовали на той лекции. Они в один голос говорят, что ничего подобного не было!

– По-твоему, я лгуны? – так и вспыхнула Фейт.

– Нет, но просто...

– Стало быть, ты мне не веришь?

Джим посмотрел ей прямо в глаза и сказал:

– Нет, верю.

Они несколько секунд стояли в коридоре – Друг против друга, молча.

– Но почему? – наконец вымолвила Фейт. – Я хочу сказать, почему ты мне веришь? Я бы на твоём месте не поверила!

– Сам не знаю почему, – ответил Джим. – Возможно, потому, что ты мне кажешься честной. А возможно, потому, что издевательство над животными отлично укладывается в общую картину происходящего в университете.

Лишь глупая робость не позволила ей спросить, что он имеет в виду, говоря об "общей картине происходящего в университете". Фейт почудилось, что тут кроется нечто понятное им обоим, что они мыслят в этом вопросе одинаково.

– Видишь ли, – сказал Джим, – мы можем дать заметку, но она будет выражать исключительно твою точку зрения. Я возьму у тебя интервью, точно процитирую твои слова. Обычно мы стараемся, чтобы у информации было по меньшей мере два источника. Для тебя я могу сделать исключение. Однако тебе здорово надают по шапке за это интервью. Скажут, что это наглая клевета и все такое. На тебя обрушится все университетское начальство.

– Я могла бы сама написать заметку, – предложила Фейт. – Пусть будет как письмо главному редактору. У вас есть такая рубрика?

– Иногда даем.

– Тогда твоя газета была бы выведена из-под критики. Тебе бы не пришлось идти на компромисс и ломать привычный стиль "Сентинел" – дважды проверенная информация. И вся ответственность легла бы на меня.

– Не знаю... Ты рискуешь заработать еще больше шишек.

– Но мне очень хочется, чтобы все узнали о происходящем!

Джим улыбнулся:

– Э-э, да у тебя писательский зуд. Тебе стоит записаться на курс журналистики. Хочешь, помогу? Фейт пожала плечами:

– Как знать, может, со временем и до журналистики руки дойдут.

– Ладно. Письма к редактору мы публикуем по четвергам. На этой неделе ты, ясное дело, уже не успеваешь – полоса еще вчера сверстана. Если намерена опубликоваться на следующей неделе, принеси мне заметку не позже понедельника. Иначе будешь ждать еще неделю.

– Я принесу уже в пятницу.

– В пятницу меня не будет на занятиях.

– О! – Фейт даже не старалась скрыть свое разочарование. – Хорошо, я принесу заметку прямо в редакцию.

– Еще не знаю, как у меня сложится пятница. Давай лучше в понедельник. Она кивнула:

– Хорошо.

– В восемь утра – идет?

– Да, в понедельник утром. Ровно в восемь.

– Это даст мне время спокойно прочитать, а тебе – переработать материал, если понадобится.

– "Переработать"?

– Я могу иногда погрешить против общей политики газеты, но против стандартов языка и стиля – никогда.

Фейт рассмеялась.

– Договорились!

Они подошли к лифту. Джим нажал кнопку.

– А ты... – начал он нерешительно.

– Да, – отозвалась девушка, – мне надо бежать на работу. Я сегодня работаю дополнительно. Зато вечером раньше освобожусь.

Дверь лифта открылась, звякнул звонок и зажглась стрелка "Вверх". Стоявшие в лифте люди потеснились, освобождая место Джиму. Он вошел в кабинку и сказал:

– Пока, увидимся.

– Пока.

– Запомни: в восемь утра.

– Буду на месте.

Двери закрылись. Фейт не стала ждать лифта вниз, пошла к лестнице. Она немного волновалась насчет заметки – справится ли? И срок достаточно короткий.

Однако несмотря на это, в душе у нее пели соловьи.

Кому как, а Фейт работа в университетской библиотеке нравилась. Конечно, тут платят не ахти, зато атмосфера довольно приятная: покой, тишина, студенты прилежно работают... И праздничные ряды книжных стеллажей.

Больше всего она любила раскладывать книги по полкам – хотя именно от этой работы все студенты бежали как черт от ладана. Ей нравилось рассматривать книги, о существовании которых она даже бы не догадывалась, не работай она в библиотеке. Обычно Фейт прочитывала аннотацию на задней обложке. Порой, когда время не поджимало, заглядывала под обложку, пролистывая то один, то другой томик.

Это пролистывание было очень полезно хотя бы потому, что ясно показывало ей, как мало она еще знает, какие ужасающие пробелы существуют в ее образовании, как мала ее внутренняя вселенная. С другой стороны, это пролистывание наполняло девушку упоительным чувством великих возможностей – казалось, весь мир распахнут перед ней, только учись и познавай. Столько интересного и прекрасного предстояло узнать! Выбор был огромен – целое море литературы. И в этом море Фейт начинала мало-помалу ориентироваться. Когда она перебирала увесистые тома, порой в торжественных золотых переплетах, то ощущала, что ее пальцы касаются сокровищ.

Спору нет, Фейт еще совсем маленькой девчушкой обожала книги, и летом они с Кейтом ходили в детский зал городской библиотеки, где брали сразу по десять – двенадцать книг – целую гору. Это было от ненасытности – на деле они успевали прочитать к концу дня едва ли четверть из взятого.

С тех счастливых детских дней осталось воспоминание об упоительном запахе книг – неповторимом, легко узнаваемом.

Она не знала, из каких компонентов создается этот аромат – сколько в нем от бумаги, сколько от краски или переплетного картона, но этот особенный запах всегда казался ей ароматом самих знаний. И даже сейчас, когда она была совсем взрослой, от одного запаха книги на душе становилось тепло и уютно и возвращалось детское безмятежное ощущение, что ты в безопасности, что все кругом прекрасно и мир дружелюбен к тебе. А в университетской библиотеке стоял такой густой книжный дух, что от одного прохода между рядами стеллажей у Фейт приятно кружилась голова. Вот только одно царапало душу. Шестой этаж. О нем она старалась не думать. Девушка взяла очередную книгу из тележки и, кладя ее на полку, взглянула на обложку. "Розовый бархат: эротическая лесбийская поэзия 1900 – 1940". Рука невольно остановилась.

Прежде чем открыть книгу, Фейт осторожно выглянула из-за стеллажа и поискала глазами

Гленну. Гленна ей нравилась, она считала ее своей подругой... и лесбиянкой. Вроде бы все признаки: низковатый мужской голос, даже с намеком на хрипотцу, нескладное тело, прическа под мальчика, некрасивое лицо, отсутствие интереса к парням... По крайней мере в глазах Фейт этот набор, несомненно, указывал на склонность к однополый любви. Хотя Фейт было решительно наплевать на сексуальную ориентацию подружки, все-таки не хотелось давать какие-то объяснения, если та застанет ее с подобной книгой в руках. Лучше избежать неловкой ситуации.

Фейт открыла книгу наугад, где-то в середине, и прочитала:

Я разворачиваю ее, как книгу,

Я ее открываю,

И губы мои пьют подсоленный мед

Ее нежного влажного лона.

Ф-фу! Неужели это написано так давно? На заре двадцатого века! Очень выразительно.

Неподалеку послышались быстрые шаги. Фейт проворно захлопнула книгу и поставила ее на нужное место на полке.

Около тележки остановилась запыхавшаяся Гленна.

– Я правильно угадала, что ты здесь, – сказала она. – Фил срочно созывает общее собрание – явка всех сотрудников обязательна.

– К чему такой пожар?

– Вообще-то мне не велено говорить, но... но тебе я скажу. – Гленна быстро оглянулась и прошептала:

– Это из-за Сью.

– А что она натворила?

– Нет, она ничего не натворила. На нее напали. Мужчина повалил ее между стеллажами и всю истискал. К счастью, она удачно вмазала ему по яйцам и вырвалась. – Тут Гленна перешла на совсем уж неслышный шепот:

– И этот тип оказался профессором истории!..

– Господи! Когда это случилось?

– Примерно час назад, – ответила Гленна. – Наверху. На шестом этаже.

2

Ян окинул взглядом помещение клубного пивного зала, нашел Бакли за дальним столиком и направился к нему. Бакли жестом подозвал официантку и заказал по кружке пива – себе и Яну.

– Самое время оттянуться после ленча, а народу что-то негусто, – сказал Ян, оглядываясь по сторонам.

– О времена, о нравы! Перехватить кружку-другую пивка за ленчем теперь не считается признаком мужчины. А на того, кто прибавит к этому стопку водки, нынче пальцем будут показывать – вместо того, чтобы восхищенно ахать. Все стали такими серьезными, такими солидными и ответственными и так озабочены своим здоровьем, что глядеть тошно! Прежде мне случалось читать лекции, будучи в стельку – буквально на автопилоте. А теперь меня совесть поедом ест, ежели за обедом я по неосторожности заглотну полкружки пива. Да, куда катится мир...

Ян рассмеялся:

– Ну, сегодня, похоже, тебе предстоит крупная разборка со своей совестью.

– Нынче особый случай. Мой день рождения, мать его перемать! Гуляю.

– Кстати, о дне рождения. У меня в кабинете подарочек для тебя.

– Твой подарок можно насадить на штырек проигрывателя?

– Не исключено.

– Молодец. Умница. Симпатяга. Подошла официантка с пивом, и Бакли потянулся за бумажником. Но Ян удержал его руку.

– Плачу я. В честь твоего дня рождения.

– Ха! С таким, как ты, приятно водиться. Ян расплатился с официанткой – тоже, кстати,

его бывшей студенткой – и дал ей царские чаевые, чтобы она не подумала, что профессор – жмот. Он порой диву давался – отчего его так заботит доброе мнение о нем бывших студентов? Эта глупая особенность характера приводила к тому, что, сталкиваясь со своими прежними учениками, которых работало в университете великое множество и в самых разных местах, он вечно покупал ненужные вещи и за несуразную цену, а также давал непомерные чаевые.

Бакли прикончил первую кружку и взялся за вторую. Потом взглянул на Яна и возмущенно потряс головой.

– Сраные республиканцы!

– За что ты их так?

– У меня в трехсотой группе есть несколько молодых республиканцев. Правые фанатики. Тошно от них. Поневоле вспоминаю милашку Рейгана.

– "Извините, президент обговорился", – процитировал Ян "милашку Рейгана".

– "Никаких мне вопросов во время фотосъемки!" – подхватил Бакли.

– "Если вы видели одну штуковину из красного дерева, вы видели их все".

– "За восемьдесят процентов загрязнения воздуха ответственные растения и деревья".

– "Кетчуп – это вкусный овощ".

– Да-а, старые добрые времена!.. Этот артистик полагал, что во всех наших трудностях виноваты конгресс, юристы и пресса. Все, кроме него.

Ян ухмыльнулся:

– Вот главные беды нашей страны: представительная демократия, американская система юриспруденции и свободная печать. Избавиться от всего этого – и Америка превратится в рай земной.

Бакли молча пожевал губами, потом сделал большой глоток пива, довольно крикнул и изрек:

– М-да, нам по сорок пять, а неба в алмазах мы так и не увидели. Скажи по совести, разве ты думал, что все так повернется, когда тебе было двадцать? Не такой мы представляли свою страну через четверть века!

– Ладно, брось ностальгировать. Нам еще рано заниматься старческим нытьем.

Бакли с мрачным видом устался в свою кружку:

– Нет, приятель, это не нытье. Когда видишь полчища "двадцатилетних" махровых консерваторов – а ведь молодежи сам Бог велел ершиться и протестовать против косности, – то я готов в штаны наложить от страха. Пошла всего-навсего четвертая неделя нового учебного года, а я уже нагляделся на этих ультриков до блевотины. Откуда они взялись в таком количестве? В этом семестре что-то невероятное творится! – Бакли допил пиво и закончил:

– Меня мутит при мысли, что фашиствующие молодчики, вооруженные до зубов, ждут не дождутся, когда же наша страна развалится. А страна наша уже трещит по швам.

– Ну, эти горе-консерваторы не новость, – успокоил Ян. – Ты обратил внимание, что все так называемые американские патриоты ни капельки не верят в американскую систему управления? Как-то странно, что они хотят уничтожить базовые американские ценности для того, чтобы защитить Америку. Все равно что выдвинуть лозунг: "Цианистый калий – лучшее лекарство от гриппа". Наши фашисты уже которое десятилетие ждут, когда американская политическая система рухнет или когда выдастся удачный момент, чтобы ее развалить. Но судя по моим наблюдениям, эта система удивительно стабильна и крепка.

Бакли со значением поднял палец:

– Если мы еще существуем, то лишь потому, что наши Брэнты имеют достаточно оружия, чтобы держать коммунистов подальше от границ.

– Брэнты?

– Да. Самого яркого фашиста в моем семинаре зовут Брент Киилер.

– Да он же учится у меня писательскому мастерству!

– Черт, этот гад во все дырки лезет.

– Кстати, парень классно пишет порнорассказы. Бакли удивленно вскинул брови:

– Порно? Брент? Ты шутишь!

– Нет, совершенно серьезно.

– 0-хо-хо... Что ж, быть может, парнишка не окончательно потерян для общества. Бакли

жестом подозвал официантку.

– Ты уверен, что тебе стоит еще пить? – осторожно спросил Ян.

– Нет, пить мне больше не стоит. Но день рождения есть день рождения, а потому пошла она к черту, всегдашняя наша осторожность! – Бакли улыбнулся подошедшей официантке. – Голубушка, еще кружечку, пожалуйста. И запишите на счет моего приятеля.

– Спасибо, нахал, – сказал Ян. Когда официантка ушла, Бакли наклонился через стол к товарищу и спросил:

– А этот Киилер, он в свою порнуху политику тоже протащил?

Ян отрицательно мотнул головой.

– Странно. У меня курс английской литературы, притом не современной, а этот парень при каждом удобном случае переводит речь на текущую политику. Зато у тебя он имеет возможность на бумаге выразить свои взгляды – и вместо этого описывает траханье. Меня порой подмывает сказать ему: кто про что, а вшивый про баню. Очнись, парень, мы изучаем литературу девятнадцатого века – у нас не курс политологии! Вечно ты лезешь со своей политикой, ультрик поганый! Ян рассмеялся.

– Не вижу ничего смешного, – сердито буркнул Бакли.

Лицо Яна посерьезнело, и он сочувственно спросил:

– Что, парень тебя действительно достал? Боишься его?

– Да, черт побери. Боюсь. Потому что слишком уж их много. Я тут преподаю двадцать лет и достаточно нагляделся на этих доморожденных фашистов. Они у меня вот где!

Ян улыбнулся. Он прекрасно понимал, кого имеет в виду Бакли. Его и самого бесили подобные люди – особенно во время избирательных кампаний. Политические примитивисты, философы с одной извилиной – такое впечатление, что свои взгляды на жизнь они почерпнули из патриотических фильмов и телесериалов про полицию. В их сознании честные работающие полицейские никогда не ошибаются – всегда арестовывают именно того, кого нужно, но их работа постоянно идет насмарку, потому что слезливые судьи и слишком добросердечные присяжные затем отпускают предельно опасных преступников на свободу. Патриоты-консерваторы распинаются о своей приверженности к американскому образу жизни и одновременно питают настораживающее презрение к той незыблемой основе этого образа жизни, которой является система правосудия – с присяжными, адвокатами и всем прочим. В своих мечтах "патриоты" видят Америку отданной на растерзание истинному беззаконию – скорому и не праведному суду, которым печально знамениты все тоталитарные сообщества.

Немудрено, что эта публика доводит Бакли до белого каления.

Бакли тряхнул головой и сказал:

– А впрочем, конкретно Брент имеет свои особенности психики... Ну и черт с ним. Что мы все о грустном! Хватит о засранцах. Сменим пластинку.

– Хорошо. О чем поболтаем? О сексе?

– Теперь твоя очередь чесать языком. Касательно нашей официанточки... Ты имел честь освидетельствовать ее передок?

– Нет, никогда не кладу глаз на девиц, у которых такой висячий задок. Это моя бывшая студентка.

– Давнишня?

– Нет, училась у меня в прошлом году.

– А-а, тогда понимаю, почему ты такой привередливый! – сказал Бакли. – Просто зелен виноград. Трусишь подступиться. Теперь стоит только взглянуть на студентку – и тут же жалоба начальству или телега в суд: сексуальное домогательство. А помнишь старые добрые времена? Особенно когда мы начинали. Кажется, это было в другой жизни. Сколько студенточек мы перебрали, а? Ведь они так и бегали за профессорами – богами для всех этих интеллектуалок-простушек. Ловили каждое наше слово, и у них трусики были мокрые от того, какие мы умные и блистательные.

– Ишь, "размыкался"! Ты за себя говори. Стало быть, ты бесчестно использовал свою начитанность, опытность, образование и служебное положение для того, чтобы растлевать восемнадцатилетних дурочек?

– Да, ваша честь, и хрен вы меня заставите в этом раскаться.

– Вы грязная свинья, мистер Бакли!

– Но заметьте, ваша часть, свинья жизнерадостная, свинья, поимевшая в жизни много удовольствия.

– Ф-фу! – рассмеялся Ян. – Ладно, какие у тебя планы на вечер своего дня рождения?

– Посмотрю спортивные программы по телику, уговорю шесть банок пива и трахну проститутку по вызову.

– А серьезно? Бакли хохотнул:

– Посмотрю спортивные программы по телику и уговорю шесть банок пива. Составишь компанию?

– Сочту за честь.

– Ладно, свидание назначено. Кстати, о свиданиях... Как у тебя делишки с Эленор?

– Кажется, нормально.

– Кажется или нормально?

– Кажется.

Они замолчали. Официантка принесла еще кружку пива для Бакли, Ян заплатил и опять дал чрезмерные чаевые.

Бакли в несколько глотков осушил кружку – так жадно, будто она была первой.

– Ты что это разошелся? – спросил Ян.

– А-а, не важно.

– Ну а все-таки?

Бакли мрачно посмотрел на него.

– Сукин сын Брент... – Бакли тряхнул головой и отвел глаза. – Все не идет у меня из головы.

3

– Рабство было весьма прибыльным институтом. Югу не следовало заикливаться на сельскохозяйственном производстве. Если бы южные штаты проявили большую экономическую гибкость и перебросили часть рабской силы на создание крепкой индустрии, они бы превратились в подлинно великую державу с могучей экономикой.

Джим прекратил записывать за профессором и оторопело уставился на него. Ничего себе позиция!

Элвин Джефферсон, единственный темнокожий во всей группе, поднял руку.

– Извините, профессор, но как вы представляете себе процветание экономики, в которой подавляющая часть работников ничего не зарабатывает? В таком обществе предложение будет постоянно превышать спрос, и оно не будет вылезать из кризиса перепроизводства. Да, конечно, произведенные рабами товары можно сбывать за рубежом по демпинговым ценам. Но даже внешние рынки не спасут, потому что другие державы рано или поздно примут самые жесткие меры против бросового экспорта, дабы оградить свою экономику. Общество, где на производстве работают рабы, обречено на преднамеренную стагнацию. Никакой "подлинно великой державы с могучей экономикой" из Юга получиться не могло!

Профессор терпеливо выслушал Джефферсона, раздраженно жуя губы.

– Спасибо, Элвин, – сказал он. – По-своему любопытное мнение. Однако все зависит от того, что именно вкладывать в понятие "процветающая экономика". Одно дело, если вы стремитесь обеспечивать минимальный прожиточный уровень даже для самых низших слоев населения, и совсем другое дело, если вы озабочены исключительно повышением уровня производства и увеличением национального валового продукта и вам плевать на обездоленных в самом низу социальной лестницы. Однако наличие рабов снимает огромную часть бремени с остальной части общества. Блага распределяются среди меньшего количества людей, а значит, уровень жизни свободных людей возрастает. На Юге оно могло послужить фундаментом экономического рывка, который стал невозможен после отмены рабства.

Элвин промолчал.

Джим облизал пересохшие губы. Что происходит, черт возьми? Что же несет с кафедры этот тип с докторской степенью?

Джим оглянулся на других студентов. Они прилежно строчили за профессором. Неужели никто не замечает, что лекция становится какой-то... мягко говоря, странной? Да что там говорить, это же махрово реакционный взгляд и на историю, и на экономику, и на права человека!

Похоже, один только Элвин так же встревожен, как и он. Джим и Элвин встретились глазами. Элвин с отвращением тряхнул головой – дескать, ну и дает этот профессор! Замшелый реакционер!

Джим внезапно вспомнил рассказ Фейт о курсе ботаники, где профессор ради забавы убивал зверьков. Теперь он был еще больше склонен поверить Фейт.

Тем временем профессор оперся о кафедру и самодовольно вещал дальше:

– С экономической точки зрения рабство имеет массу преимуществ.

Элвин опять не удержался и вскочил с места.

– Позвольте возразить против вашей узкоэкономической трактовки рабства. Вы напрочь отбрасываете человеческий фактор. Рабы – это люди...

– Сядьте, мистер Джефферсон, – сказал профессор, ненавидяще сузив глаза и с холодной улыбкой. – Мы с вами в данный момент изучаем экономику и будем трактовать все именно с экономической точки зрения. А если хотите пораспинаться о правах человека – для этого существует курс этики. Что касается рабства, то, как я уже объяснил, оно было великим благом для Америки. Что бы ни говорили узколобые борцы за права человека, мы упустили грандиозную экономическую возможность. Да, рабство было воистину великим благом для Америки!

Девушка у левой стены подняла руку:

– А что случилось бы, если бы в Гражданской войне победил Юг и Северу пришлось бы ввести у себя рабство?

Профессор дружелюбно улыбнулся:

– Хороший вопрос, мисс Пауэлл! По моему мнению, которое совпадает с мнением виднейших историков и экономистов, введение рабства на индустриальном Севере сказалось бы на его экономике самым благоприятным образом. Рабство стало бы важным подспорьем в период завершения индустриальной революции.

Элвин вскочил и, нарочито шумя, сгреб свои книги и блокноты в портфель. Затем демонстративно направился к выходу.

Профессор, не обращая внимания, продолжал:

– Распространение рабства и на северные штаты в конечном итоге стало бы мощным стимулом для экономики всей страны...

Элвин с силой захлопнул за собой дверь. Профессор замолчал, пару секунд смотрел на закрытую дверь, потом расплылся в презрительной улыбке.

– Что вы хотите, – сказал он. – Ниггер! Одни студенты заухмылялись, другие хохотнули.

– Черная обезьяна! – крикнул кто-то.

– Черномазый! – поддержал другой голос. Профессор обвел аудиторию торжествующим взглядом и со вкусом повторил:

– Ниггер!

И хихикнул сам.

4

– Сюда, – сказала Рут, – где все машины. Рон сделал хитроумный маневр и припарковал автомобиль за джипом.

Рут открыла дверцу, заглянула в бумажку в своей руке и сказала:

– Это где-то здесь, надо идти по тропинке.

– Пошли.

Рон вышел из машины и запер двери. Затем подошел к Рут и взял ее за руку.

С тех пор как он побывал в коммуне Тета-Мью, повстречал матушку Ден и поговорил с Царем Тьмы, его жизнь коренным образом изменилась. Теперь у него появилась Рут – это было наибольшее приобретение. Но и многое другое в его существовании повернулось к лучшему.

Тратя не больше сил, чем прежде, он стал лучше заниматься и получать более высокие баллы на контрольных работах. Его начали больше ценить в "Сентинел", где ему поручали все более и более ответственные задания. Он с легкостью стал заводить новые знакомства, одновременно приобретая все большую популярность среди своих старых приятелей. Там, где Рон подрабатывал, хозяин накинул ему зарплату. Словом, все вдруг пошло как по маслу – и в личной жизни, и в университетской.

Он не привык к подобной легкости бытия, к таким успехам. Скажем, его почтили приглашением на вечеринку в профессорский дом. Мог ли он хотя бы мечтать о таком до посещения коммуны Тета-Мью?

Но хотя его жизнь набирала правильные обороты, на душе у Рона было беспокойно. Что-то тут было не то. Он не чувствовал себя уютно в своем новом существовании. По ночам, лежа на постели в одиночестве, Рон снова и снова перебирал в памяти события последних дней и неизменно приходил к выводу, что лучше бы ничего не случилось, лучше бы он не ездил в коммуну Тета-Мью. Да, пусть бы уж он оставался прежним – скучным заурядным студентом без подружки..

– Мы опаздываем? – спросила Рут. Он ласково посмотрел на нее, улыбнулся и отрицательно мотнул головой.

– Нет, не думаю.

Извилистая тропинка привела их к дому профессора – белому деревянному особняку посередине холма. Небольшое здание, характерное для сороковых годов архитектуры, было позже дополнено более современной пристройкой, которая чуть ли не превосходила его по размерам.

Парадная дверь была открыта настежь. На веранде и в просторной прихожей толпился народ. Не увидев знакомых лиц. Рут и Рон прошли дальше, в холл.

Интерьер гостиной был ультрасовременным. Однако кое-какие следы сороковых годов сохранились – арочные дверные проемы, закругленные потолки. Прежние крохотные комнатки, согласно духу времени, были заменены залами с минимумом мебели: только кушетки, диванчики, стеклянные столики. Самый крупный предмет – концертный рояль, величавый черный "Стейнвей". Паркет одних комнат и персидские ковры других резко контрастировали с белыми стенами и мебельной обивкой пастельных тонов. На стенах висело несколько ценных работ импрессионистов.

– Рад, что вы смогли приехать! – раздался голос профессора Култера.

Он вынырнул откуда-то из толпы гостей и заспешил прямо к Рут и Рону. Рядом с ним была азиатская красавица, по меньшей мере вдвое моложе него.

Рон улыбнулся профессору:

– Это вам спасибо, что пригласили нас.

– О, мы любим собирать народ – хотя бы несколько раз в год. Это бодрит, от этого жизнь веселее, – сказал Култер, добродушно посмеиваясь. – Только не воображайте, что я буду менее строг к вам во время экзамена!

– Я и не рассчитывал.

– Это была только шутка, не берите в голову. Вы уже знакомы с моей женой?

Рон и Рут отрицательно замотали головами.

– Мияко. Несколько лет назад она училась у меня. Кстати, наш роман завязался на одном из моих сборищ.

Мияко кивком подтвердила слова мужа и улыбнулась гостям:

– Рада познакомиться с вами. Рон ответно кивнул и тоже улыбнулся. Он был поражен красотой азиатки, не мог отвести от нее взгляд, хотя, конечно, неприлично таращиться на жену хозяина так долго. Да, разумеется, профессор Култер – представительный мужчина, умнейший человек, прекрасный рассказчик и вообще харизматическая личность... Но все равно трудно поверить, что он достоин этой юной восточной богини. Женщин столь безупречной красоты Рону еще не доводилось видеть! Она как супермодель, только еще роскошнее! Обычно стоит супермодели повернуться немного не так, немедленно вылезают какие-либо недостатки лица или фигуры. А тут крути хоть вправо, хоть влево, смотри под любым углом хоть снизу, хоть сверху – ни единого изъяна не найдешь!

То, что Рон бесцеремонно пялился на нее, несколько не смутило хозяйку дома. Мияко стрельнула глазами на его пах и снова встретила взглядом с обалдевшим студентом.

Рон ощутил, как Рут больно сжала его ладонь. Надо полагать, она заметила неприличную реакцию друга на красоту Мияко.

Рон наконец отвел глаза в сторону.

– Ну, ребята, почувствуйте себя как дома, – сказал профессор. – В кухне полно аперитивов и кое-чего покрепче. Берите, что душе угодно. – Он посмотрел им за спины и заторопился. – Извините, еще гости. Должен поприветствовать. – Профессор чмокнул Рут в щеку и потрепал Рона по плечу. – С вами, ребята, поболтаем попозже.

Мияко тоже фамильярно тронула Рона за плечо и удалилась легкой танцующей походкой.

– Чертовски дружелюбная особа, – заметила Рут Рон ухмыльнувшись:

– Ревнуешь?

– Еще чего!

– Ну и отлично. Пойдем-ка нальем себе чего-нибудь.

В кухне была целая толпа гостей – не протолкнешься. Рон взял банку кока-колы для себя и банку пива для Рут. Но тут оказалось, что Рут встретила какого-то приятеля и беседует с ним, поэтому Рон отдал ей пиво, а сам в одиночестве вышел в главный холл.

Он пошарил глазами по лицам гостей и не обнаружил ни одного знакомого. Заводить разговор с неизвестными людьми что-то не тянуло, и парень отошел к стене, откуда стал разглядывать интерьер и гостей, потягивая холодную кока-колу.

Через огромное окно он видел неглубокий каньон и ленту реки. На окрестных холмах золотилась трава в свете заходящего солнца. Неплохой пейзаж. И хорошее, достаточно дикое место, хотя и не слишком далеко от цивилизации. Поселиться бы когда-нибудь в таком раю!

Да еще с такой женой, как Мияко...

Кто-то легко тронул его за плечо. Это была жена профессора – легка на помине!

У Рона дыхание перехватило от смущения. В растерянности он молчал, не зная, что сказать.

– Скоро начнется, – сказала красавица. В ее речи чувствовался слабый японский акцент. – Хочешь быть первым?

– Первым в чем? – спросил он.

– Будешь первым, кто трахнет меня. Не веря своим ушам, Рон ошарашенно заморгал. Ни с того ни с сего ему подумалось о матушке Ден и Царе Тьмы, который выполняет все желания...

– По неразъезженному проселку лучше едет, – бодро выпалил он, довольный тем, что так счастливо нашелся. – Быть первым всегда и везде хорошо.

Дальнейший разговор прошел как в хмельном тумане – Рон мало что запомнил. Мысль лихорадочно работала. Богиня спрашивала, хочет ли он ей вставить, и стояла перед ним, безумно красивая, в обтягивающем платье – женщина его мечты. Какая удача! Однако, в сущности, она просила его быть всего-навсего застрельщиком в групповом сексе – первым в очереди мужчин. Что тут особенно лестного, если вдуматься...

Рон слышал ее слова, что-то ей отвечал, но это был словно не он; возникло ощущение, что он слушает собственный диалог с Мияко со стороны, а вместо него говорит кто-то другой.

– Я с удовольствием трахну вас, – сказал этот другой.

– Пойдем к роялю. Там все и начнется. И как раз в этот момент большая часть ламп погасла, и холл погрузился в полумрак. Ударил гонг. За морем голов и плеч Рон увидел возле рояля хозяина, профессора Култера. Он переоделся в черный японский халат. В руках у него была барабанная палочка с плюшевым наконечником. На крышке рояля еще продолжала дрожать тарелка гонга..

– Пора! – провозгласил профессор.

Мияко быстро взяла ладонь Рона, пожала ее и через толпу расступающихся гостей проворно зашагала к мужу.

Мужчины выстраивались и очередь. Рон кинулся вперед, заработал локтями и пристроился в голове цепочки. Правда, не первым и даже не вторым, но третьим.

Потом он наконец вспомнил про Рут, воровато заозирался, но его подружки нигде не было.

Он опять повернулся в сторону и увидел, что Мияко раздевается. Через несколько секунд она осталась совершенно голой. Обнаженная, девушка была еще прекраснее. Груды маленькие, аккуратные, красивой формы. Большие широкие соски. На лобке оставлен только маленький пикантный кустик темных волос.

Она легла спиной на широкую кожаную скамеечку перед роялем, подняла ноги, взяла себя за щиколотки и сложилась пополам, выставив на всеобщее обозрение широко открытое влагалище.

Профессор Култер ухмыльнулся.

– Обслуживаем в порядке живой очереди, – сказал он. И, хихикнув, добавил:

– Кто первым начнет, тот первым и кончит.

Вперед шагнул стоявший в самом начале очереди дебильного вида прыщавый студент, которому едва ли и восемнадцать исполнилось. Он заранее расстегнул штаны и вынул возбужденную плоть. Потом забрался на Мияко.

Профессор Култер с ухмылкой наблюдал за ним. Через две-три минуты студентик отстрелялся, и на нее взгромоздился второй гость, мужчина средних лет.

Рон ждал своей очереди. Одна часть его сознания испытывала отвращение ко всему происходящему; другая была бешено возбуждена. Он не заметил, как его руки сами сперва расстегнули пояс штанов, верхнюю пуговицу, а затем и молнию и вынули член.

– Следующий! – весело провозгласил профессор. Предыдущий мужчина вынул мокрый пенис из Мияко, и Рон подошел к кожаной скамеечке перед роялем.

Рон отпустил штаны, и они упали до самых щиколоток. Мияко улыбалась ему из-за разведенных колен. Он вдруг ощутил страшную пустоту в душе. Ему стало нестерпимо грустно – так грустно, что даже слезы выступили на глазах.

В очереди за ним было по меньшей мере мужчин пятнадцать, да и гостей, глазевших на него, была едва ли не сотня. Однако Рон никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким. Все эти люди были чужими. Совершенно чужими. Непреодолимо чужими.

Но Рон не был сам себе хозяином. Им руководил только торчащий голый член. Он шел за ним, как слепой за поводырем.

Рон вогнал своего поводыря в мокрую, полную чужой спермы дыру – пенис вошел с легкостью.

Рон задвигал тазом.

Через две минуты все было закончено. Он подтянул штаны, застегнул молнию и ремень и направился в дальний конец холла в поисках Рут.

Большинство женщин оказалось в кухне или около кухни. Они болтали, пили, ели бутерброды – как будто ничего особенного в доме не происходило. Однако Рут среди них не было.

Возможно, она в туалете.

Она появилась в коридоре неизвестно откуда минут через пять – тремя совокуплениями позже. Рон помахал ей рукой, но девушка нарочито проигнорировала его. Испытывая острое чувство вины, донельзя смущенный, он и не попытался пойти за ней и как-то объяснить.

Он вернулся в холл, подошел поближе к роялю и стал наблюдать за работой японки. В промежутке между мужчинами Мияко заметила его в толпе и улыбнулась ему. Она опустила ноги и сказала мужу:

– Я устала.

– Жена устала, – громко объявил профессор Култер. – Кто-нибудь хочет занять ее место?

– Я хочу.

Это был голос Рут.

Рон уже открыл рот, чтобы возразить, чтобы умолять ее не делать этого. Нужно схватить ее за руку и утащить прочь... Но кругом было столько людей... Как-то неловко устраивать сцену на виду у всех. Поэтому он ничего не сказал и ничего не сделал. Он просто молча наблюдал, как Рут раздевается возле рояля. Оказавшись голой, она забралась на скамейку и стала на четвереньки.

– Навались, ребята, пока не простыла! Рон безмолвно наблюдал, как мужчина из очереди, лет пятидесяти, прошагал к Рут и вогнал в нее свой необычно большой член.

Нет, это невозможно. Бред какой-то! Ничего подобного не предполагалось! Их с Рут просто пригласили на вечеринку к солидному профессору, который разменял шестой десяток лет. Рон ожидал высокоумных бесед. В самом худшем случае – большой пьянки... Рут вскрикнула.

Рон мог только гадать – от боли или от удовольствия. Но что-то словно оборвалось в нем от этого вскрика. Он резко повернулся и пошел на кухню, где как ни в чем не бывало щебетали женщины.

Мияко нашла его там – парень стоял с банкой пива. Он хотел побыстрее напиться, но был слишком оглушен происшедшим, чтобы сообразить начать прямо с водки.

Японка улыбнулась ему:

– Тебе понравилось?

Ему хотелось ударить ее по лицу, которое теперь вызывало лишь отвращение. Более уродливой рожи он в жизни не видел. Узкоглазая тварь.

Но Рон не ударил ее. Вместо этого он устало улыбнулся и браво сказал:

– Еще бы!

Она взяла его за руку:

– Пойдем.

– Куда?

– Они уже заканчивают. Рон последовал за ней в холл. Рут одевалась. На ее бедрах он заметил влажные следы – то ли пота, то ли спермы.

Теперь в холле собрались все гости – мужчины и женщины.

Мияко провела молодого человека через толпу к роялю, в центр огромной гостиной. Профессор Култер раскладывал на черной крышке что-то завернутое в шелк.

Японка больно сдвинула руку Рона. В ее лице прочитывалось радостное возбуждение и нетерпеливое предвкушение.

Рону вдруг стало страшно, его даже затошнило от ужаса и предчувствия чего-то уж совсем отвратительного. И снова ему вспомнились матушка Ден и Царь Тьмы. Нет, не надо ему было ходить в тот подвал...

Профессор развернул большой шелковый платок. Там оказались разнокалиберные ножи.

Он обвел гостей торжествующим взглядом и с ухмылкой провозгласил:

– А теперь настало время кровавых игр!..

Глава 10

СТАТИСТИЧЕСКАЯ СВОДКА ПРЕСТУПНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ГОРОДКА 10 ОКТЯБРЯ

Тип преступления / Данный семестр / Весь текущий год / Весь предыдущий год

Нападение / 24 / 59 / 26

Кража машины / 22 / 25 / 9

Изнасилование / 10 / 25 / 12

Грабеж / 256 / 1135 / 903

Вандализм / 14199 / 25203 / 10087

Глава 11

1

"В библиотеке стоят аккуратные ряды параллельно бегущих книжных стеллажей, освещенных лампами дневного света. Три верхних этажа отданы этим нескончаемым параллельным рядам стеллажей. Все книги разложены в хитроумной последовательности – согласно буквенному и цифровому шифру, а также дате публикации. Исторические сочинения отделены от книг по социологии, а те не смешиваются с философскими работами. Все

продуманно, здесь везде царят порядок, атмосфера аккуратности и плодотворного педантизма. Разве что истовые компьютеролюбы, самые рассеянные читатели, разбрасывают свои книги где придется.

Но одновременно в упорядоченном и разумном мире библиотеки существует шестой этаж".

Фейт вздохнула и перечитала написанное.

Слова вышли из-под пера легко и быстро, ее ручка практически безостановочно порхала над желтой линованной бумагой. Фразы вылетали с такой скоростью, что девушка даже не успевала понять, насколько они удобочитаемы.

Фейт осталась довольна: написано понятно и гладко, даже прослеживается некий естественный ритмический рисунок в организации предложений.

Она подивилась самой себе.

Говоря по совести, на курс писательского мастерства она записалась только потому, что, по всеобщему мнению, это был простенький семинар, в конце которого легко получить высший балл, тем самым набирая лишние очки для диплома. Фейт здраво рассудила, что легкость этого курса несколько уравновесит сложность других предметов.

В старших классах она сочинила несколько стихотворений и, подобно многим подросткам, пыталась создать нечто глобальное, амбициозное – трудилась над статьями с названиями типа "О любви и смерти" или "Толкование искусства". Однако она мучилась над каждым словом, и результатом изнурительно медленной работы были темные и тяжеловесные фразы – даже после неоднократного переписывания и "полировки" текста.

Теперь же, неизвестно почему, ее мысли стали яснее, они сами просились на бумагу, как будто уже давно сложились в голове и только ждали, когда же их запишут. Это было замечательно, хотя от такой неожиданной легкости становилось несколько не по себе. Фейт ощущала себя не автором текста, а лишь проводником для слов. Казалось, не она пишет, а с ее помощью пишет некий нездешний разум. Неужели это именно то, что называют божественным вдохновением?.. Вот какую бурю эмоций вызвал у нее первый в жизни невымученный текст, пусть и простенький, но написанный под диктовку музыки.

Еще одно смущало Фейт – никогда раньше она не писала страшных рассказов. В ее прежних писаниях не было даже намека на ужасное. Подростком она сочиняла слащавые сонеты и жизнерадостные псевдофилософские верлибры. Но теперь она писала типичную "страшилку". И весь рассказ уже сложился в ее голове, был продуман каждый поворот сюжета, характеры героев, их поступки и слова – словом, все, вплоть до последней мощной фразы, венчающей повествование.

Фейт хотела остановиться, лечь спать и закончить рассказ утром – до отъезда в университет. Но она была так возбуждена, что не могла ждать до утра. Да и не будет завтра времени на писание – ведь текст должен быть готов к завтрашнему занятию и отсканирован для всех членов группы, а стало быть, надо появиться в университете пораньше, чтобы успеть сделать копии.

Но в принципе отложить написание рассказа Фейт не боялась. Он был настолько готов в ее уме, что не играло никакой роли, когда она запишет его на бумаге – сегодня, завтра или через месяц.

Она еще раз перечитала написанное и снова взялась за ручку.

"Сама не знаю, чем именно шестой этаж приковал мое внимание", – начала Фейт.

И уже не останавливалась – вплоть до последнего предложения.

Кейт вернулся домой, когда она, сидя в гостиной, печатала текст готового рассказа на старой мамашинной машинке.

Фейт подняла на него глаза и ахнула про себя. У брата была новая стрижка.

Половину головы он выбрил и длинными волосами другой половины прикрыл рукотворную лысину. Ничего более отталкивающего Фейт не видела! Но она решила благоразумно не лезть со своим мнением, в кои-то веки придержать язык – и поэтому наблюдала за ним молча.

Кейт швырнул на диван связку только что купленных книг.

– Каковы твои успехи в крысиных бегах, сестричка? – насмешливо осведомился он. –

Вижу, они тебя здорово напрягают!

– Я называю это – получать образование. Он презрительно пожал плечами.

– Вовсе не факт, что то образование, которое тебе предлагают, является тем образованием, которое тебе нужно.

– Фраза, достойная продавца из отдела пластинок.

Брат смерил ее уничтожающим взглядом, хотел что-то сказать, раздумал и отправился на кухню.

Фейт тут же пожалела о своих словах. Вечно она говорит не подумав! Зачем наседать на бедного затурканного парня? И без того мамаша без конца читает ему мораль.

Бросив печатать, Фейт задумчиво сидела за машинкой и смотрела в сторону кухни. Она заметила, что ее слова больно задели брата, несмотря на его браваду. У нее сердце кровью обливалось, что она обидела его. В чем, собственно, его вина? Он просто очень юный и незрелый. Это же не преступление, черт возьми! То, что Кейт частенько принимает нелепую позу усталого интеллектуала, не может не раздражать, однако не стоит уж так накидываться на беднягу. Она-то взрослее, ей пора научиться сдерживать свои чувства.

Подумав минуту-другую, Фейт встала и пошла на кухню.

Кейт вынул из холодильника кувшин и пил апельсиновый сок. Затем поставил кувшин на стол и исподлобья уставился на сестру.

– Теперь ты будешь орать на меня за то, что я пью не из стакана?

Она отрицательно мотнула головой. Ей очень хотелось извиниться за предыдущие обидные слова, но язык как-то не поворачивался. Да, их отношения с братом совсем ни к черту.

Фейт открыла шкаф и вынула пакетик чипсов. Есть не хотелось, но руки надо было чем-то занять.

– Где мать? – спросила она.

– Шут ее знает.

– В последнее время она крепко наседает на тебя.

– Как будто раньше не наседала. Кейт допил сок и поставил пустой кувшин в раковину.

– Сколько мужиков, по-твоему, уже трахнули мамашу?

– Кейт, как ты можешь!

– Да ладно тебе, будто вчера родилась. У тебя ведь тоже глаза не в заднице. Так сколько же у нее было трахальщиков?

Фейт пожала плечами:

– Откуда мне знать, я учета не веду.

– Ты полагаешь, она... и при отце трахалась направо и налево?

– Нет, вряд ли, – с искренним убеждением сказала Фейт.

Отрицательный ответ вылетел мгновенно. Ей не раз случалось думать над этим вопросом – она перебирала в памяти время, когда отец был жив, и неизменно приходила к выводу, что мать ему не изменяла.

– Если бы отец был жив, – продолжал Кейт, – она бы все равно свернула на эту дорожку?

– Ну, сказать точно трудно. Но мне кажется, она бы такой не стала. Она была очень молоденькая, когда папа умер. И здорово растерялась. Двоих детей растить, да и для себя пожить хочется. Ну и начались метания... А потом пошло-поехало, уже остановиться не могла.

Кейт согласно кивнул. Он украл горсть чипсов из пакетика сестры, потом молча вышел из кухни, прошел по коридору и скрылся в своей комнате, плотно прикрыв дверь.

Фейт еще минуту постояла в задумчивости, прикончила чипсы и вернулась в гостиную – допечатывать рассказ.

На следующее утро она выехала из дома очень рано – даже не позавтракала. Перед алгеброй, которая была первым занятием, Фейт забежала в копировальный центр.

После алгебры, переходя из корпуса в корпус, она очень нервничала. Девушка стеснялась читать вслух перед другими людьми – тем более что-то ею же и написанное. А вчерашняя уверенность в высоком качестве своего рассказа как-то незаметно улетучилась.

Она вынула текст из портфеля и на ходу перечитывала его про себя. Но напрасно Фейт надеялась на свое боковое зрение – через несколько шагов она столкнулась с каким-то парнем.

Смутившись, девушка подняла глаза от рассказа и проворно сказала:

– Извините, пожалуйста. Простите.

Выкатив на нее тупые, пустые глаза, студент процедил:

– Чтоб ты сгнила, сука поганая! В его голосе было столько злобы, что она поневоле остановилась и проводила парня недоуменным взглядом.

Шагов через двадцать он столкнулся с другим студентом. Тот вместо извинений развернулся и толкнул его в спину. Через пару секунд завязалась серьезная драка.

Господи Всемогуций! Что же стало с университетом? Отчего здесь столько злобы?

Фейт не стала наблюдать за дракой, сунула рассказ под мышку и заспешила на семинар по писательскому мастерству.

У нее; теплилась робкая надежда на то, что большая часть группы по каким-то причинам сегодня не придет на занятия. Однако, к ее разочарованию, пришли почти все. Она села в первом ряду.

Профессор Эмерсон улыбнулся ей и спросил:

– Готовы?

Фейт кивнула и браво ответила, чтобы показаться уверенной в себе:

– Не то чтобы готова, но готова показать, что готова!

Тут кто-то с заднего ряда крикнул:

– Профессор Эмерсон!

Фейт оглянулась на парня, который тянул руку.

– Да, мистер Киилер, что вы хотите сказать?

– На следующее занятие мне назначено читать мой рассказ, а я, к сожалению, не смогу прийти. Можно мне поменяться и прочитать сегодня?

– Ничего против не имею. Но решать должна мисс Пуллен. – Профессор повернулся к Фейт:

– Что скажете? Можем мы сегодня обсудить рассказ мистера Киилера вместо вашего?

Фейт посмотрела на бледного студента в последнем ряду. Хотя она не испытала особого облегчения от того, что сегодня не нужно читать перед всеми, было неловко отказываться. Поэтому она кивнула:

– Хорошо, я согласна.

– У вас есть копии вашего произведения? – спросил профессор Эмерсон Киилера.

– Нет. Простите, я забыл размножить.

– Ну, тогда не стоит ли нам отложить обсуждение до лучших времен...

– Да ведь это очень короткий рассказ. Я могу прочесть его сейчас, а потом оставить вам копии – вы раздадите на следующем занятии.

В голосе студента было столько отчаянной мольбы, что Фейт стало не по себе. Отчего он так кланчит, будто сегодня последний день и больше не будет другой возможности прочесть свое творение!..

Профессор Эмерсон на секунду-другую задумался, потом сказал:

– Хорошо. Не будем больше терять времени. Начнем. Вы готовы, мистер Киилер?

– Да.

– Тогда вперед. Уступаю вам свое место.

– А это обязательно – читать перед всеми? Или можно отсюда?

– Как вам удобнее.

Бледный студент с заднего ряда обвел глазами аудиторию и встретился взглядом с Фейт. На ней его глаза задержались. Он криво ухмылялся.

У Фейт вдруг заколотилось сердце от недоброго предчувствия. Что-то знакомое было в выражении его лица, что-то пугающее.

Киилер поднял листочки и стал читать:

"В библиотеке стоят аккуратные ряды параллельно бегущих книжных стеллажей, освещенных лампами дневного света. Три верхних этажа отданы этим нескончаемым параллельным рядам стеллажей..."

У Фейт при первых же словах пересохло горло. Руки у нее дрожали, на лбу выступил пот.

А Киилер продолжал ровным голосом:

"Все книги разложены в хитроумной последовательности – согласно буквенному и

цифровому шифру, а также дате публикации..."

2

– Поверишь ли, просто мороз по коже! – сказал Джим.

Фарук пожал плечами.

– Эка невидаль! Ваш преподаватель – гнусный тупоголовый ханжа и оголтелый консерватор. Таких дураков во все времена хватает.

– Дело не в том, что преподаватель осел. Ужас в том, что... – Джим искал слова, чтобы выразить всю сюрреалистичность сцены в аудитории, всю ошеломляющую обыденность того, что произошло. – Да, ужас именно в том, что никто из студентов и ухом не повел. Все кивали головами и прилежно записывали бред о том, что рабовладельческий строй – самый эффективный с экономической точки зрения. Словно подобные мысли бесспорны и общеприняты. Лишь Элвин восстал против диких взглядов профессора. Но меня поражает наглость этого преподавателя – ведь за такие вещи по головке не погладят, если начальство узнает. Ведь запросто могут уволить! А не уволят – так опозорят по гроб жизни!.. Однако студенты покорно скушали – и никто не пожелал ударить в колокола!

Стив хихикнул.

Джим возмущенно воскликнул:

– Что тут смешного, черт возьми?

– Твоя реакция. Обычное интеллигентское жеманство. Очень мы нежные... Это университет. И ты готовишься в журналисты. Слышал о такой штуке, как свобода слова?

– Свобода слова тут ни при чем.

– А что при чем?

– Не знаю, как выразить... Но был бы ты там, в аудитории, ты бы тоже почувствовал, как это... странно.

Стив фыркнул.

– Ну да, весьма членораздельное объяснение. Чувствуется, что говорит человек, владеющий словом.

Джим с упреком покосился на приятеля, затем решил перевести разговор на другое и спросил:

– Стив, ты свою полосу подготовил?

– Отвали, Джим.

– Что-о?

– Не твое дело. Я отвечаю за свою полосу – и как-нибудь обойдусь без надсмотрщика.

– Не мое дело? Стив, спустись на землю! Я главный редактор, а ты – редактор отдела. Получается, что ты вроде как мой подчиненный. Если я сошел с ума и ошибаюсь, то поправь меня, дурака!

– Если ты главный, что мне – зад тебе лизать?

Фамильярная хамоватость в редакции всегда сходит за шутку, но сейчас у Стива был настолько серьезный тон, что было очевидно – это отнюдь не зашедшее слишком далеко зубоскальство. У Джима кулаки зачесались. Взять бы этого негодяя за шкирку и встряхнуть хорошенько – чтобы в себя пришел!

Но в итоге Джим совладал со своим гневом. Орать и топтать ногами – только позориться. Все равно дубину, вроде Стива, не перевоспитать...

Однако что же тут происходит, в этом чертовом университете?

Джим обвел глазами редакционную комнату. С большинством из сотрудников газеты он работал не первый год, и до сих пор у них были прекрасные отношения. Однако в этом семестре...

Да, в этом семестре все словно с цепи сорвалось. Все кругом, в том числе и в редакции, разваливается на глазах. Милая болтушка Шерил замкнулась в себе. Стив стал агрессивен – так и лезет на рожон, так и напрашивается на драку. А некогда жизнерадостный и отзывчивый Фарук превратился в равнодушного циника. Что касается остальных редакторов, то и о них ничего хорошего не скажешь – резкие и нервные, грубят друг другу, хамят корреспондентам.

Словом, мрак какой-то!

Что-то тут меняется. Что-то тут нехорошее происходит.

Да, Хоуви прав.

Но не меняется, а уже изменилось.

Джим не мог бы сказать, когда именно пошли эти зловещие перемены и отчего они начались. Даже сами изменения было трудно логически вычленить, чтобы с уверенностью утверждать: иначе стало это, это и это. Потому что каждое "это" имело самое невинное объяснение. Скажем, Стив только что нахамил потому, что ему просто "шлея под хвост попала". А Фарук, предположим, стал апатичным и вялым потому, что в последнее время неведомо для всех страдает от запоров. Лишь совокупность мелочей, эта лавина агрессивности и злобы, создавала удручающее впечатление глобальных перемен в университетской жизни.

Джим был напуган "тектоническими сдвигами" – глубинным движением пластов университетского бытия, неясным гулом, который предвещал что-то вроде землетрясения.

Возможно, Хоуви прав во всем – и действительно в определенное время определенные события неизбежны, как приход зимы после осени. К примеру, социальные потрясения в Америке в шестидесятые годы не имели одной-единственной причины, не имели даже явных катализаторов... они попросту произошли. Скажем, Мартин Лютер Кинг не был ни причиной, ни следствием. Он появился, потому что время потребовало Мартина Лютера Кинга; вместо него мог быть какой-нибудь Джон Апджон Смит, калибром поменьше, но с теми же последствиями.

Вот и в университете происходит то, что не может не произойти.

Нет, глупые мысли. Напрасно он принимает все так близко к сердцу. Как выразился Стив, "очень мы нежные".

Джим несколько растерянно посмотрел на Фарука, словно спрашивал его: что мне делать со Стивом – поставить на место или пропустить его слова мимо ушей?

Фарук равнодушно пожал плечами и отвернулся.

– А что ты можешь сделать? – сказал он.

Ну, сделать Джим мог многое. Пригрозить Стиву увольнением. Профессор Нортон, курирующий "Сентинел", несомненно, поддержит главного редактора в этом вопросе. А если Нортон и не выгонит Стива, то может припугнуть его низкой оценкой за журналистскую практику. Если применить силу и показать, кто тут начальник, то в редакции все быстро станет на свои места. Однако прежней дружеской атмосферы такими мерами не восстановить...

Джим молча направился в кабинет Нортон. Он был так взволнован, что даже не постучался. Просто открыл дверь и вошел.

– Нам надо поговорить, – выпалил он с порога.

Нортон сидел за столом. Бледный и злой. Джим и прежде замечал, что куратор в последнее время плохо выглядит. Но сегодня он казался тяжелобольным. Возможно, это впечатление было особенно острым потому, что Нортон теперь очень редко появлялся в редакции и Джим видел его в лучшем случае раз в неделю.

В прошлом семестре, еще весной, все было иначе. Нортон заглядывал чуть ли не каждый день, частенько самолично переписывал неудачные заметки и статьи, помогал правильно расположить материал на полосах – словом, вкалывал вместе с ними, а не ограничивался ролью наблюдателя и советчика. Но в этом учебном году он даже роль наблюдателя и советчика почти игнорировал – если и приходил в редакцию, то уединялся в своем кабинете и по мере возможности избегал общения с сотрудниками газеты.

Джим озабоченно спросил:

– Простите, профессор Нортон, вы в порядке? Как вы себя чувствуете? Вы не больны?

Куратор отрицательно покачал головой и попробовал изобразить улыбку. Она получилась очень печальной.

– Нет, я здоров. Все в порядке. Только устал. Джим кивнул, хотя про себя подумал: "Черта с два вы здоровы: вон испарина на лбу, да и руки дрожат". Было так мучительно смотреть на Нортон, которого вдруг подкосило, что Джим отвел глаза и уставился на стену над его головой.

– Нам надо поговорить, – повторил он.

– Выкладывай.

– Мне кажется... вы, конечно, извините... но, по-моему, вам следует больше участвовать в ежедневной жизни газеты. В этом семестре вы как-то в стороне, и поэтому некоторые сотрудники газеты воображали, что им все позволено...

– Ну, ведь им и впрямь все позволено, – с болезненной улыбкой произнес Нортон.

– Но мне кажется, вам самому надо убедиться, что дозволенное дозволенному рознь...

– Что, Джим, достали тебя?

– Нет, не то чтобы достали, просто...

– Что "просто"?

Джим заставил себя взглянуть в глаза куратору. Тот все еще улыбался, но такой жалкой грустной улыбкой!

– Профессор Нортон... – начал Джим.

– Я увольняюсь, – перебил его куратор. – Я уже переговорил с деканом.

Улыбка на его лице окончательно потухла и сменилась выражением смертельной усталости.

– Но почему?

– Меня точно достали.

Теперь Джиму показалось, что профессор вот-вот расплачется. Вполне возможно, что Нортон на грани нервного срыва.

– Расскажите мне, – быстро сказал Джим. Он был полон сострадания. – Если вам надо выговориться – не держите в себе. Если вам нужно...

– Единственное, что мне нужно, так это побыть одному. Проваливай!

Джим попятился, нащупал дверную ручку у себя за спиной.

– Хорошо, хорошо, – пробормотал он. Он открыл дверь, на прощание виновато улыбнулся и вышел вон.

Стив стоял у стола художника и встретил главного редактора наглой ухмылкой:

– Ну что, сел на ежа? С Нортоном где сядешь, там и слезешь.

Джим бросил на него холодный взгляд и произнес:

– Ты уволен. Собирай вещички со своего поганого стола. Больше в газете ты не работаешь. Ухмылки как не бывало.

– Эй, ты что?

– Ты не глухой.

– Да я просто дурака валял. Джим, я же только шутил!

– Ты здесь больше не работаешь, – сказал Джим и, не оборачиваясь, прошел к своему столу.

3

– Добрый день, профессор Эмерсон. Ян кивнул Марии, направляясь к ящику для корреспонденции и проходя мимо стола секретарши кафедры английского языка и литературы.

– Как жизнь? – осведомился он.

– Была бы проще, если бы вы дали мне свое расписание. Уже месяц от вас добиться не могу. Студенты то и дело звонят и спрашивают о часах ваших занятий, а я не в курсе.

– Извини, – сказал Ян. – Пэлова дырявая. Сегодня обязательно занесу.

– Вы меня этими "сегодня" не первую неделю кормите.

Ян вынул все, что находилось в его отделении ящика для корреспонденции, затем, не отходя от стола Марии, быстро рассортировал почту, ненужное сразу выбрасывая в корзину для мусора. Туда полетел рекламный проспект только что изданного учебника по английской литературе периода романтизма, брошюра о какой-то новой компьютерной программе и протокол последнего факультетского собрания.

А это что такое? Толстенный конверт с его фамилией. Ни марок, ни штемпеля – стало быть, пришел не по почте, а кем-то принесен. Заинтригованный, Ян вскрыл конверт и обнаружил внутри сперва подробную карту всей университетской территории, а затем еще несколько чертежей. Как он понял, в руках у него была поэтажная планировка университетских

зданий – все помещения, а также схемы размещения электропроводки, канализации и водопровода.

На каждом чертеже имелось два-три жирных красных крестика.

Весьма удивленный, Ян повернулся к Марии, показал ей конверт и карты и спросил:

– Ты не помнишь, кто это доставил? Она внимательно взглянула на конверт и отрицательно мотнула головой:

– Сегодня никто не приносил – точно. Должно быть, вчера вечером доставили.

Под картой и схемами оказался еще листок – список каких-то химикалий, то ли какая-то формула, то ли рецепт для изготовления чего-то. Чего именно – в листке указано не было. Однако Яну бросилось в глаза упоминание глицерина. Его скудные познания в химии подсказывали, что это вещество может входить в состав взрывчатки. Выходит, он получил рецепт, как изготовить бомбу?

Ян снова просмотрел схемы, обращая внимание на расположение зловещих красных крестов. Кто-то угрожает произвести несколько взрывов на территории университета? Обозначают ли эти кресты места, где бомбы могут быть подложены или уже подложены?

Он проворно сложил бумаги, чтобы сунуть обратно в конверт. Надо без промедления отнести все это в полицию. Пусть там сами решают, что предпринять...

– Профессор Эмерсон... Ян вопросительно поднял глаза. Мария показывала на небольшой квадратик бумаги на полу – чуть больше визитной карточки.

– Это не из вашего ли конверта выпало? – спросила секретарша.

Ян поднял бумажку, на которой оказалась одна строка, напечатанная на машинке: "ПЛАН ИСТРЕБЛЕНИЯ ЗЛА".

Под этими словами было приписано от руки почти неразборчивым почерком: "Скоро позвоню".

И далее инициалы – Г. С.

Гиффорд Стивенс?

Согласно краткой биографии на обложке антологии Гиффорд Стивенс был экспертом-подрывником.

М-да, в высшей степени странно...

Ян перечитал записку, еще раз просмотрел карту и схемы, а также рецепт для изготовления бомбы. Он понимал, что единственное правильное решение – идти в полицию, рассказать там все, что ему известно, и вручить им помимо этого конверта еще и пресловутую "диссертацию" Стивенса. Совершенно очевидно: маньяк задумал взорвать университет и надеется на помощь профессора Эмерсона.

Но что-то удержало Яна от немедленного обращения в полицию.

Он сложил бумаги, сунул их в конверт и направился через холл в свой кабинет. Там сел за стол и призадумался. Затем взял листок с перечислением химикалий и вытащил из ящика стола книгу с университетскими телефонными номерами.

Он решил позвонить на химический факультет Ральфу Скофилду и удостовериться, что в его руках действительно рецепт изготовления бомбы.

По дороге домой Ян заскочил в "Макдональдс", взял пару гамбургеров, жареный картофель и шоколадный коктейль.

Ему было стыдно, что он покупает эту дешевую отраву. Сказывались просветительские лекции Сильвии на тему здоровой пищи.

Тем не менее он с удовольствием съел все прямо в машине – урывками, во время остановок на перекрестках. Управился с едой за десять минут, раньше чем свернул к своему дому.

В полицию Ян так и не позвонил. Хотя пару раз даже начинал набирать номер. Он сам себе не мог объяснить, почему не выполнил своего долга добропорядочного гражданина и не сообщил куда следует о чокнутом Гиффорде Стивенсе.

Химик подтвердил: это рецепт взрывчатки, причем очень мощной. Хуже того, Ян обиняками переговаривал с несколькими работниками службы эксплуатации. Они в один голос заявили, что красные кресты поставлены подлинным экспертом в деле разрушения – если заложить взрывчатку в этих местах, то будет достигнут максимальный эффект.

Но и владея такими фактами, он в полицию не позвонил!

Как это ни ужасно, нельзя было не признаться себе, что на каком-то уровне сознания он купился на разглагольствования Стивенса.

Вот что по-настоящему страшно.

Ян зашел в дом, налил себе стакан холодной воды из кувшина в холодильнике и пошел в гостиную – позвонить Эленор. Ее дома не оказалось. Однако на автоответчике было сообщение от нее – она выезжает к нему.

Гостиная была в том же виде, в каком он оставил ее утром: повсюду разбросаны газеты, посуда после завтрака не вымыта, рядом с постелью на полу стоят стаканы. Ян принялся за уборку. Собрав газеты и вымыв всю посуду, он еще кое-что подправил на быструю руку, сел на диван и включил телевизор. Теперь можно было и расслабиться.

Молодец, что купил эту дешевую отраву. Сыт, и никаких хлопот с ужином.

Ян взглянул на часы. Новости по местным и общенациональным каналам в начале часа он прозевал, но был самый разгар телевизионного вечера, поэтому он переключился на Си-эн-эн.

– Новость дня, – как раз говорил теледиктор. – При взрыве в Мехико в Мексиканском национальном университете погибло десять человек и по меньшей мере еще сорок три получили ранения разной тяжести.

Камера показала многоэтажный дом, одна стена которого рухнула. Несколько этажей были частично разворочены взрывом. Спасатели разбирали обломки и лезли по лестницам на пострадавшие этажи. Все это напоминало сцену после серьезного землетрясения.

– У нас на связи, – продолжал диктор, – профессор Гиффорд Стивенс, эксперт-взрывник, который случайно находился в Мехико на территории Мексиканского национального университета, когда там произошла трагедия.

Картинка сменилась, и Ян увидел знакомого бородача, стоявшего у развалин стены с микрофоном в руках.

У Яна похолодело сердце.

В углу экрана появилось изображение диктора в студии.

– Здравствуйте, профессор Стивенс. Насколько я понимаю, вы были в поврежденном здании прямо в момент взрыва.

Стивенс кивнул – словно бы пряча довольную ухмылку.

– Да, я был здесь в момент взрыва. И позвольте вам сказать, это одно из сильнейших переживаний в моей жизни.

– Ведь вы специалист в области горючих и взрывчатых веществ, не так ли?

– Совершенно верно.

– Вы можете предположить, что именно стало причиной взрыва?

– Ну, разумеется, еще рано делать окончательные выводы. Пока мы не исследовали эпицентр, трудно что-либо утверждать наверняка...

В этот момент резко зазвонил дверной звонок, и Ян подскочил на месте.

– Однако уже сейчас можно сказать, что это была пластиковая бомба, возможно, того же типа, который...

Звонок повторился, и Ян встал открыть дверь. Идя по коридору, он прислушивался к телевизионному разговору.

– Спасибо, профессор Стивенс, – говорил диктор. – Как мы уже сообщали, погибло десять человек и по меньшей мере еще сорок три получили ранения разной тяжести. По мере поступления новых деталей этой трагедии мы будем немедленно о них информировать. А сейчас другие новости...

Эмерсон открыл дверь. На крыльце стояла улыбающаяся Эленор. Когда она увидела Яна, улыбка мгновенно исчезла и ее лицо вытянулось.

Очевидно, у него был еще тот видок!

– Боже! – воскликнула Эленор, протягивая руку и осторожно касаясь его щеки. – Что случилось? Ты в порядке?

Он чуть было не выложил ей всю историю.

И про Стивенса, и про "диссертацию", и про рецепт взрывчатки, и про карту университета с красными крестами, и про сообщение из столицы Мексики.

Но в последний момент опомнился и прикусил язык. Вместо этого он изобразил на лице улыбку, перехватил руку Эленор и поцеловал ее.

– Я в порядке. Просто чертовски устал.

Он закрыл за ней дверь, и они прошли в гостиную.

Глава 12

1

Сдав в печать номер, который получился на редкость удачным и содержательным, и послав Стюарта с готовыми полосами в типографию, Джим поблагодарил сотрудников газеты за проделанную работу и в одиночку направился к автостоянке.

"На редкость удачный и содержательный номер".

Большое ли это счастье? Нужно ли радоваться такой "содержательности"?

Еще одно изнасилование. Развитие судебного сюжета о растлении ребятишек детсадовского возраста. Исчезновение профессора – не появлялся на занятиях в течение недели, сейчас его розыском занимается ФБР.

С некоторых пор – типичный университетский день.

Газета становится с каждым днем все интереснее и интереснее, потому что жизнь с каждым днем становится все более и более поганой...

Тошно смотреть, как быстро люди привыкают к ужасному, с какой удивительной скоростью ненормальное, противоестественное становится для массового сознания обыденным.

Да и в своей душе Джим находил тревожащие изменения.

Он всегда считал себя эмоционально тонким, сострадательным и отзывчивым человеком, безразличным к чужому горю. Он не верил, что со временем превратится в одного из тех прожженных журналистов, которые стали такими толстокожими, что муки и страдания других людей для них не более чем хороший материал. Однажды Джиму довелось видеть, как в одной газете журналисты заключали денежное пари: сколько минут или часов протянет человек, получивший несколько пуль от грабителя и доставленный в отделение "Скорой помощи". Джим поклялся себе, что никогда не станет такой бесчувственной деревяшкой и никогда не унижится до подобных мерзостей.

Однако сегодня он поймал себя на том, что делает необходимые перестановки на первой полосе, чтобы втиснуть информацию об изнасиловании, и совершенно не думает о самом горестном факте изнасилования – рассматривает эту информацию лишь как элемент композиции газетной страницы. И ему наплевать на то, что за сухими словами заметки – боли живого человека, студентки, его ровесницы.

Даже сейчас, на пути к автостоянке, упрекая себя в черствости, он оставался в глубине души безразличен к жертве насильника. Часть его сознания не прекращала радоваться тому, что сообщение об изнасиловании пришло вовремя и украсило первую полосу, сделало ее более насыщенной. Если дела пойдут и дальше также успешно и поток насилия будет на том же уровне или даже выше, "Сентинел" даст в этом семестре столько любопытного и эффектного материала, что соберет большую часть премий для университетских газет за наиболее сенсационные или удачные статьи года.

Господи, как назвать подобные мысли? Практичными, дружище, практичными. Если "Сентинел" под его руководством соберет кучу наград и премий, это будет большим плюсом для него лично, когда после получения диплома придет время устраиваться на работу.

Диплом!

Джим вдруг впервые со всей остротой осознал, что это его последний год в университете. Потом год практики – и он выйдет в большой мир, станет хозяином своей судьбы, будет сам зарабатывать на жизнь. Какая ответственность!.. Не то чтобы он боялся полной самостоятельности, но как-то робел.

Еще в старших классах школы Джим поставил перед собой четкую цель – стать

журналистом. Поэтому он учился на пределе сил, с легкостью поступил в университет, высокими баллами заработав хороший грант на обучение. В К. У. Бреа он был почти круглым отличником, блистал как на экзаменах по теоретическим дисциплинам, так и на практических занятиях по журналистскому мастерству. Затем на протяжении двух семестров вкалывал в университетской газете "Сентинел" и доказал, что способен совмещать учебу с напряженной работой, а также справляться с повседневной газетной напряженкой, которая предполагает быстрые редакторские решения и ставит жесткие временные рамки.

Но несмотря на столь явные успехи, Джим все же не был убежден в своей готовности ко взрослой, самостоятельной жизни за пределами университета. Он сомневался в том, что справится с конкуренцией в жестоком мире большой журналистики. Лишь внешне он выглядел таким уверенным в себе главным редактором. Втайне он думал, что университетская газета – это понарошку, это что-то вроде игры, студенческой практики или бесшабашной репетиции.

Настоящая жизнь, она другая.

Однако в его представлении настоящая жизнь не была и вот этим – изнасилования, грабежи, нападения, акты вандализма и, для разнообразия, растление малолетних... Чередой мерзостей – неужели это и есть "взрослая жизнь", журнальным летописцем которой ему предстоит стать?

Что ж, быть может, человеческое бытие именно таково, и негоже бояться грубой реальности. Однако Джиму казалось, что здесь, в университете, за ростом насилия стояло нечто особенное. Это не банальная вспышка преступности.

Вспомнился сумасшедший профессор, которого он встретил поздно вечером по пути на автостоянку.

Бородач сказал, что университет в Бреа – гнездилище зла.

Джим подумал также и о словах Хоуви, об убийстве животных на лекции по ботанике... Ну и о профессоре-экономисте, нахваливавшем рабовладельческий строй. Да, не зря Джим чувствовал себя не в своей тарелке с самого начала семестра. Прав Хоуви. Прав и сумасшедший бородач. И прав его собственный инстинкт, который уже давно подсказывал, что вокруг происходит нечто странное. Вся эта лавина безобразий не может быть естественной. В университете творится что-то страшное, необъяснимое. То ли тут завелись злые привидения, то ли над университетом в Бреа производится некий гнусный научный эксперимент... Ну, скажем, подсыпают что-то в пищу или распыляют над территорией университета какую-то гадость... Мало ли что способны придумать современные ученые!

Так или иначе, университет вдруг стал проклятым местом, и его атмосфера самым разлагающим образом воздействует и на студентов, и на преподавателей.

И сам Джим ощущал влияние этой гнусной атмосферы.

Сегодня он искренне порадовался изнасилованию, потому что оно стало поводом для эффектной статьи, которая даст "Сентинел" лишние очки в борьбе за ежегодную премию.

Он подумал о Шерил – она превратилась после изнасилования в живой труп, – и ему стало стыдно за себя.

Какова бы ни была причина творящихся безобразий, Джим обязан быть готовым к схватке. Он ни на что не должен закрывать глаза, постоянно оставаться начеку и не поддаваться воздействию отравляющих миазмов зла, которое поселилось в их университете.

На автомобильной стоянке было пустынно, машин осталось не больше двух-трех дюжин, однако сегодня Джим не испытывал панического, параноидального страха. Его мысли были заняты другим страхом – серьезным, мотивированным, глубоким.

Он оглянулся на университетские учебные корпуса и присмотрелся к темным контурам на фоне ночного неба, словно ожидал различить нечто зловещее в самом их абрисе. Нет, ничего особенного. Здания как здания. Кое-где горят окна. Ни из одного не торчат рогатые головы.

Джим задумчиво шмыгнул носом и побрел в сторону общежития – к Хоуви.

Общежитие он раньше слышал, чем увидел. Грохот музыки с разных сторон, жуткая смесь рэпа с тяжелым роком. И сквозь бум-бум-бум и па-па-па – хохот и громкие голоса студентов.

Джим постучал в комнату на первом этаже:

– Хоуви! Это я!

– Заходи. Дверь открыта.

Джим толкнул дверь и зашел. Хоуви сидел перед телевизором и играл в одну из нинтендовских видеоигр. Джим закрыл дверь, подошел к другу и понаблюдав за его действиями.

– Сложная штукавина, – сказал он. – У меня не хватает терпения разобраться. А ты, я вижу, настоящий ас.

– Нет, но говорят, что управление джойстиком и мотание головой перед экраном помогает мне улучшать моторику и мышечный контроль.

– Ерунда.

– Ладно, твоя правда. Просто играть приятнее, чем готовиться к завтрашнему семинару. Доволен?

– Ну, это ближе к истине.

Джим окинул взглядом небольшую комнату с множеством приспособлений, облегчающих жизнь инвалида. В ванной никого не было. Хоуви был совершенно один.

– А где же Дейв? – удивленно спросил Джим.

– На свидании.

– А если тебе нужно будет?..

– Если мне понадобится покакать? – ухмыльнулся Хоуви. – Ну, я могу и потерпеть до его возвращения. А впрочем, ты появился очень кстати. Я чувствую потребность отлить.

– Брось! Ты же не сыграешь со мной такой злой шутки!

– Тебе нужно только поднять меня и отнести в туалет. Не бойся, я легкий. Поддержишь меня над унитазом.

– Ага, вынуть твой хрен и нацелить его! Хоуви лукаво улыбнулся:

– Кончай ломаться, ты же сто лет как мечтаешь подержаться за мою бетономешалку.

– Ты и в самом деле хочешь помочиться? – нерешительно спросил растерявшийся Джим. Хоуви рассмеялся:

– Нет, просто хотел попугать тебя. Купился, приятель?

– Уши тебе надрать за это! – Садясь на диван, Джим добавил:

– Никак не пойму, почему тебе не живется дома, с родителями!

– Я же говорил тебе – хочу быть независимым.

– Как будто здесь ты независим! Ведь за тобой ухаживает Дейв. По мне, лучше забота родных, чем платные услуги постороннего человека. Даже с практической стороны это выгодно – сколько денег экономится!

Хоуви ничего не ответил. Только помрачнел.

– Извини, если я что не то сказал, – поспешно произнес Джим. – Просто ты говорил, что твоё здоровье резко ухудшилось...

– Да, летом мне пришлось туго. Но сейчас я в своей обычной форме. То есть калека, но не при смерти.

Джим воздержался от комментария, хотя ясно видел, что Хоуви сильно сдал по сравнению с прошлым семестром. Он отнюдь не в лучшей форме.

– Слушай, Джим, если ты явился только затем, чтобы портить мне настроение...

– Нет, я не за тем явился.

– А зачем?

– Просто не хотелось оставаться одному. Захотелось общнуться.

Оба несколько секунд молчали, потом Джим сказал:

– По-моему, ты был прав относительно нашего университета.

Хоуви попытался обернуться и посмотреть на сидящего на диване друга. Однако шея не подчинилась. В итоге ему пришлось нажать на рычажок и развернуть инвалидное кресло.

– Происходит чертова уйма непостижимо странных вещей, – сказал Джим.

Он рассказал Хоуви все: начиная с того, как ему не хотелось возвращаться в университет после летних каникул и заканчивая сегодняшним гаденьким чувством. Джим понимал, что чем больше насилия будет в университете, тем заметнее станет его вклад в процветание "Сентинел", и это, конечно, отразится на его будущей карьере.

Хоуви понимающе кивал. Правда, из-за слабости мышц кивки больше походили на

странные подрагивания головы.

– Вопрос в том, – сказал он, – что нам делать с этими знаниями? Не сидеть же сложа руки!

– А что можно предпринять в подобной ситуации?

– Ты не разговаривал с профессором Эмерсоном? Джим отрицательно мотнул головой.

– Твой бородач назвал его фамилию, – напомнил Хоуви. – И я уважаю профессора Эмерсона. Тебе бы надо с ним побеседовать на эту тему. Или мне. Возможно, бородач просто чокнутый. А может, он попал в самую точку. В любом случае встреча не помешает.

– В прошлом семестре я учился у Эмерсона. Толковый преподаватель.

– Ну вот и побеседуй с ним.

– Что же тут происходит? – задумчиво произнес Джим. – Если мы и впрямь имеем дело с нечистой силой... или аномальными явлениями... – Он помолчал, потом выпалил:

– Знаешь, в Аризоне есть одна гора, в народе ее зовут Чертовой. По поверью, кто на нее забирается – тот сходит с ума. Ученые проверили. Действительно, ближе к вершине с человеческой психикой начинает твориться что-то неладное. Затем, через некоторое время после возвращения вниз, голова начинает снова нормально работать. Существует целая теория о том, что причина этого временного умопомешательства – наличие магнитной аномалии где-то под Чертовой горой. Мощные магнитные поля искажают работу мозга. Возможно, в физической лаборатории университета в Бреа ведут какие-нибудь тайные исследования по заказу Пентагона, и в результате опытов появляются какие-нибудь сверхмощные магнитные поля. А все мы оказались в роли подопытных кроликов – случайно или преднамеренно.

– Может быть, может быть... – пробормотал Хоуви. Но в его голосе Джим не услышал особой уверенности.

– А ты что думаешь?

– Я пока ни к какому выводу не пришел. Поэтому готов рассматривать любые варианты.

Джим встал.

– Ладно, завтра непременно встречу с профессор Эмерсоном.

Хоуви слабо улыбнулся:

– Что ж, если и в дурном видеть светлые стороны, то происходящее весьма любопытно.

– Да, – согласно кивнул Джим, – пахнет большим приключением.

Они посмотрели друг на друга. Ни один из них не улыбался.

– Только нужно ли нам такое приключение? – сказал Джим.

2

После того как смена Фейт закончилась и она ушла домой, Гленна осталась одна на шестом этаже.

Возле нее была тележка с сотней возвращенных книг по искусству, и она расставляла их на полках в правильном порядке.

Она терпеть не могла книги по искусству. Не за их содержание, а за то, что большинство из них были большого формата и весили чуть ли не десять килограммов. Управься с сотней таких томов – будто не библиотечаршей работаешь, а грузчиком! Большие книги по искусству, особенно альбомы, неудобно брать и трудно ставить на место – порой эти дылды книжного царства едва-едва помещались на самых высоких полках. К тому же их было слишком много для выделенного количества стеллажей, поэтому они стояли плотно и случалось буквально вбивать огромный фолиант в нужное место.

Но вообще-то Гленна любила эту часть шестого этажа. Стеллажи тут стояли очень тесно, столы для занятий не помещались. Если студенты сюда и забредали, то лишь на пару минут – найти нужную книгу, после чего шли читать или в другую часть шестого этажа, или на другие этажи, где были по-настоящему просторные читальные залы.

Таким образом, тяжесть и большой формат книг по искусству компенсировались тем, что Гленна разбирала их в одиночестве.

А она не любила работать, когда рядом шастают студенты.

Так приятно побыть одной, в полной тишине после шумных университетских холлов и коридоров, где все спешат, толкаются, громко разговаривают.

Шлеп-шлеп. Шлеп-шлеп.

В почти мертвой тишине звук шагов был подобен ударам молота. Кто-то идет от лифта по, центральному проходу между стеллажами. И этот "кто-то" обут во что-то солидное – не в кроссовки и не в туфли. Это тяжелые ботинки.

А-а, ковбойские сапоги!

Гленна проворно встала с колен и отряхнула джинсы – она расставляла книги на нижней полке. Мышцы ее лица напряглись. Могла бы и раньше сообразить, что он непременно явится, чтобы извиниться и помириться!

Гленна торопливо покатила тележку к дальней стене, где находилась "клетка" – отделенный металлической сеткой закуток с запирающейся дверью.

Однако Гленна оказалась недостаточно проворной и чуть не столкнулась с Кэлхоуном, когда пересекала центральный проход между стеллажами. Одет он был как обычно: прямые джинсы, фланелевая рубашка и ковбойские сапоги с металлическими финтифлюшками. Увидев Гленну, парень сделал виноватое лицо.

Пару секунд и она, и он молча смотрели друг на друга.

Глаза Гленны горели праведным гневом, а его глаза униженно молили о прощении.

Первым заговорил Кэлхоун:

– Прости меня. Я просто...

– Катись-ка ты знаешь куда! – холодно перебила она его.

Девушка собралась покатить тележку дальше, к "клетке", но Кэлхоун крепко схватил металлический край тележки и не дал сдвинуть ее с места.

– Да, согласен, я вел себя по-свински, – сказал он. – Я должен был позвонить и предупредить тебя, что не приду...

– Два часа! – воскликнула Гленна. В тишине шестого этажа эти два слова прогремели как два выстрела. Поэтому она заставила себя сбавить децибелы и уже почти шепотом возмущенно повторила:

– Два часа! Я ждала тебя битых два часа! Вся извелась! Уже стала думать, что с тобой случилось несчастье! Машина сбила или какой-нибудь придурок напал.

– Прости.

– Потом я позвонила тебе домой – и что же? Оказывается, ты преспокойно отправился с друзьями в клуб! Хорош! Ничего не скажешь, хорош!

– Я забыл. Как еще мне извиняться? Потом я вспомнил про наше свидание и пытался до тебя дозвониться.

– Врешь. Я была дома весь вечер.

– Ну, может, когда я звонил, ты уже отключила телефон и заснула...

– Я ждала возле этого проклятого ресторана два часа!

– Да что ты заладила! Слышал уже.

– Пусть и слышал, а я еще сто раз готова повторить: я ждала тебя два часа, а ты так и не явился. – Гленна стряхнула его руку с тележки и покатила ее вперед. – Я тебе дам полезный совет на будущее, Кэлхоун. Если приглашаешь девушку на свидание, то на него надо приходить.

– Кончай дуться, – сказал он. – Ты ведь не хочешь, чтобы маленькое недоразумение испортило наши добрые взаимоотношения.

– Какие такие добрые взаимоотношения? У нас с тобой нет никаких взаимоотношений! У нас с тобой было всего лишь одно свидание. Точнее, полтора, если считать и то, на которое ты не явился.

Сопровождаемая понурившимся Кэлхоуном, Гленна дошла до проволочной сетки, открыла металлическую решетчатую дверь и вкатила тележку в "клетку". После этого с силой захлопнула дверь перед носом у провинившегося приятеля.

Тот с видом побитой собаки смотрел, как девушка поворачивает ключ в замке. Теперь их встреча напоминала свидание в тюрьме – с решеткой посередине. Гленна набрала побольше воздуха в легкие и, стараясь говорить спокойно, сказала:

– Разговор закончен. Раз и навсегда. Пожалуйста, уходи.

Он несколько секунд таращился на нее, потом удрученно потряс головой.

– Мне просто не верится...

– Пожалуйста, уходи, – повторила она.

– Это университетская библиотека, а не твой дом, – вдруг рассердился Кэлхоун. – Ты не имеешь права прогнать меня отсюда. И вообще, нечего мною командовать. Кто ты такая, чтобы мною командовать!

– Если ты не оставишь меня в покое, я кого-нибудь позову и тебя выставят, как нарушителя порядка. Он взбесился не на шутку.

– Ах ты, паскуда! Какого черта ты корчишь из себя не знаю что! Сколько гонора! Чего ты добиваешься? Хочешь ноги о меня вытирать? Я и так дал тебе выговориться, пока не надоест. А теперь, когда ты провезла меня мордой об стол, ты хочешь вдобавок вызвать охрану и вышвырнуть меня из библиотеки. Я не верю, что у тебя настолько крыша поехала!

Кэлхоун вцепился пальцами в решетку и так энергично придвинул лицо вплотную к металлическим прутьям, что Гленна с другой стороны невольно отпрянула назад.

Она упрямо молчала.

– Ну я был не прав, – снова начал парень. – Я дико извиняюсь. Чего еще ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Хочу побыть одна.

– Отлично, – сказал Кэлхоун.

Он отпустил решетку. Его лицо перекошилось от жалкой и вместе с тем циничной улыбки, как будто он еще не решил, что сделать – заплакать или облить девушку холодным презрением.

– Напрасно я так переживал. Думаю, в постели ты колода колодой.

С этими словами он подскочил к двери и изо всей силы ударил по ней. От этого проволочная сетка затряслась. Ужасающий грохот.

– Мать твою! – завопил Кэлхоун. – Сука поганая! Гленна попятилась в дальний конец "клетки".

– Сейчас я позвоню и вызову университетскую полицию, – произнесла она громко и твердо.

– Все, ухожу, ухожу, дрянь ты такая!

Он развернулся и пошел прочь.

Девушка в изнеможении закрыла глаза и слушала.

Шлеп-шлеп. Шлеп-шлеп.

Она мысленно проследила весь его путь по центральному проходу между стеллажами. Но глаза открыла лишь после того, как услышала два щелчка: пришел лифт, дверь – щелк – открылась, пауза, дверь – щелк – закрылась, и лифт пошел вниз.

Только тут Гленна заметила, что ее всю трясет. И ладошки мокрые. Ну и трусиха, просто стыд! Когда Кэлхоун не явился на свидание, она рассердилась всерьез. Но к этому часу гнев перегорел, и в разговоре с провинившимся парнем она только имитировала ярость. В воспитательных целях. Похоже, немного пересолила. Кстати, и возле ресторана она ждала всего-навсего сорок пять минут, а не два часа.

Но самое смешное было то, что она и воспитывать-то Кэлхоуна не собиралась. Он ей вообще не нужен. То, что он так легкомысленно забыл о свидании, стало для нее прекрасным поводом порвать с ним. Однако она не умела вежливо сказать парню, что она не хочет больше встречаться с ним. В таких случаях ей было проще закатить сцену, довести дело до зверской ссоры – и расстаться врагами. Ей казалось, что скандал лучше вялого "извини, мне кажется, нам не стоит больше встречаться". По-хамски наскაკивая на парня, она испытывала меньшее чувство вины: он видит в ней грубую дуру, и ему мнится, что это он стал инициатором разрыва, а следовательно, благодаря Гленниной парадоксальной тактике его мужское самолюбие страдает в меньшей степени.

Гленна не любила обижать людей.

Все еще дрожа, она думала: слава Богу, что блеф насчет охраны сработал. Никакого телефона в "клетке" не было. Кэлхоун был так ослеплен гневом, что не заметил этого.

А впрочем, он не стал бы ломиться сюда. Не до такой же степени он взбесился! Да и проволочная сетка крепкая, черта с два порвешь...

Но оставался без ответа главный вопрос: какого дьявола она вообще снова и снова ходит

на свидания с парнями? Она совершенно ими не интересуется. Ради внешнего приличия, для отвода глаз? Дескать, пусть все видят, что я встречаюсь с мужчинами? Да плевать ей, что про нее думают!..

Гленна только храбрилась. На самом деле она не имела сил наплевать на общественное мнение. В этом-то и заключалась вся беда. У нее не поворачивался язык даже родителям признаться в том, что она не интересуется мужчинами и предпочитает женщин. Какое там родителям!.. Она и сестре-то не способна сказать!

Самое грустное в этом желании сохранять вид "нормальной" девушки было то, что в итоге у Гленны не возникало никаких прочных отношений – ни с кем. Только череда ненужных, ни к чему не приводящих свиданий.

Неподалеку раздались шаги. Гленна вся напряглась. Но звук был приглушенный, деликатный. А кэлхоунские сапоги – бесцеремонные. Значит, идет кто-то в кроссовках или в мягких туфлях. Гленна облегченно вздохнула. Новой перепалки с Кэлхоуном она бы не вынесла.

– Похоже, наша альма-матер превратилась в какой-то насилодром, – донесся мужской голос. – Девиц насилуют на каждом углу.

– Да уж, достается им, бедняжечкам! – отвечал другой мужской голос. И после противного хихиканья добавил:

– А впрочем, видал я тут несколько клевых телок – я бы их с превеликим удовольствием припер к стеночке, не спрашивая разрешения.

– И был бы молодцом.

– Ты видел молоденькую преподавательницу, которая у нас ведет антропологию? Такая аппетитная южаночка! Если бы я не боялся сесть в тюрьму, я бы ей так залудил где-нибудь в темном углу!

Оба студента рассмеялись.

Гленна затаилась, прислонившись к стене. Сердце бухало в груди. Ну и разговорчик!

Она не шелохнулась, пока шаги не стихли. Ей вспомнился профессор, который приставал к Сью на прошлой неделе. Профессор Николсон. Она училась у него на первом курсе – он читал мировую историю. Милый спокойный нормальный мужчина. Никогда бы не предположила, что он способен на такое! Как говорится, в тихом омуте...

С мужчинами всегда так – по лицу не разберешь, на что он способен.

Мысли Гленны естественно перескочили на Кэлхоуна. Она вспомнила, что он знает, какая у нее машина, и вполне может поджидать ее поздно вечером на автостоянке или, того хуже, где-нибудь в кустах между библиотекой и стоянкой. Кэлхоун тоже милый и спокойный. А на решетку сегодня бросался. Тихий-то он тихий, но возьмет и "залудит" ей где-нибудь в темном месте – в отместку за обиду. С него станется!

Она содрогнулась от отвращения.

Фу, это же настоящая паранойя! Не надо заикливаться на подобных мыслях. Незачем себя накручивать! Дойдет до того, что будешь бояться выйти из этого огороженного закутка!

Но правда была в том, что она накрутила себя в достаточной степени и уже боялась выйти из "клетки".

Напрасно Гленна хорохорилась перед собой и твердила про себя, что нисколько не боится и сейчас повернет ключ в замке и выйдет. Вместо этого она стала складывать книги с полок на тележки, что отнюдь не входило в ее работу. Этим следовало заняться следующей смене. Через минуту девушка убедила себя в том, что она занимается совершенно необходимым делом – помогает товарищам из другой смены.

Так или иначе, из "клетки" Гленна вышла лишь через полчаса – когда пришел Фил и сказал, что пора сделать перерыв в работе.

Глава 13

Ричард увидел плакат и услышал гул толпы одновременно.

Он находился в клубной столовой: обедал с Анжелиной и деликатно выпрашивал девушку, не бывало ли у нее эротических фантазий с участием ее подружки Кристал. Когда же он вышел на яркий солнечный свет, его внимание привлек ярко-красный плакат на доске объявлений перед студенческим центром:

ВСЕ НА МИТИНГ! НЕ ПРОПУСТИТЕ! СЕГОДНЯ В ПОЛДЕНЬ НА ГЛАВНОЙ ПЛОЩАДИ ВЫСТУПАЕТ БРЕНТ КИИЛЕР, КАНДИДАТ В ПРЕЗИДЕНТЫ СТУДЕНЧЕСКОГО СОВЕТА. СООБЩИТЕ ДРУЗЬЯМ И ПРИХОДИТЕ САМИ!

Ричард понятия не имел, кто это такой – Бренд Киилер.

Со стороны главной университетской площади доносился одобрителный шум большой толпы.

Обычно о таких масштабных сборищах объявляют заранее – и на волнах студенческой радиостанции, и на страницах "Сентинел". Однако на этот раз Ричард не слышал и не видел никаких объявлений. Вряд ли он мог пропустить. Даже этот красный плакат появился не больше часа назад – по пути в столовую он его не видел.

Да и Джим непременно сказал бы ему о таком событии. Стало быть, Джим тоже не в курсе. Так или иначе, совсем не помешает заглянуть на стадион и сделать десяточек-другой снимков – авось и пригодятся. Надо бы и толпу сфотографировать, и кандидата на пост главы студенческого совета.

Можно по-разному относиться к студсовету, главному органу самоорганизации студентов, который, по уставу, обязан заботиться о благополучии учащихся и защищать их интересы, находясь в постоянном контакте с администрацией. Одни находят работу студсовета вполне эффективной, другие считают его прислужником администрации. Однако в любом случае пост его главы – заманчивая должность.

Ричард выбрал самый короткий путь к центральной площади – через двор за книжным магазином. На ходу он снял с камеры защитный колпачок.

Народу собралось уйма. Ричард никак не ожидал увидеть столько студентов. На его памяти ни один из подобных митингов не собирал такой огромной толпы!

Ричард остановился и сменил объектив на широкоугольный, чтобы сделать панораму всей площади и в полной мере отразить на снимке масштаб мероприятия.

На ступенях административного корпуса стоял худой строго одетый парень, чистенький, холеный и аккуратно причесанный, на вид образцовый законопослушный гражданин.

Очевидно, это и был Бренд Киилер. Сжимая в руках громкоговоритель, он кричал в микрофон:

– Американские университеты должны стать местами, где могут получать образование американские студенты. Но мы видим, что добропорядочные и лояльные американцы остаются за воротами университетов, потому что их оккупировали япошки и прочие разные узкоглазые азиаты, а также арабские погонщики верблюдов и африканская шатия-братия. Вся эта шушера заграничная и языка-то нашего толком не знает...

Толпа встретила эти слова ревом одобрения.

Великолепно! Такой массовый митинг – и поперек общепринятым взглядам. Настоящая сенсация. За снимки этого похабного сборища Джим его просто расцелует.

Ричард стал проталкиваться поближе к ступеням административного корпуса, чтобы снять самого Брента Киилера.

Тем временем оратор распинался дальше:

– Вы знаете, я – Бренд Киилер, и я открыто придерживаюсь проамериканских взглядов. Кое-кто из вас может спросить: а зачем нам иметь президентом студенческого совета человека, который придерживается проамериканских взглядов? Какой нам в этом прок? Я отвечаю: большой прок! И сейчас объясню почему. Многие из вас, американских граждан, просили кредит на учебу – и вам отказали. А рядом со мной на занятиях по алгебре сидит япошка, которому предоставили кредит тотчас же, по первой просьбе, без промедления – разве что не расшаркались перед ним! И таких нахлебников из-за рубежа здесь сотни. Вам случалось записываться на какой-нибудь популярный курс и получать от ворот поворот – дескать, мест

больше нет? Да, для вас места не нашлось – потому что оно занято каким-нибудь тюрбанистым иранцем или малохольным индусом. По-вашему, это справедливо? Сколько можно смешивать с грязью истинных американцев? Не век же нам терпеть засилье иностранцев! Пора с этим кончать!

– Кончать! – взревела толпа.

– Кончать! – повторил за всеми Брент. Хрипло рассмеявшись, он продолжал:

– Всем этим странам нет резона воевать с нами. Мы уже проиграли войну. Мы уже сдали свои позиции. Они нами давно подтираются! – Он сделал паузу и вдруг, еще больше приблизив микрофон к губам, перешел на грозный шепот:

– Но это война. Потому что кое-кто из нас все-таки не сдался. Потому что кое-кто из нас готов биться до конца и не желает сидеть сложа руки.

– Убить всю сволочь узкоглазую! – выкрикнул голос из толпы.

– Да, – тем же зловещим шепотом согласился Брент. – Убить всю сволочь узкоглазую!

– Открутить яйца арабам!

– Да, – опять же шепотом поддержал Брент. – Открутить яйца арабам!

Как раз в этот момент по несчастной случайности за спиной Брента появился студент явно азиатского вида. Ни о чем не подозревая, он вышел из дверей административного корпуса с тяжелым портфелем под мышкой.

Ричард почуял жареное. Он протолкался в первый ряд толпы и припал на одно колено, чтобы сделать классный снимок: красный от ярости Брент с громкоговорителем и спускающийся по ступеням студент-азиат, который с рассеянной улыбкой смотрит на огромную толпу.

– Япошка! – выкрикнул кто-то. Брент ухмылялся.

– Япошка! – повторил тот же голос в толпе. Тут и другие закричали, показывая пальцами за спину Брента:

– Япошка! Смотри, япошка!

Ричарду показалось, что Киилер не понимает этих криков и не догадывается, что происходит. Он просто смотрел на толпу с самодовольной ухмылкой и слушал вопли "Япошка!". Но как только японец оказался на одной ступени с ним, Киилер вдруг повернулся, в два прыжка преодолел несколько метров между собой и студентом из Японии и выбил у него портфель.

Портфель упал на ступени, открылся, и из него посыпались книги и тетради.

– Куда ты, по-твоему, идешь? – грозно спросил Брент в микрофон.

Студент ошарашенно озирался. Он не понимал, что происходит. С какой стати на него напали, да еще на виду у такой массы людей?

Наконец он нагнулся, чтобы собрать книги и тетради и поднять портфель.

Киилер ногой оттолкнул портфель подальше и схватил японца за руку.

– Я тебе задал вопрос, тварь желторожая!.. Куда намылился?

Студент попытался вырваться.

– Ребята, я с этим гадом в одиночку не справлюсь! – обратился Киилер к толпе.

Сразу же нашлась дюжина добровольных помощников, которые взбежали по ступеням и окружили японца. Желавших было так много, что схватили парня только трое или четверо, остальные просто топтались вокруг, помахивая кулаками.

– Дайте ему хорошенько под зад, чтоб знал наших! – подсказал кто-то из толпы.

Раздался одобрителный шум, и через несколько секунд площадь скандировала:

– Под зад! Под зад!

Толпа все больше и больше заводилась.

Ричард снова сменил объектив и стал щелкать крупные планы самых яростных кричалычиков. Он ощущал перемену в настроении толпы – она была почти осязаемой. Насмешливая злость сменилась кровожадным умопомрачением. Это отражалось на лицах. Они были отвратительны. Распяленные рты, вытаращенные глаза. Великолепные снимки!

Даже зеваки, которые присоединились к толпе только что и стояли по краям людской массы, и те поддались всеобщему настроению и скандировали вместе с другими:

– Под зад! Под зад! Под зад!

Блондиночка рядом с Ричардом, румяная милашка с физиономией положительной девочки, возглавляющей группу поддержки на баскетбольном матче, сейчас громко выкрикивала эти два слова, и ее лицо было искажено животной ненавистью. Ее прелестные глазки, которые, несомненно, туманились от слез, когда в фильме умирала кошечка или собаку переезжал автомобиль, превратились в глаза жестокой ведьмы.

Ричард проворно повернулся и сфотографировал кровожадную блондиночку.

В аппарате кончалась пленка. Он готовился перезарядить его и полез в карман за новой кассетой. Во время этой паузы в съемке Ричард перестал быть фотографом и разглядывал толпу невооруженным глазом, а не через видоискатель. Ему стало не по себе: он никогда не видел, чтобы митингующие опускались так низко. Эта толпа способна на что угодно. Заряд агрессивности просто небывалый!

Но в следующую секунду Ричард занялся кассетой, и все его личные чувства ушли на второй план.

Он снова стал приложением к фотоаппарату. Он опять бурно радовался уникальной ситуации и уникальным кадрам.

Ему нравился этот митинг. Ему нравился этот живописный бардак, эти искаженные лица, этот материал.

Тем временем японец пытался вырваться, но энтузиасты-добровольцы держали его железной хваткой.

– Достаточно они попили нашей кровушки! – провозгласил Brent Киилер. – Достаточно они поиздевались над нами. Теперь давайте мы поиздеваемся над ними!

Треск рвущейся одежды был заглушен ревом толпы, которая продолжала яростно и тупо скандировать все те же два слова. Но Ричарду показалось, что он не только видит, как добровольцы разорвали сорочку японца, но и слышит, как рвется ткань.

Поощренные хохотом и одобрительным улюлюканьем сборища, хулиганы стали сдирать с японца брюки. Через несколько секунд с него сорвали и брюки, и трусы. Голый студент расплакался от унижения. Толпа пришла в полный восторг.

– Отрежьте ему член, чтоб не плодил новых япошек! – крикнула блондиночка рядом с Ричардом, который щелкал кадр за кадром почти без перерыва.

– Это мы можем, – сказал Brent в микрофон, отвечая на ее предложение. – Мы много чего можем! Мы его, подлеца, повесим! – И он кинул в толпу клич:

– Повесить желтожопого!

– Повесить желто-жопо-го! – ликующе подхватила толпа. – Пове-сить желто-жопо-го!

Откуда-то тотчас же появилась веревка, ее передали по живой цепочке Brentу, а тот протянул ее добровольным палачам.

Один из них проворно завязал на веревке скользящий узел и накинул удавку на шею голого японца. Теперь студент визжал от страха и звал на помощь.

Brent довольно хохотал. Он с силой ткнул громкоговорителем японцу в пах. Благодаря микрофону удар был слышен всей площади – словно кто-то ухнул молотом по жести.

– Что, узкоглазый, не больно-то много у тебя было в штанах! – сказал Brent.

Толпа покатила от смеха.

И Ричард тоже рассмеялся. Не хотел... а вот как-то так вышло, что рассмеялся. Ведь это забавно – жалкий, белугой ревущий голозадый студентик...

Ричард быстро взглянул на счетчик кадров. Какая досада! Осталось только четыре. Всего-навсего четыре кадра! И это последняя кассета.

Эх, дурак, поленился носить с собой больше! Вперед наука!

Однако если повезет, они японца повесят – и получатся четыре обалденных кадра.

Практичный Ричард поискал глазами, к чему можно приладить веревку. Увы, поблизости нет ни дерева с крепким суком, ни балки, через которую нетрудно перебросить веревку. Ричард досадливо крикнул. Ребятам придется или всей толпой идти в другое место, или просто задушить японца – а это будет малоэффектным зрелищем и для толпы, и для камеры.

Хуже того, если будут душить, обязательно образуется свалка, потому что они дилетанты в этом деле, и какой-нибудь дурак случайно загородит жертву своей спиной. Ах, как обидно, как обидно...

– Копы! – крикнула какая-то девица. Ричард увидел, что к ступеням административного корпуса через толпу пробиваются пятеро полицейских.

– Отпустите парня! – заорал один из них.

И тут же вскрикнул – запущенный кем-то камень попал ему прямо в лоб.

Остальные полицейские заработали дубинками. Но и студенты в долгу не остались. В полицейских полетело все, что оказалось под рукой.

Массовые беспорядки! Нападение на полицию!

Кайф!

Это даже лучше, чем повешенный японец.

Раненые.

Кровь.

Ричард кинулся к бетонной тумбе, вскарабкался на нее и направил фотоаппарат на студентов, которые повалили полицейского и избивали его ногами.

Ричард видел, как копы бросились спасать упавшего товарища.

Камера зафиксировала момент, когда дубинка рассекла бровь одному рыжему студенту.

Господи, какая удача!

Ах, если бы у него был еще один ролик пленки!

2

– Я полагаю, главным материалом первой полосы будет очерк о студенческих самоубийствах – нынешний всплеск и обзор случаев за последние пять лет. С фотографиями.

– М-да, – насмешливо сказал Джим, – что и говорить, ты проявляешь тонкое журналистское чутье! На территории университета творятся массовые беспорядки, все кругом наводнено полицией, а ты хочешь пофилософствовать на первой полосе о самоубийствах. Мудро. Я сделал правильный выбор, поставив тебя во главе отдела новостей.

Фарук покраснел:

– Хорошо, хорошо, сдаюсь! Я просто подумал, что без фотографий массовые беспорядки на первой полосе смотреться не будут.

Джим схватился за сердце.

– У нас нет фотографий? – воскликнул он. – Ты не послал туда кого-нибудь с камерой? Ты обязан был сделать это при первом же известии! А будь ты по-сметливее – отправил бы фотографа еще раньше, на митинге Фарук испуганно облизал пересохшие губы.

– Да я собирался, но никого под рукой не оказалось...

– Никого под рукой не оказалось? Если такое происходит и никого нет под рукой, ты сам обязан схватить фотоаппарат – они у нас тут! – и мчаться на место.

– Извини, я виноват.

Джим возмущенно тряхнул головой.

– Черт побери! У нас нет фотографий! Какой позор!

Но тут в комнату вбежал взбудораженный Ричард.

– Есть фотографии! Есть! – с радостной улыбкой провозгласил он. – И фотки хоть куда! Будь я проклят если не получу за них Пулитцеровскую премию!

– Ты там был? Ты сделал снимки? – Джим подскочил к Ричарду и заключил его в объятия, словно много лет назад потерянного брата. – Я тебя обожаю! Ты молодец!

– Не надо меня так тискать, – со смехом отстранился Ричард. – Я правильной сексуальной ориентации. Так сколько у меня места на первой полосе?

Фарук вопросительно покосился на Джима.

– На первой полосе дадим семь на пять, три полные колонки, в рамочке. – Джим быстро пролистал страницы макета. – И еще три колонки уйдут на третью.

Они быстро обсудили технические мелочи. Но тут вмешалась заведующая производственным отделом – Джин.

– Послушайте, – сказала она, – у вас тут наполеоновские планы. Две полосы хотите перекроить и столько фотографий добавить! Но помни, Джим, что мы заканчиваем работу через полчаса. Повторяю по слогам: через пол-ча-са. И у меня, и у других сотрудников полно

вычитки. Если ты собираешься все переиначить, то мы тебе не помощники. Мы не намерены сидеть тут до полуночи!

Джим посмотрел на нее недобрым взглядом:

– Когда ты бралась за эту работу, ты знала, что рабочий день не лимитирован.

– Знала. И я не против посидеть лишний час. Иногда. Но тут пахнет тремя-четырьмя часами. На прошлой неделе мы четыре раза оставались на три лишних часа. Это уж слишком. Брось, Джим, не напрягайся так и не напрягай других. В конце концов это не "Нью-Йорк тайме". Это студенческая газета.

– Нет, ошибаешься! Мы тут не в игрушки играем. У нас настоящая газета – единственная, которая сообщает все подробности университетской жизни. Наш долг – чтобы наши читатели вовремя узнавали все новости.

– По-твоему, городские газеты пропустят такое событие? Будь же ты серьезнее. Люди прочтут об этих беспорядках во всех местных изданиях. А уж снимки – это вообще ненужная роскошь...

– Для меня важно, чтобы наши читатели узнавали факты из нашей газеты, – отчеканил Джим. – Пока я главный редактор, так и будет.

– Не будь ты таким козлом! Проще смотри на вещи.

– Если ты смотришь на вещи "проще", поищи себе другую работу!

– Что ж, и поищу!

Оба в бешенстве смотрели друг на друга. Ни один не хотел первым отвести глаза.

– Эй, эй! – раздался голос Хоуви из дальнего угла комнаты. – Остыньте, ребята! Не надо так кипятиваться!

Джим прервал матч "кто кого переглядит" и повернулся к Хоуви.

– Ты прав, дружище, – сказал он со вздохом и слабо улыбнулся другу. Затем примирительно обратился к Джин:

– Ладно, извини. Сегодня трудный для всех день. Я не хотел сорвать злость на тебе. Если тебе так нужно идти домой, чтобы готовиться к завтрашним занятиям, – иди. Я за тебя все сделаю.

Джин несколько секунд хмурилась, потом сказала:

– Черт с тобой, я и сама справлюсь. Если я и полезла в бутылку, то лишь потому, что это входит в правило – оставаться допоздна. Может, для вас, парней, это в порядке вещей – вы мечтаете о наградах, Ричард вон на Пулитцера замахнулся! А мне надо готовиться по вечерам к занятиям – нравится вам или нет, но для меня учеба важнее газеты.

– Знаю, – кивнул Джим. – Для меня учеба тоже на первом месте. Но я здорово все подзапустил.

Зажужжал мотор инвалидного кресла, и Хоуви выехал в центр комнаты.

– Ребята, чего мы ждем, чего резину тянем? – воскликнул он. – Все помирились. Значит, за работу. Раньше начнем, раньше закончим!

– За час справимся, если навалимся все вместе, – сказал Джим.

– Ладно, поверим, что за час, – отозвалась Джин. Джим обратился к редакторам:

– Если кто закончил свою полосу и свободен, пусть идет сюда. Распределим работу.

Через пару минут Джим и Ричард ушли в темную комнату – проявлять снимки. И работа закипела.

В одиннадцать вечера "Канал 2" сообщил о массовых беспорядках в университете.

Судя по общим планам сверху, кто-то из студентов, специализирующихся на тележурналистике, наблюдал за митингом из окна естественно-научного корпуса, имея при себе видеокамеру. Не растерялся и снял все до конца – вплоть до крупных планов избиения полицейских. Теперь этот счастливчик продал пленку "Каналу 2" и, видимо, неплохо заработал.

Джим смотрел одиннадцатичасовые новости в комнате Хоуви.

– Ну и ну! – воскликнул Хоуви. – Я только сейчас понял, насколько далеко все зашло. Фотографии одно, а видеосъемка все-таки другое.

– Да, меня тоже лишь теперь по-настоящему проняло, – признался Джим.

Тем временем диктор рассказывал:

– Четыре человека получили ранения средней тяжести. Арестовано шесть студентов.

Руководство университета заявило, что причиной беспорядков послужили расовые трения.

Какая-то часть Джимова сознания не могла не позавидовать студенту, заснявшему побоище. Вот кому подфартило так подфартило – эта пленочка будет хорошим аргументом при поиске работы после окончания университета!

И вообще у телевидения большие преимущества. Газета выйдет только завтра утром, когда эта новость уже перестанет быть новостью.

Но Ричард все-таки молодец, сделал отличные снимки.

И в газетной заметке много такого, о чем телевизионщики не рассказали. Что ж, сила газеты – в подробностях и в обстоятельном анализе.

Пошла реклама, и Джим стал переключать каналы – хотел посмотреть, как местное телевидение осветило массовые беспорядки в университете. Однако нигде речи о них не было – то ли новость уже прошла в эфир, то ли ей совсем не уделили внимания.

Джим выключил телевизор и какое-то время задумчиво таращился на темный экран.

Он ощущал в себе новый, огромный страх перед университетом. Прежде он боялся за свою безопасность, за своих друзей, его пугало или раздражало то одно, то другое. Но это был личный страх, как бы шкурный страх. Увидев на экране ужасы побоища с полицией и помня фотографии чуть было не линчеванного голого японца, Джим смог посмотреть на университет словно бы со стороны. И теперь его страх приобрел иной масштаб. Это был великий ужас. Так бояться темноты, смерти, привидений, злых инопланетян – бояться прежде всего не потому, что темнота, смерть, привидения или злые инопланетяне могут причинить конкретный вред именно мне, а потому что... страшно! Непонятно и страшно!

Университет впервые представился сознанию Джима как нечто единое, живое – и смертельно опасное. Не гнездилище зла, а само зло!

Нелепые, иррациональные мысли. Он это понимал, но избавиться от них не мог.

Баста, завтра надо непременно переговорить с профессором Эмерсоном. Пора выяснить, насколько ненормален тот сумасшедший бородач. Трезвомыслящий профессор Эмерсон поможет расставить все точки над "i" и отделить бред от реальности.

– Ну и что ты думаешь теперь? – спросил Хоуви. – По-прежнему полагаешь, что это естественный ход событий?

– Я никогда не называл происходящее естественным.

– А как ты его назовешь сейчас?

– Не знаю.

Они помолчали, погружившись в невеселые размышления.

– Включи-ка музыку, – наконец сказал Хоуви. – А то тишина как-то давит.

Джим встал и подошел к книжной полке – там находился небольшой запас лазерных дисков.

– Что поставить? – спросил Джим.

– Без разницы.

Джим выбрал группу "Джудибетс" и сунул диск в проигрыватель. Через несколько секунд комната наполнилась начальным гитарным проигрышем классной песенки "В зарослях спутниковых антенн".

– Да, – сказал Хоуви. – чуть было не забыл! Пока вы вместе с Ричардом проявляли снимки в темной комнате, приходила какая-то девушка. Она принесла заметку в виде письма к главному редактору. Спрашивала тебя. Я сказал, что ты очень занят. А заметку положил на твой стол.

– Почему ты не попросил ее подождать?

– Зачем? Спеха не было. Ведь заметка не в номер.

– Тьфу ты, черт!

– Ага! – понимающе протянул Хоуви.

– Она еще что-нибудь говорила?

– Все допытывалась, когда можно с тобой связаться. Я сказал, чтобы приходила завтра. Она обещала.

– Хорошо. – кивнул Джим. – Прекрати ухмыляться, болван!

– Как так получилось, что я про нее ничего не знаю?

– Знать еще нечего. Я только собираюсь пригласить ее на первое свидание.

– Она того стоит, – сказал Хоуви.

– Штука в том, что мы посещаем один семинар. Если у меня будет пролет – сам понимаешь...

– А что тут бояться? Ну, пересядешь в другой конец аудитории – и все.

– Э-э, не говори. Ходишь как оплеванный и стесняешься глаза поднять.

– Не знаю. В таких ситуациях не бывал, – сухо прокомментировал Хоуви.

Джим помолчал, а затем решил спросить:

– Как вышло так, что ты "в таких ситуациях не бывал"?

– Да уж так вышло. – нехотя отозвался Хоуви.

– Нет, я серьезно спрашиваю.

– А на фиг мне кого-то на свидание приглашать?

– Что значит "на фиг"? Очень даже не на фиг! Я ведь не в смысле секса. Или, точнее, не только в смысле секса...

– Зачем добиваться того, чтобы кто-то ко мне привязался? Все равно мне скоро помирать. Одно расстройство. Разве сам не понимаешь?

– Но я-то к тебе привязался.

– А у меня и на твой счет были сомнения. Дружба с тобой, можно сказать, мой большой грех.

Джим хотел благодарно улыбнуться, но лицо свела болезненная судорога.

Все летит в тартарары, нигде ничего хорошего. Университет превратился в огромный кусок дерьма. Здоровье Хоуви резко и необратимо ухудшается. Хоть волком вой на луну...

– Ты что? Не хмурься, – подмигнул Хоуви. – Я насчет греха пошутил. Ты ко всему слишком серьезно относишься. Жизнь есть жизнь. Жестокая штука. А ты не бери в голову.

Джим печально помотал головой. – Я и не беру, – сказал он, зная, что лжет и что Хоуви знает, что он лжет. – Я и не беру...

3

По дороге из университета домой Фейт остановилась у бензоколонки "Тексако" на углу Имperiал-стрит и Кампус-драйв. Других машин не было, и владелец колонки, средних лет араб, сразу же направился к ее "фольксвагену". Девушка вышла и открутила колпачок бензобака.

– Добрый вечер, – сказал араб.

– Добрый вечер, – отозвалась Фейт. Пока она заправляла машину, у них завязался разговор.

– Вы студентка? – спросил владелец бензоколонки.

– Да.

– Из Бреа?

– Ага.

– Во время беспорядков были там? Она отрицательно мотнула головой.

– Только слышала про них. Араб печально вздохнул и заявил:

– Не нравится мне этот университет. Что-то с ним неладно.

Фейт ничего не ответила, только посмотрела на мрачное лицо хозяина колонки. Но внутри нее словно молния полыхнула. Странные слова араба попали в самую точку – ведь в последние дни именно это было самым болезненным вопросом для Фейт. Однако не боль она испытала, а приятное чувство разделенной ноши, которую до сих пор считала своей и только своей.

Становилось не по себе от того, что совершенно посторонний человек так отзывается об университете в Бреа. И вместе с тем услышать такое от постороннего человека было облегчением. Прежде она мучилась от необоснованности и невнятности своих страхов и казалась себе не то дурочкой, не то полусумасшедшей. И вот кто-то со стороны подтверждает, что интуиция ее не подвела и не она одна видит неладное. Конечно, это было большим облегчением.

– Если совсем честно, – сказал мужчина, – то я уже давно недолюбливаю этот

университет. Моя дочь проучилась там год, а затем перевелась в Ирвин. Когда она жила в общежитии в Бреа, студгородок ей совершенно не нравился – и я был согласен с ней. Поэтому я сразу же поддержал ее, когда она надумала сменить место учебы.

– Я вас вполне понимаю, – кивнула Фейт. Раздался щелчок, давший знать, что бак полон. Араб забрал у девушки шланг и повесил его на место. Счетчик показывал девять долларов и сорок центов. Фейт протянула владельцу десятку.

– Я учусь на первом курсе, – призналась она, – но уже почти возненавидела этот университет.

Араб отсчитал ей шестьдесят центов и, вручая их, посоветовал:

– Будьте осторожны.

– Быть осторожной? Что вы имеете в виду?

– В вашем университете происходит слишком много нехорошего. Столько... насилия. – Он посмотрел на нее печальными глазами. Было ясно, что он говорит совершенно серьезно, искренне. – Я прожил здесь пятнадцать лет. За это время много всякого случалось на территории университета. Одни годы были лучше, другие хуже. Память у меня хорошая, и я человек любопытный. Вот я и примечал. Поверьте мне, хуже этого учебного года еще не бывало. А он только начался. По лицу вижу, вы милая добрая девушка. Милая и хорошенькая. Так что будьте начеку, глядите в оба.

– Спасибо, обязательно, – с благодарной улыбкой произнесла Фейт и села в свой "фольксваген". Араб кивнул и тоже дружелюбно улыбнулся.

– Приятного вам вечера. Ведите машину поосторожнее!

Фейт помахала ему рукой, выехала на Имperiал-стрит и направилась в сторону скоростного шоссе.

Час пик уже миновал, машин было довольно мало, однако на Пятьдесят пятой улице велись строительные работы, пришлось делать объезд, и в итоге она добралась до дома лишь через час.

Чем ближе Фейт подъезжала к своей родной Семидесятой улице, тем муторнее у нее было на душе. Возвращаться домой несколько не хотелось. Ах, если бы библиотека работала двадцать четыре часа в день! Или если бы у нее были деньги, чтобы жить отдельно от семьи, в университетском общежитии!

Тогда она бы месяцами не заглядывала в проклятый дом на Семидесятой!

Фейт проехала мимо мясной лавки Бада. Уже стемнело, но смог был все равно заметен: воздух туманился в желтом свете ламп, казался как бы зернистым – словно на очень большой фотографии, увеличенной с плохого негатива. На тротуаре группа подростков в обтягивающих голубых ветровках глумились над мужчиной и женщиной, не давая испуганной паре пройти к собственной машине.

Господи, как не хочется домой!

Они, разумеется, опять грызлись – Кейт и мамаша. Еще от машины Фейт слышала разговор на повышенных тонах. Слов она разобрать не могла, но было ясно, что идет очередная бессмысленная разборка. У соседей слева тоже громко ругались – правда, испанской скороговоркой. Соседи справа врубили телевизор на полную мощность.

Фейт застыла возле своего "фольксвагена" и всерьез подумала о том, не сесть ли ей в машину и не уехать ли отсюда к чертовой матери. Катить куда глаза глядят – скажем, на восток. За бензин платить мамашиней кредитной карточкой, пока та не хватится и не перекроет кислород. А потом устроиться официанткой или еще кем в каком-нибудь маленьком городке на Среднем Западе, где такие аккуратненькие белые ограды вокруг скромных домиков и где живут счастливые дружные семьи...

В доме разбилось что-то стеклянное, и этот резкий звук вернул Фейт на землю. Существуют ли они в природе, эти скромные домики с белой оградой и счастливыми семьями?..

Девушка поспешила в дом – посмотреть, в чем там дело. Похоже, уже тарелки летают!

На пороге кухни стоял пунцовый от ярости Кейт. На полу возле его ног лежали осколки стакана и растекалось молоко.

Мамаша, руки в боки, орала на него из гостиной:

– В моем собственном доме я никому не позволю разговаривать в подобном тоне!

Кейт отвечал с издевательской лаской:

– Правда, мамулечка? Правда, не позволишь?

– Прекратите! – попросила Фейт, становясь между ними. – Вас слышно за километр. Я еще двигатель не выключила, а уже была в курсе того, что здесь творится.

– Мне плевать! – выкрикнула мамаша.

– Ладно тебе. Что случилось-то?

– Я вернулся домой, – ответил Кейт, – а она тут у какого-то мужика член сосет.

– Ты не смеешь говорить такие вещи! – так и взвилась мамаша.

– Ты этим занимаешься, а я не смею об этом и слова сказать? Хорошенькое дело!

Фейт поташнивало от отвращения. Она хотела выступить в роли примирительницы, остудить страсти. Но вместо этого сама закипела гневом и стала на сторону брата. Неужели эта баба уже совершенно утратила здравый смысл? Неужели у нее не хватает ума вести себя прилично перед своими детьми? Чем она думает? Тем, что у нее между ног? Могла бы по крайней мере развратничать в другом месте, не дома!

– Голубчик, кстати, все еще тут – в ванной, – добавил Кейт. – Смывает то, что она не долизала.

– Вон из дома! – заорала мамаша. – Это мой дом, и ты не смеешь говорить здесь такие вещи! Он холодно усмехнулся:

– Отлично, мамочка, отлично. Если настаиваешь – Бога ради! Я с превеликим удовольствием уберусь из этого дома.

Он повернулся, прошел через кухню и вышел во двор через заднюю дверь.

– Кейт, вернись! – закричала Фейт – Нам надо поговорить. Погоди!

– С этой похотливой сучкой мне не о чем говорить.

– Пусть проваливает, – крикнула мамаша. – Неблагодарная тварь!

– Мама! – умоляюще сказала Фейт.

– И ты катись куда хочешь!

С этими словами мамаша уселась на диван. Очевидно, именно на этом диване Кейт и застал ее, когда зашел в дом...

Или она стояла перед мужчиной на коленях?

Фейт несколько секунд молча смотрела на мать. Почему умерла не она? Почему умер отец? Отчего такая несправедливость? Если бы они сейчас жили с отцом, все было бы иначе, совсем иначе...

Намного лучше.

Она знала, что это мерзкая мысль и думать так нельзя. Но ей было наплевать. Никакого чувства вины эта мысль не вызывала. Ей даже хотелось произнести эти слова вслух – прокричать их этой гнусной женщине в лицо. Беда в том, что эти слова никак не подействуют на мать. Она только пожмет плечами и примется орать дальше. Ей плевать на осуждение со стороны собственных детей.

А потому лучше приберечь эти страшные слова для более удобного случая. Когда они ударят сильнее.

Фейт даже приготовила ответ на возмущенные крики мамы:

– Что, правда колется?

Мамаша посмотрела на дочь и сказала:

– Ну, что вытаращилась? Иди к себе. У меня гость. Шлюха, подумала Фейт. Но промолчала. Развернулась и пошла в свою комнату.

Когда она проходила мимо ванной комнаты, дверь открылась. Оттуда, вытирая мокрые руки о джинсы, вышел плюгавенький парень – блондин с косицей и тонкими, почти неразличимыми усиками.

– А-а, семейная война! – Он улыбнулся и подмигнул Фейт.

Она не улыбнулась.

Посмотрела на него враждебно, зло.

Двинулась дальше по коридору. Зашла в свою комнату и с силой захлопнула дверь.

Глава 14

КАЛИФОРНИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БРЕА СООБЩЕНИЕ О НЕСЧАСТНОМ СЛУЧАЕ С СОТРУДНИКОМ

Наниматель: _____

Имя жертвы несчастного случая: _____

Возраст: _____

Семейное положение: _____

Место работы: _____

Дата несчастного случая: 19 _____ Время: _____

Описание полученной травмы: _____

Кем и где оказана первая мед. помощь: _____ Имя и адрес врача: _____

Получивший травму оставил раб. место?

Дата и время: _____

Произошел ли несчастный случай при исполнении служебных обязанностей?

Имена свидетелей: _____

Где и как произошел несчастный случай?

Дата: _____

Ответственное лицо: _____

Глава 15

1

Вообще-то это был официальный час для приема студентов, но Яну совершенно не хотелось выслушивать просьбы о дополнительных кредитах на учебу или о переэкзаменовке. Поэтому он запер кабинет изнутри, сел в кресло, откинулся на спинку и положил ноги на стол.

Этим летом, во время отпуска, он нисколько не скучал по университету и без нетерпения ждал начала нового семестра. Даже не будь всех этих странных событий, всего того, что Хантер Томпсон назвал бы "дурной чокнутостью", все равно Ян заранее предчувствовал, что семестр выйдет какой-то жалкий, никчемный. По крайней мере для него.

Хантер С. Томпсон.

Любопытно, читал ли кто-нибудь из студентов Хантера Томпсона. Когда-то, особенно в конце семидесятых, этот журналист гремел. Да и читают ли нынче студенты что-либо, кроме указанного в учебной программе?

Почесывая лысинку на макушке, которая из года в год увеличивалась, Ян обвел взглядом забитые до предела книжные полки кабинета. Кто из нынешних противников истеблишмента является кумиром современного поколения? Для поколения Яна это были такие фигуры, как Курт Воннегут, Роберт Хайнлайн, Ричард Браутиган, которые всегда двигались против течения. Ровесники Яна жадно читали "Бойню номер пять", "Чужого в чужой стране", "Ловлю форели в Америке"... Еще несколько лет назад культовой фигурой для них был Давид Линч, снявший фильм "Человек-слон" с Энтони Хопкинсом в главной роли. Но для поколения, выросшего в посткнижную эпоху, похоже, даже посмотреть хороший и серьезный фильм стало непосильным трудом: "что-то там больно тоскливо".

А вот фильмец типа "Маленькой девочки и большого осла" – это они с энтузиазмом глядят...

Да, разворчался не по делу. Где же находится подлинный источник его раздражения?

Одна из первопричин удрученного состояния, несомненно, касается странности происходящих в университете событий. Весь этот бред наложился на его личные проблемы и усугубил их тем, что создал некий сюрреалистический фон для его и без того малоприятных переживаний. С самого начала нового учебного года вокруг произошло столько необъясненного и необъяснимого, столько напастей свалилось на университетский городок –

впору схватиться за голову.

Однако Ян был честен с собой и не списывал все свои беды на внешние события. Основная причина его смятенных чувств, его смутной тоски лежала все-таки в нем самом, в его душе. Это было глубинное чувство неудовлетворенности – как академической жизнью в целом, та'; и повседневной преподавательской деятельностью. Его неудовлетворенность университетским бытием медленно росла на протяжении нескольких последних лет, и сейчас наступило что-то вроде кризиса давно и почти незаметно развивавшейся болезни.

Но жизнь уже отдана академической карьере. И возраст не тот, чтобы коренным образом все изменить. Да и что он может делать, кроме как преподавать?

Его опыт работы в "реальном мире", то есть вне замкнутого особенного университетского мирка, исчерпывался одним годом: сразу после получения диплома Ян двенадцать месяцев подвизался техническим редактором в авиационной фирме "Нортроп эйркрафт" и только потом стал преподавать в университете. Жизнь вне ученой среды ему резко не понравилась. Те, кто работал рядом с ним в "Нортроп эйркрафт", были полностью погружены в повседневные заботы, задавлены будничными хлопотами, одержимы желанием побольше заработать – словом, у них не было ни времени, ни желания задумываться о жизни вообще, рефлексировать о себе и своем месте в мире и прочих тонких материях. Разговоры этих людей вертелись вокруг грубо материального, их жизненные взгляды и политические убеждения складывались как-то стихийно и уже больше не менялись – им и в голову не приходило периодически подвергать сомнению жизненные ценности или хотя бы просто вдумываться в слова очередного кандидата в президенты страны.

Понаблюдав за этим будничным, бездуховным, полурастительным существованием, Ян пришел в ужас. Он был подавлен и напуган. Особенно его смутило то, что они с Сильвией с легкостью вошли в эту колею. Уже через пару недель они привыкли к убийственной рутине подобной жизни: просыпаться по будильнику в шесть, ложиться спать в десять; в будни заниматься любовью по средам и пятницам – вечером, перед сном. День был похож на день, неделя на неделю, они тупели, вели разговоры о том, что и где можно дешевле купить, у какой машины движок мощнее и куда выгоднее ехать отдыхать. Ян отлично понимал, что происходит. Он понимал, что опускается, что будничное благополучное существование его засасывает, но не видел возможности выпрыгнуть из трясины. В пятницу вечером посещение кинотеатра; в воскресенье утром закупки продуктов в супермаркете.

Если бы не положительный ответ из университета в Бреа, то могло случиться так, что Ян Эмерсон был бы обречен до самой пенсии крутиться белкой в колесе обыденной жизни, с ее суженными и неизменными горизонтами и одуряющим однообразием.

Таким образом, именно университету он обязан чудесным спасением из тисков рутины.

Поначалу Ян был в полном восторге от академического мира и упивался новым образом жизни. Все коллеги казались ему восхитительно умными и дерзкими мыслителями, обитающими на горних высотах духа – вот она, та насыщенная интеллектуальная атмосфера, та полная умных людей вселенная, о которой он чуть ли не сизмала мечтал!

В бытность техническим редактором в "Нортроп эйркрафт" ему начало казаться, что его надежды напрасны и прекрасного мира высокодуховных людей нигде на земле не существует. И вдруг – такое счастье!

Первый год в университете Ян буквально на крыльях летал, довольный тем, что его упрямство и упорство в итоге принесло плоды, не зря он так долго и так интенсивно учился – теперь он преподаватель, он вхож в интимный кружок профессоров и интеллектуалов, его приглашают на вечеринки, на премьеры, на поэтические чтения, он посасывает коктейли в обществе людей, которые встречались с Юджином О'Нилом или учились в семинаре Артура Миллера и с которыми так приятно порассуждать о Фицджеральде или Хемингуэе, о сублимированных сексуальных влечениях в их творчестве.

Но эйфория от академической жизни быстро прошла.

Очень скоро он обнаружил, что преподаватели кафедры английского языка и литературы отнюдь не так блистательно умны и интересны, как показалось вначале, сразу после нудного существования в авиационной компании. Подобно всем людям они имели недостатки. Они были полны мелкого тщеславия и зависти, думали не столько о служении науке, сколько о

собственных академических успехах. За великолепными фасадами интеллектуалов могли скрываться лицемерие и ханжество, ограниченность взглядов и туповатость и даже нелюбовь к расширению знаний и кругозора. Многие профессора только надевали маску интеллектуалов – просто вели себя как герои романов или пьес про интеллектуалов. Скажем, вне учебной аудитории и вечеринок с умными разговорами Роз Джейнвей, специалистка по Шекспиру, была глупой невротичкой, совершенно беспомощной в обычной жизни – можно было только гадать, как она самостоятельно управляет с покупками в супермаркете. Элизабет Соммерсби, признанный авторитет по творчеству Д. Г. Лоуренса, вне своего предмета была сухой педанткой, занудой и ханжой – она никогда не была замужем и с мужчинами, насколько Яну было известно, встречалась только по работе.

Из прежних кумиров лишь Бакли выдержал проверку критическим взглядом, лишь у этого колосса не оказалось глиняных ног. Бакли стал его настоящим другом, хотя Ян и в нем находил кое-какие недостатки – впрочем, извинительные. К примеру, приходилось терпеть его скабрезный язык и нарочитую вульгарность, которая была годами выработанной позой. Однако со временем эта хамоватость и непотребные словечки стали для Яна глотком свежего воздуха в спертой академической среде, где все были приторно вежливы, употребляли только литературные выражения и делали большие глаза, когда речь заходила о грубых реалиях жизни.

Но как бы Ян ни презирал большинство своих ученых коллег, видимо, он стал в изрядной степени похож на них, потому что Сильвия мало-помалу отдалилась от него, и в итоге он потерял ее.

На его рабочем столе до сих пор стоял двусмысленный подарок жены, полученный года три назад. – кусок картона с шутивно-мрачной переделкой известного афоризма. Ян скосил глаза и прочитал: "Академическая жизнь развращает, абсолютно академическая жизнь развращает абсолютно".

Зачем он сохранил эту картонку?

Затрезвонил телефон. Ян тотчас же снял трубку – он был только рад вырваться из замкнутого круга горестных размышлений, жалости к себе и самокопания.

Звонила Эленор. Ее машина сломалась. Не мог бы он после работы подбросить ее до ремонтной мастерской "Пеп бойз"? Она уже вызвала машину техобслуживания, которая отбуксирует ее автомобиль в "Пеп бойз".

– "Пеп бойз"? – удивленно переспросил Ян.

– Ну да. А у тебя есть какие-то другие предложения?

– Нет.

– Поскольку мы с тобой оба ничего не понимаем в машинах, а "Пеп бойз" – ближайшая автомастерская от моего офиса и как раз по дороге к тебе домой, то я решила прибегнуть к их услугам.

– Хорошо. Когда за тобой заехать?

– Как насчет пяти часов?

– Устраивает.

– Целую, – сказала она.

– Я тоже.

Он повесил трубку.

В дверь постучали. Ян застыл. Он боялся не только пошевелиться, но даже громко дышать – так не хотелось, чтобы тот, кто стоит у двери, узнал, что профессор Эмерсон в своем кабинете.

Однако стук не прекращался.

– Ян! Я знаю, что вы внутри! Кен Кифер. Черт принес самого заведующего кафедры!

– Ваша дверь в это время должна быть открыта, чтобы любой желающий студент мог обратиться к вам.

Ян нехотя встал, открыл дверь и сразу перешел в нападение, едва Кифер переступил порог.

– Можете наказывать меня, хоть на электрический стул посадить. Но сегодня я разваливаюсь от усталости, поэтому отменил прием студентов. Я надеялся немного отдохнуть в своем кабинете, немного прийти в себя в тишине и покое – чтобы никто не насакивал.

На лице Кифера появилась несвойственная ему сочувственная озабоченность.

– Мне зайти попозже или в другой раз? – спросил он.

Ян устало мотнул головой.

– Нет. Что вы хотели?

– Надо обсудить список ваших публикаций.

– Вам интересно, что я намерен писать? Извольте, я работаю над эссе о Борджесе, над статьей о Гарсиа Маркесе и над рецензией на фильм "Кошмар на улице Вязов" для "Пари ревью".

– Будьте же серьезны!

– А я совершенно серьезен. "Кошмар на улице Вязов" – отличный пример дальнейшего развития – или, скорее, вульгаризации – некогда элитарного литературного направления. Или же, если вам угодно, это образчик мощного влияния литературы американского Юга на всеамериканское сознание.

– Я смотрел этот фильм со своими детишками и скажу вам прямо: дерьмо дерьмом. Спуститесь на землю, Ян. Тут не до шуток. Речь идет о вашей научной карьере.

– Тогда я бы предложил исследование на тему влияния Троллопа на романы Стивена Кинга.

– Прекратите, Ян! Не ерничайте.

– Ладно, ладно. А в чем, собственно, проблема, Кен?

– Это не моя проблема, а ваша. У вас публикаций кот наплакал. В прошлом семестре вы обещали мне обязательно пополнить список своих опубликованных работ. Но воз и ныне там.

– Я честно пробовал. Ничего не вышло.

– Да бросьте вы! А как насчет вашего романа?

– Какого романа?

– Над которым вы трудитесь в течение последних пяти лет.

Ян стал серьезнее, поднял наконец глаза на заведующего кафедрой и произнес маленькую речь:

– Знаете ли, Кен, я все больше склоняюсь к мысли, что все великое в искусстве делается не столько благодаря таланту или способности к усидчивому труду, а исключительно благодаря безграничной самоуверенности. Потому-то большая часть значительных произведений создана молодыми авторами. Как раз юности и свойственна эта безграничная самоуверенность. Только молодые люди свято верят в то, что им все известно, что их мысли совершенно новые, а их подход к искусству небывало оригинален. Чем дольше живешь, тем больше узнаешь, тем яснее малость твоих знаний, тем очевиднее похожесть твоих идей на откровения мыслителей прошлого. "От многого знания многая печаль". Десять раз подумаешь, прежде чем что-то записать на бумагу. Спонтанному творчеству мешает сознание того, какой это ответственный и сложный труд и как сложно сказать свои, истинно оригинальные слова.

– А как же вы объясните феномен поздних авторов – скажем, Джойса, Пруста, Лоуренса, которые расцвели, когда им было за сорок?

– Ну, эти остались нагло самонадеянными до самой могилы. Они решительно отказывались видеть то, сколько у них общего с работами прежних авторов. Каждый мнил себя первотворящим Богом, каждый воображал, будто создает невиданную вселенную. Короче говоря, они были никудышные критики.

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, что я старая изношенная калоша. Я уже перегорел и ничего стоящего произвести на свет уже не сумею.

– Ха! Публика с удовольствием прочитает еще один роман о том, как университетский преподаватель литературы тяжело переживает приход среднего возраста.

Ян рассмеялся:

– Отличная шутка! Вы умеете шутить! Стало быть, для вас еще не все потеряно. Кифер почти застенчиво улыбнулся.

– Мое чувство юмора мы обсудим позже. А пока что не уходите от темы. Я ведь неспроста завел этот разговор. Начальство давит на меня: дескать, почему ваши коты мышей не ловят, почему ваши профессора не появляются в печати? Ну и я давлю на вас. Ян, в ваших интересах

опубликовать в этом семестре по меньшей мере пару статей и один рассказ. – Направляясь к двери, Кифер добавил:

– Хорошенько подумайте. Я подчеркиваю, это в ваших интересах.

– Ладно, учту.

Ян запер дверь и снова уселся в кресло.

Он толкнул целую речь перед Кифером, и это была чистой воды импровизация – досужая болтовня. Просто, как говорится, понесло по кочкам.

Однако теперь, взвешивая сказанное, он находил свои мысли правильными. Ведь так оно и есть – академическая жизнь подавляет влечение к творчеству. Слишком глубоко изучаешь литературу, чтобы не появилась робость перед актом творчества. Именно незнание того, что все тропы уже исхожены, позволяет молодому автору бесшабашно идти вперед – в итоге он большую часть пути пройдет уже хоженной тропой, но где-то срежет угол, а где-то продерется через кусты, вот и получится новый кусочек тропинки. И Толстой, и Достоевский, и Фолкнер отправлялись в путь, мня себя первопроходцами.

Если бы они сперва двадцать лет преподавали литературу в университете и разбирали со студентами приемы творчества, то черта с два осмелились бы пустить в ход эти самые приемы творчества и никогда бы не создали свои гениальные романы!

Перед глазами примеров более чем достаточно. Сколько коллег-преподавателей начинали как поэты, драматурги или романисты, а потом сломались, потому что ежедневно взирали на труды своих великих предшественников, обсасывали их гениальные находки и мало-помалу приходили к выводу: куда нам со свиным рылом в кувшинный ряд! Их задушило слишком великое почтение к прошлому. Не копайся они так пристально в достижения минувших поколений, они, возможно, и сами создали бы что-то стоящее.

Да, юношеский запал важен.

У Яна этого запала совсем не осталось. А после развода с Сильвией он даже коротенькой рецензии не способен написать.

Это надо менять.

Кифер в кои-то веки прав. Пора стряхнуть с себя сонную одурь и накатать что-либо для печати.

– Публикация или смерть! – вслух провозгласил Ян.

Он встал и, глядя в окно, потянулся.

На газоне шла драка. Два студента катались по траве и колошматили друг друга кулаками. К ним уже бежали другие. Вскоре драка превратилась в побоище с участием десятков студентов. Причем в нее втянулись случайные прохожие – только ради удовольствия помахать кулаками. Сверху свалка напоминала драку на хоккейном или футбольном поле. Тут уже не разбирались, кто прав, а кто виноват, кто свой, а кто чужой – просто крушили направо и налево, разбивая носы и выбивая зубы почем зря.

Надо покончить с университетом, пока он не покончил с нами.

Ян наблюдал за дракой несколько минут. Она не утихала, только становилась ожесточеннее. В нее втягивались все новые участники из толпы зевак.

Наконец Ян, так и не досмотрев мерзостный спектакль до конца, отошел от окна и тяжело опустился в кресло. На душе было мутно.

Он подумал-подумал и потянулся к "диссертации" Гиффорда Стивенса – сейчас самое настроение почитать ее.

Откинулся на спинку кресла, устроился поудобнее.

И начал читать.

Он прочитал все залпом, не отрываясь. Потом закрыл папку и положил ее на стол.

По Стивенсу выходило, что университет – это живое существо.

Согласно его теории, причина причин не в том, что на территории университетского городка поселилась нечистая сила или это место проклято. Никаких старых клише вроде того, что университет осквернил собой священную землю или был построен над старинным кладбищем и покойники мстят.

Университет – живое существо, единый живой организм.

Объяснений этому факту в "диссертации" не было – возможно, этот пункт остался до

конца не ясен даже самому Стивенсу. Но рядом с доморощенной философией и скучными претенциозными пассажами Ян обнаружил в работе Стивенса некоторые любопытные наблюдения и довольно оригинальные выводы. В достоверности приведенных случаев, которые касались жизни других университетов, можно было сомневаться – однако совокупность описанных событий достаточно близко подводила к пониманию сути происходящего в Бреа. Параллели были настолько удручающими, что впору за голову схватиться.

Если верить Стивенсу, то за последние четыре года обвальным рост преступности зафиксирован сразу в трех университетах – в Сандерсоне, штат Нью-Хэмпшир, в Оукхерсте, штат Флорида, а также в Спрингфилде, штат Иллинойс.

В этих трех учебных заведениях был зафиксирован необычайно высокий уровень преступности по сравнению с университетами такого же размера и социального состава учащихся. Причем отмечался внезапный скачок в количестве изнасилований, разбойных нападений, драк с тяжелыми ранениями, а также самоубийств и убийств. Впечатлял тот факт, что за последние два года двенадцать профессоров, тринадцать работников и пятьдесят учащихся этих трех учебных заведений попали в психические клиники. Пятнадцать преподавателей, десять работников и около ста учащихся были обвинены в разного рода тяжких уголовных преступлениях и угодили в тюрьму – в том числе за изнасилования и убийства. Еще восемь преподавателей, двенадцать работников и более пятидесяти учащихся были арестованы, а затем выпущены за недоказанность преступления.

Что и говорить, статистика удивительная. Ошеломляющая.

Но еще больше ошеломляли и пугали примеры, которые Стивенс приводил, утверждая, что факты получены им из первых рук.

Скажем, в Сандерсоне три профессора – английской литературы, истории и философии – создали сплоченную религиозную тройку, которая придерживалась древнего друидического культа, включавшего в себя поклонение деревьям и человеческие жертвоприношения. Эти профессора кастрировали лучшего студента, который на протяжении трех лет имел самые высшие баллы по всем дисциплинам, затем прибили его гениталии к вязу, растущему на главной площади студенческого городка. Таким образом, они хотели обеспечить счастье, здоровье и долгую жизнь для всех членов университетского сообщества.

В Оукхерсте футбольная и баскетбольная команды и две студенческие коммуны повадились еженедельно приносить человеческие жертвы в гимнастическом зале. Было убито около двух десятков человек, прежде чем нагрянула полиция. А полиция нагрянула лишь после того, как совершилось нечто совершенно неопишное по своей мерзости: кровь жертв вылили в бассейн, в котором декан университета и его супруга совершили заплыв под поощрительные крики толпы студентов. Этот жуткий ритуал был призван излечить дочь декана от синдрома Дауна.

В Спрингфилдском университете группу из пятнадцати европейских иммунологов, приехавших на конференцию по СПИДу, изнасиловала в Центре здоровья сотня ВИЧ-инфицированных студентов.

Эти три эпизода были самыми дикими. Однако происшествий страшных, но более заурядных было хоть отбавляй. Чего только не случалось за эти четыре года в трех университетах – вплоть до того, что в библиотеках слышали голоса, а университетские машины начинали ездить сами по себе. Все это Стивенс объяснял тем, что университеты суть живые существа, которые способны как мыслить, так и совершать поступки.

"Университеты, – писал Стивенс, – способны контролировать все многообразные процессы, происходящие в их теле, то есть на их территории". По его мнению, это касается буквально всего – от размера аудиторий и температуры внутри помещений до количества насекомых и деревьев. Студенты, обслуживающий персонал, преподаватели и администрация – все они только бессознательная обслуга живого организма, называемого университетом. Они исполняют все капризы этого существа, которое становится все безумнее и безумнее и вместе с тем все сильнее и сильнее. Чтобы развлечь повелителя, они дерутся, калечат и истребляют друг друга, выбрасываются из окон и травятся. Словом, университет – что-то вроде Молоха, пожирающего людей.

Стивенс приводил еще одно сравнение – с взбесившимся компьютером из романа Артура

Кларка "2001: Космическая Одиссея". Тот же случай единой разумной системы, которая полностью контролирует свое внутреннее пространство.

Из всего вышеизложенного Стивенс делал вывод, что университет должен быть "убит". Нельзя позволять ему и дальше наращивать силу. Нельзя, чтобы университет перескочил на более высокий уровень сознания и мощи – "получил диплом", как выражался Стивенс. Потому что именно такова конечная цель этой единой разумной системы.

Согласно выкладкам Стивенса, процесс роста от покорного университета до совершенно независимого, неуправляемого безумца занимает четыре года – столько же, сколько обычно требуется для получения диплома о высшем образовании. По истечении этих четырех лет университет превратится в нечто другое. Он перестанет быть привязанным к границам университетского городка и превратится в нечто неостановимое. Поскольку тела у него нет, есть только как бы личность, совокупный разум, то никаких физических границ для распространения университета вширь не имеется. Как только у него будет достаточно сил, он начнет невидимо растекаться, захватывая все новые и новые пространства – скажем, ближайшие супермаркеты, перекрестки, городские кварталы, а затем заполнит собой и целый город...

Да, город, десятки тысяч людей. И это может быть только началом...

От внимания Яна не ускользнула судьба всех описанных Стивенсом университетов – до истечения "четырехлетнего обучения".

Сандерсоновский университет сгорел дотла.

Оукхерстовский был полностью уничтожен ураганом "Хьюго".

И, наконец, торнадо сравнял с землей Спрингфилдский университет.

Все три университета решено отстроить, но на новом месте и с новым архитектурным решением.

То неизвестное, что было составлено из уникального сочетания зданий, местоположения и окружающей среды, и стало базой или фактором зарождения "жизни" университета как самостоятельного организма – это неизвестное было уничтожено во всех трех университетах и уже не восстановимо.

Ян смутно вспоминал, что несколько лет назад он что-то читал о трагедии Сандерсоновского университета. Но о гибели Оукхерстовского и Спрингфилдского университетов ничего припомнить не мог. В конце своих записок Стивенс перечислял другие высшие учебные заведения, за которыми он вел наблюдение, – из тех, что проявили, как он выражался, "тенденции к самосознанию".

Среди этих заведений упоминался университет Мехико.

А также К. У. Бреа.

Ян посмотрел в окно на подернутое смогом беловатое небо. Вне сомнения, теория Стивенса – дичь, чистое мракобесие, жуть-жуткая. По мрачному безумству фантазии предположения Стивенса превосходят любые романы в жанре ужасов.

Однако нечто в повествовании Стивенса, а также в его цифровых данных заставляло Яна задуматься всерьез, не отмахиваться от прочитанного. Да, Стивенс не приводит убедительных аргументов в пользу своего центрального тезиса – то, что университет есть живое существо, никак не доказано. Что ж, пусть выводы сомнительны, зато факты очевидны. Такие масштабные проявления зла просто нельзя игнорировать! Пусть источник черных событий неясен, а их конечная цель непонятна: зато яснее ясного, что зло цвело пышным цветом в трех перечисленных Стивенсом университетах. Теперь оно расцветает в К.У. Бреа.

Зло.

Кстати, в своей "диссертации" Стивенс ни разу не употребил этого слова, хотя так и сыпал им во время их разговора. Возможно, в промежутке между написанием работы и их беседой произошло нечто, давшее повод прийти именно к этому термину?

Ян неожиданно вспомнил об отсутствии кольца на руке Стивенса.

Значит ли это, что один из тех зловещных университетов убил его семью?

Тут в дверь постучали, и Ян от неожиданности невольно дернулся всем телом.

Хотя никто и не видел, как нелепо он подпрыгнул в кресле, Ян был немало смущен своей реакцией. Он встал и открыл дверь.

Перед ним стоял студент, лицо которого показалось знакомым. Ян не мог с ходу припомнить, видел ли он этого парня где-то на территории университета или этот студент ходит на его лекции. Поэтому навесил на лицо неопределенную улыбку и сказал:

– Чем я могу вам помочь?

– Меня зовут Джим Паркер. В этом семестре я главный редактор "Сентинел". И я... Студент замялся, и Ян подбодрил:

– Да-да, я слушаю.

– Вы, очевидно, не помните меня... – Джим снова смутился. Тряхнул головой и продолжил скороговоркой:

– Не знаю, как сказать то, что я хочу сказать, а потому буду говорить прямо, без обиняков.

Профессор Эмерсон, вы верите в привидения?

Ян насупился:

– Я верю в них как в транскультурный социологический феномен, как в сказочный элемент, который присущ всем фольклорам мира. Ну и конечно, я считаю призраков мощной литературной метафорой. Но если вы спрашиваете, верю ли я в физическое существование привидений, то, боюсь, я разочарую вас, потому что мой ответ будет – решительное "нет".

– И с вами никогда не случилось ничего сверхъестественного?

Ян на секунду задумался, прежде чем ответить "нет".

Джим Паркер вдруг покраснел и выпалил:

– А вам не кажется порой, что... что в нашем университете происходят весьма странные вещи?

Ян посмотрел на парня и ничего не сказал. Он ощутил неприятное трепыхание в желудке.

– Я потому спрашиваю, что видел одного человека, – быстро продолжал Джим, – по-моему, профессора. Я шел к автостоянке, было уже часов одиннадцать – я засиделся в редакции, сдавал номер в печать. И вот иду я к своей машине, как вдруг из-за угла выходит мужчина, бородатый такой, останавливает меня и начинает толковать о том, что университет в Бреа находится во власти зла и его надо вроде как взорвать. Он еще сказал, чтобы я переговорил с вами – мол, профессор Эмерсон знает, о чем тут речь.

Сердце Яна бешено колотилось, но он принудил себя к внешнему спокойствию.

– И вы поверили этому... бородачу? Джим сделал глубокий вдох, будто собрался в холодную воду прыгать, и сказал:

– Не знаю, заметили ли вы, профессор Эмерсон, но в последнее время произошло множество странных вещей. Я-то редактирую университетскую газету, так что вся информация у меня перед глазами, все стекается к нам. И я ошарашен. Изнасилования, нападения, беспорядки, самоубийства, драки...

– Заметил, – сухо произнес Ян.

– И вам не кажется все это... ну, хотя бы необычным?

– Нет, – машинально сказал Ян.

Слово вылетело прежде, чем он подумал. Это была защитная реакция сознания на подсознательное желание выложить парню все как на духу: и то, что Стивенс написал в своей "диссертации", и то, что он сообщил в беседе, а также свои собственные мысли по поводу происходящего. Джим производил впечатление умного, интеллигентного парня, стоящего союзника. К тому же, чего греха таить, Ян испытал некоторое облегчение от того, что кто-то озвучил его собственные сомнения и страхи. Причем этот кто-то самостоятельно дошел до этих сомнений и страхов.

Но в последний момент что-то помешало ему открыться. Здравый смысл? Трусость? Или осторожность?

Так или иначе, Ян предпочел солгать.

Своим "нет" я оберегаю студента, убеждал он себя. Лучше этому симпатичному парнишке не соваться в это непростое дело.

Но Ян отлично сознавал, что причина его скрытности отнюдь не в великодушии.

Джим был сбит с толку столь неожиданным ответом.

– Как? А тот чудной профессор-бородач уверенно заявил, что вы в курсе...

– Понятия не имею, с кем вы беседовали, – солгал Ян.

Джим пристально смотрел на него, и профессор Эмерсон испытал то же, что он чувствовал, когда в детстве лгал матери: как будто он прозрачен для нее, и его вранье и мотивы этого вранья ей совершенно очевидны.

Но сейчас каковы были мотивы лжи? Зачем он говорил не правду этому юноше? Тут он сам себя понять не мог. Что это – стремление не потерять лицо в том случае, если все предчувствия и страхи окажутся вздорными? Никогда прежде Ян не был со студентами таким скрытным и лицемерным. Так почему же именно сегодня он впервые отступает от собственных принципов?

Нет, тут что-то другое, тут что-то более глубинное, чего он пока не может ни понять, ни объяснить и чему он не хочет посмотреть в глаза. Поэтому Ян снова вызвал бессмысленную официальную улыбку и сказал:

– Извините, молодой человек, у меня через двадцать минут начинается лекция, и мне необходимо кое-что подготовить к ней.

– Да, конечно, – поспешно кивнул Джим, – я больше не буду вас задерживать. – Порывшись в кармане, он вынул визитную карточку и протянул ее профессору. – Если что-нибудь случится... ну, мало ли что... позвоните мне. Здесь номер редакции. А мой домашний телефон указан на обороте.

Ян кивнул.

– И будьте начеку – смотрите и слушайте внимательно, – сказал Джим Паркер. – Вас может немало удивить то, что вы увидите. Или услышите.

– Обязательно, – отозвался Ян, несколько ошарашенный бесцеремонностью студента.

– Вы не возражаете, если я через некоторое время загляну к вам еще раз? Скажем, через неделю. Может быть, снова объявится загадочный бородач или еще что случится...

– Если я увижусь с этим человеком, то непременно дам вам знать, – обещал Ян, провожая студента к двери и выходя с ним в коридор. – Спасибо, что зашли. Всего доброго.

Он какое-то время смотрел в спину удаляющемуся Джиму, потом зашел обратно в кабинет, закрыл за собой дверь, прошел к столу и рухнул в кресло.

Руки у него дрожали, ладони вспотели, пульс не успокаивался. Так чувствует себя преступник, находящийся на волосок от разоблачения, когда зашедший будто невзначай детектив под покровом невинной светской болтовни задает убийственно точные и опасные вопросы.

Было странно даже в мыслях сравнивать себя с преступником.

Или он действительно совершил нечто нехорошее?

За свою жизнь ему довелось прочесть достаточное количество страшных историй, чтобы понимать, как выглядит его теперешнее поведение. Оно окрашено витающим в воздухе злом, какова бы ни была природа этого зла. Ян Эмерсон как бы еще не утратил способность мыслить здраво, он все еще тут, то есть на стороне добра, но в его мозг уже проникло постороннее, оно уже влечет его к самоубийственному поведению, толкает на путь ошибок и обмана.

Нет, это все наваждение. Он преувеличивает. Разговор со студентом не был столь уж драматичен. Во время беседы Ян не настолько утратил ясность мышления и не настолько изменил своему характеру, чтобы можно было говорить о том, что некое зло уже поселилось в нем и распоряжается его поведением.

К тому же реальная жизнь – не то же самое, что роман ужасов. Хотя в К.У. Бреа совершается много странного, а Стивенс в своей "диссертации" утверждает о каких-то сверхъестественных вещах, на самом деле тут не проклятый замок и не дом с нечистой силой.

Однако факт есть факт: в университете творятся в высшей степени загадочные вещи, и не один Ян это замечает. Хочешь не хочешь, а ощутишь себя действующим лицом "страшилки".

С одной стороны, Ян был напуган. С другой стороны, он невольно испытывал некоторое возбуждающее покалывание – от необычности всего приключения, если тут можно говорить о своего рода приключении. Эта мысль привела его к неожиданному выводу: не здесь ли скрывается разгадка его странного поведения с Джимом Паркером? Он как бы недостаточно наслаждался переживанием странности событий; он еще не готов к какому-либо развитию этого переживания, не готов поделиться им с другими и лишиться права полной собственности. До сих пор все это было чем-то вроде любимого детища его мозга – объектом теоретизирования,

интеллектуальной игрой, в которую он пока что не хотел принимать других игроков.

Ян посмотрел в окно, на газон, где совсем недавно происходила отвратительная драка. Теперь газон был пуст.

Он нахмурился. Живешь тут наверху в своей башне из слоновой кости, забавляешься умственными играми, а там внизу творится Бог знает что – мордобой, изнасилования, вооруженные нападения, массовые беспорядки. Даже убийства.

Это безразличие – не признак ли того, что зло уже запустило щупальца в его душу?

Нет, он не сдастся без борьбы.

Ну а если совсем уж прижмет, всегда можно позвонить Гиффорду Стивенсу. А если того уже не будет в живых – что ж, у Яна остался рецепт изготовления бомбы.

И где-то в ящике стола лежат подробные поэтажные планы всех зданий университета...

2

Фейт зашла в редакционную комнату в седьмом часу.

Выпал редкий вечер, когда не было никаких срочных новостей в номер, и его сдали точно вовремя. В редакции остались только Джим и Хоуви. Остальные сотрудники разошлись: одни отправились домой, другие – на вечерние занятия. В углу бубнил старенький приемник, настроенный на волну той единственной радиостанции в округе Орандж, которая двадцать четыре часа в сутки передавала музыку в стиле кантри.

– В моей родной Аризоне, – говорил Джим, – по крайней мере половина радиостанций гонит в эфир первосортную музыку. А здесь большое счастье, если найдешь что-либо приличное в море рэпа и дерьмэпа...

Он осекся, увидев Фейт – девушка как раз в этот момент возникла на пороге открытой двери, постучав костяшками пальцев о дверной косяк.

– Извините, – сказала она. – Можно вас побеспокоить?

– Можно, можно, – ответил Джим. – Заходите. Хоуви заговорщицки улыбнулся ему и тут же положил палец на рычажок управления своим креслом, – Я как раз собрался уезжать, – сказал он и поехал к двери. Фейт отошла в сторону, чтобы пропустить его. – Пока, Джим, до завтра!

– Пока, – отозвался Джим.

Фейт подошла к его столу. Джим наконец заметил в руке девушки сложенный сегодняшний номер "Сентинел".

– А-а, ты уже видела.

– В библиотеке я стала героиней дня.

– А как отреагировали те, с кем ты вместе занимаешься?

– Именно об этой реакции я и пришла поговорить. Ты уже в курсе, как люди приняли мою заметку?

Джим пожал плечами:

– Понимаешь, я весь день в бегах или здесь, в редакции. Не было времени спросить кого-нибудь и узнать, какое впечатление произвела на публику эта взрывная информация.

– В том-то и штука, что почти никакого, – сказала Фейт со вздохом и села на стул неподалеку от Джима.

– Всем наплевать, да? Она удрученно кивнула.

– Я боялся, что так и будет.

Молодые люди пару секунд молча смотрели друг на друга.

Фейт была так взволнована, что не могла сидеть. Она вскочила и выпалила:

– Такая вялая реакция – практически никакая! – была бы понятна, напиши я про что-нибудь банальное. Скажем, про клубные будни или про спорт, или про другое обычное... Но ведь тут животных убивают! И не просто – а мучают и убивают! – Она возмущенно потрянула головой. – Возможно, я попросту написала плохо, не сумела пронять людей? Не нашла верных слов, чтобы достучаться до их сердец...

– Написала ты хорошо, не переживай. Даже не просто хорошо, а отлично. Так что дело не в стиле. И не в том, где мы поместили заметку и под какой шапкой. Виной всему...

– ..университет! – закончила она за него. Джим кивнул.

– Да, вся загвоздка в здешней атмосфере.

– Я уже звонила в отделение общества защиты животных округа Орандж. Они обещали прислать своих людей – побеседовать с профессором Остином и разобраться в происходящем.

– Вот ты какая умница! Видишь, обошлась и без нашей газеты.

– Нет, помощь газеты я очень ценю, – с благодарной улыбкой сказала Фейт. – Большое спасибо, что ты поверил и поддержал.

– Ну, если заметка ни к чему не приведет – по крайней мере в твоём активе будет публикация.

– Я свистнула пятьдесят экземпляров газеты с газетной стойки. Сам понимаешь, друзьям, родственникам. А когда придет комиссия из общества защиты животных, я буду выглядеть в их глазах убедительнее, если дам им газету с моей заметкой.

– Правильно. Не твоя вина, что праведные слова упали в пустоту. Здесь уж дух такой – дух безразличия.

– Но я, честно говоря, сильно разочарована.

– Предупреждал тебя: не жди чуда.

– Да, конечно...

– Пусть пройдет несколько дней. Может, кто и отреагирует. Прочитают профессора, прочитают сотрудники администрации... вдруг аукнется. И возможно, начальство решит, что в их интересах осадить садиста Остина. Чтобы лишнего шума не было.

– Дай-то Бог, – вздохнула Фейт.

– Наш университет переживает странные времена... – произнес Джим. Он явно хотел добавить еще что-то, развить свою мысль, но неожиданно осекся, поднял руки к лицу, которое смешно исказилось, и чихнул – раз и еще раз.

– Благослови тебя Бог! – сказала Фейт. Он протестующе взмахнул рукой.

– погоди, еще рано. Я всегда чихаю трижды. И он действительно чихнул в третий раз.

– Благослови тебя Бог! – повторила Фейт со смехом.

Джим шмыгнул носом, вытер нижнюю часть лица тыльной стороной ладони.

– Знаешь, почему люди стали в таких случаях говорить "Благослови тебя Бог"? Когда-то думали, что, пока ты чихаешь и твой рот открыт, в тебя могут заскочить злые духи. Так что это присловье было превентивной мерой против нечистой силы.

– А я знаю, что чих может быть юридически законным оправданием в суде. Если ты совершил нарушение за рулем – смело говори, что оно произошло из-за чиха. Когда чихаешь, то рефлекторно закрываешь глаза – это неизбежная реакция, признанная всеми медиками. А раз ты вынужден был закрыть глаза, то ты и не виноват в нарушении. Что и требовалось доказать.

Джим рассмеялся:

– Надо же! А мы с тобой, оказывается, доки в области чихания. Великие чиховеды и чихолюбы. Может, обоим чиховедам наступила пора где-нибудь перекусить?

– Перекусить? – весело переспросила Фейт и лукаво покачала головой. – Я-то думала, что ты предложишь что получше!

– Что ты имеешь в виду?

– Я-то думала, ты хочешь пригласить меня на свидание. Вместо этого ты робеешь и небрежно зовешь меня перекусить. Если я откажусь, это никак не ударит по самолюбию – можно сразу в кусты: дескать, я звал ее всего-навсего перехватить что-нибудь за компанию...

– Но я действительно хотел пригласить тебя перехватить что-нибудь за компанию, – сказал Джим. – Время уже позднее, я проголодался, дел у меня в редакции больше нет, и я подумал: отчего бы нам и не поесть вместе.

Она покраснела. "Господи, какой хороший щелчок по носу! Вот мне урок не высовываться и не пытаться вынести знания по психологии за пределы аудитории!"

Джим посмотрел на девушку, выдержал паузу любуясь красными розами на ее щеках, а потом расплылся в улыбке и сказал:

– Если честно, то я только что соврал. Ты права. Я просто трусил и не решался членораздельно пригласить тебя на свидание.

– Но теперь-то это приглашение? Я правильно понимаю? Ладно, я согласна.

Он встал, схватил свою кожаную папку и проводил Фейт до двери. Затем выключил свет и запер дверь.

В коридоре он сказал:

– За ужином можем обсудить твое письмо редактору в сегодняшнем номере.

– Что угодно, только не это.

– Тогда будем беседовать об американской литературе.

– Идет – Или станем болтать о чем придется. Они шли в сторону лифтов. Джим старался не подавать виду, как сильно он волнуется.

– А что из здешней еды тебе больше нравится?

– Я здесь ничего не пробовала, кроме гамбургеров на ходу. Я живу с матерью и братом в Санта-Анне. И поэтому не в курсе, чем тут кормят.

– Есть кухня китайская, мексиканская и итальянская, – начал Джим. Тут его осенило, и с сияющим лицом он объявил:

– Мы пойдем к Биллу!

– К Биллу?

– Ты что, никогда не слышала про заведение Билла? – удивленно спросил Джим. Она отрицательно мотнула головой.

– Ну, классное местечко! Это кафешка совсем как в фильме "В субботу вечером, в прямом эфире" с Джеймсом Белуши. Помнишь, у них там все повара иностранцы, ни слова по-английски, кроме "пошаста, ха-бугера, сэра, вкусная ха-бугера". И все им говорят:

"Пошаста, хабугера", – и показывают на пальцах, сколько именно. У нашего Билла самые вкусные гамбургеры в округе. Да что там, я таких вкусных гамбургеров, как у него, нигде больше не ел! Фейт улыбнулась:

– А я думала, ты из фанатиков здоровой пищи. Или даже вегетарианец.

– Это я только с виду такой положительный. Так что же выбираем?

– Сегодня командуешь ты.

Джим довольно ухмыльнулся и воскликнул:

– В таком случае идем к Биллу!

Кафе находилось рядом с огромнейшей автостоянкой возле торгового центра на границе двух городов – Бреа и Пласентии. К тому времени, когда Джим и Фейт добрались до места, все магазинчики уже были закрыты. Кроме оружейной лавки. Сквозь витрину было видно, что за прилавком стоят два близнеца – толстяки во фланелевых рубашках, которые только-только не лопались на них.

Проехав мимо оружейной лавки, Джим припарковал автомобиль возле кафе. Пока он запирал дверцу со своей стороны, Фейт уже выпрыгнула из машины – он так и не успел помочь ей.

Как на грех, поваров, о которых Джим с таким упоением рассказывал, за стойкой не оказалось. В раздаточном окне стоял мужчина средних лет, вполне европейской наружности, одетый в белый халат и с белым колпаком на голове.

Фейт вопросительно посмотрела на Джима.

Тот пожал плечами.

– Похоже, нам не повезло со сменой.

Они заказали чизбургеры, кока-колу, картошку-фри и огуречные колечки и сели за столик. Столиков было всего два, и второй занимала группа хулиганистого вида парней – человек шесть. В одном из них Джим узнал студента, с которым он занимался на первом курсе – вместе посещали какой-то семинар.

– Ну, поговорим, – сказала Фейт.

– Поговорим.

Вместо этого молодые люди неловко молчали. В машине они болтали без умолку и тем вроде бы хватало. Джиму показалось, что Фейт раскованный, интересный собеседник. Рядом с ней ему было хорошо, он не смущался, и не было тех досадных промахов, которые сопровождают разговоры при первом свидании. Однако в кафе, за столиком, они оба вдруг заробели, и Джим обнаружил, что не знает, в какую сторону повернуть разговор, да и вообще что бы такого сказать, чтобы не показалось натянутым и ненужным.

Фейт добродушно тряхнула головой.

– Тогда уж чихни, чтоб не молчать. – посоветовала она.

Оба рассмеялись. Лед был опять сломан.

– Насколько я понимаю, – храбро начал Джим, – в данный момент ты ни с кем не встречаешься?

– Если бы встречалась, меня бы тут не было.

– Мне нравится такое отношение.

Их заказ был готов. Джим взял поднос и вернулся к столику. Они ели не спеша, чинно беседуя. Обсудили университетские сплетни, коснулись темы, с кем кто встречался раньше, а потом разговор стал перескакивать с предмета на предмет и одновременно становиться более глубоким. Джим рассказал Фейт о своем отце, о надписи на обложке пластинки с записями Фрэнка Залпы, о том, как встретился и подружился с Хоуви.

– Мой отец тоже умер, – тихо произнесла девушка, не поднимая глаз на Джима.

– Сочувствую.

– Это случилось уже давно. Давным-давно... – Она замолчала, рассеянно ковыряя палочкой жареного картофеля озерцо кетчупа на тарелке.

– А как это случилось? – спросил Джим. – Он погиб?

Фейт улыбнулась ему слабой, тут же исчезнувшей улыбкой.

– Да, погиб при исполнении. Единственный полицейский, которого убили в Коста-Вьехо за тридцать лет. Брали наркоманов во время вечеринки, ну и кто-то в него выстрелил...

Джим слушал, затаив дыхание.

– Года поймали. Он был под таким кайфом, что и не подумал бежать. Да и куда бежать – полицейские перекрыли все выходы. Но отца уже было не спасти. Даже до госпиталя не довезли.

– А тебе тогда сколько лет было?

– Девять.

– Ты видела его мертвым? Фейт утвердительно кивнула.

– Мать была против, но я закатила такой концерт – с ревом и истерикой, что она в конце концов разрешила. Я думаю, скорее в виде наказания за мое ужасное поведение... Он был в металлическом ящике в металлическом шкафу – в больничном морге, насколько я теперь понимаю. Кровь с него смыли, но дыра в щеке, через которую вошла пуля, осталась. Сквозь нее были видны зубы.

– Черт!

– Наверное, поэтому я так ненавижу всякое насилие. Я уже в девять лет увидела, что это такое.

– Не знаю, насколько это может относиться к тебе, – сказал Джим, – но я думаю, что такое зрелище в девять лет способно оказать прямо противоположное действие. Зарождается желание мстить людям того же сорта, что убили твоего отца.

– А мне и хотелось мстить. Какая-то часть во мне так и кипела злобой. Но другая часть сознания подсказывала, что насилие порождает новое насилие и что цепочку надо где-то прерывать. Поэтому я в итоге не озлобилась. – Фейт робко посмотрела на Джима – не кажется ли она ему смешной душой или задавакой. – Я хочу быть тем, кто прерывает цепочку насилия, а не тянет ее дальше. Пусть это будет моим маленьким вкладом в улучшение жизни на земле.

– "Думай о великом, но не гнушайся малым".

– Да, что-то в этом роде.

– Молодец, – сказал Джим, чтобы хоть что-то сказать.

– Честно говоря, – продолжала Фейт, – я считаю, что отец хотел сына. Я думаю, он был разочарован, когда родилась девочка. Конечно, он никогда этого не показывал и очень любил меня. Но он был... ну, знаешь этот тип – "мужчинистый мужчина", крепкий, мужественный, настоящий отец для парня. И меня он старался заинтересовать спортом – футбол, бейсбол, обучал приемам самообороны. В детстве я любила все мальчишеские развлечения. Не знаю, чтобы он сказал теперь, когда я перестала заниматься спортом и больше не похожа на мальчика-сорванца...

– Ты бы ему понравилась. Она улыбнулась:

– Я тоже почему-то так думаю.

– А как насчет мамы?

– Что насчет мамы?

– Она жива?

– Да.

– Вы с ней дружите? Фейт неопределенно пожала плечами. Он почувствовал, что разговор на эту тему ей не нравится, и быстро закруглил его:

– Жизнь зачастую сложная штука, да?

– Иногда.

Джим допил кока-колу и посасывал кусочек льда из бокала, глядя в сторону парней за другим столиком.

Только теперь он заметил большой лист бумаги с какими-то словами, прикрепленный в простенке – как раз между столиками. Он прищурился и прочитал:

АРАБЬЕ. КИТАЕЗЫ. ЯПОШКИ.

УБИВАЙ ВСЕХ ПОДРЯД – ГОСПОДЬ РАЗБЕРЕТСЯ.

ГОЛОСУЙТЕ ЗА БРЕНТА КИИЛЕРА.

ТОЛЬКО ОН БУДЕТ ДОСТОЙНЫМ ПРЕЗИДЕНТОМ СТУДСОВЕТА.

– Господи! – ахнул Джим.

Он встал, чтобы получше разглядеть это безобразие. В нижнем левом углу была неумелая карикатура на азиата – преувеличенно узкие глаза, сопли из носа. Огромный сапог бьет его по задку, и азиат летит вверх тормашками.

– Эй, приятель!

Джим обернулся на голос. В раздаточном окне стоял повар и показывал на листок бумаги на стене.

– Да, – отозвался Джим.

– Не откажи в услуге, приятель, – сказал повар. – Тебя не затруднит снять эту бумаженцию?

– С превеликим удовольствием, – ответил Джим. Он протянул руку и сорвал листок со стены.

– Эй ты, придурок, что ты там делаешь? – закричал, вскакивая, один из парней за вторым столиком.

– Как видите, срываю то, что тут висеть не должно.

– Да ты никак не американец? Встал и второй парень:

– Да, что ты о себе думаешь, козел? К чему руки тянешь?

Тут вмешался повар. Он рявкнул;

– Это я велел ему убрать мусор со стены! Это мое заведение, это моя стена, и я не желаю, чтоб у меня висела подобная дрянь. А если вам не нравится, катитесь в "Макдональдс" и вешайте там на стенах что пожелаете!

Парни в спор вступать не стали, сели и начали что-то тихо обсуждать со своими товарищами.

Джим подошел к раздаточному окну и вручил повару смятый листок.

– Спасибо, – кивнул тот. – Я бы и сам это сделал, только идти нужно в обход, через кухню.

– Не стоит благодарности. Повар показал глазами на шестерку хмурых парней, которые о чем-то шушукались между собой.

– М-да, времена меняются.

– Да, – согласился Джим.

– Это все из-за сраного университета, – сказал повар. Но тут же стрельнул глазами в сторону Фейт. – Извините, девушка. Само вырвалось.

Фейт встала и тоже подошла к раздаточному окну.

– Ничего страшного, – улыбнулась она. – Мне доводилось слышать это слово и раньше.

– Вы, ребята, надеюсь, не в здешнем университете учитесь?

– Увы, мы учимся здесь.

– Тогда извините. Я не хотел вас обидеть.

– Я не обиделся, – сказал Джим и покосился на Фейт. Девушка отрицательно мотнула головой: мол, я тоже не приняла слова об университете на свой счет. Судя по ее лицу, она живо заинтересовалась мнением повара.

– Вам не нравится К. У. Бреа?

– Как бы выразиться... Не то чтобы не нравится... а впрочем, зачем скрывать... нет, не нравится мне ваш университет. – Повар виновато улыбнулся. – Я не вас имею в виду. А таких вот как эти, за тем столом. Из-за них мне так противна ваша альма-матер. – Он злобно покосился на парней и тихо воскликнул:

– Ублюдки! – Он опомнился и снова извинился перед Фейт за грубое слово.

– Ничего, ничего, я бывалая, уши у меня ко многому привычны, – отшутилась девушка. Мужчина протянул руку через окно.

– Меня зовут Билл.

Джим и Фейт назвали и оба пожали протянутую руку.

– Приятно познакомиться с интеллигентными ребятами, – сказал Билл – Это ваше кафе? – спросил Джим.

– Да.

– А где те парни, которые тут обычно работают? Билл рассмеялся.

– "Пошаста, ха-бугера, сэра, вкусная ха-буге-ра", – передразнил он. – Так это же мои сыновья!.. Такая у нас шутка. Вообще-то они разговаривают на нормальном английском языке.

– О-о! – разочарованно протянул Джим.

– Их мать китайка, а сами они тут выросли и по-китайски ни слова. Я им позволяю баловаться, если это привлекает клиентов. У них тут много почитателей.

Зашел еще один посетитель – мужчина преклонных лет. Билл извинился и занялся новым клиентом.

Джим вернулся к столику, выбросил бумажные стаканчики и тарелки в контейнер для мусора, а поднос отнес обратно на раздачу. Они с Фейт попрощались с Биллом, вышли на улицу и направились к машине.

Джим вставил ключ в замок дверцы со стороны пассажира. Фейт стояла рядом с ним, почти касаясь его. Она смотрела ему в лицо, и ему показалось, будто девушка хочет, чтобы он поцеловал ее. Он еще гадал, следует ли ему немедленно поцеловать ее или нет, когда вдруг увидел за ее спиной какое-то движение.

К ним стремительно шли типы, сидевшие за вторым столиком в кафе Билла.

– Козел долбанный! – прокричал один из них, таращась на Джима.

– Лизатель иностранных жоп! – с ненавистью прошипел другой.

Они были уже совсем близко. Джим проворно открыл дверь и приказал Фейт:

– Быстро внутрь!

Сам он бегом направился вокруг капота на сторону водителя. Однако первый из парней уже был рядом и с силой ударил кулаком по крылу машины. Джим понял, что не успеет сесть в машину, и развернулся, чтобы встретить нападающего.

Фейт успела защелкнуть замок своей дверцы и нажала на клаксон. Звук был такой резкий, что хулиган возле капота дернулся от неожиданности. Фейт продолжала жать на клаксон.

Джим прислонился спиной к машине. Шестеро нападающих выстроились полукругом – лица бешеные, кулаки сжаты. Они упивались страхом и беспомощностью своей жертвы и не спешили начать избиение.

В этот момент из кафе выбежал Билл. В его руках была бейсбольная бита. Потрясая этой деревянной дубинкой, он заорал:

– Эй, подонки, вон отсюда! Я вас, гадов, один раз предупредил – лучше не связывайтесь со мной!

Плохо будет!

При появлении Билла с бейсбольной битой шестеро парней не стали испытывать судьбу и бросились наутек.

Хозяин кафе остановился рядом с Джимом и, тяжело отдуваясь, спросил:

– С тобой все в порядке? Джим утвердительно кивнул:

– Все нормально. Большое спасибо.

– Подлые трусы, – возмущенно сказал Билл. – Всегда бандой, всегда стайей! А каждый сам по себе – жалкий трус!

– Извините, – произнес Джим, – я не хотел втравить вас в неприятности.

– Что за глупости! – заявил владелец кафе. – Ты, дружище, тут ни при чем. Это все они, эти засранцы! Если снова здесь появятся – клянусь, я сразу вызову полицию, чтоб этим мерзавцам показали где раки зимуют! – Тут он немного успокоился и помахал рукой сидящей в машине бледной Фейт. – Еще раз привет!

Она вяло помахала в ответ.

– Ладно, ребятки, поезжайте, – сказал Билл и лукаво улыбнулся, глядя на Джима. – Я так понимаю, у вас сегодня большие планы на вечер. – Он обвел глазами автостоянку и тихо добавил:

– Только смотрите в оба. Проверьте, чтоб за вами не было хвоста.

– Если они увяжутся за мной, я привезу их прямо к полицейскому участку. Билл кивнул:

– Вот это разумно.

– Еще раз огромное спасибо.

– Не за что. Жаль только, что я не врезал этим мерзавцам. – Билл помахал им рукой и пошел обратно в свое заведение. – Пока, ребятки!

Джим наконец сел в машину.

– Ты был прав, – сказала Фейт. – То еще местечко!

Джим рассмеялся, поворачивая ключ зажигания.

– Мы и поужинали, и развлеклись. Очень даже неплохо для первого свидания!

Фейт поддразнивающе улыбнулась.

– Так, значит, у тебя "большие планы на вечер"? Он покраснел.

– Ты что – слышала?

– Да, но не твой ответ.

– А что, по-твоему, я должен был ответить?

Девушка загадочно улыбнулась.

Они развернулись и выехали на Империал-стрит.

– Знаешь, о чем я подумал? – сказал Джим. – Вдруг пришло в голову, что тебе надо рвать когти из нашего университета. Перевестись отсюда к чертовой матери. А если прямо сейчас не получится – лучше год погулять, перекантоваться, а потом поступить куда-нибудь в другое место.

– С какой стати?

Он облизал губы и нервно передернул плечами.

– По-моему, ты здесь не в безопасности. Фейт нахмурилась:

– Почему это?

Джим подумал несколько секунд, затем беспомощно тряхнул головой.

– Ну, мне трудно объяснить. Я и сам точно не знаю. Но ты же видишь, что тут творится. Все как с цепи сорвались. На биологии кошек и собак травят. А ведь это только верхушка айсберга...

– Я ведь сознательно выбрала именно этот университет. Что мне прыгать с места на место...

– Ты мне нравишься, – перебил Джим. – При обычных обстоятельствах я бы тебе этого так сразу не сказал. Мы бы прежде пообедали в университете, потом сходили бы на пару бесплатных концертов, мало-помалу узнали бы друг друга получше, и можно только гадать, как бы стали развиваться наши отношения – сложились бы они или нет... Но сейчас такой кавардак, все так ускорилося вокруг что я не считаю возможным тянуть кота за хвост и говорю тебе сразу и прямо... Короче, ты мне нравишься. Очень. Я знаю тебя не слишком-то хорошо – а впрочем, я тебя совершенно не знаю, – но я тебя знаю достаточно, чтобы бояться... извини, я немного запутался... Я хочу сказать, что ты мне дорога и я бы не хотел, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Поэтому советую тебе бросить этот чертов университет, пропустить семестр – от греха подальше! – и продолжить учебу с будущего года и в другом месте. Она улыбнулась:

– Так я тебе действительно нравлюсь? Ты, как вижу, и впрямь не любишь тянуть кота за

хвост.

– Нет, я говорю совершенно серьезно.

– Я не дуручка и в самое пекло понапрасну не лезу, – сказала Фейт. – Когда на лекциях по биологии случилось такое странное событие, я тут же приняла решение "рвать когти" – и перестала посещать этот курс. Я не из тех дешевых героинь, которые не спешат брать ноги в руки, когда им грозит опасность, только потому, что хотят доказать себе или другим, какое у них присутствие духа, какие они храбрые и независимые. Я трусиха. Если тут заварится совсем крутая каша, я первой отсюда свалю – не буду сидеть до последнего в надежде, что пронесет.

Джим улыбнулся:

– Мне нравится такое отношение. Только это не трусость, а здравый смысл.

– Но, по-моему, дело еще не приняло совсем плохой оборот.

– Ну, как сказать...

– Я обещаю тебе – если обстановка в университете станет совсем нестерпимой, я его брошу. Мне никому ничего доказывать не нужно. За моей спиной несколько поколений людей, пасовавших перед трудностями. – Тут Фейт вздохнула. – Можно сказать, что умение вовремя шарахнуться в кусты у меня в крови... Но пока мне в университете интересно, и я предпочитаю остаться.

– Хорошо, – кивнул Джим. Некоторое время они ехали в молчании.

– Так что, – сказал он наконец, – можно ли считать, что мои "большие планы на вечер" осуществились?

Фейт улыбнулась:

– Надеюсь, ты не разочарован сегодняшним вечером. – После паузы она добавила:

– Что касается меня, то я осталась довольна.

Теперь и Джим улыбнулся.

Так они и въехали на территорию университета – оба с улыбкой на лице.

Глава 16

1

Молоко, апельсиновый сок или сельтерскую воду? Апельсиновый сок.

Гленна взяла картонный пакетик и поставила его на поднос, рядом с салатом. Руки все еще дрожали, и она радовалась тому, что ей не нужно нести поднос, а можно двигать его по трубчатой металлической стойке.

В противном случае весь салат оказался бы на полу. Девушка подошла к кассе, оплатила завтрак, после чего нашла взглядом свободный столик в самом углу кафетерия и направилась к нему почти бегом.

Господи, что же ей теперь делать?

Поставив поднос на стол и опустившись на скамью, Гленна медленно обвела взглядом кафетерий. Ни одного знакомого лица. Что ж, это хорошо. Она закрыла глаза и попыталась хотя бы на несколько секунд расслабиться.

Она только чудом вырвалась. Они могли бы сделать с ней что угодно. И никто бы им не помешал.

Утром, когда она пришла на занятия по бадминтону, все было как обычно – ничто не предвещало экстраординарных событий. Гленна переоделась в раздевалке и вместе с другими студентками вышла в гимнастический зал. Необычное началось с того, что при подборе игроков для парных игр ее фамилия прозвучала последней. Гленна не была лучшей в группе, однако входила в пятерку самых сильных игроков – по традиции, распределение по парам начиналось с них. То, что произошло, являлось неслыханным нарушением тренерского обычая.

Гленна была не только удивлена этим отступлением от правил, но и несколько уязвлена. А впрочем, она решила не заикливаться на этом и, как только началась игра, действительно совершенно забыла о досадном эпизоде.

Но тут начало происходить нечто дикое.

Когда она готовилась к очередной подаче, к ней сзади подошел играющий на соседней площадке студент и молча огрел краем ракетки по затылку. Девушка ахнула – от изумления и боли, круто развернулась в сторону неожиданного обидчика... Вдруг подбежал еще один студент, размахнулся и ударил ее кулаком в лицо.

Гленна выронила ракетку и схватилась за правый глаз.

– Вы что – охренели, болваны? – закричала она. – Крыша поехала, да?..

Кто-то со всего размаху наподдал ей ракеткой пониже спины.

Девушка взвыла от боли. Отняв руку от правого глаза, она крутанулась опять – к очередному нападающему. Стремительно опухающий правый глаз как песком засыпало, а левый стал слезиться за компанию – и на секунду-другую Гленна почти ослепла. При этом она все же заметила боковым зрением, что на всех площадках игра прекратилась, все смотрят в ее сторону. Пара, против которой она играла, стояла у сетки и таращилась на нее, тогда как партнер Гленны был не на своем месте, а в двух шагах от нее.

В этот момент кто-то вцепился в пояс ее шорт и рывком стащил их.

Когда девушка инстинктивно пригнулась, чтобы вернуть шорты на место, на ее зад, теперь уже голый, обрушился новый удар ракеткой.

– Воткни ей рукоятку в жопу! – крикнул кто-то. Гленне удалось подтянуть шорты. Все произошло так быстро, что она не успела испугаться. Только растерялась от внезапной и ничем не мотивированной атаки. Пока что она была просто в бешенстве от унижения и боли.

– Прекратите! Прекратите! – закричала она изо всех сил.

Где-то совсем рядом раздался спокойный голос:

– Рукоятку не в жопу, ребята, а в...

Гленна узнала голос Джойс Элвин, их тренерши. – И тут ей стало по-настоящему страшно.

Повернувшись на голос, она увидела, что Джойс Элвин медленно идет к ней.

Все игры в гимнастическом зале прекратились, и все студенты смотрели на Гленну. События принимали какой-то совсем страшный оборот.

Было некогда разбираться, что именно происходит и почему. Поэтому Гленна рванулась в сторону выхода – благо ее никто не держал.

Студенты заулюлюкали, затопали, захохотали, словно зрители на корриде. В их реакции было даже некоторое добродушие – так встречают метания быка по арене во время корриды: бык все равно обречен, а эти метания составляют часть зрелища.

Гленна догадалась, что с ней хотят сделать.

Однажды она видела это в каком-то фильме про тюрьму: там новенькую целой толпой изнасиловали в душе не то рукояткой метлы, не то скалкой – нарезка кадров была такой короткой, что было не разобрать. Гленна видела этот фильм, когда училась в старших классах. Многие парни и девушки из ее класса находили эту сцену возбуждающей. Однако самой Гленне она показалась отвратительной – было страшно даже представить движение внутри себя какой-то деревяшки.

И сейчас мысль о том, что с ней могут сделать, приводила Гленну в животный ужас.

К счастью, никто не помешал ей выбежать из гимнастического зала.

Оказавшись вне здания, Гленна не своим голосом закричала:

– Полиция! Полиция!

Разумеется, полицейские ей не поверили. Офицер записал ее показания, пожал плечами, затем послал своего подчиненного проводить девушку в раздевалку, где Гленна переоделась. В гимнастическом зале ничто не напоминало об ужасном событии. Группа как ни в чем не бывало играла на нескольких площадках в бадминтон.

Полицейский с блокнотом в руках подошел к Джойс Элвин. Гленна видела, как та выслушала представителя закона, рассмеялась и покрутила пальцем у виска.

Двадцать девять студентов и тренер против одной Гленны. Тридцать свидетельств против одного. Кому же в этой ситуации поверят полицейские?

Гленна поблагодарила за то, что ее сопроводили в раздевалку, и пошла прочь, в сторону студенческого центра.

Она хотела идти прямо домой, но через час ей предстояла контрольная по социологии – пропускать ее себе дороже. Ведущий курс – профессор из породы строгих педантов: никаких извинений не принимает и всю душу вымотает, прежде чем разрешит сдать "хвост" в другой день.

Гленна открыла глаза, сделала глубокий выдох и взяла с подноса пакетик с соком. Записавший ее показания офицер сказал, что ей позвонят через пять – семь дней и сообщат о ходе расследования. Но результат расследования был очевиден: свидетелей преступления нет, а что касается разбитого глаза, то все хором заявят, будто она просто упала или ее случайно задел ракеткой партнер – дескать, всякое на площадке случается, зачем же накручивать вокруг этого целую сказку!

Эх, зря она постеснялась и не показала в полиции следы от двух ударов ракеткой по заду!

Нет, там бы только поскалили зубы и списали эти синяки на падение во время игры.

Раздвижные двери кафетерия разошлись в стороны, пропуская новопришедших. Гленна быстро подняла глаза. Слава Богу, незнакомые.

Она ощущала себя как в старших классах, когда периодически приходилось прятаться от школьных хулиганов. Но чтобы бегать по университету от хулиганов – это было нечто неслыханное.

Девушка отрешенно уставилась на свой салат, потом взяла вилку и начала есть. Так что же ей теперь делать? Конечно, на бадминтон она больше ни ногой. Но как быть с остальными занятиями? Ведь с многими из бадминтонной группы неминуемо придется встречаться на семинарах и лекциях!

И что эти подонки могут сделать с ней при удобном случае?

Оставшись безнаказанными, они ведь с удовольствием доведут дело до конца – изнасилуют ее если не ракеткой, так бейсбольной битой.

За соседним столиком звякнул стакан. Гленна дернулась всем телом, листочки салата упали с вилки на джинсы.

Она подобрала их, бросила на поднос и снова закрыла глаза.

Предстоял длинный и тяжелый день...

2

Стоило Джонни Мак-Гвейну оказаться на лестничной клетке корпуса социальных наук, как он ощутил перемену в своем настроении. Это было что-то вроде внезапного прилива бодрости после дня, проведенного в состоянии тупой апатии. Все неприятное отступило на задворки сознания и сразу же забылось. Чувства приятно обострились, словно после первой порции виски или после дозы наркотика. Мак-Гвейн вдруг испытал прилив уверенности в собственных силах – теперь он казался себе более энергичным и умным. Это было упоительное ощущение, интенсивность которого росла по мере того, как молодой человек медленно поднимался по лестнице. Когда он достиг восьмого этажа, его уже так распирало, что он принялся мурлыкать какую-то развеселую мелодию.

Однако за ширмой лучезарного настроения в его душе клубилось нечто темное, пугающее – так в фильме ужасов на беспечно смеющихся детишек падает зловещая тень их будущего убийцы.

Поднимаясь по лестнице на последний этаж здания, сам он угадывал черный подбой своего теперешнего радужного настроения, но решительно отмахивался от этой мысли. В нем сейчас нет злобы. Ничего подобного! Он чувствует себя отлично, он полон энергии, он в полном порядке!

На протяжении последних пяти лет работы в К. У. Бреа он занимал пост главного смотрителя.

Своей должностью Джонни Мак-Гвейн был вполне удовлетворен лишь поначалу. Он составлял графики дежурств, командовал бригадой уборщиков, следил за их работой, а в течение дня время от времени рассылал подчиненных в "горячие точки" – где нужно было срочно что-то убрать или вымыть. В круг его многообразных обязанностей входила также и замена перегоревших лампочек. Он же отвечал за реализацию закона об инвалидах – следил,

чтобы студенты-инвалиды нигде не испытывали затруднений – ни в аудиториях, ни в комнатах отдыха, ни в коридорах. Это была сложная и почетная задача – приспособить телефоны, фонтанчики с питьевой водой, лифты и многое другое под человека, который передвигается в кресле-каталке.

Однако постепенно Мак-Гвейн пришел к осознанию того, что "главный смотритель", по сути, не более чем бригадир дворников. Эта должность не требует какой-то особенной работы мозгов, с ней может справиться едва ли не любой дурак.

А Мак-Гвейн в глубине души считал, что он способен на гораздо большее, чем командовать уборщиками и заменять перегоревшие лампочки.

Он потому так бесился, что многие – очень многие – здешние преподаватели, хваленые "воспитатели нового поколения", казались ему придурками с двумя извилинами.

Когда он начал работать в университете, то страшно робел перед профессорами и даже перед их молоденькими ассистентами. Они такие образованные, такие умные! Они окружены таким почетом и уважением! Джонни Мак-Гвейн безоговорочно считал каждого из них на голову выше себя: эти люди ему не чета, они столько знают и столько понимают!

Однако понаблюдав за профессорским составом на протяжении нескольких лет, он не только перестал обожествлять преподавателей, но и начал их презирать. Что они нос-то дерут? Надменные тупицы и высокомерные снобы – вот они кто! А бедные студентки смотрят на преподавателей снизу вверх и не подозревают, что их самым подлым образом водят за нос!

Он, Джонни Мак-Гвейн, в сто раз умнее этих надутых индюков с громкими дипломами. Будь мир устроен справедливо, свет науки нес бы студентам он, Джонни Мак-Гвейн. Что касается профессоров – пусть они не мозги молодежи вкручивают, а новые лампочки взамен перегоревших!

Пусть они не мозги молодежи вкручивают, а новые лампочки взамен перегоревших!

Джонни довольно ухмыльнулся. Какая фраза! Каламбур первого сорта! Шекспир позавидует!

Мак-Гвейн способен запросто преподавать английскую литературу.

"Если бы я этого Шекспира прочитал, – думал он, не прекращая мурлыкать, – я бы его в два счета объяснил. На самом деле это не сложнее, чем два пальца обсосать!"

Но полудурки с дипломами ему ходу не дают – отгородились от народа бумажками о высшем образовании и каждый ходит гоголем. В лучшем случае улыбнутся снисходительно на бегу, а он иди подчищай за ними дерьмо в сортирах и выковыривай из унитазов ватные прокладки профессорш!

Злая горечь все копилась и копилась в нем и в этом семестре грозила выплеснуться в каком-либо уродливом поступке. Но тут, благодаря внезапному чуду, Джонни обнаружил эту лестничную клетку... то есть не саму лестничную клетку – здесь он бывал тысячу раз и до этого... В этом семестре он неожиданно открыл ее терапевтический эффект.

Теперь, попадая на чудесную лестничную клетку, Мак-Гвейн неизменно испытывал юношеское веселое оживление. Вне ее он больше не бесился, а пребывал в почти уютной апатии.

На этих ступенях ему впервые пришло в голову, что именно он должен сделать.

Дойдя до самого верха лестницы, Мак-Гвейн вынул связку ключей, нашел нужный и открыл подсобную комнату – чулан без окна.

Девица была там же, где он ее привязал. С кляпом во рту, она сидела на стуле в прямоугольнике света от незакрытой двери, и было забавно видеть, как широко раскрыл ее глаза ужас – больше белого, чем темного.

Мак-Гвейн поскреб себя в паху и сделал вид, что расстегивает ширинку.

– Ведь ты ж его хочешь?

Девушка заметалась, сколько позволяли веревки, и замычала.

Джонни рассмеялся.

– Шучу, шучу, – сказал он, подошел к девушке и добродушно потрепал по щеке. – Не бойся, я только шучу.

Он включил свет – с потолка свисала лампочка без плафона – и закрыл дверь. Затем оперся спиной о стеллаж, уставленный ящиками с бумажными полотенцами для туалета, и

принялся глядеть на девушку. Хорошенькая. И одета скромно – не так вызывающе, как многие студентки. Макияж умеренный – только для того, чтобы подчеркнуть скулы и глаза. Любо смотреть на такую милашку!

Джонни втащил ее сюда рано утром, а сейчас было начало вечера, и девушка сидела в луже. Он как-то не подумал об этом заранее. Было искренне жаль бедняжку. Однако мокрые трусики и платье рельефно облепили ее пах – бугорок лобка и там, ниже...

Он ощутил шевеление в своих штанах.

Губы растянулись в похотливую улыбку. Да, спору нет, было бы приятно перепихнуться с этой куколкой. Однако его интересует не ее дыра.

Ему нужны ее руки.

Мак-Гвейн заметил эти "руки в первый же день нового семестра. Это случилось здесь, на лестнице. Он прибывал на третьем этаже новую доску объявлений, а девица спускалась с четвертого этажа и кому-то махала рукой. Джонни был поражен совершенной формой ее пальцев, пропорциональностью кисти. Все в этой руке было прекрасно – и ровный цвет кожи, и грация движений...

Мак-Гвейн запомнил лицо девушки. Они потом не раз встречались на лестничной клетке. Он стал следить за ней и выяснил, что она первокурсница. Затем он узнал расписание ее занятий, после чего частенько поджидал ее в перерывах на лестнице и незаметно наблюдал за ней, пока она поднималась или спускалась, а порой даже подслушивал кусочки ее разговоров с другими студентами, когда она проходила мимо или останавливалась поболтать с друзьями на одном из лестничных маршей.

Теперь Джонни уже не помнил точно, но вполне вероятно, что именно ее совершенные руки вдохновили его на размышления о том, каким образом он смог бы войти в сияющий мир профессоров и доказать, что он не глупее их, а может, даже и умнее. Однако сама мысль о том, как именно использовать эти руки, пришла ему в голову совсем недавно.

Они нужны ему для научных экспериментов. Вот только не мог он взять ее руки просто так. Придется убить бедняжку. Даже если она поклянется никому ничего не рассказывать и сдержит свое обещание, ее родные и близкие неизбежно спросят:

"Куда подевались твои красивые руки?" Ведь они обязательно заметят, что у нее больше нет рук. Все люди, кроме профессоров, очень наблюдательны. Тогда девушка будет вынуждена изобрести какую-то сказку про то, где и как она потеряла свои прекрасные ручки. Глядишь, и полиция тут как тут. Начнут разматывать клубочек, выйдут на него...

Нет, деваться некуда. Необходимо убить. Убивать не хотелось. Очень не хотелось. Он не хотел причинять ей боль. Просто хотел забрать ее руки. А чтобы причинить боль – нет, этого он не хотел. Но ее руки ему нужны.

Если бы можно было забрать только руки и не причинять ей боль!.. А убить придется, потому что ее руки ему нужны.

Ее руки нужны ему, потому что он никак без них не может. Хотя убивать не хочет. И боли причинять ей не хочет. А чего он хочет? Он хочет выполнить свой проект. Вот чего он хочет.

И тогда его будут уважать. Сраные профессора примут его как равного. Он их сделает, этих дипломированных ублюдков! Он им покажет, кто такой Джонни Мак-Гвейн! Будут знать, кто такой Джонни Мак-Гвейн! Слова – это треп, это ничего не доказывает. А вот дела – да!.. Он им продемонстрирует и свои знания, и свой талант. Они поймут, что их дипломы – просто бумажки на подтирку. А Мак-Гвейн сделает такое, что все только ахнут.

Его сразу назначат профессором на кафедру физики, или инженерного дела, или еще какой-нибудь мудреной науки.

Чтоб он хотел обидеть девушку или причинить ей боль – тут и разговору нет, он ведь не зверь. Но наука важнее чьей-то жизни, она требует жертв. Бедняжку придется убить во имя знаний.

Девушка снова заметалась и замычала. Очевидно, что-то во взгляде страшного незнакомца спровоцировало в ее душе еще больший всплеск ужаса.

Мак-Гвейн ласково улыбнулся ей. Даже перепуганная, опухшая от слез и с искаженным лицом, она оставалась миленькой. Такие прелестные глазки... В комнатке есть весь необходимый инструмент, и он мог бы вынуть ее прелестные глазки и оставить себе на память.

Джонни вспомнил эпизод из телевизионного "Вечернего шоу" Сэмми Дэвиса-младшего. У старины Сэмми был стеклянный глаз, и однажды, шутки ради, его очередной знаменитый гость, эстрадный певец, надел на шею стеклянный глаз на цепочке.

Он может сделать себе такой же симпатичный кулончик.

Можно вынуть оба ее глазика и носить их на цепочке – так даже оригинальнее.

Нет, это глупое, пустое тщеславие. И дурной вкус. Когда он станет профессором, он будет, в отличие от остальной профессорни, образцом хорошего вкуса. Было бы недурно иметь ее глазки, но по-настоящему ему нужны только ее руки.

Тут Джонни понял, что понапрасну тянет время. Он посмотрел на часы. Через пятнадцать минут нужно встречать вторую смену уборщиков на физическом факультете. Пора спешить.

– Извини, конечно, – сказал он девушке, – но они мне нужны.

Мак-Гвейн подошел к небольшому холодильнику в дальнем конце комнаты, открыл дверцу и еще раз проверил морозилку. Все в порядке. Минус восемнадцать. Сюда он их и положит – чтобы не испортились.

Джонни подошел к девушке и ногой опрокинул стул, на котором она сидела. Ее голова с громким стуком ударилась о пол, но девушка не совсем потеряла сознание – ее только оглушило на несколько секунд.

Пользуясь ее состоянием, он проворно развязал ей руки и вытянул их на полу. Девушка слабо задвигалась, поэтому Джонни коленом придавил ее руки к цементу – в двух-трех дюймах выше плотно прижатых друг к другу запястий. Затем дотянулся до стены и снял висевшую на крючке остро заточенную лопату.

– Извини, – повторил он. Он высоко поднял лопату над запястьями девушки. И с силой опустил ее.

3

Тхань Лам засиделся в библиотеке до самого закрытия. Библиотечному работнику пришлось подойти к нему и напомнить, что время освобождать зал.

Вообще-то Тхань Лам намеревался отправиться домой еще в четыре часа, сразу после лекции по инженерному делу. Но после того как он узнал свою оценку за зачетную работу, его планы резко изменились.

Не "отлично" и даже не "хорошо". За свою первую зачетную работу он получил только "удовлетворительно". Какой позор!

Это американцы, получив "удовлетворительно", могут поморщиться или пожать плечами – досадно, однако как-нибудь переживем. Для вьетнамца это трагедия. Чтобы чего-то добиться, вьетнамец обязан получать высшие баллы, быть если не первым, то в числе первых.

Тхань Лам с ужасом подумал о том времени, когда через несколько недель, после экзаменов, принесет домой зачетку. Что скажет тетушка! Какими глазами на него посмотрит брат!

Выход один – учиться с утроенным прилежанием и другими хорошими оценками перекрыть этот позор. Поэтому Тхань Лам незамедлительно отправился в библиотеку – грызть гранит науки, чтобы впредь избежать посредственных баллов.

В своем ошарашенном состоянии он не сразу сообразил, что зачетку придется показывать родным не через несколько недель, а уже сегодня вечером. Два дня назад он имел глупость сообщить родным о предстоящем зачете – дескать, я к нему готов и пройду с легкостью. Теперь дома ждут.

И кто его, дурака, за язык тянул! Вообще мог не упоминать эту контрольную работу!

А соврать тетушке и брату нельзя.

И это было еще одной причиной, отчего Тхань Лам допоздна засиделся в библиотеке – откладывал разговор с родными.

Все их надежды связаны только с ним. Они из последних сил тянутся, чтобы дать ему высшее образование, поэтому никак нельзя их подводить. Чтобы он мог учиться, тетушка отдала ему все деньги, накопленные за десять лет работы в салоне красоты. Брат добровольно отказался от университетского образования, дабы Тхань Лам мог учиться в самом лучшем из

более или менее доступных университетов – не в Фуллертоне, а в Бреа. И тетушка, и брат неустанно напоминали ему о своих жертвах. Да он и сам не забывал о них.

От мысли, что он запарол первый же зачет, в желудке все переворачивалось. Куда глаза девать, когда наступит час сказать об этом тетушке и брату?

Тхань Лам вышел из здания библиотеки и понуро плелся по главной площади. С каждым шагом становилось яснее и яснее, что домой ему возврата нет. Он не выдержит позора.

Его взгляд упал на крышу студенческого центра. Там была высокая ограда. Тогда он перевел взгляд на крышу естественно-научного корпуса. Да, именно то, что надо. Низенькая решетка.

Тхань Лам зашагал к естественно-научному корпусу.

Ни о чем не думая, он поднялся в лифте на последний этаж, прошел по длинному коридору, открыл стеклянную дверь и вышел на просторный балкон, предназначенный для курящих студентов. Там была ведущая на крышу лестница.

Тхань Лам стал подниматься. И тут обнаружил, что он не один.

Наверху стояли и смотрели на него три вьетнамских товарища – Куонг Фань, Линь Нгуен и Лю Нго. Все они тоже получили "удовлетворительно" за контрольную работу, и у всех троих на лицах был написан траур.

Какое-то мгновение Тхань Лам прикидывал в уме – не отказаться ли ему от своего намерения. Не ему одному не повезло в этом семестре. Его вьетнамские друзья в том же положении. А в компании даже унижение кажется менее горьким. К тому же вины за собой он не чувствует. Он готовился прилежно, материал знал – как, впрочем, и его товарищи. Они ведь тоже рассчитывали на хорошие баллы... Быть может, существует заговор профессоров – проваливать вьетнамцев, которые обычно очень хорошо учатся?

Надо гнать подобные мысли! Профессора не могут быть такими подлецами. А чужие неудачи не могут оправдать его собственную. Пусть все до одного студенты университета получают "неуды", но он, Тхань Лам, не имеет права даже на "удовлетворительно". Тетушка и брат пожертвовали для него слишком многим – он не смеет разочаровывать их.

Тхань Лам молча поднялся на крышу и стал у парапета. Его друзья тоже молчали.

Здесь, на крыше, дул слабый ветерок. Тхань Лам подставил лицо прохладному дуновению и несколько секунд наслаждался приятным чувством. Отсюда открывался прекрасный вид чуть ли не на половину округа Орандж. В южной стороне, на Гарден-Гроув, горели огни "Азиатского дворца" – огромного торгового центра в Маленьком Сайгоне.

Май, брат, должно быть, где-то там, в это время он обычно заглядывает в музыкальный отдел.

При мысли о Май хотелось плакать. Он мог бы учиться вместо Тхань Лама – и, конечно, учился бы прилежнее, проводил бы меньше времени с друзьями, а больше – за книгой. Отчего Тхань Лам позволял себе расслабляться, отчего не занимался круглые сутки?

Никто не виноват в том, что он получил низкий балл. Он сам кузнец своего несчастья и несчастья своих близких.

Тхань Лам посмотрел вниз, на центральную площадь. То, что он увидел, окончательно сломило молодого человека: на него глядело огромное презрительно улыбающееся узкоглазое лицо. Он понимал, что это лицо создано случайным расположением кустов. Быть может, в другом настроении рисунок кустов напомнил бы ему что-то другое, но сейчас он видел лицо соотечественника, полное презрения к жалкому неудачнику Тхань Ламу.

Неподалеку от студенческого центра на шестах трепыхался какой-то транспарант, ярко освещенный светом лампы. Тхань Лам напряг зрение и разобрал только одну строчку:

"СМЕРТЬ УЗКОГЛАЗЫМ!"

Тхань Лам отвел глаза от транспаранта и встретился глазами с Лю Нго.

Так ни слова и не сказав, все четверо разом взобрались на парапет.

Тхань Лам вобрал побольше воздуха в легкие. Физиономия внизу продолжала издевательски улыбаться.

Он жалобно вскрикнул. За ним жалобно вскрикнул Куонг. За ним – Лю. А за ним – Линь.

И все четверо разом прыгнули.

Глава 17

1

После того как они позанимались любовью. Ян отправился в ванную комнату. Через несколько минут, приняв душ, он вернулся в спальню. Эленор сидела на кровати, подложив под спину пару подушек, и читала какой-то журнал. Он присел рядом и нежно поцеловал девушку в затылок.

Затем пригляделся к тому что было у нее в руках – не журнал, а брошюра с расписанием занятий.

– Чем это ты занята?

– Хочу учиться. Прикидываю, какие университетские курсы я хотела бы прослушать в свободное от работы время.

Ян театрально застонал:

– Господь с тобой! У тебя совсем не будет времени видаться со мной!

– А вот и нет. Я буду посещать вечерние занятия в Бреа. Стало быть, всегда буду у тебя под боком. Успею надоесть.

– О нет! – воскликнул он и выпрямился. – Где угодно, только не в Бреа!

Эленор отложила листочки с расписанием и удивленно уставилась на Яна.

– Это почему же? Бреа совсем рядом. С точки зрения удобства – идеальный вариант.

– Я категорически против того, чтобы ты занималась в Бреа!

Она вся напряглась:

– Ты "категорически против"? Ты не желаешь, чтобы я училась в Бреа? Извини, дружок, ты мой любовник, а не отец. Стало быть, у тебя нет никакого права приказывать мне, что я могу делать, а что нет.

– Ты могла бы посещать занятия в Фуллертоне или в Ирвине...

– Зачем мне тащиться так далеко, когда у меня под носом К. У. Бреа? – Тут Эленор сузила глаза и вперилась в Яна пристальным взглядом. – Послушай, уж нет ли у тебя тайной подружки в Бреа – какой-нибудь разбитной студенточки?

– Нет у меня никакой секретной связи, – раздраженно отмахнулся Ян. – Дело не в этом.

– А в чем же?

– Университет превратился... ну, короче, там столько насилия, такая дикая преступность...

– Ну и что? Кого и где можно удивить высоким уровнем преступности? Время такое.

– Да нет, тут особый случай. У нас массовые беспорядки, нападения на людей, изнасилования, групповые самоубийства...

– Самоубийства? Они-то меня с какого боку касаются?

– Просто территория университета превратилась в предельно опасную зону.

– Меня трудно испугать. Я учена. Я шесть лет работала в центральной части Лос-Анджелеса – сам знаешь, какое это пекло. Так что рискну.

Ян покосился на подругу. Его подмывало рассказать ей все – выложить всю правду, поделиться своими тайными размышлениями и опасениями. Но здесь, в уютной спальне, рядом с обнаженной женщиной и при тихо мурлыкающем телевизоре, было как-то глупо заводить разговор о тотальном наступлении зла, о темных предчувствиях и неясных страхах. Все его мрачные мысли последних недель вдруг показались детскими, наивно-глупыми. Что он может сказать? "Эленор, я хочу поведать тебе о том, что Вселенское Зло медленно пожирает университет в Бреа..." Трудно произнести подобную фразу и не выглядеть при этом полным идиотом. Ян поцеловал Эленор в щеку:

– Ладно, вернемся к этому разговору попозже.

– Нет, к этому разговору мы возвращаться не будем. Я намерена прослушать несколько курсов и свое намерение выполню. Дальнейшему обсуждению это не подлежит. Ты в данном вопросе мне не советчик.

– Вчера четыре студента разом покончили с собой – бросились с крыши

естественно-научного корпуса. А две девушки бесследно пропали.

– Мне плевать.

– Что ж, замечательно, – устало произнес Ян, выключая лампу со своей стороны кровати. – Делай, что тебе заблагорассудится. А я вижу свое благо в том, чтобы немедленно завалиться спать.

Он залез под простыню и перевернулся на живот.

– Порой ты бываешь свинья свиньей, – сказала Эленор.

Он промолчал.

– Тем не менее я тебя люблю, – добавила она.

– И я тебя люблю, – отозвался он и закрыл глаза.

Через несколько секунд она выключила лампу со своей стороны постели, перекатилась поближе к Яну и прижалась к нему.

Он лег на спину и обнял Эленор.

И продолжал обнимать ее и во сне.

Ян проснулся в шесть утра. Сквозь приоткрытые занавески в комнату вливался свет – солнце уже взошло. В первый момент ему показалось, что он забыл с вечера завести будильник, проспал и теперь опоздает на свою первую лекцию.

Он вскочил как ошпаренный.

Только по пути в ванную комнату он сообразил, что сегодня суббота.

Ян застыл на месте, потер глаза и оглянулся на кровать. Эленор мирно спала, свернувшись калачиком. Его отчаянный рывок в сторону ванны, к счастью, не потревожил девушку.

Ян хотел было забраться в постель и разбудить ее, но потом передумал – она, бедняжка, выглядела вчера усталой; ей нужно как следует отоспаться после трудовой недели. Сам он уже окончательно проснулся и спать больше не хотел.

Ян сначала отправился в ванную, затем надел чистое белье и халат и пошел в кухню – сварить кофе. Поставив кофе на плиту и сунув два кусочка хлеба в тостер, он вышел из дома за утренней газетой.

Пройдя по подъездной дорожке мимо своей машины и машины Эленор, он поднял с газона свернутую в трубку газету. На обратном пути в дом развернул ее и стал читать заголовки на первой странице:

"ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ТОРГОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ США И ЯПОНИЕЙ.
ЧЕТЫРЕ ПАЛЕСТИНЦА УБИТЫ НА ВТОРОЙ ДЕНЬ БЕСПОРЯДКОВ".

"ПРОФЕССОР УБИЛ СВОЮ ЛЮБОВНИЦУ-СТУДЕНТКУ".

Ян остановился как вкопанный и перечитал заголовок.

"ПРОФЕССОР УБИЛ СВОЮ ЛЮБОВНИЦУ-СТУДЕНТКУ".

У него мороз по коже пробежал, когда он быстро пробежал начало текста и выяснил, в каком университете это произошло.

К.У. Бреа.

Он был готов к этому. Убийцей был профессор Томас Чанг. Это имя Ян слышал, но самого профессора не знал даже в лицо. Чанга взяли на работу в конце прошлого семестра – преподавать философию вместо Гретты Джеймс, которая официально отправилась в годичный отпуск для научной работы, а на самом деле уехала лечиться в санаторий после нервного срыва.

Жертву звали Лайза Хэррисон. Ян про такую никогда не слышал.

Он медленно зашагал к дому – читая на ходу.

В кухне он просмотрел всю газету, сложил ее так, чтобы заметка о преступлении Томаса Чанга бросалась в глаза, и положил ее на стол перед тем местом, где обычно завтракала Эленор.

Может быть, она поймет его намек.

Они вроде бы собирались весь день провести вместе – точнее, Ян надеялся, что они проведут вместе весь день. Но вдруг выяснилось, что Эленор нужно срочно выполнить какое-какую работу, для чего ей необходимо поехать домой и воспользоваться своим компьютером, имеющим доступ к базе данных в ее офисе.

Таким образом, Ян оставался один и не знал, как распорядиться своим днем.

Он хотел было позвонить Бакли, но вспомнил, что тот уехал на уик-энд в Санта-Круз –

принять участие в телеобсуждений рассмейеровского кинофестиваля.

Поэтому Ян отправился в путешествие по любимым магазинчикам, где продавались книги и музыкальные записи. Он посетил десяток торговых точек и закончил прогулку в Бреа – в книжном магазине под названием "Немного жути".

Профессор припарковался рядом со зданием бывшего банка, превращенного в книжный магазин.

После уличного тяжелого воздуха, напитанного выхлопами автомобилей, было приятно вдохнуть аромат книг.

Знакомый продавец был занят с молодой парочкой одетых по последней моде интеллектуалов – обтягивающие черные свитера и серебряные браслеты, как у девушки, так и у парня. Ян издали помахал продавцу рукой и направился к дальнему стеллажу, где находились книги жанра "черной фантазии".

Так-так, поглядим, что появилось новенького.

Ян был здесь не слишком давно, поэтому быстро сориентировался в прибавлениях. "Подвал" Ричарда Лаймона в бумажной обложке. Английское издание романа Гарри Крессинга "Повар". Третий том антологии "Тени" – пару лет назад он дал эту книгу студенту и не получил обратно.

Что ж, неплохой улов.

Ян перешел к следующему стеллажу, где стояла литературная критика. В будущем семестре Эмерсон, согласно внутрикафедральной ротации, должен был читать курс европейской литературы. В последний раз он читал этот курс так давно, что успел подзабыть. Следовало освежить в памяти многие романы и проштудировать какие-нибудь критические работы.

Между прочим, отсюда был слышен разговор молодой парочки и продавца.

Парень как раз говорил:

– Вне сомнения, Уилльям Бэрроуз пишет как Бог!

– Его "Голый завтрак" – это нечто! – подхватила девушка. – Не сравнить с...

И оба посыпали именами и названиями книг. Ян не мог не усмехнуться про себя. В их возрасте он грешил тем же – любил блистать поверхностной литературной эрудицией. Он обожал играть в этот псевдоинтеллектуальный пинг-понг из названий и авторов. Читал он много, но литература, даже классическая – это такой обширный континент, на обследование которого нужно сто жизней. А ведь надо еще и за новинками следить. Поэтому юношей Ян больше читал о книгах, чем сами книги. Источником его информации были статьи в энциклопедиях, где в нескольких фразах излагались романы, или аннотации на обложках книг. Он панически боялся того, что в разговоре с друзьями возникнет какое-то имя или название произведения – а он не в курсе. Однако в такой же степени стыдно попасться на незнании книги, которую ты якобы читал. В итоге Ян наострился запоминать такие детали из аннотаций и энциклопедических статей, чтобы искусно имитировать близкое знакомство с непрочитанной книгой. В быстрой болтовне о литературе он неизменно вызывал восхищение товарищей, и ему все сходило с рук.

Однако с возрастом он понял, что это глупость. Литература – это не названия и авторы. Недостаточно знать тему, сюжет и идеи, заключенные в произведении. Поверхностное знание – есть не что иное, как вульгаризация литературы, святотатство. Теперь он не уставал повторять своим студентам: лучше меньше, да внимательнее! Читайте книгу от корки до корки! Никогда не пользуйтесь информацией о ней из вторых рук. Пусть вы забудете содержание книги, имена героев, ее идеи, ее тему, но в процессе чтения она будет работать, незаметно преображать вас. Бог с ними, с деталями и прочим. Важно чтение само по себе, а не запоминание прочитанного.

– ..а ты вспомни великолепного, тончайшего Чарлза Буковски! – тем временем говорил молодой человек.

– О-о! – воскликнула девушка. – Помню его бесподобный сборник "Любовь – это сучка из ада".

Ян перешел к очередному стеллажу, продавец заметил его и окликнул:

– Профессор!

Извинившись перед парочкой, продавец устремился к Яну.

– Я достал эту книгу! Хотя это было непросто.

– Какую книгу? – удивленно спросил Ян.

– Ту, которую ваш друг заказал для вас. Ян наморщил лоб. Странно. Вроде бы никого ни о каком заказе не просил.

Он прошел с продавцом к прилавку, и тот вынул из ящика на полу книгу.

– Вот! Пришлось справляться в компьютерном банке данных. Нашлось только два экземпляра по всей стране! Один в Северной Каролине, а другой поближе – в Санта-Барбаре.

Ян взял книгу, посмотрел на заглавие и охнул про себя.

"Огонь как средство борьбы с нечистой силой". Автор – Гиффорд Стивенс.

Тоненькая и дешево изданная книжечка на плохонькой бумаге. Издана явно на деньги автора. Судя по оформлению, вышла лет печати лет десять, а то и двадцать назад. Да, так и есть: 1979 год.

– Я пролистал, – сказал продавец; – Любопытная книжонка.

Ян взглянул на него и спросил:

– И кто же просил вас найти ее для меня?

– Другой профессор. Его имя записано на карточке. Откройте ближе к концу.

Ян обнаружил между страницами библиотечную карточку, на которой было написано: "Профессор Джон Монтаг".

Профессор Джон Монтаг.

Боже мой! Так же звали профессора из рассказа Эдгара По "Привидение Хилл-Хауза"!

По телу пробежали мурашки.

Тот рассказ Эдгара По, в котором фигурирует Эленор!

Вроде бы пустяк, но от него становится не по себе.

– А как выглядел этот профессор Монтаг? – спросил Ян.

Он не сомневался в ответе, но хотел знать точно. Продавец озадаченно нахмурился:

– Разве вы не знаете его? Окладистая борода, пуловер, среднего роста... Честное слово, больше ничего не запомнилось.

Да, это Стивенс.

– Так что, вы не знаете этого человека?

– Нет, нет, – кивнул Ян, – это мой знакомый. – Он потянулся за кошельком. – Сколько с меня?

– Профессор Монтаг уже за нее заплатил. Точнее, безбожно переплатил. Сказал, что найти ее хлопотное дело и все такое... – Продавец, честный малый, был смущен. – Хотите, я верну вам излишек или сохраню его до прихода профессора Монтага и верну ему лично?

– Сколько стоит книга?

– С налогом – двадцать пять пятьдесят семь.

– А он сколько оставил?

– Пятьдесят долларов.

– Решим вот как, – сказал Ян, – я заплачу сам. А когда профессор Монтаг появится, вернете ему пятьдесят долларов.

Он расплатился, после чего продавец положил в его сумку все купленные книги – кроме опуса профессора Гиффорда Стивенса.

Этот тощий томик Ян оставил у себя в руке.

Идя к машине, он время от времени поглядывал на обложку: рисунок дома с привидениями и на переднем плане – детонатор.

Любопытно, каким образом Гиффорд Стивенс узнал, что профессор Ян Эмерсон периодически посещает книжный магазин под названием "Немного жути".

2

Прежде Фейт никогда не работала по субботам и совсем не ожидала увидеть такой огромный поток читателей. Сама она практически никогда не готовилась к занятиям по субботам и поэтому удивилась, что в библиотеке почти столько же посетителей, сколько и в будни. На всех этажах царило оживление, везде очереди за книгами, все тележки заняты...

Правда, в субботу библиотека была открыта только с одиннадцати до пяти. Фейт работала все шесть часов, но это был такой напряженный труд, что время пролетело незаметно. Большую часть дня она расставляла по полкам возврат спецсобраний.

До этого девушка только однажды заходила в отдел специальных собраний – в самый первый день своей работы, во время обзорной экскурсии, которую проводил Фил. Она бы и сейчас сюда не попала – сюда посылали самых опытных, самых проверенных работников. Но простуда уложила в постель нескольких постоянных штатных сотрудников, и возникла острая нехватка рабочих рук. Вот почему сегодня утром Фейт нашла записку, оставленную для нее Филом. Начальник в шутливом тоне уведомлял Фейт, что ей, в качестве большой чести, разрешено потрудиться в отделе специальных собраний – разместить на полках коллекцию шведских эротических изданий, которую на этой неделе заказывала одна профессорша-феминистка.

Фейт медленно двигалась между стеллажами. Ни единой свободной полки. Тесные ряды книг и альбомов. Сам зал был разбит на отдельные секции, разделенные низкими перегородками. Настоящий лабиринт. В каждой секции – своя коллекция. Насколько Фейт было известно, здесь, среди специальных собраний, находится одна из самых крупных коллекций литературной порнографии, а также уникальное собрание собственноручных дневников и записок серийных убийц, которые завещали свои "труды" университету Бреа.

"И на кой черт университету сдалась подобная дрянь? – думала Фейт. – Охота им хранить такую гадость!"

Раскладывая по полкам книги и журналы из коллекции шведской эротики, девушка невольно просматривала их. Ее особое внимание привлек журнальчик с вызывающим названием "Анальная любовь". Она пролистала его, рассматривая многочисленные фотографии. Если для шведов вот это эротика, то что же тогда для них порнография?

По странной – или не очень – ассоциации мыслей Фейт подумала о Джиме.

Сегодня у них новое свидание – они должны встретиться возле ресторанчика "Спунз" в шесть тридцать.

Джим предложил заехать за ней домой, но Фейт решительно отвергла предложение. Она откровенно объяснила ему, почему ей было бы неприятно его появление в их доме, и он, похоже, понял. Джим по-настоящему деликатный парень.

Лучше бы она договорилась на семь часов – чтобы отдохнуть и принять ванну.

Похоже, после увиденного в коллекции шведской "эротики" ей понадобится целый час лежать в ванной, чтобы как следует отмыться.

Она закрыла "Анальную любовь" и положила ее на полку.

Обычно точно к концу дня никогда не управлялись – сотрудникам библиотеки приходилось задерживаться минут на пятнадцать – двадцать, а то и на полчаса. Какие-то дела просто нельзя было оставить незаконченными. Сегодня главной на этаже была Гленна, имеющая звание старшего ассистента. Фейт уже подходила к ней, сказала о предстоящем свидании, и Гленна пообещала так распределить работу среди Ренни, Сью и Даниэля, чтобы Фейт могла уйти без задержки.

В 17.01 Фейт расписалась в рабочей ведомости и ушла с рабочего места, по пути через холл поблагодарив Гленну за проявленную отзывчивость. Та в ответ что-то буркнула. По наблюдениям Фейт, ее подруга в течение последних дней ходила как пришибленная – стала резкой, раздраженной. Фейт хотела было спросить, все ли у нее в порядке, но подруга была так замкнута в себе, что она в конце концов передумала: будь у Гленны желание поговорить о своих проблемах, она бы уже давно побеседовала с Фейт; стало быть, пока что не надо соваться не в свое дело.

Выйдя из библиотеки, Фейт направилась к преподавательской автостоянке.

Сегодня она припарковала свой "фольксваген" на этой пустой стоянке, где студентам было запрещено оставлять машины. Но ведь суббота! Ей подумалось, что будничные правила не действуют. Теперь же она взглянула на дело трезвее и опасалась найти под "дворником" квитанцию за нарушение. Обычные строгие правила могут действовать и в субботу.

Девушка пересекла главную площадь и подошла к цементной дорожке между биологическим корпусом и корпусом факультета исполнительских видов искусства. Прямая

дорожка пролежала среди высоких кустов.

До этого Фейт, спеша к своей машине, двигалась быстро. Но тут, перед этой притемненной аллеей, поневоле замедлила шаг. После открытого пространства, где толпились студенты, здесь, среди кустов, было пустынно и боязно.

Солнце еще не зашло, однако оно находилось где-то за биологическим корпусом, у самого горизонта, поэтому на бетонную дорожку легли мрачные тени от вечнозеленых кустов с густой листвой. Зловещий сумрак неизбежно напомнил о тех опасениях, которые высказывал Джим, да и о ее собственных нехороших впечатлениях, которых за два месяца университетской жизни накопилось более чем достаточно...

А не лучше пойти длинным путем – обойдя биологический корпус с другой стороны, по оживленной дорожке?

Фейт стало стыдно: ну и трусиха, так и до настоящей паранойи недалеко! Нельзя же бояться каждого куста. Солнце еще не зашло, да и конец аллеи виден. Никого на тропинке нет. Если припустить бегом, то на преодоление этого участка пути понадобится всего несколько секунд.

Девушка заставила себя двигаться дальше. Обычно при ходьбе она смотрела себе под ноги, но сейчас глядела только вперед, лишь время от времени скашивая глаза в разные стороны.

Ни души. Все спокойно. Нигде никакого дви... же... ния...

Боже! Фейт остановилась как вкопанная и затаила дыхание.

Между кустами, в густой тени, ей почудилось какое-то шевеление. Она испуганно заморгала. Так движется или нет?

Фейт испуганно заозиралась. Ни малейшего ветерка. Листья на деревьях и кустах не шелохнутся. Но там впереди – там что-то есть. Такое впечатление, что кусты совершенно неподвижны, а их тени колеблются. Жизнь тени отдельно от предмета – что может быть страшнее?

Фейт взяла себя в руки и зашагала вперед – быстро, быстрее, еще быстрее.

Сердце билось в груди с бешеной силой, губы пересохли, все тело покрылось гусиной кожей.

Теперь ей было понятно, что испытывают люди в фильмах ужасов, когда попадают в дом, где живет нечистая сила, и слышат постукивания в стенах или видят, как сами по себе открываются и закрываются двери. Сидя в кинозале или перед экраном телевизора, Фейт удивлялась, почему люди так остро реагируют на столь невинные вещи – слабый звук, движение двери и прочие пустяки. Это казалось нелепым и вызывало смех. Но сейчас она догадалась, что создает такую бурную реакцию, – атмосфера, в которой случаются эти "пустяки". Самые обычные происшествия становятся зловещими и приобретают несуразно большое и страшное значение, если их источник неизвестен, а сами они необъяснимы, кажутся противоестественными. Например, как сейчас – она видит или думает, что видит, как при полной неподвижности кустов их тени шевелятся, и этот "пустяк" наполняет ее чувством полной беспомощности...

И тут тень метнулась на цементную дорожку в нескольких метрах перед Фейт.

Девушка снова остановилась как вкопанная. На сей раз она была совершенно парализована ужасом. Ни вперед, ни назад двигаться она не смела. Фейт не могла понять, что происходит и почему и как ей реагировать. Причем это загадочное движение тени происходило в полной тишине, от чего было еще страшнее. От иррациональности происходящего волосы дыбом становились.

И вдруг она различила в контурах тени невиданное крылатое существо. И как только она осознала, что это тень крылатого существа, она увидела само существо – оно отлеталось от кустов и бесшумно, но стремительно неслось прямо на нее.

Фейт развернулась и что было сил помчалась прочь по цементной дорожке.

Девушка пулей вылетела из аллеи и продолжала бежать не оглядываясь. Сердце ее разрывалось от ужаса.

По газону, мимо биологического корпуса. Дальше, дальше!

Она остановилась только у гимнастического зала – и то лишь потому, что дыхание

пресеклось.

Фейт прислонилась спиной к стене гимнастического зала, оглянулась и ничего за своей спиной не увидела. Минуты три понадобилось, чтобы восстановить дыхание. После этого она направилась к стоянке самым длинным путем. И все время шла за группой студентов, не переставая украдкой оглядываться и посматривать вверх, словно нечто страшное может спикировать на нее прямо с серого октябрьского неба.

Глава 18

"Френдли Компьютерс"

1119 Оренджторп, Фуллертон, Калифорния

92632 (714) 555-0989

Томасу Олсону

"Компьютер оперейшнз"

К.У. Бреа

100 Кампус-драйв

Бреа, Калифорния 92690

25 октября

Дорогой мистер Олсон,

С искренним сожалением сообщая, что мы вынуждены отказать Вам в продлении контракта на обслуживание компьютеров в связи с тем, что из-за предельно изношенного состояния Вашей техники объем ремонтных работ за последний год превысил допустимый.

Текущий контракт истекает 31 декабря сего года.

Тем не менее наш принцип – всегда идти навстречу клиенту и вести гибкую политику расценок. Не желая терять деловых отношений с Вами, мы готовы заключить новый контракт и предлагаем оплачиваемую государством десятипроцентную скидку с суммы платы за каждый вызов.

Если у Вас имеются вопросы – позвоните, пожалуйста.

Последние цифры моего телефона – 5681.

Искренне Ваш,

Сафад Х. Рамааль

Глава 19

1

Брент Киилер проснулся в отличном настроении.

Он сел на постели, сделал несколько глубоких вдохов, затем бодро вскочил с кровати, лег на ковер и в хорошем темпе двадцать раз отжался от пола. Правда, второй десяток пошел уже не так резво, как первый – потребовалось усилие, чтобы заставить себя не сдаться и сохранить прежний темп. Сознание, что он преодолел себя и справился, приятно будоражило.

После этого Брент трусцой направился в ванную комнату – принять утренний душ.

Через десять минут он вышел из наполненной паром ванной комнаты – чистенький и освеженный, свежевыбритый, с тщательно расчесанными волосами и безупречно одетый – в отутюженных брюках и накрахмаленной сорочке с галстуком.

Весело насвистывая, он отправился в кухню и приветствовал родителей:

– Привет, ма! Привет, па!

Его родители ничего не отвечали. Только смотрели на Брента полными страха выпученными глазами.

Они сидели на стульях, к которым он их привязал с вечера.

Носовые платки, которыми он заткнул их рты, были пропитаны кровью и слюной. Кровь и слюна образовала на их лицах одинаковые круги, поэтому папашка и мамашка, учитывая к

тому же одинаково выпученные глазенки, выглядели близнецами.

Брент не мог не расхохотаться, глядя на них.

Он потрепал родителей по волосам.

– Люблю вас, ребятаки!

Молодой человек прошел к холодильнику и вынул масло и джем. Из шкафчика достал упаковку нарезанного хлеба, взял пару ломтей и сунул их в тостер. Глядя в окно, взял стакан, открыл кран и налил себе воды. Пока он жадно пил, его заметила соседка, миссис Грей, мывшая посуду у себя на кухне. Она улыбнулась ему и помахала рукой. Брент в ответ тоже улыбнулся и помахал рукой.

Затем он повернулся к родителям. Кровь на их лицах и на верхней части груди уже засохла – коричневато-рубиновые полосы и пятна образовывали причудливые узоры и напоминали татуировку первобытных племен.

Брент пересек кухню, взял стул матери и развернул ее спиной к столу.

Его взгляд был прикован к ее обнаженной груди.

Тяжелая и налитая, а не сморщенная, как он себе прежде воображал.

Белая кожа груди матери была на диво гладкая и молодая. Резко выделялись большие коричневые соски. Брент не видел ее груди с самого младенчества – а что было тогда, он, конечно, не помнит. Стало быть, вчера вечером он впервые по-настоящему увидел грудь матери, когда раздел ее догола и привязал к стулу. Еще вчера ему хотелось потрогать эти груди, пососать их, поперекачивать эти коричневые соски у себя во рту. Но он не знал, понравится ли это Университету – поймет ли Он и одобрит ли Он такой поступок.

Брент с удивлением заметил, что с сосков матери что-то капает – что-то белое. Капельки вытекали из сосков, затем белая влага струилась по крупной полновесной груди, У нее снова молоко! Через многие-многие годы после родов!

Это чудо! Чудесно! В ее груди снова есть молоко! Воистину пути Университета неисповедимы. Чего Он только не может, чего Он только не придумает!

Брент с ухмылкой стал перед матерью на колени, взял ее левую грудь в руки и стал сосать ее.

Мать вскрикнула и дернулась всем телом. Но он хорошо привязал ее к стулу, со знанием дела, да и веревки были крепкие. Поэтому матери оставалось только дрожать. Теперь она в его полной власти.

Продолжая сосать левую грудь, Брент взял рукой правую и стал сжимать ее. Брызнула белая струйка. Он чуть отодвинулся, чтобы молоко не попало на его крахмаленную сорочку. Молоко стекало на живот матери, растворяло запекшуюся кровь и смешивалось с ней.

Женщина рыдала, слезы струились по ее щекам. Он не обращал внимания, сосал еще интенсивнее. Рядом дергался на своем стуле и в бешенстве мычал отец. В конце концов он стал подпрыгивать на своем стуле, и продвинулся на несколько дюймов вперед, в сторону Брента. Сын оторвался от соска матери и встал, чтобы огреть старого козла кулаком по голове. От удара стул опрокинулся. Отец оказался на полу в позе перевернувшегося на спину жука, который бессильно сучит ножками. Как отец ни извивался и ни мычал, ничего сделать он не мог. Брент двинул его в живот для круглого счета и был вознагражден протяжным стоном. Окровавленный платок был хорошо вбит в рот отца – тому оставалось лишь мычать, кряхтеть и стонать.

Брент повернулся к матери и сказал с ласковой улыбкой:

– Растущим детям нужно материнское молоко. Он нагнулся и еще какое-то время сосал молоко – теплое и вкусное.

Сосал, пока тостер со щелчком не выбросил поджаренный хлеб.

После завтрака Брент поднял отца с пола, несколько раз полоснул его и мать бритвой – чтоб была свежая кровь – и пошел чистить зубы в ванную комнату.

Затем он вернулся в спальню, достал из шкафа портупею и надел ее. Нежно погладив лежащий на столе "ругер", Брент взял его и вложил в кобуру. После чего вынул из ящика стола опасную бритву и сунул ее в карман.

Молодой человек взглянул на себя в зеркало и довольно улыбнулся: вот теперь он готов к тому, чтобы идти в университет.

2

Джим окинул взглядом редакционную комнату. Рабочее место Шерил пустует, Эдди и Форд о чем-то яростно спорят, а Фарук молчком сидит в углу. Что происходит, черт возьми? В прошлом учебном году работы было ненамного меньше – такая же вечная напряженка. Однако все как-то справлялись, трудились мирно и никто ни на кого не наеживал. А нынче словно с цепи сорвались – так и норовят оскорбить друг друга, все время ссорятся и грызутся. Дух товарищества, чувство локтя, полусемейная атмосфера – где все это? Где все, чем его так привлекала в прошлом студенческая газета? Пропало начисто.

Теперь "Сентинел" превратился в царство взаимной неприязни – все ябедничают, огрызаются на самые невинные замечания... Словом, кошмар какой-то! А ведь он никогда не был диктатором, никогда ни на кого не наезжал, советовался со своими сотрудниками, старался поддерживать в редакции дружескую атмосферу. Однако в последнее время ничто не срабатывает: ни кнут, ни пряник, ни доброе слово, ни окрик. Работа идет через пень колоду, а отношения между сотрудниками приводят его в ужас.

Да, в этом семестре редакцию не узнать.

А что можно узнать в этом семестре? Все кругом изменилось. Причем исключительно в худшую сторону.

Джим взглянул в сторону пустого кабинета, где прежде частенько сживал куратор. Тяжко принимать все решения одному, без помощи и совета опытного взрослого человека.

Университет теперь не узнать. Редакцию не узнать. Да и сам он себя не узнавал.

Просто диву даешься, как быстро необычное становится обычным, как скоро привыкаешь к вещам, к которым привыкнуть, казалось, невозможно.

Скажем, массовое самоубийство вьетнамских студентов на прошлой неделе практически никого в редакции не взволновало. Университетская жизнь поворачивается так, что самоубийства стали банальностью, обыденным делом. Ничья душа не всколыхнулась. Или они все уже устали от ужасов, внутренне перегорели?

Возможно, в войну у людей возникает такая же реакция – апатия, равнодушие? Быть может, это и есть единственный способ преодолеть полосу несчастий и не сойти с ума? Стать бесчувственной деревяшкой, чтобы твое сердце больше ни на что не отзывалось...

Джим всю сознательную жизнь слышал о том, что возможность продолжать существование людям дает надежда, что она – единственное противоядие против отчаяния. Но сейчас он начинал задумываться над тем, до какой степени это верно.

Писатели и философы неизменно приписывают человеку способность надеяться; именно наличие надежды, по мнению великих мыслителей, отличает хомо сапиенс от животных, именно пресловутая надежда позволяет женщинам и мужчинам не сломаться при неблагоприятных обстоятельствах, выжить в чудовищных условиях, преодолеть страшные испытания.

Полноте! Вполне возможно, что этадвигающая горами "надежда" не более чем измышленное романтиками понятие, надуманная концепция. А на самом деле человеку позволяют справиться с самыми дикими обстоятельствами именно простейшие животные качества – инстинкт самосохранения, звериный эгоизм и умение адаптироваться к непредсказуемому миру или на время впасть в тупую апатию, этакую духовную спячку.

Отчего бы не допустить, что люди могут существовать среди насилия, смерти и прочих ужасов просто потому, что способны достаточно быстро приспособиться к ним?

Некоторые амфибии живут в воде и вроде бы немыслимы вне ее. Но вот наступает страшная засуха, все водоемы высыхают. Однако эти амфибии не погибают. Они способны дышать воздухом, эта возможность заложена в них природой и при необходимости каждый раз срабатывает.

Так и люди, живя в нормальных условиях, плещутся в водах добра. Но вот наступает духовная засуха – война, мор или еще что-то не менее страшное, и все источники добра пересыхают. А люди в большинстве своем не гибнут, не сходят с ума. Природа заложила в них способность дышать воздухом зла, свыкаться с миазмами насилия и смерти – и эта способность

при необходимости непременно срывается..

Боже, Боже, что за мысли! Джим ощущал себя крохотным островком разума в океане хаоса и чувствовал, как волны лупят по его берегам и размывают, размывают их – так что скоро пучина поглотит его всего.

Джим повернулся к окну. Со своего места он видел орды студентов, идущих через площадь. Каждый спешит по делам: кто на занятия, кто в библиотеку, кто в спортивный зал... И похоже, по меньшей мере половине студентов и преподавателей совсем невдомек, что происходит вокруг них, какие зловеющие силы стянуты на пространство университетского городка. А те немногие, кто задумался, кто озаботился – до какой степени они прочувствовали весь ужас свершающегося на их глазах? Администрация университета любит болтать о "сплоченной университетской коммуне", но никакой коммуной тут и не пахнет, а о сплоченности можно говорить, если путать ее с теснотой в общежитиях. Университет – есть масса студентов, которые время от времени встречаются на лекциях и семинарах, причем половина из них зачастую ни словом не обменивается с остальными членами группы, отсидели рядышком лекцию или семинар – и разбежались. Большинство из них так заняты, что им некогда читать "Сентинел", некогда посещать неформальные студенческие мероприятия. А может, они просто слишком ленивы и апатичны, чтобы каким-то образом участвовать во внеклассной жизни университетского сообщества. Они посещают университет но понятия не имеют, что тут происходит. К. У. Бреа – нечто вроде проходного двора, где одна толпа незнакомцев – поменьше – пытается преподавать что-то толпе незнакомцев побольше. Быть может, эта экономия душевной энергии и это поверхностное общение – на ходу, на бегу – вполне устраивают большинство преподавателей и студентов, но что касается Джима, то ему здешнее отсутствие добрых и глубоких отношений между людьми никак не облегчает жизнь. Он бы хотел совсем другого. Как достучаться до наглухо закрытых сердец? Как оповестить о беде?

В довершение всех несчастий Хоуви тяжело болен и тает на глазах. А сегодня и вовсе слег.

Сам Хоуви утверждает, что это обычный грипп.

Он просил Джима передать записку читающему курс мировой истории профессору, что его не будет на ближайшем семинаре по уважительным причинам, но он непременно явится на зачетную работу.

Однако Джим видел, как бледен друг, как слабы его мышцы – координация даже хуже обычного. Конечно, Джим нацепил на лицо веселое выражение и делал вид, что верит в грипп и в быстрое выздоровление Хоуви уже через пару дней. Но при этом на душе было мерзко. Ведь записку пришлось писать ему самому – Хоуви теперь даже руки толком поднять не в силах...

Вполне возможно, что Хоуви уже не оправится.

Эта мысль вертелась у него в голове, сколько он ни отгонял ее.

Вполне возможно, что на этот раз Хоуви уже не оправится.

Если что и утешало Джима, так только его отношения с Фейт.

Пусть это и банальное сравнение, но она действительно луч света в ныне таком темном университетском царстве.

Его отец частенько говорил: самые красивые цветы те, что вырастают на навозной куче. Что ж, не превратись университет в этом семестре в навозную кучу – быть может, Джим не в полной мере оценил бы всю прелесть чистосердечной и доброй Фейт.

Только думая о ней, он не жалел, что вернулся в Бреа после летних каникул.

Перерастут ли их отношения во что-то серьезное, постоянное? Этого он не мог предугадать. Хотя втайне надеялся, что это так.

Но ведь ему и прежде случалось думать, что начинаются серьезные и длительные отношения. Так он полагал, когда встречался и с Кэти, и с Ритой, и с Дженнифер.

Теперь Джим рисовал свое будущее с Фейт – уже пригоняя общий план жизни к конкретным обстоятельствам, прикидывая на какие компромиссы ему придется пойти, если они решат пожениться: где они будут жить, как они будут...

Сзади раздался шум резко отодвигаемых стульев, затем донеслись какие-то необычные звуки. Джим повернулся и увидел, что Форд молотит кулаками Эдди, а тот, прикрываясь,

отступает к стене и сам норовит дать сдачи.

Джима словно пружиной выбросило из кресла.

– А ну прекратите! – заорал он. – Что за скотство! Немедленно прекратить!

Фарук тоже вскочил. Вместе с Джимом они попытались разнять дерущихся.

– Это он начал! Это он! – кричал Форд. – Этот сукин сын...

Эдди вырвался из рук Фарука и ринулся на противника с поднятыми кулаками. Джим держал Форда крепко, и тому пришлось отбиваться от нападающего ногами.

В итоге Джим и Фарук снова растащили драчунов, которые сверлили друг друга ненавидящими глазами и ругались на чем свет стоит.

– Я велел прекратить! – прикрикнул Джим. – Заткнитесь оба! И больше не рыпаться! Мы вас отпускаем, но, если полезете снова выяснять отношения, мы с Фаруком обоих разделаем под орех.

Драчуны наконец замолчали, прислушавшись к грозным ноткам в голосе главного редактора.

– Так, – сказал Джим, – пусть один из вас проваливает отсюда. Второй останется, чтобы вы в коридоре не сцепились. Если до завтра у вас дурь не пройдет, сядем и разберемся, кто прав, кто виноват и что нам делать дальше.

– Я увольняюсь, – заявил Эдди. – Не желаю видеть перед собой гнусное фордовское рыло!

– Это у тебя поганая рожа! – прошипел Форд. – Не знаю, кто тебя заделал твоей мамаше – не иначе какой-нибудь Квазимодо.

– Ты свою мать с моей путаешь – ты, придурок, пальцем сделанный!

Тут Эдди сгреб бумаги со стола в портфель и решительно зашагал к двери.

– Пососи у меня! – крикнул ему вслед Форд. Джим посмотрел на Фарука. Тот пожал плечами: дескать, что на дураков обижаться.

– Ну, из-за чего сыр-бор? – спросил Джим, поворачиваясь к Форду.

Форд кинул на редактора мрачный взгляд, потом отвел глаза и процедил:

– Не твое собачье дело.

Подошел к своему столу, собрал бумаги в портфель и решительно направился к выходу – вслед за Эдди.

Джим счел за лучшее не удерживать его. Черт с ними! Пусть разбивают друг другу носы, если им так хочется.

Фарук устало улыбнулся.

– Благослови Бог сей мирный дом, – пробормотал он.

– М-да... – отозвался Джим.

Он горестно вздохнул, отправился за свой стол и, чтобы больше не думать о мерзком, включил компьютер. Половину утра он уклонялся от работы, занимался рефлексией, а дел на самом деле было по горло – до ленча требовалось отредактировать пять-шесть статей.

Джим принялся работать над первой заметкой. Она касалась плачевного финансового положения К. У. Бреа – дошло до того, что приличные фирмы отказываются вести техническое обслуживание нищающего университета, который не меняет устаревшее и изношенное оборудование, вовремя не делает ремонт зданий и так далее. Джим придумал более эффектный заголовок, разделил на две первую длинную-предлинную фразу и выбросил пару скучноватых абзацев.

– Я иду в столовую, – сказал Фарук. – Прихватить сандвичей для тебя?

Джим оторвался от экрана и отрицательно мотнул головой.

– Как хочешь. Я постараюсь побыстрее обернуться.

Джим рассеянно махнул рукой: дескать, иди, иди. Он перечитал статью и уже хотел переписать на дискету новую, готовую версию, как вдруг экран погас.

– Черт! – воскликнул Джим.

Он выключил компьютер, потом включил его.

Никакого результата.

Тогда Джим проверил провода. Нет, ничего не отошло.

Разогнувшись, он увидел, что экран снова горит, только на нем какие-то странные символы. Это явно не латинский шрифт. Однако и не китайские или японские иероглифы, не

арабские значки и не санскрит. Поначалу Джиму показалось, что это произвольные мелкие рисуночки, которые появляются на дисплее из-за поломки компьютера. Но когда он пригляделся, стало ясно, что невиданные символы двигались по какой-то строгой системе – то по горизонтали, то по вертикали, то образуя круги или более сложные фигуры. Нет, компьютер выполнял какую-то вполне "осмысленную", хотя и загадочную работу. Сборная фигура все усложнялась и усложнялась, напоминая причудливый симметричный клубок зеленых канатов, которые стягивались к центру. Затем "канаты" вдруг начали распутываться. Джим зачарованно следил за происходящим.

Толстые линии из значков перестраивались и перестраивались, и постепенно на экране стало формироваться что-то узнаваемое. Брови, глаза, нос, подбородок, губы, щеки... Лицо!

Вот и волосы – всклокоченные, странные. На Джима смотрела объемная голова. Теперь вокруг нее формировался трехмерный фон, по качеству сравнимый с тем, что бывает в самых лучших компьютерных играх.

Джим хотел отвести глаза от жуткой зеленой головы, но не мог.

Лицо было отвратительно, от взгляда этой рожи стыла кровь в жилах. Похоже, более мерзкого лица Джим никогда в жизни не видел! Однако вместе с тем в этом лице было нечто знакомое... кого-то оно напоминало...

До сознания Джима внезапно дошел тот факт, что он совершенно один в редакционной комнате.

Свет в комнате внезапно погас – вполне естественно, изображение на экране почти удвоило яркость. День был ясный, безоблачный, но солнцезащитные окна приглушали дневной свет. К тому же в редакции стояло столько мебели и перегородок, что затемненных углов было более чем достаточно – потому-то здесь и горел электрический свет среди бела дня.

Теперь каждая тень за спиной вдруг стала зловещей. Особенно сейчас, когда он видел тени боковым зрением.

Джим таращился на голову. И тут из ее рта вылетели первые звуки. Это было что-то среднее между визгом суслика, которому машина отдала лапу, и истеричным плачем ребенка. Звуки были идеально синхронизированы с движениями рта на экране. Этот рот ощерился и оказался полон крупных зубов.

Волосы зашевелились у Джима на голове.

Плач-визг зеленой головы раздавался не из динамиков компьютера, а из колонок, установленных по углам редакционной комнаты.

Джим отлично помнил, что сегодня не подключал компьютер к колонкам. Ну дела!..

Перед глазами все поплыло. Кажется, он вот-вот потеряет сознание. Сердце в груди бешено колотилось.

Тут голова вскрикнула особенно жутко и необычайно громко. Джим вскочил с кресла, не отрывая глаз от рожи на экране. Что бы тут ни происходило, в этом чертовом университете, в чем бы ни заключалась причина страшных событий – ясно одно: здесь действует воплощенное Зло.

Да, воплощенное Зло!

И это Зло настолько могуче, что способно создавать картинки на компьютере, по своей прихоти распоряжаться как электронным мозгом, так и освещением в комнате, да еще врубать неподключенные стереоколонки.

Сила, действие которой он лицезрел, была столь велика, что первым Порывом Джима было взять ноги в руки – убежать из редакции, заскочить в общежитие, по-быстрому собрать вещи в чемоданы и прыгнуть в первый же автобус, идущий в сторону родного Уильямса.

Эта сила отнюдь не тот противник, которому можно противостоять. По крайней мере он, Джим, и помыслить не смеет противостоять такой силе!

Но если не он – то кто? Если он сдрейфит и убежит – что станет с университетом, с его преподавателями и студентами? Джим хотя бы отчасти понимает, что происходит, а это уже полдела! Он осознает всю опасность ситуации и может предпринять какие-то шаги, всполошить всех, заставить действовать... Просто смыться при таких обстоятельствах не только трусость, а мерзкая безответственность!

Он подумал о Фейт. Он подумал о Хоуви.

У него есть обязанности по отношению к людям, которые ему дороги. И долг перед собственной совестью.

Но решимость бороться до конца несколько не уменьшила сиюминутный животный ужас.

Сердце Джима выскакивало из груди, волосы на руках стояли дыбом. Он не просто перепугался, он ошалел от страха. Ничего подобного он никогда не видел, да и предположить не мог что подобное может существовать, что он может столкнуться с подобным...

Он посмотрел на молчащее лицо на экране.

Монстр ухмыльнулся.

И снова начал громко верещать.

Джим опрометью бросился вон из комнаты.

Джим ворвался в кабинет Яна Эмерсона без стука.

– Профессор Эмерсон! – не своим голосом закричал он с порога.

Ян привскочил в кресле от неожиданности. Джим взял себя в руки и более спокойным тоном сказал:

– Мне надо поговорить с вами. Профессор устало кивнул:

– Проходите, садитесь.

Но Джим так и остался на пороге. Только дверь за собой прикрыл.

– Я не знаю, к кому мне обратиться. Но поскольку я с вами беседовал некоторое время назад, я подумал... – Тут он осекся, сделал громкий вдох и выпалил:

– В нашем университете завелась нечистая сила!

Ян мрачно кивнул:

– Да, я знаю.

– Как? Вы... знаете?

– Во время прошлого разговора я солгал. Извините. Здесь действительно происходит что-то необычное. Я заметил это не одну неделю назад. Всем нутром ощутил. Я никак не мог понять, что же это такое, и до сих пор не могу сформулировать свои опасения, внятно объяснить, что меня так пугает. Но ясно, что это страшное чувствуется с каждым днем все сильнее и сильнее...

– Интуиция вас не обманывает. Только что это "страшное" выперло меня из редакционной комнаты. Я вылетел как ошпаренный.

Джим быстро изложил все, что произошло. Про компьютер, про лицо, про визжание, про колонки, которые сами включились, про электрический свет, который сам выключился...

Ян внимательно выслушал.

– Идемте, – сказал он, – я хочу взглянуть своими глазами. Возможно, эта рожа все еще на экране.

Возвращаться в редакционную комнату Джиму совершенно не хотелось. Но было очень важно, чтобы профессор увидел то, что захватило экран компьютера... и не увидел Джимову трусость.

Быть может, профессор Эмерсон сообразит, что делать в этой дикой ситуации. А если он и не подскажет выход, то по крайней мере засвидетельствует сверхъестественное явление. Одно дело рассказ студента, совсем другое – подтверждение со стороны солидного профессора.

К тому же чего бояться-то? Ведь страшная рожа не выпрыгнет из компьютера, не укусит...

Но с чего он решил, что не выпрыгнет и не укусит? Очень даже запросто выпрыгнет и в миг оторвет их глупые головы...

С такими невеселыми мыслями поднимался Джим по лестнице вслед за профессором Эмерсоном.

В редакционной они обнаружили Фарука. Джим совсем забыл про него!

Фарук сидел за своим столом и преспокойно уплетал сэндвич.

Верхний свет горел, и вообще не было никаких признаков того, что в помещении совсем недавно происходило нечто сверхъестественное.

Компьютер на столе Джима был выключен, экран не горел.

– Клянусь... – начал Джим, невольно краснея.

– Я верю вам, верю! – быстро сказал профессор. Джим включил свой компьютер. Появилось обычное начальное меню. Он выключил машину и посмотрел на профессора

Эмерсона.

– Почему вы решили сделать поворот на сто восемьдесят градусов? – спросил он тихо, чтобы Фарук не слышал их беседы. – Вдруг безоговорочно мне поверили?

– Я вам и прежде верил.

– Зачем же вы лгали? Ян пожал плечами:

– Ну, сейчас это не важно.

Джим пристально смотрел в лицо профессору и думал, не свернуть ли разговор. Пусть Эмерсон уходит – и вся эта история остается без последствий. Он ощутил неловкость и сомнительность своего положения. Коль скоро профессор так и не увидел зеленой компьютерной рожи, то их общение остается столь же трудным, как и раньше.

– Ну и что нам теперь делать? – робко осведомился Джим.

Ян печально усмехнулся и потряс перед Джимом тоненькой книжкой, которую он прихватил из своего кабинета.

– Согласно этому тексту, мы должны взорвать университет.

– Взо... взорвать? Что вы имеете в виду?

– Ну, я имею в виду именно то, что говорю, – сказал Ян и руками показал взрыв:

– Ба-бах! – Затем он протянул книгу студенту и пояснил:

– Здесь написано, что университет следует уничтожить. Это работа моего в кавычках друга – того самого бородача, с которым вы имели столь взволновавшую вас беседу.

Джим нервно облизал губы.

– И что же мы сделаем? – спросил он почти шепотом. – Достанем динамит или еще что-нибудь в этом роде?

Ян отрицательно мотнул головой.

– Это не я говорю, что университет следует взорвать. Это он так думает. Не рискну утверждать, что я целиком и полностью поддерживаю его мнение. Однако я собираюсь побеседовать с ним, сообщить ему о последних событиях, посоветоваться – заодно и послушать, что новенького узнал он.

– А что, по-вашему, нам надо сделать?

– Понятия не имею.

– Быть может, прибегнуть к какому-то ритуалу по изгнанию нечистой силы? Что-то вроде обрядов экзорсизма...

Ян улыбнулся:

– Вам непременно надо походить на мой курс литературы ужасов. Я думаю, вы будете первым учеником в группе.

– А что, если... эта штуковина вернется? Вдруг страшная рожа снова появится на дисплее?

– Что ж, просто выключите компьютер... – Тут профессор осекся. – Погодите, к вашей машине подсоединен принтер?

Джим утвердительно кивнул.

– Нажмите клавишу "печатать с экрана". И попробуйте запечатлеть эту рожу на бумаге. Будет хоть какая-то зацепка для начала серьезной работы.

Джим вспомнил страшную голову на дисплее и невольно содрогнулся.

– Хорошо, – произнес он, – я обязательно попробую. Говоря по совести, я испугался до смерти. Мне жаль, что я не сообразил нажать кнопку "печатать с экрана".

– Не стыдитесь своего страха, – сказал профессор. – Я отлично понимаю, что вы испытывали. – Он огляделся и спросил:

– Послушайте, а у вас тут есть старые подшивки "Сентинел"?

– Да.

– Случайно они не введены в компьютер?

– Нет. А почему вы спрашиваете?

– Я бы хотел попросить вас о маленькой услуге. Надо провести кое-какое исследование. Если вас это не слишком затруднит, просмотрите как можно больше старых номеров "Сентинел" и подсчитайте количество смертей, случившихся на территории университета с самого его открытия. Всех смертей – включая самоубийства, убийства, несчастные случаи, необъясненные внезапные кончины и так далее. Надо обращать внимание и на все

сопутствующие странные факты. Словом, помимо статистики смертей необходимо собрать информацию обо всем странном, из ряда вон выходящем, что произошло здесь на протяжении всей университетской истории.

Джим кивнул:

– Я понимаю, чего вы хотите. Постараюсь.

– Трудно предугадать, что это нам даст. Однако всякое знание – сила. И быть может, мы случайно натолкнемся на что-либо интересное, полезное.

– Ну а пока что? Просто сидеть сложа руки и ничего не предпринимать?

– Если вы предложите какие-то позитивные конкретные действия, я охотно выслушаю. Только не заходите слишком далеко в своих проектах. Университет взрывать меня что-то не слишком тянет... Хотя, похоже, взрыв пока что является единственной конкретной программой действий. Впрочем, можно кое-что попробовать. Поговорите о происходящем со всеми своими близкими друзьями – с теми, кто, по вашему мнению, способен вас выслушать и не поднять на смех. Попытайтесь предупредить их об опасности. Чем больше людей знает об опасности, тем лучше. Может, кого-то осенит, как с ней надо бороться. И, конечно же, держите уши и глаза открытыми. – Ян пожал плечами. – Словом, что я могу посоветовать... Будьте начеку.

– Куцая получается программа действий, – со вздохом сказал Джим.

– Вы правы, – согласился профессор. – Пока что придется ограничиться этим.

Джим так и не смог окончательно выкинуть из головы слишком яркое воспоминание о компьютерном лице. Однако он сумел вытеснить его на периферию сознания до такой степени, что все-таки взялся за работу и отредактировал остальные статьи.

В начале вечера номер был сдан точно вовремя. Вот! Могут же, когда постараются! Если бы в редакции прекратились раздоры и все трудились добросовестно, то номера сдавались бы по графику и редакция имела бы реноме группы компетентных профессионалов, которые работают быстро и эффективно.

Однако теперь, после конца рабочего дня, Джим испытывал неприятное чувство. Он, спешил уйти из редакции вместе со всеми. Было даже страшно представить, что он может остаться вечером один в этом помещении. Особенно когда стемнеет.

Эта тварь запросто вырубит свет!

Но становилось не по себе и от мысли, что будет после того, как все сотрудники уйдут, свет будет выключен, все двери заперты.

Джим представил себе, как в темном помещении разом загораются экраны всех компьютеров и на каждом высвечивается зеленая объемная голова, которая то ли верещит от боли, то ли угрожает кому-то на непонятном языке.

Джима так и подмывало рассказать о своей тайне другим сотрудникам редакции, но он понимал, насколько это рискованно. Его примут за чокнутого. В Фаруке он не сомневался – парень умный и восприимчивый. Если он подслушал хотя бы часть беседы Джима с профессором Эмерсоном – не велика беда. Так или иначе, он не подал вида, что слышал что-то или о чем-то догадывается. Когда Джим попросил его выключить свет и запереть дверь, что главный редактор делал обычно сам, Фарук подчинился безропотно.

Джим ждал его в коридоре, на полпути к лифту, и упрекал себя за то, что послал приятеля, ни о чем не предупредив. Мало ли какие там могут быть неожиданности...

Но тут появился Фарук.

– Большое спасибо, – с чувством произнес Джим. Фарук странно покосился на него и бросил:

– Не за что.

Джим сделал все, чтобы к лифту они шли большой группой. Когда Джин вспомнила, что забыла в комнате какую-то папку, он остановил коллег и заставил дожидаться, когда она вернется. Джим не мог найти предлога послать с ней еще кого-нибудь, а сам пойти не решился – струсил.

Его поведение, наверное, удивило сотрудников, но ему было наплевать. Сегодня он предпочитает быть в коллективе до тех пор, пока не окажется на улице. И по мере сил не подставлять других.

Фарук понес готовый номер в типографию. Джин направилась в библиотеку, а остальные

зашагали в студенческий клуб – отдохнуть и расслабиться. Они приглашали Джима с собой, но он вежливо отказался – сказал, что ему надо заглянуть к больному Хоуви.

Расстались у выхода здания. Джим зашагал в сторону автостоянки, за которой находилось здание общежития. Но как только его сотрудники скрылись за поворотом, Джим побежал, словно за ним собаки гнались.

И не останавливался и даже не замедлял бега до самого общежития. Только там он ощутил себя в безопасности.

3

Бакли мог лишь гадать, что случилось: он ли сегодня был из рук вон плох, или студенты слушали невнимательно. Так или иначе, занятие не задалось, и он отпустил учащихся своего чосеровского семинара на целый час раньше.

Сегодня намечалось обсуждение "Рассказа мельника" – обычно это кульминация всего курса, самое оживленное и любопытное занятие. Но сегодня семинар тянулся, как жила в сосиске, и расшевелить студентов не удалось – каждый его вопрос встречал такие кислые лица, что Бакли ощущал себя зубодером.

И в конце концов он сдался. Ему надоело слушать одного себя, стало противно от того, что прелестные, полные юмора эпизоды новеллы падают словно на глухие уши – у студентов были тупые отсутствующие лица. Бакли распустил группу, велел написать к следующему занятию трех– или четырехстраничный разбор "Рассказа мельника", ориентируясь на определение юмора, данное не Нортропом Фраем, а Хью Холманом.

Это задание будет обременительно не только для студентов, но и для него самого – надо прочитать, выставить оценки. Но все легче, нежели вести лекцию, которую никто не слушает. Пусть понесут заслуженное наказание и помучаются, сочиняя эти три-четыре странички.

Кстати, их работы не обязательно проверять самому – можно передать ассистенту.

Бакли взглянул на часы и собрал портфель. Восемь тридцать. Неплохо. Будет дома к девяти и успеет посмотреть по телику "Клоунов-убийц из космоса".

Нет лучше способа закончить неудачный день, чем посмотреть по телевизору талантливую "страшилку"!

Бакли выключил свет в аудитории, запер дверь и направился по коридору к лифту.

В коридоре уже никого не было. В полной тишине он слышал свое дыхание и скрип туфель. Это было не слишком приятно.

Он ускорил шаги.

Сегодня днем Ян усадил его в своем кабинете и рассказал ему сущую дичь касательно университета.

Бакли был скептиком из скептиков, но, слушая друга, он чувствовал, что сегодня его скептицизм срабатывает не в полную силу.

Конечно, он принялся возражать Яну, потому что угадал, чего тот от него хочет: логического разбора сказанного и четкой аргументации против – словом, хорошей дозы здорового рационализма против иррациональной концепции. Однако самым удивительным было то, что рассказ Яна несколько не шокировал Бакли. Он как бы ожидал чего-то в этом роде.

Правда, демон на экране компьютера – это уж слишком, такое трудно проглотить.

Впрочем, данный конкретный эпизод Бакли списал на стресс – у парнишки была галлюцинация от нервного перенапряжения.

Но что касается небывалого уровня преступности, противоестественного поведения многих студентов и преподавателей – здесь нельзя было не согласиться. Бакли, при всей его репутации рассеянного ерника, далекого от жизни, на самом деле все кругом подмечал. Поэтому был в курсе всего того, что творилось в университете. И сверхъестественное объяснение ему не казалось таким уж глупым. Но сам он охарактеризовал бы происходящее как проявление исконной гнусной человеческой природы. Если тут и присутствует сверхъестественное, то ему не было нужды трудиться и слишком долго подбивать людей на плохие поступки – они с готовностью ринулись выполнять пожелания Зла.

Даже появление демона на экране, если подумать, могло быть не галлюцинацией, а вполне реальным фактом. Возможно, какой-то спятивший компьютероман нарочно ввел в машину несчастного редактора программу с этой зеленой рожей – чтобы напугать парня.

Бакли нельзя было удивить отвратительным поступком – он и так постоянно ожидал от людей всяческих пакостей. Только относился к этому философски: он был веселым пессимистом.

А в нынешнем семестре университетская публика словно сговорилась давать пищу его мрачному веселью по поводу порочной человеческой натуры.

Лифт прибыл, Бакли вошел в кабинку и нажал кнопку первого этажа.

Он всегда считал К. У. Бреа странным местом. С тех самых пор, как начал преподавать здесь. Поскольку он никогда не работал в других университетах, то ему временами казалось, что все высшие учебные заведения точно такие же. Но чаще думалось, что К. У. Бреа – некое исключение, какая-то патология в здоровом сообществе университетов.

Еще в самом начале работы Бакли был поражен всеобщей враждебностью здешних людей – и преподавателей, и студентов, и администрации. Разумеется, на лицах у всех цвели улыбки – как и положено. Однако он нутром чувствовал, что за этими улыбками гораздо меньше искреннего чувства, чем в любом другом месте. Он только с трудом мог бы указать на конкретные проявления взаимной немотивированной враждебности – она была как бы разлита в воздухе. Все, с кем он контактировал на территории университета, относились к нему с глухой ненавистью, словно к нежелательному чужаку.

Сперва он относил это на собственный счет – думал, что он один вызывает такое отторжение. Затем пригляделся и увидел, что взаимная скрытая неприязнь царит в отношениях почти всех людей, у которых есть дело на университетской территории.

С годами первое гнетущее впечатление сгладилось, у него появились друзья, люди кругом уже не казались такими буками. Однако количество недоброй энергии продолжало удивлять: сколько грызни в среде преподавателей, какие психованные студенты, как высок среди них процент неврастеников и ребят, страдающих разными формами депрессии!

Словом, Бакли с самого начала относился к университету как к месту странному и малопривлекательному. Он не чувствовал себя уютно в его стенах.

А уж в этом семестре все вообще пошло вразнос. Похоже, то скрытое отрицательное напряжение, которое он подмечал на протяжении нескольких лет, теперь выходило наружу. Злоба начинала перекипать через край. Так сказать, крысы вылезли из нор и перешли в открытое наступление.

И это многие замечали.

Скажем, такой прожженный типчик, как бармен Майк в заведении Бреннана, куда Бакли частенько заходил, – даже Майк при последней встрече пожаловался ему, что в этом семестре студенты словно озверели: взаимное хамство и бессмысленная драчливость достигли запредельного уровня. По словам Майка, за последний месяц ему пришлось вышвырнуть из бара за отвратительное поведение столько же студентов, сколько за предыдущие три года. Он подумывает о том, чтобы нанять вышибалу, потому что в одиночку уже не справляется с такими агрессивными посетителями. "Храм науки, мать его! – сказал Майк. – На деле самый настоящий гадюшник!"

Да, странные дела творятся в университете.

Лифт остановился на первом этаже, Бакли пересек холл и вышел на улицу. Вечер был прохладный, но влажный, так что было душновато. В свете ламп замечалась оранжеватость воздуха – опять смог, черт бы его побрал!

Время только близилось к девяти, но университетская территория была почти пустынна. Парочка на скамейке, студент на дорожке, еще один – пьет кофе у киоска-пирожковой.

Бакли пошел через центральную площадь. Слева от него был ярко освещенный корпус ИВИ – исполнительских видов искусства. Судя по количеству огней, там не просто занятия, а какое-то большое событие. Концерт или спектакль? Странно, ни в газете, ни по радио никаких объявлений не было.

Бакли свернул к корпусу ИВИ. А ну как что-либо любопытное!

На стенде перед входом висел плакат: "ТРИО:

ФЛЕЙТА, РОЯЛЬ И ВИЗЖАЩИЙ ФЛАГЕЛЛАНТ. МАЛАЯ СЦЕНА. 20.00".

Бакли удивленно сдвинул брови, открыл дверь и вошел в холл. Со стороны зала доносились звуки флейты и рояля – в сопровождении истошных криков.

Что за хрень такая?

Какая-нибудь шутка, подумал профессор. Однако в глубине души он уже понял, что шуткой здесь и не пахнет. Его даже подташнивало от нехорошего предчувствия.

Бакли прошел через холл мимо входа в Большой зал и направился к Малому. Звуки флейты и рояля становились все слышнее.

Затем последовала новая серия воплей.

Бакли вошел внутрь.

Студенточка в аккуратном голубом костюмчике билетерши протянула ему программку, но он, не обращая внимания, пересек фойе и оказался в темном зале.

Похоже, там не было ни одного свободного места.

На сцене лысый пожилой мужчина во фраке играл на рояле, а молоденькая женщина в вечернем платье с открытыми плечами играла на флейте. Слева от этой пары устроился крупный мужчина, настоящий громила, одетый в плотно обтягивающий кожаный костюм. Перед ним на пюпитре стояли ноты. Глядя в них, он периодически поднимал плетъ, которую держал в правой руке, и бил ею совершенно голого мужчину, привязанного к двум столбам.

Голый мужчина истекал кровью от многочисленных ран на всем теле. Он корчился от боли. В промежутках между ударами он жутко стонал, а когда плетъ касалась его тела – истошно вопил и извивался.

Бакли невольно закрывал глаза при каждом ударе плети. Однако зрители в зале получали видимое удовольствие. Одни самозабвенно покачивали головой при каждом ударе, другие отбивали ритм сложенными в трубочку программками.

Мороз пробегал по спине Бакли. Чего только в жизни не бывает!.. Возможно, это действительно спектакль. Актеры – чудной народ, в наше время они на сцене всякое творят: и раздеваются, и трахаются. Стало быть, могут, потехи ради, и калечить себя, и делать на глазах у публики татуировки или ставить друг другу клизмы – Бакли слышал о таком. Быть может, то, что он сейчас видит, относится к разряду подобных маразматических представлений?

Да вот только зрители совсем не те, что посещают подобные мерзопакостные спектакли. Бакли обвел глазами зал. Сплошь люди за пятьдесят – очевидно, бывшие студенты К. У. Бреа и патроны университета. Все в строгих костюмах и платьях. Консервативнейшая публика. Не какая-нибудь богема, готовая скушать любое дерьмо и облизаться.

Несоответствие между происходящим на сцене и чинными пожилыми зрителями было ошеломляющим. У Бакли закружилась голова от ирреальности увиденного.

В ярком свете прожекторов плетъ "удачно" опустилась на спину избиваемого мужчины – во все стороны полетели брызги крови. Следующий удар исторг особенно дикий крик из груди флагелланта – плетъ полоснула его по гениталиям.

До Бакли дошло, что порка происходит помимо воли избиваемого. Несчастный был близок к агонии. Характер и количество ран говорили о том, что зрители присутствуют на самом обычном убийстве, а не на кровавом, но все же спектакле. Ни один мазохист не подвергает себя такой смертельной опасности. Значит, человек привязан к столбам неспроста и привязан по-настоящему – так, что он не может прервать действие, когда оно зайдет слишком далеко. А оно уже зашло слишком далеко...

Бакли вздрогнул всем телом – кто-то прикоснулся к его плечу.

Он резко обернулся и увидел билетершу в голубенькой форме.

– Извините, сэр, – сказала она. – Вам бы лучше сесть, я провожу вас на свободное место.

– Нет, нет, я уйду, – торопливо сказал Бакли. Билетерша понимающе улыбнулась:

– Я так и думала, сэр.

Бакли выхватил программку из ее рук и быстрым шагом пошел прочь из театра. Он чувствовал, что лицо его искажено ужасом, и надеялся отдышаться в холле, прийти в себя и выйти на главную площадь в нормальном виде – чтобы люди не шарахались от него.

За спиной продолжало звучать изломанное арпеджио воплей флагелланта.

4

Наступила ее очередь участвовать в закрытии библиотеки, и Фейт добровольно вызвалась помогать на первом, третьем и пятом этаже.

Лишь бы ее не назначили на шестой этаж.

Уже не один раз она пыталась намеками выведать, как другие девушки относятся к шестому этажу. Но ни Тленна, ни Сью не испытывали ни малейшего дискомфорта на шестом этаже. Похоже, болезненная реакция наблюдалась только у Фейт. Другие вроде бы ничего странного на последнем этаже не замечали и работали там совершенно спокойно, не тревожась о какой-то неведомой неопределенной опасности.

Фейт пришла к выводу, что зря она так боится шестого этажа. Это все избыток воображения, преувеличенные и беспочвенные детские страхи.

Однако теперь ее вера в свою интуицию выросла – после разговора с Джимом, который предупреждал ее об опасности университета, а также после собственного жуткого опыта на аллейке, где из кустов на нее вылетело нечто страшное, крылатое. Возможно, следует больше доверять глубинным бессознательным страхам.

Инстинкт – штука надежная.

Джиму она ничего не рассказала про жутковатое приключение в аллее. Неизвестно почему. Она стыдилась этого своего молчания. Ей было совестно, что она не доверилась ему. Как будто этим предала его, обманула и переметнулась на сторону враждебных ему сил. Конечно, глупая мысль...

Действительно ли глупая?

Нет. Это была правильная мысль. Фейт была в курсе опасений Джима и его желания знать о всех необычных явлениях на университетской территории. Он сказал, что знания дают силу и ему нужно обладать всей полнотой информации о странных или сверхъестественных событиях.

Так почему же она промолчала о том, что случилось с ней в той аллее?

Возможно, просто хотела побереечь ему нервы, не пугать его. Ведь он тут же заведет прежний разговор о том, что ей надо незамедлительно бросить К. У. Бреа. Таким образом, в конечном счете она оберегала от волнений себя – не хотелось выслушивать очередную нудную проповедь.

И все же нет, причина ее молчания не в этом.

Она не знала подлинной причины – только чувствовала, что у ее молчания какие-то низменные, грязные мотивы.

И поэтому девушку мучила совесть.

Поскольку Фейт впервые участвовала в процедуре закрытия библиотеки, Гленна вначале подробно проинструктировала ее, а потом сопровождала подругу на первом и третьем этажах, чтобы та не допустила никаких промахов.

Следовало предупредить о закрытии всех служащих и последних читателей. Для этого обходили книжные залы, запасники, служебные помещения и туалеты – словом, заглядывали чуть ли не в каждый угол, чтобы никто случайно или намеренно не остался в здании библиотеки.

После того как все до одного служащие и читатели покидали проверяемый этаж, Фейт должна была выключить свет.

Гленна занималась тем, что проверяла отключение компьютеров и ксероксов, запирала двери и включала сигнализацию. Дел у нее было много, поэтому она поручила Фейт самостоятельно обойти пятый этаж – подвела ее к лифту, а сама поехала на первый этаж.

Когда Фейт очутилась на пятом этаже, она начала обход с того же, что и на третьем, – с туалета, который был расположен почти у самого лифта.

Она зашла в женский туалет, заглянула во все кабинки и выключила свет. Потом направилась в мужской туалет, предварительно постучав в дверь и громко крикнув: "Библиотека закрывается!" Никто не отозвался, и она зашла внутрь.

Самая дальняя кабинка была занята – кто-то переступал с ноги на ноги и рвал бумагу.

– Ах, извините! – смущенно воскликнула девушка и, невольно покраснев, быстро вышла вон. Она решила идти дальше, чтобы не смущать мужчину, когда тот выйдет. Свет в мужском

туалете можно выключить позже, уже обойдя весь этаж.

Тут в ее сознании мелькнул детский вопрос: как странно, что она не почувствовала вони. Мужчина уже рвал бумагу – стало быть, он уже... А впрочем, черт его знает, может, его дерьмо без запаха.

Фейт улыбнулась своей глупой мысли и зашагала по коридору. Большинство сотрудников и читателей уже заметили, что свет везде притушен в знак того, что библиотека закрывается, и покинули этаж. Однако кое-кто все же оставался – Гленна не зря предупреждала, что всегда кто-то задерживается. В одной из маленьких читальных аудиторий Фейт натолкнулась на группу студентов, потом увидела девушку, которая искала какую-то книгу на стеллаже... Она всех направляла к выходу.

В коридоре ей встретился парень, шагавший к лифту. Он был немного похож на Кейта, и мысли Фейт переключились на брата. Недавно он переселился от них в гараж приятеля на Райтт-стрит. Когда матери не было дома, он приходил за своими вещами. Фейт попробовала расспросить его о дальнейших планах. Он отмахнулся от нее. Поэтому вопрос о том, ушел ли он из дома навсегда или только временно переселился к другу, так и остался открытым. Разговаривать с Кейтом – все равно что идти по тонкому льду. Фейт всегда боялась его чем-то обидеть. Если Кейт еще колебался и не принял окончательного решения, то она могла все испортить своим настойчивым выпытыванием или случайным грубым словом: а ну как разговор повернется так, что Кейт будет загнан в угол, сгоряча поклянется никогда не возвращаться и отрежет себе дорогу назад. Он упрямый и гордый. Такому если что втемяшится в голову, ничем не выбьешь...

Что касается мамы, то она, похоже, даже не заметила, что сын больше не живет в ее доме.

Этой пьянчужке и шлюхе наплевать.

Ох-хо-хо, если бы библиотека работала круглые сутки! Тогда бы Фейт никогда не возвращалась домой. Спала бы где-нибудь в глухом уголке на столе...

Девушка обходила комнату за комнатой, быстрым шагом прошла между всеми рядами стеллажей. Кажется, никого на этаже больше не осталось. Теперь надо еще раз проверить мужской туалет, а уж потом выключить свет.

Она зашла в туалет. Кабинка была все еще занята. У этого типа что – понос? Она постучала в дверь. Ответа не последовало, но раздался звук спускаемой воды, потом зазвенели монеты в кармане – мужчина надевал штаны.

Фейт быстро вышла в коридор и стала ждать у стены напротив выхода из туалета. При этом она делала вид, будто рассматривает схему этажа, висевшую у лифта. Ей не хотелось встречаться глазами с мужчиной, когда он выйдет из туалета.

Однако он все не выходил.

Она скучала и сердилась.

Прошла минута. Две. Три. Четыре.

Что-то тут не то. Что-то тут нечисто. Фейт стало не по себе. Девушка вдруг ясно осознала, что на пятом этаже она совсем одна.

Она одна – и этот тип в сортире.

Но откуда ей знать – кто там? Или что там?

Мороз пробежал по спине, когда она вспомнила про "нечто", полетевшее на нее из кустов на той аллее.

Теперь девушку трясло от страха. Инстинкт подсказывал: немедленно беги отсюда, спускайся вниз, зови охранников или на худой конец вернись сюда с Ренни, дюжим сотрудником библиотеки почти двухметрового роста.

Но гордыня не желала принимать подсказку инстинкта самосохранения. Разве она не папина дочка? Разве он не учил ее: не будь пугливой дурой, не предавайся пустым страхам? Достаточно того, что прошлым вечером она как последняя глупая визгуха удрала из аллеи – испугалась какой-то тени, быть может, птицы или летучей мыши! Это было так унижительно! Хватит, сегодня она не струсит!

"Унижительно".

"Вот оно – ключевое слово. Потому-то я ничего и не сказала Джиму", – вдруг сообразила

она. Ее бегство было в высшей степени унижительно. Ей стыдно признаться Джиму в своей трусости.

Хотя Фейт и решила быть храброй, у нее все поджилки тряслись. Пересилив себя, девушка стала медленно приближаться к двери мужского туалета.

Если внутри чокнутый или извращенец и он планирует напасть на нее – что ж, она умеет драться, она знает приемы и не растеряется. Она так наломает бока придурку, что он век помнить будет! Ну а если там никого нет, если тот тип успел тихонько выбежать, пока она таращилась по сторонам – тем лучше. Она выключит свет и пойдет восвояси.

Главное – не бояться, быть собранной, готовой к любой неожиданности...

Фейт сделала глубокий вдох и вошла в туалет.

– Библиотека закрыта! – громко сказала она. – Покиньте помещение!

Настороженно озираясь, она прошла мимо писсуаров в дальний конец комнаты, где находилась запертая кабинка.

– Будьте добры покину...

В этот момент свет внезапно погас.

Темнота ослепила.

В этой темноте раздался какой-то шорох – будто мяли бумагу. И тут же она различила слабое свечение зеркала на стене над рядом умывальников. В этом зеркале что-то шелохнулось.

Фейт пулей устремилась к выходу. Выбежав в коридор, она не стала останавливаться, чтобы нажать кнопку лифта, а сразу метнулась к лестнице и через две ступеньки помчалась вниз.

Остановилась она только на первом этаже, в ярко освещенном холле.

Глава 20

1

Они не ходили в кино уже несколько недель, поэтому решили съездить в соседний с Бреа городок и посмотреть в тамошнем кинотеатре новый импортный фильм – изысканную французскую романтическую комедию. Эленор понравилось, а Яну – нет. На обратном пути остановились в магазине "Хааген-Дас", купили несколько свежих йогуртов, без консервантов, затем прошлись по берегу, взобрались на утес и сели на парковой скамейке. Оттуда открывался прекрасный вид на океан.

Йогурты они съели в тишине – доносился лишь плеск океанских волн. Когда Ян был рядом с Эленор, университет в Бреа казался далеким кошмарным сном. Безумие последних нескольких недель выветривалось из памяти, становилось давней историей.

Объятый душевным покоем, Ян смотрел на барашки волн, чуть флуоресцирующих на общем темном фоне. Вдалеке покачивались огоньки кораблей.

– Так почему же ты не хочешь, чтобы я занималась в Бреа? – спросила Эленор. – Только по-честному. Ты и впрямь считаешь, что в этом университете небезопасно?

Вопрос застал его врасплох. Мгновенно все прежние тревоги вернулись, и вечер был необратимо испорчен. В невинную прелесть окружающей природы вторглось нечто враждебное, отвратительное.

– Нет, – сказал Ян. – Конечно же, нет.

– Я и не предполагала, что ты относишься к этому типу мужчин. Как трудно угадать, что у мужчины в душе! Мой бывший муж казался мне таким современным человеком, таким прогрессивным, когда мы с ним познакомились. Но как только я стала продвигаться по служебной лестнице, а он застрял в своей карьере, у него появились недобрые чувства – будто мой успех ущемляет его в чем-то.

Впервые Эленор по своей воле заговорила о своем бывшем муже. Обычно приходилось выдавливать информацию по капле. И этих капель набралось совсем немного. Ян поспешил воспользоваться ее необычной разговорчивостью.

– Именно эта ревность к твоим успехам и привела вас к разрыву?

– И это, и то, что он завел за моей спиной одну блондинистую засранку. – Эленор улыбнулась, но какой-то невеселой улыбкой. – Так что у нас с тобой в этом вопросе кое-что общее.

Было странно слышать из ее уст грубое слово – обычно она избегала вульгарных выражений.

– Ты когда-нибудь скучала по нему? Эленор посмотрела на Яна и ответила вопросом на вопрос:

– А ты когда-нибудь скучал по Сильвии?

– Иногда, – признался он.

– Ну, вы-то были вместе намного дольше.

– А ты совсем не скучаешь по нему? Она отрицательно мотнула головой.

– Что ж, это хорошо.

Они посмотрели друг на друга и разом расхохотались.

Ян бросил пустую коробочку от йогурта в мусорную корзину, обнял Эленор и поцеловал ее. Ее губы имели шоколадный привкус, а язык – кокосовый.

Она отодвинулась от него и спросила:

– Ну и что теперь?

– То есть?

– Ты уже не против того, чтобы я занималась в Бреа?

– Ну, я ведь и раньше не топал ногами и не размахивал пистолетом.

– Как сказать. Пистолетом ты действительно не размахивал, но слышал бы ты, каким грозным тоном ты велел мне заниматься где угодно, только не в Бреа. Практически это был категорический запрет.

– Ты преувеличиваешь.

– Не увливай. Ты мне строго-настрого запретил ходить на занятия в Бреа. И я хочу знать – почему?

– Я же говорил тебе – статистика преступлений...

– Брось! Тут кроется еще что-то. Я хочу знать настоящую причину.

Он посмотрел на волны, потом снова повернулся к Эленор.

И начал рассказывать.

Он рассказал ей все – начиная с появления Стивенса на его семинаре и кончая зеленой рожей, которую Джим видел на экране компьютера. В промежутке вкратце перечислил самые мерзостные преступления, совершенные за этот период на территории университета: изнасилования, массовые беспорядки и прочее.

Ему стоило большого усилия довериться ей и ничего не утаивать – ни своих чувств, ни своих страхов. Однако по мере рассказа Ян ощущал, как с него спадает груз этих последних недель – ему стало заметно легче. Это было что-то вроде... что-то вроде победы – то ли над собой, то ли над чем-то посторонним и враждебным внутри себя.

Доверие.

Вот к чему все свелось. Он обрел доверие. И в этом была его победа. После Сильвии, после той ужасной сцены на полу, с другим мужчиной, ему казалось, что ни одна женщина не достойна доверия...

До сих пор Ян боялся раскрыться перед Эленор – стать уязвимым. Но вот он начал выговариваться – и она не спешила смеяться, не спешила с порога отметать все его страхи и предположения. Это было так отрандно! В нем росла уверенность, он говорил все горячее, все раскованнее, уже меньше придерживался конкретных фактов, а больше описывал свои неясные чувства... Ему хотелось, чтобы она в итоге сама поняла, как ей опасно учиться в Бреа.

Когда он закончил рассказ, Эленор энергично кивнула.

– Хорошо, – сказала она.

Он непонимающе заморгал глазами.

– Хорошо? Что значит "хорошо"? "Хорошо" – больше ничего?

– Я не дуручка. Ты и сам знаешь, я не очень-то верю в сказки о сверхъестественном. Но мне не хочется отвергать что-то лишь потому, что оно не совпадает с моими собственными

взглядами. Я не думаю, что ты мне лжешь. Возможно, ты заблуждаешься, но говоришь ты искренне, и это главное. Если правдой является хотя бы часть из того, о чем ты рассказал, то мне, естественно, нечего делать в Бреа. Я буду заниматься в Ирвине.

– Стало быть, ты мне поверила?

– Вряд ли я способна безоговорочно принять любую профессорскую теорию. Ты умница и можешь придумать такое!.. И даже поверить в это! Однако тут столько убедительных фактов, странных для восприятия любого нормального человека, что волей-неволей усомнишься. К тому же не ты один заметил противоестественность происходящего... – Тут она посмотрела ему прямо в глаза. – Я поверила не столько твоим теоретическим построениям, сколько твоему инстинкту, который чувствует что-то дурное.

– Ну и слава Богу, – сказал Ян, радостно улыбаясь. – Большого я и требовать не могу. Я долго ломал голову над тем, как мне отговорить тебя от учебы в Бреа, – и при этом не сказать всей правды.

– Напрасно ты так долго держал все это в себе. Он согласно кивнул.

– Да. В следующий раз буду умнее.

– Уж ты постарайся.

Эленор бросила свою коробочку от йогурта в корзину для мусора. Они встали и в обнимку направились вниз, к морю.

2

Специалист по связям с общественностью. Иначе говоря, университетский пресс-секретарь.

Синекура, доходное местечко, которое он получил только потому, что был знаком с нужными людьми и подвернулся в нужный момент, и Клифф Муди прекрасно понимал это.

Вот уже два года как он окопался в глубинах административного корпуса. Когда приказывали, готовил пресс-релизы; наострился ловко и вежливо отклонять вопросы журналистов касательно найма или увольнения такого-то и такого-то преподавателя; при необходимости делал официальные заявления, если та или иная студенческая коммуна вдруг бунтовала против университетского начальства и заправил приходилось ставить на место.

На самом деле работенка была не бей лежачего, мог бы справиться кто-нибудь на полставки. Но Клифф Муди помалкивал и при случае делал вид, что завален работой.

А впрочем, создавать видимость интенсивного труда приходилось крайне редко. У него не было прямого начальства, которое контролировало бы его ежедневно и регулярно требовало отчет. Поэтому со временем он повадился приходить на работу с большим опозданием, уходить на час-другой раньше и баловать себя неторопливыми ленчами.

Но за все хорошее приходится расплачиваться: теперь ситуация в корне изменилась.

В этом семестре Клифф Муди работал за троих, без продыха. Слишком многое в нынешней университетской жизни требовало объяснений, и Муди крутился как белка в колесе, отбиваясь от вопросов "общественности", встревоженной и заинтересованной тем, что творится на территории К. У. Бреа.

Сейчас Клифф Муди сидел за огромным столом в конференц-зале – рядом с Дианой Лэнгфорд, президентом К. У. Бреа, Ральфом Лионсом, шефом службы охраны университетского городка, и Хардисоном О'Тулом, деканом, который заведовал учебной частью.

– Какое количество студентов пропало без вести? – спросила Диана Лэнгфорд.

Шеф службы охраны заглянул в лежащий перед ним отчет и ответил:

– Официально только три. Но на основании заявлений от друзей и товарищей по общежитию пропавших набирается еще десять человек. Как вы и сами знаете, в отличие от школы, в университете не практикуются ежедневные отметки о присутствии на лекциях и семинарах. Так что нам очень сложно контролировать посещаемость. Единственное, что мы можем, – это спрашивать у преподавателей, кто из студентов подолгу не посещает лекции или семинары. Но даже и они не всегда могут дать точный ответ.

Клифф выпрямился в своем кресле, потому что Диана Лэнгфорд посмотрела в его

сторону.

– Вопрос заключается в том, – сказала она, – как нам скрыть этот факт. Необходимо сделать так, чтобы эта информация ни в коем случае не просочилась в прессу и не стала известна вне стен университета. На следующей неделе начинается осенняя кампания по сбору частных пожертвований для нашего университета. И ни к чему, чтобы богатые бывшие выпускники и другие потенциальные жертвователи слышали о том, что у нас бесследно пропадают студенты. Они и без того смущены ростом преступности и массовыми беспорядками на территории. Ничто не захлопывает бумажники доброхотов с таким успехом, как информация о громких преступлениях и скандалах.

– Я не думаю, что существует вероятность утечки этих сведений, – произнес Клифф. – По крайней мере за себя я ручаюсь – у меня журналисты ничего не выведывают. – Он повернулся к Ральфу Лионсу и спросил:

– Родители пропавших подали официальные заявления? Надеюсь, эти заявления лежат в надежном месте? Если они попадут в руки журналистов – пишите пропало.

Шеф службы охраны энергично мотнул головой: дескать, будьте спокойны, я таких документов из своих рук не выпущу!

– Ну, тогда и волноваться нечего, – продолжал Клифф. – Возможно, это вообще ложная тревога. Молодежь в таком возрасте любит мотаться по свету. Многим бросается в голову свобода, которую они получают, оказавшись в университете после родительского дома. Они неделями пропускают занятия, ездят автостопом по стране. Готов поспорить, что большая часть из пропавших – быть может, все десять – вскоре объявится. Даже если кто-то из них не объявится, то и тогда паниковать нет резона. Скорее всего это не связанные друг с другом случаи. Вряд ли кто-то занялся систематическим похищением наших студентов!

Диана Лэнгфорд согласно кивнула.

Клифф облегченно вздохнул.

Он высказал то, что дуре-президентше хотелось услышать, и получил ее немое одобрение. Она купилась на его успокоительные слова. Прав он или нет это Клиффа мало беспокоило. Он хотел одного – снять проблему, чтобы его оставили в покое, чтобы он мог наконец вернуться к привычному безделью. Пусть с этими пропавшими разбирается тот же Лионе – он ведь полицейский, вот и пусть ведет втихаря следствие.

– Хорошо, в таком случае мы оставим все, как есть, – решила Диана Лэнгфорд. – Пока что. – Она повернулась к Лионсу:

– Прикажете вашим людям помалкивать, пока мы не разберемся, что к чему. Возможно, Клифф прав и не надо суетиться. Все само собой образуется.

– Не образуется, – сказал Лионе. – Как я докладывал, три студента в официальном розыске. И этого факта не скрыть.

– Что такое "в официальном розыске"? Пока информация не попала в газеты, никаких исчезнувших студентов для нас не существует. Ясно? Заставьте ваших людей держать язык за зубами.

Лионе дерзко уставился на нее и заявил:

– Добровольно мы прессе ничего не сообщим – потому что нам нечего сообщать, никаких данных о трех пропавших у нас нет. Но если на нас насядут и напрямую спросят, правда ли, что три студента пропали, – мы молчать не будем. Мы скажем "да". Иначе никогда не отмоемся.

– Я вас понимаю. Но об остальных десяти упоминать нет никакой нужды.

– Если кому-то вздумается заговорить об этих десяти, то ответ будет простой: больше ни по каким делам о пропаже расследование не ведется.

Диана Лэнгфорд удовлетворенно улыбнулась.

– В таком случае на сегодня все, – сказала она и кивком попрощалась с Клиффом Муди, Лионсом и О'Тулом. – Всего доброго, господа.

3

Они шли по коридору общежития к его комнате.

– Это первое занятие, которое я пропускаю за четыре года учебы в университете, – сказал

Джим. – Ты дурно влияешь на меня.

Фейт даже не улыбнулась.

– Шутка, – сказал он.

– Я знаю, – сухо ответила она. Остаток пути они прошли в молчании. Джим заметил, что в последние дни Фейт стала какой-то тихой, чтобы не сказать подавленной. Похоже, с ней случилось что-то нехорошее. Он волновался из-за нее – ему очень хотелось выпытать у девушки причину ее пришибленности. Но он силой удерживал себя от вопросов. Дошло до того, что он спросил совета у Хоуви, и тот сказал, что лучше не давить на Фейт – когда она созреет, сама все выложит. Надо ждать и терпеть.

В этой ситуации хотя бы Хоуви давал повод для радости – напрасно Джим его хоронил: у друга действительно оказался грипп, и его здоровье уже шло на поправку. Точнее, он возвращался к прежнему состоянию здоровья, а в его положении и это было очень неплохо.

Джима грызла совесть, что он мало времени проводит со своим другом. Не то чтобы он совсем забросил Хоуви с тех пор, как начал встречаться с Фейт. Однако теперь он проводил с ним намного меньше времени. Правда, Хоуви проявлял понимание и говорил, что нисколько не переживает, а наоборот очень радуется, что у друга появилась хорошая подруга. Но Джим отлично понимал, что это говорится из вежливости и на самом деле Хоуви страдает от одиночества.

Ладно, ничего страшного, он так или иначе вознаградит Хоуви за долготерпение и как-нибудь долго и плотно пообщается с ним.

Джим вынул из кармана связку ключей, нашел нужный и открыл комнату.

– Вот и мой дом. Добро пожаловать.

Они зашли внутрь.

Джим был любителем порядка, и в его комнате всегда царила почти идеальная чистота. До такой степени, что Хоуви, оказываясь в ней, обычно хмыкал и говорил: "Подозрительно чисто для жилища одинокого гетеросексуала". Но вчера вечером, готовясь к визиту Фейт, Джим превзошел самого себя. Он потратил на уборку несколько часов: прошелся по комнате пылесосом, чуть ли не трижды протер все вещи и ни пылинки в доме не оставил.

Фейт обвела комнату взглядом. Аккуратные книжные полки, кактус на окне, стены увешаны плакатами и фотографиями, но в целом уютно, хорошо.

– Впечатляет, – сказала она.

– Ты таким представляла мое жилище? – спросил Джим.

Она еще раз осмотрела комнату и впервые за все утро улыбнулась.

– Да, примерно таким.

Джим закрыл и запер дверь. Формально Фейт пришла взглянуть, как он живет, но двуспальная постель, занимавшая центральную часть комнаты, недвусмысленно намекала на истинную причину того, почему они сегодня вместе прогуливали лекцию по американской литературе.

Фейт села на постель и легонько попрыгала.

– Удобная, – сказала она.

Джим вдруг занервничал. В машине они уже заходили достаточно далеко – он снимал с нее майку и целовал ей грудь, и вообще они довольно откровенно "обжимались". Он даже забирался ей в трусики и его палец побывал у нее в святая святых.

Казалось бы, вперед, парень! Не робей!

Однако Джим не мог не чувствовать, что это свидание должно было проходить как-то иначе. Атмосфера должна быть легкой, радостной, чтобы все походило на забаву. Фейт должна отдаваться ему с охотой, весело... А пока что все происходило мрачно, с удручающей серьезностью, и между ними ощущалось малоприятное напряжение, не имевшее ничего общего с эротическим.

То неведомое, что явно портило ей кровь на протяжении последней недели, и сейчас стояло между ними. И Джим решил наплевать на свое предварительное твердое решение терпеть и ждать, когда она сама созреет для того, чтобы выговориться. Настала пора побеседовать начистоту – раз это до такой степени мешает их отношениям.

Он сел на кровать рядом с Фейт.

– Что с тобой? – спросил он. – Что случилось?

– Ничего.

– Брось, я же вижу!

Похоже, девушка несколько растерялась и не знала, что ответить. Он терпеливо ждал.

Фейт вздохнула, легла спиной на постель, закрыла глаза и сказала:

– Мне кажется, оно преследует меня. Джим вздрогнул. Еще не зная, что обозначает это "оно", он уже догадался о худшем. В комнате словно бы стало темнее, будто за окном солнце зашло за тучи. В углах вдруг заколебались зловещие тени, и хотелось встать и зажечь верхний свет, чтобы разогнать мрачные сгустки темноты.

– Что случилось? – спросил он, стараясь голосом не выдать своего волнения.

– На прошлой неделе, в субботу вечером, после работы, в шестом часу...

– До нашего свидания?

– Да, до нашей встречи. Я видела... что-то. Я с утра припарковала машину на стоянке для преподавателей и направлялась туда, но решила срезать дорогу и пройти между биологическим корпусом и корпусом ИВИ. Там есть такая аллея – ну, ты должен помнить...

– Да, знаю. И что же случилось? Она приподнялась на постели и заговорила взволнованной скороговоркой:

– Понимаю, это звучит глупо... Там метались тени – тени кустов и деревьев. Но вся штука в том, что в этот час был полный штиль, ветки оставались совершенно неподвижны. Двигались только их тени! А потом эти тени сложились в какое-то крылатое существо, которое полетело в мою сторону. Я повернулась и помчалась прочь со всех ног...

– Господь Всемогуший! – воскликнул Джим. – Отчего же ты сразу мне все не рассказала?

– Сама не знаю. – Фейт была несколько возмущена его сердитым тоном.

Несколько секунд они смотрели друг другу глаза. Похоже, назревала серьезная ссора.

Джим первым отвел глаза.

– Так вся причина твоей подавленности именно в этом? – наконец спросил он.

– Нет.

И Фейт рассказала ему о странном происшествии в мужском туалете библиотеки. Наверняка в той кабинке никого не было. Но она слышала шумы, словно там был человек. Что-то с непонятной целью имитировало эти звуки. И это что-то разыгралось до такой степени, что выключило свет, дабы напугать ее всерьез.

– М-да, черт побери! – сказал Джим, когда девушка завершила рассказ, и ласково погладил ее руку. – Бедняжка. Теперь мне понятно, отчего мы так отделились друг от друга. Надеюсь, это все, что с тобой приключилось? Или еще что-то было?

Она жалобно улыбнулась:

– Нет, это все.

– Твой ковер не нападал на тебя? Унитаз не обливал тебя водой? – совершенно серьезно спросил Джим.

– Нет.

Теперь пришел черед Джима лечь спиной на постель и закрыть глаза.

– Ах ты Господи, – сказал он задумчиво. – Я готов предположить самое худшее. Очевидно... – Тут он осекся, резко встал и, открыв глаза, спросил:

– Послушай, а ты не думаешь, что подобное происходит не с тобой одной? Возможно, буквально с каждым на территории университета случаются такого рода ненормальные вещи?

Фейт отрицательно мотнула головой:

– По моим наблюдениям, никто из сотрудников библиотеки ничего странного не замечает. Я нарочно заводила разговоры на эту тему. Большинство девушек с удовольствием делятся между собой всякими странными мелкими происшествиями. Скорее всего с другими ничего из ряда вон выходящего не случается, а не то бы они обязательно проболтались.

– Ну, ты же никому ничего не сказала!

– Я сдержанная. А я беседовала с болтушками, которые все тебе доложат – и что они вчера ели на ужин, и где у них прыщ утром схватился...

– Хорошо. В таком случае возникает резонный вопрос: почему это случается с тобой? Почему оно выбрало тебя?

– Откуда мне знать?

Джим внимательно посмотрел на Фейт. Она улыбнулась ему. Похоже, ее настроение резко улучшилось после того, как она выговорилась. Зато у Джима стало еще тяжелее на душе. Он принял на себя груз ее знания. Стоит ли удивляться, что она столько дней ходила как в воду опущенная! Если бы неведомая сила сыграла с ним две такие гнусные шутки, еще неизвестно, смог бы он вести себя так же мужественно, как и она. Ведь стоило ему увидеть зеленую рожу на экране компьютера, как он тут же помчался к профессору Эмерсону – словно ребенок к юбке матери! А в первый момент вообще собирался побросать вещи в чемодан и дать деру из университета! Но Фейт держалась молодцом – ходила на занятия, не бросила работу в библиотеке, удержалась от соблазна поплакаться в чью-либо жилетку и никому ничего не разболтала. Она все пережила храбро, в себе, в одиночку.

Отчего же она сразу не поделилась с ним?

Ладно, главное, что в итоге она была с ним полностью откровенна.

И только это имело значение. Пусть ему пришлось задать прямой вопрос, подтолкнуть Фейт к откровенности, но она таки доверилась ему, поделилась с ним сокровенным, не испугалась, что он осмеет ее за предрассудки или трусость.

Джим ощутил прилив нежности к Фейт, словно в результате сегодняшнего разговора она стала ближе. Он нагнулся и поцеловал ее в губы. Губы девушки были приятно мягкими и немного пахли вишней.

Когда они оторвались друг от друга, она чуть отстранилась и сказала очень просто, без аффектации:

– Я люблю тебя.

Вот так – без всяких предисловий, без намеков и экивоков, которые позволяют обратить все в шутку и при необходимости дать задний ход. Она просто произнесла три слова – по самые шляпки вбила три гвоздика. Констатировала факт. И делай с ним, что хочешь.

– Я тоже люблю тебя, – сказал он, и они еще раз поцеловались.

Теперь это был очень долгий поцелуй, с участием языков. Джим обнял Фейт, привлек ее к себе, но в такой позе им было неудобно, и они легли на постель. Он ощутил прилив страсти, которая пришла на смену чувству товарищеской близости. Тело само подсказало, что делать, и через несколько секунд он уже лежал на Фейт, а она расставила ноги, чтобы ему было удобнее. Они целовались так, что кружилась голова.

И вдруг, прямо посреди поцелуя, вся страсть Джима куда-то испарилась. Он быстро закончил поцелуй, отодвинулся от девушки. Фейт лежала с закрытыми глазами, голова запрокинута, губы приоткрыты, на лице томное выражение. Ему внезапно захотелось ударить ее. Его напряженная плоть давила ей на пах, рука касалась ее груди, но единственное, что ему хотелось, так это двинуть ее кулаком по голове. Лежит, как безвольная тряпичная кукла, и балдеет пустоголовая шлюшка, – ждет, когда он ее трахнет...

Он резко откатился в сторону, а потом и вовсе вскочил с постели.

– Что? Что такое? – испуганно спросила она, открывая глаза.

Джим замотал головой: дескать, ничего, все нормально. На самом деле все было совершенно ненормально. Что же с ним произошло? Еще несколько секунд назад он пылал от любви. И вдруг возненавидел, захотел причинить ей боль. Если бы такое случилось месяц или даже неделю назад, он бы решил, что сошел с ума, и заподозрил бы в себе шизофрению, с ее внезапными необъяснимыми сменами настроения. Он бы подумал, что надо срочно бежать к психотерапевту. Однако сейчас, обогащенный опытом последних дней, он констатировал, что позыв к насилию родился не в его душе, а пришел в мозг извне. Что-то такое нехорошее в воздухе, как выразился Хоуви. Какие-то антенны в его сознании приняли сигнал, побуждающий ко злу.

Он сделал глубокий вдох. Что бы это ни было, теперь это, слава Богу, прошло. То ли он переборол чуждое желание к насилию, то ли оно пропало само собой, но он стал прежним.

Джим бросился на кровать. Фейт больше не задавала вопросов, и он быстро раздел ее – долой блузку и лифчик, долой юбку и трусики.

И вот он уже лежал на ней. Тихо постанывая, она ласково гладила его спину, и они нежно целовались.

Он готовился войти в нее. Но не спешил, наслаждаясь медленной прелюдией, стараясь доставить ей побольше удовольствия, возбудить как следует – и только тогда войти...

И тут ему вдруг надоели эти телячьи нежности, фигли резину тянуть?

Ему больше не хотелось заниматься с Фейт любовью.

Он хотел трахать ее.

Он хотел ей так вставить, чтоб она взывала.

Она нежно ерошила ему губы, щекотала языком шею.

Пора кончать с этим нудным прологом.

Задолбать ее до полусмерти!

Джим передвинулся по ее телу вниз и грубым быстрым жестом далеко развел ей бедра. Хотя она и охнула от неприятного ощущения, но промолчала. Под густо заросшим лобком на массивных наружных губах ее влагалища поблескивала влага.

Джим резко и сразу полностью вошел в нее.

Фейт вся прогнулась под ним. Не прекращая делать энергичные махи тазом, он сунул правую руку под ее ягодицы, раздвинул их, нащупал анус и одним быстрым движением вогнал в него средний палец.

А затем добавил и указательный.

И ей это понравилось.

4

Потом они не обсуждали то, что произошло. Фейт могла только гадать, смущен ли Джим в той же мере, что и она.

Или напуган в той же мере, что и она. Фейт не знала, что нашло на нее. Или на него. Но и ее влагалище, и... другая дырочка страшно болели.

Кожа вокруг влагалища покраснела, к лобку было больно прикоснуться. Это была самая настоящая долбежка, грубый, животный секс. Правда, в постели она получала удовольствие. Однако сейчас, надевая джинсы и морщась от боли, Фейт ощущала себя униженной. Она и не подозревала, что способна на подобную разнузданность. То, что они делали, ей не представлялось и в самых смелых фантазиях...

А может быть, яблоко от яблони не далеко падает, и она действительно вся в мать. Такая же прирожденная шлюха...

Вот это по-настоящему страшно.

До сих пор Фейт казалось, что она знает себя достаточно хорошо. Она считала себя девушкой без комплексов, в меру раскованной и в вопросах секса вполне свободомыслящей – она была готова испробовать почти любые острые ощущения. Таким образом, ее взбесило и озадачило не то, что они с Джимом делали. Теоретически ничто из совершившегося не претило ей. Фейт шокировала полная потеря контроля над ситуацией: то, что совершилось, происходило без ее сознательного согласия. Она просто покорялась. Случай тотального самозабвения.

Слепая страсть, по общепринятому мнению, штука прекрасная.

В фильмах и в книгах это смотрится чертовски красиво – когда женщина охвачена страстью и полностью отдается бездумной животной похоти. Это выглядит невинно, естественно и даже романтично.

Но в реальной жизни, когда такое происходит с тобой, это уже не кажется невинно-естественно-романтичным. Фейт здорово напугалась. В постели с Джимом она была словно заводная кукла: ее тело жило само по себе, а сознание спало, как будто все это время она была пьяна или находилась под воздействием наркотика. И эту полную утрату контроля над собой восхитительной никак не назовешь!

Существовало два объяснения случившегося. И Фейт не знала, какое из них страшнее. Первое объяснение: ее воля удручающе слаба, а похоть настолько могуча, что способна создать что-то вроде раздвоения личности, когда сознание не контролирует тело. Второе объяснение: она стала марионеткой тех страшных неведомых сил, которые бесчинствуют на территории университета, и это они побудили ее к таким безумствам в постели.

Университет!

Да, Фейт склонялась к тому, что истинно именно второе объяснение. Она была во власти сверхъестественных темных сил. С Джимом они это не обсуждали, но Фейт догадывалась, что в его голове вертятся те же мысли.

То есть он напуган так же сильно, как и она.

Если университет способен так управлять их волей, с такой легкостью превращать их в своих рабов – много ли у них шансов противостоять столь могущественной силе?

Нет никакой надежды одолеть такую силу.

Фейт и Джим оделись в полном молчании и вышли из комнаты. Джим запер дверь. Фейт не могла не заметить, что он ушел из комнаты с тем же радостным облегчением, что и она.

Он тоже был весь разбит.

В коридоре – пустом, когда они пришли сюда, – теперь толпились студенты, их друзья и подружки. По пути к лестнице Джим представил Фейт нескольких своих приятелей. У девушки возникло глупое чувство, что все эти ребята высыпали из своих комнат специально, чтобы поглядеть на нее.

Это было не столь уж нелепое предположение.

Она вела себя очень громко.

Все эти парни не могли не слышать ее томных криков.

Поэтому при каждом очередном представлении Фейт мямлила "привет", не поднимая глаз и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Ей хотелось поскорее выбраться на улицу.

Так и не обменявшись ни словом, Фейт и Джим спустились по лестнице и вышли из здания.

Лишь после того, как они зашагали по асфальту автостоянки в сторону учебных корпусов, Джим наконец заговорил:

– Что это было? Что с нами случилось – там, в моей комнате? – Он вопросительно посмотрел на нее. – Только не говори мне, что ты ничего странного не заметила. Я знаю – ты заметила.

Она пожала плечами и промолвила с кривой улыбкой:

– Ты был одержим дьяволом, и теперь я беременна чертенком.

Джим резко остановился возле "тойоты" с затемненными стеклами и сказал:

– Не вижу ничего смешного. Не смей шутить на эту тему.

Девушка подняла руки в знак того, что просит прощения.

– Извини, – сказала она.

Боковым зрением Фейт увидела какое-то движение в "тойоте". Она пригляделась. Внутри сидела парочка – парень в расстегнутой сорочке и девица без майки, с оголенной грудью. Парень, сердито сдвинув брови, махал им рукой: дескать, идите куда шли, нечего тут торчать!

Фейт посмотрела на Джима и не смогла удержаться от улыбки. Он посмотрел на нее. Оба расхохотались и двинулись вперед.

– Ну, кое-что здесь остается по-прежнему, – заметил Джим.

– Твои приятели по общежитию небось потешаются над нами!

– Тебе тоже показалось, что они вот-вот прыснут от смеха?

– А разве ты не удивился, что все они вдруг высыпали в коридор?

– Наверное, слышали нас.

Сейчас, на просторе, при солнечном свете, происшедшее уже не казалось таким мрачным, устрашающим. Да, их испуганное поведение в постели странновато, сомневаться не приходится. Но в конце концов ничего ужасного не произошло. Немного унижительно, что они до такой степени утратили контроль над собой... но что уж так переживать – какой вред от лихого секса?

Быть может, в них вошел один из пресловутых духов, которые живут в домах с нечистой силой. А может, просто накатило желание заняться грубым, звериным сексом.

Нечего особенно скулить по этому поводу. Тут, на территории университета, случаются вещи похуже.

Фейт вспомнились зверюшки, убитые на лекции по биологии, зловещая игра теней в аллее, необъяснимое происшествие в мужском туалете библиотеки...

– Кстати, что ты намерена делать с библиотекой? – поинтересовался Джим, словно

угадывая ее мысли. – Уйдешь оттуда?

Она растерялась от неожиданного вопроса и пробормотала:

– Не знаю.

– На твоём месте я бы туда больше ни ногой.

– Я могу попробовать найти другое место, но... где-то работать мне все равно необходимо.

У меня нет денег. Поэтому я обязательно должна подрабатывать.

– Тогда бросай университет.

– Не заводи опять старую песню! Джим остановился и взял ее за плечи.

– Послушай, что для тебя важнее? Учеба или жизнь? Я хочу сказать, что ты так заиклилась, как будто этот год последний в твоей жизни! Американская литература и все прочее никуда не денется. Отложи учебу на год – это так просто!

– Дело не в том, что американская литература никуда не денется...

– А в чем? Ты же отлично понимаешь, что тут творится. Ты это видишь, чувствуешь и даже испытала пару-тройку раз на своей шкуре. Не будь же такой упрямой душой...

Фейт вырвалась из его рук и быстро зашагала вперед.

Джим побежал за ней.

– Извини, – сказал он, – я не хотел назвать тебя душой, я просто...

– Знаешь что, – перебила она, – ты мне не диктуй, что делать, а что нет. Я взрослая женщина. И я сама принимаю решения. Нечего на меня давить!

– Ладно, ладно... Давай не будем ссориться. Фейт сердито покосилась на него.

– А ты-то сам – ты почему не бросаешь университет? Только советовать хорош! Он растерялся.

– Ну... потому что... потому что...

– Потому что – что? Сказать нечего?

– Как же мне бросить, если я что-то могу сделать! У меня есть обязанности перед людьми, я главный редактор газеты...

– Ага, замечательно! Он может! А я, по-твоему, никто. И ни на что не способна. У меня нет обязанностей перед людьми, и вообще я никому не нужна фитюлька!

Джим в отчаянии замотал головой.

– Ничего подобного я не говорил!

– Ха!

– Ладно, объясни мне, дураку, почему ты желаешь остаться в университете.

– Я отнюдь не желаю остаться в университете!

– Хорошо, сформулируем иначе: почему ты не хочешь уйти из него?

Она какое-то время разъяренно тарасилась на Джима, потом заявила:

– Не знаю. Не знаю – и весь ответ!

– Хорошо, – примирительно сказал Джим. – Я сдаюсь. Вопрос снят. Не будем больше ссориться из-за этого. Я больше не буду возвращаться к этой теме.

– Но ты будешь думать про это!

– Тьфу ты, черт! – в бешенстве воскликнул Джим и с досады ударил по капоту красного "форда", который немедленно отозвался ревом сработавшей противоугонной сигнализации. Фейт и Джим прибавили шагу, чтобы побыстрее уйти от машины.

Когда они оказались метрах в двадцати от красного форда", Джим продолжил сердитой скороговоркой:

– Ты мне безразлична. Я думаю о тебе, я забочусь о твоей безопасности. Я не хочу, чтобы с тобой случилось какое-нибудь несчастье. Вот и все. У меня и в мыслях нет диктовать тебе, пытаться командовать тобой, как-то ущемлять твою индивидуальность и все такое. В конце концов я не Господь Бог и не судья тебе. И я не знаю, что для тебя лучше. И где твое место в данный момент. Возможно, провидение хочет, чтобы ты осталась тут. Может быть, у провидения свои планы на тебя. Откуда мне знать... Я никогда не сталкивался с нечистой силой и понятия не имею, как следует поступать. Надо ли идти против судьбы или покоряться течению событий?

Фейт сделала глубокий вдох, закрыла глаза, потом открыла их и с силой выдохнула воздух из груди. Успокоив себя подобным образом, она сказала:

– Я вовсе не хотела наскокивать на тебя. Я понимаю, что ты искренне заботишься обо мне. Извини. Нервы сейчас ни к черту. Такой стресс!.. Я тебя прошу об одном – не усиливай этот стресс, не дави на меня!

Джим ласково дотронулся до ее руки.

– У меня и в мыслях не было давить на тебя, – сказал он.

– Я знаю.

– А не поговорить ли нам с профессором Эмерсоном? Ведь это как-никак область его профессионального интереса – он ведет курс литературы, которая имеет дело со сверхъестественным. Так что он дока в вопросах нечистой силы. А ну как он сумеет помочь нам? Возможно, он уже все обмозговал и у него есть какой-то план действий.

Фейт криво усмехнулась:

– О чем же ты с ним намерен беседовать? О том, как мы... словом, о нашем бурном свидании?

– Нет, зачем же! Мы обсудим все остальное. Почем знать – быть может, странные вещи, которые происходят с тобой, имеют и положительную сторону. Скажем, могут стать ключиком к разгадке все этой тайны. Почему бы не предположить, что в твоей душе неведомо для тебя существуют силы или знания, которых злой дух, царящий в университете, очень и очень боится. Поэтому он всячески запугивает тебя, чтобы побыстрее изгнать тебя отсюда и тем самым избавиться от опасного противника, – Ха! Фейт – гроза нечистой силы!

– Нет, я серьезно. Ведь такое объяснение тоже не исключено!

– Конечно, не исключено. И не более безумно, чем любое другое.

Молодые люди снова зашагали вперед.

– Ты не могла бы помочь мне разобраться во всей этой каше? – спросил Джим после паузы.

– Да, разумеется. А что я должна делать?

– Профессор Эмерсон попросил меня провести небольшое исследование. Надо проштудировать все случаи убийств, самоубийств, странных смертей, актов насилия и массового хулиганства – с самого открытия университета.

– В этом я могу помочь.

– У нас есть подшивки "Сентинел" с первого дня его выхода – с 1959 года. Чертова уйма номеров. Но если мы возьмемся за дело вдвоем, то справимся с ним достаточно быстро – ведь просматривать придется только первую страницу, где сосредоточены все сенсации.

– Мы будем собирать статистические данные?

– Что-то в этом роде.

– Когда начнем?

– Да хоть сегодня. Ты после занятий работаешь? Фейт отрицательно мотнула головой.

– Тогда ты можешь начать сразу после своих занятий, а я присоединюсь, как только сдам номер в печать. Я притащу в архивную комнатку удобное кресло для тебя и магнитофончик – будешь музыку слушать, чтобы не было очень одиноко.

Тут Джим приостановился и болезненно поморщился.

– Что такое? – спросила она. Он смутился, немного покраснел и, воровато оглянувшись, сказал тихонько:

– Чертовски больно.

Фейт с улыбкой понимающе кивнула головой.

– У меня тоже все болит.

– Похоже, я все себе стер до крови. Буквально. Она легонько пожала ему руку.

– Извини.

– Ты тут не виновата. Но это ужасно, потому что... сама понимаешь, в ближайшие несколько дней мы не сможем повторить...

– Ничего страшного, – сказала Фейт. На самом же деле она испытала чувство досады.

Ждать несколько дней! Когда хотелось уже сейчас!

Боже, воистину она вся в мать!

Девушка попыталась скрыть свою досаду, сделать равнодушное лицо, но внутренне очень обозлилась.

Ждать несколько дней!
Да за это время рехнуться можно!

5

Ян разбирал свою почту на кафедре английского языка и литературы с надеждой найти среди корреспонденции послание от Гиффорда Стивенса. Впрочем, к этой надежде примешивался страх.

Увы, ничего.

Только приглашения на разные конференции, просьбы о грантах, реклама учебных пособий.

Он сгреб все в кучу и бросил в корзинку для мусора.

Потом повернулся к Марии, которая наконец повесила телефонную трубку.

– Как дела?

Секретарша неопределенно пожала плечами.

– Ни шатко, ни валко.

– Жизнь – это лоскутное черно-белое одеяло.

– Можно сказать и так, – лениво отозвалась Мария.

С легким смешком – глупый у них получился диалог – Ян направился к двери.

Вдруг за его спиной раздался тихий вскрик, и Мария несколько испуганно окликнула:

– Профессор Эмерсон!

Он повернулся и удивленно уставился на нее.

– Да, Мария?

– Вы разбираетесь в компьютерах?

– Не то чтобы очень, но могу сделать умное лицо. А в чем, собственно, дело?

Мария, хмурясь, указала на экран своего компьютера.

– Вы только поглядите! Ну и ну! Только что внезапно появилось.

Ян обогнул ее стол и заглянул через плечо секретарши.

Словно кто-то ударил его под вздох. Сердце учащенно заколотилось, дыхание сперло.

На экране он увидел зеленую рожу, знакомую по описанию Джима.

Искаженное злобой отвратительное трехмерное лицо хамовато улыбнулось и нагло подмигнуло.

Сразу после этого лицо рассыпалось на множество осколков – треугольники, спирали и разные причудливые фигуры. Если приглядеться, то оказывалось, что все эти осколки состоят из мелких-мелких пиктограмм.

– Что за чертовщина? – недоуменно спросила Мария.

Хотя она употребила очень уместное, на взгляд Яна, слово, на самом деле в ее голосе не было ни малейшего испуга – появление зеленой рожи секретарша отнесла к заурядным неполадкам в компьютере.

Что касается Яна, то его руки дрожали как с перепоя, а дыхание было, словно он без передышки взбежал по лестнице на десятый этаж.

– Вы-вырубите компьютер! – сказал он, стараясь не выдать голосом свое состояние. – Вырубите и потом снова включите. Посмотрим, пропадет ли эта штука...

Секретарша щелкнула выключателем. Однако вихрь пиктограмм с экрана не исчез.

– Странно. Похоже, выключатель сломан. – раздраженно сказала Мария.

Она щелкнула раз, другой, третий.

Экран погас.

Мария удовлетворенно хмыкнула и хотела включить компьютер, как вдруг из монитора послышалось что-то вроде шуршания которое затем превратилось в нарастающее шипение наподобие змеиного. Секретарша проворно отдернула руку от выключателя. А тем временем на вдруг вспыхнувшем экране появилась все та же зеленая рожа. Теперь она яростно скалилась, и ее губы двигались синхронно с шипением.

– Профессор Эмерсон! – растерянно воскликнула Мария, поворачиваясь к Яну. В ее голосе появилась новая нотка – страх.

– Я не знаю, что это такое, – сказал он.

Ян наклонился поближе к экрану, чтобы лучше разглядеть изображение, но руки продолжал держать на спинке стула, на котором сидела Мария. Ему не хотелось касаться компьютера.

Под злобно шипящей рожей появилась зеленая полоска, и по ней побежали какие-то буквы.

Ян прочитал:

"ПЕРЕДАЙТЕ ПРОФЕССОРУ ЭМЕРСОНУ, ЧТОБ ОН СИДЕЛ ТИХО И НЕ РЫПАЛСЯ".

Пока он читал, шипение изменило характер – казалось, рожа пытается воспроизвести эту фразу вслух, но не может произнести ее членораздельно.

– Что это значит? – удивленно спросила Мария. Ян помотал головой: дескать, откуда мне знать. На самом деле он отлично понимал, что это значит. Тем временем по зеленой полосе внизу экрана побежала новая фраза:

"В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ Я ЕМУ БАШКУ ОТОРВУ!" "Передайте профессору Эмерсону, чтоб он сидел тихо и не рыпался. В противном случае я ему башку оторву!"

"Я"? Кто такой этот "я"? Университет? Рожа ухмыльнулась.

Яну хотелось схватить монитор и швырнуть его на пол, разбить на мелкие кусочки, убить его. Но тогда Мария решит, что он спятил...

Да и какой смысл уничтожать данный монитор? Зеленая рожа немедленно появится на другом.

Почему он слепо верит Стивенсу? Откуда такая уверенность, что к нему сейчас обращается именно университет? Ведь можно было подумать о сатане, или о призраке, или даже о преступнике из плоти и крови – каком-нибудь злом компьютерном гении, который научился передавать сигналы в отключенные машины!..

Очевидно, чтение литературы ужасов подготовило его к подобного рода восприятию. Ведь в "черных фантазиях" злобой силой часто бывает само место, а не конкретная нечистая сила, которая там обретается.

Или здесь все-таки влияние Стивенса? Составитель антологии ужасов читал те же книги, что и Эмерсон. У них может быть общий источник заблуждения. Оба принимают цепочку случайных странных совпадений за нечто логически взаимосвязанное. Как говорится, оба перекушали определенного рода литературы.

Нет, это не так.

Конечно, заманчиво выставить себя дураком, который сбрендил от чтения "черных фантазий". И на том успокоиться.

Однако рожа в компьютере не фантазия, а реальность. И разгул насилия в этом семестре – тоже факт.

– Что же это такое? – не унималась Мария, изумленно таращась на экран. – Что все это значит?

– Понятия не имею, – сухо повторил Ян.

– Наверняка компьютерный хулиган. Прodelки какого-нибудь гнусного хакера!

– Возможно, возможно, – произнес Ян. – Полагаю, вам следует уведомить о случившемся Кифера. Пусть он попросит ребят из компьютерного отдела разобраться со всем этим. А пока что я выдерну шнур из сети и перенесу вашу машину в подсобное помещение.

– А как же я буду работать?

– Воспользуйтесь другим компьютером.

– Не получится. Все файлы здесь, на винчестере моей машины. У меня попросту нет времени сохранять их на дискетах.

– Ну вы даете!.. В таком случае...

– Давайте оставим компьютер на месте, – сказала секретарша. – Может, он сам наладится – ведь до вашего прихода работал нормально. Возможно, тот, кто баловался с программой, настроил машину так, чтобы она рехнулась именно тогда, когда вы зайдете в комнату.

Дурацкое предположение! Такое способен сделать лишь полный компьютерный невежа. Ян улыбнулся, со вздохом кивнул и направился к двери.

– Извините, что я ничем не смог вам помочь, – сказал он.

Мария махнула рукой: дескать, идите и не беспокойтесь.

– Вы тут не виноваты. Спасибо за попытку помочь.

Стоило ему выйти за дверь, как из комнаты донесся довольный голос Марии:

– Ага! Что я вам говорила! Заработал! Все нормально.

Ян нервно мотнул головой и зашагал к своему кабинету, ощущая холод в сердце.

– Добрый день, профессор Эмерсон. Можно войти?

Ян вздрогнул и открыл глаза. Он полудремал в кресле: реальность мало-помалу превратилась в спальню его детства. Теперь потребовалось усилие, чтобы осознать, где он и кто стоит на пороге его кабинета.

– А-а, Джим!.. Заходите.

Джим пришел не один – с ним была девушка, которую Эмерсон узнал. Она посещала его семинар по литературному мастерству.

Закрыв за собой дверь и пройдя к столу профессора, Джим сделал попытку представить студентку:

– Это моя... э-э...

Ян с улыбкой подсказал:

– Подружка.

Джим ответно улыбнулся и уже смелее выговорил:

– Это моя подружка Фейт.

– Я вас, конечно, узнал. Привет, Фейт!

– Она помогает мне собирать тот статистический материал, о котором вы просили, – пояснил Джим. Тут он понизил голос и добавил:

– Фейт в курсе.

– Да вы садитесь. Оба. – Профессор Эмерсон показал рукой на стулья.

– Вы ушам своим не поверите, когда узнаете, что я нашел! – сказал Джим, садясь напротив профессора. – Точнее, что мы с Фейт нашли.

– Молодцы! Ладно, выкладывайте... Тут дверь распахнулась, и в кабинет ворвался Бакли, который с порога громыхнул:

– Привет, маменькин сынок!

Заметив студентов, он смущенно осекся.

– Извини, Ян, – пробормотал он, – я не знал, что ты занят. Зайду попозже.

– Нет, нет! Останься. Ведь ты с нами заодно.

– "Заодно" в чем?

– Мы обсуждаем университет. И то, что здесь происходит в последнее время.

– То, что здесь происходит? Ты имеешь в виду...

– Да, все то странное, чему конца и края нет. Бакли плотно прикрыл за собой дверь, взял запыленный стул из дальнего конца комнаты и подтащил его к столу.

– Что ж, – сказал он садясь, – в этой озабоченности я с вами заодно.

– Знакомьтесь, профессор Френч, – представил его Ян.

– Для студентов, которые у меня не учатся, я просто Бакли.

Джим вежливо кивнул и сказал:

– Меня зовут Джим, а это моя подруга Фейт.

– Джим и Фейт провели углубленное исследование самых мрачных моментов в истории нашего университета, – пояснил Ян. – Они внимательно просмотрели подшивки "Сентинел" за все годы существования газеты. Поручая им это дело, я надеялся, что статистические данные о преступлениях и странных происшествиях на территории К. У. Бреа позволят увидеть какие-то закономерности – так сказать, вычертить кривую развития зла.

Джим подтвердил его слова кивком и предложил:

– Я прямо сейчас доложу, до чего мы докопались.

– Давайте, мы слушаем.

– Хорошо, что вы сидите, – сказал Джим. – Такие сведения лучше выслушивать сидя.

Итак, мрачная статистика: восемьдесят семь самоубийств, тридцать убийств, четыреста восемнадцать изнасилований, шестьдесят девять человек бесследно пропали, начиная с 1980 года. Уровень преступности неуклонно возрастал – с годами акты насилия учащались и

становились все страшнее. Но даже начальные цифры были уже достаточно высокими. Фейт использовала компьютерный банк данных в библиотеке, чтобы сравнить уровень преступности и самоубийств с другими калифорнийскими университетами. Показатели нашего университета разительно отличаются от других на протяжении всего существования К. У. Бреа. Однако последние два семестра творится что-то необычное даже для нашего университета, А уж о текущем семестре и говорить не приходится... – Джим показал в сторону окна. – Имеющий глаза – сам видит. – Тут он протянул Яну несколько листов бумаги. – Я распечатал все данные специально для вас. На последней странице есть наглядный график.

Ян быстро просмотрел распечатку и спросил:

– А как насчет естественных смертей? Ничего странного?

Джим кивнул головой и заглянул в свои бумаги.

– Да, здесь тоже сюрприз. Уровень смертности у нас намного выше, чем в других калифорнийских университетах. На протяжении рассматриваемого нами периода от так называемых естественных причин скончалось двести шесть человек – тут и преподавательский состав, и студенты, и просто работники университета.

– Черт побери! – воскликнул Бакли. – Неужели никто этого не замечал! Как так получилось, что за все годы не нашлось ни одного чиновника-зануды, который просмотрел бы эти цифры и ахнул: "Э-э, да тут что-то не то!"

Джим переглянулся с Фейт и с довольным видом сообщил:

– Мы и это выяснили. Нашелся такой чиновник. В восемьдесят первом году. Поводом был трагический случай: студент застрелил профессора, который поставил ему плохую оценку.

– Помню, помню, – вздохнул Бакли. – Пол Норсон. Преподавал химию.

– Совершенно верно. Члены правления направили президенту университета письмо, где сообщали о том, что в К. У. Бреа проводится специальное исследование дисциплинарной политики в связи с необычайным ростом насилия. Они упоминали антивоенные демонстрации, "студенческие беспорядки", дурное влияние "смутьянов-агитаторов со стороны". Насколько я понял, изучение уровня насилия на территории университета проводилось и раньше – в шестидесятые и семидесятые годы, когда положение было еще сравнительно терпимым. Но в письме президенту члены правления возлагали всю вину не столько на самих студентов, сколько на просчеты дисциплинарной политики университетской администрации. У меня сложилось впечатление, что они увидели нечто странное в цифрах преступности и лихорадочно искали, кого бы обвинить.

– И чем же это закончилось? – спросил Ян.

– Не знаю. Я обнаружил статью по поводу этого письма. Но "Сентинел" ни словом не обмолвилась о реакции высшего руководства на тревожный доклад.

Если и была заметка на эту тему, то где-нибудь в уголке на последней странице, а мы с Фейт просматривали преимущественно первые страницы и большие статьи. При необходимости я могу еще раз пролистать подшивку за тот год – с удвоенным вниманием. Бакли посмотрел на Яна и воскликнул:

– А ведь мы в то время уже работали здесь! Как же случилось, что мы ничего не слышали об этом письме?

Ян пожал плечами.

Джим позволил себе ироническую улыбку.

– Возможно, профессорам следует почаще читать университетскую газету, – сказал он. Бакли рассмеялся.

– Возможно, возможно...

– А не поговорить ли нам с администрацией университета? – предложил Джим. – Расскажем о своих наблюдениях, введем их в курс дела – если они сами еще ничего не заметили. Впрочем, может оказаться и другое – вдруг они знают больше нашего и способны сообщить нечто такое, что нам еще неизвестно?

Бакли презрительно фыркнул.

– А по мне, так идея недурная, – возразил Ян. – Не знаю, что тут происходит и к чему мы катимся, но чем больше у нас будет союзников в борьбе с неведомым, тем лучше. Кроме того, возможно, Джим попал в самую точку, и администрация действительно уже осознала

необычность ситуации, озабочена ею и уже что-то предпринимает. Надо знать, что они делают, и скоординировать наши усилия. Я лично поговорю с Дианой Лэнгфорд, нашей президентшей.

Джим с энтузиазмом кивнул.

– А я мог бы написать статью в "Сентинел", чтобы все узнали...

– Но хочешь ли ты, – спокойно перебила его Фейт, – чтобы оно узнало, что ты знаешь?

Все мужчины повернулись в ее сторону. Девушка произнесла свои слова тихо, но в них было столько затаенного страха и вместе с тем искренней озабоченности, что ее реплику услышали и отнеслись к ней со всем вниманием.

– Толковое замечание, – пробормотал Ян. Бакли горестно вздохнул.

– Хотел бы я знать, – сказал он, – кому вообще мы можем доверять в этой ситуации?

Похоже, оно – уж не знаю, как иначе называть то, что ответственно за все происходящее, – так вот, это загадочное оно уже завладело умами некоторых людей. Если мы сообщим то, что нам известно, кому-нибудь из его сообщников, оно будет знать, что уже мы знаем.

Ян кивнул.

– Еще одно толковое замечание. Нам следует ограничиться для начала разговорами со своими друзьями. Делать только намеки, прощупывать их, чтобы выяснить, что у них на душе. Насколько я понимаю, в университете сейчас две категории людей...

– Те, кто с нами, и те, кто против нас, – подсказал Бакли.

– Нет, это разделение пахнет временами маккартизма. Я бы выразился иначе. Одних назовем, за неимением лучшего слова, "совращены". Это те, кто затевает драки, совершает преступления, кончает жизнь самоубийством. И есть другие, вроде нас, которые не подверглись совращению. Нам необходимо разыскать других таких же "несовращенных" и попытаться вместе выработать некий план действий – больше умов, больше мыслей. В университете есть представители едва ли не всех научных дисциплин. Здесь множество толковейших ученых, философов и социологов. В их светлых головах непременно рождаются какие-либо полезные мысли! Я постараюсь переговорить со всеми, кого я более или менее знаю и в ком я более или менее уверен.

– Я займусь тем же, – сказал Бакли. Джим и Фейт одобрительно закивали. Ян продолжил свою мысль:

– А потом попросим тех, с кем поговорим мы, побеседовать со своими друзьями. Таким образом мы охватим практически всех надежных и умных людей.

– Разумная тактика. Как круги по воде от камня – все шире и шире.

– И это все, что мы в состоянии сделать? – спросил Джим.

Ян задумчиво покачал головой.

– По-моему, нам необходимо сделать еще одну вещь, – сказал он. – Настало время пообщаться с загадочным Гиффордом Стивенсом.

По вторникам он заканчивал работу довольно поздно – у него был вечерний семинар по современной литературной критике.

В прошлые семестры Ян очень любил эти занятия – на них записывались начитанные башковитые ребята, которые были в курсе последних новинок книжного рынка и новейших литературных теорий. Они рвались подискутировать, и споры с ними доставляли удовольствие.

Однако в этом году просто беда какая-то: группа из одних вялых зануд, сплошь математики и естественники. Добро бы они просто не понимали литературы. Так ведь хуже того – они откровенно враждебны к "подделкам досужего воображения". Таким образом, курс современной литературной критики превратился для профессора Эмерсона в чистую каторгу.

Вот и сегодня ему было очевидно, что никто из студентов не прочел заданный материал. Так и подмывало сказать: ребятки, коль скоро вы совершенно не готовы к занятию, собирайте свои вещички и валите по домам. Не желаю с вами валандаться, пока вы не проштудируете то, что ведено!.. Ну, может, помягче сформулировать, но хорошенько пристыдить их и свернуть семинар.

Однако из зловредного упрямства он решил сделать прямо противоположное: отказался от дискуссии, которую прежде считал абсолютно необходимой, протараторил все положенное время, притворился, будто увлечен своими объяснениями, и в итоге затянул лекцию на лишние пятнадцать минут. Говорил он на "автопилоте", а сам тайком наблюдал за тем, как студенты

изнывают от скуки и поглядывают на часы. Он продержал их до десяти вечера.

И все это время Яна мучило одно воспоминание. Бакли жаловался примерно на то же самое: для него любимый семинар по Чосеру превратился в каторгу – и по тем же причинам: студенты ничем не интересуются, показывают глухую враждебность по отношению к литературе и всем высоким идеалам, которые она проповедует. Короче, выявлялась некая тотальная закономерность: студенты в этом году как-то странно обнищали духом...

Выручало именно единообразие проявлений деградации – одновременная массовая "дебилизация" учащихся.

Со злом все же проще бороться, если оно проявляется то там, то здесь. Иными словами, легче подавлять отдельные очаги зла, чем держать круговую оборону.

Одно дело, если у тебя в группе несколько пар пустых глаз. И совсем иное – если перед тобой целые ряды пустых глаз, и душа лишена возможности отдохнуть хотя бы на одном заинтересованном и умном лице...

Ну вот и вернулись – Зло. Без помощи этого слова невозможно описать явление, с которым им приходится иметь дело. Понятие "Зло" нынче уже старомодно; даже в современной литературе ужасов его старательно избегают. Термин "Зло" оброс таким ворохом разнообразных культурных ассоциаций, что давно утратил четкость. После Гитлера, Сталина и Пол Пота рассуждать об абстрактном демоническом зле стало как-то неловко. Сам Ян не до конца принимал классическую иудо-христианскую концепцию Зла, потому что в ней было много мелочного, досадно частного – скажем, громы и молнии против таких естественных и почти невинных грешков, как обжорство и тщеславие. Из десяти заповедей он всерьез относился, пожалуй, только к одной – "не убий". Сознательно причинить ближнему своему страдания или смерть – это действительно Зло в полном смысле слова. То Зло, коему нет никакого оправдания!

И вот перед его глазами университет причиняет людям страдания и смерть.

И делает это, по мнению Гиффорда Стивенса, без всякой цели, единственно из желания поразвлечься.

М-да, таинственный Стивенс!..

Чего Ян только не делал, чтобы связаться с этим человеком, которого Бакли в шутку называет "сумаспрофом"! Увы, профессор оставался недостижимым. Телефонный номер, указанный в конце "диссертации", уже не существовал. Ян перебрал все мыслимые способы найти Стивенса: звонил в информационные службы всех городов и городков округа Орандж; связался с издательством, которое выпустило книгу Стивенса "Огонь как средство борьбы с нечистой силой"; даже обратился в калифорнийский отдел Си-эн-эн с запросом, не сохранился ли у них телефон или адрес того специалиста-взрывника, который комментировал трагедию в университете Мехико.

Никаких результатов.

В общем-то Ян не удивился – совершенно очевидно, что у Стивенса есть основательные резоны оставаться неуловимым. Однако невозможность пообщаться с "сумаспрофом" действовала Яну на нервы: как-никак именно Стивенс сказал "а" в этой истории, он столкнул первый камень, который вызвал горную лавину... Короче, раздражил их тайной – и смылся.

Сейчас Стивенс скорее всего в одном из тех университетов, которые он считает "большими". Сколачивает из профессоров отряд по борьбе со Злом.

Одного Ян не мог взять в толк. Нет сомнений в том, что Гиффорд Стивенс – яростный борец, агрессивный фанатик. Ян понял это сразу же, еще во время их короткого разговора в аудитории после занятия. И поэтому возникал естественный вопрос: как мог яростный борец и фанатик заниматься такими пустяками, как рассылка чертежей университетских зданий и записочек с рецептом взрывчатки или заказ редкой книги для местного книжного магазинчика? Не вяжется это ребячество с образом иступленного злобorca! Ведь, по мнению Гиффорда Стивенса, ситуация не просто серьезная, а трагическая, чреватая чуть ли не вселенской катастрофой.

Возможно, Бакли все-таки прав и Стивенс действительно сумасшедший профессор – "сумаспроф"?

Пока Ян размышлял, студенты разошлись. Эмерсон взял свою папку, выключил свет в

аудитории и запер дверь.

Обычно в столь поздний час в коридоре уже царила гробовая тишина. Его семинар заканчивался последним, когда в здании больше не оставалось студентов. А сегодня он еще и затянул его на добрых пятнадцать минут.

Однако сейчас со стороны лифтов доносился какой-то шум. Ян прислушался. Похоже, это хоровое ритмическое пение, напоминавшее ритуальное зазывание. В высшей степени странно!.. Звуки показались Яну настолько неуместными – в таком месте и в такой час! – что у него поневоле пробежал холодок по спине.

По мере того как он шагал по слабо освещенному коридору к лифтам, звуки становились все громче.

Наконец он сообразил, что пение доносится из аудитории, где Элизабет Соммерсби обычно ведет семинар по творчеству Д. Г. Лоуренса.

Только ее семинар заканчивается в девять. А сейчас уже одиннадцатый час...

Дверь в аудиторию была открыта. Оттуда лился свет.

Что же там происходит, черт возьми?

Осторожность подсказала Яну, что тут дело нечисто и праздное любопытство может дорого обойтись. Надо развернуться на сто восемьдесят градусов и тихо удирать по лестнице. Однако в итоге любопытство победило страх. Он медленно двинулся в сторону света, лившегося из единственной открытой двери.

И различил голос Элизабет Соммерсби. Стало быть, ее семинар затянулся на лишний час? Ну и ну...

Однако в следующий момент Ян отбросил эту мысль. Студенты не поют хором на занятиях по творчеству Д. Г. Лоуренса. К тому же доносилось и легкое притоптывание множества ног. Ба! Да они еще и танцуют! Ничего себе!

Ян подкрался на цыпочках к открытой двери, прижался к стене и стал прислушиваться.

Сначала он услышал голос Элизабет Соммерсби:

– Теперь мы знаем, что книга "Змея с плюмажем" является вершиной творчества Лоуренса, самым ясным и зрелым изложением его философских взглядов и миропонимания. Лоуренс свято верил в необходимость и разумность существования сверхчеловека. В стройной теории сверхчеловека Лоуренс сплавил все свои прежние политические, религиозные и сексуальные концепции, которые существовали в эмбриональной форме в его раннем творчестве, а затем будут изложены в разжиженном виде в его поздних романах. Но именно в "Змее с плюмажем" блестяще сконцентрированы итоги размышлений всей его жизни.

– Утренняя Звезда! – хором пропели-проскандировали студенты.

– Да, Утренняя Звезда! – подхватила Элизабет Соммерсби, и ее голос вдруг опустился на октаву, когда она полупропела:

– Мы собрались здесь, дабы восславить Утреннюю Звезду!

– У-у-утренняя Звезда-а-а!

– Кто хозяин семинара? Я! Правильно?

– Так точно! – в один голос, по-военному рявкнули студенты.

Ян услышал неожиданный звук – словно кнут ударил по деревянному полу.

– Я хозяйка, а вы мои рабы! Правильно?

– Так точно!

Новый удар кнута – как выстрел.

– А теперь закройте дверь. Наступает время секса. Пора нам убедиться в том, что Лоуренс был прав, утверждая, что "секс может быть прекрасен, если люди блюдут его силу, преклоняются перед ним, как перед божеством, и позволяют ему наполнить собой весь мир".

Господи, неужели это говорит Элизабет Соммерсби? Та самая закомплексованная ханжа с постной рожей старой девы, которую не знаешь жалеть или презирать! Ян ушам своим не верил.

Из аудитории вышел молодой парень – совершенно голый мускулистый здоровяк. Ян в растерянности и страхе сделал шаг назад – спрятаться было негде, бежать поздно. Однако голый студент лишь рассеянно улыбнулся ему и захлопнул дверь.

Снова из аудитории донеслось размеренное пение:

– Да сольется кровь с кровью! Да сольется кровь с кровью!

– А теперь предадимся сексу! – раздался яростный вопль Элизабет Соммерсби.

Ян стоял и слушал. Волосы шевелились у него на голове. Из аудитории неслись сладострастные стоны и вскрики. Кто-то выл от боли. Ян обливался потом.

Он хотел открыть дверь, заглянуть внутрь, выяснить, что же там происходит, на этом шабаше, затеянном профессоршей...

Но здравый смысл и осторожность заставили его бежать прочь – и по мере сил тихо.

Как только дверь лифта открылась, он проворно скользнул внутрь и нажал кнопку первого этажа. Потом бессильно прислонился спиной к стенке кабины и закрыл глаза...

Формально в общежитии было что-то вроде комендантского часа – с такого-то по такое-то время все студенты должны находиться в своих комнатах, а не слоняться по коридорам или сидеть у соседей. Разумеется, существовал также и запрет на прием гостей после одиннадцати вечера.

Однако за соблюдением этих правил никто никогда не следил.

Нарушая первое из вышеперечисленных правил, Джим сидел в комнате у Хоуви и обсуждал с другом второе из вышеперечисленных правил. Было уже за полночь. Джим философствовал вслух по поводу того, сможет ли он незаметно провести Фейт в свою комнату – ему хотелось, чтобы она как-нибудь осталась у него на ночь.

Хоуви отвечал, что администрация общежития скорее всего посмотрит на это сквозь пальцы. А вот мать девушки вряд ли будет обрадована.

Джим возразил, что мамаша Фейт и не заметит отсутствия дочери – разве что через неделю! Она отнюдь не из породы хлопотливых наседок, следящих за своими цыплятами. Проблема в том, захочет ли сама Фейт остаться на ночь.

– Что ж, если существует такого рода проблема – можешь радоваться, – сказал Хоуви. – Значит, ты нашел хорошую, порядочную девушку.

Джим схватил салфетку, которой была прикрыта пицца, скомкал ее и в шутливом гневе швырнул ее в друга.

– Ханжа-викторианец!

– Никакой я не викторианец. Я попросту "приверженец традиционных американских семейных ценностей". Так-то, дружище!

Джим никак не мог перейти к тому, зачем он, собственно, и явился к другу в столь поздний час. Он покосился на часы и спросил:

– А Дейв – он когда обещал вернуться? Дейв, работавший сиделкой при Хоуви, ушел на свидание с девушкой и что-то задерживался.

Хоуви пожал плечами: дескать, откуда мне знать. Джим набрал побольше воздуха в грудь и наконец решился перейти к главному:

– Слушай, Хоуви... По-моему, тебе надо срочно удирать из этого университета. Я полагаю, что события принимают крайне опасный оборот.

Хоуви слабо улыбнулся:

– Опасность – моя любимая стихия.

– Нет, твоя стихия – быть гвоздем в заднице. Почему ты меня не слушаешься? Мой совет ведь не с ветра взялся!

– Да не волнуйся ты за меня, Джим.

– Да как же я могу не волноваться!

– Не надо выставлять меня совсем уж беспомощным калекой! – не без раздражения возразил Хоуви. Джим в отчаянии взъерошил себе волосы.

– Я никогда не выставлял тебя беспомощным калекой! Однако ты должен понять: здесь заваривается очень крутая каша!

– Я в курсе того, что тут происходит.

– Что-то не заметно. Иначе ты бы уже давно унес ноги отсюда!

– Не знаю, заметил ты или нет, но у меня дистрофия мышц, а не мозгов.

– Брось балаган! Мы говорим серьезно, а ты затеваешь пикировку из-за ерунды.

Хоуви дернулся всем телом, чтобы приподнять голову и заглянуть другу в глаза.

– Ладно, Джим, – сказал он, – я понимаю, что ты заботаешься обо мне. И мне это приятно.

Но тебе не стоит волноваться. Ничего со мной не случится.

– Не уверен. Тебя тут на каждом шагу поджидают опасности. А если бы ты оказался на том концерте один? Этим пьяным мерзавцам ничего не стоило изуродовать или убить тебя.

– Эти пьяные мерзавцы могли изуродовать или убить любого нормального человека. От таких и на здоровых ногах не очень-то убежишь! Да, меня могли поколотить. Я мог бы получить по башке бутылкой, запущенной на сцену. Но то же самое могло произойти со мной в любом ночном баре Лос-Анджелеса. Подобные мерзости совершаются повсюду – ничто не ново под луной.

– Послушай, уже несколько студентов бесследно исчезли, другие убиты. У нас были беспорядки на расовой почве. При такой озлобленности дело очень скоро дойдет до преследования и всех прочих меньшинств – в том числе и инвалидов.

– Я могу только повторить: спасибо за заботу, я очень тронут. Но давай будем реалистами. Сейчас середина семестра...

– Точнее, миновало уже две трети.

– Хорошо, две трети. Тем более. В университете Бреа учится примерно двадцать пять тысяч студентов. Если прежний уровень преступности сохранится, до конца семестра погибнет еще человек десять. Что такое десять из двадцати пяти тысяч? Капля в море. Подключи теорию вероятности и сосчитай, много ли шансов, что я попаду в эту десятку? Мне осталось доучиться чуть больше полугода. Если я сейчас брошу учебу, то получу диплом в лучшем случае через полтора года. Я не могу так разбрасываться своим временем. Его у меня мало. Поэтому я остаюсь – какие бы странные события здесь ни происходили!

– Эти события могут стать настолько странными, что ум за разум начнет заходить! – мрачно сказал Джим.

– Поверь мне, я как-нибудь справлюсь. Джим недоверчиво покачал головой.

– Хоуви, твои доводы кажутся разумными, в них есть логика. Зато в происходящем разумом и логикой даже не пахнет. Поэтому можешь выбросить в корзинку для мусора свой разумный подход и свою стройную логику. Мы имеем дело со сверхъестественной силой, которая плевала на всю эту дребедень. Пойми, сейчас мы с тобой живем внутри фильма ужасов.

– Разве я спорю? – спокойно сказал Хоуви. Тут раздался щелчок дверного замка, и в комнату вошел Дейв. Он кивнул Джиму и сказал "привет".

– Как свидание? – поинтересовался Джим.

– Спрашиваешь! Все мои трубы прочистили на пять ротиком, который не хуже самого могучего пылесоса. Полный кайф. Теперь принять душ и в койку. Дейв направился напрямик в ванную комнату. Когда дверь за ним закрылась, Джим сухо заметил:

– М-да, милый мальчик, с хорошими понятиями о морали...

Хоуви устало откинулся в кресле.

– По-моему, тебе пора, – сказал он. – Время очень позднее.

Он явно торопил Джима. Прежде таких ноток в голосе друга никогда не бывало.

– Что это ты... – начал было Джим.

– Послушай, Дейв не любит, когда ты здесь задерживаешься.

Джим удивленно заморгал.

– погоди, кто в этой комнате хозяин?

– Бога ради, иди к себе!

Тут из ванной комнаты донесся голос Дейва:

– Эй вы, голубки, не пора ли вам разлетаться?

Хоуви бросил на друга отчаянный взгляд: дескать, помалкивай и, ради всего святого, уходи побыстрее.

Джиму стало ясно, что Хоуви боится своего помощника.

Ну и дела!

Джим озадаченно тряхнул головой. Дейв, конечно, не подарок – грубоватый, неотесанный, гора мышц и очень мало ума. Такого можно бояться. Но ведь Хоуви платит деньги, он босс, а Дейв работник. У Хоуви нет ни малейшего резона терпеть что-либо от него. Если Дейв начнет хамить или плохо выполнять свои обязанности – Хоуви может попросту уволить его, и весь сказ.

Но коль скоро Хоуви так мягкосердечен, то он, Джим, останется, дождется, когда Дейв выйдет из ванны, и скажет этому зарвавшемуся болвану пару ласковых слов!

– Пожалуйста, – умоляющим тоном произнес Хоуви, – уходи.

Джим непонимающе уставился на друга. Что происходит? Почему он так боится Дейва? Неужели тот как-то притесняет его или издевается над ним? Чем он сумел так запутать Хоуви?

– Послушай, Дейв не позволяет себе чего-нибудь такого? – тихонько спросил Джим. – Он тебя, часом, не обижает?

– Нет.

– Ты не обязан терпеть его выходки. Тебе достаточно уволить его и найти другого помощника...

– Мне будет достаточно, если ты сейчас уйдешь.

– Я...

– Ради всего святого, ступай к себе! В голосе и в глазах Хоуви было столько отчаянной мольбы, что Джим поневоле сдался.

– Ладно, ухожу, – сказал он.

– Ас Дейвом я сам разберусь. Обязательно. Но только сам. Хорошо?

– Хорошо. Если тебе нужна моральная поддержка или свидетель, я готов...

– Пока что просто уходи. Джим кивнул.

– Хорошо, хорошо...

– Завтра утром я тебе позвоню, – сказал Хоуви.

– Утром я к тебе забегу.

– Да иди же ты!

Джим подхватил свои книги и направился к двери. Взявшись за ручку, он услышал голос Дейва, вышедшего из ванной комнаты под громкий звук воды из смывного бачка.

– Я же предупреждал тебя, чтоб и ноги твоего дружка здесь не было! – произнес Дейв.

– А я предупреждал тебя, чтоб ты не смел указывать мне, что мне делать, а что нет! – отозвался Хоуви.

Джим тихонько закрыл за собой дверь. В коридоре он подождал пару минут – на случай, если в комнате возникнет громкая перепалка. Так и не дождавшись признаков продолжения ссоры, молодой человек некоторое время поглядывал на золотистую ручку двери. Может, все-таки удостовериться, что с Хоуви все в порядке? Ведь он только прикрыл дверь за собой, а не запер. Достаточно повернуть ручку...

Но в его ушах звучала умоляющая интонация Хоуви, он помнил и его умоляющий взгляд. Если после таких настоятельных просьб он вломится в комнату, Хоуви ему этого никогда не простит.

С камнем на душе Джим медленно побрел по коридору к своей комнате. Он чувствовал себя виноватым, хотя ума приложить не мог, в чем же именно состоит его вина.

Глава 21

1

Брэд Макдональд опаздывал на занятия. Однако сегодня ему было наплевать на это.

Первая лекция – по антропологии – начиналась ровно в час, и обычно Брэд въезжал на студенческую автостоянку не позже, чем в двенадцать пятнадцать. Место найти было непросто, приходилось ждать в очереди. Припарковавшись, он задерживался в машине, чтобы неторопливо съесть пару сандвичей.

Но сейчас была уже половина первого, а он только-только появился на стоянке. Музыка в салоне звучала на полную мощность, и Брэд, рассеянно поглядывая по сторонам, ездил взад и вперед между рядами машин в надежде, что кто-то уедет и освободит место. И вот наконец удача – одна блондиночка в микроавтобусе уезжала, и Брэд юркнул на ее место – прямо перед носом "тойоты", которая стояла ближе. Водитель "тойоты" опустил окно и сердито крикнул:

– Эй ты, задница! Убирайся прочь, ты без очереди пролез!

Брэд проигнорировал его, вынул ключ из замка зажигания, вышел из машины, запер дверцу и, весело насвистывая, открыл багажник. Не прекращая бодро насвистывать, он достал из багажника пистолет с глушителем и направил его на водителя "тойоты". Тот без промедления нажал на газ и был таков.

Отъехав на приличное расстояние, водитель "тойоты" крикнул:

– Ты чокнутый! Я запомнил номер твоей машины, сукин ты сын!

Но Брэд его слова не расслышал, да и не пытался расслышать. Плевать ему на всяких там придурков!

Он захлопнул багажник. До сегодняшнего утра Брэд ни разу в жизни не держал в руках пистолет. Но ощущение в ладонке было приятное, и он быстро привыкал к греющей душу тяжести в правой руке. Такое чувство, словно ты родился с этой штукой в ладони – так славно, так естественно она лежит между пальцами. Брэд зашагал к центру студенческого городка.

Впервые он не испытывал робости перед университетом. Бояться соучеников он привык с раннего детства. Рос он тщедушным неуклюжим коротышкой. По настоянию отца у него вечно была старомодная стрижка. Слабость маленького Брэда и его дурацкая стрижка были вечным источником насмешек. Ребята постарше, а порой и одноклассники, глумились над ним, изредка и поколачивали. Однажды несколько мальчишек схватили беднягу и крепко держали, пока их товарищ стаскивал с Брэда штаны. Парень заходился от крика, весь покраснел от стыда и злости, но справиться с обидчиками не мог. Они забросили его штаны и трусы на дерево. Пока он прыгал, пытаясь сорвать их с ветки, мальчишки позвали девчонок, и Брэд битый час скакал с голым задом под деревом под хохот небольшой толпы зевак.

В школе, а потом и в университете он неизменно выступал в роли легкой жертвы.

В младших классах его нещадно преследовали более сильные ребята. Несколько раз макали головой в корзинку для мусора – прямо в банановую кожуру, остатки бутербродов и грязные салфетки. Поэтому последнюю ночь каникул он всякий раз проводил без сна: идти в школу мучительно не хотелось, он страшился извергов-одноклассников.

Хотя родители Брэда не были религиозны, мальчик каждый день произносил перед сном свою особую молитву: "Господи, сделай так, чтобы меня завтра не били, чтоб не стаскивали с меня штаны и не совали головой в мусор. Аминь".

В университете, где он отучился уже почти три семестра, Брэд мог бы прибегать к той же молитве. Разумеется, там с него больше не стаскивали штаны и не совали головой в корзинку для мусора. Однако унижения продолжались – они просто стали утонченнее. Ему предстояло узнать, что словом можно причинить гораздо большую боль, чем тычком в спину или плевком в лицо. Однокурсники быстро раскусили его слабость, и Брэд с первых же недель стал "мальчиком для битья" – на нем студенты оттачивали свое остроумие.

Однако сегодня впервые он шел в аудиторию без страха. Вечером накануне он радостно предвкушал поход в университет – совершенно небывалое дело!

Брэд пересек аллею между биологическим корпусом и корпусом ИВИ и вышел на центральную площадь. В руке он по-прежнему сжимал пистолет. Площадь была почти пуста.

Брэд остановился и посмотрел на здание биологического факультета. Было приятно сознавать, что внутри сотни тел, в которые можно всаживать пули. Сейчас эти придурки сидят за столами, строчат за профессорами или скучающе смотрят в окна, не подозревая, что он уже здесь, что он может выбрать любого. Шесть этажей мяса! Только выбирай!

Нет, это будет не здесь.

Брэд ускорил шаги. Немногочисленные студенты, шедшие ему навстречу или сидевшие на лавочках, не обращали внимания на пистолет в руке молодого человека. Если кто и заметил оружие, то не обеспокоился: Брэд нес его так невинно, что у студентов никаких дурных мыслей не возникало. Очевидно, парень несет бутафорский пистолет на занятия по криминалистике или в театральную студию.

Брэд решительно направился в сторону библиотеки, для чего пришлось пересечь всю площадь. Именно в библиотеке он впервые услышал Голос. Именно там к нему обратился Хозяин и объяснил, что необходимо сделать. Свой высокий долг Брэду предстоит исполнить в библиотеке.

Он поднялся по ступеням и вошел в холл. У стойки на проходной стоял его знакомый Майк Фернандес и лениво сортировал карточки читателей. Увидев Брэда, парень презрительно искривил губы и сказал:

– Привет, ослиные уши!

Пистолет был заряжен. Брэду оставалось только поднять его и прицелиться. Майк даже не успел толком испугаться. Его брови испуганно взлетели вверх, а в следующий момент пуля оставила дыру на месте его носа. Фонтан крови – и тело ударилось о белую стену. Упало, как мешок с дерьмом, и даже не дернулось.

Брэд удовлетворенно усмехнулся и пошел дальше, больше не интересуясь Майком Фернандесом. В холле было человек пять-шесть, но никто из них и слова не промолвил. Даже девицы не взвизгнули. Все присутствующие просто застыли на своих местах. Ни один из них не поднял глаза на Брэда, пока тот шел через весь холл к лифтам.

Замечательно.

Так и должно быть. Сразу поняли, слюнтяи, что с Брэдом Макдональдом шутки плохи!

Молодец!

Это произнес Голос – шепотом, где-то в глубине его мозга. Брэд был исполнен почтительного ужаса перед этим хриловатым шепотом.

Теперь на четвертый этаж.

Снова властный тихий голос Хозяина. В самой глубине сознания Брэд панически его боялся. Однако на поверхности сознания царило рабоподобное уважение – хотелось исполнять все желания и приказы этой могучей силы, хотелось как можно лучше и полнее вершить волю Хозяина...

Брэд свернул в коридор, нажал кнопку вызова лифта и стал ждать, поигрывая пистолетом в руке.

Когда створки открылись и он зашел внутрь кабины, снаружи раздался крик:

– Обождите, пожалуйста!

К лифту бежала молоденькая латиноамериканка. Девушка появилась не со стороны холла, и было ясно, что она еще не в курсе происходящего. Красотка, ничего не скажешь: короткая юбочка, ноги голые по самые трусы, яркий макияж, как у шлюхи, под мышкой несколько книг. Когда ей оставалось сделать один шаг, чтобы оказаться в лифте, Брэд проворно поднял пистолет и нажал на курок.

Девушка удивленно охнула и упала на пол, зажимая рану в животе.

Она это заслужила, шлюха чертова!

Да, Хозяин прав: она заслужила. Как и Майк Фернандес. Как и те люди, на четвертом этаже.

Брэд нажал кнопку четвертого этажа.

Хозяин все ему рассказал о людях, которые находятся на четвертом этаже. Все девицы, которые там работают, развратные сучки. А все парни – вонючие пидеры.

С самого начала семестра Хозяин начал нашептывать ему самую интимную информацию о каждом из студентов, которые сидели в читальном зале рядом с Брэдом. Поначалу Брэд решил, что это чья-то подлая шутка, и тщательно осмотрелся в поисках источника голоса. Быть может, студенты незаметно установили магнитофон или еще каким-то образом воздействуют на его психику... Но нет, когда он вышел из библиотеки и стал перемещаться по территории университета, голос неизменно следовал за ним. Скажем, идя по аллее за эффектной блондинкой, Брэд слышал комментарий голоса: "А эта паскуда любит, чтобы ее жарили в задний проход".

Отчетливее всего Голос звучал в библиотеке. Поэтому Брэд туда зачастил.

Мало-помалу он привык к Голосу, перестал воспринимать его как розыгрыш... и полюбил его.

А потом Хозяин открылся ему. Брэд узнал, что это за голос, и осознал все его могущество. Хозяин ведал буквально все о Брэде – такие вещи, о которых мог знать лишь сам Брэд. При этом Хозяин его не осуждал. Он сочувствовал Брэду, он его жалел. И оберегал. Например, Хозяин всегда рассказывал о том, кто в библиотеке потешался над Брэдом, какие гадости говорили за его спиной. Голос снова и снова повторял, что все эти люди заслужили самого

сурового наказания.

Брэду вдруг стало тесно в лифте. Его ладони вспотели. Но это был не страх. Скорее, взволнованное предвкушение. Он переложил пистолет на время в левую руку, вытер правую ладонь о штаны.

Убей их всех!

Да, он убьет их всех.

Его взгляд замер на панели, где рядом с квадратиками, в которых загорались номера этажей, находились их выпуклые обозначения для слепых – шрифтом Брайля.

Вспыхнула четверка, и лифт остановился.

Пальцы Брэда с силой сжали пистолет.

Пора.

Двери лифта открылись. Перед ними стояла небольшая толпа – человек восемь-десять.

Брэд вышел из кабины и начал стрелять – прямо от бедра.

2

Фейт работала в "клетке" на шестом этаже.

Толкая перед собой тележку, она не спеша раскладывала книги по полкам в алфавитном порядке. В этой отгороженной от остального зала комнатке девушка ощущала себя защищенной: она всегда запирала за собой дверь, и никакой чужак или чокнутый не мог застать ее врасплох. Вот и сейчас у нее было легко и спокойно на душе.

Как вдруг она всем телом почувствовала волну холодного воздуха. Ощущение было странное: разом и физическое и моральное, словно ледяное дуновение заодно окатило и ее душу.

Фейт быстро положила на тележку книги, которые держала в руках, и проворно огляделась. Было впечатление, что на несколько секунд где-то включился кондиционер и послал на нее струю холодного-прехолодного воздуха.

Однако она не увидела поблизости ни одной вентиляционной решетки. Озноб не проходил, хотя ледяной ветерок вроде бы улегся. Фейт потеряла голые руки. Черт возьми, теперь и в "клетке" чувствуешь себя страшно уязвимой! Металлическая дверь, решетка – все это такая хлипкая защита от того, что имеет сверхъестественную природу!.. Хуже того, "клетка" – по сути, настоящая ловушка, из которой нельзя быстро удрать! Недаром этот закуток называют клеткой. Сущая мышеловка...

Фейт уже двинулась к двери, чтобы открыть ее, но тут до девушки дошло, что сейчас она наверняка единственный человек на шестом этаже. И студенты и сотрудники отправились на завтрак. Ближайшие люди двумя лестничными маршами ниже.

Шестой этаж.

Ах ты, дура, дура! И зачем ты осталась тут одна? Нет чтобы уйти вместе с Гоем! "Спасибо, я что-то не хочу есть". Поработать захотела! Будто бес ее под локоть толкал!

Фейт замерла рядом с тележкой. Теперь ей вдруг вспомнилось, что минуту назад она слышала какой-то шум на этаже, но была так сосредоточена на своей работе, что проигнорировала его. Шум на шестом этаже, где обычно царит почти мертвая тишина?..

Что же это был за шум? – принялась она терзать свою память. Что-то вроде шороха или раскатистого шепота – но подобные звуки не могли исходить от проходящих мимо и разговаривающих читателей. В то же время звуки явно не имели механической природы, в них не было ритма; скорее, что-то вроде тех неопределенных шорохов и скрипов, которые бывают ночью в доме. Словно ожили стеллажи и горестно кряхтят о чем-то...

Вот! Опять! Теперь больше похоже на отдаленный шепот.

Но есть в этом шепоте что-то нечеловеческое...

Стоять дольше в полном бездействии и умирать со страха Фейт было стыдно. Девушка с удвоенной энергией взялась за расстановку книг и начала мурлыкать себе под нос какую-то старую мелодию. Она здорово перепугалась. Но ничего, ее мурлыканье заглушит эти странные шорохи-шепоты.

Черта с два!

Она вдруг осознала, что шуршит и шепчет – прямо в ее голове. Пой хоть в полный голос – все равно не заглушишь эти внутренние невнятные перебуды. Напрасно она себя успокаивала и с шумом ворочала книги.

Фейт отлично понимала, что происходит нечто по-настоящему страшное.

Надо было срочно бежать отсюда на какой-нибудь другой этаж, где много людей. Однако ее парализовывала мысль, что к лифту или к лестнице придется идти по длинным пустынным проходам между стеллажами... Разумеется, в "клетке" она как в ловушке. Но тут по крайней мере видно, что происходит вокруг. А там, между стеллажами, еще неизвестно, кто притаился и с какими намерениями... Как знать, чья рука или лапа обрушится из-за угла на ее плечо!..

Фейт опять бросила книги и напряженно прислушалась.

В дальнем конце этажа раздались гудение и щелчок – открылся лифт. У Фейт сердце подпрыгнуло в груди. Почему-то в памяти вдруг всплыло лицо Джона Тейлора. Она ума не могла приложить, почему ей внезапно подумалось именно о нем. Ведь после того убогого свидания она с ним больше не виделась – прошел уже целый месяц, слава Богу! Так или иначе, ее первой мыслью при звуке пришедшего лифта было: только бы это не оказался Джон Тейлор!

Приглушенный звук шагов. Кто-то в кроссовках.

Фейт собрала все свое мужество в кулак. Прижавшись спиной к полкам и затаив дыхание, она неотрывно уставилась на центральный проход между стеллажами.

Ура! Это Гленна! Всего-навсего Гленна! Какое облегчение.

Фейт поспешила открыть дверь подруге.

И тут наконец заметила, что Гленна мрачнее тучи. Произошло что-то очень серьезное. Белые губы, остановившийся взгляд...

– Быстренько! – сказала Гленна без всяких предисловий. – Уносим ноги. Всех срочно эвакуируют из здания.

У Фейт перехватило дыхание.

– Господи, что произошло? – спросила она, не зная, какого ответа бояться больше.

– Один парень рехнулся. Десять минут назад появился с пистолетом на четвертый этаж и начал палить направо и налево. Уложил массу народа...

Гленна быстрыми шагами пошла к лифту, не оглядываясь на подругу.

Фейт побежала за ней. Несмотря на присутствие Гленны, несмотря на шум своих шагов, она отчетливо слышала шорох-шепот в своей голове.

И теперь эти звуки напоминали отдаленный смех.

3

ПЕРЕСТРЕЛКА В БИБЛИОТЕКЕ: ЧЕТЫРЕ ЧЕЛОВЕКА УБИТЫ, ШЕСТНАДЦАТЬ РАНЕНЫ

Новая сенсация. Снова жирный заголовок на всю ширину первой полосы. И фотографии под заголовком опять могут потянуть на какой-нибудь приз: прикрытые окровавленные тела на носилках, отражение множества машин на стеклянной стене первого этажа библиотеки – полиция и "скорая помощь"...

Ричард и на этот раз оказался на высоте – его снимки в высшей степени эффектны. Каким-то образом он проник через линию полицейских кордонов и нащелкал почти сотню кадров, прежде чем его вытолкали прочь.

Джим видел готовые отпечатки лишь мельком, но они до сих пор маячили перед его глазами. Для газеты отобрали самые впечатляющие, а самые страшные отложили в сторону. Лужи крови перед лифтом, забрызганные кровью и мозгами книжные стеллажи на четвертом этаже. И трупы, трупы... Три мертвые пожилые библиотекари. Одна лежит на столе – пуля превратила лицо в кровавую кашу. Вторая на полу – с раной в груди. А третья сидит в нелепой позе на стуле, руки висят плетью, мертвые глаза смотрят прямо в камеру.

Отвратительно. Страшно.

Но снимки мощные.

Что и говорить, Ричард – настоящий мастер...

Зазвонил телефон. Джим сняла трубку.

– Джим, – позвала она, – тебя. Декан Йенсен.

Сейчас декан Йенсен заведовал учебной частью, а некогда был куратором "Сентинел" и, к счастью, продолжал по мере сил опекать газету. Джим встречался с ним лишь однажды, но полюбил этого человека с первого взгляда. Йенсен был единственным членом высшей администрации университета, который не избегал контактов с редакцией "Сентинел": при необходимости давал требуемую информацию или совет, а порой и сам предлагал дополнительные сведения по темам, интересовавшим работников студенческой газеты. Джим взял трубку.

– Добрый день. Джим Паркер слушает.

– Привет, Джим. Мне только что позвонили из центральной больницы. Один из раненых студентов скончался. Вы уже в курсе?

– Нет. Большое спасибо. Мы звонили в больницу полчаса назад. Из них слова не вытянешь. Похоже, нас держат на голодном информационном пайке.

– Сам понимаешь, Джим, и полицейское управление, и больница сообщают новости прежде всего крупным телекомпаниям и газетам, а от вас отмахиваются. Так что я постараюсь подкидывать информацию, чтобы вы не совсем отставали.

– Спасибо, – произнес Джим. – А кто из раненых умер? Вы знаете фамилию?

– Увы, мне не сказали. Но семью погибшего уже уведомили. Когда сдаете номер?

– Должны были – час назад.

– А когда самый-самый последний срок?

– Типография велела не позже восьми.

– Времени маловато, – согласился Йенсен. – Попробуйте сами дозвониться в больницу и вытянуть из них имя умершего.

– Хорошо. Еще раз спасибо.

Повесив трубку, Джим подозвал Фарука.

– Звони в больницу. Узнай, какие там новости. Придется переделать заголовок и внести кое-какие изменения в текст статьи.

– О Господи! – воскликнула Джин. – Сколько же раз можно переделывать!

– Сколько потребуется.

– Извини, Джим, ты перебарщиваешь! – заявила Джин. – Нам все равно не угнаться за телевидением. И даже с большими газетами нам не по зубам конкурировать – у них собственные типографии, они могут сдавать номер далеко за полночь. – Девушка удрученно тряхнула головой. – Мы и так сделали все возможное. Зачем же из нас кишки выпускать? Чего ради?

– Мы должны работать по максимуму. Пока я главный редактор, будем вкалывать без дураков.

– Учти, я уйду через час. И больше ни на минуту не задержусь. Если к этому времени ты не угомонишься, на меня не рассчитывай, справляйся сам.

– Ладно.

К Джиму подошел огорченный Фарук.

– Я дозвонился до больницы, – сообщил он. – Все глухо. Никакой информации давать нам не желают. Говорят, утром будет пресс-релиз. Что мне делать? Поставим, "как сообщил нам декан Йенсен"?

– Что ж, деваться некуда. Вставь сообщение о смерти раненого со ссылкой на декана Йенсена. Джин удовлетворенно кивнула:

– Вот это мудрое решение. Достоинство главного редактора. Нечего нам ждать у моря погоды еще целый час...

Через несколько минут все необходимые изменения на первой полосе были сделаны, и Стюарта отрядили в типографию с готовым номером.

Когда они всей компанией вышли из редакционной комнаты в коридор, на Джима чуть не наехал Хоуви.

– Привет! Что там насчет перестрелки? Говорят, три человека пострадали.

– Ха! А не хочешь пять трупов и пятнадцать тяжело раненных!

Хоуви побледнел.

- Боже! Какой ужас! Есть среди них наши общие знакомые?
- Похоже, нет. Правда, я еще не видел окончательного списка.
- Кто стрелял? Ветеран войны?

Джим отрицательно мотнул головой. Отец Хоуви служил во Вьетнаме, и Хоуви почти с маниакальной настойчивостью интересовался геем, что могло бы, по его словам, привлечь больше внимания к тягостному положению ветеранов вьетнамской войны.

– Насколько я знаю, – сказал Джим, – убийца совсем юный. Двадцать два года, почти что наш ровесник. Специализировался на антропологии. Он расстрелял все патроны, а затем преспокойненько уселся на полу в ожидании полиции.

– Ну и ну!

Джим попросил Фарука запереть дверь, сам же направился вместе с Хоуви к лифту.

– А где Шерил? – спросил Хоуви. Джим горестно вздохнул:

– Шут ее знает. Уже неделю не появляется в редакции. И не подает никаких признаков жизни. Не могу даже по телефону с ней связаться. Очевидно, придется взять нового редактора отдела. Хоуви промолчал.

Они спустились на лифте и вышли из здания. Здесь их поджидал неожиданный сюрприз. На ступенях сидели и лениво курили шесть или семь студентов и студенток – в темноте яркими точками светились кончики сигарет. Было довольно прохладно – изо рта курящих вперемежку шел то дым, то пар. Молодые люди смотрели на покату лужайку метрах в пяти от ступеней. Там, слабо освещенные светом из окна на первом этаже, парень и девушка молча энергично совокуплялись. Наблюдающие тоже молчали.

Эта сцена поражала не только своей сутью, но и глубоким равнодушным молчанием.

Джим поежился – не столько от холода, сколько от отвращения, схватил инвалидную коляску Хоуви и быстро скатил ее по пандусу. Толкая ее перед собой, он заспешил прочь, в сторону автостоянки, за которой находилось их общежитие.

– Какая мерзость! – процедил Хоуви, когда друзья оказались на безопасном расстоянии. Джим согласно кивнул.

– Да-а, – сказал он, – от этого всего рехнуться можно!

Тут Хоуви вдруг охнул и сказал:

– Эй, Джим, притормози-ка! Гляди, что там такое? Джим посмотрел в указанном направлении. В центре площади росли одной группой несколько деревьев. Кругом было темновато – фонари уже перешли на режим экономии и светили в треть накала. Но там, где была купа деревьев, темнота сгушалась странным образом...

– Послушай, – произнес Хоуви немного дрожащим голосом, – я почувствовал дрожание под колесами. Какая-то вибрация...

– Землетрясение?

– Нет, определенно не землетрясение... Больше похоже на... Ну вот, опять. – Глаза Хоуви расширились от ужаса. – Ты чувствуешь?

Джима затрясло от страха. Спина у него похолодела. Сам он ничего не чувствовал. Но от этого было еще страшнее.

– Н-нет, я н-ничего такого не...

– А я словно в море на надувном матрасе. Качает, как на волнах. Вот же, вот! Ты что, и впрямь не чувствуешь?

– Ничего я не чувствую! – почти сердито огрызнулся Джим. – Поехали-ка дальше, и брось дурить!

– У меня такое ощущение, что земля подо мной... дышит. Как будто гигантская грудь кого-то спящего на спине размеренно ходит вверх-вниз, вверх-вниз... Вдох, выдох, вдох, выдох...

– Если ты хотел напугать меня – то будь доволен, напугал! А теперь, пожалуйста, прекрати! У всякой шутки есть границы...

– Я нисколько не шучу – Послушай, включай-ка мотор, и давай сваливать отсюда по-быстрому!

Джим зашагал вперед, а через несколько секунд послышалось жужжание двигателя инвалидной коляски, и Хоуви догнал его.

Проходя у купы деревьев в центре площади, Джим не мог не заметить, что воздух стал значительно холоднее. Они словно попали в столб воздуха с минусовой температурой. Просто дьявольщина!.. Джим мог только гадать, ощутил ли его друг то же самое или нет. Спросить он не решился. Охваченный паникой, он лишь ускорил шаг.

Впереди находилось здание библиотеки – ни одного светящегося окна. Только трое полицейских перед входом сторожили у желтой ленты, преграждающей путь.

Джиму, который шел и без того быстро, вдруг захотелось побежать – было нестерпимо находиться рядом с этим проклятым местом. Темное здание библиотеки внушало ужас.

Была ли Фейт внутри, когда разыгралась трагедия? В списке пострадавших она не значилась, однако никто пока не гарантировал полноту и точность этого списка. Сама Фейт ему не позвонила, чтобы успокоить. Он очень волновался за нее, но в редакции в связи с бойней царила такая суматоха, что ему было просто некогда наводить справки о Фейт или разыскивать ее.

Как только он окажется в своей комнате в общежитии, тут же позвонит ей домой – удостовериться, что с девушкой все в порядке.

Неподалеку от полицейских околавивалась группа студентов. Они молча курили и сплевывали в сторону копов.

– Не отставай, Хоуви, – сказал Джим. – Поторапливайся. У меня душа не на месте.

И он перешел на трусцу.

Фейт.

Она ждала Джима в его комнате. Голая. Как только он вошел, девушка призывно стала на четвереньки, ягодицами к входной двери.

Джим понятия не имел, откуда у нее взялся ключ. Но у него не было ни малейшего желания раздумывать о такой ерунде.

За двадцать секунд он избавился от всей одежды и был уже на кровати.

С высоко торчащим членом.

Джиму не надо было объяснять, чего хочет Фейт. Ему и самому этого хотелось. Левой рукой сгреб ее за талию, а правой стал шлепать по ягодицам – все сильнее и сильнее. Очень скоро ее зад зарделся от ударов. Тогда Джим стал на колени за стоящей на четвереньках Фейт и бесцеремонно, одним резким движением вошел в нее.

Глава 22

Машина Эленор снова находилась в ремонте. Автомеханики нашли еще одну неполадку в тормозной системе – на сто долларов. Ян ворчал, что эту неполадку они выдумали, чтобы содрать побольше денег. Что касается Эленор, то у нее был простой принцип: "Береженого Бог бережет". Поэтому она с механиками не пререкалась и с покорной готовностью выложила денежки.

Его последнее занятие закончилось в три часа, а Эленор работала до пяти. Так что Ян мог заблаговременно приехать к ее офису – невзирая на пробки на дорогах.

Фирма, в которой работала Эленор, располагалась в одном из трех высотных зданий, построенных в середине восьмидесятых годов на месте снесенных трущоб. Теперь это место было не узнать – три многоэтажных красавца расположились посреди парка с фонтанами, автостоянки убраны под землю. Приятно работать в таком райском уголке.

Ян прибыл на место без четверти пять. Ему не хотелось ждать, и поэтому он решил подняться к Эленор – быть может, когда она увидит его, то сумеет улизнуть с работы чуть раньше времени.

В холле на первом этаже Ян сказал охраннику, что желает видеть Эленор Мэттьюз из отдела кадров. Охранник снял трубку, с кем-то переговорил, получил разрешение, вручил Яну пластиковый пропуск и проводил к лифту.

На четвертом этаже толстенная секретарша любезно улыбнулась Яну и взмахом руки показала, где находится нужная комната.

Эленор сидела за своим столом и просматривала какую-то компьютерную распечатку.

– О, это ты! – сказала она, поднимая глаза. – Привет.

– Привет.

– А ты, оказывается, не зря мне на мозги капал насчет К. У. Бреа. – Эленор потрянула пачкой бумаг, чтением которых она была занята до его прихода. – Я тут предприняла маленькое исследование. Выясняла кое-какие детали касательно твоего университета. Что и говорить, то еще местечко!

– Ну, я рад, что до тебя кое-что дошло.

– Да, извини, я просто была не в курсе всех фактов. Знаешь, что я выяснила? Руководство штата Калифорния регулярно производит оценку как государственных, так и частных университетов на предмет страховки. Так вот, последние три года К. У. Бреа находится в самом низу списка среди частных университетов, а последние два года – в самом низу списка среди всех калифорнийских университетов. Значит, К. У. Бреа не просто относится к высшим учебным заведениям "повышенного риска", а является самым ненадежным. Причем вероятность подвергнуться насилию, получить ранение или погибнуть на территории К. У. Бреа в два раза выше, чем в университете, который занимает предпоследнюю строку в списке, а этот университет находится, кстати сказать, в менее благополучном районе. Что касается университетов в Фуллертоне и Ирвине, то они, наоборот, почти в самом верху списка. Стало быть, они среди самых безопасных.

Ян устало усмехнулся.

– Блистательная речь. Только я предупреждал тебя, и не зная всей этой цифири.

– Погоди, тебе будет интересно. Ведь от места в списке зависит финансирование университета и его расходы по страхованию. Чем ниже университет в списке, тем меньше охотников вкладывать денежки в его развитие, тем ненасытнее требования страховых компаний! Ты выбрал для работы не самое лучшее место – быть может, тебе стоит побыстрее уносить ноги из этой трясины. Однако то, что К. У. Бреа официально признан зоной повышенного риска для любого нормального человека – это лишь макушка айсберга! Согласно моим данным, выпускников твоего университета избегают как чумы буквально все – крупные агентства нашего штата, финансовые корпорации и так далее. Охотники за талантами десятой дорогой обходят К. У. Бреа. Твой университет – последнее место, где ищут одаренных выпускников! Короче, получить у вас диплом – значит закрыть себе все пути к быстрому успеху. По крайней мере в штате Калифорния, где знают, что такое К. У. Бреа.

– Я подозревал нечто подобное, хотя никогда всерьез не изучал этот вопрос... Стало быть, теперь ты мне веришь, что не стоит учиться в нашем университете.

– Я тебе верила с самого начала. Ты же сам знаешь: доверяй, но проверяй – с документами в руках.

– Ладно, прощаю тебя, – сказал Ян. – Я и сам такой же... недоверчивый.

– Честно говоря, мне и в голову не приходило, что опасность учебы в К. У. Бреа имеет такое мощное документальное подтверждение.

– А я могу получить копию этих бумаг? – спросил Ян.

– Нет, к сожалению. Ведь эта информация строго для служебного пользования.

– Ладно, нет так нет. Настаивать не буду. Эленор посмотрела на настенные часы, встала и вынула из ящика стола свою сумочку – Пойдем. Час назад звонили из мастерской – машина в полном порядке, можно забирать. Подбрось меня туда по дороге домой.

– Отлично. Потом мы...

Она отрицательно мотнула головой:

– Потом мы ничего. Я с головой ушла в изучение материалов о твоём университете. Так что кое над чем надо потрудиться дома, чтобы к завтрашнему дню вернуть документы в офис.

– Ладно, можем никуда не выходить из дома. Я приготовлю ужин, а ты занимайся со своими бумагами...

Эленор виновато улыбнулась и ласково пожала ему руку.

– Извини, но сегодня я поеду к себе. Мой домашний компьютер имеет выход на здешний банк данных, а мне этим вечером понадобятся кое-какие справки.

– Ерунда, – сказал Ян. – Просто скопируй заранее все, что тебе нужно на дискету, возьми ее с собой и едем ко мне.

Она замотала головой решительнее прежнего:

– Нет, Ян. Сегодняшний вечер я проведу дома.

Дома.

Он почти забыл, что у нее есть свой дом – квартирka в городке Анехайм на улице Анехайм-Хиллз. Эленор постоянно жила у него уже дней десять – даже большую часть своего гардероба перевезла к нему. Правда, днем она делала короткие вылазки к себе в Анехайм, чтобы полить цветы и забрать корреспонденцию из почтового ящика. Однако больше двух недель она спала исключительно у него, поэтому Ян бессознательно решил, что они уже живут вместе, одной семьей.

Сейчас его первой мыслью было спросить, чем он ее обидел. Может, задел ее каким-нибудь неудачным словом или сделал что-то не то, и теперь она решила его наказать бегством к себе домой – в ожидании, что он поймет и покается. Не исключено, что она хочет услышать формальное предложение переехать к нему.

А может быть, она попросту расставляет ноги еще перед кем-нибудь.

Господи помилуй! Похоже, он становится параноиком. Такая подозрительность по отношению к Эленор – просто подлость и глупость. Она не дает ни-; каких поводов для подозрения, не высказывает никаких претензий к их отношениям, да и на других мужчин даже не косится. По всему видно, что она любит его – или по крайней мере относится к нему с большой нежностью и теплотой.

Все они похотливые суки.

Черт бы побрал Сильвию! Теперь над его жизнью висит мрачная тень от страшного опыта неожиданного предательства. Никогда прежде он не был таким недоверчивым, таким маниакально подозрительным. Эленор он доверял целиком и полностью. Так неужели же стоит изводить себя нелепыми предположениями?..

Или все-таки стоит?

Как говорится, береженого Бог бережет.

Лучше держать глаза широко открытыми. Лучше ошибиться в своем недоверии, чем снова вляпаться в обман.

Ян внезапно подумал, что к этой мысли он пришел не сам. Или, скажем так, не совсем сам. Кто-то или что-то подталкивали его в сторону недоверия.

Неужели это... университет?

Подобное упрямое и в достаточной степени вульгарное недоверие никогда не было свойственно Яну Эмерсону. "Все они похотливые суки" – ведь это не его мысль, не его лексика. Это моральная деградация. Даже шок после измены Сильвии не оправдывает столь тотального недоверия к женскому полу. Он интеллигентный человек, и глупые обобщения типа "все бабы – шлюхи" совсем не в его духе.

Очевидных признаков постороннего влияния на свою психику Ян не замечал. С другой стороны, никто из тех, чьим сознанием манипулируют, не способен осознать, что им управляют. Весь ужас манипуляции сознанием именно в том и заключается, что жертва ни о чем не подозревает.

Дурное влияние университета исключать нельзя. Это та вероятность, с которой необходимо считаться.

– Ладно, – сказал Ян, – поехали.

В машине он старательно делал вид, что ничего особенного не произошло. Говорил о посторонних вещах, к теме бегства Эленор из его дома больше не возвращался. Он так успешно и так долго избегал вопроса, почему сегодня она наотрез не хочет ночевать у него, что к моменту, когда машина остановилась у авторемонтной мастерской, было уже неудобно вдруг возвращаться к этой "забытой" теме.

Ян подождал, пока Эленор не расплатилась с механиками, затем удостоверился, что ее автомобиль в порядке и она сможет самостоятельно добраться до дома.

– Я позвоню тебе, – сказала Эленор перед тем, как разъехаться в разные стороны.

– Буду ждать.

– Затаив дыхание?

– А как же иначе! – воскликнул Ян с несколько принужденной улыбкой, поцеловал ее и

направился к своей машине.

К себе он приехал в половине седьмого.

Дом показался ему удручающе пустым, а тишина в нем – оглушительной. Лампочка автоответчика помигивала. Ян сходил на кухню, достал банку пива из холодильника и только затем прокрутил ленту назад и стал слушать.

За время его отсутствия был только один звонок.

От Гиффорда Стивенса.

Он предлагал немедленно встретиться.

Зал для курящих ресторана "Коукоу", где Гиффорд Стивенс назначил ему встречу, был переполнен. Однако Яну повезло – он нашел столик.

Стивенс запаздывал. Ян выкурил не одну сигарету, прежде чем в проходе появилось знакомое лицо.

Ян узнал "сумаспрофа" сразу же – даром что он видел Гиффорда лишь однажды. Этот странный человек произвел на него такое сильное впечатление, что запомнился во всех подробностях: густая всклокоченная борода, пронизательные голубые глаза, шерстяной свитер...

Он и сейчас был такой же: та же борода, те же глаза-буравчики, тот же шерстяной свитер.

– Стало быть, начинается, – сказал Стивенс вместо приветствия, усаживаясь напротив Яна. Тот согласно кивнул.

– Вы просили меня позвонить по тому телефону, номер которого вы указали в своей диссертации, – сказал Ян. – Однако этого номера давно не существует.

– Приходится быть предельно осторожным. Нельзя с ходу отличить друга от врага. Хотя я в целом доверяю преподавателям английской словесности. Среди них много порядочных людей. Особенно среди тех, кто занимается фантастической литературой. Сам выбор сферы интересов говорит об открытости ума, о свободе воображения. А впрочем, мое доверие к словесникам – что-то вроде предрассудка наоборот. Слепое предрасположение.

– Иными словами, из всех бреаских профессоров вы избрали для общения меня лишь потому, что я веду курс литературы ужасов?

– С кого-то надо было начинать... Преподаватели литературы, как правило, симпатичные ребята. По крайней мере до сих пор не встречал среди них плохих людей. – Тут Стивенс нагнулся поближе к Яну и более серьезным тоном спросил:

– Итак, вы прочитали мою работу?

– Еще две недели назад.

– И что вы думаете?

Стивенс сверлил его вопросительным взглядом, и у Яна мелькнула мысль: а вдруг этот человек ждет лишь оценки научной ценности его "диссертации", а также отзыва о ее стилистическом совершенстве?

Ян молча внимательно посмотрел в голубые глаза "сумаспрофа", и его сердце обмерло. Надо распрощаться с нелепой надеждой, будто Стивенс поможет разрешить загадку, каким образом изгнать то Зло, которое поселилось в бреаском университете. Прискорбное заблуждение – возлагать столь большие упования на чокнутого! Напрасно он так долго тешил себя пустой надеждой. Первое впечатление – что у Стивенса не все дома – было правильным.

Ян отвел взгляд, нервно облизал губы. Он не знал, к чему относится это "и что вы думаете?" В каких выражениях и что именно следует отвечать на этот вопрос?

– Вы мне не поверили? – спросил Стивенс, видя замешательство собеседника.

Новый вопрос ставил все на место. Профессора интересует мнение не о его "научной работе", а о самой проблеме.

– Отчего же... – сказал Ян. – Я вам поверил. Стивенс довольно улыбнулся, оголив коричневатые зубы заядлого курильщика.

– Это хорошо, – сказал он. – Это замечательно.

– Однако я не вполне понимаю, каким образом вы пришли к заключению, что университет – это живое существо.

– А по-вашему, суть проблемы в том, что на его территории поселилась нечистая сила? Ян покраснел:

– Нет, я ничего не говорю про нечистую силу.. Я...

Стивенс понимающе кивнул:

– Стало быть, вы вообразили себе что-нибудь в духе романов Джексона, Мараско или Стивена Кинга?

– Да, пожалуй.

Было приятно общаться с человеком того же круга чтения и похожего направления мыслей. Они понимали друг друга с полуслова. Яну подумалось, что при других обстоятельствах, имея общие интересы, они могли бы стать друзьями.

– У них живыми были здания. А то, с чем мы имеем дело, имеет здания в качестве составной части своего "тела".

Странно было обсуждать сверхъестественные явления не в метафорическом смысле – строя теории о том, как и почему их использует тот или иной автор, – а в самом прямом, словно они не создания фантазии, а факты реальности. Странно и непривычно.

– По-моему, это существо не имеет тела как такового, – сказал Ян.

– Правильно. Я применил слово лишь в фигуральном смысле. Университет не есть некое физическое существо с очерченными границами тела. Это не Кинг-Конг и не Годзилла. Университет не может встать и двинуться на Лос-Анджелес, круша все на своем пути. Но территория университета – сам участок земли и все, что на нем стоит, – составляет некое подобие физического тела. Как я пишу в своей работе и как вы уже, наверное, сами заметили, университет способен в определенной степени распоряжаться физическими предметами, которые находятся в пределах студгородка. Таким образом, он не просто чистый разум. У него есть возможности манипуляций в физическом мире – пусть и ограниченные. Правда, мы не ведаем, насколько они ограниченные. Быть может, они лишь попросту скрыты от нас.

– Да, тут я с вами, похоже, во всем согласен. Стивенс закурил, сделал длинную затяжку и продолжил:

– Я полагаю, что подлинным физическим продолжением университета, его, так сказать, манипуляторами или руками, являемся мы, люди.

– Мне хорошо запомнились те места, где вы пишете о том, что университету нужны человеческие тела – живые и мертвые, то есть принесенные в жертву.

Стивенс досадливо взмахнул рукой.

– А-а, это... Тогда я ошибался, попал под воздействие традиционного подхода. Не понял сути. С тех пор я многому научился. Университету не нужны ни живые люди, ни трупы – все это вздор. Он состоит из них. Студенты, работники университета, преподаватели и администрация – все они составляют "организм" университета. Согласимся на слове "организм", коль скоро мы не можем найти более точное. Каждый индивидуум на территории университета есть подобие клетки живого организма. Не спрашивайте меня, как все это происходит, какова "техника" всего этого. Я не знаю. Да и наплевать мне на механизм происходящего. Быть может, люди отдают университету свою жизненную энергию, или биополя, или ауру... Короче, нечто происходит, когда такое количество людей собирается на небольшой территории в таком заведении, как университет. Возможно, дело связано с высокой концентрацией умственной энергии...

– Хорошо. Но ответьте мне: почему то же самое не происходит в каждом университете – и даже в каждом колледже?

– Отчего же не происходит? То же справедливо для каждого университета и колледжа! Только характеристики образующегося организма везде разные – в зависимости от того, кто там в данное время преподает, учится и работает. Однако характер некоторых высших учебных заведений остается неизменным. Что именно происходит – я могу только гадать.

То ли такой университет или колледж притягивает преимущественно людей с задатками зла в душе, то ли оказывает такое мощное воздействие на души, что склоняет их ко злу... Как бы то ни было, "характер" подобного "организма" никак не зависит от перемен в наборе составляющих его людей-клеток. Бреаский университет как раз и является примером такой стабильности.

– Попросту говоря, все университеты представляют собой живые организмы. И как и среди людей, среди университетов попадаются хорошие и плохие. Вы это хотите сказать?

– Да, – согласился Стивенс. – Что касается Бреа...

– ..то этот университет – что-то вроде неврастеника.

– "Что-то вроде неврастеника"? Вы ошибаетесь! Бреаский университет – буйно помешанный. Это смертельно опасный психопат!

Подошла официантка. Естественно, она оказалась бывшей студенткой Яна. Не обращая внимания на Стивенса, девушка принялась щебетать о переменах в своей жизни с тех пор, как она два года назад ходила на один из семинаров профессора Эмерсона. Сам Ян помнил ее смутно, вежливо улыбался и пытался вернуть официантку к разговору о меню. Наконец она приняла заказ и через несколько минут принесла чашку кофе для Стивенса и стакан чая со льдом для Яна.

Промочив горло, оба немного расслабились. Напряжение первого периода беседы спало. Ян уже мог позволить себе толику юмора.

– Если, по-вашему, Бреа такое гиблое место, исполненное зла, и люди, составляющие организм университета, сплошь гады, – сказал он, – то отчего же я сижу здесь, с вами?

Стивенс пожал плечами:

– Нет такого организма, который был бы болен целиком, вплоть до последней клетки. Если вас устроит такое сравнение – вы относитесь к здоровым клеткам организма, пораженного раком. И нормальных, порядочных людей в университете должно быть много...

– Я знаю! Мы как раз пытаемся сплотить таких людей.

– Замечательно. Иногда само количество дает силу.

– Но почему мы ничего не замечали вплоть до этого семестра? – спросил Ян. – Вот что интересует меня в высшей степени! Ведь не в этом же семестре Бреаский университет стал злодеем! Процесс наверняка длительный. Если вы правы, мой университет гниет изнутри уже не первый год. Отчего же никто этого прежде не замечал? Скажите мне, пожалуйста, почему и в прошлом семестре, и в позапрошлом я чувствовал себя в Бреа самым раскрепощенным образом?

– Вы уверены? – коротко возразил Стивенс, пристально глядя Яну в глаза. Ян заметным образом смутился.

– Как вам сказать... – неуверенно начал он. – Если подумать хорошенько... честно говоря, сам не знаю... Возможно, в последние годы я действительно чувствовал себя в Бреа немного не в своей тарелке. Но чтобы я замечал нечто необычное, выходящее за рамки... нет, такого не было!

– Замечали вы или нет, но необычное уже присутствовало. Вы попросту не знали, в какую сторону внимательно глядеть. А теперь наступил такой этап, что странности бросаются в глаза, их нельзя не заметить.

– И что же я должен делать... на этом этапе? Что все мы должны делать в нынешней ситуации? Все бросить и бежать без оглядки из университета? Сматываться, пока еще не поздно?

– Уже поздно. Вы не можете бежать. Вы часть университета, вы клеточка организма. Сами подумайте, может ли клетка вашего сердца, или печени, или позвоночника решить вдруг, что ей с вами не по пути, и удрать? Клетка организма не способна принять решение покинуть организм. У нее нет разума для принятия каких бы то ни было решений.

– Извините, у меня-то разум есть. И я при желании могу покинуть университет.

– Вы в этом так уверены? – с горькой усмешкой спросил Стивенс.

– Ежедневно одних принимают на работу в университет, других увольняют, а третьих переводят в иные места.

– Э-э, нет, тут вы не совсем правы. Вы говорите о волосах, о ногтях. То есть о маловажных частях организма. Скажем, волосы выпадают без ущерба для организма, верхние слои кожи отшелушиваются в результате естественного процесса.

– Я отнюдь не считаю себя частью жизненно важного органа. Я где-то на отшибе.

– Что ж, в этом и есть прелесть вашего положения. В нем есть свои плюсы и минусы. Плюс в том, что вы не главнейшая часть организма и способны на некоторую самостоятельную деятельность – имеете свободу воли и маневра и можете вредить ему изнутри. Минус в том, что вы не относитесь к ненужным клеткам, утрата которых проходит для организма безболезненно,

и поэтому вы все-таки находитесь под контролем. Ваше положение промежуточное: в чем-то выгодное, в чем-то нет.. А впрочем, аналогия с организмом несколько хромает. Ведь люди в университете не имеют четких функций, как клетки в организме... Однако, будучи частью живого существа, вы можете атаковать другие его части.

– Подобно тому, как красные кровяные тельца атакуют вторгшийся вирус?

– Очень точное сравнение! – воскликнул Стивенс, одним глотком допивая кофе. – А теперь признайтесь, он уже беседовал с вами?

– Беседовал? Вы хотите сказать, что университет способен...

– Вы слышали обращение к себе? Он пытался установить с вами словесный контакт?

Ян медленно кивнул и рассказал о том, как они с Марией видели зеленую рожу на экране компьютера и прочитали угрозу профессору Эмерсону.

– Понимаете, – произнес Стивенс, – университет общается с разными людьми по-разному. Одни слышат внутри себя голос. К другим он обращается по радио или с экрана видео. А в контакт с вами он вошел через компьютер. – Стивенс огорченно покачал головой. – Это дурной знак. Стало быть, университет знает вас лично. Он обратил на вас внимание и теперь, если можно так выразиться, не будет спускать с вас глаз. А для выполнения вашей задачи была необходима именно полная анонимность. Что ж, придется поручить дело кому-либо другому, кто еще не обратил на себя внимание университета.

– Какое дело?

– Я же вам говорил. Мы должны взорвать эту мразь.

– Подобно тому, как вы взорвали университет Мехико?

Стивенс усмехнулся и кивнул.

– Так точно.

Подошла официантка, подлила Стивенсу кофе, а Яну – охлажденного чая. Было заметно, что девушке хочется поболтать со своим бывшим преподавателем, но ледяной взгляд Стивенса и суровое молчание Яна заставили ее уйти без попытки завязать разговор.

– Меня вот что интересует, – сказал Ян. – Каким образом вы обнаружили все это? А также что случилось с моей женой?

Ян смело встретился с ним глазами и кивнул.

– Все специалисты по литературе ужасов задают мне этот вопрос, – произнес Стивенс. Одним глотком он осушил чашку кофе и достал сигарету. – Ладно... Как написано на обложке моей книги, я жил с женой в штате Нью-Мексико. Вел в университете курс американской литературы, составлял антологию литературы ужасов. И моя жена, Пэт, работала там же, на территории студгородка. Она преподавала на курсах подготовки к университету, которые в это время посещала наша дочь Эми.

На протяжении трех или четырех лет я наблюдал что-то вроде явной умственной деградации студентов – они проявляли все меньше и меньше интереса к учебе, заметно тупели. Поначалу я списывал это на общий упадок системы образования в стране и снижение уровня подготовки школьников, которое неуклонно происходит в последние десятилетия. Но в тот год, когда Эми поступила на курсы подготовки для поступления в университет, ситуация стала по-настоящему нестерпимой. Студенты были уже не просто апатичны и ленивы, а прямо-таки агрессивно настроены против образования и против самих преподавателей. И одновременно стали проявляться жутковатые странности в поведении многих профессоров.

– Звучит очень знакомо, – кивнул Ян.

– Еще бы! – Стивенс сделал быструю судорожную затяжку и нервным жестом загасил сигарету в пепельнице. – Но самым страшным были изменения в характерах Пэт и Эми. Обе – и жена, и дочь – вдруг стали молчаливы, замкнуты. Я снова и снова пытался выяснить, что с ними, но они лишь отмахивались, говоря, что все в порядке. А сами ходили как в воду опущенные.

Бог знает почему я подумал: может, какой-то парень или мужчина приставал к Эми или пытался ее изнасиловать... а может, сексуальному нападению подверглась Пэт... или они обе? Собственно говоря, не было ни малейшей причины для столь мрачных мыслей. На подготовительных курсах работали исключительно опытные преподаватели, люди солидные, а шестнадцати-семнадцатилетние интеллигентные мальчики никак не были похожи на отчаянных

хулиганов...

Однажды я задал Пэт прямой вопрос... Что тут произошло! Она взвилась до небес! Словом, мы так поссорились, что я спал на диване в гостиной. Но посреди ночи Пэт тихонько прокралась ко мне, легла рядышком и призналась, что смертельно напугана происходящим в университете. Точнее, ничего конкретного не случилось – но что-то происходит. На курсы подготовки вдруг зачастили студенты. Они знакомятся там с девушками и ведут себя крайне нагло. Крайне нагло. Пэт очень нервничала по этому поводу. Я сказал, что в таком случае нам необходимо немедленно забрать Эми с курсов, коль скоро они превращаются в вертеп. Однако Пэт возразила: дескать, пока я рядом с ней, ничего страшного не случится. Буду приглядывать за Эми.

На следующий день – буквально на следующий день! – у меня по расписанию было занятие по началам риторики. В группе два десятка парней. На предыдущем я дал студентам задание написать небольшое эссе об абортах – три-четыре странички с изложением аргументов "за" и "против". К моменту, когда я зашел в аудиторию, их сочинения уже лежали у меня на кафедре. Беру в руки, просматриваю... И что же? Каждый сдал по листку, на котором была написана только одна короткая фраза: "Я трахал вашу дочь".

– Господи помилуй! – сказал Ян.

– Я поднимаю взгляд от стопки "сочинений" и вижу перед собой двадцать пар наглых глаз. Спокойно смотрят на меня, и на губах у каждого мерзкая выжидательная улыбочка.

Не передать словами, как я испугался. До меня дошло, что надо немедленно вытащить Пэт и Эми с подготовительных курсов – прочь с территории университета, и без промедления! Я швырнул "сочинения" на пол и опрометью кинулся вон из аудитории. Побежал через студгородок к зданию подготовительных курсов.

Стивенс закрыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы привести в порядок дрожащий голос.

– Еще издавек я увидел, что на спортивной площадке подготовительных курсов много взрослых парней и мужчин. Мне, это показалось крайне странным. Я побежал быстрее. Потом я услышал смех. Толпа наблюдала за тем, как два студента из университетской футбольной команды насилуют пятнадцатилетнего мальчика.

Ни жены, ни дочери на спортивной площадке не было, поэтому я помчался в само здание. Там, в большой аудитории, я нашел Пэт и двух других преподавательниц. Они были связаны и лежали на полу.

А мужчины насильничали мою дочь.

– О Боже! – выдохнул ошеломленный Ян.

– И они не просто использовали ее влагалище, рот или анус! – Стивенс начал в бешенстве молотить кулаком по столу, его голос становился все громче и громче. – Нет! Они разрезали ей живот и совали свои члены ей в печень, в мочевой пузырь, между кишками... – Теперь Стивенс почти что кричал, и посетители ресторана изумленно косились на него. – Трое глумились над ее телом, а еще двое ждали своей очереди. Я схватил стул и расколол им череп одному из насильников. На меня сразу же кинулись те двое, которые ждали своей очереди. Я был в таком состоянии, что мне было безразлично, сколько их – двое, четверо или десятеро.

Стивенс, бледный как смерть, закрыл глаза, его повело из стороны в сторону, как пьяного. Если бы он не сидел, то, наверное, непременно упал бы. Было очевидно, что в его голове теснились страшные образы, которые он не мог или не хотел воплотить в слова.

– Там, на полу, лежало еще несколько трупов – мальчики и девочки, искромсанные ножами, окровавленные, оскверненные...

Тут к ним быстрым шагом подошла официантка. У нее был встревоженный вид.

– Что случилось, профессор Эмерсон? – спросила она.

– Проваливай! – заорал на нее Стивенс. – Сгинь! Девушка покорно отошла, не желая нарываться на неприятности.

– Наверное, я был очень страшен, потому что четверо насильников через минуту обратились в бегство, бросив своего мертвого приятеля – того, которому я раскроил череп. Я поднял тело Эми, положил его на стол. Потом развязал Пэт. Вдвоем мы умудрились донести Эми до Центра здоровья.

Конечно, она была уже мертва. Я вызвал полицию, они составили протокол и все такое...

Я взял двухнедельный отпуск, во время которого понял, что преподавать больше я никогда не смогу. Поэтому я направил письмо, в котором просил об отставке, а затем поехал вместе Пэт в университет, чтобы забрать из своего кабинета личные вещи. Вот так-то...

Тут Стивенс вдруг замолчал и пустым взглядом уставился в пространство. Ян мог только гадать, закончил ли он свой рассказ или собирается с силами, чтобы продолжить его. Не желая торопить Стивенса, Ян молча пил чай со льдом.

– Однако до моего кабинета мы так и не добрались, – тихо, более спокойным тоном произнес наконец Стивенс. – Как только мы попали на территорию университета, я ощутил, что за две недели там все чудовищно переменялось. Я нутром чувствовал разницу. Прежде было просто плохо, а стало неопишимо плохо. Я даже подумал: а не плюнуть ли на вещи в моем кабинете? Не лучше ли повернуть назад, сесть в машину и уехать отсюда навсегда?

Университетские здания зияли выбитыми окнами. Несколько вязов на центральной площади стояли без листьев, мертвые, хотя весна была в разгаре и две недели назад они весело зеленели... И главное, было удивительно безлюдно для этого времени дня – студентов почти не видно.

Но я справился со страхом, и мы с женой направились в сторону гуманитарного корпуса. Мы прошли примерно половину пути и шагали по тропинке между газонами, как вдруг меня что-то толкнуло с такой силой, что я упал на землю. Вокруг нас никого не было, и поэтому в первый момент я решил, что это Пэт рехнулась и внезапно сбила меня с ног. Однако она лежала рядом со мной. Ее повалила та же неведомая сила.

А потом... потом трава рядом вдруг вздыбилась. Сперва это был холмик, который быстро рос и менял форму... и превратился в чудовище из травы и глины – с огромными страшными глазами и жуткими клыками.

И это чудовище сожрало мою жену.

Я видел, как монстр вырос из земли, отделился от нее, сделал два шага и схватил Пэт – и она исчезла в его огромной черной глотке. Все произошло необычайно быстро – Пэт даже не успела вскрикнуть, а я – вскочить на ноги. После этого чудовище опять вросло в землю и стремительно погрузилось в нее. Секунда – и передо мной был снова ровный газон, как будто ничего не произошло. Только жены больше не было. На газоне осталось что-то вроде шрама – но больше никаких следов случившегося...

Я кинулся к этому месту, пытался руками разгрести землю. Я совсем потерял разум – все скреб и скреб землю ногтями...

Очевидно, кто-то заметил меня, потому что в конце концов меня оттащили от того места, попытались привести в чувство. Разумеется, никто не поверил моему рассказу – списали на помешательство в связи с недавней гибелью Эми. Правда, из уважения ко мне – так ублажают сумасшедших – на газоне провели раскопки. И, конечно же, ничего не нашли.

Вырыли яму глубиной в десять футов. И ничего. Грунт был твердый, неразрыхленный. Только у земли дерн был словно плугом разрезан.

Стивенс помолчал, затем поднял глаза на Яна.

– Я камня на камне не оставил от этого проклятого места. Я раздобыл достаточное количество динамита, установил взрыватели с таймерами. Я начинил динамитом каждое здание. И взорвал все к чертовой матери. А что устояло после взрыва, то сгорело – я заранее разместил повсюду емкости с горючими смесями. От университета ничего не осталось. Я сделал свое дело и ушел – не оглядываясь.

Вот так все это и началось...

Ян откашлялся и спросил:

– А другого способа бороться со злом не существует?

Стивенс пожал плечами:

– Другого способа я не знаю. Так или иначе, мой способ имеет стопроцентную эффективность.

Тут вернулась официантка в сопровождении строго одетого мужчины, который представился менеджером заведения. Одарив их фальшивой улыбкой, он сказал:

– Джентльмены, своим поведением вы обеспокоили других наших клиентов. Было бы

очень желательно, чтобы вы покинули наш ресторан и продолжили свою дискуссию в другом месте. Можете не расплачиваться, если уйдете незамедлительно и без препираний.

– Хорошо, – кивнул Ян, – только разрешите нам еще минуту посидеть. Ладно?

– Да, пожалуйста.

Менеджер и официантка удалились.

– Послушайте, Гиффорд, – сказал Ян, – отчего бы вам не заглянуть ко мне? Посидим, обсудим, что необходимо предпринять.

– А отчего бы вам не заглянуть ко мне? – отозвался Стивенс. – Идемте, я вам кое-что покажу.

Стивенс нашел себе угол в обшарпанном многоквартирном доме в Ла-Хабре. Район, как говорится, не приведи Господи! Чуть ли не трущобы. Все стены дома, в котором поселился профессор, и соседних развалюх были исписаны граффити. На первых этажах – грязные магазинчики, витрины которых прикрыты для безопасности одинаковыми мрачными чугунными решетками.

Ян с ужасом въехал вслед за стареньким "фордом" Стивенса на автостоянку, усеянную битым стеклом. Но ничего, Бог миловал, после сложного маневра он припарковал свой автомобиль, не повредив шины. Стивенс выбрался из "форда" и, не оглядываясь, вошел в подъезд.

Ян поспешил за ним.

Дверь квартиры Стивенса была мало похожа на другие двери. Явно недавно установлена; стальная, три замка. Прежде чем зайти внутрь, Стивенс оглянулся по сторонам, словно опасаясь, что кто-нибудь появится сверху или снизу и юркнет в квартиру. Затем он на локоть приоткрыл дверь, втолкнул туда гостя, проворно вскочил сам и тут же заперся изнутри на два замка.

Когда Стивенс включил свет Ян увидел голые стены. Никакой мебели. Пустая гостиная, пустая кухня, спальня с одинокой софой у стены. Было ясно, что квартира представляет собой лишь склад: ящиков с книгами и манускриптами вдоль стен было так много, что они заслоняли даже единственное окно гостиной.

На ковре были расстелены газеты, а на них через равные промежутки лежали пакетики – по виду пластиковая взрывчатка, а также какие-то устройства с проводами – должно быть, детонаторы и таймеры.

Все стены кухни были увешаны фотографиями – пожары, взрывы. Один огромный коллаж чудовищной катастрофы.

– Университет становится все сильнее и сильнее – его возможности растут буквально каждую минуту, – сказал Стивенс, поворачиваясь к Яну. – Пока мы тут с вами болтаем, его мощь продолжает крепнуть... Он набирается сил.

– Для чего?

– Для декабря, – спокойно ответил Стивенс. – В декабре – выпуск.

– Вы писали об этом в своей диссертации. И что же случится во время выпуска?

– Он тоже будет "выпущен". Так сказать, получит диплом и путевку в большую жизнь. И если это произойдет – все кончено, мы уже не сможем остановить его. В лучшем случае понадобится термоядерная бомба, которая снесет весь округ Орандж.

– Выходит, нам надо остановить его любой ценой?

– Да. – Стивенс мрачно усмехнулся. Яну стало не по себе от этой ухмылки. А Стивенс прошел вперед, взял одно из устройств с проводами и ласково погладил его.

– Давайте поговорим, – сказал он Яну. – Поговорим об огне.

Глава 23

Из "Бреа газетт" от двенадцатого ноября:

"Хозяева местных магазинов единым фронтом с домовладельцами выступили против того, что они называют "возмутительным ослаблением дисциплины среди студентов в К. У. Бреа". Они утверждают, что университетская полиция малоэффективна и проявляет преступное равнодушие к творящимся безобразиям.

В понедельник руководство города и университета встречалось с представителями "группы озабоченных граждан", чтобы выслушать их претензии. Бретт Самуэлс, председатель движения, которое называет себя "Граждане против разгула преступности" (ГПРП), зачитал письменное обращение от имени группы. Согласно его словам, более тридцати местных торговцев поддержали своими подписями документ, содержащий предложения по усилению контроля за эффективностью работы администрации университета и университетской полиции. Эти предложения будут представлены городскому совету на следующей неделе.

Самуэлс заявил, что в текущем году на территории университета совершено более ста тяжких преступлений. Элементарное ужесточение требований к поступающим в К. У. Бреа и большее внимание университетского начальства к повседневной дисциплине в студенческой среде могли бы существенно сократить количество актов насилия. Как утверждает Самуэлс, большая часть преступлений совершена рецидивистами, которые не были изгнаны из университета после первого же правонарушения. Таким образом, причина множества трагедий – возмутительное попустительство университетского начальства.

Самуэлс особо подчеркнул, что в К. У. Бреа не учится ни одного студента из Бреа.

Председатель ГПРП обвинил в разгуле преступности на территории университета также и университетскую службу безопасности, которая смотрит на происходящее сквозь пальцы и делает смехотворные попытки скрыть масштабы происходящего. Дружно поддержанный другими членами ГПРП, председатель потребовал передать территорию университета в ведение полицейского департамента города Бреа, который наведет наконец порядок среди распоясавшихся студентов.

– Мы доведены до крайности, – сказал Самуэлс. – Ярость наша не знает предела. Если университет не способен справиться со своими проблемами – что ж, мы готовы своими силами навести там порядок!

Руководство К. У. Бреа молча выслушало критику в свой адрес, а затем по пунктам ответило на предъявленные обвинения.

Между Самуэлсом и Ральфом Лионсом, шефом университетской службы безопасности, возникла горячая перепалка. Лионе утверждал, что за последний год уровень преступности в университете действительно возрос, но нет никакого резона перекладывать вину за это на полицию или апатию университетской администрации. Все дело в характере студентов.

– Не мы воспитали этих парней и девушек, – заявил Ральф Лионе. – Такими уж они поступили в наш университет! Такими их сделали семья и школа! – Затем он добавил:

– Если бы вы тратили поменьше времени на создание разных движений и комитетов, а уделяли бы больше внимания своим собственным детям, из них бы не вырастали преступники!

Клифф Муди, пресс-секретарь университета, был более дипломатичен в своих высказываниях.

– Мы не хотим бросить тень на жителей Бреа, обеспокоенных некоторым ростом преступности в университете, – сказал он. – Однако раздувать этот вопрос не стоит. Студентам со склонностью к насилию требуется скорее помощь психотерапевтов, нежели коренной пересмотр традиционной дисциплинарной политики университета в сторону большего ужесточения. Все дело не в позиции или мнимом бездействии администрации или службы безопасности, а в психических проблемах современной молодежи.

Таким образом, переговоры не дали позитивного результата. Обе стороны остались при своем мнении. ГПРП твердо в намерении в ближайший понедельник представить на обсуждение городского совета свои в высшей степени радикальные предложения".

Глава 24

1

Лишь через несколько недель Шерил в достаточной степени пришла в себя и набралась мужества снова переступить порог редакционной комнаты. К этому времени она не была даже уверена в том, что все еще числится в штате сотрудников. В конце номера ее фамилия

продолжала появляться в качестве редактора отдела развлечений. Однако на самом деле она ни одного материала не подготовила с тех самых пор, как...

С тех самых пор, как ее изнасиловали.

Теперь она могла по крайней мере думать об этом, употреблять в мыслях это жуткое слово – "изнасилование".

До того она как бы перестала по-настоящему жить в своем теле: ощущала себя посторонней, словно подлинная Шерил Гонсалес сдала ей на время свое тело с условием делать все то же, что делала подлинная Шерил Гонсалес. И она исправно выдавала себя за Шерил Гонсалес, прилежно подражая обычному поведению Шерил Гонсалес...

А занята она была, в сущности, одним – тщательно оберегала свою душу от любых впечатлений, которые могли бы напомнить о случившемся. Поскольку напоминало почти все, то жизнь превратилась в мучительное хождение по тонкому льду – об этом не думай, сюда не смотри... Правда, занятия она не забросила – ходила на лекции и семинары, но, скорее, по инерции, потому что не ходить – значит принять некое решение, а она утратила силу воли до такой степени, что облениться было бы для нее чересчур большой переменной, требующей непомерных, невозможных душевных усилий.

Однако со временем "отложенная реакция" сработала, и Шерил перестала посещать те занятия, которые проходили не на первом этаже.

Сперва не могло быть и речи о подъеме по лестнице, а затем ненависть перекинулась и на лифты с их замкнутым пространством.

Поскольку редакция находилась не на первом этаже, то она как-то незаметно перестала ходить и туда...

В последнее время Шерил очень много спала, потому что постоянно ощущала непроходящую усталость. Она потеряла аппетит и похудела на десять фунтов, невзирая на ежедневные двенадцать часов сна и почти полное отсутствие физической активности.

Она утратила интерес не только к еде, но и ко всему остальному. Например, к музыке, без которой прежде не мыслила свою жизнь.

Зато сегодня... Сегодня она вдруг почувствовала себя обновленной – проснулась до странности свежей, бодрой. Ее переполняла необъяснимая уверенность в том, что необходимо в ближайшие часы совершить нечто важное. Шерил понятия не имела, что именно надо совершить, но решила покориться своему внутреннему голосу, который звал ее идти в университет – прямо в редакцию.

Однако перед самой дверью редакционной комнаты девушка замерла в нерешительности. Внутри было полно народа, стоял обычный шум, все были заняты делом, там царила та самая суета, которой она тщательно избегала в эти последние недели. Она не знала, хватит ли у нее сил вновь окунуться в эту бурную активность, не рано ли она выбралась из своего одиночества...

Пока Шерил прикидывала, что ей делать – бежать прочь или зайти в редакционную комнату, – в коридоре за ее спиной возник Стюарт.

– Ба, Шерил! – воскликнул он. – Где ты пропадала столько времени?

Отступить было поздно. Шерил навесила на рот улыбку, приветливо помахала приятелю и зашла в редакционную комнату.

Там ее немедленно окружили коллеги. Все шумно и радостно приветствовали ее. Первые несколько минут девушка была на седьмом небе от счастья – таким теплым ей показался прием старых друзей. Она нужна в редакции. Она здесь не лишняя. Ее любят..

Но тут кто-то из парней как-то слишком эротично погладил ее руку, другой как бы между прочим провел своей ручищей по ее спине и по верху ягодиц, а Эдди, тот просто облапил ее – совсем не по-дружески.

Шерил запаниковала и шарахнулась от слишком рьяных обнималычиков. Они что, шутят? С какой стати они так завелись? Джинсы на ней в обтяжку, блузка прозрачная... но ведь под ней лифчик.

Шерил вдруг ощутила себя голой, уязвимой.

Они тут что, совсем обалдели?

Ее прошиб пот, стало вдруг трудно дышать, тут она заметила, что в комнате присутствуют

далеко не все редакторы. Скажем, нет Стива. И Форда. В ее голове мелькнула мысль, что они могут быть на задании, но интуиция почему-то подсказывала ей, что они больше не работают в "Сентинел".

Да и сама редакционная комната решительным образом изменилась. Нет больше плакатов на стене за ее рабочим столом. Исчезли все растения, которыми Нортон украсил это просторное помещение. Да и сам Нортон пропал – дверь в его комнату была открыта, и Шерил видела, что там сняты жалюзи, мебели вполовину меньше и стол куратора непривычно голый. Редакционная комната выглядела запущенной. Конечно, тут всегда царил беспорядок, однако теперь добавились грязь, пыль и мусор по углам. На плитках пола чернели полосы, на стенах кое-где обвалилась штукатурка. Впечатление разрухи больно ударило по нервам Шерил.

Она скороговоркой поблагодарила коллег за ласковый прием, объяснила Джиму, что долгое время болела, но теперь в форме и готова взяться за работу. Джим одобрительно кивнул, и Шерил отправилась на свое обычное место. Она была рада, что шкафы наполовину заслоняют ее от всех прочих – можно немного расслабиться и подумать в своем углу, за своим рабочим столом.

Пока Шерил перебирала залежи неотредактированных статей на столе, остальные сотрудники понизили голоса. Девушка поняла, что они оживленно судачат о ней – перебивают косточки. Делая вид, что вся погрузилась в чтение, Шерил напряженно вслушивалась в болтовню соседей. Толком она ничего не могла разобрать в их шушуканье, но ей показалось, что в какой-то момент Эдди произнес "чокнутая сучка", а Фарук – "самовлюбленная задница". Почудилось? Или она слышала это на самом деле?

Тут до нее вдруг дошло, что в этом семестре она единственная девушка во всем редакционном коллективе. Как так вышло? Может, Нортон и Джим не любят женщин-журналисток и ее взяли лишь для квоты – возможно, по инструкции в "Сентинел" должна быть как минимум одна женщина-редактор? Может статья, Джим терпит ее лишь как необходимое зло? А может... может, ее не выгоняют именно потому, что она женщина? И вся редакция вожделеет ее?

Шерил вспомнился страшный уборщик на лестнице, и в редакционной комнате вдруг стало нестерпимо душно и тесно...

Она принудила себя сделать несколько глубоких вдохов. Не могли ее взять редактором только для того, чтобы попользоваться ею как женщиной. Это глупая и странная мысль. Джим совсем не такой, он порядочный...

С чего она взяла, что Джим – порядочный? Внешность обманчива...

Ее словно что-то толкнуло изнутри, и Шерил быстрым движением открыла верхний ящик своего стола. Там, на стопке бумаги, лежал нож. Длинный, хорошо заточенный. Посверкивает. Хотя она не клала его туда, Шерил скорее обрадовалась появлению ножа, чем удивилась. Она осторожно прикоснулась к лезвию пальцем, погладила сталь. Ощущение было приятным, успокаивающим.

Ах, если бы нож был с ней тогда, на лестнице! Она бы отрезала яйца этому подонку!

Шерил во всех подробностях представила, как она бы это сделала. Как схватила бы этот синеватый мешок и полоснула по нему лезвием, как полилась бы кровь...

Вот зачем она сюда пришла! Вот та важная миссия, которая предстоит ей сегодня! Теперь она знает, что ей нужно сделать.

Отрезать насильнику яйца.

Это судьба. Кто-то положил нож в ящик ее письменного стола – и очень вовремя. А теперь что-то подталкивает ее совершить Поступок. Все замечательно: есть орудие, есть желание употребить его. Это судьба.

Шерил подняла голову. Из-за шкафа ей был виден Джим. Он встретился с девушкой глазами и дружелюбно улыбнулся. Она улыбнулась ему в ответ, думая о том, с каким наслаждением отрезала бы ему все "мужское хозяйство" целиком.

– Надеюсь, теперь у тебя дела пойдут хорошо, – сказал Джим.

Шерил энергично кивнула, продолжая весело улыбаться, потому что как раз в этот момент представляла, как хлынет кровь из паха главного редактора.

– Со мной все в порядке, – сказала она. – И дальше будет только лучше.

2

Сидя на скамейке в центре главной площади, Рон Грегори пытался сосредоточиться на чтении – на коленях у него лежала книга по истории.

Но ничего не получалось.

Последнее время он разучился сосредоточиваться на занятиях. Не мог заставить себя заниматься скучными материями и совсем забросил учебу – только ходил на лекции и семинары, а мыслями был далеко.

Это началось после разнузданной вечеринки у профессора Култера.

С тех пор, как он совокуплялся с Мияко.

Происшедшее и тогда и сейчас казалось ему чем-то нехорошим. Напрасно Рут с пеной у рта убеждала его, что ничего особенного не случилось, что Мияко делала это по своей воле и ради своего удовольствия, что события той вечеринки не выходят за рамки нормального и естественного. Напрасно Рут говорила, что пора бы Рону повзрослеть, перестать быть таким ханжой и занудой. Несмотря на ее слова, у него в голове все мутилось при воспоминании о тогдашних событиях; он переживал их в уме снова и снова – и не мог понять смысла. В ушах и по сей день звучали вроде бы похотливые вскрики Мияко, а перед глазами стояло то выражение растерянности и паники, которое возникло на ее лице в самом конце. Ему было очевидно, что она не хотела умирать. Вполне вероятно, что Мияко мечтала о мучительной, садистской смерти, но перед пытками ее душа дрогнула, и она уже больше не хотела смерти... Похоже, он один из всех гостей заметил, что убивают человека, который не желает быть убитым...

Мысль о том, что на его глазах замучили прекрасную девушку, в последний момент ужаснувшуюся темной бездны и убитую вопреки своей воле, – эта мысль преследовала Рона и день, и ночь.

С Рут они расстались – быть может, так оно и лучше. Это она решила порвать с ним. После той страшной вечеринки Рон отказывался встречаться с Рут – предпочитал сидеть дома, ворочая в голове свои мучительные мысли. Она скучала, дулась и неоднократно предупреждала, что если он будет и дальше оставаться угрюмым затворником, то она с ним не останется. Часть его души хотела именно этого – чтобы Рут бросила его. Поэтому Рон и не старался выйти из состояния полусонной одури, изменить свое поведение, воспрянуть к жизни – словом, и пальцем не пошевелил, чтобы удержать Рут.

С редакцией тоже было покончено. После того как Рон вступил в коммуны Тета-Мью, он стал все реже появляться в редакции, заporол по лени и апатии два-три задания, а потом и вовсе перестал туда ходить. С Джимом они на эту тему не говорили, официального заявления об увольнении Рон не подавал – он и тут все пустил на самотек.

Теперь Рон вдруг заскучал по редакции и начал гадать, возьмет ли Джим его обратно на работу. Он мучительно тосковал по знакомым лицам, по родной редакционной атмосфере, по... по нормальной жизни! С тех пор как Рон угодил в ряды приверженцев матушки Ден и Духа Тьмы, все его существование переменялось, странно искажилось... Конечно, были в его новой, странной жизни также и упоительные стороны... Однако он все чаще и чаще проклинал тот день, когда его выдернули из прежней скучной и банальной жизни. Теперь скука и банальность обыденного существования мнились ему раем, откуда он был внезапно и безвозвратно изгнан...

Рон поднял глаза от книги и увидел в нескольких шагах от себя афро-американца, члена университетского братства темнокожих. На нем была просторная шерстяная кофта размера на три больше, чем нужно, цепочка с амулетом на шее.

Под купой деревьев стояла группа белокожих студентов, которые провожали афро-американца недобрыми взглядами.

– Эй ты, обезьяна! – крикнул один из них. – Дикарь с деревяшкой на шее!

Негр резко повернул голову в их сторону. Его глаза налились кровью, но парень сдержался – уж слишком велика была группа обидчиков.

Рон встал, сунул книгу в папку. У него мурашки побежали по спине. Матушка Ден предсказывала, что скоро начнется нечто в этом роде. Еще несколько недель назад она говорила, что вот-вот начнется война между университетскими братствами – одни будут

убивать других, и в конце концов все это приобретет характер всеобщей бойни.

Не начинается ли перед его глазами предсказанная война?

Белые студенты вышли из тени деревьев, и Рон увидел, что лица многих из них выкрашены – под камуфляж десантников. Кое на ком был и зеленый пятнистый костюм десантников.

– Слышь, горилла чернозадая! – крикнул другой голос из группы. – Хочешь, мы тебе хвост подрежем? Чернокожий студент повернулся к хулиганам.

– Как, – сказал он, – ты хочешь, чтобы я трахнул твою мать?

Тут вся группа белых набросилась на него. Место было людное: одни студенты сидели на лавочках, другие шли по дорожкам. Однако никто не поспешил на помощь чернокожему. Все равнодушно смотрели, как его избивают. Никто не заступился. Одни останавливались поглядеть, другие торопливо шагали мимо.

"Что же происходит! – возмущенно думал Рон. – Это же сущий кошмар!.. Но сам-то ты чего ждешь?"

Он вспомнил обо всех тех, кто погиб на глазах у равнодушной толпы, – такие случаи то и дело описывают в газетах... Люди гибнут потому, что такие вот трусы, как Рон Грегори, робко стоят в стороне...

Неужели у него неостанет смелости?..

Он швырнул папку на землю и двинулся в сторону белых парней, которые избивали негра.

Тот еще держался на ногах, хотя на него сыпался град ударов со всех сторон. Нападающие торжествующе вопили, но крики избиваемого были громче.

И вот негр упал. Его начали колотить ногами.

Да, это то самое, что предсказывала матушка Ден...

Сердце смертельно напуганного Рона бешено колотилось, ладони вспотели. Но это не был просто примитивный животный страх, вызванный чувством самосохранения; его ужас гнезился где-то глубже: некий первобытный неопределенный страх – не за свое физическое тело, а за свою нетленную душу.

И все же чудовищным усилием воли Рон заставлял себя двигаться в сторону группы белых, избивающих негра. Он отлично понимал, что один человек не способен остановить двадцать озверевших мужчин. Но кто-то должен попытаться.

Рон размахнулся и ударил парня в камуфляже десантника. Не ожидающий нападения студент покачнувшись, начал разворачиваться в сторону Рона, но тот еще раз врезал ему по уху...

И с этого момента Рон уже не контролировал себя. Он бил направо и налево, таскал кого-то за волосы, рвал кому-то рот, бил ногой в пах, падал, быстро вскакивал, снова бил направо и налево...

Это была какая-то бессмыслица. Но ему это нравилось. Он пришел в бешеный азарт. Он обливался потом и кровью, кривился от боли, однако, похоже, раздавал больше ударов, чем получал. Это было воистину упоительно!

Далеко не сразу Рон понял, что в какой-то момент он присоединился к нападающим на негра. Исколошматив трех-четырех из нападавших, он взялся за негра, который после всех полученных ударов ухитрился встать на четвереньки и пытался защищаться. Это открытие несколько не смутило Рона – ему было все равно, кого бить. Лишь бы ощущать этот жар в крови, это пьянящее чувство общности с толпой.

С чувством сладострастия он размахнулся и так удачно ударил негра подошвой по лицу, что тот снова распластался на земле.

Да, так, именно так! Рон чувствовал себя частицей толпы. Он с ними заодно. Они вместе! Как чудесно!

– Грязный ниггер! – орал Рон и продолжал бить ногами уже мертвого чернокожего студента.

Помощников у него хватало. Через минуту тело было превращено в неузнаваемое месиво, а парни все топтали и топтали его ногами, и кто-то лихо запрыгивал на череп убитого, чтобы расплющить его...

"Сядь на него".

Диана Лэнгфорд, президент К.У. Бреа, брезгливо взяла со своего стола карточку с этой надписью и бросила в корзинку для мусора.

В то же мгновение Диана услышала нечто вроде громкого щелчка за своей спиной – будто кто-то звонко цокнул языком. Вздвогнув всем телом, она быстро развернулась. Однако в кабинете никого не было, а дверь оставалась закрытой. Диана облизала пересохшие губы и покосилась на корзинку для мусора. Выброшенная карточка так легла поверх скомканных бумаг; что написанные на ней слова были видны.

"Сядь на него".

Минуту назад, войдя в свой кабинет, она обнаружила этот кусочек картона на столе.

Рядом с керамическим фаллосом.

Громкий щелчок повторился. Стало быть, ей не почудилось. Она ясно слышала странный чмокающий звук – похоже, откуда-то сверху, где за навесным потолком проходят вентиляционные трубы.

Неужели там кто-то прячется и подглядывает за ней?

Да, вполне вероятно.

И это может быть тот же человек, который проник в ее кабинет и оставил на столе дурацкий керамический пенис.

А еще вероятнее то, что в потолке установлены микрофон и скрытая камера.

Диана медленно обошла вокруг стола, поглядывая на массивный предмет из обожженной глины. Она не хотела доставить скрытому наблюдателю удовольствие бурной реакцией на грязную шутку. Конечно, зайдя в кабинет и увидев фаллос и записку, она вздрогнула. Но ее лицо, кажется, ничего при этом не выразило – так что наблюдатель мог и не заметить ее первого испуга.

Разумеется, проще всего немедленно вызвать Ральфа Лионса, начальника университетской службы безопасности, сообщить ему о своей находке и приказать проверить каждый сантиметр кабинета на предмет подслушивающих и подглядывающих устройств, а потом отыскать и взять за задницу негодяя, который устроил президенту университета эту глупую провокацию. Надо поступить именно так...

Диана остановилась и задумчиво изучала взглядом керамическую штукину. Поначалу она решила, что это злобноватая шуточка одного из заместителей. Затем передумала, отказавшись от нелепой мысли: у обоих тонкое интеллигентное чувство юмора – они попросту не способны опуститься до грубой и бессмысленной хохмы.

Диана старательно убеждала себя в том, что это проделки кого-то из ее знакомых – всего лишь шутка, даром что ее смысл решительно не доходит до нее... Оставленный на столе предмет имел зловещий вид; было нестерпимо страшно думать, что он оставлен совершенно незнакомым человеком – то ли в качестве предупреждения, то ли в качестве угрозы. Если здесь замешан кто-то чужой, то за этим скрывается нечто ужасное.

И тут Диана снова вздрогнула: на столе, возле основания фаллоса, появился белый прямоугольник – карточка, которой там не было еще секунду назад!

Сердце в груди Дианы испуганно затрепетало. Она быстро схватила карточку. Там было одно слово:

"Диана". О Боже! Оно знает ее имя! Что бы это ни было – оно знает ее имя!

"Оно"?

Диана не успела продумать до конца новую и дикую мысль, потому что в это мгновение на столе из ниоткуда возникла следующая карточка:

"Сядь на него Диана".

Она тупо уставилась на страшную штукину на столе. Голубовато-коричневая махина была длиной с половину бейсбольной биты и ненамного уже ее толстого конца. По всей длине исполинского глиняного члена змеились вены, а увенчан он был раздутой массивной головкой.

Она перечитала надпись-приказ на последней карточке: "Сядь на него Диана".

Да, теперь она вдруг ощутила эти слова как властное повеление. Само отсутствие запятой перед именем казалось признаком армейской категоричности приказа.

Диана в бешенстве изорвала карточку на мелкие кусочки и бросила обрывки в корзинку для мусора. Не родился еще тот, кто может ею командовать! Ни под чью дудку плясать она не станет! Никто и ничто не имеет право приказывать ей... Она, черт возьми, не кто-нибудь, а президент огромного университета! И не станет подчиняться психу, который пишет записочки и лепит члены из глины! Шутка зашла слишком далеко. Сейчас она уберет эту гадость со своего стола, сядет в кресло и вызовет верного Лионса.

Голова у нее закружилась, мысли смешались: возле фаллоса лежала новая записка. Диана схватила ее и прочитала. Та же короткая фраза:

"Сядь на него Диана".

И слова были те же, и запятой все так же не хватало, но Диане почудилось, что тон записки изменился. Теперь это не был грубый приказ, а скорее, дружеский совет, ласковое доброжелательное предложение.

Через миг на том же месте появилась следующая записка. С тем же текстом:

"Сядь на него Диана".

Но сей раз она прочла эти слова не как доброжелательное предложение, а как задорное приглашение: ну-ка, красавица, решайся, не раздумывай...

Диана взглянула на гигантский глиняный пенис и удивилась тому, отчего он прежде казался ей таким пугающим. В нем не было ничего страшного! Ведь не орудие пытки, не какой-то ужасный инструмент. Всего-навсего милое, талантливо выполненное произведение гончарного искусства. В нем нет ничего угрожающего, зловещего или отвратительного. Этот фаллос по-своему привлекателен... и до некоторой степени манящ...

Диане вдруг подумалось, что напрасно она так переоценивала его размеры. Велик-то он велик, но не такой уж и гигантский... Ей стало любопытно, сможет ли вместить ее влагалище эту штукину... эту штучку... эту штучечку...

Прежде чем Диана осознала, что творит, она сбросила с себя туфли и забралась на крышку стола. Затем, все в том же состоянии транса, она наклонилась над фаллосом и стала разглядывать его сверху. На самом верху головки обнаружилась дырочка – сходство было соблюдено вплоть до последней мелочи. Это открытие окончательно успокоило Диану. С какой стати она боялась этого прелестного пениса? Ничего плохого он ей не сделает. Эта замечательная штучка так и просится внутрь... Грех не использовать ее по назначению...

Да, просто-напросто инструмент.

Инструмент для удовольствия.

Диана довольно улыбнулась, задрала юбку, сдернула с себя трусы и медленно присела.

Кончик керамического фаллоса легко вошел в ее влажное влагалище.

Как ни странно, "штучечка" отнюдь не была холодной и твердой. Она была восхитительно теплой и приятно упругой. Ну совсем как...

Совсем как настоящий мужской член!

Впрочем, было чуточку больно. Все-таки его размеры... Диана ощутила острую резь – кожа у входа во влагалище натянулась слишком сильно и треснула. Однако эта боль тут же ушла – наслаждение оказалось сильнее. Диана задрожала от удовольствия и присела еще больше, продвинув фаллос поглубже в себя. Затем стала двигаться вверх и вниз по исполинской головке – и с каждым разом пенис входил в нее все дальше и дальше.

Потом случилось нечто совсем необычное и весьма приятное: прекратив на пару секунд движение, она вдруг ощутила, что член сам медленно ходит туда-сюда внутри нее. Он пульсирует, перемещается, продвигается все глубже и глубже! Это было упоительное, сладостное чувство... но именно оно неожиданно вывело Диану из транса и вернуло ее к реальности.

Она вдруг ясно различила на полу свои туфли и трусики – они лежали на ковре рядом с последними двумя карточками. Странное, необъяснимое наваждение отступило. И до ее сознания наконец дошло:

Господи, да что же это я делаю! Диана словно увидела себя со стороны: не первой молодости тетка взгромоздилась на стол и сидит на корточках с глиняным членом во влагалище.

Впрочем, она ощущала этот член не как дилдо из обожженной глины, а как самый

настоящий мужской орган, как горячую гибкую плоть... Теперь именно это казалось ей наиболее отвратительным во всем происходящем.

Она попыталась встать. Но гигантский, продолжающий двигаться внутри нее пенис становился все толще и толще, странным образом распухал в ее влагалище и не вышел из нее, когда она встала.

"О Боже! – ужаснулась Диана. – Это невероятно! Это чудовищно!"

Она выпрямилась – однако пенис остался во влагалище. Он застрял там колом, и она не могла избавиться от него.

Диане хотелось взвыть от страха и отчаяния, но в этом случае ее секретарша, Надин, тут же бы прибежала на крик... И помыслить нельзя о том, чтобы секретарша увидела ее в таком диком, унижительном, трагикомическом положении!

Плоское основание того, что поначалу казалось глупой игрушкой, торчало где-то у ее колен. Диана схватила руками это основание и попыталась вытащить из себя пенис. Но не тут-то было! Член вырывался из рук, выгибался и удирал. Он жил сам по себе и не собирался вылезать из нее. Он только прочнее и глубже забивался внутрь и вошел так далеко, что о наслаждении уже не было и речи. Охваченная одуряющей паникой, Диана испытывала мучительную боль.

Страх. Боль. И паника.

Что произошло? Как она позволила случиться всему этому кошмару? Каким образом зашла так далеко в своем безумии?

Диана вновь присела на корточки и медленно спустилась со стола на пол – это было непросто: сперва одна нога, потом вторая...

Правда ли, что все происшедшее заснято во всек подробностях, крупным планом? А эта глиняная дрянь – быть может, это часть какой-то дьявольской видеокамеры?

Внутреннее чувство подсказывало ей, что предположение безосновательно. Тут что-то похуже, страшнее...

Очутившись на полу, Диана обхватила торчащую из нее часть пениса и что было силы потянула. Во что бы то ни стало надо извлечь из себя эту дрянь... Член сопротивлялся, яростно трепетал внутри нее. В какое-то мгновение ей показалось, что он поддается, начинает выходить... и уже вышел из нее на дюйм-другой... Но тут он рванулся обратно, и она не сумела удержать его. Теперь он проскочил еще дюйма на три глубже, чем прежде. Слезы брызнули из глаз Дианы, и она вскрикнула от нестерпимой боли.

Достаточно громко, чтобы услышала Надин.

Однако это теперь не волновало Диану.

Все кончено. Она больше не может контролировать себя. В одиночку ей не справиться с этой страшной, дикой ситуацией.

Ей нужна помощь.

Плвать на стыд, плвать на предстоящий вселенский позор – ей необходимо побыстрее выбраться из этой проклятой комнаты...

Она заковыляла в сторону двери.

Но тут ее массивный рабочий стол внезапно сдвинулся с места и бульдозером помчался навстречу. Диана увернулась лишь чудом и в самый последний момент. Стол с грохотом врезался в дверь и перегородил ее.

Ошалевшая от ужаса Диана ощутила, что ковер под ногами заходил ходуном. Кресло закачалось словно на волнах, а затем не спеша двинулось на Диану – как бык, который еще только разгоняется в раздумье, следует ли ему кинуться на матadora или лучше поберечь силы.

В итоге кресло решило напасть. Диана взвизгнула и шарахнулась в сторону.

Кресло с силой ударилось о стену. Бац!

Но уже в следующее мгновение оно "пришло в себя", неторопливо развернулось на колесиках – как бы ища жертву...

И действительно "увидело" Диану.

Та была настолько потрясена, что застыла на месте. Бежать, уворачиваться, сопротивляться – она ничего этого уже не могла... Она просто закрыла глаза и ждала, дрожа всем телом. Колени у нее подогнулись, женщина опустилась на пол, который успокоился,

чтобы кресло могло нанести последний удар.

Кресло рвануло вперед, разогналось, и металлический каркас ударил Диану по голове. В то же мгновение, разрывая, ей внутренности, пенис весело погрузился в нее по самое основание.

Последним, что она услышала, был необъяснимый громкий щелчок – как будто кто-то рядом то ли коротко хихикнул, то ли крякнул от удовольствия.

И, похоже, этот странный звук исходил от кресла.

Глава 25

1

Джим проснулся с чувством невосполнимой утраты – это был результат забытого при пробуждении сна.

Фейт лежала рядом, прижавшись к его спине. Однако даже близость любимой девушки не могла изгнать из души Джима странную меланхолию, которая поселилась там в какое-то из мгновений прошедшей ночи. По непонятной причине неопределенная тоска повлекла за собой мысли о Хоуви. Джима вдруг потянуло позвонить другу и узнать, все ли с ним в порядке. Но взглянув на часы, он отказался от этой мысли – Хоуви проснется не раньше, чем через час. Пусть себе спит, не стоит его попусту тревожить. Это ведь уже признак паранойи – названивать друзьям в неурочное время...

Но как не стать параноиком, когда в университете уже не первый месяц творится нечто уму непостижимое!

Фейт забормотала во сне и перевернулась на другой бок. Джим осторожно выскользнул из-под одеяла. Стертый член неприятно саднило. Он покосился на головку и увидел запекшуюся кровь.

Так-так... И чем же это он занимался ночью?

Память ничего не подсказывала. Джим горестно вздохнул, растерянно потер лоб и побрел в ванную – принять душ.

Они встретились в кабинете Яна Эмерсона в девять часов утра. Джиму было неловко, что он не взял с собой Хоуви, но вряд ли разумно втягивать в смертельно опасное предприятие физически слабого, тяжелобольного человека. Хоуви, конечно, обиженно возражал, что он вполне здоров и способен принять участие в борьбе с Университетом, но Джим про себя твердо решил: когда речь идет о друге, лучше переберечь, чем недоберечь. Если кто-то сочтет это дискриминацией инвалидов – плевать! Он слишком любит Хоуви, чтобы подставлять его под возможный удар.

Если Университет проведает о том, что Хоуви активно сотрудничает с ними – беды не миновать.

Сейчас вопрос вопросов: что Университету уже известно?

Он в курсе всего, что вводится в компьютеры или в любом виде попадает на бумагу – это совершенно очевидно. Возможно, он слышит все произносимое.

Но способен ли он читать в умах? Умеет ли фиксировать поступки человека и разгадывать их мотивы? По этому поводу оставалось только лишь строить догадки. И никто из соратников Джима не смог бы с уверенностью ответить на эти вопросы. Следовательно, надо исходить из наихудшего предположения: их умы – открытые книги для Университета.

Бакли прибыл последним на "совет четырех". Он принес с собой пакет горячих пирожков, уселся на стул и принялся уплетать их за обе щеки, и не подумав угостить остальных.

Ян обвел глазами присутствующих, встал и принялся вышагивать по свободному пространству между столом и окном. Наконец он прочистил горло и сказал:

– Я виделся с ним. Я имел встречу с Гиффордом Стивенсом.

Ян сделал долгую паузу, и Бакли пришлось поторопить его:

– Ну и что?

Ян удрученно вздохнул и во всех подробностях пересказал свою беседу с профессором Стивенсом, сообщив напоследок о его начиненной взрывчаткой квартире.

Бакли присвистнул:

– Полный отпад! Этому парню палец в рот не клади!

Фейт испуганно облизала пересохшие губы.

– Это что же, – растерянно спросила она, – мы будем вроде террористов? Разнести бомбами весь университет? Ничего себе... – Девушка покачала головой. – Если по совести, то я не знаю, смогу ли принимать участие в таком решении проблемы... А что, если мы ошибаемся? Вдруг причина всех бед отнюдь не там, где мы ее видим? А ну как мы угробим массу ни в чем не повинных людей!

– Видите ли, – сказал Ян, садясь в свое кресло, – я и сам не очень-то убежден, что динамит – единственно правильный выход.

– Если не динамит – тогда что? – спросил Джим.

– По-моему, надо придерживаться нашего изначального плана. Будем планомерно привлекать все новых и новых сторонников, собирать силы в единый кулак. Как говорится, больше голов – больше умов.

Бакли ухмыльнулся:

– Создадим великое братство призракоборцев!

– Что-то вроде. А если серьезно, то будем встречаться, обсуждать происходящее и вместе искать позитивное решение. Пусть теории Стивенса подвергнут тщательному анализу философы, естественники и прочие могучие умы нашего университета. Поглядим, какие идеи родятся в головах премудрых профессоров.

– А если в премудрых головах ничего особенного не родится? – съязвил Бакли.

– Тогда остается одно – всепоглощающее пламя.

На мгновение воцарилось тяжелое молчание.

– Какие группы клеток составляют мозг? – неожиданно осведомился Джим.

– То есть?

– Из каких именно клеток, по словам Стивенса, составлен мозг Университета?

Бакли пару секунд непонимающе таращился на Джима, затем хлопнул себя по лбу:

– Ага! Хороший вопрос!

– Вы про что? – спросила Фейт, глядя то на Бакли, то на Джима. – Чего-то я не въезжаю. Объясните.

– Сейчас, сейчас, – пробормотал Ян и обратился к Джиму:

– Ну-ну, продолжай свою мысль.

– Я подумал вот о чем, – сказал Джим. – Есть ли необходимость убивать все клетки организма? Не разумнее ли провести нечто вроде лоботомии? То есть убить только мозг или путем некоей операции лишить его агрессивности. Под клетками я, конечно, имею в виду людей. А "убить" говорю, разумеется, в переносном смысле. Быть может, нам не придется убивать конкретных людей. Найдем способ каким-то образом нейтрализовать их – постепенно выводить из игры.

– А что, если мы "выведем из игры" не тех людей? – не без горячности возразила Фейт. Джим пожал плечами:

– Во время настоящей войны всегда бывают жертвы среди мирного населения.

– Но Университет именно этим и занят! – воскликнула Фейт. – Он систематически убивает. Мы даже готовы разрушить его за это – и вдруг сами возьмемся за "нейтрализацию" людей, и непонятно, насколько далеко в этом зайдем!

– Извини, Фейт, отчаянные времена требуют отчаянных мер. Иначе не бывает. В данный момент мы уже не контролируем ситуацию. События приперли нас к стенке – надо биться с отчаянием загнанных в угол!

Ян неодобрительно покачал головой и поднял руку, как бы прося слова.

– Клетки организма были упомянуты лишь как приблизительное сравнение. Аналогия действительно весьма и весьма условная. Стивенс ясно дал понять, что Университет не состоит из некоего набора органов – вот это мозг, это подобие рук, а здесь нечто вроде сердца. Будь так, наша задача оказалась бы очень простой: найдите "руки" и обрубите их, отыщите большой

"мозг" и сделайте лоботомию. Увы, это не так.

– А почему вы решили, что это не так? В конце концов Стивенс может и ошибаться! Не исключено, что аналогия с организмом очень и очень точна – или хотя бы частично оправдана. Как знать, быть может, Стивенс верно угадал общий смысл происходящего, но категорически не прав в деталях!

– Потому-то нам и нужно подключить к размышлениям самый широкий круг специалистов и наблюдателей, – подчеркнул Ян. – В данный момент у нас попросту мало информации для окончательных выводов. Мы всего лишь гадаем. Нельзя эффективно бороться с врагом, о котором практически ничего неизвестно. Наши нынешние знания сводятся к тому, что Университет есть Зло и мы обязаны каким-то образом положить конец его страшным делам.

– Какое счастье, – сказала Фейт, – что мы нашли друг друга и можем думать сообща! Нам очень повезло, не правда ли?

Ян отрицательно мотнул головой:

– Я бы не назвал это везением. Это, похоже, некая закономерность. И поэтому нам следует быть предельно осторожными. В романах ужаса так все и происходит: небесные силы добра сводят вместе некую группу порядочных людей, дабы они сразились с темными силами. Тут у нас существенное расхождение с литературными образцами: нашу группу соединил профессор Стивенс. Он преподаватель литературы, большой любитель "черных фантазий" и хорошо знаком с этим традиционным сюжетным приемом – так сказать, знает правила игры. Как бы там ни было, именно Стивенс стоит за нашим объединением, именно он растормошил нас и заставил задуматься над происходящим всерьез.

– Ну, тут вы преувеличиваете, – возразила Фейт. – Нас-то с Джимом отнюдь не Стивенс свел. Мы с Джимом близко сошлись в результате стечения обстоятельств: вместе посещали семинар, и я кинулась к нему за поддержкой, когда произошла та мерзость на лекции по биологии. Да и вас с профессором Бакли не Стивенс познакомил – насколько я понимаю, вы дружите уже не первый год. Так что зря вы представляете Стивенса как "мастера завязки", будто он какой-то кукловод...

Бакли усмехнулся и сказал:

– Умница! Смотришь в корень.

– Даже если Фейт права, – произнес Ян, – тем больше причин у нас волноваться. Так или иначе, мы сведены в группу – традиционная завязка налицо. Коль скоро причина не конкретный человек и за нашим объединением стоит не Стивенс – тем хуже для нас. В таком случае можно с еще большей уверенностью предположить, что мы марионетки в борьбе добрых и злых сил!

– Это все литература, – проворчал Бакли. – Послушай, Ян, до сих пор я полагал, что вы со Стивенсом вроде как приятели. А из твоих слов получается, что ты не слишком-то ему доверяешь.

– Я с ним встретился. Я с ним поговорил. И я верю ему. Но только до определенной степени. Избыток осторожности не помешает. Мы не вправе допустить ошибку.

– А что, если именно этого оно и ждет от нас – чтобы мы шебуршились, объединялись и сопротивлялись? – спросил Бакли. – Быть может, оно уже манипулирует нами. Быть может, мы уже все в его власти, все больны. Не исключено, что мы только воображаем, будто действуем по собственной воле, а на самом деле это оно дергает за веревочки...

Ян пожал плечами.

– А это, по-твоему, не литература? – ядовито поинтересовался он. – Если без шуток, то это очень даже вероятно. Но в таком случае мы обречены. Трепыхайся не трепыхайся – ничего не поделаешь.

– Послушайте, – сказал Джим, – мне кажется, мы попусту теряем время на... на этот саммит, или как еще назвать нашу встречу... Пикируемся, философствуем... Думается, Стивенс совершенно прав: надо взорвать университет к чертям собачьим – и все будет в ажуре!

– Еще раз говорю, – терпеливо произнес Ян, – я не считаю это единственным и неизбежным вариантом решения нашей проблемы. Я склонен согласиться с Фейт – Университет надо лечить... Хотя тут еще бабушка надвое сказала, что хуже – болезнь или

прелести курса лечения.

– Не знаю, – возразил Джим, – я бы на вашем месте не ломал голову. Времени у нас мало.

– А не убраться ли нам отсюда подобру-поздорову? – предложила Фейт. – И прихватить всех хороших людей! Или нет... мы можем добиться всеобщей эвакуации университета. Чтобы администрация издала приказ – и еще до конца этого семестра... Скажем, объявить каникулы. А когда мы вернемся...

– Когда мы вернемся, – сказал Ян, – все продолжится с того места, где оно остановилось... И к тому же, с чего ты взяла, что мы можем уехать, что оно позволит "эвакуировать" студентов и преподавателей?

– Ну, я каждый день уезжаю из университета домой – и ничего. И днем свободно уезжаю, и вечером.

– Но ты же потом возвращаешься! Джим энергично кивнул головой.

– Профессор Эмерсон прав. Я очень волнуюсь за Фейт – как бы с ней чего не случилось. И поэтому десять раз просил и требовал, чтобы она бросила университет – хотя бы на время. Или перевелась в другой. Но она не слушается. Можно вполне резонно предположить, что Университет держит ее.

– Никто и ничто меня не держит! Просто я не хочу – вот и весь сказ!

– Ты не можешь бросить университет – вот и весь сказ! – разгоряченно возразил Джим.

– Ну, будет, будет вам! – успокоил Ян. – Если принять стивенсовское сравнение Университета с организмом, то нас следует считать его здоровыми клетками. Но коль скоро мы принадлежим к этому организму, мы хотя бы до какой-то степени поражены болезнью. И поэтому я настаиваю на том, чтобы вести себя с предельной осмотрительностью.

Бакли доел последний пирожок, встал и бросил пустой пакет в корзинку для мусора. Потом стряхнул крошки со своей сорочки и сказал:

– Извините, у меня в девять сорок пять занятия по началам риторики. Мне пора идти.

– Ладно, пусть каждый уже сегодня переговорит с близкими друзьями, – подвел итог Ян. – Да, прямо сегодня! Откладывать нельзя.

Бакли насмешливо отсалютовал правой рукой.

– Ясненько, шеф! Джим, Фейт, до скорого!

Ян встал:

– У меня тоже скоро начинается семинар. Давайте завтра соберемся снова, обсудим сделанное и наметим дальнейший план действий.

Джим кивнул:

– Хорошо.

– Может, нам стоит помолиться? – спросила Фейт и вскочила со стула.

Джим не позволил себе улыбки.

– Что ж, – сказал он, – вреда не будет...

2

Выйдя из кабинета профессора Эмерсона, Фейт снова почувствовала тревогу. Когда они были все вместе, будущее выглядело таким радужным!.. Пока они с умным видом беседовали, Фейт казалось, что вместе они горы свернут, и самой себе она казалась могучей, непобедимой, готовой на все – любые трудности преодолееет, любые преграды грудью сметет... Но стоило ей выйти за дверь, как прежние страхи вернулись, и девушка вновь ощутила себя нежелательным элементом на вражеской территории.

Нет, сравнение хромает.

Она ощутила себя сказочным Пинокио в утробе кита.

Да, теперь она попала в самую точку. Видя перед собой длинный-предлинный коридор, Фейт ощущала себя во чреве какого-то исполинского монстра – злобного, враждебного. Она то ли в его кишечнике, то ли в его венах – маленькая, уязвимая, беспомощная...

На занятие по американской литературе они с Джимом опоздали, и Фейт подумала, что Джим направится в редакцию. Остаться одной ей совсем не хотелось. К счастью, Джим сказал, что у него есть свободный час и они могут провести его вместе. Согласились на том, что

он проводит ее в библиотеку, где Фейт сообщит Филу о своем решении прекратить работу. Разумеется, это решение далось ей непросто – ведь деньги по-прежнему нужны... однако никакие деньги на свете не заставят ее вернуться в библиотеку!

Если она бросает работу в библиотеке – стало быть, придется устраиваться в "Бургер Кинг". Вкалывать в системе "быстрого питания" не слишком-то хотелось – но деваться некуда.

Таким образом, она будет работать вне университетского городка. Интересно, ослабит ли это ее связь с Университетом? Занятия она будет посещать по-прежнему, но станет проводить на территории университета гораздо меньше времени. Обретет ли она при этом большую степень свободы от зловещего Университета?

Не исключено, что Он не позволит ей уволиться из библиотеки.

Фейт решительно отбросила эту мысль на задворки сознания.

На выдаче работала Сью, которая сказала, что Фил сейчас на четвертом этаже, в отделе справочной литературы. Фейт было не по себе от одной мысли, что придется подниматься на какой-либо из этажей этого проклятого, ненавистного здания, идти по его коридорам, заходить в ловушки-комнаты... Впрочем, Джим был рядом, и это несколько успокаивало. Крепко стискивая его руку, девушка зашла в лифт, и они поднялись на четвертый этаж.

Полы и стены были тщательно вымыты, всю изуродованную мебель заменили новой. Но что-то неуловимо изменилось в атмосфере этажа. Начать с того, что в справочном отделе осталось только двое сотрудников – Ада Симмон и сам Фил. Они сидели за столами в дальнем конце зала, который не был отделен стеной от коридора. Такие незащищенные от читателей, такие удручающе беспомощные... Если бы Фейт спросили, а какой должна быть защита, она бы растерялась. Но по ее мнению, даже пуленепробиваемого стекла или бронежилетов было бы мало. Бедненькие, они тут одни, без полиции, без оружия...

Фейт хотелось предупредить Аду и Фила: ребята, вы тут в смертельной опасности!

Разумеется, трудно высказать все это вслух и не показаться смешной. Поэтому лучше промолчать...

Она медленно направилась к столу Фила, не выпуская руки Джима из своей. Ее каблучки глухо постукивали в тишине зала. Насчет пятен крови она поспешила с выводами – кое-где на линолеуме все-таки остались темные разводы... Спрашивать не требовалось – она отлично знала, что это такое.

Не успела Фейт подойти вплотную к столу начальника и что-либо сказать, как Фил произнес со вздохом:

– Итак, ты увольняешься. Она кивнула:

– Да.

Девушка боялась, что от нее потребуют долгого объяснения, но Фил лишь печально улыбнулся и сказал:

– Я тебя понимаю.

– Я...

– Все в порядке. Не надо лишних слов. Бумаги о твоём увольнении я подпишу сегодня днем и пропущу через все нужные инстанции. Потом можешь устроиться на другое место внутри университета.

– Нет, я намерена работать вне университетской территории. Он кивнул:

– Что ж, быть может, это удачная мысль.

Их взгляды встретились. Что она прочитала в глазах Фила? Понимание? Сочувствие?

На экране компьютера, предназначенного для читателей, бежали строки на каком-то неведомом языке с буквами-пиктограммами.

Фил покосился на Аду и тихонько сказал Фейт:

– Не возвращайся сюда. Ходи в городскую библиотеку. Или в библиотеку Фуллертонского университета. Послушайся моего совета – никогда не возвращайся сюда!

Это было предупреждение, а не угроза. Дружеский совет того, кто был на ее стороне, кого искренне заботило ее благополучие. Фейт благодарно кивнула.

– Спасибо, Фил, – промолвила она. Фил посмотрел на Джима.

– Хорошенько заботьтесь о ней, – сказал он.

– Да она из тех, кто себя в обиду не даст, – отозвался Джим. Фейт ласково сжала его руку.

– Надеюсь, – произнес Фил, – искренне надеюсь, что она не даст себя в обиду...

Вне стен библиотеки университетская жизнь текла вроде бы как обычно. С книгами или портфелями под мышкой студенты спешили из здания в здание, собирались группками и оживленно болтали, кто-то перекусывал на скамейках... Вдоль дорожки к студенческому центру стояли обыкновенные стенды с объявлениями и плакатами – приглашения на всякого рода развлекательные мероприятия и на собрания разных студенческих организаций. Словом, обыкновенная картинка – типичный день в типичном калифорнийском университете. Не знай Фейт всего того, что она знала, ни единая деталь в окружающем ее бы не насторожила.

А может, все это праздная истерия? И за видимым благополучием и покоем ничего страшного не скрывается?

О да. Университет хочет, чтобы они думали именно так. Поэтому он предъявляет им картинки нормальной жизни, дабы убаюкать их ложным чувством безопасности.

Дудки! Они не дадут себя околпачить! Две студенточки прошли мимо, о чем-то весело щебеча. Фейт прислушалась к их разговору и уловила слово "кровь", произнесенное несколько раз.

М-да, не нужно очень напрягаться, чтобы разглядеть за милой картинкой и расслышать в обыденных разговорах знаки беды... При первом же ближайшем рассмотрении иллюзия нормальности рассыпается.

– И какие же у тебя планы на будущее? – спросил Джим.

– Надо искать другую работу.

– Где?

– Где-нибудь в Санта-Анне, поближе к дому. И подальше от Бреа.

– Ты сегодня останешься у меня? Фейт отвела глаза и покраснела.

– Нет. Сегодня вечером я лучше поеду домой. Уверена, матери наплевать, где я и с кем... быть может, она даже и не заметила, что я не ночую дома... Но все же лучше прийти и проверить, как она там.

Джим согласно кивнул:

– Наверное, это разумно – проводить поменьше времени на территории университета. А мое общежитие – в границах этой территории. И кто знает...

Он не закончил начатой фразы.

Фейт же подумала о ссадинах между своих ног и быстро сказала:

– Да, ты прав. Лучше проводить поменьше времени на территории университета...

– Помимо всего, я хоть отстираю кровь с простыней.

Она удивленно покосилась на него.

– Как-нибудь нам надо поговорить об этом, – сказал Джим, потупив глаза. – Не знаю, что ты думаешь, но меня лично это очень и очень пугает.

У нее вдруг пересохло во рту.

– Это ненормально, – продолжал он. – Это не правильно.

– Да, это ненормально, – согласилась Фейт. – Но кто сказал, что это "не правильно"? Ведь нам обоим... обоим нравится.

– Ты уверена, что нам это нравится? Я хочу сказать, ты уверена, что мы бы делали это, если бы встречались вне университетской территории? Не кажется ли тебе, что это оно навязывает нам такое поведение?

Фейт растерянно молчала.

– Я ведь знаю, и тебе в голову приходила такая же мысль!

– Да, – нехотя кивнула девушка.

– Поэтому я считаю, что нам некоторое время не стоит видеться... в постели.

– А сможем ли мы?..

Они проходили мимо биологического корпуса. Фейт замедлила шаг, покосилась в сторону здания, которое она в последнее время обходила десятой дорогой. Повернувшись к Джиму, она сказала:

– Сейчас там идет лекция по биологии.

– Приезжал кто-нибудь из общества защиты животных? Они беседовали с этим профессором-садистом?

– Я не в курсе, – ответила Фейт.

– Хотела бы зайти внутрь и посмотреть, что там происходит? – спросил Джим.

Фейт и сама не знала, чего хочет. Но Джим был рядом... и она поддалась искушению. Крепко держа Джима за руку, девушка повернула к биологическому корпусу.

Когда они подошли к двери в большую аудиторию и приоткрыли ее, профессор как раз заканчивал лекцию. Донеслись его последние слова:

– На следующем занятии я покажу вам действие кое-каких ядовитых трав на ребятишках из университетского детского сада.

Профессор хихикнул и пояснил:

– Увидите, какие прелестные ожоги дают некоторые тропические растения...

Фейт отпрянула от двери. Ее поташнивало от гнева и отвращения.

В полном молчании молодые люди вышли из биологического корпуса.

– Может, нам действительно следует разнести динамитом все это чертово место! – сказал Джим, когда они спускались по ступеням.

Фейт сделала глубокий вдох и решительно произнесла:

– Возможно, нам так и следует поступить.

3

"Чэпмен Клементс, профессор зоологии".

Бакли остановился перед дверью кабинета и вытер о штаны вспотевшие ладони. Не умеет он вести деликатные разговоры, нет у него к этому призвания... Бакли привык резать правду-матку в лицо, а вся эта чертова дипломатия... ну ее в одно место!

Однако согласно их плану следовало предварительно прощупать настроение друга – нежненькими экивоками. И только потом принять решение – выкладывать все до конца или воздержаться.

Не его это стихия – вкрадчивые разговоры!

А ну как его намеки окажутся слишком прозрачными? А ну как Клементс окажется врагом и все поймет?.. Послушать Яна, так этим, которые под воздействием Университета, ничего не стоит выхватить бритву и полоснуть собеседника по шее. Вот и Клементсу ничего не стоит пустить кровь неловкому дипломату по фамилии Бакли...

"Ох-хо-хо... Нет, интриган из меня не получится", – с грустью подумал Бакли.

Однако отступать было стыдно.

Бакли собрался с духом и постучал в дверь. – Да! Заходите! – раздался голос хозяина кабинета.

Бакли обреченно шмыгнул носом и открыл дверь.

"Стало быть, я все-таки не сумасшедший".

Чэпмен стоял на пороге своего кабинета и провожал взглядом удаляющуюся фигуру Бакли.

До сих пор Чэпмен полагал, что ему одному события в университете кажутся фантастическими, абсурдными, отвратительными. Это свое обостренное неприятие творящегося вокруг Чэпмен списывал на то, что он одичал в полевых экспедициях, больше времени проводит с животными, чем с людьми, и оторвался от жизни – обычные ее неурядицы кажутся ему чем-то из ряда вон выходящим...

Однако, как выяснилось, Бакли и Эмерсон переживают тот же ужас, в той же степени обеспокоены происходящим в К. У. Бреа.

Это открытие должно было ободрить его. На самом же деле оно вогнало Чэпмена в еще большую депрессию. Уж лучше бы он ошибался, уж лучше бы у него крыша слегка поехала, чем знать, что он прав и здоров, а окружающий мир сошел с ума.

Бакли привел массу примеров противоестественного, случившегося за последние месяцы. К этому Чэпмен мог бы добавить немало своих горестных наблюдений. Однако Бакли не стал говорить о причинах. А любопытно, знает ли он истинную причину происходящего или нет. Возможно, Бакли чего-то не договаривает... Ладно, быть может, недоговоренное будет высказано во время той коллективной дискуссии, на которую Бакли его пригласил.

Мысли Чэпмена невольно перескочили на одно из неприятных впечатлений последнего времени. По вторникам и четвергам он вел вводный курс по физиологии млекопитающих. В первом ряду на каждой лекции сидел странный рыжеволосый парень. С первого же занятия Чэпмену очень не понравились его глаза. От этого взгляда у профессора мурашки бежали по спине. Рыжий студент так действовал на нервы Чэпмену, что однажды даже приснился ему – профессор проснулся в холодном поту. Он не знал фамилии этого парня – тот почему-то не сдавал контрольные работы, избегал участия в устных дискуссиях. Только сидел и тарачился на лектора. Чэпмену, по непонятным причинам, именно рыжеволосый debil казался самым страшным впечатлением последних месяцев.

Этот рыжий должен быть важной частью того дикого, что происходит вокруг...

Чэпмен посмотрел на часы – ага, пора перекусить. В это время он всегда направлялся в столовую, но сегодня у него не было аппетита. Есть более важное дело, чем набить себе желудок. Надо побыстрее искать таких же встревоженных порядочных людей, которые еще не скурвились, еще не поддались всеобщей разлагающей атмосфере. Как сказал Бакли, две головы хорошо, а десять – лучше.

Но с кого начать?

Джобсон. Конечно, в первую голову следует побеседовать с Джобсоном. Если кто и не поддался давлению злых сил, так именно он. Будучи профессором энтомологии, Джобсон еще больше замкнут в своем собственном мирке, нежели Чэпмен: ничего, кроме своих жучков-паучков, не знает и страшно далек от мирских соблазнов.

Да. Это правильный выбор.

Итак, Джобсон.

Клементс. Вот задница! Кусок дерьма на двух ногах! Чего это он приперся ко мне и битый час распространяется про всякие неприятные события в университете? Нужен он мне со своим долбаным дружелюбием и своими никчемными разговорами! Плевать мне на то, что здесь происходит!

Знаю, знаю, зачем он приперся! Он явился вынюхивать. Все они ходят кругами и вынюхивают. Все они хотят украсть мое великое открытие!..

Взбешенный Кен Джобсон запер дверь лаборатории и вдобавок задвинул засов.

Нет, никто не выведает до времени его потрясающий секрет – прежде чем Джобсон не завершит эксперименты и не опубликует результаты своих трудов. Когда мир узнает об открытии Джобсона, это будет сенсация века. Отношения между полами навеки изменятся. Мужчины и женщины отныне будут абсолютно независимы друг от друга, станут не нужны друг другу, потому что смогут получать полноценное сексуальное удовлетворение самостоятельно, без партнера.

Джобсон вынул из кармана ключ и отпер дверь своей секретной лаборатории.

Связанная голая Сильвия по-прежнему лежала на полу. Во рту у нее был кляп, все тело, намазанное медом, было облеплено мухами. Она тихо постанывала. На большее у нее уже не было сил.

– Да, – сказал Джобсон, – да, да!

В комнате одуряюще пахло медом. Сквозь этот запах профессору чудился аромат соков ее влагалища.

Сколько же раз она кончила, чтобы напоить воздух таким крепким духом сексуального удовлетворения?

Раз тридцать, решил он. Он записал эту цифру в тетрадь экспериментов. Тридцать оргазмов за пять часов – это будет выглядеть впечатляюще на страницах его диссертации.

Но как же назвать свое открытие?

Джобсон довольно хихикнул, потому что ему пришло в голову новое забавное название – "мухня". "Что-то мне хочется сегодня мухнуться".

Сильвия приглушенно вскрикнула – кляп не позволял крикнуть во весь голос.

Ага, тридцать первый оргазм.

Замечательно.

Он записал в тетрадочку.

Теперь Джобсон и сам был возбужден. Член затрепыхался в брюках, и профессор быстро

разделся догола. Затем сел на пол рядом со своей лаборанткой, взял банку с медом и обмазал им свой член.

Через пару мгновений мухи слетелись на его возбужденный пенис, облепили его со всех сторон.

Он ощущал, как тысячи ножек и крылышек щекочат чувствительную плоть. Его возбуждение нарастало. Уже задыхаясь, он потянулся к сосуду с муравьями, взял его, перекатился на бок и сунул член в сосуд с кровожадными крохотными тварями.

Сперма брызнула в тот же миг, когда первый десяток муравьев запустил челюсти в кожу его головки.

Глава 26

1

Стюарт и Эдди, последние из оставшихся в редакции сотрудников, укладывали в портфели свои вещи и собирались уходить. Хоуви взглянул на часы – семь тридцать. Если бы Джим намеревался вернуться в редакцию, он бы уже пришел.

Хоуви напряг все силы, поднял руку и положил ладонь на подлокотник, где была панель управления инвалидной коляской. Он развернул свое кресло и одновременно окликнул Эдди.

Спортивный редактор тут же отозвался:

– Да, Хоуви?

– Тебе не трудно подать мне телефон? Никак не дотянусь до него.

– Пожалуйста.

– Спасибо.

– Хоуви, у тебя какие планы на сегодняшний вечер? – спросил Стюарт.

– Вроде бы никаких.

– Мы с Эдди идем на баскетбольный матч. Если хочешь, присоединяйся.

– Нам прислали кучу пригласительных билетов для прессы, – добавил Эдди.

– Что-то неохота, – сказал Хоуви. – Но спасибо за приглашение.

Стюарт пожал плечами:

– Напрасно отказываешься. Может быть очень даже интересно. А впрочем, твое дело.

Хоуви занялся телефоном.

Разумеется, Эдди с готовностью снял бы для него трубку и набрал номер – стоит только сказать. Однако было так неприятно всякий раз просить о столь мелких одолжениях, что Хоуви предпочитал мучиться в одиночку, чем постоянно прибегать к посторонней помощи.

Проделав медленные сложные манипуляции своими почти бессильными руками, он наконец набрал нужный номер. Это заняло минуты три-четыре, и он был весь в поту.

В трубке раздался голос Дэйва.

– Да-а?

Это "да" прозвучало весьма сердито, недружелюбно. Хоуви вдруг смутился – ему показалось большой дерзостью просить Дэйва приехать и забрать его из редакции.

– Привет, – сказал он почти заискивающим тоном.

– А-а, наш засранец звонит. Ты где таскаешься? Нескрываемая агрессивность звучала не только в словах, но и в интонации.

– Я все еще в редакции "Сентинел".

– Не рассчитывай, что я сорвусь с места и приеду за тобой. У меня, знаешь ли, есть и своя жизнь. Я не могу прибегать по первому твоему требованию!

– Да я... да я и не собирался просить тебя...

– А какого хрена звонишь? Во рту у Хоуви пересохло, и он ничего не мог произнести.

– Чего молчишь, олух? Дорогу домой знаешь, не заблудишься.

В трубке раздалась короткая гудка.

Хоуви всего трясло. Он с огромным трудом поставил телефон на стол. Домой

возвращаться не хотелось. Куда угодно – только не туда, где Дэйв.

Он смертельно боялся своего помощника. Может быть, Джим у себя в общежитии... или он все-таки забежит в редакцию попозже... Господи, только не домой, только бы не видеть наглую рожу Дэйва!

- Мы уходим, – сказал Эдди. – И тебе тоже лучше уйти. Мы запрем дверь.
- Насчет баскетбола... приглашение в силе? – спросил Хоуви. Стюарт кивнул.
- Разумеется. Что, передумал?
- Да. Я с вами.
- Вот и отлично.

Хоуви выехал из редакционной комнаты в коридор. Пока он будет на матче, Джим непременно вернется к себе после свидания с Фейт или где он там еще. Хоуви позвонит ему и нагрянет в гости. А если к Джиму не получится... ну, на худой конец можно дозвониться до родителей. Конечно, объяснять им сложившуюся ситуацию – удовольствие ниже среднего... особенно выслушивать визгливые вопросы матери... но все лучше... На улице ночевать и к утру замерзнуть – даже это лучше, нежели увидиться вновь с мерзким Дэйвом.

Эдди запер дверь редакционной комнаты и положил ключ в карман.

- Хорошо, – сказал он, – давайте заключать пари, кто сегодня выиграет.

Трибуны спортивного зала были уже заполнены зрителями, хотя до начала матча оставалось еще четверть часа. Свободными оставались места лишь на "верхотуре", куда Хоуви в его коляске было, конечно, не добраться. Стюарт и Эдди сказали, что могут постоять рядом с ним внизу. Хоуви не хотел причинять парням такое неудобство и шутливо велел им пошевеливаться и карабкаться к верхнему ряду, пока не заняты последние из оставшихся мест.

– Ладно, – согласился Стюарт. – Только ты оставайся возле выхода. В перерыве мы к тебе подойдем.

- Хорошо.

Хоуви проводил приятелей глазами, а затем поехал дальше сквозь толпу – мимо столика судейской коллегии к центральному выходу. По пути он заметил, что среди зрителей практически нет одиночек – сплошь или парочки, или компании. Хотя он пришел с друзьями и даже мог видеть их на самом верху трибуны, у Хоуви возникло малоприятное ощущение неприкаянного одиночества.

Наконец он остановился у края трибуны, рядом с центральным выходом. На игровом поле уже разминались игроки. В зале было душновато, но двери за его спиной были открыты и оттуда тянуло прохладой. Прежде чем повернуться лицом к игровому полю, Хоуви посмотрел в дверной проем и увидел неподалеку от спортивного зала, под сенью деревьев, парочку. На улице было темно, но фонари достаточно хорошо освещали пространство под деревьями. Парочка исступленно целовалась, рука парня всю гуляла под юбкой девушки.

Какая удивительная бесстыжесть – им будто наплевать, что рядом сотни людей, которые все видят! Разве это любовь? Обычное скотство.

Хоуви тяжело вздохнул и развернул коляску.

Но мысли его как-то некстати сосредоточились на сексе. Болезнь лишала Хоуви многих физических удовольствий. Однако именно недоступный секс больше всего прочего дразнил его любопытство. Ходить, бегать – конечно, это все неплохие вещи, но он не слишком страдал из-за того, что ноги не подчиняются ему – уже свыкся, да и моторизованная коляска с грехом пополам компенсировала неспособность самостоятельно передвигаться. Зато секс...

Несколько лет назад, будучи старшекласником, Хоуви пересмотрел чертову уйму всякой порнографии – хватал все, что мог достать. Разглядывал непристойные картинки и фотографии голых девиц, читал порнографические рассказы. Ему нравилось видеть обнаженных женщин, но их привлекательность он понимал лишь умом – настоящего физического возбуждения он не испытывал. Никогда он не ощущал приятного шевеления в низу живота, никогда его тело не окатывала волна удовольствия. Словом, Хоуви испытывал танталовы муки, пытаясь дотянуться своим сознанием до понимания того, в чем именно состоит радость секса, в чем его упоительные секреты.

– Эй ты, калека чертов! Гляди, куда прешь! Хоуви изумленно поднял глаза. Оказывается, он слишком глубоко задумался и машинально пощелкивал рычажком управления коляской,

которая соответственно двигалась вперед и назад на десяток-другой дюймов. В последний раз она чуть не наехала на ноги парня, который шел к двери, чтобы покурить на улице.

– Извините, пожалуйста, – смущенно произнес Хоуви.

– Говнюк поганый!

Хоуви проводил парня глазами.

Его лицо показалось Хоуви знакомым. То ли потому, что все хамы несколько похожи друг на друга, то ли потому, что он уже видел этого типа на концерте Яны Андерсон – там хулиганы так фантастически распоясались, что Хоуви и Джиму пришлось срочно удирать, дабы не попасть в неприятную историю.

Хоуви чуть развернул коляску и посмотрел в темный зев двери на оранжевый огонек сигареты оскорбившего его парня. Вдруг нахлынули воспоминания о диких впечатлениях на концерте Яны Андерсон, о тогдашнем страшном чувстве, что они попали в ловушку, что с минуты на минуту напряженная атмосфера разрешится чем-то ужасным – вспыхнет драка, начнется поножовщина... Хоуви захотелось немедленно удрать из спортивного зала, не дожидаясь начала игры. Публика здесь собралась ничем не лучше, чем на том концерте. Все может закончиться плачевно – только народу тут еще больше, и каша заварится еще круче. Хоуви посмотрел туда, где сидели Стюарт и Эдди. Ребята они надежные и крепкие, но пока они спустятся к нему... всякое может случиться.

Пока Хоуви прикидывал в уме, не лучше ли ему уехать отсюда подобра-поздорову, толпа зашумела, заволновалась, на поле вышли команды и судьи, и матч начался, Хоуви пытался сосредоточиться на игре, но ему это плохо удавалось. Части зрителей не сиделось на местах: одни ходили поздороваться с приятелями, сидящими на другой трибуне, другие спешили покурить. Мимо Хоуви непрестанно ходили. Мало того, что мелькающие фигуры то и дело закрывали от него игровую площадку, все это были амбалы и амбалихи дебильного вида – родные братья и сестры того хама, что обозвал его калекой: парни в черной коже с головы до ног, обильно татуированные девицы... Эта публика мало походила на студентов, которых Хоуви привык видеть на территории университета.

Да и сама игра шла не очень интересно. Разве что игроки были грубее обычного. Судья как будто ничего не замечал и почти не назначал штрафных ударов, хотя многих игроков не мешало бы удалить с поля. В этот вечер откровенные удары соперника кулаком или локтем, подножки и подсечки были в порядке вещей. Зрителям все это явно нравилось – трибуны ревели ©т восторга, когда очередной игрок выплевывал с кровью выбитые зубы. Казалось, публика пришла на бокс или кулачный бой, только перепутала залы.

Хоуви досадовал, что рядом с ним нет Джима. Одному было так нехорошо, так страшно. Неподалеку курили человек десять – ребята такого вида, что у Хоуви мурашки по спине бегали. А парочка под деревьями уже не просто обжималась, а в открытую совокуплялась – под одобрительные покрикивания зрителей.

М-да, не стоило сюда являться. Ведь Хоуви отлично знал, что в нынешних условиях опасно куда-нибудь ходить, Джим не зря вбивал это столько времени ему в голову! Надо проскальзывать на занятия, потом быстренько убираться в общежитие, и больше никуда. Но вот понес же его черт!.. Тогда, в редакционной комнате, ему на какую-то секунду показалось, что предложение Стюарта и Эдди вполне приемлемое – что может быть естественнее и обычнее, чем провести с друзьями вечер на баскетбольном матче? Словно бес его попутал! Как будто на время выпала из сознания память о всем том страшном, что происходило на университетской территории в последние недели и месяцы...

Ну и, конечно, отвращение к Дэйву сыграло роковую роль...

Но теперь Хоуви понимал, что совершил ошибку. Притом огромную. Во время перерыва он скажет Стюарту и Эдди, что плохо себя чувствует и сразу же уедет.

В этот момент толпа одобрительно взревела – защитник местной команды ударил ногой в пах нападающего другой команды, и тот сложился пополам от боли.

Хоуви кое-как дотерпел до перерыва. Уже за несколько секунд до свистка он включил мотор и медленно поехал вдоль нижнего ряда трибуны, чтобы побыстрее встретиться со Стюартом и Эдди, которые спустятся вниз. Навстречу ему двинулась толпа желающих размять ноги в перерыве. Все эти люди на время закрыли ему обзор. Когда он смог снова посмотреть

туда, где сидели Стюарт и Эдди, то не увидел своих приятелей. Он остановил коляску и внимательно оглядывал трибуны.

Стюарт и Эдди как в воду канули.

Кто-то внизу надул большой мяч, которым играют на пляжах, и с силой бросил его на трибуну. Надутый шар опустился кому-то на плечо, отскочил, снова полетел вниз и ударил по лысине мужчину в одном из верхних рядов. Тот ойкнул. Толпа зрителей загготала.

Лысый мужчина в ярости вскочил, схватил мяч, увидел внизу девушку, которая особенно заливисто смеялась, и прицельно швырнул мяч ей в лицо. Да так удачно, что шар с громким шлепком отскочил от ее лица. Девушка была слегка ошарашена силой удара и затрясла головой.

Настроение толпы резко изменилось. Из развязно-игривого оно стало агрессивным. Хоуви всей кожей ощутил эту перемену и тут заметил, что под трибуной он остался совершенно один. Все, кто хотел выйти на улицу, уже прошли. Оставшиеся зрители болтали и закусывали на трибуне.

Хоуви почувствовал, что все взгляды обращены на него. На трибуне осталось примерно две трети зрителей. И все глядели на него.

Приятного мало.

Если прежде в сердце Хоуви был только небольшой холодок, то теперь он испугался всерьез.

Они ведь не просто смотрят. В их глазах злоба и вражда, ищущие выхода. Хоуви инстинктивно чувствовал что-то вроде отрицательных флюидов в воздухе. Он хотел нажать рычажок на подлокотнике и, ехать прочь – от греха подальше. Однако так раз-; волновался, что его рука, и без того слабая, отказалась слушаться: похоже, паника совершенно парализовала пальцы. Он в отчаянии водил глазами по трибунам в поисках Стюарта и Эдди.

И тут пляжный мяч ударил Хоуви по голове. Его бросила девушка, сидящая в центре трибуны. Удар был не очень сильный. Однако зрители отреагировали жестоким скотским смехом. И этот смех был больнее самого удара. Подобный смех не предвещал ничего хорошего.

Наконец Хоуви заставил свои пальцы повиноваться, нажал рычажок, и коляска покатила в сторону выхода.

В него полетел еще один мяч.

На сей раз это был тяжелый баскетбольный мяч.

Удар пришелся по мотору. Коляска покачнулась, но устояла. Однако она встала и, сколько Хоуви ни жал на рычажок, с места не двигалась. Очевидно, от сотрясения в моторе что-то заклинило. Так или иначе, двигатель больше не работал.

В его сторону полетел еще один баскетбольный мяч и угодил в середину груди. Удар был так силен, что качнул коляску назад. Острая боль пронзила грудь Хоуви. Дрожащими руками он кое-как подхватил мяч, упавший к нему на колени.

Толпа довольно гоготала, и кто-то крикнул:

– Швыряй его нам! Швыряй сюда! Через несколько секунд уже вся трибуна громко скандировала:

– Швыряй его нам! Швыряй сюда!

Хоуви с усилием выпрямился, продолжая держать мяч в руке. Ему вдруг подумалось, что напрасно он так боится этой толпы, напрасно приписывает ей злобные инстинкты... ребята балуются, дурачатся... пусть по-глупому, но без черных мыслей... Это все паранойя, это все мания преследования, которую навязал ему чересчур осторожный Джим... Будь у него руки покрепче, Хоуви принял бы участие в забаве – отбросил бы мяч на трибуну.

Но тут еще один баскетбольный мяч ударил Хоуви по затылку и чуть не выбросил инвалида из коляски. У него слезы навернулись на глаза, но он усилием воли удержал их. Расплакаться перед этими мордами не только унижительно, но и опасно...

Мучители весело хохотали и возбужденно топали ногами.

Новый тяжелый мяч ударил по тележке и развернул ее. Теперь Хоуви сидел лицом к скамейкам, уходящим вверх. Перед глазами все плыло. Как сквозь туман он увидел, что многие зрители на трибуне вскочили с мест и в руках у них оранжевые баскетбольные мячи. Господи, откуда у них столько мячей? Они их что, заранее припасли? Сердце Хоуви бешено колотилось,

возникло абсурдное, детское желание закрыть руками лицо и навзрыд, безутешно расплакаться.

Когда следующий мяч больно ударил его в плечо, Хоуви жалобно вскрикнул. И тут же два мяча одновременно угодили ему в голову, с разных сторон.

Он вывалился из коляски.

Теперь он был совершенно беспомощен. Он попытался ползти прочь, к выходу. Но руки были слишком слабы – Хоуви приподнялся на них и тут же упал, с грохотом стукнувшись лбом о доски пола.

Он больше не сдерживал слез. Он рыдал как ребенок от страха и обиды и уже не мог остановиться. Ползти не получалось, поэтому он попробовал перекатываться с бока на бок. Краем глаза Хоуви видел, что десятки негодяев сбежали с трибуны и окружили его. У каждого в руках был увесистый оранжевый мяч. Им было мало бить инвалида с большого расстояния; они хотели расстрелять его мячами почти в упор. Те, кто остался на трибунах, весело улюлюкали...

– Нет!!! – закричал Хоуви из последних сил. – Не-е-ет!!!

Но никто его не слушал. Десятки оранжевых мячей полетели в распростертое тело...

2

На углу Семнадцатой и Гранд-авеню кого-то ловила полиция. У заброшенной бензоколонки три патрульные машины блокировали мини-автобус. Фейт, к своей досаде, не успела проскочить перекресток – пришлось затормозить перед красным светом. Было весьма неприятно оставаться в этом месте, когда рядом в любой момент может начаться перестрелка. Нервно покусывая губы, она косилась то на полицейские машины, то на светофор.

К счастью, выстрелы раздались, когда Фейт уже нажала на газ. Девушка не стала оглядываться и прибавила скорость. До сих пор ей казалось, что повседневные "прелести" городской жизни побледнели рядом с кошмаром, который творится в университете. Однако она была не права. Постоянная настороженность в университете приучила ее жить с оглядкой, острее воспринимать опасность. Так что теперь все действовало ей на нервы с десятикратной силой – замирало сердце, когда какой-нибудь дурак на дороге лихо подрезал ее, или вот как сейчас, когда внезапно возник риск оказаться на линии огня и получить шальную пулю.

В последнее время смерть ходила так недалеко от Фейт, что она поневоле научилась угадывать ее близость.

И теперь девушка с ужасом понимала, что смерть, оказывается, ходит за ней по пятам как в университете, так и вне его. Смерть может прятаться буквально за каждым углом. Раньше Фейт была глупее и легкомысленнее и не знала смерть в лицо, а потому и не узнавала ее, когда черное рыло смерти мелькало поблизости.

На следующем перекрестке она увидела полицейского, который, выйдя из своей машины, напряженно целился в человека, сидевшего за рулем "шевроле" и что-то кричавшего ему. Фейт проигнорировала то, что уже горит желтый свет, и нажала на газ. Справа раздались разъяренные гудки – водители возмущались тем, что ее "фольксваген" промчался на красный свет.

Плевать. Лучше заплатить штраф за нарушение правил уличного движения, чем ненароком получить пулю в лоб.

Машина матери стояла на подъездной дороге, пришлось припарковаться у тротуара напротив дома.

Парадная дверь оказалась не заперта, и Фейт с порога крикнула, чтобы не застать чего-нибудь неподобающего:

– Мама, это я!

– Ее нет дома. Я один, – отозвался брат. Кейт лежал на диване и смотрел телевизор. Кругом было полно немытой посуды.

Фейт кивнула брату, прошла через комнату и положила учебники на кофейный столик.

– Ты бы ее застала, если бы приехала минут на пять раньше. Она только что умотала со своим хахалем.

Девушка бросила ключи от машины на каминную доску и спросила деланно небрежным

тоном:

– Стало быть, ты вернулся домой?

– На какое-то время.

Фейт села напротив брата, в кресло с истрепанной обивкой.

– Мамаша в курсе, что ты вернулся? Кейт пожал плечами:

– Откуда мне знать?

– Но ты же виделся с ней?

– Ну. Только почему мне знать, дошло до нее, что перед ней я, или нет. Когда я появился, она и ее очередной "дядечка" были почти в невменяемом состоянии. – Он принялся к воздуху. – Какой-то гадостью пахнет. То ли селедкой, то ли бабьей смазкой.

Фейт скорчила брезгливую гримасу:

– Господи, Кейт, не будь таким мерзким пошляком!

– "Кейт, не будь таким мерзким пошляком!" – передразнил брат. – А кем еще мне прикажешь быть? Я что, по-твоему, бездушный кусок камня? Что я должен чувствовать, возвращаясь домой и натываясь на подобный запах в гостиной? Среда бела дня, и не в спальне! "Ах, братик, не будь таким мерзким пошляком! Это, должно быть, аромат нашей любимой мамочки!"

– М-да, можно только удивляться, что ты в такой атмосфере не стал голубым.

Она произнесла это в шутку, но Кейт и не подумал улыбнуться.

– Не шути с этим, – процедил он. Фейт молча покосилась на него и после паузы сказала:

– Я рада, что ты опять дома. Я скучала по тебе. Ее ласковый тон смутил Кейта, он буркнул что-то вроде "угу, нормалек" и уставился в телевизор.

Следующие пятнадцать минут они молча смотрели телевизор. Фейт хотелось побеседовать с братом всерьез, но она не знала, с чего начать. А он, казалось, ни в каком общении не нуждался – глядел на мелькающие картинки старого шоу и довольно скалился. Ладно, и это в конце концов не так плохо – вот так рядышком сидеть в гостиной и смотреть телевизор.

Хоть немного да похоже на настоящую семью. Когда программа закончилась, Кейт встал и пошел перекусить на кухню. Фейт минуту посидела одна, затем последовала за ним. На полочке возле двери она увидела книги, принесенные братом: "Процесс" Кафки, "Чума" Камю, "Преступление и наказание" Достоевского. Что ж, теперь его претенциозность шагает в ногу со школьной программой. Это отрадно.

Словно угадав ее мысли, Кейт закрыл дверцу холодильника и повернулся к сестре, держа в руке упаковку с ветчиной. Застенчиво улыбнувшись, он сказал:

– Ты знаешь, я решил продолжать учиться. Фейт расплылась в радостной улыбке.

– Здорово! – воскликнула она.

Но в душе она ощутила растерянность. Теперь с университетом у нее были не самые лучшие ассоциации. А в то, что брат рано или поздно надумает учиться, – в это она всегда верила и не удивилась его теперешнему решению. Но ей стало грустно, потому что она предвидела дальнейший непростой разговор.

– Я буду учиться на подготовительном отделении в К. У. Бреа. Меррик говорит, что сейчас в Бреа очень весело – самое классное место.

Да, ее худшие предчувствия оправдались. Фейт испуганно покосилась на брата, и во рту у нее пересохло.

– Брат Меррика учится в вашем университете, – продолжал Кейт. – И я помню, с каким волнением ты ждала первых занятий там. Поэтому я подумал: а почему бы и мне не присоединиться к тебе?

Девушка не знала, как реагировать на слова брата. С одной стороны, она готова была грудью встать, чтобы не пустить его в Богом проклятый Бреаский университет. С другой стороны, ей не хотелось остужать пыл Кейта – ведь он долго и непросто шел к решению продолжить учебу.

– Меррик говорит, что в Бреа – ежедневный праздник.

Фейт сделала глубокий вдох и сердито выпалила:

– А разве ты этого ищешь – ежедневный праздник? Я-то, грешным делом, подумала, что

ты хочешь набраться ума-разума и узнать кое-что полезное!

Он избегал ее взгляда.

– Нет. Конечно, я собираюсь учиться... Но и чтоб весело – тоже ведь неплохо...

– Послушай, – уже менее агрессивно сказала Фейт, – наш университет на самом деле не такой, каким он представляется Меррику. Праздником там и не пахнет. Наоборот, это очень дурное место. Никудышный университет. Настолько поганый, что в следующем семестре я наверняка переведусь в другой.

– Да ну? – удивился Кейт. – Вот дела! И где же ты будешь учиться?

– В Ирвине, – решительно заявила Фейт, хотя до этого никогда не думала конкретно об Ирвинском университете.

– Ого! Там дико дорогое обучение.

– Ездили бы на занятия вместе, чтобы экономить на бензине.

– О чем ты говоришь! У нас нет таких денег, чтобы оплачивать обучение в Ирвине! Даже если мы продадим твою машину и будем ездить туда на автобусе!

Возразить было нечего. Фейт облизала пересохшие губы и сказала упрямым тоном:

– Короче, я категорически против того, чтобы ты учился в Бреа.

Кейт подозрительно уставился на нее:

– Почему это?

– Потому.

– А поконкретнее?

– Потому что я не хочу. Не хочу – и все тут! Это был самый глупый из всех возможных ответов. И реакцию Кейта было нетрудно предсказать.

– Ты мне не указ, – сказал он. – У меня своя хотелка имеется.

– Я говорю на полном серьезе.

– И я говорю на полном серьезе. До сих пор я был уверен, что ты спишь и видишь, как я поступаю в университет. Это же ты не слезала с меня: без диплома никуда, без диплома всю жизнь машины мыть будешь!.. А теперь – здравствуйте-пожалуйста! Не ходи в университет, потому что я не желаю!

Фейт в отчаянии потерла лоб.

– Да я тебя не от учебы отваживаю. Я только говорю, что Бреаский университет – это не вариант. Там... там очень опасно.

– Что значит "опасно"?

Фейт потерянно молчала. Что именно она вправе ему рассказать? И что она может рассказать, не показавшись в его глазах сумасшедшей? Брат решит, что она в последнее время слишком часто смотрела фильмы ужасов и слегка рехнулась.

– В университете совершается неимоверное количество преступлений, – осторожно начала она. – Там постоянно вспыхивают драки, происходят убийства, самоубийства и...

– Самоубийства не являются преступлениями, – резонно поправил ее Кейт.

– ...изнасилования. Кейт ухмыльнулся.

– Правильно Меррик говорит – сплошной праздник!

– Кейт, мне не до шуток!

– Ладно, извини, я не хотел обидеть...

– Меня чуть было не изнасиловали в библиотеке. Ты полагаешь, это забавно, когда тебя насилуют? Кейт попятился и побледнел.

– Извини, я не знал, – забормотал он. – Почему же ты мне ничего не сказала? Ты матери говорила?

– Нет, еще чего!

– А в полицию сообщила?

– Охота мне позориться!

– Ну ты даешь! – воскликнул Кейт. – Надо было обязательно в полицию...

Фейт решила солгать – для пущего устрашения брата.

– Хорошо, – сказала она, – получай всю правду. Я была в полиции. Того парня поймали и посадили. Но беда в том, что таких сволочей там пруд пруди. Одного посадили, а тысяча осталась на свободе! Изнасилование в Бреаском университете как грипп – мало кто способен от

него уберечься. Короче, это жутко опасное, мерзкое место.

– Ты рассказываешь как будто о другой стране. Трудно поверить, что такое творится у нас под боком...

– А ты когда-нибудь оглядывался по сторонам? Думаешь, в городе, где мы живем, творится меньше? Преступникам кругом лафа!

– Да, я не слепой и не глухой... Но ведь это как-никак университет! Храм науки! А судя по твоим словам, он ничем не лучше бандитского квартала...

– Да, да, Бреаский университет – самый настоящий бандитский квартал. И даже хуже. Кейт начал резать ветчину.

– Так значит, Ирвин? – с сомнением спросил он.

– Только Ирвин. Теперь существует новая система – ты получаешь ссуду на учебу от городского совета, а затем отрабатываешь бесплатным трудом на благо города. Так что, если постараться, деньги можно раздобыть.

– Ага! Очень умное предложение! Значит, мне придется три года горбатиться на город, сажать деревья и подметать улицы, чтобы получить возможность учиться в университете?

– Альтернатива – не учиться и всю жизнь работать мелким клерком без какой-либо перспективы. Рассерженная Фейт замолчала. Замолчал и Кейт. Через некоторое время он откашлялся и нерешительно спросил:

– Послушай, а если бы отец был жив... он был бы за то, чтобы я учился в университете?

Фейт решительно кивнула головой и ответила брату другим, более ласковым тоном:

– Я уверена на все сто, что он хотел бы видеть тебя образованным человеком.

– А вот мамаше наплевать...

– Да, – согласилась Фейт, – мамаше наплевать. А для меня это важно. Очень важно. Кейт кивнул.

– Знаю, – сказал он.

Это было произнесено в его привычной устало-равнодушной манере, которую он усвоил себе в последние года два-три. Однако на лице брата Фейт заметила что-то вроде благодарности... или, скажем так, намек на благодарность... Кейт не способен открыто показать, что его трогает чья-то забота. Но она угадала, что в глубине души он искренне тронут. Ну и слава Богу. Ей достаточно хотя бы намек на взаимопонимание и любовь...

– Ладно, поглядим телик – и спать, – сказал Кейт.

Фейт кивнула. Они вернулись в комнату и молча смотрели телевизор, а потом разошлись по своим комнатам.

3

Чэпмен Клементс встал со скамейки и в свете фонаря в который раз посмотрел на свои наручные часы.

Двадцать сорок пять.

Занятие должно было начаться в двадцать тридцать. Но ни один студент к назначенному времени не явился.

Клементс напрасно ждал своих учеников в древесном питомнике и в растерянности гадал, что же теперь делать. Было ясно, что никто из студентов не придет.

Профессор затравленно посмотрел через открытые ворота древесного питомника в сторону почти пустой автостоянки.

Неужели он забыл предупредить студентов об этом практическом занятии? Как его могло угораздить? Правда, после утреннего визита Бакли Клементс стал рассеяннее прежнего. Он постоянно вертел в голове сказанное. Хотя Бакли говорил уклончиво, невнятно, Клементс уловил главное – обеспокоенность "ситуацией" в университете. Вполне понятно, почему он забыл проинформировать семинар – голова не тем была занята...

Нет, напрасно он на себя грешит. Он помнит, как написал на доске крупные цифры "20.30", а после этого раздал всем брошюры о южно-калифорнийских животных, ведущих ночной образ жизни.

Стало быть, причина неявки – апатия студентов.

Именно ее Бакли называл одним из грозных симптомов надвигающейся беды.

Апатия апатией, но хотя бы два-три человека должны были прийти, раздраженно подумал Клементс.

Ладно, подождет еще десять минут.

Он обвел взглядом древесный питомник. Ни души. На темном ночном небе горели звезды, блекло-золотые из-за смога. Темно, холодно и одиноко... Да-а, отменный получается день рождения! Под стать мрачному имениннику. Сегодня ему стукнуло тридцать пять, а чего он добился в жизни, чего достиг?

Ничего.

Большинство великих ученых к тридцати пяти годам уже совершили свои эпохальные открытия.

(Сейчас, в нормальном состоянии, Клементс уже не помнил о своем "гениальном" открытии секса при помощи насекомых.) Да и в других областях... Те же "Битлз", когда им исполнилось по тридцать пять лет, уже пять лет как были в ссоре, и лучшие песни уже были спеты...

Самое грустное, что ему не с кем разделить даже эти горестные мысли. У него нет ни жены, ни подружки... и никакой надежды, что кто-то появится на горизонте в ближайшее время. Коллеги, которых он называл друзьями, на самом деле были всего лишь приятелями, а его родители и настоящие друзья жили далеко – в штате Огайо, где он родился и вырос.

Тридцать пять.

Середина жизни. На полпути к семидесяти.

И еще не известно, доживет ли он до семидесяти. Оба его деда умерли, когда им было чуть за шестьдесят. Вполне вероятно, что он прожил уже больше половины своей жизни...

Господи, дни рождения навевают такую неизбывную тоску!

Возможно, именно поэтому никто из студентов не явился на лекцию. Возможно, подобные мрачные мысли посетили их всех, и они сидят по домам и горюют... А может, его студенты как-то проводали, что у преподавателя сегодня день рождения и приготовили ему сюрприз – спрятались за кустами и вот-вот дружно выскочат с веселым криком...

Клементс внимательно огляделся. В древесном питомнике не было никаких признаков жизни.

Кого он обманывает? Не тот он человек, чтобы студенты устраивали ему шумный веселый день рождения. Он не вдохновляет на радостные простые товарищеские отношения. Он пытался быть "своим парнем", быть раскованным и легким в общении, но ничего не получалось. Несмотря на все свои старания, Клементс оставался застегнутым на все пуговицы сухим педантом, который большую часть времени держит четкую дистанцию между собой и студентами. Неформальных отношений с учащимися у него не возникало – ни с кем и никогда.

Возможно, они прячутся за кустами и выжидают момент, чтобы убить его.

Клементс подумал о том, что ему рассказал Бакли, и мысленно представил себе своих студентов в камуфляжных костюмах, с раскрашенными лицами... Да, Шон Даймонд, Джин Янг и Эд Голета как раз сейчас стоят пригнувшись за кустами с длинными ножами в руках, чтобы по сигналу накинуться на него...

Профессор содрогнулся от этой мысли, по спине побежали мурашки от страха. Конечно, он не страдает манией преследования... но почему-то так легко вообразить своих студентов с ножами... Вот они подкрадываются к нему со всех сторон... еще мгновение – и они выскочат из-за кустов...

Тут за его спиной раздался шорох сухих листьев, и Клементс вздрогнул всем телом.

Баста! Хватит ждать! Не явились так не явились. Он не будет торчать здесь, между зарослями, и пугаться каждого звука! День рождения лучше отпраздновать дома, в тепле и уюте. Позвонить родителям, выпить стаканчик виски и лечь спать.

Шорох повторился. Клементс проворно схватил свою папку со скамейки и поспешил к выходу, направляясь в сторону автостоянки.

Почти у самой земли дорожку преграждала натянутая веревка. Он заметил ее в последний момент, но мозг не успел передать информацию ногам. Клементс споткнулся и некрасиво упал. Папка отлетела в сторону.

Значит, они поджидают его!!!

Едва коснувшись гравия, он тут же вскочил, не обращая внимания на боль, и испуганно оглядывался, готовясь отразить нападение. Ведь кто-то натянул эту проклятую веревку. И этот кто-то добился своего.

Ах ты черт!.. Это, оказывается, не веревка, а что-то вроде лианы. Ну-да, точно лиана. Только каким образом она ухитрилась самостоятельно пересечь дорожку?

Подобным образом растения не двигаются.

Это дело человеческих рук.

Забавная шутка?

Тут Клементс заметил, что конец лианы ни к чему не прикреплен. Стало быть, он дернул так, что этот конец оборвался?

Но все было не так просто. Профессор с удивлением увидел, что лиана двигается – двигается сама по себе. Как будто она – мускулистое живое существо. Никто ею не манипулирует. Нет ни веревки, ни лески, привязанной к ней. Лиана хорошо освещена фонарем, так что ошибиться нельзя. Странно. Свободный конец двигается, а другой конец теряется где-то в темноте, за деревьями. Там, откуда опять слышится шорох сухих листьев! А чуть дальше новый, чмокающий звук – словно чье-то тело с силой вынырнуло из воды.

Как зачарованный, Клементс наблюдал за движением длинного свободного конца лианы. Тот обвил скамейку и ласково терся о нее. Было что-то непристойное в этом зрелище. Лиана напоминала абсурдно длинный член – настоящий шланг...

Все это было так страшно, что Клементс не мог пошевелиться от ужаса, словно поменявшись с лианой местами – та свободно двигалась, а человек превратился в растение и врос в землю.

Наконец Клементс опомнился, собрал волю в кулак и рванул прочь. Бог с ней, с папкой! Сейчас не время ее искать и поднимать. Если кто найдет – наверняка вернут, там есть фамилия... Сейчас надо бежать вон из этого дьявольского древесного питомника. Бакли совершенно прав насчет университета. А впрочем, то, о чем рассказывал Бакли, не было и вполнину так страшно, как происходящее здесь, в питомнике, который Клементс так любил до сегодняшнего вечера...

До ворот было достаточно далеко. На бегу профессор видел боковым зрением, что вокруг творится нечто дикое. Мертвые листья танцевали на земле, кусты – без всякого ветра – колыхались и, похоже, подпрыгивали, а деревья лихо размахивали ветками, словно многорукие Будды. Не сходит ли он с ума?

Когда до ворот оставалось всего несколько ярдов, Клементс заметил, что по дорожке за ним мчатся несколько лиан.словно десяток невиданно длинных змей!

Одна из них обогнала его и бросилась ему под ноги. Он споткнулся и во весь рост растянулся на земле.

В следующую секунду лианы накинудись на него. Они обвились вокруг его тела, словно прочные веревки. Клементс не успел опомниться, как его руки были плотно прижаты к туловищу, а ноги связаны. Теперь он был совершенно беспомощен – катался колодой по земле и не мог освободиться. Одна лиана медленно сдавливала его горло, вторая обвилась вокруг гениталий. Клементс хотел закричать от боли и страха, но из груди вырвался только сдавленный хрип.

Лианы поволокли тело прочь с дорожки – в густые заросли.

А там на него посыпались "мертвые" листья с деревьев, стали набиваться в рот. Клементс пытался выплевывать их, даже кусал их, но каждый листочек был живой, подвижный. Они нагло лезли ему в глотку и постепенно удушали его.

Последнее, что он увидел, прежде чем темнота навеки поглотила сознание, были два куста. Они сорвались со своих мест и весело плясали вокруг умирающего человека.

4

С тех пор как он приехал в США, Рамон Виллануэва работал уборщиком во многих учебных заведениях. Однако не было места отвратительнее Бреаского университета.

Вот и сейчас пришлось остановиться и посмотреть по сторонам. Похоже, секунду назад он приметил что-то боковым зрением. Что-то вроде маленького пушистого зверька, который шмыгнул по коридору – из двери в дверь.

Но сколько Рамон ни приглядывался, ничего странного больше не было. Вот так всегда – мелькнет что-то, а потом поди разберись: то ли тебе привиделось, то ли на самом деле...

Рамон продолжал орудовать щеткой в длинном коридоре шестого этажа.

Вечно одно и то же. Никогда он не может указать на что-то конкретное: "Вот то, из-за чего мне так не нравится здесь работать". Нет, всегда это недовольство было связано с чем-то неопределенным, неуловимым. Просто Рамон нутром чувствовал близость чего-то нехорошего, не правильного. Во время ночной смены ему то и дело попадались какие-то необъяснимые столбы холодного воздуха в коридоре, время от времени возникали странные зверушки, а то и человеческие фигуры, которые исчезали, когда он резко поворачивал голову. В массе эти странности действовали на нервы убийственно. Но в итоге получалось, что ему нечего толком рассказать Анхелине, чтобы мотивировать свое желание немедленно уволиться из Бреаского университета.

Жена просто не поймет, отчего он так боится этого места.

А увольняться ему никак нельзя – их финансы поют романсы...

"Ралюн".

Он застыл и стал испуганно озираться. Это кто же произнес шепотом его имя? Впереди никого. И сзади никого.

Сердце колотилось от страха. Хотелось верить, что шепот ему лишь почудился.

Вот опять – из ниоткуда, тихонько:

"Рамон".

Пусть Анхелина лопнет от злости и даже поколотит его, но он уволится отсюда без промедления. Не станет он работать в здании, где водится нечистая сила! Какие деньги, когда можно запросто жизни лишиться!.. А жене он совет, что университету урезали бюджет и они провели сокращение кадров. В конце концов не так уж трудно найти работу уборщика в другом месте, через неделю...

"Рамон".

Он отшвырнул щетку и быстрым шагом направился в сторону лифта. Вообще-то Рамон с удовольствием побежал бы, но если его кто-то разыгрывал – а ему очень хотелось верить в то, что его разыгрывают! – то лучше не давать повода шутнику надорвать животик от смеха. Следует сохранять некоторое достоинство при отступлении.

– Мать твою! – громко сказал он, непонятно к кому обращаясь.

В следующий момент из открытой двери справа выскочил скелет и заплясал прямо перед Рамоном.

Тот завизжал от ужаса и отпрыгнул назад, чуть было не шлепнувшись задом на пол.

На самом деле скелет и не думал плясать. Он был закреплен на тележке с колесами, которая пересекала коридор поперек, врезалась в стену и остановилась.

"Рамон".

Уборщик в ярости пнул скелет ногой, оторвал ему одну руку и отшвырнул ее в сторону. Стало немного легче на душе.

Но тут краем глаза он заметил справа, в темном проеме двери, откуда выехал скелет, какое-то движение. Вроде бы не человек. Зверь. Или все-таки человек – но на корточках... Разбираться было некогда. Рамон бегом кинулся к лифту.

За своей спиной он услышал странную смесь жутких звуков: щелчки, чмоканье, чпоканье, шлепки как по мокрому.

Черт с ним, с лифтом. Пока еще он доползет до шестого этажа! Стоять и ждать... нет уж!

Рамон кинулся к лестнице.

И в это мгновение везде потух свет.

Рамон с разгона врезался в стену.

– Mierda! – завопил он, хватаясь за разбитый нос. Все его лицо было в крови – он ощущал вязкую влагу в темноте. Откуда же взялась стена? Ведь он бежал прямо, когда потух свет, и перед ним не было никакой стены...

Лампы в коридоре снова вспыхнули – то ли сами по себе, то ли кто-то где-то щелкнул выключателем.

Боже, только бы свет больше не гас!

Рамон бросил быстрый взгляд на коридор, из которого он прибежал ко входу на лестницу. Внутри него все похолодело.

По коридору двигалось полчище жути. Такое не могло присниться и в самом кошмарном сне.

Он был так потрясен, что прирос к месту и выпученными глазами рассматривал двигающуюся на него армию.

Возглавляли шествие разрозненные части скелетов – кости рук прыгали сами по себе, держа фалангами пальцев черепа, берцовые кости двигались сами или увенчанные "шапкой" из таза. Вслед за кусками скелетов шли еще более страшные "существа": части расчлененных лягушек, саламандры с разрезанными животами и без внутренностей, мелкие обезьянки, на плечах которых сидели крысиные головы... Всех Рамон толком не разглядел. Но почему-то особенно его поразил детеныш акулы, который скакал на медвежьих лапах.

Рамон едва стоял на ногах. Дыхание сперло, глаза выкатились, все тело покрылось холодным потом. Что значат все эти... вещи? Это что, какой-то неудачный генетический эксперимент, жертвы которого разбежались по всему зданию?

За своей спиной он услышал громкий хлопок.

Рамон развернулся с невиданной прытью.

Дверь на лестничную площадку захлопнулась. Пока Рамон таращился на нее, дверь деловито щелкнула замком – заперла саму себя. Щелк. Щелк. Щелк. Щелк.

По всей длине коридора двери самостоятельно захлопывались и запирались – щелк, щелк, щелк...

Так значит, это здание, сам дом породил монстров из тех материалов, которые студенты и преподаватели оставили в аудиториях! И баловства ради смешал акулу с медведем, обезьянок – с крысами...

Словно в подтверждение догадки Рамона из все еще открытой двери лаборатории выскочило очередное чудовище.

Это был голый очень низкорослый мужчина с компьютерным дисплеем вместо головы. Дисплей торчал на шее, сделанной из шланга пылесоса. Дальше шло вроде бы нормальное человеческое тело. Экран был включен и показывал что-то наподобие карикатуры на человеческое лицо – квадратные глаза, каплевидный нос, прямоугольный оскаленный рот с частоколом зубов. Пониже спины – вместо хвоста – у человека-компьютера торчал электрический кабель, уходящий внутрь лаборатории.

Рот монстра открылся, губы зашевелились. Он что-то произносил, спеша в сторону Рамона.

Ошалевший уборщик услышал уже знакомый шепот, теперь более громкий:

"Ралюн".

В коридоре вспыхнули все лампы. В ярком свете Рамон увидел в изящной женской ручке монстра скальпель.

Обогнав всех страшил, человек-компьютер подскочил к окаменевшему от страха Рамону и полоснул его скальпелем по липу, и без того залитому кровью из разбитого носа.

Рамон взвыл не столько от боли, сколько от животного ужаса и бросился бежать по коридору.

Он понимал, что все двери закрыты, помощи ждать неоткуда. И тем не менее что было силы вопил на английском и испанском: "Помогите! Помогите!"

Добежав до конца коридора, Рамон остановился и развернулся.

Монстр с дисплеем вместо головы быстро приближался, переваливаясь на коротких ножках.

Madre Dios!

Рамон сунул руку в карман и нащупал связку ключей – единственное, что он мог использовать как оружие. Если повезет...

Он набрал побольше воздуха в легкие и с яростным криком кинулся навстречу монстру.

Все оказалось проще, чем он думал.

Рамон удачно ускользнул от скальпеля, направленного ему в живот, и ударил врага кулаком, в котором были зажаты ключи. Кулак пробил грудь монстра насквозь, словно та была из желатина. С отвращением выдернув руку из полуразложившегося тела, Рамон побежал дальше, отшвыривая попадавшихся на пути монстриков – препарированных лягушек и саламандр, а также отдельные кости, которые норовили пнуть его в живот или ударить по голове.

Рамон оставил всю нечисть за своей спиной и бежал дальше.

Когда он почти поравнялся с дверью в лабораторию – единственной, которая оставалась открытой, – ему навстречу внезапно выдвинулся Джонни Мак-Гвейн и остановил его мощным ударом в челюсть.

Рамон покачнулся и упал.

Джонни Мак-Гвейн, бригадир уборщиков, неподвижно стоял над ним и молча смотрел, как мексиканец барахтается на полу.

В голове Рамона все настолько смешалось, что в первые мгновения он вообразил, будто Джонни Мак-Гвейн станет его спасителем. Он еще как следует не переварил значение того факта, что бригадир свалил его на пол ударом кулака.

Рамон вскочил и залепетал:

– Слава Богу, слава Богу, наконец-то человеческое лицо. Не пугайтесь меня, я нормальный человек, а не призрак. Все эти вещи взбесились, форменным образом взбе...

Бригадир вынул скальпель из нагрудного кармана своего комбинезона.

– Придурок, не смей мешать моим экспериментам! – рявкнул он.

– Что вы хотите?.. – растерянно начал Рамон. Ничего больше сказать он не успел, потому что в тот же момент заостренный конец скальпеля вошел в его глаз и устремился к мозгу.

Глава 27

Происходящее казалось Джиму нереальным, словно он участвовал в театральной постановке. Молодой человек ходил как во сне, не в силах осознать новую действительность. Мать не приехала, и он остался наедине со своим горем. Он тут же позвонил ей, все рассказал, она искренне посочувствовала. Однако она не знала Хоуви лично – только по рассказам сына. Поэтому и действительную боль от потери не могла ощутить. Мать хотела мчаться в аэропорт, чтобы прилететь к Джиму и поддержать его в этот трагический момент. Но он решил, что не стоит ее так напрягать.

Быть может, зрелость в том и состоит, чтобы в одиночку принимать удары судьбы и не звать на помощь родителей.

День выдался пасмурный, с желтовато-серой дымкой смога. Напрасно Джим надеялся, что в час похорон Хоуви будет солнечно и друг ляжет в землю под ясным голубым небом. Правда, стояла необычная жара для этого времени года, но был здесь и свой существенный минус – в течение недели над Лос-Анджелесом и в окрестностях воздух не сменялся и концентрация вредных веществ достигла высочайшего уровня.

Одно утешение – рядом с Джимом оставалась Фейт.

Он не знал, как бы он справился без нее в страшные часы и дни после гибели Хоуви. Он плакал у нее на плече, она находила какие-то успокоительные слова... Она проявила не просто силу характера, но и показала тонкое понимание его горя.

Джим обвел взглядом переполненную церковь. Он не мог не думать о том, сколько же из этих людей, теперь скорбящих, присутствовали на роковом баскетбольном матче, когда Хоуви был убит.

Убит.

Странное это слово – "убит". Оно только кажется знакомым, а примененное по отношению к близкому человеку становится каким-то отстраненным, далеким и малопонятным. Слово из выпуска теленовостей, или с газетной полосы, или из детективного романа. "Убит" – это то, что случается с другими, но не может случиться с твоим другом... И все-таки случилось.

Последние дни Джим был занят целиком тем, что пытался смягчить удар, который получили родители Хоуви. В ящике комода, расположенном на таком уровне, что рука Хоуви могла открыть его без особых затруднений, нашли дневник погибшего. Джим и не подозревал, что Хоуви постоянно вел подробный дневник. В другом ящике обнаружили истрепанную Библию и такой же зачитанный экземпляр "Бхагавадгиты". Джим понятия не имел о том, что Хоуви до такой степени интересовался религией.

Джиму предстояло многое узнать о своем покойном друге. Большинство этих открытий были неожиданного свойства. Однако секреты Хоуви были по своему существу благородны и говорили о его скромности и некоторой скрытности. Джим не обнаружил какого-то нового, незнакомого Хоуви. Нет, он просто узнал некоторые факты, дополняющие уже сложившийся в его сознании портрет чистого и благородного человека. И все это заставляло Джима еще больше горевать об утрате.

Именно Джим взял записную книжку Хоуви и обзвонил всех его друзей и знакомых – сообщить о происшедшем и позвать на похороны. То, что он бесстыже листал эту книжку и общался с людьми, большинства из которых не знал, – все это было мучительно для Джима. Как будто он влез в личную жизнь Хоуви и без разрешения нагло осматривает все ее уголки.

Первые звонки оказались самыми сложными – он не знал, в каких словах сообщить о случившемся, надо ли вести какую-то подготовку, как деликатнее сформулировать страшное известие. Поэтому он говорил с тупой прямоотой и жестоким лаконизмом:

– Здравствуйте. Я друг Хоуви. Он убит.

Убит.

Нет, это он только думал, что произносит "убит". На самом деле он говорил "умер". У него язык не поворачивался произнести это дикое слово – "убит". Казалось, стоит выговорить вслух это слово, и он действительно никогда больше не увидит Хоуви живым, никогда больше не услышит жужжание мотора его инвалидной коляски... И Джим, чтобы не расплакаться, рубил с плеча:

– Здравствуйте. Я друг Хоуви. Он умер. И сейчас в церкви, перед возвышением, на котором стоял гроб с телом Хоуви, Джим с трудом сдерживал слезы. Он старался не смотреть на гроб и, кусая губы, таращился на потолок и делал глубокие вдохи, чтобы успокоиться. Пока шла заупокойная служба, он пытался думать о постороннем – о гольфе, об опере, о чем угодно, лишь бы оно не было эмоционально связано с погибшим другом. Но ничего не вышло – слезы покатались по его щекам. Пока Джим правой рукой вытирал слезы носовым платком, Фейт сочувственно сжала его левую руку.

Теперь он все внимание сосредоточил на дыхании: длинный вдох, короткая задержка, длинный выдох... И действительно, через некоторое время ему стало легче. По крайней мере перестали течь слезы. Джим с благодарностью посмотрел на Фейт, ответно пожал ей руку, и девушка украдкой печально улыбнулась ему.

Она так и не смогла покороче узнать Хоуви – не успела... От этой мысли Джиму стало так грустно, что слезы опять подступили к глазам.

Но тут он подумал об университете, о том, как погиб друг, и скорбь сменилась бешеным гневом. Ярость была мощным противоядием против слез.

Родители Хоуви настояли на том, чтобы он лежал в открытом гробу. Для них это была последняя возможность видеть любимого сына. Джиму не хотелось долго смотреть на мертвое лицо Хоуви: он боялся, что оно заслонит в его памяти живой облик друга. Но не ему было решать, поэтому он даже не высказал вслух свое мнение.

Работники похоронного бюро хорошо поработали и удовлетворительно восстановили лицо покойного. Насколько Джиму было известно, Хоуви был зверски избит – некоторые кости сломаны, лицо изуродовано. Однако следы избиения тщательно скрыли, и лежащий в гробу был предельно похож на живого Стенфорда Хоуви – таким, каким он был до того, как злобная толпа накинута на него.

Когда Джим подошел вплотную к лежащему на белом шелку Хоуви, тот напоминал ему подростка – как бы стал меньше в размерах, высох... Как ни странно, признаки мускульной дистрофии были заметнее у мертвого, чем у живого...

За спиной Джима стояли люди, ждущие своей очереди в последний раз взглянуть на

Хоуви. Хотя Джим принципиально не хотел смотреть на мертвого друга, теперь он не мог оторвать глаз от его лица. Было так странно отойти, оставить Хоуви другим, менее близким друзьям... Джим повторял себе, что настоящий Хоуви не здесь, он далеко – в раю, в аду, в чистилище или еще где-то, куда уходят души после смерти, а может, уже произошла реинкарнация и он уже вселился в другое существо... Но сколько Джим ни убеждал себя, что тело в гробу есть лишь оставленный душой пустой сосуд, ему было трудно отойти от умершего друга, от этого пустого сосуда... нестерпимо тяжело физически покинуть его, увеличить физическое расстояние между собой и мертвым другом.

В конце концов Фейт пришлось взять Джима за руку и почти силой оттащить от гроба.

Глава 28

1

Собрались в кабинете Яна; кроме хозяина там были Бакли, Джим, Фейт и Гиффорд Стивенс.

Пока они ждали появления Стивенса, по холлу мимо двери эмерсоновского кабинета сновал взад и вперед Кифер, заведующий кафедрой английского языка и литературы. Складывалось впечатление, что он лишь для вида переносит какие-то бумаги из своего кабинета в главный офис кафедры, а на самом деле просто шпионит за ними. Яну стало не по себе – он мог только гадать, делает ли это Кифер из суетного любопытства или по приказу темных сил, которые распоряжаются на территории университета.

Сушая паранойя.

С каждым днем ее все труднее избегать.

Общее собрание – с участием новопривлеченных сторонников – наметили на вечер. Оно должно состояться в университетском кинотеатре. Бакли заранее позаботился о том, чтобы зарезервировать эту большую аудиторию – написал запрос по форме, получил разрешение и повесил на доске перед кинозалом объявление: мол, аудитория с такого-то времени по такое-то время будет занята профессором Бакли, который покажет студентам фильм по программе. Можно было ожидать, что вечером там соберется немало народа. Друзья привлекли своих друзей, а те – своих друзей, и в итоге набиралось довольно много людей, обеспокоенных происходящими вокруг событиями. К тому же были представлены почти все факультеты, так что получался представительный срез университетской профессуры.

Ян прилежно исполнял роль главы начавшегося движения, усердно работал, готовя "судьбоносное совещание", но в душе сомневался, что встреча пройдет надлежащим образом, и даже допускал, что она вообще не состоится. Он наблюдал вспышку энтузиазма у всех, с кем он имел личную беседу. Однако интуиция подсказывала ему, что это кратковременный энтузиазм и на самом деле люди не до конца понимают серьезность ситуации и не думают, что промедление смерти подобно. А значит, создание широкого фронта против Университета окажется делом исключительно сложным, а может быть, и безнадежным...

Вполне вероятно было и то, что хорошие люди попросту боялись.

Да, чем больше вдумывался Ян в реакцию знакомых преподавателей, тем больше он был склонен полагать, что причина их сдержанности и уклончивости не равнодушие, а именно страх. Поэтому их первоначальный энтузиазм в течение нескольких минут сменялся цепочкой невнятных фраз, где преобладали "наверное", "если будет время", "а стоит ли торопиться с выводами?"

На совещании в узком кругу, которое происходило в его кабинете, Ян делал хорошую мину при плохой игре и не высказывал никаких сомнений в том, что их план сработает.

– Кто-нибудь из наших беседовал с кем-либо из администрации? – спросил Бакли.

– Нет, – ответил Ян. – А кто может оказаться надежным человеком? Назовите кандидатуру.

– Ну, к примеру, декан Йенсен, – предложил Джим. – Я могу зайти к нему.

Бакли замахал руками:

– Да что ты! Он болван, трус и подхалим. Словом, ничтожество. И со студентом даже говорить не пожелает на такую щекотливую тему!

– Я звонил президенту, миссис Лэнгфорд, – сказал Ян. – Дважды. Странное дело – не могу ее застать. А утром я забежал к ней в приемную – так секретарша говорит, что у шефа совещание.

– И ты купился?

– Нет. Я точно знаю, что никакого совещания не было.

– Выходит, она прячется от тебя, – произнес Бакли. – Дурной знак.

На несколько мгновений все погрузились в мрачное молчание.

Потом Бакли повернулся к Фейт:

– Вы прилежная студентка и работаете в библиотеке. Вы не будете возражать, если мы попросим вас заняться серьезными изысканиями на нужную нам тему?

– Я уволилась из библиотеки, – спокойно сообщила Фейт.

– Очень досадно, – нахмурился Бакли. – Я убежденный сторонник кропотливой исследовательской работы. По-моему, нет такой проблемы, которую нельзя было бы решить при должном изучении имеющихся печатных материалов. Ну ладно, попробуем привлечь какого-нибудь старшекурсника с опытом научной работы. Полагаю, где-нибудь в библиотеке имеется тайная комната со сверхсекретными материалами. Скажем, никому не известное помещение в подвале, куда ведет потайной ход. Вполне возможно, что там хранятся шокирующие доклады о том, что происходит в университете – вся та скрытая статистика и секретные доклады полиции, о которых мы можем только догадываться. Скорее всего мы видим лишь вершину айсберга, хотя и она нас ужасает...

– Послушай, Бакли, мы тут не шутки шутить собрались, – сказал Ян. – А всякие там потайные комнаты...

– Поверьте мне, – внезапно подал голос Гиффорд Стивенс, – ничего "печатного" вы не найдете. Даже если вам удастся обнаружить тайную комнату, она окажется пустой. Если наш враг по-настоящему могуч – а нам в этом сомневаться не приходится, – то он, вне всякого сомнения, уже позаботился о том, чтобы замести все следы и избавиться от компрометирующих документов. Насколько я понимаю, вы прежде всего надеетесь обнаружить материалы, где будут указаны слабые места Университета. Нелепо и думать, что они до сих пор не уничтожены.

– Согласен, – кивнул Бакли. – Но и на старуху бывает проруха. Университет, при всем его уме и могуществе, наверняка время от времени допускает ошибки и недосмотры. Могли остаться какие-либо разрозненные материалы; при сложении они укажут на уязвимые места нашего противника... Вспомните скандальный пример тех студентов, которые обращались к нескольким десяткам легальных источников, а в итоге сложили мозаику воедино и воссоздали точную технологию производства атомной бомбы!

– Нет, – достаточно грубо возразил Стивенс, – Университет не позволит вам найти его ахиллесову пяту. Вы забываете, что это мозг компьютерного типа. Он не допускает ошибок по забывчивости. Если где-то и были намеки, которые можно собрать воедино, то компьютерные файлы с этими подсказками давно стерты, а книги с опасными клочками информации уже пропали из библиотеки. – Стивенс набычился, насмешливо фыркнул и закончил:

– Вы мыслите, как двухлетний ребенок. У нас тут не детский сад, учитесь думать по-взрослому!

Ян поспешил сменить тему разговора, прежде чем побагровевший Бакли успел найти слова для достойного ответа.

– Сегодня вечером мы встречаемся для того, чтобы...

И он стал в подробностях говорить о том, чего он ждет от предстоящего собрания. Ян старательно уводил дискуссию от всего, что могло вызвать сшибку мнений и ссору. Не хватало им только передрапаться за несколько часов до важнейшего коллективного обсуждения!

Когда все разошлись, Стивенс задержался в кабинете Яна.

– Пообещайте мне одну вещь.

– Что именно?

– Если со мной что-нибудь случится и оно меня уничтожит, то вы возьмете из моей

квартиры взрывчатку и оставите от этого проклятого места лишь выжженную землю.

Стивенс сказал это с почти умоляющей интонацией, но при этом смотрел на Яна исподлобья, и в его взгляде было столько яростной требовательности, что возражать не хватало сил. Поэтому Ян дипломатично ответил вопросом на вопрос:

– Но отчего вы полагаете, будто с вами непременно что-нибудь случится?

– Я слышал Его. Я слышал Его голос. – Тут Стивенс вдруг перешел на шепот. – Он знает меня. Он помнит меня. А сегодня я уже имел случай сказать, что мозг компьютерного типа ничего не забывает.

– Он вас... помнит? Вы имеете в виду?.. Стивенс печально кивнул.

– Да, мне тоже непонятно, откуда он мог узнать.

– Я думал, что все эти взбесившиеся университеты – разные, независимые друг от друга организмы, которые не способны обмениваться информацией...

– Я тоже так думал.

– Значит, Университет имеет против вас зуб? Он только и ждет...

– Не знаю. Я могу лишь констатировать факт: я был в подвале корпуса социальных наук – проверял верность имеющихся у меня чертежей – и вдруг услышал, как кто-то шепотом позвал меня: "Гиффорд!" Это был голос моей жены. Я не сумасшедший и голосов не слышу. Значит...

– Матерь Божья!

– Там, в подвале, я был совершенно один. Работник эксплуатационной службы, который пустил меня туда, сидел в своей подсобке наверху. Голос доносился из трубы воздухозаборника. Точнее, не из самой трубы, а из небольшого отверстия на стыке двух секций трубы. При каждом слове оттуда вырывался дымок – уж не знаю, что это было, фреон или углекислый газ, но только это напоминало рот, из которого на морозе вылетают облачка пара... Так вот, голос шел из этого отверстия. И это был голос Пэт, моей покойной жены. Она сказала: "Уноси отсюда ноги, Гиф. И больше никогда не возвращайся".

Только я точно знаю, что это не Пэт, потому что она никогда в жизни не называла меня "Гиф". Я приложил руку к отверстию и ощутил пульсирующий холод. Это было как дыхание. Наконец я отнял руку – и в то же мгновение отверстие стало вдвое больше и грубой мужской, какой-то машинный голос произнес отчетливо:

"Я убью тебя, Гиффорд. На этот раз я тебя убью".

– "На этот раз"? Стивенс кивнул.

– Я хотел схватить кувалду и превратить в лепешку ни в чем не повинную трубу. Но это было бы смешно – Университет попросту использовал ее в своих целях. И я развернулся и ушел. Он продолжал говорить, продолжал сыпать угрозами... Я не обращал внимания. Поднялся по лестнице, нашел работника эксплуатационной службы, поблагодарил его за любезность и был таков. – Стивенс сделал паузу, потом мрачно закончил:

– Но эта сволочь все обо мне знает. Знает мое имя. И кто я. И где я раньше жил. И что делал потом. Могу только гадать, что именно Университет использует в качестве глаз, но он видит. И глаза у него повсюду. Поэтому я не считаю удачной мысль собрать сегодня наших друзей здесь, на территории университета.

– А в другом месте, вне университета, нужных людей собрать практически невозможно, – сказал Ян. – Боюсь, и сегодня-то мало кто придет. Пообещавших окажется больше, чем людей в зале...

– И все равно здесь не стоит встречаться. Мы здесь находимся...

– ..во чреве зверя?

– Правильно. И пока мы на территории кампуса, мы должны следить за каждым своим словом, за каждым своим действием.

– Но не значит ли это, что мы обречены? Если Университет в курсе всех наших действий, если он слышит все наши речи, следит за каждым шагом, то как мы будем сражаться против него?

Стивенс угрюмо покачал головой.

– Не знаю, – сказал он. – Как ни печально, я не знаю...

Было бы странно делать вид, что сегодня самый обычный день и ничего особенного не происходит. Джиму хотелось плюнуть на семинары и на газету и заняться исключительно борьбой с монстрами – распрощаться с нормальной повседневной жизнью до тех пор, пока Университет не будет побежден.

На самом же деле, несмотря на бурные события, в основе своей жизнь шла заведенным порядком. В этом было немало трагической иронии: конечно, можно бросить на время учебу и полностью отдаться делу изгнания демонов из университета, но в случае успеха, если он спасет мир и вернет его к нормальному состоянию, то и самому Джиму не миновать возвращения к нормальному состоянию, то есть к каждодневной рутине контрольных работ, семинаров и лекций, да к тому же придется наверстывать упущенное.

И нельзя было забывать о том, что это его последний год в университете. Сейчас следовало подчистить все "хвосты", набрать нужное количество курсов и баллов для диплома. Он обязан учиться с предельным напряжением. Одновременно нельзя запускать работу в "Сентинел" – во-первых, стыдно ударить лицом в грязь перед сотрудниками, которые верят в него, а во-вторых, необходимо вписать побольше успехов в свою характеристику, ибо от нее будет зависеть высота ступеньки, с которой он начнет будущую карьеру. Если он будет трудиться на посту главного редактора "Сентинел" спустя рукава, то недолго и вылететь с этого места. О таком повороте событий и думать не хочется!

Короче говоря, ни занятия, ни газету бросать нельзя, и бороться со Злом приходилось исключительно в свободное от учебы и работы время. Вот это-то и смущало Джима.

А между тем занятия прогуливало невообразимое количество студентов. Те немногие, кто все-таки посещал лекции и семинары, проявляли удручающе низкий интерес к учебе – просто отсиживали положенные часы.

В аудиториях стало намного больше свободных мест, студенты слушали профессоров равнодушно, отвечали вяло, любые дискуссии стали пресными – и все же форма университетской жизни сохранилась, даром что ее содержание решительным образом изменилось. Писали и сдавали зачетные работы, получали какие-то баллы, лекции и семинары проходили вовремя. В этой чинной рутине, из которой давно ушел смысл, был некий сюрреализм, что-то или противоестественное, или сверхъестественное. У Джима ум за разум заходил, когда он задумывался над происходящим. Но ведь и он был актером в этой сюрреалистической пьесе – он исправно прикидывался самым обыкновенным студентом, который учится в самом обыкновенном университете и каждый день совершает будничные действия, характерные для всякого нормального студента!

"После семинара по американской литературе Фейт уехала, чтобы продолжить поиски работы вне университета. Джим не преминул убедиться в том, что девушка покинула территорию университета без приключений. Он проводил глазами ее "фольксваген", пока тот не скрылся за пеленой смога в конце улицы – будучи уже на "безопасной земле". Затем Джим направился в редакцию.

В редакционной комнате не было ни души. Это несколько насторожило его. Разумеется, время приближается к ленчу, а на столах разложена корректура с сегодняшней правкой – стало быть, редакторы с утра уже поработали... Но есть что-то ненормальное в полном отсутствии сотрудников. По крайней мере в прошлом семестре народ в редакции толпился постоянно – с семи утра и до восьми, а то и девяти часов вечера. И это не говоря о техперсонале – в производственном отделе всегда кто-либо дежурил. А сейчас и в производственном отделе ни души!

Джим в растерянности пересек большую комнату производственного отдела, смежную с редакционной, и зашел в фотолaborаторию.

И там никого.

Джим включил свет, обвел помещение рассеянным взглядом. На веревке сушились фотографии, которые он видел впервые. И на стенах были фотографии, которые он видел впервые.

И век бы еще не видел!

Снимки демонстрировали крупные планы пыток и сцен сексуального садизма.

Исполосованные спины, отрезанные пальцы, гениталии и женские груди и еще много-много всяких страшных мерзостей.

Джим медленно обошел комнату, приглядываясь к фотографиям. Он не сразу сообразил, что именно так поразило его и отчего похолодело сердце. Все это были не случайные, где-то подсмотренные кадры; это были постановочные снимки. Ричард делал фотографии специально разыгранных сцен! Хороши же постановки, в которых отрезаются гениталии, пальцы и груди!

Ричард.

Но с какой стати он решил, что эти мерзкие работы выполнены Ричардом?

Да потому что во всем чувствуется его стиль – рука профессионала, глаз профессионала, композиционный талант, умение правильно акцентировать детали...

На нескольких фотографиях Джим узнал бывшую подружку Ричарда Люсинду.

Джим остановился, чтобы получше рассмотреть эти снимки. Они составляли серию – с постепенным развитием сюжета. Вот Люсинда, связанная по рукам и ногам, в мужском туалете. Нога в сапоге прижимает к полу ее голову. В руке мужчины опасная бритва. Он держит лезвие у самого подбородка Люсинды. Девушка визжит. Ее обычно красивое лицо изуродовано гримасой смертельного ужаса. На следующих снимках мужчина полосует ей бритвой грудь, бьет носком сапога по зубам, потом перерезает ей горло. Заключительные снимки: неузнаваемая мертвая Люсинда, вся в крови; черный провал беззубого рта, изорванные губы; скрупулезная фиксация всех ран на теле – крупные планы, почти как фотографии судебной медэкспертизы, только сделанные любовно и талантливо, с эстетским смакованием...

Между тем серия об убийстве Люсинды была наименее страшной из всего, что предстало глазам Джима.

– Отпадные снимки, да?

Джим проворно обернулся. В дверном проеме стоял Ричард. Фоторепортер самодовольно улыбался. В одной руке у него была дорогая камера, а в другой – альпеншток.

– Ты разглядел эту цыпочку? – продолжал Ричард, показывая киркой на фотографию голый блондинки, во влагалище которой был загнан острый конец альпенштока. Рана была чудовищной. – Поверь мне, сучка кончила от удовольствия!

– Нет, не верю, – спокойным тоном сказал Джим, не сводя глаз с альпенштока в руке Ричарда.

– И напрасно. Я говорю чистую правду.

– Зачем ты это сделал?

– Ты имеешь в виду снимки? Ведь это моя работа – фотографировать!

– Я спрашиваю, зачем ты это сделал?

– Зачем я убил этих сучек? – со смехом переспросил Ричард. – А как еще я мог сделать такие бесподобные снимки? Подобные вещи не каждый день увидишь и просто так не щелкнешь! Приходится самому заботиться... Кстати, в этом случае я могу правильно поставить свет, выстроить задний план. Художественное фото – гораздо более сложное искусство, нежели фоторепортаж!

Джим хранил молчание, не сводя глаз с альпенштока в руке Ричарда и внутренне готовясь к нападению. Возможно, ему удастся перехватить руку со смертельным оружием или сбить безумца с ног и выскочить из комнаты...

Ричард с улыбкой посмотрел на Джима, поднял альпеншток... и повесил его на настенный крючок, рядом с полочкой, где стояли проявители.

– Ты еще не видел моих самых последних снимков, – сказал он. – Это что-то!

Ричард вынул кассету из фотоаппарата и гордо потряс ею в воздухе.

Джим растерянно моргал. У Ричарда нет и следа угрызений совести. Он попросту не понимает, что его действия – чистой воды уголовщина. У него окончательно поехала крыша! Он всерьез уверен, что мучить и убивать женщин и снимать на пленку их гибель – вполне нормальное поведение. Мол, чего не сделаешь ради искусства! Ричард настолько безумен, что даже не заметил ужаса на лице Джима, не разглядел осуждения в его глазах. Он живет в своем герметичном мире, где убийство в порядке вещей, и совершенно искренне верит в то, что главный редактор зашел в фотолабораторию полюбоваться его "шедеврами"...

– Сейчас я быстренько проявлю эту кассету, – сказал Ричард. – Но ты оставайся. Не

пожалеешь. Снимки – первый класс!

Джим отрицательно мотнул головой и стал медленно продвигаться в сторону двери, все еще поглядывая на зловещий альпеншток на стене. Быть может, Ричард только дурачит его, играет в кошки-мышки, хочет убаюкать его дружескими речами, а сам задумал убийство...

Ричард пожал плечами и улыбнулся:

– Напрасно. Это настолько любопытно, что я бы на твоём месте остался. А впрочем, дело твоё. Я принесу тебе снимки, как только они будут готовы.

Джим вышел из фотолаборатории. Ему все еще не верилось, что он отделался только испугом.

Ричард закрыл дверь, погасил свет и включил красный фонарь.

3

– Ты возьмешь на себя левую сторону, – сказал Фил, – а я – правую. Гленна кивнула:

– Хорошо.

Она направилась по проходу между рядами стульев к группе вьетнамцев, которые вполголоса обсуждали содержание раскрытого перед ними учебника.

– Библиотека закрывается через десять минут, – объявила девушка.

Затем она продолжила обход левой стороны этажа. Дальше располагались индивидуальные столы, с трех сторон отгороженные невысокой перегородкой. Она заглядывала в каждую "кабинку" и повторяла:

– Библиотека закрывается через десять минут.

В "кабинках" сидели в основном парни и в основном почему-то блондины.

Гленна шагала вперед, слыша за собой хлопки закрывающихся книг.

Издали доносился голос Фила, который предупреждал читателей о закрытии на правой стороне этажа. Пока был слышен этот голос, Гленна чувствовала себя в безопасности. С некоторых пор она не переносила одиночества в стенах библиотеки – девушка впадала в полуистеричное состояние, и ее начинало трясти от страха. А ведь когда-то время закрытия библиотеки было самым приятным для нее – идешь себе по этажу и властно покрикиваешь на читателей; куда лучше, чем сортировать и расставлять книги! И вот теперь это время стало самым ненавистным, потому что приходилось перемещаться по библиотеке преимущественно в одиночку. Гленне больше не нравилась гулкая тишина последних этажей и бесконечные коридоры между книжными стеллажами, где могло случиться что угодно. Что угодно!

"Засуньте ей ракетку в задницу!"

Нет, не стрельба в библиотеке сделала ее пугливой. Она стала такой после изнасилования в спортивном зале. А стрельба только закрепила в душе девушки постоянную тревогу, которая то и дело превращалась в панический страх.

Да, то дикое происшествие во время игры в бадминтон, горестный опыт общения с Кэлхоуном, наблюдения за университетской жизнью последних недель – словом, у нее было достаточно причин вздрагивать от каждого шороха и пугаться каждого мужчины...

"Суньте ракетку в ее переднюю дырку!"

А что, если она встретит в библиотеке кого-нибудь из тех, кто насиловал ее тогда? А что, если в конце одного из проходов между стеллажами ее ждет тренер по бадминтону с ракеткой в руках?! А что, если все насильники и Кэлхоун поджидают на шестом этаже – выставили караулы, чтобы перекрыть ей все пути к отступлению, и она сейчас идет прямо в приготовленную ловушку!.. Эти мысли посещали Гленну часто. Вот и сейчас что-то подобное вертелось в голове.

Ей очень не хватало Фейт. Им вместе хорошо работалось, и Гленна считала ее своей подругой, выделяла из массы других сотрудников библиотеки, хотя была в приятельских отношениях со многими. Теперь Фейт больше не было. И это лишь увеличивало нервное напряжение Гленны. Фейт бежала из библиотеки из страха. Тем более неприятно оставаться здесь, зная, что самые умные уже покинули это проклятое место.

Возможно, Гленне тоже стоило бы уволиться и поискать другую работу. Ничего хорошего нет в том, чтобы постоянно испытывать опасность заболеть манией преследования и попасть в

психушку.

Кроме того, что-то в библиотеке действительно изменилось. Тленна не могла точно сказать, что именно, но она знала: какое-то роковое изменение произошло. И это знание холодило ей сердце, было предметом нескончаемых волнений...

Дойдя до конца ряда читательских столов, девушка повторила:

– Библиотека закрывается через десять минут.

Поблизости не было ни единого студента, но она все-таки нарочно очень громко и четко произнесла эту фразу – звук собственного голоса успокаивал и вселял в нее уверенность. Тишина была частью страшного.

Стараясь посильнее топтать ногами и бессознательно шмыгая носом – то есть продолжая бороться с гробовой тишиной, Гленна направилась в учебные кабинеты.

Сюда уже не доносился голос начальника – возможно, шустрый Фил закончил обход и вернулся к лифтам.

В коридоре ковер был особенно толстый, он полностью скрадывал звук шагов. Здесь тишина победила, и Гленна, нервно поеживаясь, ускорила шаг.

Слева на стене она увидела граффити – какой-то хулиган черным фломастером написал крупными буквами: "А сейчас мы развлечемся всласть, ребята!"

"А сейчас мы развлечемся всласть, ребята!"

Дрожь прошла по всему ее телу. Вроде бы невинные слова. По крайней мере их можно воспринять как невинные – в другом месте и при ином настроении... Но в последнее время Тленна видела и слышала достаточно плохого – и ожидала еще худшего. То, что надпись была сделана здесь, на шестом этаже, превращало эту фразу в что-то злое, в грозную декларацию о намерениях, и исключало простодушную интерпретацию...

Гленна заспешила дальше по коридору.

Постучав в дверь первого учебного кабинета, она вошла в него. Внутри было темно. Девушка проворно нащупала выключатель. Комната была пуста. Гленна облегченно вздохнула, выключила свет и заперла дверь.

Затем постучала во второй учебный кабинет.

Распахнув дверь, она застыла на пороге и чуть было не взвизгнула от неожиданности.

Середину комнаты занимал длинный стол, за которым проводились групповые занятия или студенческие конференции. Стоящие вокруг стола стулья были свободны. Зато у дальней стены сгрудилось десятка два карликов. Они испуганно смотрели на нее и выглядели как загнанные зверьки.

Растерянная Гленна сделала шаг внутрь комнаты – и карлики в страхе попятились. На их лицах было написано горестное отчаяние, маленькие глазки были полны паники.

"Что за ерунда такая?" – подумала Гленна. Она дружелюбно улыбнулась и сказала:

– Библиотека закрывается. Худенький карлик с пышными усами, стоявший впереди всех, спросил дрожащим голосом:

– Они уже ушли?

Гленна непонимающе сдвинула брови.

– Кто "они"? – ответила девушка вопросом на вопрос.

Напряжение в толпе карликов спало, маленькие человечки сделали несколько шагов в сторону Тленны, у которой тоже отлегло от сердца. Тут было что-то непонятное – зато не страшное.

– Швырялы, – пояснил усатый карлик. Гленна продолжала непонимающе моргать глазами. Карлик с усами подошел к ней и, трагически заламывая руки, стал рассказывать:

– Это преимущественно дюжие студенты старших курсов: взяли моду ловить нас, лилипутов, и швырять изо всей силы – кто дальше забросит. Они называют этот новый вид спорта "лилиболом". А мы у них вроде как мячи. Ладно бы они только на газонах играли в свои мерзкие игры. Но ведь норовят на асфальте, а то и с лестницы швырнуть. А в последнюю неделю они начали сбрасывать лилипутов с крыши студенческого центра. Вчера эти негодяи убили моего друга Адама. Сбросили с крыши.

– У-убили? То есть насмерть убили? – растерянно спросила ошеломленная Гленна.

Карлики в унисон закивали головами.

– Я не читала об этом в газетах. И ни от кого не слышала...

– Никто не знает, – сказал усатый карлик. – И всем наплевать.

– Но полиция...

– Полиции тоже наплевать. "Суньте ракетку в ее переднюю дырку!" О-о, она на своем опыте убедилась, на что способны эти негодяи и как гнусно попустительствует им университетская служба безопасности!

– Нельзя ли нам переночевать здесь? – спросила хорошенькая лилипутка, совсем молоденькая. Она держалась с достоинством, и на ее лице не было страха, однако голос предательски дрожал. – Час поздний, чтобы идти домой. Уже темно...

– Можно найти кого-то, кто проводит вас...

– Швырялы ждут на улице. Они расшвыряют всех, кто решится помочь нам.

Будто разговор больных в сумасшедшем доме...

Но Гленна навидалась такого в последнее время, что нисколько не удивилась рассказу карликов и не сочла их параноиками, которые Бог знает что несут.

Атмосфера в университете такая, что можно ожидать чего угодно...

Гленна невольно подумала об инвалидах, которых так много в университетских общежитиях. Здесь, в Бреа, для них были созданы самые лучшие условия – ни в каком другом южно-калифорнийском университете не сделано столько для облегчения жизни инвалидов – особые двери, пандусы, различные приспособления в туалетах, столовых и прочих помещениях. Поэтому нигде и не училось столько инвалидов, сколько в Бреаском университете...

Если карликов "швыряют", то что же происходит с инвалидами, которые и в малой степени не способны постоять за себя?

Страшно было даже думать об этом!

– Мы не хотим создавать вам проблемы, – сказал усатый карлик. – Мы будем сидеть тихо и из этой комнаты ни ногой. Позвольте нам переночевать здесь. Пожалуйста.

Гленна понимала, что нарушает инструкцию. Да и кто она такая, чтобы разрешать? На то есть библиотечное начальство... Однако лилипуты смотрели на нее с такой мольбой, с такой надеждой, что девушка не могла отказать. Она медленно кивнула.

– Огромное спасибо, – радостно произнес усатый карлик. И остальные стали нестройным хором благодарить ее.

Гленна оглянулась на открытую дверь. Она сильно задерживается. Очевидно, Фил уже сердится, что она так долго копается. И в конце концов пойдет разыскивать ее. Неизвестно, как он отреагирует на просьбу бедненьких лилипутов... А помочь им просто необходимо!

– Вот что, – сказала Гленна, – я выключу свет и прикрою дверь, а вы запритесь изнутри и сидите тихо-тихо. Возможно, минут через пять я вместе с начальником буду делать завершающий обход. Если он услышит хоть звук – не миновать беды.

– Как вас зовут? – спросил усатый карлик. Она улыбнулась и назвалась.

– Гленна, большое-пребольшое вам спасибо! Мы запомним добро.

Гленна выключила свет и напонила:

– Пока что сидите тихо-тихо!

Фил уже поджидал ее у лифтов. Они еще раз быстро обошли этаж, везде выключили свет и занялись другими этажами.

По пути Гленна снова и снова думала о "швырялах". Рехнуться можно! Какие мерзкие дела творятся в этом университете! Как все докатилось до такого безобразия? Почему всем наплевать?

С тех пор как Фейт уволилась, Гленна не имела случая с ней поговорить. Но было ясно, что подруга панически боится чего-то в библиотеке. Гленна сперва думала, что предмет страха Фейт связан с тем парнем, который открыл пальбу из пистолета. Но теперь ей казалось, что подруга чего-то недоговаривает. Похоже, Фейт знает нечто такое, что заставило ее спешно оставить удобную и легкую работу. Надо обязательно поговорить с Фейт и все у нее выпытать...

Можно позвонить прямо сегодня вечером.

Обход был закончен. Они спустились на первый этаж. Большинство работников библиотеки уже ушли. Фил сказал, что и Гленна может идти домой. Она предложила остаться и помочь ему запереть оставшиеся двери. Он ответил, что справится сам.

Гленна взяла сумочку, надела свитер и вышла из библиотеки.

Не успела она пройти и нескольких шагов, как на нее навалился кто-то сзади. Откуда взялся этот человек? Почему она не слышала его шагов? Одна рука нападающего оказалась у подбородка девушки, другая облапила поперек живота.

Гленна вскрикнула. Время было еще не позднее, место освещенное, вдали виднелись группки студентов – поэтому она не была готова к неприятным неожиданностям. Воспользовавшись ее замедленной реакцией, нападающий сунул руку ей между ногами.

Все ясно. Гленна заработала локтями, пытаясь высвободиться. Она хотела вывернуться и ударить эту сволочь коленом в пах. Но мужчина оказался на редкость силен. Он держал ее крепко и успел зажать ей рот ладонью, прежде чем она начала всерьез звать на помощь.

Гленна ожидала, что насильник потащит ее в темноту, за кусты. Однако он стал толкать девушку вперед, на широкую хорошо освещенную асфальтовую площадку со скамейками по бокам.

И там повалил на землю.

Она больно ударилась грудью, локтями и коленями, но ухитрилась перевернуться и оказалась на спине. Теперь она впервые увидела насильника. Высокий мускулистый парень. Лицо вроде бы знакомое... Господи, да не был ли он тогда в гимнастическом зале?..

Наступив ей коленом на живот, насильник одной рукой продолжал зажимать ей рот, а другой проворно стаскивал с девушки колготки и трусики.

Гленна расплакалась. Она знала, что надо не рыдать, а биться до последнего, но не могла сдержаться. Все это было так мерзко, так унижительно... Нижней оголенной частью тела она ощутила холод, ягодыцы царапал шершавый ледяной асфальт...

Поскольку она извивалась и колотила его, насильнику наконец понадобились обе руки, и он освободил ее рот.

Она тут же закричала что было сил:

– Помогите! Бога ради, кто-нибудь, помогите!

Пожалуйста!

Теперь со всех сторон к ней бежали студенты: те, кто возвращался после вечерних классов, те, кто шел к своей машине или обратно в общежитие. Гленна видела, как со всех сторон по направлению к ней спешат люди, и в первый момент испытала огромное облегчение. Но уже через пару мгновений она испугалась пуще прежнего. В нескольких метрах от нее студенты – а среди них почему-то не оказалось ни одной женщины – остановились и стали наблюдать за тем, как насильник расстегивает ширинку.

Вокруг стояла толпа мужчин. Все они были на одно лицо. Стояли и таращились на нее.

Гленна поняла – спасения не будет.

Студенты выстраивались в очередь!

Она видела, как первый в очереди расстегивает ремень штанов...

– Не-е-ет! – закричала она. Но тот, что уже лежал на ней, ухмыльнулся и молча вогнал свой член ей между ног.

Глава 29

Эленор позвонила Яну из его дома, из кухни, оторвав профессора от подготовки к семинару. Она готовила какие-то особенные мексиканские блюда и ждала его к ужину. И хотя Яну в этот вечер было не до мексиканской кухни, он не нашел в себе сил отказаться и спровоцировать ссору. Он даже хотел соврать, что его просили заменить заболевшего педагога и провести вечером какую-то лекцию, но именно эту причину всегда выдвигала Эленор, когда хотела ночевать у себя дома, поэтому он не стал прибегать к обману. Был соблазн сказать правду – что он вместе со Стивенсом встречается с преподавателями, которые озабочены происходящим в университете. Но в этом случае Эленор пожелала бы участвовать в собрании и примчалась бы в Бреа.

В итоге Ян пошел на компромисс: сказал, что в семь у него заседание кафедры, и предложил превратить ужин в поздний обед. Он придет в четыре, отведаст ее мексиканскую

стряпню, а затем вернется на работу.

При общении с Эленор было трудно избегать бесед о злом духе, заправляющем в Бреа. Эленор "нарыла" новую информацию об университете – вышла на какие-то темные финансовые махинации, в которых были замешаны наряду с администрацией и некоторые профессора. Похоже, все это не столько пугало Эленор, сколько возбуждало ее любопытство. А Ян хотел, чтобы она боялась Бреаского университета как огня, а не испытывала к нему досужий исследовательский интерес. В данном случае неосторожное любопытство до добра не доведет...

Примерно на середине обеда в дверь позвонили. Ян встал из-за стола и пошел открывать неизвестному гостю.

Пока он шел через холл, звонок вызванивал какую-то мелодию. Дожевывающий Ян узнал любимую песенку Бакли. Так вот, значит, кто пожаловал! Надо полагать, Бакли сильно под мухой – такие штуки со звонком он проделывает лишь будучи очень пьяным.

Набравшийся Бакли – только его тут не хватало! Так и есть. Бакли опирался одной рукой о стену, чтобы не упасть. От него разило виски. Не здороваясь и не спрашивая разрешения, он ввалился в прихожую и сразу же завопил:

– Я разгадал, что к чему! Я все понял! Я их вычислил!.. Республиканцы – они, голубчики, стоят за всем этим!

Ян метнул быстрый взгляд в сторону столовой, где Эленор вставала, чтобы приветствовать гостя.

– Ты нажрался! – возмущенно прошипел Ян. – Какого черта! Именно сегодня, перед важным делом!

– Очень хорошо, что все собираются. Я им скажу всю правду. Пусть знают; что это фашистский заговор! Правые не пройдут!

Подошла Эленор.

– Кому вы расскажете правду? – вкрадчиво спросила она. – Куда это вы сегодня вечером намыливаетесь, ребята?

Бакли стрельнул глазом в сторону Яна и до него дошло, несмотря на хмель, что надо придержать язык.

– Ник-куда, – сказал он, бесшабашно взмахнув рукой. – Это я просто выпускаю пар и говорю хрен знает что.

Эленор нахмурилась и повернулась к Яну.

– Слушайте, не держите меня за идиотку!

– Господь с тобой, мы к тебе с полным нашим уважением... – залепетал Бакли.

– Я не ребенок!

– Эленор... – смущенно начал Ян.

– Если ты намерен поддерживать со мной какие бы то ни было отношения, то изволь проявлять ко мне должное уважение, не юлить и не считать дурочкой, которой что-то можно сказать, а что-то нет!

Ян бросил на Бакли испепеляющий взгляд.

– Это не его вина, он только проболтался, – сказала Эленор. – По-настоящему виноват ты!

– Сегодня вечером в университете состоится встреча. Мы со Стивенсом пригласили всех обеспокоенных профессоров. Хотим собрать побольше мнений. Возможно, у кого-то появятся действительно интересные мысли.

– Я тоже там буду.

– И не думай!

– Не нуждаюсь в твоей постоянной защите!

– Ты к этому не имеешь ни малейшего отношения. Дело касается лишь тех, кто работает в Бреаском университете. А ты...

– Я имею право быть там, потому что судьба вашего университета мне небезразлична. Что касается интеллекта, то я не глупее многих из ваших преподавателей. Может статься, и я внесу свою лепту в дискуссию.

Ян понимал, что его слова обострят ситуацию до предела, что он идет на риск возбудить в ней лютую ненависть к себе. Но лучше рискнуть добрыми отношениями с Эленор, чем подвергнуть ее жизнь неоправданному риску.

– Я не пригласил тебя на нашу встречу, – жестким тоном сказал Ян, – потому что это не твое дело. Она смотрела на него бешеными глазами.

– Да, ты не приглашена, – храбро продолжал он. – Мы не желаем, чтобы ты присутствовала. Ты нам не нужна. И ты туда не поедешь. Точка.

– Ты мне никто! Ты не можешь и не смеешь командовать мною!

– Могу и смею. Я снял зал для встречи. И я решаю, кого приглашать.

Ноздри Эленор угрожающе раздувались.

– Дружище, – процедила она, кривя губы, – ты сам постелил себе постельку, не плачь потом, что жестко спать!

Она величаво направилась в столовую.

Ян с тоской наблюдал за тем, как она собрала со стола грязную посуду и понесла ее на кухню. Оттуда раздался звон – что-то разбилось, когда Эленор в сердцах переставляла тарелки и бокалы с подноса в раковину.

Бакли стоял бледный, подавленный.

– Извини, друг, я не нарочно. Просто я напуган до смерти и для храбрости раздавил бутылочку. Ну мозги и поехали..

– Ладно, замнем, – устало ответил Ян. – Я по-быстрому собираюсь – и уматываем.

Бакли с сопением сунул руку в карман и вынул ключи от машины.

– Э-э, нет, – сказал Ян, – машину поведу я.

Пришли два человека.

Было яснее ясного, что их затея с треском провалилась. Но они все сидели и ждали – а ну как придет еще кто-нибудь... Целый час ждали – без результата. Ян подозревал, что будет "облом", но такого огорчительного финала даже он не предполагал.

"Огорчительного"?

Нет, такого удручающего, ошеломляющего, убийственного...

Со своего стула на сцене Ян с тоской обводил взглядом пустой кинозал.

Он мог бы предсказать все это заранее – признаков грядущей неудачи было более чем достаточно. Все, кто соглашался прийти, делали это обязательно с оговорками. Франсина, к примеру, сказала, что у нее вечером лекция и она придет, если выкроит время. Иоахим должен был сидеть дома с детьми, потому что его жена вечером работает, но обещал появиться, если... Примерно так же обстояло со всеми энтузиастами, которые поддержали их озабоченность странными происшествиями в университете.

В итоге в зале были только Бакли, Джим, Фейт, приятель Джима Фарук и Недра Осами, служащая из приемной комиссии. Вот и все. Из значительных персон никто не явился. И хоть бы один заранее позвонил, чтобы извиниться! На худой конец, если стыдно звонить, можно было записку оставить...

Именно повальная невежливость этих сплошь хорошо воспитанных людей и наводила Яна на дурные мысли. Тут что-то нечисто! Лишь часть приглашенных имела смутное представление о теме собрания. Но пятнадцать профессоров и двадцать пять студентов были введены в курс дела почти полностью и имели четкое представление о грозных масштабах происходящего. Это были люди, которым группа Яна доверяла в максимально возможной степени при данных обстоятельствах и считала "своими".

Однако и "свои", знающие о необычайной важности собрания, не явились!

Наконец не было и Стивенса! А он как-никак почетный гость, вокруг него они призваны сплотиться, он как бы духовный отец их движения. И что же? Он позволяет себе игнорировать собрание!

Этот факт казался Яну самым зловещим. Не мог Стивенс, невзирая на всю его хамоватость, проявить такое гнусное пренебрежение. Значит, остается только молиться, чтобы с ним ничего не случилось!

Да, молиться.

Похоже, именно молитва в данных условиях – их единственное оружие. До настоящего момента они сделали так ничтожно мало, что молитва может стать хоть сколько-то весомым делом...

Яну вдруг подумалось: "Зря я не позволил Эленор прийти на собрание!" "Позволил"?

Не зря она так злится на него! Даже в мыслях он тиранит ее – позволяет, не позволяет...

Ян покосился на Фарука, приятеля Джима. Совсем юный, моложе Джима. Зеленый юнец, но, судя по всему, толковый добросердечный парень. Если дойдет до дела, его можно использовать.

Что касается Недры Осами, то она получила приглашение из вторых или третьих рук. Никто из "своих" ее не знал – стало быть, ее пригласили друзья или друзья друзей. Еще один повод для грустных размышлений: информация получила широкое распространение, охватила большой круг людей – и все-таки собрание провалилось!

Недра имела личный опыт столкновения со сверхъестественным. На прошлой неделе какой-то негодяй проколол шины ее автомобиля, оставленного на университетской стоянке. Вызвав по телефону авторемонтников, Недра поджидала их в рощице неподалеку от своей машины. И туги на нее напали белки. Одна спрыгнула с дерева прямо Недре на голову. Еще две выскочили из-за кустов и принялись кусать и царапать лодыжки девушки. Ошеломленная Недра проворно сбросила зверька, царапавшего ее макушку, потеряв при этом изрядный клочок волос, затем кое-как отфутболила кровожадных тварей, атаковавших ее лодыжки. Но тут она пришла в еще больший ужас: через полянку, из соседней рощи, к ней бежало несколько десятков белок, и все угрожающе попискивали. Недра со всех ног бросилась к своей машине, вскочила в нее и наглухо закрыла все двери. Белки побегали, побегали вокруг – и удрали восвояси. Со страху Недре показалось, что зверьков в самый разгар нападения собралось несколько сотен. А может, так оно и было.

До прибытия авторемонтников Недра так и не посмела выйти из машины. Только вытирала платком кровь с макушки и с лодыжек и боязливо поглядывала в сторону рощицы.

Коль скоро ждать дольше было бессмысленно, Ян начал собрание. Шестерка присутствующих обсудила уже известные факты, но никаких новых мыслей не родилось. А впрочем, Бакли был не в счет – он почти сразу же заснул и к концу беседы громко похрапывал.

Похоже, Стивенс все-таки прав, подумал Ян. Наверное, нет иного выхода, кроме как взорвать этот чертов университет. Одними разговорами беде не поможешь. И, как показал сегодняшний вечер, союзников у них кот наплакал. Стало быть, без динамита не обойтись...

Ян посмотрел на часы. Четверть девятого.

– Ладно, – сказал он, – будем заканчивать. Недра встала и, нервно теребя сумочку, спросила:

– Это как же понимать? Будет еще одна встреча? Ведь не станем же мы сидеть сложа руки! Надо что-то... предпринять...

– Что-нибудь да предпримем, – со вздохом произнес Ян. – И, Бог даст, когда-нибудь соберемся... Но прежде я должен переговорить с Гиффордом Стивенсом. Мы будем держать вас в курсе. Недра, и если что...

– Я могу оставить номер моего домашнего телефона. По-моему, это безопаснее, чем звонить мне на работу.

– Назначим сбор на послезавтра. Встречаемся у меня в кабинете.

– В котором часу? – спросила Недра. – Я буду свободна только после пяти.

– Тогда давайте в шесть. Всех устраивает это время?

Все согласно закивали.

– Ну, тогда расходимся.

– Мне страшно идти одной к машине, – сказала Недра. – Никто не проводит меня?

– Я могу, – предложил Фарук.

– Большое спасибо.

Ян разбудил Бакли, который удивительным образом почти полностью протрезвел после десятиминутного сна. Все направились к выходу.

А выйдя из здания, разом застыли на месте от жуткого зрелища, представшего их глазам: на воткнутом в землю заостренном шесте торчала отрубленная голова Кифера.

Рядом был еще один кол, и на нем красовалась свиная голова.

Недра внезапно истерично разрыдалась. Мужчины и Фейт молчали.

Наконец Бакли спокойным тоном констатировал:

– Совсем как в "Повелителе мух".

Ян кивнул. Да, совсем как в романе Голдинга... Он быстро огляделся по сторонам – словно ожидал, что из-за кустов выскочат голые раскрашенные под дикарей студенты в набедренных повязках, размахивая самодельными копьями.

"Кто в этой ситуации я? – подумал Ян. – Ральф? Тот единственный мальчик, который не потерял разум? И кто Джек?"

– Предводитель наших кровожадных охотников – Брент Киилер, – сказал Бакли, словно прочитавший мысли друга. – Да, я уверен, что Брент Киилер – такое же злобное исчадие, как и Джек в "Повелителе мух". Только у него не заостренный кол вместо копья и самодельный лук со стрелами, а что-нибудь покрупнее – пистолет, или автомат, или целый арсенал современного оружия.

Ян заставил себя посмотреть на голову Кифера. Безжизненные вытаращенные глаза. Лицо в засохшей крови. Кровь и в спутанных волосах...

– За этим преступлением должен стоять преподаватель английской литературы, – сказал Бакли. – Вижу инсценировку знающего человека.

– Преподаватель или отлично начитанный студент, – уточнил Ян.

– Что мы будем делать? – спросила Фейт. Она обняла Недру и пыталась ее утешить, но по лицу девушки было заметно, что она и сама вот-вот разрыдается.

– Надо звонить в полицию, – сказал Джим. – Только вызовом настоящих полицейских, а не водевильных университетских копов, которые заботятся лишь о том, как бы утаить шило в мешке!

– Да, однако звонить в полицию надо не с университетской территории, – заметил Ян. – Тот, кто это сотворил, может вернуться в любой момент. Поэтому нам необходимо поскорее уносить ноги!

– Но мы не можем так просто убежать, мы свидетели... – запротестовал Фарук.

– Никакие мы не свидетели, – возразил Ян. – А дураками будем, если еще хоть на полминуты здесь останемся! Это преступление совершено для того, чтобы напугать нас. Негодяи знают, что мы здесь. И если мы замешкаемся, наши головы тоже окажутся на кольях!

Истеричные всхлипы Недры стали еще громче.

– Уходим одной группой, – приказал Ян. – Моя машина – вон там. Садитесь в нее, и я доведу вас до стоянки. Там пересядете в свои машины.

– Мне надо в общежитие, – сказал Джим.

– Хорошо, я подброшу тебя в общежитие, – кивнул Ян. – Ходить в одиночку по территории университета никому из нас не следует.

– Но кто позвонит в полицию? – спросила Фейт.

– Вот вы и позвоните, когда доедете до своего дома, – устало произнес Ян. – Или еще по дороге – остановитесь у бензоколонки и позвоните. А я еду домой. С меня хватит впечатлений.

– Я тоже, – поддержал товарища Бакли.

– Хорошо, я позвоню, – сказала Фейт. – Только дайте мне номера ваших телефонов и адреса. Полиция обязательно заинтересуется.

– Мы теряем время! – сердито крикнул Ян. – Идемте отсюда!

Эленор он дома не застал. Грязная посуда так и стояла в мойке – половина тарелок разбита. В спальне все вверх дном: Эленор забрала свои вещи.

Ян тяжело вздохнул, не раздеваясь упал на кровать и закрыл глаза.

Через несколько секунд зазвонил телефон. Яну не хотелось снимать трубку. Но вдруг это Эленор? Он проворно встал.

– Да, я слушаю.

– Эмерсон?

Он узнал голос Стивенса.

– Черт вас побери, Гиффорд, откуда вы звоните? Почему вас не было на собрании?

– Я в Уэйкфилдском университете.

– В Уэйкфилдском университете?.. Какого дьявола?..

– Это еще один университет из списка сумасшедших вузов.

– Помню. Ну и что? Зачем вас туда понесло-?

– Потому что они общаются, – мрачно сказал Стивенс. Ян впервые услышал в его голосе

страх -Они обмениваются информацией. Они беседуют – Кто беседует?
– Уэйкфилдский университет и Бреаский.

Глава 30

1

Шерил рассматривала свое отражение в зеркале. Убийственно хороша.

Так хороша – умереть и не встать!

Она невольно хихикнула. Очень уместное выражение.

Под короткую майку в обтяжку, которая оставляла голым пупок, она не надела бюстгалтера. Сегодня было прохладно, и пики торчащих сосков эротично натягивали ткань майки. Сами темные соски просвечивали сквозь тонкий хлопок. Девушка вставила в проколотый пупок булавку с поддельным бриллиантом. Трусики она тоже "забыла" надеть – только колготки с пикантным рисунком и шорты, плотно облегающие тело. Жаль, что шорты были из толстого материала и не врезались у нее между ног так, чтобы показывать всю анатомию влагища. Зато отлично подчеркнут лобок. Туфли на высоких каблуках довершали облик "горячей штучки".

В руке Шерил сжимала нож.

Она специально оделась подобным образом. Дураки-мужчины клюют на такой прикид – считают его "провоцирующим". Эти свиньи уверены, что так вызывающе одетая девица сама напрашивается на неприятности. Стало быть, все скоты, которые склонны к насилию, воспримут ее вид как приглашение. Вот и отлично! Если ей повезет, то она быстро нарвется на желающего вставить ей без разрешения. А потом найдет еще одного и еще одного...

И всем она отрежет их вонючие гнилые яйца!

Шерил прорепетировала то, что ей предстояло, перед зеркалом: вот она хватает своей левой пятерней этот мерзкий мешок у мужика между ногами, а правой рукой, в которой нож, отсекает его к чертовой матери!

Ах, как она хороша в этот момент!

Рядом с ней Шерон Стоун в "Основном инстинкте" – жалкая актрисулька, пародия на убийцу!

С тех пор как Шерил нашла в ящике письменного стола неизвестно откуда взявшийся нож, ее жизнь круто изменилась. Страх исчез. Тот вседневный и ежесекундный ужас, в котором девушка жила со дня изнасилования, рассеялся, словно туман поутру. Нож сделал ее... могучей.

Она больше не жертва.

Отныне она – мучитель.

Карающая длань.

И это случится скоро. Да, если все пойдет по плану, то это случится очень скоро.

Даже после того, как Шерил нашла нож, ее психология жертвы долгое время не менялась – она постоянно помнила о том гнусном, что с ней произошло, и ждала, что ужас может повториться в любую минуту. С одной стороны, девушка видела, как бережно и деликатно с ней обращаются коллеги-газетчики – будто она больной ребенок или хрупкая ваза. А с другой стороны, она шарахалась от каждого мужчины, подозревая в нем потенциального насильника. Она приучила себя перехватывать взгляды мужчин и определять, на какую часть ее тела они таращатся. После чего она быстро смотрела на их пах – нет ли там какого-нибудь шевеления.

Так вот, те самые парни в редакции, которые так деликатно разговаривали с ней и обращались как с хрустальной вазой, – эти же парни все время таращились на ее сиськи.

И у каждого штаны безобразно, угрожающе топорщились в паху...

Самое досадное то, что на самом деле никакой груди они не видели! Шерил нарочно носила самые тесные лифчики, которые делали почти совсем плоской ее и без того не слишком большую грудь. А чтобы контуры груди совершенно не угадывались, она надевала просторный свитер, висевший на ней мешком! Но эти поганцы знали, что титьки там, под свитером. Им было достаточно одного знания. Они принимались фантазировать, лапать ее в своем

воображении – и возбуждались.

Но теперь с комплексом жертвы покончено. Сегодня она специально будет заводить мужчин. Сегодня у каждого встречного самца, который хоть на что-то способен, член будет показывать на полдень. Шерил сама не ведала, что на нее нашло нынче утром.

Утром она проснулась не с привычным чувством затравленного зверька, которому нисколько не хочется вылезать из норки и идти в полный смертельных опасностей мир. Утром она проснулась уверенной в себе и олимпийски спокойной.

С того самого момента как Шерил нашла нож, воображение не прекращало рисовать картины мести. Лишь затаенная ярость поддерживала ее желание жить – иначе бы она давно удавилась или приняла яд. А так она находила в себе силы сохранять видимость нормального бытия и, словно заведенная кукла, ходила на занятия и в редакцию.

Сегодня утром она поняла, что время горячечных фантазий миновало. Тайная ярость переросла в явную решимость действовать. И эта глубинная перемена одела ее в непроницаемую броню хладнокровия. Она ничего не боялась. Она никого не боялась.

Пусть они боятся ее.

Шерил еще раз улыбнулась своему отражению в зеркале и заботливо уложила в сумочку сверкающую сталь.

Стив никогда не был в числе редакторов, которые ей хоть сколько-нибудь нравились; впрочем, он уже и не работал в газете. Но для нее это не имело значения. Мужчиной-то он не перестал быть! Он один из них. И стало быть, подходит для того, что она задумала.

Шерил увидела приятеля на университетской центральной площади. Молодой человек стоял прислонившись спиной к дереву и болтал с двумя парнями. Они противно ржали, поглядывая на проходящих мимо девушек, и громогласно оценивали фигуру каждой в баллах – от одного до десяти.

Вот оно! Вот ее звездный час!

Если она и нервничала, то лишь самую малость. Шерил медленно двинулась к Стиву и его приятелям. Соблазнительно покачивая бедрами, она уговаривала себя, что надо сперва вызвать агрессию с их стороны, а потом уже отрезать им яйца. Дай она себе волю, она бы сразу, без долгих разговоров, вытащила бы нож и начала хирургическую операцию!

Сердце забилося быстрее, выброс адреналина в кровь приятно бодрил. Однако следовало быть актрисой, сохранять спокойствие и разыгрывать из себя спокойную простушку, глупую корову, которая сама не знает, на что нарывается.

Проходя мимо дерева, рядом с которым стоял Стив, девушка зазывно посмотрела на троицу зубоскалов.

– Привет, Шерил, – сказал Стив, восхищенно таращась на нее.

Она остановилась и кокетливо улыбнулась. Потом кончиком языка медленно облизала губы.

– Привэ-э-этик! – сказала она врасстяжечку.

– Десять баллов! – присвистнул длинноволосый студент, стоявший слева от Стива. – От головы до пят – только десятки!

Стив расцвел улыбкой.

– Сколько лет, сколько зим! – воскликнул он. Его взгляд не отлипал от ее сосков, темнеющих под тонкой белой майкой. – Где пропадала, старуха?

Шерил подошла вплотную к Стиву, с бесцеремонной наглостью оттерла плечом студента, стоявшего справа от него, и, "случайно" мазнув Стива грудью по руке, томно оперлась о дерево. Свежевыбритая надушенная подмышка ее вскинутой руки оказалась едва ли не в паре дюймов от его лица.

– Попала в крутой замот, – сказала она, коровьими глазами глядя на Стива. – Мне было ни до чего.

– Да-а, я слыхал кое-что, – хихикнул несколько растерявшийся Стив. – Поговаривают, что тебя кто-то оприходовал, не спросив разрешения. Правда?

Шерил хотелось врезать паршивцу между глаз и засадить нож в живот, но она сдержалась и с нежнейшей улыбкой проворковала, игнорируя его вопрос:

– Все это время я не прекращала думать о тебе, Стив...

– У-у! – весело завопил длинноволосый студент. – Не зевай, дружище! Впендюрь ей как следует!

– Вгони ей по самый корень! – поддержал его другой – тот, которого девушка оттерла плечом.

Глядя прямо в глаза Стиву, Шерил лукаво усмехнулась и обронила:

– Хочешь отсосу?

Он тупо молча таращился на нее. Его кадык прогулялся по шее, но Стив так и не сообразил, что сказать. Шерил стрельнула глазами на его штаны – так и есть, вздулись в паху.

– Фигли молчишь? Или не хочешь? Аида в сортир.

– В женский или мужской? – игриво спросил Стив, наконец обретая дар речи.

Она с деланной застенчивостью улыбнулась и сказала:

– Выбор за тобой.

– Хорошо, – хрипло бормотнул Стив. Теперь в его голосе не было прежней самоуверенности – только похотливая дрожь и опасение, что его разыгрывают. Он был в полной власти Шерил. Теленок на веревочке.

– Заставь ее проглотить! – сказал длинноволосый.

Шерил повернулась и с лукавой улыбкой ответила:

– А я всегда глотаю. Если будешь хорошим мальчиком и дождешься меня – я, может, и над твоим хоботом поработаю.

Тут уж оба приятеля Стива выпучили глаза.

Шерил взяла Стива за руку и повела по дорожке к биологическому корпусу.

Она находила злорадное удовольствие в том, что у него потная ладонь. В холле здания они прошли мимо нескольких групп студентов, и большинство парней со значением косились на нее – не зря она так виляла задом.

Перед туалетами Шерил приостановилась и спросила:

– Ну? Мужской или женский?

Стив искоса посмотрел на нее и надменно ухмыльнулся. Перестав нервничать и ощутив себя подлинным хозяином ситуации, он уверенно потянул девушку в сторону мужского туалета. В самый последний момент она вдруг запаниковала и чуть было не рванулась прочь – ее испугало то, что через несколько секунд случится необратимое. Потом Шерил крепче прижала к боку сумочку с ножом и покорно двинулась за Стивом.

Внутри было три писсуара и три кабинки. Он завел ее в самую дальнюю кабинку. Запер на задвижку металлическую дверь, крепко прижал Шерил к себе, и она животом ощутила сквозь ткань его напряженный член. Затем они поменялись местами так, что теперь она оказалась спиной к двери.

– Снимай штаны. – велела Шерил. – И садись.

В туалете было душно, пахло не слишком приятно, да и замкнутое пространство тесной кабинки рождало инстинктивное желание вырваться на свободу. Вдвоем здесь было не лучше, чем внутри платяного шкафа.

Стив быстро расстегнул ремень, расстегнул и стянул с себя джинсы и трусы, затем сел голым задом на крышку унитаза. Напряженный член глядел головкой в потолок.

Шерил взяла пенис и, держась за него как за рукоятку переключения скоростей, опустила на колени.

– Эй-эй, ты полегче! – сказал Стив. – Это тебе не...

И в это мгновение она легонько полоснула ножом по его возбужденной плоти.

Как же он взвыл, этот придурок Стив! Любо было послушать!

Он рванулся от нее, но Шерил крепко держала его за яички.

– Не суетись, приятель, – сказала она с улыбкой. – Спектакль только начинается.

С этими словами она взрезала ему мошонку.

Сколько кровищи!

На полмгновения она испугалась содеянного и стала противна себе самой... Но тут ей вспомнилось, как ее насиловали – во всех подробностях. Стив только что хотел вытворить то же самое. Он заслужил.

И Шерил несколькими решительными движениями довела дело до конца. Разрезанная

пополам мошонка вместе с членом упала на пол. В туалете было до странности тихо. Стив потерял сознание.

Шерил с ухмылкой смотрела на лужу крови, в которой валялось то, что еще минуту назад было предметом гордости этого идиота.

В соседней кабинке кто-то захихикал. Шерил вскочила и крепче сжала нож в правой руке. Перегородка не доходила до пола, и Шерил увидела в соседней кабинке пару черных туфель и белые носки.

– Кто там? – спросила она.

– Я.

– У меня нож.

Черная туфля вдвинулась в ее кабинку и носком тронула лужу крови. Ее владелец снова хихикнул.

– А я знаю, что у тебя нож.

– Я и тебе яйца отрежу, говнюк поганый!

– С какой стати, милочка? Я на твоей стороне. Сделай, как ты хотела. Приведи сюда его дружка и учини с ним то же самое.

У Шерил дыхание сперло. Откуда он знает?..

– А впрочем, тащи сюда обоих его дружков. Я тебя подожду.

– Подождешь? Без дураков?

– Да, подожду.

– Ты кто?

Сосед нагнулся. Из-под перегородки появилась волосатая мужская кисть – растопыренная для рукопожатия.

– Будем знакомы – меня зовут Brent Киилер. Сдается мне, что мы с тобой станем большими друзьями.

Шерил неловко пожала его руку.

– Приятно познакомиться, Шерил, – сказал Brent – А теперь води сюда обоих парней. Одного обработаешь ты. А вторым займусь я. Ну а после – поболтаем.

"Отлично! Прекрасно! Замечательно! – подумала Шерил. – У меня есть друг. Как хорошо!"

– Только ты смотри, никуда не уходи!

– Не волнуйся, я не улизну.

Чуть не поскользнувшись в луже крови, она открыла дверь и вышла из кабинки. Вытерев кровь с ножа бумажным полотенцем, положила его обратно в свою сумочку.

Уходя, девушка громко сказала:

– Brent, ты только останься. Не уходи, пожалуйста!

– Будь спокойна, не уйду.

Последнее, что Шерил слышала, выходя из туалета, был зловещий смешок Brentа.

2

Джон Тейлор различил запах жарящегося мяса для гамбургеров – через все пространство большого газона. Знакомый одуряющий дух кипящего жира ударил в ноздри. От одного этого запаха у Джона начиналась резь в животе!

Как же он ненавидел работу в студенческой столовой!

Всякий раз шел как на каторгу.

Когда месяц назад здесь открылась вакансия и его приняли на работу, он был рад-радешенек, потому что за восемь недель до этого попал под сокращение в большом городском ресторане, не мог никуда устроиться и уже решил, что кончит уборщиком мусора и будет вкалывать вместе с бедолагами-мексиканцами. Конечно, это не бог весть что – работать в студенческой забегаловке, где ребят кормят черт знает чем. Но зарплата сносная, а главное – бесплатный харч.

Однако очень скоро его первоначальный энтузиазм поиссяк.

Такие аппетитные поначалу ароматы гамбургеров, хот-догов и жареного картофеля со

временем стали раздражать ноздри Джона, привычные к более изысканным кухонным запахам дорогого ресторана, где всем заправлял опытный шеф-повар. Да и студенты – шушера, противно их обслуживать.

Но выбирать не приходилось: или эта студенческая тошнيلовка, или пособие по безработице.

За считанные дни Джон возненавидел здесь все: свои обязанности, людей, с которыми он работал, и людей, которых он обслуживал. Такого раздражения и такой лютой ненависти он никогда прежде не испытывал.

Вкалывая на кухне, Джон Тейлор постоянно думал о старых добрых временах и жалел себя. Но здешним оболтусам было наплевать на его горести. И все чаще приходили мысли нагадить этим людям, среди которых судьба заставляет его тереться по восемь часов в день.

С ним поступили несправедливо, и он хотел поквитаться.

Теперь он уже не мог размышлять ни о чем хорошем, а только строил планы мести. Кому мстить? Да всем. Они все его враги, потому что им наплевать с высокой башни на то, что Джон Тейлор сидит в заднице и не видит никакого выхода для себя...

И студентки, сучки, не обращали на него никакого внимания. Пытаешься с ними заигрывать – так они прямо шарахаются. Конечно, он рылом не вышел – они же образо-о-ованные.

Многие люди обижали Джона Тейлора на протяжении его жизни. Теперь он вспоминал все давние оскорбления и закипал от ярости. Врете, он ничего не простил, он себя еще покажет!

Сегодня он был особенно зол. И шел на работу с мыслью, что именно сегодня надо осуществить задуманное.

Удача поджидала сразу же за порогом. Старший по смене поставил его на раздачу – кто-то там у них заболел. На раздаче Джон стоял очень редко, с большой неохотой и лишь в случае крайней необходимости. Но нынче он был несказанно рад такому повороту: все становилось гораздо проще.

До сих пор, едва ли не с первого дня работы, его бесила очередь студентов. Идут и идут, и нет им конца. Похоже, они приезжают в университет не учиться, а жрать. В любой час дня стоит очередь – и короче не становится!

Но сейчас он радовался этой очереди. Это же замечательно, что их так много! Джон открыл первый пакет с крысиным ядом и поставил его рядом с грилем, где он был не виден студентам. Затем достал ложку, щедро посыпал котлету белым порошком. Тот быстро разошелся по горячему мясу. Отлично, ничего не заметно. Теперь долька помидора, зелень – и сунуть между двумя кусками булочки. Готово! Получайте свой гамбургер!

– Следующий!

Джон был полон энергии, бодр и весел. Он ощущал необычайный подъем. Наконец-то черные мысли покинули его. Он орудовал ложкой, посыпая котлеты крысиным ядом, и напевал, прерываясь лишь для того, чтобы крикнуть:

– Следующий!

3

В последний момент Патти Себерг чуть было не передумала идти на занятия по сравнительному религиоведению. Не то чтобы она слишком уж не любила этот предмет. Конечно, увлекательного в нем мало – по крайней мере для нее; однако такая прилежная студентка, как Патти, очень и очень редко пропускала лекции и практические занятия.

Но сегодня в груди теснилось нехорошее предчувствие. Что-то в глубине души подсказывало ей: не ходи, Патти, не ходи!

Однако Патти, во-первых, не верила в предчувствия, а во-вторых, не желала потакать своей лени.

Поэтому она не послушалась внутреннего голоса и пошла-таки на лекцию.

Когда девушка поднялась на четвертый этаж корпуса социальных наук, неизвестно откуда появилось точное знание того, что именно сегодня случится. А случится то, что она, Патти Себерг, сегодня отведаст человеческого мяса. Прямо на лекции.

Мысль промелькнула и исчезла. Рассудительная Патти не верила всяким глупостям, которые клубятся в подсознании и вонючим дымком прорываются в сияющие чистотой хоромы сознания. Она решительно направилась к аудитории, где профессор Харт должен был рассказывать им о каннибализме как составной части некоторых религий.

Не прошло и десяти минут лекции, как Патти испытала странное ощущение: она все это уже знает. Именно феномен "дежа-вю" помог ей быстро справиться с отвращением к подробностям людоедства, в которые профессор Харт вдавался с видимым удовольствием. Где-то в глубине ее сознания хранилась некая память и вкрадчиво подсказывала: речь идет об очень естественных и допустимых вещах...

Патти стала украдкой оглядываться. Ей было интересно, испытывают ли и другие студенты то же чувство – что речь идет об очень естественных и допустимых вещах. Одновременно она нутром ощущала, что вот-вот случится что-то... важное, значительное.

– Едва ли не все религии имеют общую черту, – говорил профессор Харт. – И этим общим является потребность в жертвоприношении – порой в форме каннибализма.

Блондинка, сидящая в первом ряду, вдруг вскочила и, покраснев, громко сказала:

– Но это не относится к христианству!

– Заблуждаетесь! – возразил профессор. – Современное христианство просто замалчивает данный аспект своей веры. Подумайте о том, что лишь принесение в жертву Христа позволило избежать бесконечной череды человеческих жертвоприношений, которых мог бы потребовать Бог! Вспомните и о том, что во время обряда причащения вы поедаете плоть Господа – пусть и в фигуральном, символическом смысле. Но сама символика говорит о многом – о слишком многом! Подлинное христианство, не замутненное последующими "гуманными" толкователями, зиждется на людоедстве. Не зря же в Евангелии сказано Христом: "Се тело мое и се кровь моя..."

– Этот святотатство! Гнусное святотатство! – не унималась блондинка. – Вы не христианин!

– Напротив, – спокойно возразил профессор Харт. – Именно я и есть в высшей степени христианин, ибо я одобряю библейский каннибализм, а не прячу его и не объявляю его символическим или аллегорическим.

– Я не желаю больше слышать столь дьявольские речи, – заявила блондинка. – Я ухожу. И она направилась к выходу.

– Не выпускайте ее! – спокойным, но громким и твердым голосом приказал профессор. – Заприте дверь!

Из первого ряда вскочил атлетического вида студент в майке члена баскетбольной команды. Он грубо оттолкнул блондинку от двери, а затем повернул в замке ключ, брошенный ему профессором Хартом.

– Поверьте мне, – произнес профессор, медленно и деловито снимая пиджак, – жертвоприношения и религиозный каннибализм суть прямой и кратчайший путь к Богу.

– Выпустите меня! – истошно завопила блондинка.

Патти встала. Разом с ней поднялись со своих мест все присутствующие в аудитории студенты. Откуда-то вдруг появились ножи и вилки – кто-то позаботился их принести! И теперь эти ножи и вилки проворно раздавали по рядам.

Тем временем профессор нараспев читал будто бы из Евангелия:

– Тогда Иисус сказал им: "Истинно говорю вам, если не вкусите от плоти Сына Человеческого и не станете пить его кровь, то вам век свободы не видать!"

Блондинка испугалась не на шутку. Она разрыдалась, выронила на пол свои книги и попыталась прорваться к двери, но дюжий студент так отшвырнул ее, что девушка упала.

Патти машинально взяла протянутые ей нож и вилку. Все это было так мерзко!.. И одновременно она испытывала бурную радость, душевный подъем – это было что-то физическое, более сильное, чем идущее из сознания отвращение. Она направилась вместе с остальными к лежащей на полу и рыдающей блондинке.

Профессор весело улыбался.

– Не робейте, ребята! Угощайтесь! – провозгласил он, делая рукой широкий приглашающий жест в сторону распростертой на полу девушки. – Ешьте, пейте и веселитесь!

– Не-е-ет! – закричала несчастная.
Но первые вилки уже вонзились в ее плоть.

Глава 31

1

Ян сказался больным, чтобы в полдень встретиться со Стивенсом у него на квартире.

Когда Ян звонил на кафедру, то застал там сущий хаос. Сообщение о чудовищной смерти Кифера еще не попало в газеты, но все сотрудники кафедры были в курсе – одни паниковали, другие злорадствовали, третьи не могли прийти в себя. Пока он объяснял Марии, что приболел и не сможет сегодня прийти, фоном были рыдания Франсины, которая плакала в три ручья, сидя рядом с секретаршей покойного Кифера.

– Профессора Френча также не будет на занятиях, – сообщила Мария. – По его словам, это вы с ним обнаружили... тело. Правда?

– Извините, я спешу к врачу, – сказал Ян и повесил трубку.

Ему не слишком-то хотелось обсуждать свои переживания с коллегами по работе.

Затем он сразу же позвонил Бакли, у которого оказалось такое тяжкое похмелье, что Ян добился от него лишь невнятного мычания. Было очевидно, что Бакли не в себе и не способен сколько-нибудь ясно соображать. Поэтому Ян не стал передавать ему слова Стивенса, сказанные накануне вечером. Он решил перезвонить попозже, когда Бакли хоть немного оклемается.

Некоторое время Ян прикидывал, не звякнуть ли Джиму и Фейт. Но ребята и так были слишком глубоко затянуты во все это. Надо бы и пощадить их – они ведь почти что дети. Не дай Бог, с ними что-нибудь приключится по его вине...

Несколько раз в течение утра он пытался дозвониться до Эленор. Но ни дома, ни на работе поймать ее не сумел, везде нарывался на автоответчик. Тогда Ян позвонил секретарше фирмы, где работала его подруга; та сказала, что Эленор на каком-то совещании.

Ясненько... Эленор бежит от него. Дуется.

В конце концов он махнул рукой – еще будет время извиниться и помириться. Позже – когда все это закончится.

Когда все это закончится...

А с чего он взял, что это когда-либо закончится? Лишь потому, что в романах все рано или поздно приходит к финалу, в котором Добро побеждает Зло, даже если героям приходится солоно, а кое-кто из них оказывается в могиле? Так то литература, а жизнь – совсем другое. Жизнь не выстроена подобно романному сюжету. Она течет себе как попало, без ярких кульминаций и эффектных финалов. Она не заботится о хеппи-эндах и плевала на гибель главных положительных героев, к которым Ян имел смелость относить и себя.

В романе, по прикидкам Яна, в итоге их борьбы должен погибнуть самый колоритный второстепенный герой, то есть Стивенс, и самый ненужный, самый безалаберный из положительных героев, то есть Бакли. Все остальные обязаны выжить, чтобы не огорчить читателей.

Лишь в этом случае читатели останутся довольны и закроют книгу без особой печали. Так должен распределить смерти талантливый автор, умеющий потакать публике, блюдуший жанровую чистоту и уважающий сюжетные правила...

Но жизнь – шальная графоманка, пишет вкривь и вкось, как Бог на душу положит.

В реальности все они, поднявшие руку на Университет, могут выжить.

Или – все до одного – погибнуть.

Так почему же он действует с такой бесшабашной уверенностью и прет навстречу смертельной опасности с таким спокойным сердцем, как будто он главный герой приключенческого романа, которому по законам жанра обеспечено выживание при любых условиях?

Кто он – дурак или фаталист?

Ян выехал из дома загодя, без четверти одиннадцать, чтобы ничто не помешало появиться у Стивенса вовремя. На шоссе задержек не случилось, и в итоге Ян приехал на полчаса раньше назначенного времени.

Выйдя из машины, он увидел Стивенса. Тот направлялся к обшарпанному грузовичку с крытым кузовом и тащил тяжелый ящик размером с коробку, в которой транспортируют апельсины.

– Ага, Эмерсон, – воскликнул "сумаспроф". – Очень кстати. Помогите забросить в кузов. Только осторожненько.

– Это у вас что? – спросил Ян, берясь за ящик.

– Взрывчатка. Отвезем в ваш кабинет. Ян представил себе, как груз по какой-либо причине шарахнет в его кабинете. Об этом было страшно даже подумать.

Он решительно мотнул головой.

– И не мечтайте.

– Иного выхода нет.

– Почему же?

– Полагаю, вам захочется иметь все это под рукой – так, на всякий случай. Поверьте мне, очень скоро вас допечет и будет тот самый "всякий случай". Здесь несколько бомб – с детонаторами и таймерами. Словом, готовы к употреблению. Установите там, где я указал на чертежах, присоедините пару проводков и – ба-бах!

Ян еще решительнее замотал головой.

– Нет и нет! Будьте же вы реалистом, Стивенс! Я не могу начинить свой кабинет взрывчаткой. А вдруг бомбы попадут...

– Ситуация не та, чтобы философствовать. Может получиться так, что в следующий раз вы уже не сможете покинуть территорию университета. И я могу застрять там. Когда мы окажемся там в ловушке, вы будете локти кусать, что у вас нечем защищаться, что вовремя не доставили взрывчатку в нужное место!

– Что вы имеете в виду, говоря "когда мы окажемся там в ловушке"? С чего вы взяли...

– События получили новое ускорение. Теперь все развивается в бешеном темпе. Глупо уповать на то, что развязка наступит лишь в конце декабря. Все идет к тому, что трагедия разразится со дня на день, а то и в ближайшие двадцать четыре часа. Налицо все признаки того, что Университет решил "закончить курс обучения" досрочно, то есть он ощутил себя достаточно зрелым, чтобы выбираться за границы своей территории и перейти на более высокий уровень бесчинств. Боюсь, что мы сможем совершить только одну езду. Он не позволит нам вернуться сюда, чтобы забрать всю взрывчатку. Но ничего, и того, что мы возьмем за один раз, должно хватить. Хоть и впритык – но хватить должно...

– По-вашему, ситуация настолько серьезна, что на территорию университета лучше вообще не соваться? Стивенс помрачнел и исподлобья уставился на Яна.

– Конечно, трусам там делать нечего. Жаль, что я так ошибся в вас.

– Я не имел в виду... – растерянно пробормотал Ян.

– Послушайте, если кто-нибудь способен что-то сделать в данной ситуации – так это только мы! Если мы решим отсиживаться в кустах – сами понимаете, чем все кончится. Да, то, что мы решили сделать, очень опасно. Но вы знали, на что идете.

Мужская дружба и солидарность, трусы не играют в мужские игры, "Кто, если не мы?", "Мы сами выбрали эту судьбу" – все это отлично известно Яну по литературе. Особенно по бульварному чтиву. Но, как ни крути, эти фразы срабатывают. Душа на них отзывается...

Ян согласно кивнул – что значило: "я не трус, я от своего слова не отступлю..."

– Я вырубил компьютерную сеть Уэйкфилдского университета, – сказал Стивенс. – Они ее не скоро починят. Как минимум через два-три дня. Таким образом, университеты пока лишены возможности общаться – обмениваться энергией, координировать свои действия и строить совместные планы на будущее. Оба университета зверски перетрусили, когда в Уэйкфилде вырубилась все компьютеры. Они отлично знают, чьих рук это дело. А я и хотел, чтоб они перепугались, чтоб у них ум за разум зашел от страха. Пусть посуетятся и наделают ошибок. Но если Бреаский университет меня достанет, тогда вам придется довершить начатое

без меня. – Тут Стивенс не без мрачного лукавства покосился на Яна и спросил:

– Да, забыл спросить вас: сколько человек явилось на совещание в кинозал?

– Двое.

– А я, грешным делом, думал, что никто не придет. Извините, ошибся аж на два человека.

Они помолчали. Потом Стивенс погладил верх ящика и сказал:

– Разумеется, это не самый лучший способ. Но иного способа я не знаю.

Ян неловко переминался с ноги на ногу.

– Я не представляю, как... Вы знаете... я же ничего...

– Не бойтесь, – с полуслова понял его Стивенс, – я вам подскажу, я вас научу, как со всем этим обращаться. На самом деле это не так уж сложно. Поднимемся ко мне, и я преподам вам первый урок.

Урок затянулся до четырех часов. Затем они перенесли ящик с бомбами из грузовичка в багажник машины Яна. Решили, что первую партию взрывчатки Ян доставит в университет самостоятельно. Быть может. Университет сегодня выпустит Яна со своей территории – как менее опасного врага. И тогда в следующие дни Яну удастся совершить еще несколько ездов. Грузовичок Стивенса пока останется в резерве.

Надо было забросить ящик в кабинет и вернуться засветло. И Ян, и Стивенс понимали, что особой разницы между светлым и темным временем дня не существует – все плохое может случиться в любое время суток. Но лучше было убраться с территории университета до темноты. Быть может, не только люди суеверно боятся темноты, но и Университет особенно распоясывается именно в темноте, ибо знает, что люди ее боятся и соответственно они более уязвимы после захода солнца.

Факультетская стоянка была забита машинами, и Ян припарковался на стоянке для кратковременных посетителей, где разрешалось оставаться лишь четверть часа.

Он ощущал себя как преступник. Прежде чем открыть багажник и вытащить ящик, даже пару раз осмотрелся – не наблюдает ли кто-либо за ним.

Но почему "как преступник"?

Он ведь и был преступником.

Самым настоящим террористом.

Ян не знал, какой в точности закон он нарушает, но и дураку понятно, что привозить взрывчатку на территорию университета – подсудное дело. Как минимум огромный штраф. А если имеется в виду взорвать что-то, тогда это тянет на несколько лет тюрьмы.

В одиночку ящик было тащить тяжело. Обливаясь потом, Ян пошел через газон к зданию, где находился его кабинет.

Два-три дня на ремонт компьютерной сети в Уэйкфилде.

Значит, чтобы не дать маху, Стивенс будет считать, что у него два дня.

Итак, два дня.

Свой саботаж в Уэйкфилде Стивенс устроил сегодня ночью. Стало быть, завтра решающий день. Не позднее чем завтра Бреаский университет должен взлететь на воздух!

Стивенс так и сказал ему: завтра. Таким обыденным тоном, что Ян поначалу не "врубился" и машинально кивнул. Это "завтра" Стивенс небрежно обронил в разгар своих объяснений, как следует обращаться с минами. "Завтра мы установим эти штуковины..."

Когда смысл реплики дошел до Яна, внутри у него все похолодело. Они должны будут взорвать максимальное число зданий в максимально короткий промежуток времени. Завтра.

Ян хотел протестовать, завести речь о порочности терроризма, о моральной ответственности, но у него язык прилип к небу...

А через секунду он уже думал о том, как именно они все осуществят.

Если подождать до десяти вечера, то на университетской территории практически не останется студентов и преподавателей – одни уборщики и ночные сторожа. Общежития они, естественно, взрывать не станут. К счастью, общежития расположены на достаточном расстоянии от учебных и административных корпусов, стало быть, там жертв не будет...

Что касается уборщиков и сторожей – Ян и Стивенс непременно придумают способ их предупредить и вовремя эвакуировать. Скажем, включат пожарную сирену или сделают что-нибудь еще. Очень даже возможно, что если взяться с умом и не пороть горячку, то ни один

человек в итоге не пострадает!

Это была отрадная, успокоительная мысль.

В плену у этой радужной надежды, Ян чуть было не спросил у Стивенса: а чего мы, собственно, ждем? Зачем откладывать? Давайте рванем университет прямо сегодня ночью!

Под конец разговора Ян не утерпел-таки и задал этот вопрос: почему не сегодня ночью?

Стивенс отвечал уклончиво. Трудно предположить, что такой решительный человек, как Стивенс, мог откладывать развязку из малодушия. Очевидно, у него были свои резоны, и Стивенс не хотел полностью вводить Яна в курс дела.

Надо думать, именно завтра, по мнению Стивенса, наступал самый благоприятный день для сплоченного удара по университету.

Пока Ян нес ящик по коридору от лифта до своего кабинета, он проклял все на свете. Таких тяжестей и на такое расстояние он не таскал уже лет десять.

У дверей кабинета он только усилием воли не грохнул ящик на пол. Горестно кряхтя, профессор медленно и осторожно опустил свой груз на линолеум и вынул из кармана ключ.

Поднять ящик уже не было сил. Поэтому Ян волоком втащил его в кабинет, поставил в дальний угол и стал искать глазами, чем бы его прикрыть.

Тут-то он и заметил какой-то непорядок у себя в кабинете.

Ян напрягся. Внимательный осмотр ничего не дал. Все было на месте, ничего не сдвинуто, не перевернуто, бумаг вроде бы никто не касался... Так что же его так смутило, что показалось ненормальным?

А ненормальное было, хотя Ян не смог бы внятно изложить свои ощущения. Изменилось что-то в температуре и консистенции воздуха. Теперь в кабинете была другая акустика. Словом, нутром чувствовалось: Университет знает, чем занят профессор Эмерсон, и дает ему понять, что следит за ним и вот-вот решит покарать зарвавшегося врага...

Было нелепой наивностью думать, что удастся ввезти что-то на территорию Университета без ведома этого монстра!

И действительно, в тот же момент сама собой включилась внутренняя связь, и из микрофона раздалось сперва злобное шипение, а потом зазвучал приглушенный нечеловеческий смех.

Итак, Университет забавляется с ним как кот с мышью. В любой момент может прикончить – но щадит, потому что хочет продлить удовольствие...

Ян растерянно заморгал глазами.

Он ощущал зуд в ногах: так бы и кинулся вон из кабинета, а потом к своей машине – и прочь из университета!..

Но его пытливый рассудок задался вопросом: а способен ли Университет убить его? Ведь игра зашла слишком далеко. Тут речь идет о мышке, которая имеет возможность и намерение размазать кота по стене. Стало быть, кот должен кончать игру одним быстрым ударом лапы... А удара все нет и нет. Выходит, Университет попросту не в силах убить профессора Эмерсона, а также его друзей?

Практически сделать это достаточно просто. Их, отчаянных борцов, всего семеро. Университет мог бы давно перебить их по одному. Кто погиб бы в лифте при аварии, кто провалился бы во внезапно открывшийся канализационный люк... И так далее. Не было никакой логической причины оставлять их в живых так долго.

Ян невольно мысленно вернулся к тому факту, что Стивенс отложил взрыв до завтрашнего вечера.

Возможно, тут существовало сложное расписание событий, о котором Стивенсу известно, а Яну – нет.

Результатом этих размышлений было то, что Ян немного успокоился. Собственный кабинет по-прежнему казался ему чужим, однако паника отступила. Ян нашел скатерку, прикрыл ящик со взрывчаткой, затем спокойно вышел из комнаты и запер дверь.

Не без сомнения входил он в лифт. Но ничего, пронесло. Он без приключений доехал до первого этажа.

На улице царил сумрак. Солнце еще не зашло, но небо на западе было затянуто низкими тучами.

По дороге к своей машине Ян услышал справа от себя странный томный стон и быстро оглянулся. Справа на газоне он увидел Лоуренса Роже и Мидж Коннорс. Профессор и профессорша, совершенно голые, лежали валетом и жадно ласкали друг друга.

Ян сердито фыркнул, заиграл желваками скул, однако ничего не сказал. Роже и Коннорс оторвались от своего дела, насмешливо посмотрели на него – и снова заработали ртами.

Он рванул прочь, затравленно глядя по сторонам. Теперь он обнаружил, что на газонах расположились по меньшей мере еще десяток совокупляющихся пар. Очевидно, они были тут и десять минут назад, когда он шел к себе в кабинет, но тогда он был так занят своими мрачными мыслями и тяжелым ящиком, что ничего вокруг не замечал.

Теперь Ян слышал столько похотливых стонов и такое гнусное хихиканье, что сам невольно возбудился. Он вдруг подумал о Сильвии – будь они все еще в браке, она была бы небось здесь, на одном из газонов, и с упоением трахалась с кем-нибудь из его коллег.

Вполне вероятно.

Что же с ним такое? Как долго он собирается пребывать в роли мученика? Эта глава его жизни завершена, все кончено и должно быть забыто. Сильвии нет. Есть Эленор. Правда, сейчас они в ссоре, но непременно помирятся и снова будут ворковать как голубки.

Он любит ее. И верит, что и она любит его. Ни один из них не намерен расставаться с другим. Эленор не такая, как Сильвия. В отличие от его жены, она не была девственницей, когда он с ней познакомился. Эленор была замужем, потом развелась. Да и первая молодость позади. Одним словом, она уже перебесилась – так сказать, нагулялась вдоволь, удовлетворила свое любопытство, и теперь ее тянет к спокойной семейной жизни. Она остановила свой выбор на нем и больше метаться не станет.

Разумеется, в их взаимоотношениях не все так просто. Однако в глубине души Ян знал: у нее было немало мужчин – и все-таки она в итоге остановила свой выбор на нем. Это успокаивало его, обжегшегося на молоке. Эленор вряд ли будет рисковать семьей ради случайной возможности "перепихнуться".

Но тут его мысли вдруг приняли новый, мрачный оборот. И одновременно Ян почувствовал физическую слабость и дурноту – словно резко изменилось атмосферное давление. Он ощутил, что на его мозг кто-то или что-то воздействует, что его размышления направляют извне – и направляют в совершенно определенную сторону...

Ускорив шаг Ян еще раз воровато осмотрелся. То ли у него что-то произошло со зрением, то ли количество совокупляющихся пар действительно чудесным образом удвоилось за несколько секунд... но теперь он мог бы насчитать две-три дюжины голых пар. Одновременно ему думалось: а с чего я взял, что Эленор какая-то особенная? Такая же шлюха, как и все. Им бы только одно – на кое-что вскочить. Только одно на уме! Любит, не любит – что ты слюни пускаешь! Да если и любит, попадись ей жеребец помоложе и покрепче – вмиг задерет юбку!

Да, да, Эленор ничем не лучше шлюхи Сильвии! И опять случится то же самое: он вернется неожиданно домой, а там его новая жена скачет на каком-нибудь молодом самце! И визжит от удовольствия.

И снова перед его глазами мелькнет мокрый глянцевого член...

О нет!

Он не мог позволить своим мыслям развиваться в этом направлении! Это Университет хочет, чтобы он стал тупым женоненавистником, чтобы он отказался от веры в существование чего-либо чистого, доброго, нормального...

Ян достал ключи и открыл дверцу своей машины. Слава Богу, что Эленор не стала ходить сюда на лекции! Еще неизвестно, какое влияние оказал бы Университет на ее нравственность. Ее чистая душа могла бы не выдержать давления извне, поддаться грязным соблазнам...

Но частица его сознания жалела о том, что Эленор так и не стала учиться в Бреаском университете. Происходящее здесь ужасно, чудовищно – и одновременно это возможность для проверки. Что-то вроде теста с лакмусовой бумажкой. Какое начало в человеке было сильнее, то и побеждало в итоге. Истинно нравственные люди оставались таковыми, а те, кто с гнильцой, являли свое мерзкое нутро и сгнивали полностью.

Смогла бы Эленор морально выстоять в Бреаском университете? Превратилась бы она в Сильвию или нет? Стала бы стаскивать с себя трусики при взгляде на каждого более или менее

привлекательного мужчину?

Увы, теперь он так и не узнает этого... Боже, какое-то безумие! Или его это такое хиленькое, что требует столь необычных подпорок, или его самоуверенность так непомерна – но что за мысль: подставить дьяволу любимую женщину, дабы проверить ее верность!..

Скотская мысль. Мысль закомплексованного придурка и подлеца.

"Нет, это не я думаю, это думает за меня Университет!"

Возможно, именно поэтому Университет и не убивает его. Возможно, Университет надеется "перевоспитать" его, обратить в свою веру.

Кто знает, кто знает...

А может, Стивенс прав в своих предположениях, и Ян – просто часть чудовищного организма? Причинить вред своей части означает нанести ущерб себе. Скажем, отрубить палец. Не потому ли Университет и терпит его, что не хочет причинять даже малую боль самому себе?

Но тогда почему Он убивает других?

У Него есть какой-то принцип – кого можно безболезненно пускать в расход, а кого нет?

Вопросы, вопросы – и ни одного ответа...

Когда Ян выезжал со стоянки, он вдруг обратил внимание, что светящиеся окна в главном административном корпусе образуют нечто вроде мрачной физиономии.

Пока он смотрел на это лицо, в одних комнатах здания свет погас, в других зажегся. Физиономия вдруг ожила и оскалилась в улыбке.

Ян вздрогнул.

– Мать твою перемать! – громко воскликнул он. – Ну, погоди! Я тебя достану, я тебе покажу!..

Но Университет продолжал улыбаться.

2

Без Хоуви в общежитии стало невыносимо одиноко. Даже при том, что кругом происходило столько страшного и отвратительного и Джим был постоянно занят какой-то сумбурной борьбой с творящимся в университете, – даже при всем этом утрата Хоуви ощущалась как нечто самое жуткое и не забывалась в вихре повседневных тревог. Джим все время чувствовал некую незаполненную пустоту в своей жизни. Однако и оплакивать толком друга он не мог – было как-то некогда. Горе наваливалось часто, но ненадолго. Чтобы прочувствовать его и каким-то образом хотя бы немного уменьшить, Джиму следовало побыть в одиночестве и ни на что больше не отвлекаться. А нынешняя суматошная жизнь как раз этого и не позволяла...

Смертельно усталый, он поднимался по лестнице общежития. Только бы дотащить до комнаты, упасть на постель, закрыть глаза – и спать, спать, спать...

Последняя лестничная площадка – и он на своем этаже...

И вдруг сверху на него метнулась девушка с ножом в руке. Это была Шерил.

Она выкрикнула:

– Я отрежу твои гнилые яйца!

Именно никудышная реакция и спасла ему жизнь. Если бы Джим метнулся в сторону, Шерил все равно бы достала его. А он просто глупо шарахнулся, запаниковал, споткнулся и упал. Нож с силой проткнул пустоту – там, где должен был быть Джим, не упав он на пол. Шерил потеряла равновесие и рухнула рядом с парнем.

К счастью, Джим быстро пришел в себя и уже через секунду кинулся к Шерил, навалился на нее всем телом, перехватил у самой кисти руку с ножом и после короткой борьбы выбил его.

Затем вскочил и с силой ударил Шерил ногой по голове. Он уже собирался столкнуть ее с лестницы, чтобы эта сука сломала себе шею, но в последний момент опомнился – уже после того, как представил мысленно, с каким упоительным звуком расколется ее череп, ударившись о цемент...

Как только бешенство схлынуло, Джим схватил Шерил за кисть правой руки и рывком поднял. Он еще был страшно зол, и его колотило от пережитого страха, но уже не хотел убить психопатку, которая чуть было не зарезала его.

Шерил заливалась слезами, ее трясло, как при ознобе.

Джим несколько раз с силой встряхнул девушку.

После этого ее взгляд стал вдруг осмысленным.

– О Господи! – воскликнула она. – Что я натворила! Прости, Джим. Я не хотела... я не собиралась...

Тут она снова расплакалась, но теперь уже не от злобы по поводу того, что ее замысел сорвался. Теперь она плакала жалобно, как напроказивший ребенок перед неизбежной поркой.

Джим мог только гадать, насколько искренне она раскаивается. Возможно, ее действительно отпустило. Возможно, наваждение закончилось...

Он понятия не имел, какая цепочка событий поставила на его пути редакторшу отдела развлечений, но сумма знаний, полученных в последние недели, подсказывала, что девушка действовала не по своей воле, что ее заставляла так поступать некая внешняя сила. И Джим отлично знал, что это за сила...

Обняв Джима, Шерил безутешно плакала на его плече.

Когда она немного успокоилась, Джим пригласил ее к себе – чтобы она выпила чего-нибудь горячего или немного виски и окончательно пришла в себя. Девушка отказалась – сказала, что лучше поедет домой. Джим вызвался отвезти ее – как она поведет машину в таком состоянии! Но Шерил и это предложение отклонила.

Видимо, ей хотелось поскорее расстаться с человеком, которого она только что пыталась убить. Его великодушие было непомерной ношей для нее.

Джим вернулся на лестницу и поднял нож. Его рука дрожала, пока он вертел перед глазами страшный предмет. Это нападение – случайность? Или за ним последуют новые нападения? Надо ли это понимать так, что Университет решил идти до конца и убить его? И что происходит с остальными? Быть может, убийцы где-то поджидают также и Яна, Стивенса, Бакли? Быть может, Университет всерьез занялся систематическим устранением своих врагов?

А вдруг и Фейт подвергнется или уже подверглась атаке?

Это был вопрос из вопросов. Джим понял, что медлить нельзя, и бегом направился в свою комнату. Надо немедленно позвонить Фейт, убедиться, что с ней все в порядке, и предупредить, чтобы она была вдвойне осмотрительна...

Он распахнул дверь своей комнаты, и – о чудо! – Фейт была там. Девушка сидела на краю кровати. На столе стоял большой бумажный пакет со следами масла на боках.

Фейт встала и с улыбкой произнесла:

– Я забежала в столовую и купила несколько гамбургеров.

– Слава Богу, ты жива и здорова! – воскликнул Джим.

Он подбежал к ней и порывисто обнял. Она ласково рассмеялась и спросила:

– С чего это вдруг такие бурные чувства?

– Да так, – сказал он, нежно целуя ее в мочку уха. – Да так...

Он решил не пугать ее рассказом о нападении Шерил.

– Ведь ты еще не ужинал, да?

– Нет, не ужинал.

– Тогда давай садиться за стол. А то гамбургеры совсем остынут...

– Черт с ней, с едой! – сказал Джим. Он выхватил из рук Фейт пакет с гамбургерами, над которыми прилежно поработал Джон Тейлор, и швырнул в корзинку для мусора.

Он был благодарен Фейт за то, что она заботилась о нем. Но сейчас ему было не до гамбургеров. Он был тронут тем, что она не поехала домой, хотя и собиралась. Фейт решила в эти тяжелые часы находиться с ним – и это было так кстати.

Остаток вечера они безумствовали в постели. Били друг друга, кусали, занимались любовью, отдыхали и снова бросались друг другу в объятия.

Им было хорошо вместе.

3

Фейт вскоре проснулась. Все тело было в кровоподтеках. Мышцы болели, прокушенная губа болела...

Она взглянула на будильник. Одиннадцать вечера. Надо бы одеться и ехать домой. Но в постели было так тепло и уютно, что она только перевернулась на другой бок и устроилась поудобнее. Тащиться в темноте целый час в машине до Санта-Анны – бр-р, страшно и подумать! Да и мамаше плевать, будет ли дочь ночевать дома...

В глубине души включился сигнал тревоги. Беги отсюда, беги! – подсказывало Фейт что-то. Однако эта команда была такой немотивированной, что девушка проигнорировала ее. Засыпая, она все еще продолжала испытывать это нехорошее предчувствие и даже обещала себе проснуться через пять минут встать и ехать домой. Но ночь затягивала ее в свои бездны – и Фейт не проснулась ни через пять минут, ни через час...

И она до самого утра не знала, что после полуночи наступило завтра.

Глава 32

Яна разбудил телефонный звонок Стивенса. Он, в свою очередь, позвонил Бакли и Джиму. А Джим обещал связаться с Фейт.

Ян хотел было позвонить Фаруку и Недре, двум новым товарищам по борьбе, но затем передумал: возможно, их помощь не понадобится, будут только путаться под ногами.

Да и втягивать их во все это стоит лишь в случае самой крайней необходимости.

Итак, сегодня решающий день!

С вечера ему было трудно заснуть. Ян долго ворочался сам и ворочал в голове невеселые мысли. Казалось бы, и утром следовало испытывать какие-то необыкновенные чувства – страх, волнение, тревогу. Но нет, утренние ощущения были самые заурядные. Мысли вертелись вокруг завтрака, вокруг некстати вскочившего прыщика на щеке и прочих пустяков.

Он не знал, радоваться такому отсутствию сильных эмоций или следует его пугаться.

Ян быстро принял душ, съел тарелку кукурузных хлопьев, запил их апельсиновым соком и направился в университет. До свидания со "своими" оставалось еще больше часа. Но Ян хотел встретиться с кем-нибудь из университетского руководства и в последний раз попытаться обрести официальную поддержку. Количество трупов на университетской территории росло не по дням, а по часам. В этой ситуации даже такая "небожительница", как президент Диана Лэнгфорд, при всей ее выключенное™ из мелочей повседневной жизни, должна была заметить, что вокруг происходит нечто странное.

Разумеется, Диана Лэнгфорд вполне может находиться в стане врагов и быть важной частью того странного, что происходит...

Если она уже потеряна или к ней не пробиться; тогда остаются ее заместители. Должен же быть в руководстве хоть кто-нибудь еще не зараженный, с которым можно иметь дело, с кем можно искать способ спасти ситуацию, на чью помощь можно рассчитывать...

Ян без труда нашел место на факультетской автостоянке. Профессорских машин было намного меньше обычного. Это настораживало. С другой стороны, меньше преподавателей – значит, меньше убитых и раненых, когда здания взлетят на воздух.

Да, когда здания полетят в воздух.

Господи, ужас какой!

В холле главного административного корпуса было на удивление пустынно. Ян не встретил ни единого человека по пути к кабинету Дианы Лэнгфорд. Чудеса!

В приемной секретарша решительно замотала головой еще прежде, чем он переступил порог.

– Извините, – проворно сказала она, как только профессор появился в дверном проеме, – президент не может вас принять.

Ян проигнорировал ее слова и быстрым шагом направился к двери в кабинет.

Секретарша вскочила и сердитой скороговоркой сказала:

– Профессор Эмерсон! Госпожа Лэнгфорд занята. У нее приватная встреча. Она запретила беспокоить ее.

Секретарша пыталась грудью перекрыть ему дорогу, но Ян грубо отодвинул женщину, взялся за ручку двери и распахнул ее. В нос ударил страшный запах.

Президентша сидела в кресле за столом.

Она была мертва.

Хуже того, она умерла уже давно. В кресле сидел разлагающийся труп.

– Вашу мать! – выкрикнул Ян. – Что у вас тут происходит?

Секретарша разревелась.

– Я... я не знала, что де-делать... – залепетала она. – Я ре-решила оставить все, как есть... и никому ничего... никому ничего...

– И никому ничего не говорить?

Продолжая горестно всхлипывать, секретарша молча кивнула.

Ее логика не казалась ей дикой, абсурдной. И ничего из ряда вон выходящего в своих действиях – а точнее, в своем бездействии – она не находила. Ян сообразил, что было бы глупо втолковывать женщине, до какой степени она заблуждается. Как доказать сумасшедшему, что он сумасшедший?

Он повернулся к мертвой президентше и заставил себя пристальнее рассмотреть труп. Глаза, затянутые пленкой, вытаращены, следы крови на лице, на шее, на одежде. Скрюченные пальцы. В кресло посажена уже мертвой. Убита. Несомненно, убита... В комнате на полную мощность работает кондиционер, разбрызгиваются какие-то ароматические вещества, но тошный сладковатый запах разложения явственно ощущим.

– Как давно? – резко спросил Ян. Секретарша продолжала всхлипывать.

– Я спросил, когда это произошло? Отвечай, дура окаянная!

– Неделю назад.

– Когда я приходил в прошлый раз, она была уже мертва?

Секретарша кивнула:

– Но я не смела сказать вам. Я не могла выдать тайну. Я никому не смею сказать...

– Почему?

Секретарша растерянно заморгала глазами:

– Как "почему"?

– Почему вы, черт возьми, должны молчать и никому ничего не говорить?

– Потому что... потому что... ну, я не знаю...

– А вам не приходило в голову вызвать полицию?

– Ах, это... Начальник университетской охраны Лионе в курсе. Он полагает, что мне следует молчать о случившемся.

У Яна мороз по спине пробежал. Э-э, да тут дело совсем плохо...

Он больше не стал терять время, быстро прошел мимо секретарши и направился к лестнице.

– Никому не говорите! Умоляю вас! – крикнула вслед ему секретарша. – А если скажете, то не говорите, что это я сказала вам.

Она больше не всхлипывала. Голос у нее как-то повеселел. словно с души свалился груз ответственности.

Не оборачиваясь, Ян побежал по ступенькам вниз.

Он не звонил Фаруку и Недре, но они все-таки пришли; их вызвал Джим. Вместе со Стивенсом и Фейт всего собралось пять человек. Они ждали Яна в конференц-зале кафедры английской словесности. Стивенс сидел во главе стола, на котором он разложил пакеты с взрывчаткой.

– Профессор Френч отлучился в свой кабинет за кофеваркой, – сказала Фейт.

– А теперь вернулся! – раздался голос Бакли.

Бакли поставил на пол внушительных размеров кофеварку и включил ее в сеть.

– Так-так, – произнес он, обводя взглядом горстку собравшихся, – это и есть все силы добра? Не густо, не густо...

Тут лампы вдруг замигали, крышка кофейника взвилась в воздух и пролетела в четверти дюйма от головы Бакли. Ударившись о потолок, упала на полированный стол.

– Ну и ну! – присвистнул Бакли, косясь на Яна и Стивенса. – Полагаете, несчастный случай – или что похуже?

Ян скорбно покачал головой:

– Что похуже.

– Ах ты долбаная железка! – вскричал Бакли, выдернул штепсель из розетки и наподдал кофеварку ногой.

– Организм всеми силами старается избавиться от инородных клеток, – мрачно заявил Стивенс, поигрывая взрывателем. – Нетрудно догадаться, что мы для Университета чужие, враждебные клетки. Раковые клетки, которые следует побыстрее отторгнуть.

Недра облизала губы.

– Что вы этим хотите сказать?

– Говоря по-простому. Университет будет пытаться убить нас до тех пор, пока не убьет. Поэтому сегодня нам нельзя отходить друг от друга ни на шаг – чтобы вовремя прийти на помощь в случае опасности.

– Вы говорите "нас"? – спросил Фарук. – Университет намерен убить только нас?

– Мы для него наипервейшая угроза, самая насущная опасность. И он нас отлично знает – те негодяи, которые замыслили остановить его. Что же касается остальных, то их истребление можно отложить на потом.

Стивенс поднял глаза и обвел всех угрюмым взглядом.

– На кого-нибудь из вас сегодня ночью было совершено нападение?

Джим покосился на Фейт и сказал:

– Да. На меня.

Ян сел за стол рядом с остальными и спросил:

– И что же произошло, Джим?

– На меня набросилась с ножом Шерил Гонсалес. Поджидала меня на лестнице в общежитии и хотела оскотить.

– Ты убил ее? – хладнокровно поинтересовался Стивенс.

– Разумеется, нет!

– Почему же нет?

– Мы боролись, я выбил нож из ее руки. Она разрыдалась... И ушла.

– Эх ты! – с горечью сказал Стивенс. – Это потерянные люди, безнадежные. Орудия в руках Университета. Что-то вроде антител, которые организм посылает для уничтожения вредных клеток.

– Вредные клетки – это мы, да?

Стивенс кивнул:

– Мы бациллы, которых следует побыстрее уничтожить.

– Выходит... выходит, найдутся еще люди, которые попробуют убить нас? – дрожащим голосом спросила Недра.

– Да, найдется немало людей, которые обязательно попытаются прикончить нас. Вот почему нам надо постоянно держаться вместе.

При этих словах Стивенс вынул из кармана револьвер и положил его на стол перед собой.

В коридоре вдруг раздались мужские крики.

Ян вскочил, с нахмуренным видом кинулся к двери и выглянул из конференц-зала. В дальнем конце коридора он увидел Фредериксона Ивса, молодого преподавателя мировой истории. На нем была средневековая кольчуга. Там же находился и Тодд Круз, тоже профессор истории, специалист по войне между Севером и Югом. Он был в форме конфедерата времен Гражданской войны.

Иве и Круз сражались на мечах и кричали друг на друг страшными голосами.

Рядом с ними находились преподаватель восточной философии Том Кишива и профессор антропологии, фамилии которого Ян не помнил. На Кишиве не было ничего, кроме спортивного трико, и он стоял в позе Брюса Ли, готовый с голыми руками вмешаться в схватку Ивса и Круза и уложить одного из них или обоих ударами карате. Профессор антропологии тоже был одет весьма легко – лишь набедренная повязка. Он угрожающе сотрясал копьем.

– Ну и дела! – пробормотал Бакли, выглянувший из двери.

Ян отодвинулся, чтобы все его друзья насладились жутким зрелищем.

– Что, дерутся? – спросил Стивенс со своего места во главе стола. Он единственный из всех не потрудился встать и посмотреть на то, что происходит в коридоре.

– Да, рубятся на мечах, – пояснила Фейт.

– Поверьте мне, без трупов не обойдется, – спокойно сказал Стивенс. – Будут биться до конца. Закройте дверь. И хорошенько запирайте ее. А может быть, и шкафчиком подстрахуйтесь...

В конференц-зале они просидели до полудня. Из коридора доносились дикие крики, предсмертный визг. Что-то там падало, кого-то тащили волоком, разбивались какие-то стеклянные предметы.

Даром что дверь была толстой и ее забаррикадировали шкафом, находиться в такой близости от коридорного бедлама было не слишком приятно.

Однако постепенно "заговорщики" увлеклись инструктажем Стивенса и полностью сосредоточились на тех важных вещах, которые он им втолковывал. Он объяснял, как подготовить к установке, разместить и взорвать бомбы. Затем провел с каждым практические занятия. Хотя нужные проводки не были присоединены, от операций, которые они по очереди проделывали, мурашки бегали по спине...

Открыв наконец дверь и выйдя в коридор, они не увидели груды мертвых тел и гор отрубленных рук, ног, ушей и носов. В коридоре не было ни души. Только пятна крови на полу и полосы крови на стенах напоминали о том, что происходило здесь на протяжении двух часов.

– Похоже, ребята потянулись в другое местечко, где еще веселее, – сказал Бакли.

– Не расслабляйтесь, – отозвался Стивенс. – Они могут затаиться за любым углом.

Друзья плотной группой двинулись к лестнице. Стивенс шел впереди, держа наготове револьвер. Он останавливался на каждой лестничной площадке – прислушивался и приглядывался. Но засады нигде не было, и они благополучно спустились на первый этаж.

Однако то, что они увидели, оказавшись вне здания, могло присниться лишь в самом кошмарном сне.

Университетская территория превратилась в огромную палату для буйнопомешанных.

Их глазам предстали те разрушения и ужасы, которые они ожидали увидеть в коридоре. Только масштабы безобразий были намного больше. На дорожках и газонах валялись в несметном количестве искореженные телевизоры, кинопроекторы и компьютерные мониторы, разбитая научная аппаратура. В десятках и сотнях мест асфальт вздыбился, взломанный и развороченный корнями деревьев, которые, похоже, взбесились точно так же, как и люди. На центральной площади несколько деревьев ушагали со своих мест и росли – или стояли? – там, где прежде были ровные травяные газоны. Повсюду ходили группы студентов и преподавателей – сотни, тысячи причудливо одетых людей. Как будто сейчас праздник Хэллоуин! Но в настроении ряженных не было ничего праздничного. Они кричали друг на друга, ссорились и дрались.

Неподалеку от здания, из которого вышел Ян и его друзья, лежал труп мужчины – Ян узнал в нем одного из охранников. Мертвеца поедали невиданно крупные белки размером с зайца. Одна из них с упоением волокла его кишки.

– Боже! – взвизгнула Недра и разрыдалась. – О Боже, Боже!

– Да в задницу все! – сказал Фарук. – Не хочу иметь с этим ничего общего. Я иду домой.

– Вы не сможете уйти отсюда, – произнес женский голос.

Они замотали головами и увидели испуганную девушку, которая выглядывала из-за угла здания.

Яну ее лицо показалось знакомым. Быть может, одна из его студенток?

– Почему мы не сможем уйти домой? – спросил он. – Что тут происходит, черт возьми? Девушка нервно кусала губы.

– Все выходы с территории университета перекрыты. Выбраться никак нельзя.

– Кто? Кто перекрыл все выходы?

– Студенческие братства. Отряды студентов отсеки университет баррикадами от города. Все дороги и дорожки блокированы вооруженными парнями. Никого не пускают внутрь. Никого не выпускают наружу. Мы в ловушке. Мы пропали...

Глава 33

1

Так и оказалось на самом деле. Университетская территория была блокирована со всех сторон. По периметру студгородка расхаживали отряды студентов, вооруженных револьверами и автоматами.

Хоть каким-то утешением служило то, что власти города были в курсе происходящего. Вокруг университета стягивалось кольцо полицейских машин. Но их было мало. И, судя по всему, полиция не решалась на активные действия. Посередине Томас-авеню стояли две изрешеченные пулями патрульные машины с открытыми дверцами. Убитые полицейские валялись на асфальте. Их товарищи не могли подобрать их – улица простреливалась студентами. Какие-то представители властей города толпились за металлическими щитами – полицейские тоже выстроили подобие баррикады. Но было ясно, что власти и полиция в полной растерянности и ждут подкрепления. А это ожидание может продлиться не один час...

Ходивший на разведку Джим ползком пробрался в заросли кустарника за главным административным корпусом, где прятались его друзья.

– Девушка права. Мы тут вроде как заложники.

– Хреново, – сказал Бакли. – Торчат нашим головам на кольях.

– Помолчите, оптимист вы наш! – одернула его Фейт. – Нечего каркать. И без того тошно. Не мешайте другим думать и искать выход из положения.

– Ох ты, какая умная!.. Никакая задница не лишит меня права высказывать вслух свое мнение – вплоть до моего смертного часа! Я буду говорить то, что мне нравится. А кому...

– Прекратите, – вмешался Ян. – Нашли время собачиться! Сейчас мы должны быть особенно дружны! Университет именно этого и хочет – чтобы мы все передрались и вцепились друг другу в глотку. Ситуация и впрямь хреновая. Нервы на пределе. Поэтому всем надо замолчать, сделать две дюжины глубоких вдохов и успокоиться.

Джим взирал на происходящее как-то отстраненно, будто со стороны. Он ощущал себя не столько участником событий, сколько репортером, который внимательно наблюдает за происходящим, дабы в будущем изложить свои впечатления на газетной полосе.

Вот только будущего может не оказаться. Джим сидел на корточках рядом с Фейт и рассеянно гладил ее по руке.

– М-да, – пробормотал вдруг Стивенс, – я слегка ошибся в своих расчетах.

– Каких расчетах? – поинтересовался Ян. Стивенс никак не отреагировал на вопрос.

– События развиваются очень быстро. Неожиданно быстро. Давайте-ка положим конец всей этой свистопляске! – Показав рукой на ящик со взрывными приспособлениями, он добавил:

– Это все я оставляю здесь, в вашем распоряжении. А сам я попробую доставить сюда то, что еще осталось у меня в грузовичке. Он находится... – Стивенс задумчиво поводит головой из стороны в сторону. Представив себе план университетской территории, профессор сообразил, где что находится, и махнул рукой в сторону восточной автостоянки:

– ..вон там.

– И не думайте! – воскликнул Джим. – Там повсюду студенты с автоматами. Все проходы блокированы.

– Они контролируют периметр университета.

Насколько я понимаю, автостоянки они не оцепили?

– Точно не знаю, – сказал Джим. – Я не мог толком рассмотреть – далеко было.

– Что ж, вот я и проверю. Попытаюсь выехать со стоянки и спрятать машину в какой-нибудь аллее поближе – на служебной подъездной дороге. Оттуда я буду потихоньку таскать взрывчатку и оборудование.

– Я с вами, – сказал Фарук. – Вдвоем быстрее справимся.

Бакли подозрительно покосился на Стивенса и Фарука.

– Ребята, – произнес он, – а вы часом не слиняете?

– Теперь при всем желании никто не сможет "слинять", – мрачно сказал Стивенс.

Джим тоже уставился на Стивенса и Фарука. Но с совсем другим чувством. У него было тошнотворное ощущение, что за ними наблюдают, что их разговор подслушивают. Они как

муравьи в прозрачном муравейнике – кто подглядывает за ними, кто готовится с улыбкой раздавить их сапогом?..

Яснее ясного, что Стивенс и Фарук не дойдут до грузовичка.

Это было даже не дурное предчувствие. Это было спокойное знание. Если они направятся к автостоянке, Джим их никогда больше не увидит.

– Не ходите, – сказал он хриплым от волнения голосом.

Стивенс раздраженно повернулся к нему.

– У вас ничего не получится, – продолжал Джим.

– Это почему же?

– Не знаю. Нутром чувствую – это плохо кончится.

Стивенс несколько смягчился и ответил:

– Не волнуйся. Мы будем предельно осторожны.

– Вы не понимаете...

– Я понимаю. Но выбора нет.

– Выбор есть! Надо просто переждать, пересидеть этот кошмар. Уже сейчас там уйма полицейских. И скоро будет в десять раз больше. Рано или поздно бардак закончится. Придуркам, которые захватили университет, все это очень быстро надоест. Им надо есть, им надо спать. Они плохо организованы, у них нет военного опыта... Они могут передрались между собой раньше, чем полиция начнет штурм! Нам надо только затаиться и ждать...

– Ты забываешь самое важное, – перебил Стивенс. – Катавасию затеяли не студенческие братства; за всем этим стоит Университет. Вооруженные студенты – лишь видимая часть опасности.

– Но...

– Полиция тут бессильна. Университет ей не по зубам. Он может все, что угодно. Превратить дороги и газоны в зыбучие пески. Может свернуть асфальтовое покрытие в трубочку. Может колотить полицейских по головам скамейками и проламывать крыши их машин бегущими деревьями. Университет способен лепить каких угодно существ прямо из земли, из каловых масс в системе канализации. И все это будут убийцы – коварные, могучие, от одного вида которых стынет кровь в жилах и разрываются сердца! Ты понимаешь, с чем мы имеем дело? И с чем придется иметь дело полиции?

– Так почему же вы думаете, что вам удастся справиться с этим чудовищем?

– Я проделывал это раньше. Должно получиться и сейчас.

В словах Стивенса не было позерства или хвастовства. Это была спокойная констатация факта. А надежда на благополучный исход прозвучала так уверенно, что у Джима вдруг стало легче на душе. Этот человек знает, что делает. Этот не подведет. Возможно, Стивенс и в самом деле справится...

– Только помните, что Он слушал наш разговор, – сказал Джим.

– Слушать-то Он слушал, да вот только слышал ли? – возразил Стивенс. – Будем надеяться на то, что не слышал. Для Университета мы что-то вроде легкого кашля, который грозит со временем перейти в опасную пневмонию. Но у Него столько разных дел, что за суетой Он может и не прислушиваться к тому, что там болтают его враги. – Стивенс показал рукой в сторону главной площади, где происходили главные бесчинства. – Пока студенты бесятся, пока Университет пристально наблюдает за полицейскими кордонами, его внимание рассредоточено, и у нас есть шанс. – Посмотрев на Фарука, Стивенс добавил:

– А вам, молодой человек, необязательно идти со мной.

Редактор отдела новостей решительно замотал головой:

– Нет, нет, я с вами. одному вам будет слишком трудно.

– Тогда пошли. И так много времени потеряно. Тут наконец подал голос Ян:

– Чтобы прикрыть вас, мы можем устроить какую-нибудь диверсию.

– Не нужно. Ждите нас и не высовывайтесь.

– Здесь?

– Вы можете предложить место получше?

– Мне здесь не нравится. Слишком открыто. – Ян задумался на пару секунд и спросил:

– Как па-счет кафетерия? Это здание в стороне от других. Из окон хороший обзор – мы

заранее увидим, если кто-нибудь направится туда...

– Кафетерий чересчур далеко, – сказал Фарук. – От автостоянки до него пилить и пилить.

– К тому же, чтобы попасть туда, надо пересечь центральную площадь, – добавила Фейт.

– Комната приемной комиссии, – предложила Недра. Откашлявшись, она пояснила:

– Это недалеко, в главном административном корпусе. В здании сейчас практически никого нет. У меня ключи от этой комнаты. Там есть окна, но с металлическими ставнями.

– Отличный вариант, – сказал Ян.

– Хорошо, – согласился Стивенс. – Идите все к главному административному корпусу и ждите нас в этой самой комнате. И никого, кроме нас, не пускайте! Ни при каких условиях! Запихните жалость в карман. Под видом страдающих друзей к вам может пробраться смертельно опасный враг! – Он повернулся к Фаруку:

– Знаешь, где комната приемной комиссии?

Тот утвердительно кивнул.

– Ну, значит, разбегаемся. – Стивенс ткнул носком ботинка ящик с взрывным оборудованием. – Заберите с собой. Если мы не вернемся – используйте по назначению.

Ян кивнул.

Стивенс молча пошел прочь. Фарук на прощание быстро помахал всем рукой и последовал за ним. Джим проводил их взглядом. Нехорошее предчувствие вернулось. Он никогда больше не увидит их. Никогда.

– Пошли, – произнес Ян. Судя по его мрачному тону, профессор тоже не верил в благополучное возвращение Стивенса и Фарука. – Быть может, в логове с железными ставнями нам будет поспокойнее...

2

– Они не вернутся, – сказал Джим.

– Не дрейфь, дружище Шерлок, – отозвался Бакли.

– Я нутром чувствую. Нутром! И я ведь их предупреждал...

Фейт посмотрела на часы. Четверть четвертого. Они просидели в комнате приемной комиссии уже больше двух с половиной часов. В животе у нее бурлило, и мочевой пузырь раздулся, но она терпела и помалкивала. Они делали вылазку в туалет всего лишь час назад. Сперва мужчины сторожили возле женского туалета, потом девушки стояли "на стреме" возле мужского. Друзья в точности соблюдали приказ Стивенса держаться одной группой.

Фейт посмотрела на Яна и спросила:

– И что же мы теперь будем делать? Просто ждать? Как долго?

– Не знаю, – признался Ян.

– Скоро стемнеет, – произнес Бакли. – Или мы уходим отсюда тотчас же, или ночуем здесь. По-моему, шляться по территории университета ночью – в высшей степени неразумно.

– Попробуйте еще раз телефон, – предложил Ян.

– Я пыталась всего лишь десять минут назад, – сказала Недра. Тем не менее она сняла трубку, послушала и потом подняла ее так, чтобы все слышали доносящийся оттуда тихий злоеющий смех. Никаких гудков, а только, как и раньше, этот непрерывный тихий злоеющий смех. Недра медленно положила трубку.

– Внимание! Внимание, господа хорошие! Все разом вздрогнули и подняли головы. Насмешливый громкий голос донесся из громкоговорителя на потолке.

– Ритуальное жертвоприношение Фарука Джамалы, бывшего редактора отдела новостей "Дейли сентинел", а также печально знаменитого Гиффорда Стивенса, гнусного врага Университета, состоится через пятнадцать минут на стадионе! Приглашаются все! Мы приглашаем всех и каждого! Первокласное зрелище гарантируется! Предатели будут поджарены заживо на вертеле. Их мясом сможет угоститься всякий желающий. Налетай, братва, приноси свой соус и уплетай за обе щеки нежнейшее мясо!

Это было произнесено разбитным голосом профессионального магазинного зазывалы, записного весельчака и балагура. Контраст между интонацией и содержанием речи был настолько ужасен, что у Фейт задрожали руки и пересохло в горле.

– Brent Киилер! – воскликнул Бакли. – Узнаю голосок этого засранца!

– Вы думаете, они действительно... – испуганно начала Недра.

Но тут из репродуктора донеслось:

– А теперь, друзья мои, дабы поднять ваш аппетит и настроение, мы дадим вам послушать последние слова, точнее, последние визги, пiski и дрызги наших многонеуважаемых и скороседаемых.

Фейт чуть не потеряла сознание, когда из репродуктора донеслись крики и стоны Стивенса и Фарука. Стивенс честил своих мучителей последними словами, Фарук перемежал мольбы о пощаде с яростной бранью. Было страшно представить, что сейчас происходит на стадионе... Поверх воплей Стивенса и Фарука раздавался противный довольный смех Брента Киилера.

Фейт закрыла уши.

– Господи, можно как-нибудь выключить этот ужас? – закричала она.

Недра повернула ручку выключателя – но без результата. Внутренняя радиосвязь не отключалась.

– Я сейчас доберусь до него! – воскликнул Джим. Он схватил массивный степлер, вскочил на стол, быстро открутил решетку, прикрывавшую громкоговоритель, и несколькими ударами степлера разбил его. Репродуктор наконец затих.

Джим прыгнул со стола. Все удрученно молчали.

– Почему же мы так долго ничего не замечали? – воскликнула Недра. – Как получилось, что столько людей погибло прежде, чем мы заволновались всерьез? Ведь наверняка можно было с легкостью уничтожить всю эту дрянь еще в зародыше!

– Быть может, мы не такие уж хорошие, чистые и психически здоровые, какими себя воображаем, – сказал Джим. – А потому и сидели до последнего, пока жареный петух не клюнул...

– Мы замечали, – возразил Ян, трагически разводя руками. – Чуть ли не с самого начала замечали. И понимали. Только ничего не предпринимали. А когда решились – оказалось, что уже поздно...

– Но почему вдруг оказалось, что уже поздно? – в бессильной ярости спросил Джим. – В нас что, слишком много или слишком мало добра? Мы что, трусливо избегали сделать то, что следовало сделать? – Тут он воровато покосился на Фейт. – Или мы были заражены и были частью этой мерзости, потакали ей?

Засыпав друг друга вопросами – то ли риторическими, то ли бессмысленными, – они опять замолчали.

Фейт внезапно подумала о своей матери. О том, как люто она ее ненавидит. Быть может, Джим попал своими словами в самую точку...

Стивенс говорил, что Университет приобретает характер тех людей, которые его посещают. Он как бы отражение их преобладающих качеств. В этом случае ненависть Фейт к матери стала одним из кирпичиков, из которых создался этот, монстр. А может, недоброе отношение к матери открыло злу доступ в душу Фейт, и она невольно укрепляла мощь этого монстра...

– Я ненавижу свою мать, – внезапно отчетливо произнесла Фейт. – Возможно, именно поэтому я не замечала или не хотела замечать того, что происходило вокруг. Возможно, именно поэтому я ничего не предпринимала... И, может статься, именно из-за этой ненависти я являюсь частью мерзостного зла...

– А я ненавижу свою бывшую жену, – признался Ян. – Люто ненавижу.

Недра нервно облизала губы и, потупив глаза, произнесла:

– А я всем сердцем желала смерти своему начальнику...

– Да будет вам! – перебил ее Бакли. – Развели тут доморощенную психологию! Даже если вы все правы – что с того? Какой будет план дальнейших действий? Пригласим всех родных, близких и начальников, падем перед ними на колени, попросим прощения и помиримся? Устроим, так сказать, пир любви во время чумы?

– Конечно, нет, – огрызнулся Ян.

– А тогда на черта разводить антимионии? Давайте обратимся к миру по радио, скажем:

избавьтесь от враждебности друг к другу и вообще от дурных чувств. И в промежутках между абзацами нашего обращения пустим музыку Моцарта. Пам-пам-па-па! "Говорит радиостанция "Совесть планеты". Мы ведем свои передачи прямо из задницы..." Пам-пам-па-па!

Ян тяжело вздохнул.

– Если бы все разошлись с территории Университета, – сказал он, – то это заметным образом снизило бы его мощь. Ведь людская враждебность и отрицательные эмоции студентов и преподавателей действительно составляют как бы мускульную силу Университета...

– Случись подобное чудо, – с насмешливой горечью возразил Бакли, – а при данных обстоятельствах и помыслить об этом смешно, это было бы лишь временным затишьем. Как только люди вернутся в университет, прежний бардак продолжится.

– Это все пляска на костях, пустое зубоскальство, – сказал Ян. – Ты можешь предложить что-нибудь конкретное, умное?

Бакли фыркнул:

– Что-нибудь конкретное и умное? Мы влезем в компьютерную систему администрации и расформируем университет – то есть рассортируем студентов и преподавателей по окрестным университетам. Их как бы не станет. И Университет – сдох.

Ян сердито тряхнул головой.

– Глупость несусветная!

– Погодите! – воскликнула Фейт. У нее в голове вдруг родилась любопытная идея. – Быть может, предложение профессора Френча не такое уж и глупое!

– Бросьте, Фейт, я же просто валял дурака, – устало отмахнулся Бакли.

– Но в вашей шутке много здравого смысла. То, против чего мы боремся, это существо. Университет, не есть нечто обособленное от людей, не есть нечто пришедшее извне. Это существо идентично нашему университету, это и есть наш университет. Я хочу сказать, что мы суть часть этого монстра. Он состоит из нас. Каковы студенты и преподаватели, таков и университет. Мы определяем его характер, его "лицо".

– Не вижу новизны в мысли, – сказал Ян. – Обычно так оно и есть. Характер – "лицо" – университета зависит от суммы характеров студентов и преподавателей, а также обслуживающего персонала и руководства. Но беда взбесившихся университетов именно в том, что их характер не зависит от ротации людей на его территории. Этот характер остается подлым вне зависимости от того, сколько сволочей обретается на территории "сумасшедшего" университета. Вот почему в Бреа все повернулось так гнусно. Наш университет не умирает в конце каждого семестра и не возрождается в обновленном виде в начале каждого следующего семестра. Он живой, он непрерывно живой. Он отторгает доброе внутри себя. Он крепнет и жирует, питаясь всем злым, что попадает внутрь него.

Но Фейт не сдавалась, держала за хвост промелькнувшую идею и не давала ей исчезнуть в пропасти небытия.

– Таким образом, вы хотите сказать, что не люди, приходящие в "больной" университет, определяют его характер, а "больной" университет лепит или деформирует характер людей, приходящих в него?

– Верно. Удачнее и я бы не сформулировал.

– Тогда что вы скажете о некоем подобии переливания крови? Если сменить целиком состав учащихся и преподавателей... или хотя бы сделать так, чтобы на курсы лекций записались сотни порядочных людей... ведь Университету понадобится уйма времени, чтобы вылепить из этой массы неуправляемую орду мерзавцев? Он оздоровится на какое-то время. Или навсегда – если не справится с большим количеством нормальных людей, имеющих достаточно высокий иммунитет против зла.

Ян энергично кивнул головой. Глаза у него заблестели.

– А что, – сказал он, – очень даже любопытно. Я понимаю вашу мысль, Фейт...

– А я нет, – встряла Недра.

– Ну представьте, что вы вложили большие средства в реконструкцию района трущоб, – пояснила Фейт. – Или нет, немного не так, деньги отвлекают от сути сравнения... Это как если бы в запущенном районе, где живут белые с низким достатком, вдруг поселилось значительное количество чертовски трудолюбивых благонамеренных китайцев и вьетнамцев. Они бы

открыли множество дешевых чистеньких магазинчиков и ресторанов, затем скинулись и построили отличный торговый центр, облагородили местность, починили дома и так далее. Такое ведь произошло с несколькими районами Лос-Анджелеса, помните?

– Так что, по-твоему, нам следует сделать? – в высшей степени заинтересованно спросил Ян.

– Теперь-то уже ничего. Приди нам в голову эта идея раньше, мы бы привлекли в университет новых, порядочных людей. Массу новых людей. Конечно, это было бы непросто. Но ради этого стоило бы потрудиться – тем самым мы бы сместили равновесие в сторону сил добра. Теперь что говорить, время упущено, теперь можно только локти кусать... – Фейт обвела комнату печальным взглядом. – Особая ирония в том, что сейчас мы загнаны в помещение приемной комиссии. Именно прием новых студентов и преподавателей должен был стать ареной нашей деятельности... Здесь все под рукой – формуляры, картотеки... Правда, ни телефон, ни компьютеры не работают...

– Вы знаете, если бы компьютеры работали, – сказала Недра, – у нас был бы шанс на успех. Дело в том, что в последнее время мы вели работу по переводу компьютерной сети на систему "наберите 800". Я не знаю, насколько далеко продвинулась эта работа, но шла она в хорошем темпе, потому что ее целью было значительное сокращение расходов по регистрации новых студентов и желающих посетить те или иные курсы лекций. Смысл ее в том, что, если ваш компьютер подключен к общегородской сети, достаточно набрать по домашнему телефону номер 800, получить выход к университетскому компьютеру и ввести ответы на его вопросы, то есть сообщить данные о себе и о том, что вы хотите, а также назвать номер своей кредитной карточки, с которой будут сниматься деньги за посещение лекций. И все! Вы зарегистрированы и можете учиться. Никакой мороки. Не надо ехать в Бреа, занимать и без того забитую машинами стоянку, затем дожидаться очереди и беседовать с сотрудником приемной комиссии. Удобно и "потребителю", и университету. Наш компьютер теоретически может принимать одновременно двести звонков. Словом, система столь же эффективная, как заказы товаров в супермаркетах через домашний компьютер.

– Ах ты черт! – сказал Бакли. – Этим действительно можно было достаточно легко воспользоваться. Увы: близок локоток, да не укусишь!

– Да, – с грустью в голосе поддержала его Недра, – компьютеры отключены. К тому же я не знаю, в достаточной ли степени отлажена система "набери 800". Она ведь еще не начала функционировать в полном масштабе. Была только-только опробована... А если бы компьютерная сеть университета и работала – все равно мы отрезаны от окружающего мира. Нам никак не связаться с теми, кого мы могли бы завербовать в качестве новых учащихся...

Недра продолжала сетовать, но ее уже плохо слушали. Было ясно, что это все относится к разряду розовых мечтаний. А требовались конкретные, быстрые и, главное, осуществимые решения...

Вдруг раздался громкий стук в дверь. Кто-то бешено колотил по ней руками и ногами.

Все поневоле вскочили и попятились подальше от двери, к закрытым железными ставнями окнам.

– Нас нашли! – испуганно вскрикнула Недра.

– Впустите меня! – выкрикнул мужской голос в коридоре. – Это Фарук! Быстрее впустите меня!

Фарук? Фейт вопросительно посмотрела на Джима. Тот кивнул: да, это голос Фарука.

Ян воскликнул:

– Значит, эта сволочь нам солгала! Радиоспектакль нам устроила!

– Э! Э! Погоди! – заорал Бакли. – Сперва проверь как следует!

Но Ян уже метнулся к двери, защелкал запорами и распахнул ее. Фарук ввалился внутрь и жестом показал: немедленно закрывайте дверь за мной!

Вид у него был страшный: лицо в синяках и порезах, губы распухли и кровоточили, одежда изорвана. Однако живой – и на том спасибо!

Ян захлопнул дверь и запер все замки.

– Что случилось? – спросил Джим.

– Мы так и не добрались до грузовика. Там устроили засаду. Но у Стивенса был

револьвер, он начал палить и уложил нескольких мерзавцев. Пока они приходили в себя, нам удалось удрать.

– А Стивенс?.. – Ян побоялся закончить вопрос.

– Он кинулся в коммуникационный центр университета – подключить телефонную связь с окружающим миром и оживить университетскую компьютерную сеть. Толковый мужик, скажу я вам! Я был с ним в КЦУ и видел, как он работает. У него все получилось! Он послал меня к вам – он гарантирует, что техника будет работать какое-то время. Так что не зевайте!

Бабли восхищенно открыл рот:

– Ай да Стивенс, ай да молодец! Прямо читает мысли на расстоянии!

Недра схватила трубку ближайшего телефона. Поднеся ее к уху, послушала пару секунд, затем расплылась в счастливой улыбке.

– Работает! Есть гудки! – радостно сообщила она. Джим подпрыгнул и издал что-то вроде индейского победного клича.

Ян не стал тратить время на эмоции.

– За дело, друзья, – приказал он.

3

Брент Киилер осматривал университетскую территорию с крыши библиотеки, и на его лице медленно расплывалась улыбка. Все развивалось по намеченному плану.

С высоты своего удобного наблюдательного пункта Брент видел группу молодых женщин, избивающих стариков из Геронтологического центра, который входил в комплекс университетских научных заведений. Старики вопили от страха и боли, а девицы ломали их трости, таскали их за волосы и за бороды, избивали бейсбольными битами. Бренту особенно понравилась одна бойкая бабенка, которая пнула старушку коленом в живот и сорвала с ее головы парик, оголив лысый череп. Так ее, сучку старую, так ее!.. Бойкая бабенка еще пару раз ударила старушку и деловито занялась стариком – вмазала ему ногой в пах и пошла махать кулаками...

Брент рассмеялся и перевел взгляд правее.

Там члены университетской футбольной команды насиловали слепую девушку-первокурсницу. Сперва она кричала и сопротивлялась. А теперь лежала безжизненным неподвижным трупом на скамье и не мешала парням получать удовольствие. Брент одобрительно поцокал языком. Молодцы ребята, так ее, так ее!

Чуть дальше разгорался костер, на котором сотнями сжигали книги. А заодно и продавцов из университетского книжного магазина.

Да!!!

Брент довольно поежился. После того как ребята вдоволь натешатся-набалуются и все здесь окончательно испохабят. Университет будет готов перейти на новый, более высокий уровень существования. Они пойдут в наступление на город.

А наведя порядок в городе, двинут дальше, дальше...

Внизу пульсировала жизнь, бурлили низменные страсти, лилась кровь – ах как любо, как приятно! Брент словно самолично совершал каждое преступление. И было так отратно делать это и видеть перед собой в будущем бесконечный ряд подобных упоительных моментов.

И тут внизу случилось что-то важное. Толпы отвлеклись от своих дел и особенным образом заволновались. Сверху это было зримой переменой. Все устремились в одном направлении. К библиотеке.

Снизу раздался крик:

– Генерал! О мой генерал!

Брент перегнулся через перила и увидел на ступенях входа в библиотеку Джона Тейлора, который, закинув голову, звал командира.

Брент выпрямился, величаво поправил кобуру, приосанился, помахал Тейлору рукой и отозвался:

– Да, слушаю!

– Мой генерал, мы его зацапали.

– Его самого?

– Его самого!!!

Толпа внизу бесновалась. Брент довольно потер руки. Похоже, дело близится к блестящему завершению.

– Где этот сукин сын?

– Волокут сюда. Он убил полдюжины наших!

– Тащите его к художникам. Я иду.

Тейлор кивнул, отдал честь и побежал выполнять приказ.

Брент торопливо пересек крышу и спустился по лестнице на верхний этаж, а затем, почти бегом, на первый.

Выскочив из здания библиотеки, он увидел группу студентов и преподавателей, которые тащили за собой на веревках связанного и исполосованного кнутом бородатого мужчину.

Так вот он какой! Отступник! Предатель! Подлец! Ходячий кусок дерьма! Их правильно предупреждали, что это гад из гадов! Гиффорд Стивенс пытался воспрепятствовать планам Университета. Ничтожество хотело навязать свою волю – и кому!

Ну, теперь с этим мерзавцем покончено. Толпа вокруг Стивенса становилась все гуще. Студенты плевали отступнику в лицо, швыряли в него мелкими камнями. Стивенс то вскрикивал от боли, то разражался ругательствами. Он молот какую-то чепуху насчет того, что все они – исчадия ада, слугители зла, марионетки в руках Университета, в головах которых нет и грамма мозгов.

Брент медленно шел ему навстречу и посмеивался. Потеха, до чего наивен этот бородач! Вроде бы не мальчик, а такое несет в свой последний час!

Когда до Стивенса оставалось несколько шагов, Брент приказал:

– Стоять!

Теперь обессиленный и избитый Стивенс полувисел на натянутых веревках и с ненавистью смотрел в глаза Бренту.

– Ты под... – начал он, усилием воли выпрямляясь.

Брент ударил его кулаком в солнечное сплетение. Стивенс сложился вдвое. Брент довольно усмехнулся.

– Как приятно, Гиффорд, что вы теперь с нами. – Он нагнулся к самому лицу отступника и медоточивым голосом произнес ему почти в ухо:

– Да, теперь ты душой и телом с нами. Отныне ты верный раб Университета.

– Дудки! Никогда этого не будет! Стивенс попытался плюнуть в лицо Бренту. Но пыл так слаб, что и на это у него не хватило сил. Брент отскочил и заиграл желваками скул.

– Врешь, ты наш, – сказал он, бешено сверкнув глазами, – С тех самых пор, как ты убил свою жену.

– Я не убивал...

– Да, своими руками ты ее не убивал. Ты просто привел ее в Университет в качестве жертвоприношения и позволил ей умереть.

Стивенс опять попытался плюнуть Бренту в лицо. На сей раз Брент ударил его кулаком по губам.

– Вышесказанное доказывает то, что ты не враг, а предатель, – продолжал Брент, пока Стивенс выплевывал кровь и зубы. – Ас предателей спрос строже, чем с открытых врагов.

Он с удовлетворением заметил страх в глазах Стивенса. Ага, прорняло скотину!

Брент улыбнулся и громко, уже для толпы, произнес:

– Да, ты умрешь. Но ты будешь умирать медленно, мучительно. И твоя смерть будет предельно унижительной. Именно такую смерть ты заслужил. – Брент сделал знак тем, кто держал веревки:

– Тащите его к корпусу визуальных искусств.

Перед входом в здание стояло несколько столов, за которыми работали студенты из художественного класса. Они трудились над головой Дина Йенсена – гримировали его под покойного комика Граучо Маркса. При этом ребята вели громкий спор и уже готовились вцепиться друг другу в волосы.

Один кричал:

– Нам нужно социально ответственное реалистическое искусство! Долой постмодернистские штучки-дрючки, непонятные широким массам! Даешь истинно пролетарское искусство!

Второй яростно возражал:

– Мы несем новое слово в современном искусстве! Нам есть что сказать. Мы становимся на плечи гигантов прошлого!

Третий талдычил свое:

– Не подобает вести полемику, симплицирующую высшие художественные ценности... Брент хохотнул и крикнул:

– Веселый вы народ, ребята! Только отвлекитесь на минутку – мы вам доставили новый материал для творчества.

Годвин, возглавлявший шайку художников, критически осмотрел голову Стивенса и задумчиво поцокал языком.

– Кончилось ваше время! – выкрикнул Стивенс. – Можете убить меня, но вам не победить!

Годвин подошел поближе к Стивенсу, затем вдохновенно взмахнул рукой.

– Да, материал хороший. Мы беремся за него. Брент ухмыльнулся и сказал:

– Отлично. Его голова – ваша. Художники схватились за инструменты – ножи, скальпели, ножницы, бритвы.

– Вы можете убить меня, – снова закричал Стивенс, – но мое дело правое! Мы победим!

Годвин первым полоснул по шее Стивенса. Подошли и другие художники. Одни держали дергающееся тело, другие кромсали шею Стивенса.

Они знали свое дело. Крови было много, но Стивенс все еще дергался, даже периодически открывал помутневшие глаза. Брент наблюдал за концом отступника. Было приятно ощущать такую власть.

Один из художников стоял в стороне и причитал:

– Разве это материал? Это профанация!.. Мы должны выбирать из сотен отрезанных голов, из тысяч отрезанных голов, а не кидаться на первую попавшуюся!

– Башка что надо! – отвечал Годвин. – Мы из нее сделаем шедевр!

Когда голова была наконец отделена от тела, Брент повернулся и под восторженные крики толпы зашагал обратно в библиотеку. По дороге он весело насвистывал.

4

Джим хотел позвонить своей матери, Фарук – своему отцу. Недра – своему парню, но Ян решительно запретил эти частные звонки. Телефоны могут отключиться в любую минуту, надо спешить. Господь ведаёт, каким образом Стивенсу удалось обойти волю Университета и заставить телефоны и компьютеры работать в нормальном режиме. Но одно ясно – эта лафа долго не продлится! Поэтому нечего обзванивать родных и близких и успокаивать их. Многие, наверное, еще ничего не знают и не успели даже разволноваться. К тому же еще рано кого-либо успокаивать. Их жизни висят на волоске.

Эленор, конечно, уже была в курсе того, что университет захвачен бунтующими толпами. Она должна отреагировать быстро и правильно.

Однако, услышав его голос, она бросила трубку. Ян взвыл от злости. Этого только сейчас не хватало! Каким же дураком он был, что не помирился с ней сразу, что оставил выяснение отношений на потом. Вот и получай, идиот! У женщин свой склад ума, их обидчивость надо принимать всерьез. Он относился к Эленор как к ребенку, которого надо защищать и оберегать от опасностей, а следовало видеть в ней партнера, взрослую и достаточно сильную женщину...

Но не было времени пережевывать прошлое и терзать себя упреками. Ян быстро повторно набрал номер. Теперь включился автоответчик. Что ж, это не так плохо. Он скажет все нужное, а она неизбежно это рано или поздно выслушает. А может, и уже слушает.

Он скороговоркой описал ситуацию, сообщил свое местонахождение. Потом попросил Эленор немедленно набрать 800, зарегистрироваться в качестве слушательницы лекций в Бреаском университете и сообщить компьютеру номер ее кредитной карточки.

– У меня куча друзей в Аризоне, – шепотом сказал Джим. – Все они тоже могут зарегистрироваться. – Молодой человек стал быстро писать телефонные номера на бумажке. – Если мне не удастся позвонить, попросите ее связаться с моей мамой и сообщить, что я жив и здоров.

Фейт тоже встряла в разговор:

– Пусть она позвонит в полицию. И городским властям. – Тут она протянула Яну бумажку с номером. – И моему брату пусть позвонит. Пожалуйста.

Ян кивал, но говорил свое.

Линия работала, коротких гудков не было. Стало быть, Эленор слушает.

Как только Ян, сообщив номер телефона, повесил трубку, ее схватила Недра. Она позвонила своему парню. Того не оказалось дома. Недра оставила ему сообщение с просьбой незамедлительно позвонить ей на работу.

Через секунду после того, как она повесила трубку, раздался звонок. Это была Эленор. Недра передала трубку Яну.

– Извини, – сказала всхлипывающая Эленор. – Я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю. А теперь быстро набери 800 и зарегистрируйся. И немедленно перезвони мне. Мам важно знать, работает ли система.

– Хорошо, – сказала Эленор. Она разом перестала плакать, ее голос стал деловитым. – Постараюсь управиться за пять минут.

О, это были самые долгие пять минут в его жизни! Яна так и подмывало снять трубку и проверить, работает ли еще телефон. А вдруг из трубки вновь донесется этот мерзкий смех, от которого волосы дыбом встают? Но нельзя было занимать линию, потому что Эленор могла позвонить в любую секунду.

Ровно через пять минут раздался звонок.

– Система работает! – радостно сообщила Эленор. – Я зарегистрировалась, – Слава Богу!

– Теперь можно обзванивать ваших родных и близких и друзей и регистрировать их. Но это займет невероятно много времени, а результат будет не слишком-то значителен. Поэтому я предлагаю кое-что другое.

– А именно? – спросил Ян.

– Правда, это противозаконно. И неэтично...

– Да плевать! Кто думает о законе и этике в такой ситуации! Что ты предлагаешь?

– Автоматический режим массовой регистрации. То есть режим общения между компьютерами без участия человека. Один банк данных входит в контакт с другим. Регистрация не индивидуальная, а сразу сотнями и тысячами.

– О-о! – радостно воскликнул Ян. Он понял, какие перспективы сулит подобный вариант.

– В компьютерном банке нашей фирмы десятки тысяч человек. Все данные, в том числе и номера кредитных карточек. Я могу по-быстрому создать спецпрограмму, которая перебросит фамилии и все прочее в университетский банк данных. У вас будут тысячи новых слушателей!

– Валяй!

– С полицией и городскими властями мне связаться до этого или после? – почти официальным тоном спросила Эленор.

– Черт с ними, с властями и полицией! Забудь пока. Прежде чем они врубятся в ситуацию, каша заварится такая, что ее уже будет не расхлебать без помощи ядерной бомбы! Если получится – тебя оправдают. Они не совсем придурки и в конце концов поймут, что выбора у нас не было.

– Все это займет несколько часов. Надо ли мне периодически звонить тебе и сообщать, как идут дела?

– Лучше мы будем связываться с тобой. По возможности. Ты работай и ни на что не отвлекайся.

– Тогда я начинаю.

– Огромное спасибо, – сказал Ян. – И помни, я люблю тебя. Очень.

– Ладно, кто старое помянет... Даже к лучшему оказалось, что я не поехала с тобой. Иначе я не смогла бы помочь тебе. Надеюсь, все у нас получится. Держитесь!

– Будем уповать на удачу. Пока!

Он повесил трубку и объяснил остальным блистательное предложение Эленор.

– А что, если она запишет в слушатели университета не тех людей? То есть плохих.

– Нам не приходится выбирать. Будем надеяться на лучшее.

Фейт нервно облизала губы.

– Наверное, Эленор не стоит звонить моему брату и записывать его, – сказала она. – Я не знаю точно, какой он... хороший или плохой.

– Хороший или плохой, – повторил за ней Ян. – Тоска берет, когда подумаешь, что всякий раз все сводится к одному и тому же: добро и зло. Вроде бы так примитивно, так однообразно... Что бы ни происходило, какие бы силы не были замешаны – в итоге все сводится к извечной борьбе добра и зла. – Ян с грустью посмотрел на Фейт. – Ну так что с твоим братом? Каков твой окончательный приговор?

Девушка встретила взглядом с профессором Эмерсоном и решительно сказала:

– Пусть она звонит ему – после того как сделает массовые перебросы. Я верю в своего брата. В глубине души он хороший.

– А зачем ждать? Телефон свободен. Позвони сама – и пусть брат немедленно зарегистрируется в качестве слушателя Бреаского университета.

– Послушайте, – сказал Бакли, – чего ради вы играете в эти игры? Что нам это даст – реально? Неужели вы всерьез верите, что, прибавив в списки студентов несколько тысяч "мертвых душ", вы сможете переломить ситуацию, вернуть университет к нормальной жизни?

– Вернуть университет к нормальной жизни – это вряд ли, – сказал Ян. – Но мы имеем дело с силой, которая сведения в своем компьютерном банке принимает всерьез. Уж такова природа этой силы – ведь это разум, близкий к компьютерному, а значит, у него и свойственная компьютеру прямолинейность мышления... По крайней мере у нас есть основания надеяться на подобную прямолинейность. Если мы ошибаемся – дела наши очень и очень плохи... Но если мы все-таки не ошибаемся, тогда мы получим короткую передышку потому что Университет не сразу разберется с подтасовкой, и какое-то время ему будет не до нас.

– И что мы станем делать во время этой "короткой передышки"?

– Разместим в нужных местах взрывчатку Стивенса и взорвем Университет к чертовой матери!

Эленор позвонила в последний раз незадолго до шести вечера. Она сообщила, что номер 800 все еще функционирует и она готова запустить свою программу.

– Я решила сделать кое-что получше, чем приписывать к университету сотрудников и клиентов нашей фирмы. Я сделаю слушателями Бреаского университета всех учащихся Калифорнийского Христианского колледжа.

– Великолепная идея! – воскликнул Ян.

– Полагаю, что в религиозном колледже процент добропорядочных парней и девушек выше, нежели в массе населения.

– Ты прелесть! Умница моя!

– Но учти, что переброс данных произойдет очень быстро, практически мгновенно. В Калифорнийском Христианском колледже десять тысяч человек. Еще шесть тысяч я прибавлю из клиентов нашей фирмы – больше не могу, так как для этого мне надо обращаться к начальству и просить доступ к файлам, с которыми я обычно не имею дела. Это может вызвать подозрения и к тому же отнимет много времени. Таким образом, вы получите сразу, одномоментно, шестнадцать тысяч новых слушателей. Независимо от мощи Университета он не сможет сразу переварить такое количество. Это для него будет серьезным ударом. Он займется обработкой информации и какими-то мерами по стабилизации ситуации.

– Да, ты все понимаешь правильно.

– Поэтому умоляю тебя – действуйте без промедления. Я боюсь, что Университет справится с этой проблемой довольно быстро. Насколько быстро – можно только гадать. И эта неопределенность меня убивает. Но я не сомневаюсь, что слабее всего Университет окажется именно в первый, шоковый момент, когда обнаружит внутри себя лишние шестнадцать тысяч "клеток". Как скоро он "опомнится" – никто сказать не может...

– А ты в силах продолжать накачку все новыми именами?

– Попробую. Но как только Университет поймет, что происходит, он отключит систему.

Поэтому не стоит надеяться на вторую волну "принятых". Выбирайтесь из своего логова и действуйте. Немедленно!

Ян посмотрел на часы:

– Даю тебе пять минут. Для компьютерного переброса достаточно. Ровно в шесть мы выходим.

– Я не подведу. Ни пуха, ни пера!

– К черту!

После этого телефон перестал действовать. Ян мог только гадать, значит ли это, что и линия 800 заблокирована, а вместе с ней и компьютерная сеть приемной комиссии. Оставалось надеяться на лучшее. Ян приказал всем приготовиться к выходу. Стивенса по-прежнему не было. И он никак не дал о себе знать. Телефоны работали достаточно долго. Он мог бы связаться – и все-таки не появился... Вполне возможно, что его уже нет в живых. Работа связи позволяла верить в то, что Стивенс остается на посту, следит за электроникой. Однако можно было предположить и другое – что он отладил систему, соединил какие-то провода, а потом направился к ним, в помещение приемной комиссии. И по пути угодил в руки к негодяям... Теперь, когда телефоны замолчали, Ян уже не сомневался в том, что Стивенс погиб.

Он не стал делиться этой мыслью со своими друзьями и продолжал действовать так, словно все идет по плану, без сучка без задоринки...

Ровно в шесть он открыл дверь.

В коридоре царила мертвая тишина. Ни души.

Медленно и с опаской, готовые в любой момент кинуться обратно в свое убежище, если на них нападут, друзья вышли в центральный холл первого этажа. Там все выглядело не так мирно: перевернутые стулья и столы, разбитые горшки с цветами, разбитые окна. На полу валяются какие-то изорванные и обожженные документы, штукатурка. В начале лестницы, ведущей на второй этаж, лежала на спине голая секретарша, глядя в потолок мертвыми глазами. Бурая запекшаяся кровь на лице и на теле.

– А не лучше ли нам вернуться назад? – дрожащим голосом предложила Недра.

– Что здесь случилось, то уже случилось, – сказал Ян. – Думаю, снаружи тоже затишье. Они тут долго и так основательно бесновались, что теперь должны на время утихомириться и немного отдохнуть перед новыми "подвигами". И мы застанем их врасплох. – Ян повернулся к Фаруку. – Сперва следует найти Стивенса. Где он может быть?

– Я оставил его в компьютерном коммуникационном центре – в подвальном помещении того здания, где факультет физики.

– Ладно, сходим туда.

Они вышли из здания.

Все вокруг успело резко измениться.

Уже стемнело, солнце зашло час назад, но территория университета была залита светом. Светились едва ли не все окна, горели фонари – и в полный накал. Такого в обычные дни не бывало. Университетское начальство всегда экономило на электричестве.

Однако "география" университета странным образом переменилась. Асфальтовые дорожки разбрелись, какая куда хотела. К примеру, та, что вела от главного административного корпуса к биологическому, теперь делала крюк и упиралась в естественно-научный корпус. Кусты и деревья тоже были не на своих привычных местах. Появились новые холмы, а старые исчезли. Возле студенческого центра зияла дыра – что-то вроде огромного туннеля или колодца, уходящего почти вертикально вниз.

С первого взгляда невозможно было заметить и перечислить все изменения. Складывалось впечатление, что идешь по чужой территории. И лишь привычные здания на привычных местах доказывали: это Бреаский университет. Неподалеку то, что было раньше бетонной скамейкой, приняло форму бетонного трона, на котором восседал труп мужчины; на голом теле кишели какие-то насекомые.

А впрочем, нет, мужчина не был мертв. Пока друзья смотрели на него, он пару раз дернулся всем телом и сдавленным голосом застонал.

– Хотел бы я знать, как вышло, что мы ничего не слышали? – сказал Бакли, изумленно взирая на совершенно новый ландшафт. – Ведь тут произошло нечто покруче землетрясения. А

мы и вибрации никакой не заметили!

– Да, настоящая чертовщина, – согласился Ян. – Никакого объяснения я предложить не могу... Одно очевидно – все это не к добру.

– Когда ты бежал от Стивенса к нам – все это уже было? – спросил Бакли Фарука.

– Кое-какие перемены я уже видел. Но с тех пор произошли новые.

Не изменилось лишь одно: противостояние между студенческими общинами и полицией продолжалось.

Полицейских стало по меньшей мере вдесятеро больше. Вокруг университета установили разнокалиберные прожекторы. В переулках темнели корпуса бронетранспортеров. Очевидно, подтягивали и военные части. В воздухе шумно кружили два вертолета с копами.

Но, похоже, на студентов обилие вооруженных блюстителей порядка не произвело особого впечатления. Они выставили караулы на баррикадах, которые временами постреливали, если замечали малейшую активность со стороны полиции.

На фонарном столбе у границы с городской территорией покачивался повешенный полицейский.

Казалось, жизнь университета рассредоточилась по его периметру. Там, где стояли Ян с друзьями, было тихо и пустынно. Совсем недавно в центре студгородка бесновались многотысячные толпы. Теперь все замерло.

И тем не менее Ян соблюдал предельную осторожность. Они шли вперед пригибаясь, стараясь двигаться за кустами, быстрее и незаметнее пересекать открытые места.

Ян был предельно сосредоточен. Он понимал, что в отсутствие Стивенса он командир и на нем лежит ответственность за жизнь друзей и за успех их дела. Ему несколько не хотелось быть командиром и брать на себя ответственность. Но так уж вышло...

Почва под ногами странно, неприятно вибрировала – точнее сказать, ритмично пульсировала. Это напоминало биение исполинского сердца. Ян чувствовал пульсацию, но не решался спросить, ощущают ли ее остальные. Наверное, ощущают...

Ближе к студенческому центру они заметили первых людей и проворно спрятались за кустами. Над входом висел огромный транспарант:

ПЕРВЫЙ ЕЖЕГОДНЫЙ ЧЕМПИОНАТ ПО ШВЫРЯНИЮ КАРЛИКОВ

Из окон пятого этажа торчало множество голов – студенты и преподаватели. Оттуда доносился хохот и веселые голоса:

– Заноси! Ра-азмахнулись! Раз, два, три.

– Один к десяти, что у вас тоже ничего не получится!

– Па-а-алетел!

– Эх вы, мазилы!

Под улюлюканье зрителей из окна периодически выбрасывали очередного карлика. Смысл соревнования был в том, кто нанижет карлика на заостренный шест, установленный внизу. На бетоне уже лежало пять или шесть крохотных фигурок с разможженными черепами. Но до сих пор никто не сумел бросить карлика точно на шест; чтобы тот проткнул его насквозь.

– Эй, что же это такое! – крикнул кто-то. – Карлики закончились! Что будем делать?

– Дашь узкоглазых!

– Узкоглазых уже всех порешили.

– Дашь ниггеров!

– Парочка ниггеров еще где-то заваялась. Сейчас разыщем.

Ян повел своих друзей обходной дорогой. Время от времени им попадались большие группы студентов и преподавателей. Но это были странные группы – тихие подавленные люди. Они преимущественно сидели на газонах или на ступенях зданий. Лишь немногие из них вяло перемещались. Остальные были словно в ступоре. И все молчали.

"Не иначе как действует!" – подумал Ян. Похоже, агрессивность большинства парализована. Эленор удалась ее противозаконная компьютерная операция. Университет занялся новыми слушателями и перестал контролировать души уже имеющихся студентов и преподавателей. И словно марионетки, хозяин которых пошел перекусить, эти люди утратили способность двигаться и что-то делать...

Дай-то Бог, чтобы его догадка оказалась правильной...

И тут он увидел это. Голова Стивенса.

Трудно было узнать ее, но он ее узнал... Ян не сомневался в том, что Стивенс погиб. Но вид этой мертвой головы подействовал как удар в солнечное сплетение.

Голова Стивенса была насажена на пикку с медным наконечником. И была лишь одной в шпалере из двух десятков насаженных на пики голов, "украшавших" последние метры асфальтовой дорожки, что вела к корпусу визуальных искусств. Головы были искусно загримированы под знаменитых людей – шляпы, парики, приклеенные бакенбарды и усы довершали сходство. Тут были головы Гитлера, Граучо Маркса, Майкла Джексона, Рональда Рейгана и многих других.

Стивенса загримировали под певицу Мадонну. Бороду ему обрили, скальп срезали и заменили светлым париком. Хрящи носа сломали, изменили его форму, губы вырезали и заменили женскими, широкими, полнокровными. Работа была выполнена с огромным мастерством – этого не отнимешь.

Практически только по глазам и контурам лица можно было узнать яростного профессора Стивенса, неугомонного университетоборца...

Самое страшное во всем этом было то, что Ян понял мысль художников. Жуткая метафора. Художники хотели сказать, что из самого отвратительного, противоестественного материала можно создавать шедевры Искусства. Именно Искусства, с большой буквы. Теоретик внутри Яна констатировал, что это действительно Творения, высокоталантливые произведения... искусства? извращенного ума? преступных душ? Парадокс содержал в себе нечто глубоко тревожащее. От таких мыслей хоть на стену лезь...

– А куда эти суки дели тело? – тихо спросил Бакли.

Было ясно, что и он узнал в "Мадонне" Гиффорда Стивенса.

– Не знаю, – ответил Ян.

Он был удивлен спокойствием своего голоса. При такой буре в душе его голос, казалось бы, должен дрожать и срываться...

Ян продолжал смотреть на "Мадонну", стараясь мысленно восстановить черты Гиффорда Стивенса. Он полностью сосредоточился на этом – как будто в случае удачи лицо Стивенса подскажет ему что-то важное, объяснит происходящее вокруг, укажет последовательность предстоящих действий...

Яну не хватало времени, чтобы самостоятельно обрести ясность мысли, рассортировать впечатления и наметить план действий. Он не привык быть лидером – и учиться этому в подобных условиях было особенно трудно...

– Что будем делать? – спросила Фейт. Да, неотвратимый вопрос озвучен.

"Я не знаю! – хотелось выкрикнуть Яну. – Это Стивенс знал! Но теперь Стивенс мертв, и мы все пропали".

Однако он не имел права раскисать и паниковать.

Поэтому повернулся к остальным и с бодрой улыбкой спокойным тоном сказал:

– Как что? План действий уже намечен. Надо его выполнять. Готовим все к уничтожению Университета. Затем Ян обратился к Фаруку:

– Знаешь, где стоит грузовичок Стивенса?

– Нет, он не успел показать. Хотя примерно где – знаю.

– Тогда вперед.

– Но там охрана...

– Да-а, охрана...

Ян тряхнул головой. Хорош командир – того и гляди заведет отряд в ловушку, где их перебьют как кроликов... Ясности мысли не хватало. Недоставало и военной сноровки. Ян понял, до какой степени он прежде уповал на Стивенса и как слепо следовал за ним. Теперь они будто заблудившиеся в лесу дети – куда податься?..

– Я не знаю, насколько это важно, – сказал Фарук, – но на прощание он сказал: "Если со мной что случится, передайте Эмерсону, что мозг Университета – это библиотека".

– Что-о?

– Да, он сказал именно так: "Мозг Университета – это библиотека". Что это значит и как это использовать – я не знаю. И он не объяснил.

– Что же ты молчал! – с упреком воскликнул Ян.

Затем он посмотрел на Джима и в задумчивости произнес:

– Убить мозг – и тело погибнет. Кажется, Стивенс говорил что-то в этом роде.

Бабли фыркнул и сказал насмешливо:

– Он же говорил, что Университет не имеет строго разграниченных органов. Стало быть, теперь эту теорию следует похерить? – Хихикнув, он добавил:

– Если конкретные органы существуют, то лучше всего кастрировать Университет. Чтоб не прижил с кем-нибудь или чем-нибудь новых Университетиков.

– Заткнись, зубоскал чертов! – рявкнул Ян. – В словах Стивенса что-то есть. Они не зря сказаны...

После нескольких секунд размышления, профессор обратился ко всем:

– Друзья, перед нами будет непростая задача. Однако это шанс. У нас есть возможность покончить с монстром одним махом. Уничтожить библиотеку – значит уничтожить мозг. А без мозга Университет погибнет.

– Об этом нам следовало догадаться раньше, – сказала Фейт. – Когда я изучала историю университета, то выяснила, что наибольшее количество изнасилований и нападений было совершено именно в библиотеке. Я как-то не слишком обратила внимание на этот факт, а теперь вижу все его значение! К тому же в библиотеке собрана коллекция всякой дряни: разного рода грязная литература, сочинения настоящих моральных выродков. Порнография с участием детей. Дневники серийных убийц. Записки нацистов. Документы к истории сатанинских культов. Даже в "хорошие" годы, когда насилие еще держалось в каких-то разумных рамках, шел неуклонный сбор этой мерзости. – Фейт сделала паузу и потом продолжила скороговоркой:

– И внутри библиотеки эту мерзкую ауру можно почувствовать нутром! Атмосфера там пронизана какими-то нечистыми моральными испарениями... Мне это место не понравилось с первой же минуты...

– Да, – сказал Фарук, – особенно страшен там шестой этаж.

Фейт взволнованно кивнула:

– Ну да! Шестой этаж! Значит, не я одна заметила, не я одна почувствовала!

– И к тому же библиотека находится в самом центре университетской территории, – вставила Недра.

– Идем в мой кабинет, – решительно сказал Ян. Он внутренне ободрился, ощутил прилив сил и возвращение надежды. – Заберем взрывчатку и...

Он не договорил.

С середины центральной площади в их сторону кто-то бежал. Откуда взялся – непонятно.словно из земли вырос. Там вроде нет ни кустов, ни деревьев, за которыми можно прятаться. Площадь была очень хорошо освещена, но Ян не мог разглядеть, кто же к ним бежит. Ряженный какой-то – в костюме зверя. За этим непонятным человеком гнались двое мужчин в лабораторных халатах.

Когда странная троица была уже в нескольких метрах от них, до Яна дошло, что это не ряженный. Два профессора в лабораторных халатах преследовали неизвестное существо двухметрового роста, напоминавшее медведя, скрещенного с неандертальцем. Существо тонко взвизгивало – звуки напоминали рассерженный писк крысы, усиленный мегафоном.

– Что за... – начал Ян.

Внезапно существо изменило направление бега и помчалось прямо на группу друзей Яна Эмерсона. Те кинулись врассыпную.

Однако существо оказалось проворнее людей. Оно сделало прыжок, схватило огромной лапой Недру и побежало дальше с ней под мышкой – будто девушка ничего не весила.

Недра кричала не своим голосом. Ян и остальные мужчины бросились за существом, но оно еще раз развернулось и стремительно помчалось в сторону : туннеля-колодца у входа в студенческий центр.

– Недра! – истошно кричала где-то сзади Фейт.

У Яна скоро перехватило дыхание, и он замедлил бег. Но Фарук и Джим продолжали погоню.

Яна догнали оба профессора в белых халатах. Они на бегу делали какие-то заметки. Один периодически останавливался и быстро писал что-то в блокноте, который держал в руке; другой наговаривал текст в портативный магнитофон. Ян расслышал следующие слова:

– ..При малейшей угрозе проявляет нетипично высокий уровень агрессивности. Однако столь же острая реакция возникает и без провокации извне, лишь при близости женщины, у которой менструация... Если он будет подчиняться генетически заложенной поведенческой программе, то далее неизбежно следует вырывание глаз у жертвы и их пожирание...

Из-за спины бесстрастного профессора появился тяжело отдувающийся на бегу Бакли. Он развернулся и заехал мужчине в белом халате коленом в пах. Тот охнул и повалился на землю.

Но второй профессор, с блокнотом в руке, продолжал бежать, игнорируя нападение на коллегу.

– Что... вы... делаете... сукины... дети? – выкрикнул ему вслед вконец запыхавшийся Бакли.

Ответа он не получил.

Ян и Бакли стояли рядом, схватившись за правый бок, и тяжело дышали. Бакли был бледен как смерть. Ян подумал, что он и сам, наверное, выглядит не лучше.

Через минуту вернулись Джим и Фарук. Лица у них были не столько бледные, сколько зеленые. Глаза выкатывались из орбит.

Ян не стал спрашивать их, что они видели, откуда у них такое страшное выражение на лицах. Да и они ничего не говорили. Все было ясно без слов.

– Пошли, – сказал Ян. – Возьмем чертежи зданий и взрывчатку. Библиотеку надо взорвать. Как можно быстрее.

– А что, если это все-таки не мозг? – спросила подошедшая к ним Фейт.

– Мозг не мозг!.. По крайней мере взрыв произведет сильное впечатление – и на Университет и на отряды студентов, и на полицию. Возникнет паника. Совершенно очевидно, что Университет заметно ослабел. Взрыв библиотеки может добить его.

– А если студенты не сдрейфят и не оставят баррикады? – спросил Джим.

– Так или иначе, полиция не будет ждать целую вечность. Они начнут штурм. Если взрыв разрушит шестиэтажное здание на территории университета, полиция уже не сможет вести планомерную длительную осаду. Ей придется начать самые решительные действия. С привлечением армии. А когда они увидят во всех подробностях, что здесь произошло или происходит, то через час сюда направят армейскую дивизию и танковый батальон.

– Ты действительно веришь в то, что говоришь? – спросил Бакли. – А если не сработает?

– Нечего гадать. Будем решать проблемы по мере их возникновения, – решительно отрезал Ян.

5

Все это как ночной кошмар, думалось Джиму. Только не так страшно, как бывает во сне. Ужас тот же, сюрреализм и абсурд – те же. Но в реальности события развивались настолько быстро, что он не успевал толком осмыслить происходящее. Он не мог позволить себе эмоциональную роскошь пугаться, потому что надо было реагировать и спасти свою шкуру.

Друзья были рядом – и погибали. Монстры появлялись и исчезали. Но несмотря на все, надо было двигаться дальше.

Очевидно, на войне точно так же. Друзья рядом падают, а ты обязан идти дальше...

Потом, когда все кончится, у нас будет чудовищный посттравматический шок, думал Джим.

Но это потом.

И только если мы выживем.

И только если все это закончится...

Добраться до кабинета Яна оказалось легче, чем казалось поначалу.

Они прошли мимо закутанного в тогу студента, который лениво швырял учебники в трупы двух профессоров. Апатичный парень не обратил на группу никакого внимания.

И еще люди встречались на их пути. Одни стояли и таращились в землю, прислонившись

спинами к стволам деревьев. Другие неподвижно сидели и провожали Яна и его друзей ничего не выражающим взглядом. Все, кого они встречали по дороге к кабинету профессора Эмерсона, напоминали кукол на батарейках, у которых заканчивался заряд.

В самом здании они не заметили перемен. Лифты, конечно, не работали. Ян, опасливо озираясь, повел группу вверх по лестнице.

Лестничная клетка выглядела нормальной. Никаких странных метаморфоз.

Зато на пятом этаже их ожидал сюрприз. Здесь на линолеуме росла трава. Стены причудливо изогнулись и вспучились. Прямых углов почти не было – казалось, стены стали резиновыми, мягкими, податливыми. А потолок сиял как одна сплошная люминесцентная лампа – странный холодный белый свет.

Ян взял с собой Джима. Остальным велел ждать на лестничной площадке.

Кое-где стены наплыли на двери, почти полностью закрыли их. Перед дверью в кабинет Яна тоже был гигантский нарост но, к счастью, она легко открылась.

Джим и Ян поднырнули под нарост и стали перетаскивать оборудование и чертежи в коридор, складывая все на траве.

Коридор, казалось, дышал – громко, страшно, астматично. Воздух со всхлипами засасывало в вентиляционные трубы. Ян и Джим старались не обращать внимания на эти штучки, которыми Университет их запугивал.

Но тут потолки перестали светиться. Друзья оказались в коридоре в крошечной тьме.

– Не суетись, – сказал Ян Джиму. – погоди секундочку, я сейчас.

Джим услышал, как Ян вернулся в кабинет, погромел ящиками. Затем вспыхнул свет, и Ян появился в дверном проеме с фонариком в руке.

– Набор на случай землетрясения, – пояснил он. – Полезно быть готовым ко всяким случайностям.

Нагруженные взрывчаткой и детонаторами, они без приключений добрались до лестничной клетки и там внимательно рассмотрели поэтажные планы библиотеки. Точки, помеченные Стивенсом, оказались в легко доступных местах. Даже не придется лезть в подвал. Заложить взрывчатку предполагалось на первом и третьем этажах. Фейт подсказала самые лучшие маршруты.

– А кто установит бомбы? – спросила она.

– Я, – сказал Джим.

Девушка вздрогнула и решительно возразила:

– Нет!

– Тогда кто же? – пожал плечами Джим. Кивнув в сторону Яна и Бакли, он сказал:

– Я моложе. А что касается тебя, Фарук, то я в лучшей спортивной форме, чем ты. Не обижайся на правду. Бегаю я быстрее всех вас. А это важно. И с этими штуковинами сумею разобраться.

– Нет, – сказал Ян. – Бомбы устанавливаю я. Джим потянул ящик со взрывчаткой к себе.

– И не думайте! Ценю вашу храбрость, но это должен сделать самый проворный из нас. То есть я. И не будем тратить время на препирания. Университет скорее всего слышит каждое наше слово. И если он вслушается, то начнет немедленно блокировать все двери в библиотеке!

Джим взял необходимое и собрался в путь.

– Один ты идти не можешь, – сказал Ян. – Мало ли что приключится... А дело архиважное. Нужно прикрытие. Поэтому я тоже иду.

– А остальным что делать? – спросил Бакли.

– Ждите нас на центральной площади. Спрячьтесь за кустами или деревьями и сидите тихо. Только уйдите как можно дальше от библиотеки! Куда-нибудь к корпусу социальных наук.

– Я с вами! – неожиданно заявила Фейт. Джим строго посмотрел на нее и начал:

– Я не хочу, чтобы...

– Чем больше народу, тем надежнее.

– И я... я тоже иду с вами, – сказал Бакли. Фарук смущенно откашлялся и заявил:

– Не думаете же вы, что я могу остаться один! Да ни за какие коврижки!

– Похоже, с вами не поспоришь, – сказал Ян. – Ладно, идем все вместе. Может, это

действительно самое разумное решение. Пока что мы своим трюком с регистрацией парализовали Университет, но надолго ли? Надо поторапливаться!

Они поспешно спустились вниз – правда, со взрывчаткой обращались с предельной осторожностью.

Снаружи было тихо и пустынно. Немногочисленные студенты и преподаватели бродили как сонные мухи. Группа Яна без неприятностей, аллеями потемнее, добралась до входа в библиотеку.

Там Ян приказал:

– Держитесь все вместе! Они открыли двери и вошли внутрь. В центральном холле библиотеки стояла тропическая жара. Стены запотели, на полу были лужи воды, с потолка капало. Все читательские терминалы были включены, но на экранах творилось нечто невообразимое – метались непонятные рисунки, ряды цифр и загадочные пиктограммы. Тишина была как на кладбище. Собственный шепот в этом странном беззвучии казался чужим.

Тишина казалась такой зловещей и нереальной потому, что за столами малого читального зала в дальнем конце, отделенного от холла стеклянной стеной, сидело несколько десятков студентов. Но они выглядели как замороженные – ни звука, ни движения. Перед теми, кто сидел за столами, книг не было. Те, кто сидел или лежал на полу, тупо смотрели в одну точку. Голая девушка стояла на коленях перед трупом парня; кисточку в руках она макала в рану на его животе и сосредоточенно вырисовывала на линолеуме кровавые разводы. Чуть дальше была целая группа коленопреклоненных людей – вытянув руку в фашистском приветствии, они молча таращились на стоящий на столе большой портрет Адольфа Гитлера.

Команда Эмерсона внимательно осматривалась. Ян предполагал увидеть в библиотеке бурную активность. Если это здание действительно является мозгом Университета, то именно здесь должно быть меньше всего следов смятения из-за регистрации тысяч новых слушателей. Фигурально говоря, у Университета в этой ситуации "руки" могли опуститься, но мозг обязан был работать особенно интенсивно.

В чем проявится эта активность – Ян мог только гадать и готовился к самому худшему. Он ожидал, что внутри библиотеки придется перемещаться с боем. Однако на самом деле здесь царила атмосфера еще большей апатии, чем в других местах. В это верилось с трудом, но оставалось только радоваться неожиданному счастью.

– На третий этаж, – приказал Ян. Фейт кивнула.

– Лестница там.

Ступеньки лестницы были не просто влажные. Их покрывала какая-то слизь, которая липла к туфлям. Ноги противно скользили.

– Это что за жидкое дерьмо? – возмущенно спросил Бакли.

– Похоже, мы попали не в мозг, а совсем в другое место, – заметил Фарук.

Бакли расхохотался. Шутка была не самого лучшего вкуса, да и не очень смешная, но вслед за Бакли рассмеялись и другие. Нервное напряжение было слишком велико! И последний раз они смеялись так давно...

Перед выходом с лестницы на третьем этаже группа остановилась.

От собственно библиотеки на третьем этаже ничего не осталось. Никаких стеллажей с книгами и прочего. Пространство третьего этажа действительно напоминало что-то вроде мозга – как будто люди попали в черепную коробку к великану или к исполинскому киборгу. Ни столов, ни стульев, ни полок. Только розовые изогнутые трубы метровой толщины – сотни метров этих труб. Розовым был и пол, и потолок. Вдоль желтовато-розовых стен шли сотни метров труб потоньше, которые кое-где смыкались с толстыми. И все это – стены, потолок, пол, трубы – ритмично пульсировало.

– И где же мы разместим взрывчатку? – спросил Джим. – Здесь все изменилось. Мы не сможем воспользоваться поэтажным планом Стивенса!

Засунь его себе в задницу.

Джим вздрогнул и завертел головой, однако в следующий момент понял, что голос прозвучал у него в голове. Отчетливый, внятный – и такой громкий, что и другие должны были услышать его.

И они этот голос слышали!

Фейт схватилась за голову. Бакли всего перекосило от ярости. А Фарук и Ян ошарашенно оглядывались по сторонам.

Значит, голос прозвучал в голове у каждого!

– Похоже, Университет пробуждается, приходит в себя, – сказал Ян. – Надо пошевеливаться.

– Но куда взрывчатку-то ставить? Фейт подошла к Яну.

– Позвольте мне взглянуть на план этого этажа. Ян развернул чертеж и показал место, где Стивенс предполагал разместить взрывчатку. Фейт внимательно огляделась, сверилась со своей памятью и сказала, показывая прямо перед собой:

– Туда.

– Куда конкретно?

– Видите зазор между теми двумя трубами? Ну, там, где на трубе темноватое вздутие... Прежде там была колонна – та самая, возле которой на плане стоит красный крест. Да, примерно в двух метрах от вздутия на той трубе.

– Не протиснуться, – сказал Джим. – Но я попробую.

– Используй мины, – посоветовал Ян. – С ними легче пролезть через дыру. А взрывчатку я использую на первом этаже.

– Хорошо, – кивнул Джим. Он поставил ящик со взрывчаткой на пол и взял две увесистые мины из того ящика, что нес Бакли.

– Если что не так, сразу кричи, – напутствовал Ян. – Я тут же протиснусь за тобой.

Вы не посмеете это сделать.

Тот же голос внутри их голов.

– А вот и посмеем, сволочь поганая! – выкрикнул Джим. – Еще как посмеем!

Он двинулся вперед, держа по мине в каждой руке.

На самом деле парень был смертельно напуган. Но старался держаться молодцом. Ему хотелось оставить на полу эти страшные железки и взять ноги в руки. Однако на него смотрела Фейт, на него смотрели товарищи по борьбе... Он на ходу обернулся и улыбнулся им всем.

Тем временем пульсация участилась. Как будто Университет заволновался и его сердце учащенно забилося.

Джим пролез между двумя трубами и установил мины в двух метрах от вздутия на трубе, на которое указала Фейт.

Когда он выбрался из узкого места и побежал по скользкому полу к своим друзьям, в его голове раздалось:

Я убью вас всех.

– Если ты такой грозный, – с вызовом выкрикнул Бакли, – отчего же ты не убил нас раньше, хвостун вонючий?

Через несколько секунд группа была уже на лестнице. Спускаться по осклизлым ступенькам, держа в руках ящик со взрывчаткой, чертовски непростое дело – особенно если надо поторапливаться. Тем не менее они без приключений достигли первого этажа.

Там произошли некоторые перемены. Девушка, которая рисовала кровью на полу, теперь медленно пританцовывала между столами, словно тихо помешанная. Нацисты встали с колен и смотрели исподлобья на Яна и его друзей.

– А здесь где устанавливать бомбу? – спросил Джим.

Ян указал рукой влево:

– В том читальном зальчике и в женском туалете.

– Хорошо, – сказал Джим. – Вы все выходите из здания и ждите меня снаружи. Я управлюсь сам. Он взял из рук Яна ящик со взрывчаткой.

– Мы... – начала Фейт.

– Уходите! – прикрикнул Джим.

Он не стал ждать, когда друзья пойдут прочь, а решительно направился влево, к пустому читальному залу.

Стены зала были измараны расистскими лозунгами. Все столы были свалены в кучу в центре. Нестерпимо воняло какими-то химикалиями. Трубы воздушных кондиционеров астматически посапывали, и казалось, что стены надсадно дышат.

Но Джим на все это не обращал внимания.

Возле нужной колонны он поставил ящик и открыл его. Требовалось лишь соединить несколько проводов – Стивенс показывал им, как это сделать. И тогда самодельная бомба будет готова к взрыву.

Стивенс позаботился о том, чтобы устройство было предельно простым. Последний идиот мог бы соединить эти разноцветные провода – зеленые к зеленым, красные к красным – и ничего не перепутать. Сам же Стивенс сделал бы это, наверное, и с завязанными глазами.

Неужели Стивенс давал им урок всего лишь несколько часов назад, сегодня утром?

Будто уже неделя прошла с того времени...

Джим сделал все, что нужно, и подсоединил таймер. Потом быстрым шагом направился в женский туалет и проделал все то же со второй бомбой.

Теперь оставалось уповать на то, что Стивенс рассчитал все правильно и указал верные места для установки взрывчатки.

Джим схватил коробку с инструментами и помчался прочь.

Однако в ту секунду, когда он выскочил из туалета, первый этаж библиотеки внезапно ожил.

Из репродуктора донесся истеричный вопль:

– УБЕЙТЕ! УБЕЙТЕ! УБЕЙТЕ! УБЕЙТЕ! Головы студентов как по команде повернулись в сторону Джима.

– Ах ты черт! – тихо воскликнул он и побежал через холл к выходу.

Студенты бросились ему наперерез. Он ловко уворачивался от преследующих. К счастью, они словно не совсем вышли из ступора и бежали не очень быстро.

И он бы ускользнул от всех, но недалеко от выхода путь ему преградил сухощавый парень с мачете в руке. Этот был быстрее самого Джима.

Джим кинулся влево, вправо... Но новый противник теснил его назад, в глубь холла. И сзади подтянулись остальные студенты, вооруженные кто чем.

– Не торопись, приятель, – с мерзкой ухмылочкой сказал Джиму парень с мачете.

Джим быстро осмотрелся. Да, он окружен со всех сторон. А главное, мимо этого психа прорваться невозможно.

Он только подумал это, но парень прочитал его мысли.

– Зачем же меня называть психом? – сказал он, иронически подняв бровь. – Я отнюдь не псих. Я просто друг библиотеки. – Тут он расплылся в мни-модружелюбной улыбке:

– А зовут меня Brent.

Джим вздрогнул.

– Brent Киилер?

– Он самый. О Боже!

– Да, – сказал Brent, – именно "О Боже!". Совершенно очевидно, что его голова – открытая книга для этого сукиного сына.

– "Не дрейфь, дружище Шерлок", – ехидно процитировал Brent.

Джим с ненавистью впился взглядом в лицо негодяя и процедил:

– Если вы все слышали и все знаете, то вам известно, что через пару минут это здание взлетит на воздух.

Brent усмехнулся:

– Смерть – еще не конец.

– Для вас – конец.

– Отнюдь Я всего лишь сольюсь в одно целое с Университетом. – Тут в улыбке Brenta появилось фанатичная исступленная радость. – Я только и мечтаю о том, чтобы слиться с Университетом!

Джим выхватил из коробки с инструментами длинную отвертку, а саму коробку бросил на пол. Он решил защищаться до конца. Не время вести остроумные разговоры и дискутировать о моральных ценностях.

Brent расхохотался и потряс мачете в своей руке.

– Мое оружие подлиннее будет!

И в тот же момент Джим кинулся на него с отверткой.

Между решением напасть и собственно нападением не прошло и миллионной доли мгновения, поэтому Университет не успел передать Бренту предупреждение об атаке.

Брент среагировал на рывок противника с запозданием.

Джим усиленно думал о том, что он сейчас воткнет отвертку в глаз Брента. Но это была мысль-прикрытие. На самом деле он в последний момент, не думая предварительно, нырнул под просвистевшее над его головой мачете, всадил отвертку в бедро Брента, а затем упал на пол, прокатился пару метров по скользкому линолеуму и проворно вскочил.

Между ним и выходом никого не было! Получилось!

Джим пулей вылетел из двери и сбежал по ступенькам. Метрах в тридцати от библиотеки он заметил своих друзей и кинулся к ним.

Оглянувшись, молодой человек увидел, что его никто не преследует. Студенты, ловившие врага в холле библиотеки, стояли за стеклянной стеной, что-то кричали и грозили кулаками. Но из библиотеки они так и не вышли. А Брента среди них вообще не было. Получил тяжелое ранение и сейчас занят перевязкой?

– Сделал? – спросила Фейт.

– Да, – ответил Джим.

Он чувствовал необычайное возбуждение.

Ему стало стыдно. Он осознал, что это возбуждение не от того, что он такой благородный и с риском для жизни сумел покарать зло. Нет, он так возбужден, потому что хочет услышать взрыв, увидеть пламя.

Джим искренне пожелал, чтобы взрыв уничтожил всех-всех психов в библиотеке.

Это была грешная, плохая мысль, и он постарался выбросить ее из головы.

Они погибли, но радоваться этому не следует. Они не виноваты. Не сами они стали такими...

Ян и его друзья стремглав побежали прочь от библиотеки.

Но через несколько десятков метров дорогу им преградила группа из восьми или десяти профессоров, которые прятались до этого в кустах, а теперь выскочили из темноты.

На них были странные черные мантии, какая-то пародия на судейские.

Ян узнал среди этой шайки профессора Йенкса, преподавателя философии, и профессора Хикмана, специалиста в области коммерческого законодательства.

– Эй вы, куда так спешите? – крикнул профессор Йенкс.

Хотя он обращался к Яну, ему ответил Бакли:

– Туда, куда спешили бы и вы, не будь вы фашиствующими псами на службе у поганого Университета!

– Я не к тебе обращаюсь, придурок! Так куда вы так спешите?

– Туда, куда спешили бы и вы, не будь вы фашиствующими псами на службе у поганого Университета! – с вызовом повторил Ян.

– Я знаю, почему вы убегаете, – сказал Йенкс. – Только не забывайте: вы тоже часть Университета. Причиняя вред Ему, вы причиняете вред себе!

– Ешьте свое дерьмо сами! – в бешенстве крикнул Бакли.

Йенкс развернулся к нему и сердито гаркнул:

– Я не с тобой говорю.

– А я – с тобой! – Бакли проворно подскочил к Йенксу и схватил его за грудки...

И в этот момент грянул взрыв.

Из окон первого этажа библиотеки вылетели клубы огня, свет во всех университетских зданиях замигал...

Что было дальше, ни Джим, ни Ян не видели. Они бросились на землю. Джим увлек за собой Фейт, которая растерялась и продолжала стоять.

Над их головами пролетели массивные осколки. Грохот был чудовищный. Люди Эмерсона не успели отбежать достаточно далеко от библиотеки, и теперь их жизни висели на волоске.

Затем раздались еще два взрыва – один за другим: рванули мины на третьем этаже.

Из подземного туннеля возле студенческого центра, перекрывая шум взрыва, донесся чудовищный рык, словно кричало гигантское раненое животное.

И этот рык становился все отчаяннее.

Одновременно с первым взрывом Джим ощутил чудовищный удар в грудь... изнутри. Два следующих взрыва, которые довершили разрушение библиотеки, отозвались в груди еще более сильными ударами. Теперь его грудную клетку распирало с растущей силой. Как будто сердце хотело срочно эвакуироваться, а ребра согласились расступиться и дружно навалились изнутри на мышцы. Дыхание сперло, в глазах потемнело...

Джим в ужасе покосился на свою грудь, схватился за нее обеими руками. Наверное, что-то подобное происходит с водолазами, которые слишком быстро поднимаются на поверхность: их разрывает изнутри... Неужели и он обречен на такую жуткую смерть?.. Неужели Университет именно так отомстит ему?..

Но через несколько мгновений боль отпустила – именно тогда, когда Джим потерял надежду и решил, что через секунду его грудь лопнет, как воздушный шарик. Боль стала отступать именно с того момента, когда оглушающий дикий рык из туннеля вдруг прекратился.

Когда осколки перестали лететь, Джим поднял голову и увидел, что все его друзья целы и невредимы. Бакли уже поднялся на колени и вставал. Ян и Фарук, слегка контуженные взрывной волной, мотали головами, сидя на земле, но крови на их лицах и на одежде вроде бы не было.

Зато все профессора в черных мантиях корчились на земле и отчаянно визжали от боли и ужаса, словно взрывом им выпустило из животов все кишки.

Через несколько секунд все они затихли в неестественных позах. Они были мертвы.

Боже, да ведь они действительно были частью Университета, подумал Джим. Они только воображали, что действуют сами по себе. И вред, который Джим и его друзья причинили Университету, оказался губительным для этих людей.

Но и Джим являлся частью Университета – что было доказано этой страшной болью в груди. Он тоже был на волосок от смерти...

Похоже, у нас получилось, подумал Джим. Мы здорово навредили Университету. Монстр в буквальном смысле взвыл от боли!

Однако что же произойдет с ними самими – теперь, когда они нанесли такой сокрушительный удар по Университету?

Выживут ли они?

Боль не до конца ушла из груди. Ребра все еще распирало, но с гораздо меньшей силой. Неужели пронесло?

Джим встретился глазами с Яном. Тот взглядом показал на мертвых профессоров в мантиях и горестно покачал головой.

– Мы дешево отделались, – пробормотал Ян, потирая грудь.

– Как, вы ощутили то же? – спросил Джим.

Ян кивнул.

Оказалось, что все уже похоронили себя, когда у них стало распирает грудную клетку. И теперь чувствовали себя заново родившимися.

– Ладно, – сказал Ян, – нечего тут баклуши бить. Нам не следует торчать у всех на виду.

Он решительно зашагал вперед. За ним двинулись Фарук и Бакли. Джим ласково обнял Фейт, и они последовали за друзьями.

Люди, которых они встречали по пути, выглядели как тяжелораненые, хотя ни у кого на теле не было ран. Несчастные стонали, охали, взвизгивали, вертелись на месте или катались по земле.

Яну было отраднo это зрелище. Что-то в людях изменилось. Они стонали, и визжали, и вертелись на месте, и катались по земле как нормальные люди, которые испытывают боль, которые охвачены паникой и ужасом. Они больше не походили на механических кукол или на тупых маньяков, у которых искажены буквально все человеческие реакции.

То ощущение нереальности окружающего, что царил с самого утра, наконец исчезло. До этого Яну казалось, что он внутри сказки, в стране, где все изуродовано злым волшебником. Сейчас же перед ним была картина едва ли не страшнее прежней: горящие руины, сотни корчащихся от боли людей. Но это была знакомая картина крупной катастрофы, и чувство реальности происходящего вернулось. Это чудесным образом ободряло.

Но не рано ли они радуются?

Действительно ли весь ужас позади?

Фарук остановился, оглянулся на горящие руины библиотеки и присвистнул:

– Ух ты! Этот Стивенс разбирался в таких вещах. Сработано на "отлично". Джим согласно кивнул.

– И все? – спросил Бакли. – Мавр сделал свое дело, мавр может...

Ян мрачно замотал головой:

– Конечно, нет. Надо побыстрее отыскать грузовичок Стивенса, забрать остальную взрывчатку и разнести в прах и все прочие здания.

Друзья некоторое время молча переглядывались. Нарисованная Яном перспектива никого не обрадовала. Но все понимали, что он прав: успокаиваться рано и следует довести дело до конца.

– А что произойдет, когда здесь камня на камне не останется? – хмуро осведомился Бакли. – Я полагаю, все мы испытали одинаковые ощущения в груди.

Ян кивнул. Да, у него тоже грудную клетку чуть не разорвало. И что произойдет при следующих взрывах – одному Богу известно!

– Эти сукины дети в черных мантиях были правы, – продолжал Бакли. – Мы причинили боль Университету – и сами почувствовали ее. Так что же произойдет, если мы покончим с Университетом? Он погибнет – а вместе с ним и мы? Ведь это очевидно: все клетки организма неизбежно погибают после того, как погибает сам организм...

– Не знаю, не знаю, – сказал Ян, разводя руками. Фейт посмотрела в сторону городской улицы.

– Быть может, все уже кончено, – промолвила она. – Быть может, нам ничего больше не придется делать.

– Что ты имеешь в виду?

Девушка показала рукой влево. Там университетская территория смыкалась с улицами Бреа.

Джим посмотрел в указанном направлении и удивленно заморгал глазами.

То, что он увидел, было прекрасно. В это просто не верилось.

Он с усилием сглотнул слюну. У него выступили слезы. Слезы потекли так обильно, что перед глазами все расплылось. Джим вытер слезы ладонью и покосился на Яна. Похоже, профессор Эмерсон тоже готов был вот-вот расплакаться...

– Быть может, все уже кончено, – повторила Фейт.

Ян медленно кивнул.

– Возможно, ты права, – сказал он.

6

Это было настоящее чудо.

Фейт наблюдала за тем, как несколько десятков полицейских машин и бронетранспортеров национальной гвардии въезжали на территорию университета. За ними следовало великое множество пожарных машин. Полицейские и солдаты, со щитами и в пуленепробиваемых жилетах, без единого выстрела заняли построенные бунтарями баррикады и теперь надевали наручники на побросавших оружие студентов и преподавателей.

На Томас-авеню стояла огромная толпа.

Сотни и сотни людей.

Ян и его друзья узнали позже, что в этой толпе почти не было досужих зевак, а состояла она целиком из родных и близких тех студентов и преподавателей, которые во время трагических событий оказались на территории университета. А также из новых слушателей, которых записала Эленор.

Как только полиция и солдаты овладели баррикадами и в них были спешно проделаны проходы для продвижения техники, измученная тревогой толпа навалилась на полицейские кордоны и прорвала их.

Сотни людей устремились на территорию университета.

Фейт увидела в толпе много знакомых лиц. Билл, добрый и могучий хозяин гамбургерной. Симпатичный рассудительный араб, владелец бензоколонки "Тексако" на углу Имperiал-стрит и Кампус-драйв...

И вдруг она заметила совсем родное лицо.

Кейт!

Брат тоже увидел ее и стремглав побежал навстречу. Наконец-то на его лице не было привычного выражения надменной апатии! Оно светилось радостью.

Счастливо улыбаясь, Кейт остановился возле сестры. Она порывисто обняла его. Вначале он смутился и был как бревно в ее объятиях, а потом наконец отдался чувству радости и тоже неловко, но крепко облапил ее.

– Слава Богу, что ты жива! – повторял он. – Слава Богу, что ты жива!

Фейт молча прижималась к нему.

Было так отрадно ощущать себя живой после пережитого кошмара. И сердце пело от сознания, что узы любви между ней и братом сохранились, несмотря на отчуждение последних месяцев или даже лет.

Внезапно почва под ними сотряслась. Но это колебание земли имело в себе нечто успокаивающее: последний толчок, окончательное, полезное смещение, которое приводит все в норму.

– Похоже, ты права, – сказал Кейт. – Этот университет отнюдь не место, где вечный праздник!

Фейт рассмеялась. И, начав смеяться, уже не могла остановиться. Смех перешел в рыдания. Кейт ласково обнимал сестру и успокаивал. Она ощутила у себя на плечах еще пару рук – подошел Джим.

Через минуту Фейт пришла в себя и, вытирая слезы, осмотрелась.

Кругом было море счастья. Родители обнимали своих детей, жены – мужей..

Рядом с Яном она увидела очень привлекательную женщину лет тридцати пяти. Она держала профессора Эмерсона за руку, и они оживленно разговаривали, нежно глядя друг другу в глаза. Надо полагать, это и есть Эленор, которой они обязаны жизнью.

Фейт подошла к ней и сказала, протягивая руку подруге профессора Эмерсона:

– Огромное вам спасибо!

Эленор улыбнулась и пожала протянутую руку.

– Тронута вашей признательностью. Похоже, я потеряла работу, но все равно я очень счастлива!

– Вы настоящая героиня! – воскликнул подошедший Кейт. – Я видел вас по телику, вас столько раз показывали в последних новостях! Ведь это вы первой оповестили всех о том, насколько серьезные события происходят в Бреа! Именно благодаря вашему призыву тысячи новых слушателей собрались по периметру университета!

– Но как же они успели так быстро съехаться сюда? – удивленно спросила Фейт.

– Что значит "так быстро"? – в свою очередь удивилась Эленор. – Прошло целых три дня!

Фейт непонимающе уставилась на своего брата. Кивком головы он подтвердил: да, прошло три дня.

– Погодите, вы что-то путаете, – сказала Фейт.

– Это невозможно! – поддержал ее Джим.

– Прошло всего-навсего несколько часов, – добавил Ян.

– Что значит "всего-навсего несколько часов"? – сказала Эленор. – Несколько часов после чего?

– После того, как... как все началось, – произнес Ян. – Я пришел в университет сегодня утром...

– А, по-твоему, какой сегодня день?

– Среда.

– Сегодня суббота.

– Погодите! Ведь никакой ночи не было! – воскликнул Джим. – Мы ведь в своем уме! Было утро, потом день, потом вечер... – Тут он посмотрел на свои часы и добавил:

– Смотрите, на моих часах среда, без четверти полночь.

– Сейчас у нас суббота. Восемь часов вечера.

– Уже три дня как события в этом университете – новость номер один на всех телеканалах! – объявил Кейт.

Ян растерянно потряс головой.

– Сколько времени прошло после моего первого звонка тебе? – спросил он у Эленор.

– Ты позвонил в четверг утром.

– Не может быть!

– В четверг утром.

Было ясно, что Эленор не шутит. Она не понимала, почему Ян и все остальные настаивают на том, что сегодня среда.

Бакли с умным видом покачал головой.

– Друзья, время – штука растяжимая. Внимательнее читайте романы Габриэля Гарсиа Маркеса, и вы поймете, что относительность времени встречается не только в научной фантастике.

– Ах, помолчал бы! – в сердцах сказал Ян.

– Я просто хочу подчеркнуть, какую неопределимую помощь в практической жизни может оказать начитанность! – важно заявил Бакли.

– Так, значит, все позади? – радостно воскликнула Фейт. – Мы можем расходиться по домам?

Она была до некоторой степени разочарована. Грандиозное и чудовищное приключение заканчивалось так обыденно, так просто... Казалось, все это должно увенчаться чем-то эффектным, грандиозным. Тихо разойтись после таких событий – это даже как-то странно...

Надо было лично убить хотя бы несколько человек.

Нет, дикая, несуразная и подлая мысль...

А впрочем, не такая уж и дикая...

Сердце просило зримой битвы. Битвы, в которой противники разят друг друга – стреляют, вступают в рукопашный бой, кромсают друг друга кинжалами...

Фейт содрогнулась и усилием воли подавила в себе приступ безудержной агрессивности.

– Нет! – выкрикнула она.

Все стоявшие рядом уставились на нее.

– Еще не все позади, – сказала Фейт. – Это еще не конец.

Джим нахмурился.

– Что такое ты говоришь! Мы уничтожили Университет. Мы взорвали его мозг.

– Я нутром чувствую... – начала Фейт, нервно облизывая вдруг пересохшие губы. – Я ощущаю насилие в воздухе... И сама хочу... кого-нибудь пырнуть ножом, убить...

– Но...

– Обычно мне такие желания не свойственны!

– Вы знаете, у меня тоже все бурлит внутри, – признался Фарук. – Палку в руки – и пошел бы проламывать головы!

Ян согласно кивнул:

– Это все Университет. Его грязные проделки!

– Неужели он продолжает жить – без мозга? – озадаченно спросил Бакли. – Как же это он умудряется?

– Не знаю, – отозвался Ян. – Но Университет жив и кошмар продолжается.

И в то же мгновение они услышали пение. Пение стройного хора, составленного из сотен голосов...

7

Пожалуй, для Яна это был самый жуткий момент во всей этой страшной и долгой истории.

У него поджилки тряслись, когда он с друзьями отсиживался в комнате приемной комиссии и не ведал, что с ними случится в следующую минуту. Было чудовищно страшно наблюдать за тем, что происходило на университетской территории в последние часы.

Но услышать зловещий бодрый хор и понять, что Университет жив-здоров, полон сил и решимости продолжать борьбу за какие-то ему одному известные, но, конечно же, отвратительные цели – несмотря на то, что они хитростью сумели зарегистрировать тысяч двадцать новых слушателей!..

Несмотря на то, что мозг Университета уничтожен взрывом!..

Несмотря на то, что сотни полицейских, солдат и пожарных наводнили университетскую территорию!..

Обилие полицейских, солдат и пожарных было едва ли не самым устрашающим. Потому что здесь происходило зримое столкновение сверхъестественного и сугубо материального. Сверхъестественное пугает меньше, покуда оно обитает в своих "привычных" местах: на кладбищах, в заброшенных домах, на руинах старинных замков. Но как только оно выходит из этих пределов и оказывается внутри обыденной реальности – от него не только волосы дыбом встают, от него все мысли мешаются и сознание превращается в неуправляемый хаос. Яну было нестерпимо видеть броневики, пожарные машины, людей с пистолетами и автоматами – все это сугубо реальное, но теперь идущее на бой с невидимыми силами, с неведомой формой материи... Голова шла кругом, и одна мысль торжествовала в ней: куда им, с их бронежилетами и бронемашинами, против такой неуловимой и могучей силы! Все равно что дети с игрушечным оружием против вооруженного до зубов убийцы!

Выходит, Университет уже распространился за границы своей территории. А значит...

Это значит, что процесс неостановим!

Вот она – жуть жуткая. Ужас, которому нет имени! Тут Яна проняло до самых темных глубин сознания. Мысль о том, что Зло и на самом деле достигло рокового уровня развития и теперь ни полицейские с дубинками, ни солдаты с пушками и танками уже его не остановят и никакие силы не способны загнать Бреаский университет обратно в его пределы, – эта мысль перевернула Яну всю душу.

Стройное пение доносилось из ямы, из широкого туннеля, который внезапно появился на газоне к северу от главного административного корпуса.

Ян был напуган до смерти. Однако ноги сами понесли его в сторону туннеля. Он понимал, что должен видеть все до конца, что он не смеет отступать... На нем груз ответственности. Или он победит Университет, или Университет уничтожит его. Третьего не дано.

Из зева туннеля шеренгами по пять человек строевым шагом выходили студенты. Одна колонна оказывалась на поверхности земли, а за ней уже подтягивалась следующая. Парни в свитерах или в белых лабораторных халатах, девушки в пестрых платьях. Каждый боец Университета нес в руке самодельное копьё. Чекая шаг, они пели в унисон:

Мы научим всех вас жить, йо-хо-хо! Долой калек, долой ненаших всех, йо-хо-хо! Тут Ян сообразил, что до сих пор как-то не задавался вопросом, а где же основная масса студентов Бреаского университета. На протяжении дня он видел сотни студентов и преподавателей. Сотни, а не тысячи! На самом же деле одних студентов в университете училось двадцать пять тысяч. Особенно не задумываясь, он решил, что большая часть из них или не явилась с утра на занятия, или покинула территорию университета, когда началась "заварушка".

Оказывается, все эти тысячи находились в студгородке и никуда не удрали.

Сейчас они маршировали стройными колоннами и многоголосо ревели:

Бойся, ниггер, трепещи, араб, йо-хо-хо! Наложки в штаны, Тояма Токанава, йо-хо-хо! Ян со всех ног бросился к пожарным, которые, открыв рот, глазели на необычайное зрелище.

– Не стойте истуканами! Разматывайте шланги! – закричал Ян. – Поливайте их водой!

Он думал, что придется убеждать пожарных, что-то доказывать им, описывать все ужасы, которые могут последовать, и умолять мощными струями воды разогнать одержимых безумием студентов. Однако, к его удивлению, пожарных не пришлось просить дважды. Они проворно стали разматывать шланги и подсоединять их к колонкам.

Тем временем полицейские и солдаты в касках и бронежилетах, вооруженные щитами и дубинками, выстроились в несколько шеренг и приготовились отразить неожиданное нападение.

Первая колонна студентов была уже так близко, что Ян различал лица в первой шеренге. И узнал Брента Киилера, которого так проникновенно любил Бакли, обещавший выпустить из

подонка кишки при первой же возможности.

Брент выглядел не самым лучшим образом: весь в синяках и кровоподтеках, босой, прихрамывающий, лицо и руки в саже. Но глаза у него радостно сверкали. Он восторженно улыбался и потрясал копьем.

– Прочь с дороги! – крикнул Яну один из полицейских.

Ян попятился, затем развернулся и пошел к Эленор, которая стояла за деревьями в окружении его друзей.

Через несколько секунд брандспойты заработали на полную мощность. Струи были настолько сильны, что сбивали студентов с ног. Те беспомощно барахтались на земле, роняли свои копья, вскакивали с земли и тут же падали, снова сбитые струями воды из брандспойтов...

Ян чуть не затопал ногами от восторга, когда струя угодила Бренту Киилеру в живот и отшвырнула на несколько метров, так что парень не только упал, но и сбил трех или четырех студентов. Ян искренне желал, чтобы пожарный направил струю в поганую рожу Брента, чтобы его мерзкие глаза были вбиты в затылок, чтобы он упал и трахнулся головой о камень и череп его раскололся, как яйцо...

Это кроважидное видение было настолько упоительно и настолько отвратительно, что Яну пришлось закрыть глаза и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы подавить унижительный приступ тупой кроважидности.

Когда он через несколько секунд открыл глаза, полиция и пожарные уже перешли в наступление. Они двигались вперед и мало-помалу теснили студентов ко входу в туннель. Те десятками и сотнями отступали в темный зев подземелья. Полицейские хватали тех, кто барахтался на газонах, надевали на них наручник; ч проворно тащили к полицейским фургонам.

– Увы, это еще не конец, – с грустью выдохнула стоявшая рядом с Яном Фейт. Ян согласно кивнул.

– Стивенс был прав, – сказал он. – университет – не только люди. Это здания на его территории, сама почва... Словом, все в границах студгородка. – Ян мрачно махнул рукой в сторону автостоянки. – Делать нечего. Нам придется забрать взрывчатку из грузовичка Стивенса и взорвать все остальное. Иначе ужас никогда не закончится...

– Наверное, надо начинить взрывчаткой этот поганый туннель, который ведет под землю, – сказал Фарук. – Очевидно, это Его сердце...

– Нет, это не сердце, – устало возразил Ян. – Приходится вернуться к первоначальной версии: у него нет конкретных органов. Его мозг – везде. Его сердце – везде. Поэтому надо взорвать все – без разбора. Сделаем так, как велел Стивенс. А он завещал уничтожить врага.

– А что же будет с нами? – спросил Джим. Он со значением поколотил себя по груди. – Ведь мы, судя по всему, погибнем вместе с Университетом! Мы же его часть! Ему конец – и нам хана!

У Яна тоже до сих пор болела грудь. Тем не менее он решительно заявил:

– Может быть, мы погибнем. А может быть, нет. Мне плевать. В данный момент меня больше беспокоит то, что Университет может сделать со мной, если он продолжит свое существование. Я его слишком ненавижу, чтобы думать о собственной безопасности. Да и не будет у меня никакой безопасности, если эта тварь победит, если она расползется по городам нашей страны!

Бакли одобрительно кивнул.

– Ты прав, – сказал он. – Я согласен с тобой на сто процентов. Если кто-то из вас, ребята, наложил в штаны от страха – можете топать отсюда. Только не оглядывайтесь, потому что здесь так полыхнет, что вы ослепнете.

Ян посмотрел на своих друзей: Фейт, Джим, Кейт, Фарук, Эленор...

– Я думаю, мы все с вами, – с храброй улыбкой ответила его любимая. – Хотя я, профессор Френч, на вашем месте употребила бы более литературное выражение: не "в штаны наложил", а струсил. Так вот, мы не струсили, мы готовы бороться до конца!

Бакли фыркнул.

– Это вопрос семантики, – сказал он. – Струсили или в штаны наложили – один хрен.

О семантике спорить не стали.

Они начали действовать.

Разрешения у властей спрашивать не стали. И никого о своих планах не уведомляли. Просто сделали то, что считали нужным.

Они нашли на автостоянке грузовичок Стивенса, забрали ящики со взрывчаткой и пиротехническим оборудованием. Разместили все это в указанных Стивенсом местах, включили таймеры, чтобы взрыв произошел через час, и поставили начальство перед фактом. Поскольку часы уже тикали и времени оставалось совсем немного, командующие операцией офицеры не стали с ними препираться, а приказали начать стремительную эвакуацию с территории университета.

В намеченное время первым взлетел на воздух естественно-научный корпус.

Ян и его друзья в этот момент стояли в дальнем конце Томас-авеню – за баррикадой из бронетранспортеров национальной гвардии.

Они ждали, что будут корчиться от боли или даже умрут. Ян испуганно сжимал руку Эленор, Джим с трагическим видом обнял Фейт. Фарук и Бакли стояли с бледными лицами. Все они опасались худшего – что их сердца разорвутся, когда университетские здания одно за другим взлетят в воздух.

Но ничего страшного не случилось.

Они остались живы.

И даже не испытали боли в груди.

Очевидно, их связь с Университетом была уже разрушена. Поэтому они могли наблюдать за разрушением всех строений и не корчиться в агонии.

Но сам Университет умирал трудно. Ян слышал его предсмертные вопли – как будто кричал человек, у которого легкие размером с небоскреб. Но было в этом стоне и что-то нечеловеческое. Оглушительные взрывы, море огня – и стон, подобный раскатам грома...

А после диких криков, сотрясавших окружающий воздух, Ян вдруг услышал необычный хлюпающий звук – словно из ванны мощным потоком вытекает вода, которая стремительно засасывается в трубу. Вшу-у-у Вшу-у-у. И при этом ощутил что-то вроде холодного ветра, как будто массу воздуха засосало под землю где-то в середине университетской территории.

Потом были надрывные вопли сирен – подъезжали все новые и новые пожарные машины...

Томас-авеню запрудили люди. Точно так же, как и все прилегающие улицы. Но это были преимущественно досужие зеваки.

Ян гадал, куда подевались тысячи бреаских студентов. Сколько из них эвакуировано? Сколько осталось там, где сейчас руины и море огня?

Об этом страшно и думать...

Спаслись ли они? Успели ли вовремя убраться восвояси?

Он надеялся, что это так.

Но в глубине души не верил.

Сколько же сотен или тысяч людей погибло вместе с Университетом...

Сама Томас-авеню также изрядно пострадала. Асфальтовое покрытие дороги вспучилось, почти у всех домов вылетели стекла, многие стены покосились...

Очевидно, это были те здания, которые успел захватить расширяющийся Университет. Они пострадали вместе с ним – уже как часть Университета.

Ян и его друзья не нашли в себе сил уйти сразу. На протяжении нескольких часов они наблюдали, как на территории университета бушует пожар. Они утратили чувство времени. Однако рядом с Яном была Эленор, были его соратники по непростой борьбе... Даже если сейчас в студгородке под руинами и гибли люди, то не стоило себя ни в чем укорять. Большинство из них отдались во власть Сатане-Университету по доброй воле – и заслужили смерть...

Ян одернул себя. Нельзя злорадствовать. К тому же, возможно, это еще не конец.

Нет! Это конец. Он нутром чувствовал, что все кончено, весь ужас позади. Мысли, которые роились в его голове, были нормальными мыслями нормального человека. Конечно, недобрые мысли, жестокие, но обычные мысли обычного несовершенного человека. В них не было ничего противоестественного, навязанного извне, дьявольского, адского...

Теперь Яну больше всего хотелось вернуться домой, принять ванну и лечь в постель. Он будет спать целые сутки. Нет, целых два дня. Чтобы ушли ужасные воспоминания...

Ян едва держался на ногах. Если сегодня действительно суббота, то он на ногах, без сна, провел трое суток! И нечеловеческое напряжение этих дней начинало сказываться.

Ян бессильно склонил голову на плечо Эленор и пробормотал:

– Пойдем. Пойдем домой.

– А мы имеем право уйти? – спросила Фейт. – Не надо ли нам... спросить разрешения?

– Представители власти прекрасно знают, кто мы и что мы сделали. Они знают наши адреса. Сейчас они слишком заняты, чтобы заниматься еще и нами. Через пару дней у них дойдут руки и до нас.

– Нас арестуют? – спросил Фарук. Ян не знал, что ответить. Все романы ужасов заканчивались в момент победы добра над злом. Никто та писателей не касался практического финала, то есть вопроса, что было потом, когда начинали разбираться, сколько дров наломало добро во время того сражения и кто за все будет отвечать. Ян просто решил, что они ни в чем не виноваты, а потому вольны разойтись по домам. Те ужасы, которые они видели, теперь видели и представители власти. И в ближайшие часы и дни, видимо, полиции откроются еще большие ужасы. Но если подходить строго, то Ян и его друзья – самые настоящие преступники, повинные во взрывах и поджогах. Сущие террористы! И причиненный ими ущерб исчисляется в миллионах долларов!

Ян улыбнулся этим мыслям. Ежели город вздумает затеять судебный процесс против него, получится грандиозное шоу, от которого будет не один месяц балдеть вся страна.

Можно написать роман о том, что он пережил. Если его засудят – именно этим он и займется в тюрьме...

– Не могли бы вы меня подвезти? – обратился Бакли к Эленор. – Моя машина где-то в этом бардаке – на пожарище. От нее, наверное, остался один обгорелый остов. Не подбросите меня домой?

– Конечно. Еще кого-нибудь надо подвезти?

– Я на машине. И тоже могу отвезти кого-нибудь домой, – предложил Кейт.

Ян зевнул, затем прощально кивнул друзьям и с усилием сдвинул с места свои усталые ноги.

– Звоните, ребята, – сказал он. – Мы классно провели время. И показали себя молодцами. Так что спите спокойно. И пусть вам снятся только хорошие сны.

Ян и Бакли направились вместе с Эленор к ее машине – мимо многочисленных камер телевизионщиков. Правее, на асфальте, лежало несколько десятков арестованных в наручниках, ожидавших отправки в полицейский участок. Большинство из них корчились от боли и стонали – они были слишком близко связаны с Университетом и теперь переживали последствия его гибели. Очевидно, не было прямой связи между подлостью человека и степенью его страданий после уничтожения Университета, потому что Брент Киилер остался в живых. Он единственный из группы арестованных не лежал, а сидел на асфальте. Вид у него был измученный, но бешеный зверь в нем чувствовался по-прежнему.

Увидев Яна и Бакли, Брент криво усмехнулся.

– Вот так-так! – сказал Бакли. – Ведь это же дружище Киилер!

Ян кивнул.

Он внимательно взгляделся в окровавленное лицо Брента. Какие страшные глаза! Яснее ясного, что этот парень не жертва. Этот парень – составная часть зла. Университет поощрял все худшее в нем – все его предрассудки и звериную ненависть к людям. Но одновременно Университет питался злобой Брента, черпал силы в его ненависти. Это был симбиоз. Привлек ли Киилер Университет тем, что был таким мерзавцем, или Университет привлек его тем, что позволил ему развернуться во всю ширь, – в любом случае не Бреаский университет сотворил из Брента подонка. Он таким был и раньше. Он бы реализовал свой криминальный талант в любом случае.

Брент поднялся – сперва на колени, а затем и в полный рост. Его слегка покачивало, но он продолжал нагло улыбаться. В его глазах поблескивала ненависть. Показав рукой в наручнике на Эленор, парень сказал:

– Жаль, Ян, что я не успел трахнуть твою бабу. Ян подошел вплотную к Бренту, размахнулся и врезал ему кулаком в солнечное сплетение. Тот сложился вдвое от боли. Когда Брент распрямился, рядом уже стоял Бакли. Он с наслаждением ударил негодяя коленом в пах.

– Ты никудышный студент, – довольно ухмыляясь, наставительным тоном сказал Бакли. – Ты ни на что не годный кусок дерьма. Ты бы у меня из двоек не вылезал. – Тут Бакли расправил плечи, сделал глубокий вдох, вдохнув пропитанный гарью воздух, и сказал, обращаясь к Яну:

– Я чувствую себя отлично. Будто заново родился. Замечательно!

– Я тоже чувствую себя прекрасно! – отозвался Ян.

Обнявшись за плечи, два профессора медленно двинулись вслед за Эленор. Домой – и спать, спать, спать!

Глава 34

1

Одежда Эленор вернулась в платяные шкафы. Ян заметил это на следующее утро – или, точнее, в середине дня, потому что он проснулся уже за полдень. Он никак не прокомментировал вслух знаменательное событие, однако присутствие одежды Эленор в его шкафах было самым ярким и самым убедительным доказательством того, что жизнь вошла в привычную колею, что окружающий мир обрел привычную устойчивость.

– Я люблю тебя, – сказал Ян с чувством, когда нашел Эленор в гостиной, где она смотрела телевизор. Она вскочила, порывисто обняла его и поцеловала.

– И я тебя люблю. Очень!

Следующие три дня были чередой допросов и собеседований, похожих на допросы. Полиция, ФБР, психотерапевты, юристы... Яна пытали вопросами то в одиночку, то вместе с Эленор; периодически устраивали очную ставку с другими университетскими преподавателями, а также с Джимом и Фейт, с Бакли и Фаруком. В газетах и теленовостях комментаторы изощрялись в догадках и развивали самые разнообразные версии случившегося: массовая истерия, воздействие токсических веществ на психику и даже групповой бандитизм.

Групповой бандитизм?

Это что же за бандиты такие, которые растопили стены студенческого центра? И умудрились спровоцировать одновременный приступ паранойи у сотен, а то и тысяч студентов! Они же расправились с руководством университета... и сотворили все то, что было сотворено!

Нет, не вяжется. Даже для самой лихой банды состав преступления велик. Или, скажем так, качество преступления предполагало некий чудовищный союз негодяев, обладающих невиданной технической мощью и неизвестным психотропным оружием.

Пустые предположения! Все, что могло навести на разгадку, погибло. Уничтожено взрывом, сгорело. Следствию не за что было зацепиться – копанье в золе и мелких обломках ничего не дало. Оставалось уповать лишь на свидетельские показания очевидцев.

Но эти показания были настолько сумбурны и дики, что следователи могли только вздыхать и хвататься за голову.

Психологи вносили свою лепту в этот хаос: в один голос твердили, что посттравматический шок способен самым причудливым образом исказить воспоминания. Проще говоря, грош цена свидетельским показаниям людей, испытавшим такое страшное потрясение.

А впрочем, высшие чины полиции и правительство штата были в курсе происшедшего, но они дружно помалкивали и разыгрывали растерянность перед журналистами.

Глядя на то, как ловко власти предрежащие замалчивают известную им правду, Ян начинал верить в расхожую теорию заговоров. Действительно, правительство умеет при необходимости спланировать и хранить секреты. Ему ничего не стоило бы годами скрывать от общественности факт контакта с инопланетянами или что-нибудь еще, столь же сенсационное. Скажем, наличие заговора с целью убийства президента Кеннеди.

Ян прежде относился скептически к диковатым теориям, которые за большинством таинственных событий видели очередной заговор правительственных чиновников. Теперь же он воочию убедился в умении власти предрешающей ловко манипулировать фактами, придавать им нужный вид, жонглировать ими – так что в итоге правда бывает неузнаваемо искажена или остается навеки погребенной в самых секретных папках самых секретных архивов. Причем нет нужды в согласованной лжи со стороны правительственных чиновников – они должны неуклонно и более или менее непротиворечиво поддерживать какое-нибудь простенькое, всем понятное объяснение происшедшего невероятного события. Для пущей убедительности таких объяснений может быть несколько, некоторый разнобой в мнениях высших чиновников даже полезен. Однако все эти толкования событий должны быть простенькими. Общественность склонна быстро принимать версии, которые не выходят за рамки обыденного сознания. И успокаиваться.

Очень болезненной для Яна была мысль о Недре.

Он старался поменьше вспоминать о несчастной девушке. Да и во время трагических событий он мало думал о ней. А если по совести, так это она спасла им жизни – да, именно ей они в наибольшей степени обязаны своим спасением. Это она предложила автоматическую регистрацию через номер 800 и на время парализовала мощь Университета. Но он не успел как следует познакомиться с Недрой, беседовал с ней на ходу, коротко, и даже ее лицо припоминал теперь с большим трудом. Какое-то время Ян лелеял надежду, что ее найдут живой. Разумеется, сильно пострадавшей, но живой. Однако всех живых извлекли из-под обломков уже к исходу второго дня поисков. Прошла неделя, а Недру так и не нашли. Значит, никакой надежды.

Теперь Ян пытался утешить себя мыслью, что Недра умерла быстро и безболезненно. Увы, в глубине души он знал, что это не так. Он помнил то существо, которое уволокло девушку, помнил двух профессоров и их страшные рассказы... Нет, вряд ли смерть Недры была быстрой и безболезненной.

Ему разрешили просмотреть видеопленки, снятые с полицейских вертолетов. В последние мгновения перед гибелью университет выглядел с высоты птичьего полета исполинским живым существом, кошмарным монстром. Главный административный корпус – голова, автостоянки – передние лапы, два поля – футбольное и бейсбольное – задние лапы. Взрывы сотрясли всю почву, на которой стоял университет. Колебания земли создавали впечатление, что исполинское чудовище корчится от боли. Стивенс был прав насчет того, что университет – живое существо. Быть может, он и не предполагал, до какой степени он прав! Ян остановил видеопленку. На стоп-кадре был отчетливо виден глубокий туннель, поразительно похожий на глотку Пютка, которая торчала прямо из шеи.

Ян не мог не подумать: нанеси мы удар раньше, возможно, всего этого ужаса удалось бы избежать и потери были бы намного меньше...

Увы, после драки кулаками не машут. Задним умом все крепки...

Бессильное отчаяние Яна было сродни звериному неизбывному отчаянию Стивенса, которое тот испытывал после гибели жены и дочери: если бы вовремя... если бы чуть раньше...

На видеозаписи с полицейских вертолетов разрушения в городе, вне университетской территории, были видны лишь отчасти. К северу от университета сгорела сеть магазинчиков, объединенных под одной крышей. Их владельцы заявили, что огонь вырвался из-под пола – сразу во множестве мест. Провалился большой участок шоссе. Супермаркет в Бреа был полуразрушен локальным землетрясением, которое не почувствовали жильцы окрестных домов. В радиусе пяти миль от университета полиция зафиксировала внезапную невиданную и необъяснимую вспышку преступности. Достаточно сказать, что на протяжении получаса после гибели университета трое мужчин убили своих жен, одна женщина зарезала своего мужа, и было совершено шесть изнасилований.

Самым зловещим и показательным во всей этой истории Ян считал тот факт, что телефонные кабели, соединяющие Бреаский и Уэйкфилдский университеты, сгорели. Уэйкфилдскому университету был нанесен весьма значительный ущерб. Два многоэтажных здания на его территории беспричинно взорвались. В центре футбольного поля земля провалилась и образовалась воронка – побольше, чем от авиационной бомбы. Ян предпочитал верить, что это с запозданием сработала заложенная Стивенсом взрывчатка. Однако его мучила

догадка, что на самом деле произошло другое: "дух" Бреаского университета – или нечто, жившее там, – попытался удрать в Уэйкфилд по телефонным проводам.

Ян отчетливо помнил необъяснимый подвывающий звук, как будто вихрь засасывало под землю.

Но погиб ли "дух" Бреаского университета? Или он все же ускользнул на территорию Уэйкфилдского университета – точнее, в тело Уэйкфилдского университета?

Пытались ли два "духа" сосуществовать в одном "теле"?

И чем закончилась эта попытка?

А если выжил только один – то который?

Ян мог только гадать.

Похоже, он никогда не узнает, что же произошло на самом деле.

И дай Бог, чтобы он никогда об этом не узнал, чтобы у этой истории не было никакого продолжения, способного пролить свет на финал недавней трагедии – на "окончательный конец", о котором Ян сейчас лишь строил предположения.

Стивенс больше нет. Грустил ли Ян по нему? Говоря честно, не очень. Однако он все же испытывал странное чувство потери. И какую-то новую ответственность. Что это? Не завещал ли Стивенс ему продолжать свое дело – следить за уровнем преступности в колледжах и университетах и спешить на помощь в преддверии критической ситуации, побуждая людей уничтожить ставшее смертельно опасным учебное заведение? Ян знал правду, он пережил весь этот ужас и имел опыт борьбы с ним. Должен ли он посвятить всю жизнь неустанному сражению со звереющими университетами по всей стране?

Нет.

Всего себя этой борьбе он не посвятит. Но и оставаться в стороне ему негоже. Он не пойдет по стопам Стивенса, не станет метаться по городам и весям и взрывать университеты. В мире более чем достаточно всякого зла: нищета, голод, убийства... Тот факт, что он знает обо всех этих мерзостях, не побуждает его мчаться на помощь, ломать свою жизнь ради спасения других. Есть люди, которые очень близко к сердцу принимают горе ближнего и что-то предпринимают, чтобы исправить положение. Это святые, это исключительные люди, готовые жертвовать собой, нести крестную муку ради других. Ян Эмерсон к их числу не принадлежит. Как говорится, выше головы не прыгнешь. Его талант, если у него есть какой бы то ни было талант, состоит не в этом. Не спасать людей поставлен он на землю, а просто преподавать им литературу и через это пытаться облагородить их души. Вот его долг. Вот его жизненная ниша...

Но что касается зловещих безобразий в университетах – разве тут можно оставаться в стороне?

Нет, быть совсем в стороне ему совесть не позволит. Хочет он того или нет, отныне он постоянно будет настороже, постоянно будет приглядываться к тенденциям в том университете, где ему суждено преподавать. И если ситуация станет критической – он не сбежит с тонущего корабля, он будет бороться – потому что знает, как именно надо бороться.

Однако делать из этого единственный смысл своей жизни, подобно Стивенсу...

А впрочем, возможно, правительство отныне будет осторожнее и само станет следить за дурными тенденциями в учебных заведениях? Тот факт, что Эленор не уволили, с ясностью показал Яну: правительство в курсе истинной подоплеку событий. Кто-то могущественный связался с руководством компании, в которой работала Эленор, и в результате ее действия – регистрация десяти тысяч владельцев кредитных карточек в качестве студентов Бреаского университета – были объявлены "непреднамеренной ошибкой".

И это невзирая на то, что Эленор создала специальную программу для реализации этой "ошибки" и ввела ее в компьютерную сеть компании!

В обычной ситуации она села бы на скамью подсудимых.

А так ей позволили собственноручно исправить "ошибку".

Могло ли тут обойтись без вмешательства очень влиятельных лиц из правительства?

Ян мог утешаться тем, что хотя бы Эленор сохранила свое рабочее место. Сам он оказался безработным по вполне понятной причине. Впрочем, профессор не переживал. Надо лишь набраться терпения, а работа непременно будет. Он разослал свои резюме в несколько десятков

южно-калифорнийских университетов – как частных, так и государственных. Кто-нибудь да откликнется. Ведь у него безупречная биография, хороший послужной список.

К тому же скоро каникулы, будет время немного пописать и увеличить этот чертов список публикаций, столь милый университетскому начальству.

В голове у Яна созрела большая статья – или даже серия статей – о том, как чтение литературы ужасов закаляет читателя, незаметно укрепляет его способность противостоять реальному ужасу в жизни: смерти, потере близких, всякого рода несчастьям и катастрофам.

Некоторое время он носился с идеей создать собственную антологию литературы ужасов. Потом решил, что работа Стивенса достаточно хороша. Пусть его книга остается образцовой, пусть по ней учатся все студенты. Ян слишком многим обязан этому человеку, чтобы пробовать отодвинуть в тень его антологию.

Возможно, более полезным делом будет написание романа.

Частенько, сидя перед экраном невключенного компьютера, он припоминал эпилог романа Стивена Кинга "Сияющий", в котором Уэнди, Денни и Хэллоранн мирно ловят рыбу на берегу озера в глухом райском уголке. И тогда ему мечталось о том, как он купит домик в такой вот деревушке, вдали от шума и суеты городов, и остаток жизни будет ловить рыбку, совершать пешие прогулки по округе – словом, станет по мере сил сливаться с природой...

Но тут он вспоминал об Эленор и возвращался на землю. Конечно, природа и глухомань хороши, да только в романах. Трудно представить себе жизнь с Эленор вдали от города.

Они горожане, у них это в крови.

Против своего характера не попрешь.

Одно дело жить в пригороде, и совсем другое – по-настоящему далеко от цивилизации.

Через две недели после уничтожения университета Эленор переехала к Яну насовсем.

В середине декабря он получил приглашение преподавать в Фуллертонском университете.

А в канун Рождества Ян сделал предложение Эленор. И она согласилась стать его женой.

2

Когда первые страсти улеглись, они все подробно обсудили.

– Мне придется где-то заканчивать образование, – сказал Джим. Он со значением взглянул на Фейт. – Хочешь учиться в Фуллертоне?

Девушка отрицательно мотнула головой.

– Мне не нравится тамошний университет.

– Тогда где? А ты вообще-то хочешь учиться в том же месте, где и я?

Она улыбнулась, кивнула головой и ласково обняла его.

– Разумеется!

Остаток семестра они выбирали приемлемые для обоих университеты как в Калифорнии, так и в Аризоне, а потом разослали прошения о приеме. После этого Фейт гостила у матери Джима в Уильямсе. Спали, они, конечно, в разных комнатах, как и полагается неженатым – чтобы не обидеть мать Джима, которая придерживалась традиционных строгих взглядов.

Но сексом занимались при каждой возможности – вечером в машине, в рощицах по время дневных прогулок, в доме, когда мать Джима куда-нибудь уходила. Джим любил Фейт и она любила его. И все у них было прекрасно... Однако чего-то в их нынешней близости все же не хватало.

Он осознавал, чего именно, но даже себе не хотел открыто признаться в этом. И перед Фейт делал вид, что все отлично и он чертовски счастлив.

На третьей неделе декабря, когда они еще были в Уильямсе, начали приходить письма из университетов, куда они писали. Первым получил сразу три положительных ответа Джим. Два из них он показал Фейт и матери, а о третьем письме промолчал: унес его в сарай и сунул на полку за мешок с минеральными удобрениями. Это был положительный ответ из Уэйкфилдского университета, куда Джим направил письмо втайне от Фейт. Думать о возможности учебы в Уэйкфилдском университете было так же волнующе неприятно, как в конце прошлого лета думать о возвращении в Бреа. Но в этом чувстве проглядывало столько знакомого, что его неприятность имела в себе нечто привычное, почти успокаивающее.

Поздно вечером, когда и мать, и Фейт уже спали, Джим украдкой вышел из дома и направился к сараю.

Там он достал из-за мешка утаенное письмо.

И, держа его в левой руке, начал мастурбировать правой...

На следующий день позвонил Кейт, брат Фейт, и сообщил, что только что вынул из почтового ящика полдюжины писем: положительные ответы из разных университетов.

В том числе и из Уэйкфилдского...

Три университета предлагают гранты.

В том числе и Уэйкфилдский...

Джим опешил, когда узнал об этом.

Фейт прятала глаза.

– А я и не знал, что ты обращалась в Уэйкфилд! – сказал Джим.

Фейт стрельнула глазами в сторону Джима, потом в сторону его матери и ничего не сказала.

Пока мать готовила обед, Джим повел Фейт в сарай и показал ей свое письмо из Уэйкфилдского университета.

– Ну и что мы будем делать? – растерянно спросил он, тяжело вздохнув.

– По-моему, нам не следует учиться в Уэйкфилде... – достаточно твердым тоном сказала Фейт.

– Тогда зачем же ты писала туда?

– А зачем ты писал туда?

Он молчал. Фейт покачала головой.

– Нет, нет и нет. Там слишком опасно учиться...

– Но ведь ты скучаешь по... по ощущениям... Я ведь прав?

Она нервно облизала губы и медленно кивнула.

Джим взял ее прямо там, на занозистых досках пола, грубо, бесцеремонно.

От сотрясения с полки упал садовый совок и острым краем рассек ей лоб. Это было замечательно. Именно то, что нужно. Фейт схватила совок и с силой шлепнула им по ягодицам Джима.

После, запыхавшиеся, усталые, довольные, с кровоточащими ранками по всему телу, они лежали на полу и приходили в себя.

– Мы заражены, – констатировал Джим.

– Да. Но мы справимся с этой заразой.

– Как?

– Поступим в другой университет. Не в Уэйкфилдский.

– Ты думаешь, у нас хватит сил?..

Фейт решительно кивнула. Потом встала, взяла положительный ответ из Уэйкфилда и многозначительно сказала:

– А это мы все-таки сохраним.

Да! Это замечательная мысль и не противоречит совести. Джим довольно улыбнулся, взял из рук Фейт конверт и ласково погладил его.

– Джи-им! Фейт! – раздался голос матери из дома. – Обед готов!

– Мы будем через пару минут! – крикнул Джим. Он спрятал письмо на той же полке. А затем снова потянул Фейт на пол, стал больно шлепать ее по груди. Она схватила его член и начала тискать его и царапать ногтями, так что выступила кровь... Им было хорошо вместе.